ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

III

2026

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@mail.ru
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Research in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гусейнов Юсуп Магомедович – доктор исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary
Anishchenko Elena Aleksandrovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Guseynov Yusup Magomedovich – doctor of science (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Боров А.Х.
Глобальный и национальный (российский)
контекст современного регионального развития **16-60**

Мамсиров Х.Б., Венков А.В., Апажева Е.Х.
Адыго-армянский фактор в русско-турецкой войне 1877–1878 годов
и его современные проекции **61-76**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Камбачоков А.А.
Дискурс реформ: обсуждение преобразований
военно-народных управлений Терской области в документах органов
власти 1860-х годов **77-86**

Дзуганов Т.А.
Развитие предпринимательства в Кабардинском (Нальчикском)
округе в последней трети XIX – начале XX века
(по документам УЦГА АС КБР) **87-104**

Казаков А.А.
Некоторые полномочия нальчикского окружного правления
по учету и контролю за состоянием дорог и мостов в 1880-е годы **105-114**

Бейтуганова З.Х.
Система учреждений по управлению финансами в Терской области
в конце XIX – начале XX века: структура, динамика
и тенденции преобразований **115-125**

Новейшая история

Дириванкина М.С.
Региональная религиозная политика большевиков в 1920–1924 годах
(на примере Кубано-Черноморской области) **126-142**

Яхутль Ю.А.
Зарождение молодёжной организации Адыгеи (РКСМ):
1922–1924 годы **143-152**

Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П.
Политический портрет Владимира Марковича Путнина и роль Бориса Петровича Шеболдаева в его номенклатурном продвижении **153-171**

Хубиев Б.Б., Тамазов М.С., Атабиева З.А., Шоранова З.В.
Историческая память о Великой Победе в контексте битвы за Кавказ **172-198**

Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Абанокова Э.Б., Хатухов А.М.
«Косыгинская» реформа 1965 года:
опыт Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината **199-215**

Такова А.Н.
Мечети Кабардино-Балкарии: особенности функционирования и развития в советский период (1917–1991 годы) **216-229**

Этнология, антропология и этнография

Баразбиев М.И.
Танец в жизни карачаево-балкарской аристократии **230-248**

Мутиева О.С., Алиомарова П.А.
Национальная одежда женщин Дагестана в исторической динамике:
проблема сохранения и развития **249-260**

Корытин Г.С.
Социальные трансформации и политика памяти
в современной Чеченской Республике **261-279**

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Бугай Н.Ф.
70 лет тому назад…
Автономия – Кабардино-Балкарская Республика: история в документах **280-340**

Тумаков Д.В.
Оценки правящего режима Чеченской Республики центральной периодической печатью Российской Федерации (осень 1991 – весна 1992 годов) **341-370**

ФИЛОЛОГИЯ

Русский язык. Языки народов России

Дзыгъуанэ Р.Хь., Уэщро К.В.
Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэм
лексикэ-грамматикэ илъэныкъуэкIэ ягъуэта щхьэхуэныгъэхэр **371-384**

Кетенчиев М.Б.
Адъектив ариу ‘красивый’ в карачаево-балкарском языке: функция, семантика и этнокультурное значение **385-397**

Куров Н.З.
Урупский идиом: формирование, особенности, функционирование на Родине и в турецкой диаспоре **398-410**

Мусуков Б.А., Махиева Л.Х.
О номинации растений в карачаево-балкарском и кумыкском языках **411-423**

Ульбашева З.М.
Гастрономическая метафора в концептуализации мира (на материале карачаево-балкарского языка) **424-432**

Хуранова Л.А.
Концепт «Сабиигъуэ» ‘Детство’ в кабардино-черкесской этнокультуре **433-441**

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Аликаев Р.С.
Вильгельм Прёле и фонетическая картина черекского диалекта **442-454**

Воробьев С.М.
Паттерны солидарности: ассоциативные корреляты языка согласия в поликультурной молодежной среде Северного Кавказа **455-469**

Хараева Л.Х.
Семантическая структура глаголов интеллектуальной деятельности (на материале русского и кабардино-черкесского языков) **470-480**

Хашхожева З.Т., Бозиев А.Т.
Типология односоставных предложений и особенности их перевода (на примере русского, английского и кабардино-черкесского языков) **481-496**

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Базиева Г.Д.
Государственная национальная библиотека имени Т.К. Мальбахова как научно-информационный центр **497-506**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Басангова Т.Г.
Рецензия на книгу «Аккочкарова (Санджиева) Г.М. устное народное творчество ставропольских туркмен: пословицы, поговорки, сказки, песни / автор-составитель Г.М. Аккочкарова (Санджиева); вступительное слово, составление, словарь.
– Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2025. – 288 с.» **507-510**

Наши авторы **511-515**

CONTENTS

COMMON PROBLEMS

Borov A.Kh.
Global and national (Russian) context of current regional development **16-60**

Mamsirov Kh.B., Venkov A.V., Apazheva E.Kh.
The adygo-armenian factor in the russo-turkish war of 1877–1878 and its modern implications **61-76**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Kambachokov A.A.
Discussing the Transformation of Military People's Administrations in the Terek Region in the Documents of Government Bodies of the 1860s. **77-86**

Dzughanov T.A.
The development of entrepreneurship in the Kabardian (Nalchik) District in the late 19th and early 20th centuries (based on documents from the UCGA AS KBR) **87-104**

Kazakov A.A.
Some Powers of the Nalchik District Administration in Monitoring and Accounting for the Condition of Roads and Bridges in the 1880s. **105-114**

Beituganova Z.Kh.
The system of financial management institutions in the Tersk region at the end of the XIX – beginning of the XX century: structure, dynamics and trends of transformations **115-125**

Contemporary history

Dirivyankina M.S.
Regional religious policy of the Bolsheviks in 1920-1924 (using the example of the Kuban-Black Sea region) **126-142**

Yakhutl Y.A.
The origin of the youth organization of Adygea (RKSM): 1922–1924 **143-152**

Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P.
The Political Portrait of Vladimir Markovich Putnin and the Role of Boris Petrovich Sheboldaev in his Nomenclature Promotion **153-171**

Khubiev B.B., Tamazov M.S., Tabieva Z.A., Shoranova Z.V.
Historical memory of the Great Victory in the context of the battle for the Caucasus **172-198**

Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Abanokova E.B., Khatukhov A.M.
Experience of the "Kosygin" reform at the Tyrnyauz Mining and Metallurgical Combination **199-215**

Takova A.N.
Mosques of Kabardino-Balkaria: features of functioning and development in the Soviet period (1917–1991) **216-229**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Barazbiev M.I.
Dance in the life of the Karachay-Balkar aristocracy **230-248**

Mutieva O.S., Aliomarova P.A.
The national dress of Dagestan women in historical dynamics: the problem of conservation and development **249-260**

Korytin G.S.
Social transformation and the politics of memory in modern Chechnya **261-279**

Historiography, source studies, methods of historical research

Bugay N.F.
70 years ago…
Autonomy – Kabardino-Balkarian Republic: history in documents **280-340**

Tumakov D.V.
Assessments of the Ruling Regime of the Chechen Republic by the Central Periodical Press of the Russian Federation (Autumn 1991 – Spring 1992) **341-370**

PHILOLOGY

Russian language. Languages of the peoples of Russia

Dzuganova R.Kh., Oshroeva K.V.
Lexical and grammatical features of some loanwords from Turkish into Kabardino-Circassian **371-384**

Ketenchiev M.B.
Adjective ariu ‘beautiful’ in karachay-balkar language: function, semantics, and ethnocultural meaning **385-397**

Kurov N.Z.
The urup idiom: formation, structure, features in the homeland and in the turkish diaspora **398-410**

Musukov B.A., Makhieva L.Kh.
About the nomination of plants in the Karachay-Balkar and Kumyk languages **411-423**

Ulbasheva Z.M.
Gastronomic metaphor in the conceptualization of the world (based on the Karachay-Balkar language) **424-432**

Khuranova L.A.
The concept of "sabiigue" ‘childhood’ in the Kabardian-Cherkessian ethnoculture **433-441**

Theoretical, applied and comparative linguistics

Alikaev R.S.
V. Pröhle and the phonetic profile of the cherek dialect **442-454**

Vorobiev S.M.
Patterns of solidarity: associative correlates of the language of consent in the multicultural youth environment of the North Caucasus **455-469**

Kharaeva L.Kh.
Semantic structure of verbs of intellectual activity (based on the Russian and Kabardian-Cherkessian languages) **470-480**

Khashozheva Z.T., Boziev A.T.
Typology of one-member sentences and peculiarities of their translation (on the example of Russian, English and Kabardian-Cherkessian languages) **481-496**

ART HISTORY AND CULTUROLOGY

Theory and history of culture and art of Caucasus peoples

Bazieva G.D.
State National Library named after T.K. Malbakhov as a scientific and information center **497-506**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Basangova T.G.
Review of the book “G.M. Akkochkareva (Sandzhieva), Oral Folk Art of the Stavropol Turkmens: Proverbs, Sayings, Fairy Tales, Songs / Author and Compiler G.M. Akkochkareva (Sandzhieva); Foreword, Compilation, Dictionary. – Elista: Autonomous Institution of the Republic of Kalmykia “RIA ‘Kalmykia’”, 2025. – 288 p.” **507-510**

Our Authors **511-515**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная статья
УДК 93/94(470.6)+314.1+338+327
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60
EDN: AKIMGC

ГЛОБАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ (РОССИЙСКИЙ) КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аслан Хажисмелович Боров
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8396-6422

Аннотация: Один из северокавказских регионов – Кабардино-Балкарская Республика со всем комплексом своих исторически сложившихся социоэкономических и социокультурных характеристик вместе со всей страной, входит в «эпоху грандиозных перемен». Этим обусловлен выбор предмета исследования и содержание предлагаемой статьи – анализ процессов глобального и национального (российского) уровня, которые формируют общий контекст современного развития Кабардино-Балкарии, и с большой вероятностью будут определять условия ее существования на горизонте 10-15 ближайших лет. Прежде всего, это развитие информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект, и основанная на них четвертая промышленная революция. Россия не может не включиться в глобальную научно-технологическую гонку, но она имеет неблагоприятные стартовые позиции. Серьезным сдерживающим фактором экономического прогресса страны выступает демографический переход. И отставание в научно-технологической сфере, и демографические проблемы имеют геополитическое измерение. Идет трансформация миропорядка, и Россия не может уклониться от роли одного из центров в его новой конфигурации. При этом, независимо от меры включения территории региона в процессы современного развития, его основные тенденции будут определять структуру возможностей для каждого члена регионального социума. Эта ситуация порождает двойной вызов для региональных властей и общества. Во-первых, внешние (геополитические) препятствия и внутренние (ресурсные) ограничения для активной государственной политики регионального развития повышают ответственность и роль самого региона в достижении ее целей. Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях «вынесения» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия несет угрозу дезинтеграции традиционных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности. Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, глобальные мегатренды, инновации, развитие, культурно-историческая идентичность.

Для цитирования: Боров А.Х. Глобальный и национальный (российский) контекст современного регионального развития // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 16-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60. EDN: AKIMGC.

© Боров А.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

GLOBAL AND NATIONAL (RUSSIAN) CONTEXT OF CURRENT REGIONAL DEVELOPMENT

Aslan Kh. Borov
Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8396-6422

Abstract. One of the North Caucasus regions, the Kabardino-Balkarian Republic, with its entire complex of historically established socioeconomic and sociocultural characteristics, along with the entire country, is entering an "era of monumental change." This motivates the choice of research subject and the content of this article—an analysis of global and national (Russian) processes that shape the overall context of Kabardino-Balkaria's contemporary development and will likely shape its existence over the next 10-15 years. Primarily, this is the development of information and communications technologies, including artificial intelligence, and the fourth industrial revolution based on them. Russia is inevitably joining the global scientific and technological race, but it has an unfavorable starting position. The demographic transition is a serious constraint on the country's economic progress. Both the scientific and technological lag and demographic challenges have geopolitical dimensions. The world order is undergoing a transformation, and Russia cannot avoid its role as one of the centers in its new configuration. At the same time, regardless of the extent to which a region's territory is integrated into contemporary development processes, its fundamental trends will determine the structure of opportunities for each member of regional society. This situation poses a dual challenge for regional authorities and society. First, external (geopolitical) obstacles and internal (resource) constraints on proactive state policy for regional development increase the region's own responsibility and role in achieving its goals. Second, adaptation to the modern evolutionary process through individual innovative behavior, in the context of social relations are being "lifted out" from local contexts of interaction, poses the threat of disintegration of traditional sociocultural systems, a disruption in the historical continuity of their existence, and a loss of identity. This is a fundamental aspect of the problem of the interaction between tradition and innovation in the contemporary development of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, global megatrends, innovations, development, cultural-historical identity.

For citation: Borov A.Kh. Global and national (Russian) context of current regional development. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 16-60. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-16-60. EDN: AKIMGC.

© Borov A.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Место текущей современности в российском историческом процессе определяется диалектическим совмещением в ней двух экзистенциально значимых потребностей: потребности в устойчивом поддержании своей культурно-исторической идентичности и потребности в эффективном развитии, выходе на авангардные позиции в глобальном экономическом и научно-технологическом прогрессе.

Выступая на заседании Валдайского клуба 21 октября 2021 г. В.В. Путин говорил о разворачивающейся в настоящее время эпохе «грандиозных перемен», о том, что «мы в ней уже живём, хотим мы того или нет, и перемены эти всё

глубже, всё фундаментальнее», что «трансформация, свидетелями и участниками которой мы являемся, иного калибра, чем те, что неоднократно случались в истории человечества, во всяком случае из тех, что мы знаем» [Заседание… 2021]. А заседание Совета безопасности РФ 10 июня 2025 г. было посвящено вопросам совершенствования государственной политики в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В своем выступлении Президент подчеркивал, что это тема «крайне значимая и актуальная», напрямую связанная с обеспечением «преемственности нашего развития как государства, народа, общества», поскольку традиционные ценности – это «нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий» [Заседание Совета… 2025]. И уже через три недели, 3 июля того же года на Форуме Агентства стратегических инициатив речь шла о предстоящем колоссальном шаге вперед, о запуске нового этапа технологического развития, который «должен в полном смысле слова стать новым временем для России» [Форум… 2025].

Данные положения приведены не для формального обоснования «актуальности» предлагаемого исследования. Главное, о чем они говорят – это наличие определенных проблем современного развития страны. И весьма важно, что вышеозначенные вопросы выносятся руководством страны в публичное пространство – это еще одно свидетельство того, что современное развитие России характеризуется рефлексивностью. В психологии личности используется понятие *временнАя перспектива*, обозначающее полную совокупность существующих в данный момент времени представлений индивидуума о своём психологическом будущем и психологическом прошлом [Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025]. В структуре личности они могут присутствовать неосознанно. Но современное общество не может себе позволить «неосознанного» функционирования. Э. Гидденс, на мой взгляд, убедительно показал, что фундаментальное отличие современного общества от традиционного не сводится к присущей ему «тяге к новому». Скорее оно характеризуется презумпцией всеобъемлющей рефлексивности, которая включает в себя и рефлексию о природе самой рефлексии [Giddens 1990: 39]. Рефлексивность – это способность и готовность общества к постоянному критическому анализу, переоценке и трансформированию собственных институтов и практик в ответ на новые условия существования и новое социально-научное знание. Всеобъемлющая рефлексивность с необходимостью приобретает региональное и историческое измерения, поскольку в пространстве она охватывает социокультурное многообразие территориальных единиц общества, а во времени соотносит прошлое и настоящее.

Предлагаемая статья выросла из размышлений автора о перспективах одного из северокавказских регионов – Кабардино-Балкарской Республики в глобальном и национальном российском контекстах современного развития. Регион со всем комплексом своих исторически сложившихся социоэкономических и социокультурных характеристик вместе со всей страной, входит в «эпоху грандиозных перемен». Тем самым релятивизируется граница между прошлым и настоящим, и их понимание опосредуется видением желаемого будущего. Фундамен-

тальная основа единства прошлого и настоящего состоит в том, что каждый данный момент в истории характеризуется определенным взаимодействием традиций (прошлого) и инноваций (будущего), а результаты этого взаимодействия выступают как движение истории в том или ином направлении. Этим взаимодействием определяются сегодня координаты актуальной ситуации в региональном историческом времени и координаты региона в переживаемом современной Россией историческом времени.

Время прошлого нам уже известно как динамичное, заполненное явлениями и событиями. Причинно-следственные связи между ними не обрываются в какой-то момент, а продолжают действовать и сегодня, прошлое как бы сливается с настоящим [Савельева, Полетаев 1997: 96]. Поэтому время прошлого познаваемо и в значительной мере познано исторической наукой. Это знание может быть синтезировано в обобщающем историческом нарративе как единый и продолжающийся эволюционный процесс. Эволюционный подход к интерпретации регионального исторического процесса привел к заключению, что его структура в XXI в. та же, что в XIX и XX вв. Суть ее в том, что ключевым механизмом социально-культурной эволюции этнических обществ региона является адаптация к внешним условиям их существования [Боров 2025].

Вся история кабардинцев и балкарцев XV-XVIII вв. – это история освоения и хозяйственного использования ими физического пространства Центрального Кавказа, утверждения и поддержания их феодальными элитами устойчивого положения этнических обществ в социально-политическом пространстве Кавказа. Это была фаза специфической эволюции. В процессе адаптации к природно-географическим и социально-политическим условиям среды сложились своеобразные характеристики хозяйственной, социальной и потестарно-политической организации исторической Кабардино-Балкарии как этно-социо-территориального образования.

Вся история региона с конца XVIII в. – это история того, как изменения в окружающей среде воздействовали, воспринимались и отражались в эволюции традиционных социальных систем народов Кабардино-Балкарии. На протяжении 250 лет вплоть до настоящего времени региональный социум перманентно сталкивается с необходимостью адаптации не к статичным условиям неизменной среды, а именно к ее изменениям, к инновациям. Траектория адаптационного процесса развертывалась от первоначальной коллизии этносоциальной традиции и имперского государственного порядка – к привыканию и освоению его норм, а затем – к соразвитию, *к синхронизации времени мирового и времени местного*. К концу советской эпохи инновации получают преимущество перед традицией в массовом сознании и массовых социальных практиках. Общество выходит на траекторию общей социальной эволюции, а в перспективе – и эндогенной модернизации. Перспектива эндогенной модернизации региона была радикально подорвана глубоким кризисным спадом и деиндустриализацией экономики 1990-х гг., но возвращения в архаику, к «до-современному» традиционному обществу не произошло. Состояние социальной и научно-образовательной инфраструктуры, показателей человеческого развития и социокультурных установок массы населения позволяет считать, что в Кабардино-Балкарии возможна реализация

стратегии модернизации, интегрирующей направления и формы обеих ее стадий – первичной, индустриальной и вторичной, информационной. Таков реальный эволюционный итог развития Кабардино-Балкарии к началу XXI столетия. Но настоящее обретает свой смысл в его соотнесении не только с прошлым, но и с будущим.

Время будущего еще лишено конкретного наполнения и в этом смысле – «закрыто» для нас. Связь будущего с настоящим может быть раскрыта в субъективной перспективе – как проекция целей и воли социального субъекта, или/и в объективной перспективе – как совокупность факторов и тенденций, формирующих внешнюю для социального субъекта среду, условия его существования. Тем самым устанавливается взаимосвязь «пространства опыта» (space of experience) с «горизонтом ожиданий» (horizon of expectation) [Koselleck 2004: 255-276]. Уже сегодня очевидны два обстоятельства, свидетельствующие, что будущее «фактически уже здесь». Во-первых, глобальный/общий эволюционный процесс – научно-технологический, экономический, социальный, культурный – ускоряется. Во-вторых, это происходит в условиях, когда Российское общество открылось для того, что Э. Гидденс назвал «пространственно-временной дистанциацией», т.е. «вынесением» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их функционированием в неограниченных пространственно-временных масштабах [Giddens 1990: 17-29]. Эти обстоятельства определяют масштаб и глубину исторического вызова, встающего перед Кабардино-Балкарией как российским регионом.

Впервые в истории глобальная инновационная динамика предъявляет прямые, непосредственные требования к научно-технологическому, экономическому и культурно-идеологическому «оснащению» региона. Соизмеримое с ней инновационное развитие – это условие сохранения (или обретения) регионом достойного места в стране, а страной – достойного места в мире.

Во внутригосударственном плане историческая новизна заключается в том, что несмотря на внешнее давление и угрозы, Российское государство сохраняет свою демократическую природу. Таким образом, гражданское сообщество Кабардино-Балкарской Республики имеет принципиальную возможность выступить как зрелый социально-политический субъект инновационных научно-технологических и экономических, а равно и демократических политических практик, способствующих успешному решению общенациональных задач. Это не благопожелание, а требование исторического момента. Разработка стратегий и программ социально-экономического и научно-технологического развития регионов уже официально вменяется в обязанность субъектов федерации.

Чтобы такого рода документы не остались формальным техническим дополнением к рутинным управленческим практикам, чтобы регион обрел способность включиться в инновационную динамику в качестве ее активного и эффективного субъекта, в нем прежде всего должна реализоваться функция интеллектуального освоения актуальной реальности, в которой он находится – глубокая социальная рефлексия, формирование подлинно стратегического в*и*дения объективных возможностей и ограничений собственного развития.

Имеет ли смысл подобная рефлексия для небольших регионов, не располагающих ресурсами для лидерства или существенного влияния на общенациональные социально-экономические процессы? Имеет, как минимум, по двум основаниям. Во-первых, республика не может себе позволить оказаться «слабым местом» государственного пространства в условиях геополитического давления со стороны Запада, несущего угрозу суверенитету и целостности России. Во-вторых, трезвое и глубокое видение реальностей окружающего мира для малых сообществ, если они стремятся хоть как-то влиять на свою судьбу, имеет не меньше смысла, чем для сверхдержавы, стремящейся влиять на судьбы мира.

Первый шаг в этом направлении – это фиксация важнейших глобальных тенденций развития, второй шаг – это фиксация отражения основополагающих тенденций в непосредственных условиях регионального развития – в экономике и политике российского государства.

Этим обусловлен выбор предмета исследования и содержание предлагаемой статьи – анализ процессов глобального и национального (российского) уровня, которые формируют общий контекст современного развития Кабардино-Балкарии, и с большой вероятностью будут определять условия ее существования на горизонте 10-15 ближайших лет.

1. Сквозные линии современного развития (мегатренды)

1.1. Понятие мегатрендов

Характерной чертой практики истолкования современного этапа мирового развития в социально-научной мысли является указание на его рубежное значение, предваряющее глубокие качественные изменения практически во всех сферах общественной жизни – в науке и технологиях, экономике и образе жизни, в политике и культуре; охватывающих все уровни организации человеческого общества – глобальный, национально-государственный, региональный и локальный. Одним из понятий, обозначающих наблюдаемые сегодня явления и процессы, которые позволяют предвидеть будущее, стало понятие *мегатрендов*. Оно вошло в обиход с начала 1980-х гг. после выхода в свет книги Джона Нейсбитта (1929-2021) «Мегатренды: десять новых направлений, преобразующих нашу жизнь» [Нейсбитт 2003 (1982)], ставшей бестселлером. Она суммировала новые явления в технологиях, экономике, образе жизни, политике Соединенных Штатов Америки, явственно обозначившиеся на протяжении 1970-х гг. В 1990 г. Дж. Нейсбитт в соавторстве с женой, Патрисией Абердин, издал новую книгу, посвященную уже глобальным мегатрендам предстоящего десятилетия [Naisbitt, Aburdene 1990]. В ней было формально определено их понимание мегатрендов. Мегатренды это «*масштабные социальные, экономические, политические и технологические изменения»;* это явления, которые не появляются и не исчезают вдруг – они формируются медленно, и, однажды закрепившись, оказывают свое влияние в течение некоторого времени – от семи до десяти лет, а то и дольше [Naisbitt, Aburdene 1990: XVII-XVIII].

В понимании австралийского исследователя Стефана Хайковича мегатренд – это «*глубинная траектория социальных, экономических, экологических или*

технологических изменений, происходящих в течение ближайших десятилетий», причем поначалу изменения происходят постепенно, «но затем проявятся с взрывной силой» [Hajkowicz 2015: 14].

Российские авторы В. Егоров и В. Штоль предложили свое прочтение актуального состава и характера мегатрендов – *основных глобальных процессов, форматирующих направления цивилизационного развития*, – которые следует отличать от, хотя и четко проявляющихся, но все же тенденций, относящихся к конкретной социальной политической или иной локации (территориальной или отраслевой) [Егоров, Штоль 2023: 64].

Организаторы программы Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста» в Национальном центре «Россия» определяют мегатренды как «*ключевые тенденции, определяющие траекторию мирового развития в ближайшее десятилетие*»[1].

Группа авторов, представляющих Австралийское правительственное агентство, отвечающее за научные исследования и их коммерческое и промышленное применение, осуществила обзор литературы о мегатрендах, появившейся в течение сорока лет (1982-2022), и суммировала присутствующие в ней характеристики этого явления как предварительное условие выработки общепринятого определения. Эти характеристики можно объединить в три кластера, отмеченные определенной внутренней диалектикой:

1. Для мегатрендов характерны продолжительность, масштаб и интенсивность воздействия, что противопоставляет их (просто) трендам, которые более кратковременны и оказывают меньшее влияние на общество в целом.

2. Мегатренды выступают как глобальные факторы изменений, которые, вероятно, повлияют на значительные сегменты человечества, охватывая политические, экономические, социальные, экологические или технологические изменения, но наряду с этим мегатренды применяются для изучения явлений на национальном уровне или микроэкономическом уровне (например, в конкретной отрасли, регионе, сфере или дисциплине).

3. Мегатренд трактуется не как предсказание или прогноз будущего, а оценка, основанная на текущих данных, или инструмент, помогающий людям выявлять более масштабные движения, что предполагает взаимосвязь и взаимное влияние мегатрендов друг на друга [Naughtin et al. 2024].

1.2. Номенклатура мегатрендов: обзор

Набор явлений, идентифицируемых как мегатренды, насчитывает в разных работах от пяти до двадцати пяти. Их состав зависит, в том числе, от направленности авторского интереса. Кроме того, зачастую одни и те же процессы получают у разных авторов различные обозначения. Анализ этих нюансов и выработка «правильного» списка мегатрендов не входят в круг задач данной работы, но привести несколько примеров в иллюстративных целях необходимо.

[1] Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov (дата обращения 07.02.2026).

В основополагающей работе Дж. Нэйсбитта речь шла о десяти мегатрендах, которые он назвал «критическими направлениями перестройки» американского общества: от индустриального общества к информационному; от форсированной технологии (forced technology) к соединению технического прогресса с душевным комфортом (high tech/high touch); от национальной к мировой экономике; от краткосрочной к долгосрочной ориентации; от централизации к децентрализации; от упования на помощь институтов к опоре на свои силы; от представительной демократии к демократии участия; от иерархических структур к неформальным сетям; от севера к югу (США); от определения выбора в терминах или/или к свободному обществу с многовариантным поведением [Нейсбитт 2003 (1982): 8-9]. В книге 1990 г. Дж. Нейсбитт и П. Абердин в качестве «кандидатов» на роль «наиболее важных и всеобъемлющих трендов» предложили: глобальный экономический бум в 1990-е; возрождение искусств; возникновение рыночного социализма (free-market socialism); формирование универсального образа жизни и подъем культурного национализма; приватизацию государства благосостояния; возвышение тихоокеанского региона; десятилетие женского лидерства; век биологии; религиозное возрождение в новом тысячелетии; триумф индивидуальности [Naisbitt, Aburdene 1990: XIX].

С. Хайкович в работе 2015 г. идентифицировал семь мегатрендов, дав им образные и метафорические названия.

1. «Больше из меньшего» – *ограниченность ресурсов и превращение поиска способов делать больше из меньшего* в основополагающую задачу.

2. «Уходит, уходит… исчез?» – *беспрецедентные проблемы, стоящие перед биоразнообразием мира*.

3. «Шелковое шоссе» – *быстрый экономический рост и урбанизация в развивающихся странах* в ближайшие десятилетия перестроят мировую экономику и изменят образ жизни.

4. «Вечно молодой» – *старение населения мира*, рост хронических заболеваний и повышение риска инфекционных заболеваний в условиях большей мобильности населения требует больших инноваций в здравоохранении и структуре рабочей силы.

5. «Фактически (уже) здесь» – *информационные технологии* уже изменили образ жизни, работы и развлечений людей, но это только начало, в ближайшие десятилетия и столетие произойдут более глубокие и значительные изменения в бизнес-моделях, информационных потоках и взаимодействии между людьми.

6. «Большие надежды» – растущие ожидания общества и потребителей от *возможности приобретать новый опыт*, в противовес материальным товарам. Аутентичность, дружелюбие и персонализация являются важными характеристиками искомого опыта.

7. «Императив инноваций» – ускорение технологического прогресса и *важность инноваций*, движение к миру, где человеческие инновации делают (почти) всё возможным [Hajkowicz 2015: 36-40].

Основатель и, до недавнего времени, председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб рассматривает в качестве мегатрендов 12 технологи-

ческих инноваций, выступающих драйверами четвертой промышленной революции, объединив их в четыре группы: 1) Расширение цифровых технологий (новые вычислительные технологии, технологии блокчейна и распределенных информационных систем, «интернет вещей», т.е. сети передачи данных между физическими объектами); 2) преобразование физического мира (искусственный интеллект и робототехника, передовые материалы, аддитивные технологии и многомерная печать); 3) изменение человека (биотехнологии, нейротехнологии, виртуальная и дополненная реальность); 4) интеграция с окружающей средой (сбор, хранение и передача энергии, геоинженерия, космические технологии) [Schwab, Davis 2018].

Отталкиваясь от разработок Дж. Нейсбитта, В. Егоров и В. Штоль дополняют их представлениями о многоуровневом, системном и диалектическом характере актуальных мегатрендов. В каждом мегатренде присутствуют противоположные векторы, столкновение которых представляет собой источник нелинейного развития планетарной цивилизации [Егоров, Штоль 2023: 65, 66].

1. *Глобализация*. Она занимает центральное место в иерархии мировых трансформаций. Но одновременно с этим наблюдается возрастание роли территориальных и региональных сообществ, т.е. *регионализация***.**

2. *Демократизация* – глобальный процесс децентрализации и расширения круга субъектов, активно влияющих на планетарную реальность. Ее диалектическая противоположность – *централизация*, проистекающая из включенности всех живущих на планете в систему доминирующих социально-экономических отношений.

3. С*тановление информационного общества,* инициированный *информационно-коммуникационной революцией* (ИКР). Цифровизация создает качественно новый, когнитивный потенциал человечества, вершину которого составляет искусственный интеллект. Диалектическая противоположность этого мегатренда – стремление сил модерна сохранить архитектуру мироздания, основанную на фундаменте финансового доминирования узкого круга мировой элиты.

4. *Процесс демассификации социумов*, обретение индивидуальным носителем уникального набора знаний и информации – субъектности в планетарном социальном процессе. Но одновременно нарастающая *глобальная универсализация,* унификация культурных и потребительских моделей поведения и обретения национальными сообществами черт всеобщности.

5. Осознание необходимости движения по пути *построения регенеративной среды обитания,* встраивания экономики и потребления в природные циклы. Но одновременно – стремление к полной реализации индивидуальных потребностей, распространения своей власти на себе подобных и природу в целом [Егоров, Штоль 2023: 67-74].

Заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации М.С. Орешкин, выступая в Национальном центре «Россия» 30 января 2026 г., выделил пять мегатрендов эпохи глобальной трансформации, оговорив что в каждом из мегатрендов присутствует отпечаток искусственного интеллекта.

1. Глобализация. Модель последних десятилетий подошла к концу. Большая семерка теряет позиции, БРИКС поднимается. Доля семерки в населении 10 % и

к этому придет их доля в экономике. В глобальном ландшафте появляются новые акторы: социальные сети, криптовалюты. Глобализация становится пространством взаимодействия суверенных акторов. Три уровня суверенитета: государственный, общественный, социально-экономический. Полюсами могут стать только полностью суверенные страны и объединения.

2. Платформизация глобальной экономики и новый уровень автономности. Эволюция идет от автоматизации процессов через цифровизацию к автоматизации институтов (прежде всего рыночных). Цифровые платформы в отличие от компаний не имеют экономических пределов роста. Монополизация ими отдельных рынков может вести к «технологическому (цифровому) феодализму». Платформизация охватывает все сферы, и кто осуществит ее быстрее, тот выиграет. Будет происходить платформенная колонизация стран – пользователей платформ. Разработка собственных платформ – это вопрос суверенитета.

3. Закат традиционных финансов. Пределы накопления долга уже видны. Накопление долга имеет другой стороной накопление активов. Но накопление активов очень неравномерное. В США в 1990-е 1 % владел 22 %, активов, а сейчас – больше 30 %. Нынешняя мировая финансовая система очень затратна. Санкции отключают систему платежей через ключевые западные банки. Новые инструменты – блокчейн, ИИ, платформенные решения будут менять финансовую систему. Изменятся соотношение и функции центральных банков, коммерческих банков и бюджета.

4. Приближение пика численности населения и последующая демографическая катастрофа – депопуляция. Сокращение населения развитых стран изменит экономический ландшафт. Старение населения влечет за собой рост демографической нагрузки и сопутствующие проблемы. Актуализируется проблема активного долголетия.

5. Развитие человеческого капитала в новую технологическую эпоху. Рынок труда меняют: внедрение автономных систем; цифровые платформы и цифровая занятость; ИИ меняет структуру профессий; биотехнологии важны на фоне старения населения. Кардинально меняется образование под влиянием ИИ, и в негативном, и в позитивном смысле. Главным требованием к человеку становятся адаптивность, способность учиться и меняться вместе с современными технологичными инструментами в течение всей жизни[1].

1.3. Мегатренды как вызов для обществ и людей

Очевидно, что по отношению к любому отдельно взятому обществу мегатренды выступают как могущественные и комплексные многосторонние явления и процессы, которые не поддаются политическому или административному контролю и вызывают неоднозначные последствия.

Так, согласно К. Швабу, четвертую промышленную революцию как самостоятельное явление формируют следующие черты:

[1] Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov (дата обращения 07.02.2026).

Темпы развития. В отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами.

Широта и глубина. Она основана на цифровой революции и сочетает разнообразные технологии, обусловливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме в каждой отдельной личности. Она изменяет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, «кем» мы являемся.

Системное воздействие. Она предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем по всем странам, компаниям, отраслям и обществу в целом [Шваб_2016: 9].

Противоречивы последствия развития ее различных элементов. Новые формы цифровых медиа все больше определяют индивидуальные и коллективные представления об обществе и сообществе. Но существование большого числа средств массовой информации, доступных по цифровым каналам, может привести к сужению и поляризации личных источников новостей, негативно повлиять на процесс принятия решений и создать угрозу для гражданского общества. Другой пример: технологии будут все более наделять граждан полномочиями, давая им новый способ выражать свои мнения, координировать усилия и, возможно, находить пути для обхода государственного надзора, но они же могут привести к усилению надзора и чрезмерной власти государственных органов благодаря новым технологиям наблюдения [Шваб 2016: 56, 75, 76].

И все же главный вызов, который мегатренды бросают обществу и человеку – это вызов обладания знаниями и компетенциями, понимания, ориентации в реальности. Упомянутый выше австралийский исследователь С. Хайкович сформулировал принцип отношения к мегатрендам: «Изменения, предвещаемые мегатрендами, находятся вне нашего прямого контроля, но не вне нашего влияния. Если мы можем читать мегатренды, мы можем изменить свою судьбу. Подобно океанским течениям, социальные, экономические, политические, технологические и экологические движущие силы глобальных изменений – мегатренды – являются мощными силами. Они постоянно действуют, перестраивая наш мир. Игнорируя эти силы, мы вредим себе, а если пытаемся плыть прямо против них, как правило, терпим неудачу. Но мы также терпим неудачу, если позволяем этим силам нести нас туда, куда они захотят. Чтобы достичь лучшего, нам нужно читать течения и предвидеть вероятные пункты назначения. Затем нам нужно разработать и реализовать стратегию. Стратегия включает в себя те действия, которые дают нашей компании, сообществу, обществу или нам самим наилучшие шансы на достижение наших целей и желаемого результата» [Hajkowicz 2015: 14].

Касаясь стратегий заинтересованных сторон в условиях четвертой промышленной революции, К. Шваб ставит на первое место: для правительств внедрение гибких подходов к управлению; и для бизнеса – учиться на практике, экспериментировать и инвестировать в людей. Для целей этой работы наибольший интерес представляют предлагаемые им стратегии для людей или для каждого человека И здесь на первое место он ставит «изучение, экспериментирование и видение», т.е. проникновение в новые технологии и размышление о том, какое бу-

дущее мы хотим создать, о том, как технологии и сообщества будут взаимодействовать в будущем. Это необходимо, чтобы люди могли быть политически активны – реагировать на то, как разрабатываются и внедряются технологии, занимать позицию и высказывать свое отношение. И именно это он рекомендует как вторую стратегию – Be political [Schwab, Davis 2018].

Важность обладания компетенциями в сфере мегатрендов подчеркивает в предисловии к российскому изданию книги К. Шваба Президент и председатель Правления ПАО Сбербанк Герман Греф. Он предупреждает, что четвертая промышленная революция окажет кардинальное влияние на всю структуру мировой экономики, и, если мы (Россия) хотим быть среди ее лидеров, мы должны понимать, в каком направлении будет происходить технологическое развитие в ближайшие годы, и какие прорывные инновации ожидают нас в будущем [Шваб 2016: 7].

Представляется, что необходимым шагом к пониманию характера вызовов, которые ставит перед обществом и государством России развитие мегатрендов является выделение в их ряду мегатрендов первого и второго порядка, т.е. базовых и производных, определяющих и результирующих.

На мой взгляд, *к мегатрендам первого порядка* можно отнести те из них, которые, во-первых, формируют и возможности, и труднопреодолимые объективные препятствия для наращивания конкурентных преимуществ и ресурсов (экономических, военно-политических и культурных), определяющих место той или иной страны в мире, а во-вторых, вызывают комплексные изменения в обществе, трансформирующие его социальную структуру, образ жизни и ценностные ориентации людей. Сюда относятся: 1) Развитие информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект, и основанная на них четвертая промышленная революция. 2) Демографический переход, старение населения и депопуляция развитых стран и регионов мира, миграции и усложнение состава населения; 3) Современный этап глобализации и перестройка миропорядка, выступающие для каждой отдельной страны как объективная реальность.

Мегатренды второго порядка отражают эти фактически происходящие *внешние* для стран и регионов геополитические сдвиги и *внутренние* для каждой страны социетальные сдвиги. Сюда можно отнести: 1) качественные изменения моделей труда и потребления, всего образа жизни; 2) демассификацию, индивидуализацию как ведущий тренд изменения социальной структуры и социальных практик; 3) становление новых форм социального неравенства; 4) платформизацию, как вектор изменений структуры бизнеса и социальных взаимодействий; 5) «императив инноваций» – необходимость открытости, гибкости, динамизма в бизнесе, государственной политике и индивидуальной жизнедеятельности, чтобы непрерывно приспосабливаться к радикальным изменениям и осваивать возможности, которые несет ускорение технологического прогресса.

2. Мегатренды как условия и факторы современного развития России

2.1. Стартовые позиции в технологической гонке

В стремлении получить лучшие шансы для достижения своих целей Россия имеет на сегодня неблагоприятные стартовые позиции из-за отставания в научно-технологической сфере. Это отставание обозначилось давно, и задачи ускорения научно-технологического развития ставились с начала 1970-х гг. В 2016 г. была принята «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [Указ… 2016]. В феврале 2024 г. утверждена обновлённая версия Стратегии [Указ… 2024]. Оба документа были подвергнуты критическому анализу [Комков 2019; Семёнов 2024]. Н.И. Комков интерпретировал сформулированные в Стратегии-2016 «большие вызовы» как «накопленные системные ошибки и несвоевременно разрешенные проблемные ситуации, обусловленные *технологическим отставанием и неэффективным управлением* в период перехода от планово-директивной к рыночной экономике», и указывал на расплывчатость обозначенных в Стратегии конечных результатов их устранения [Комков 2019: 85]. По оценке Е.В. Семёнова, Стратегия-2024 уклоняется от четкой фиксации отставания России от мировых технологических лидеров, а все задачи, как и в Стратегии-2016, поставлены в модальности «сформировать», «создать» и «способствовать формированию». Отсюда следует, что за прошедшие (с 2016 г.) восемь лет ничего не создано и не сформировано, как и восемь лет назад это ещё только предстоит сделать [Семёнов 2024: 59]. «Россия явно оказалась за пределами ядра игроков постиндустриальной глобальной экономики, обладающих контролем над транснациональным полем и способных его эксплуатировать», – констатируют авторы статьи об эволюции концепций инновационной политики [Коннов, Талагаева 2023: 42].

Эти оценки формально подтверждаются международными рейтингами инновационного развития. Осенью 2025 г. представлен 18-й выпуск Глобального инновационного индекса, издаваемого с 2007 г. Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) совместно с целой сетью академических и корпоративных партнеров, включая российский НИУ ВШЭ [Global Innovation… 2025].

Глобальный инновационный индекс содержит результаты сопоставительного анализа инновационных систем 139 стран и их рейтинг по уровню инновационного развития, рассчитанный на основе 78 индикаторов. Тематически связанные индикаторы объединяются в 21 группу (sub-pillars), по которым выводятся средние баллы включенных в них индикаторов. В свою очередь тематически связанные группы индикаторов образуют 7 основных показателей (pillars), по которым также определяются значения среднего балла. Наконец, эти семь показателей подразделяются на два субиндекса. Пять основных показателей (институты, человеческий капитал и наука, инфраструктура, развитие рынка, развитие бизнеса) формируют субиндекс, соответствующий *затратам и ресурсам инноваций* (innovation input), а два показателя (результативность науки и технологий, результаты креативной деятельности) формируют субиндекс, соответствующий «выходу», *результатам инновационной деятельности* (innovation output).

В представленной ниже таблице отражены позиции России в рейтинге по основным показателям (пронумерованы одной цифрой) и группам индикаторов (пронумерованы двумя цифрами), а формирующие их индикаторы только обозначены в скобках для общего понимания методологии индекса (Таблица 2.1).

Таблица 2.1

Глобальный инновационный индекс 2025:
позиции Российской Федерации

1	**Институты**	**131**
1.1	Институциональная среда (стабильность операционных условий; эффективность госуправления)	133
1.2	Регуляторная среда (качество нормативной базы; верховенство закона)	132
1.3	Деловая среда (стабильность политики по отношению к бизнесу, предпринимательская культура)	105
2	**Человеческий капитал и исследования**	**28**
2.1	Образование (длительность школьного образования; финансирование и др.)	20
2.2	Высшее образование (число студентов; выпуск по научным и инженерным специальностям и др.)	21
2.3	Исследования и разработки (исследователей на 1 млн населения; расходы на ИР; рейтинг университетов)	35
3	**Инфраструктура**	**76**
3.1	ИКТ (доступность, использование, госуслуги)	53
3.2	Общая инфраструктура (электроэнергия, логистика, валовое накопление капитала в % к ВВП)	77
3.3	Экологическая устойчивость	125
4	**Развитость рынка**	**76**
4.1	Кредитование (в т.ч. стартапов и затрат на масштабирование)	97
4.2	Инвестирование (размер рынка в % к ВВП, венчурное инвестирование)	81
4.3	Торговля, диверсификация и рынок (тарифы, диверсификация, объем внутреннего рынка)	23
5	**Развитость бизнеса**	**46**
5.1	Работники умственного труда (занятость в знание-ёмких видах деятельности; НИОКР, финансируемые бизнесом, % ВВП; доля бизнеса в финансировании НИОКР и др.)	52
5.2	Инновационные связи (сотрудничество университетов, научных организаций и бизнеса; совместные публикации; инновационные кластеры; патенты и др.)	47
5.3	Усвоение знаний (траты на ОИС; высокотехнологичный импорт; импорт ИК услуг; прямые иностранные инвестиции; доля исследователей, занятых в бизнесе)	52
6	**Результативность науки и технологий**	**62**
6.1	Производство знаний (патенты, модели, публикации и др.)	37
6.2	Экономический эффект знаний (производительность труда, расходы на программное обеспечение, высокотехнологичная продукция и др.)	62
6.3	Диффузия знаний (поступления от ОИС, высокотехнологичный экспорт, экспорт ИК услуг и др.)	92
7	**Результаты креативной деятельности**	**55**
7.1	Нематериальные активы	49
7.2	Креативные товары и услуги	86
7.3	Креативная онлайн индустрия	52

Составлено по: [Global Innovation… 2025: 204].

Россия классифицирована в индексе как европейская страна с населением 144,8 млн чел. и высоким уровнем дохода – ВВП 47,299 долл. на душу населения по паритету покупательной способности. В общем рейтинге она заняла 60-е место; в группе с высоким уровнем ВВП на душу населения – 45-е место из 54; среди стран Европы – 32-е из 39. Специалисты НИУ ВШЭ обращают внимание, что объективно оценивать позиции России затруднительно: из 78 индикаторов ГИИ-2025 по 21 данные у авторов индекса не актуальны (старше 2021 г.), еще по двум – отсутствуют. В общей сложности это более четверти всех индикаторов индекса (29,5 %), преимущественно входящих в субиндекс «ресурсы инноваций». Между тем, по оценкам Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ, по итогам 2024 г. зафиксирован рост большинства ключевых показателей, характеризующих развитие науки и инноваций в стране[1].

Однако следует отметить, что ситуация с неактуальностью данных, использованных в ГИИ-2025, не связана исключительно с Россией. Например, данные, использованные по 22 индикаторам в индексе Вьетнама (44-е место в рейтинге), неактуальны, а по двум отсутствуют [Global Innovation… 2025: 233]. Исправление этих недостатков, видимо, несколько изменило бы позицию России в рейтинге 2025 г., но принципиальные проблемы инновационного развития страны не ограничиваются одним годом (Таблица 2.2).

Таблица 2.2

Россия в Глобальном инновационном индексе (2015-2025)

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Место	48	43	45	46	46	47	45	47	51	59	60

Источники: [Дайджест… 2024; Global Innovation… 2025: 204].

Данные таблицы показывают, что на протяжении семи лет (2015-2021) Россия с некоторыми колебаниями сохраняла позицию в районе 45-го места в глобальном инновационном индексе, а за 2022-2025 гг. сместилась вниз на 15 пунктов. Можно строить предположения о влиянии внешних факторов на эту тенденцию, но не менее важно учитывать структурные факторы, присущие самой инновационной системе страны. Сопоставление сильных и слабых сторон инновационных систем России и упомянутого выше Вьетнама делает их достаточно наглядными (Таблица 2.3). Бросается в глаза, что Вьетнам заметно уступает России по таким важнейшим ресурсам инновационного развития как человеческий капитал и наука, а также развитие бизнеса, но занимает более высокие позиции по результативности инновационной деятельности. Это свидетельствует о том насколько важное значение имеет качество институтов, политико-правовых и рыночных, включая уровень предпринимательской культуры, – индикаторы, по которым Вьетнам занимает существенно более высокие позиции.

[1] Власова В.В. Глобальный инновационный индекс – 2025. [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.ru/news/1085304545.html.

Таблица 2.3

Сильные и слабые стороны инновационных систем (Россия и Вьетнам)

	Россия	Вьетнам
Ресурсы инноваций	**73**	**50**
Институты	131	59
Человеческий капитал и наука	28	70
Инфраструктура	76	56
Развитие внутреннего рынка	76	43
Развитие бизнеса	46	79
Результативность инновационной деятельности	**55**	**37**
Развитие технологий и экономики знания	62	39
Результаты креативной деятельности	55	34
ГИИ-2025	**60**	**44**

Источник: [Global Innovation… 2025: 204, 233].

С другой стороны, относительные позиции страны определяются не только ее собственными успехами и трудностями инновационного развития, но и ходом инновационных процессов в других станах, ибо это – сфера острой глобальной конкуренции. Видимо сохраняет актуальность вывод, сделанный учеными из Финансового университета при Правительстве РФ: «Анализ положения России в мировых рейтингах инновационного развития показывает, что, несмотря на положительные достижения в таких областях, как человеческий капитал, знания и технологии, экономика страны сталкивается с серьезными вызовами в других аспектах, включая уровень инвестиций в НИОКР и условия для инновационной активности. В условиях высокой конкурентности на глобальной арене и необходимости адаптации к стремительно меняющимся технологическим условиям *становится очевидной необходимость активной государственной поддержки инновационного развития*»[1].

Не менее важным представляется другое условие интенсификации инновационных процессов. В аналитическом материале Форбс отмечается, что поскольку госпрограммы в области развития ИИ Россия начала активно создавать несколько позже, чем страны – лидеры в сфере внедрения ИИ-технологий, для нашей страны *принципиальное значение имеет сотрудничество с другими государствами в сфере развития цифровых технологий и их адаптации к экономике*. Речь идет о «кооперации с дружественными странами», что принесет более быстрый результат, чем ставка исключительно на разработку собственных решений[2].

Эти два суждения отражают сложности современного положения и развития России, связанные с глобальными мегатрендами, с «большими вызовами», как определяет их Стратегия научно-технологического развития России. Если

[1] Казанбиева А.Х., Зубов Я.О. Россия в мировых рейтингах инновационного развития [Электронный ресурс]. 28.08.2025. // Ведомости: сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/08/28/rossiya-v-mirovih-reitingah-innovatsionnogo-razvitiya (дата обращения 16.02.2026).

[2] Романов К. Доля цифры: какую роль искусственный интеллект играет в росте ВВП [Электронный ресурс]. 10.10.2024. // Forbes: сайт. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/522747-dola-cifry-kakuu-rol-iskusstvennyj-intellekt-igraet-v-roste-vvp?ysclid=mkshhipq7j867557478 (дата обращения 24.01.2026).

ограничиться только мегатрендами первого порядка (информационно-коммуникационные технологии и четвертая промышленная революция, демографический переход, глобализация), то глубокого осмысления требуют следующие положения Стратегии.

2.2. Информационно-коммуникационные технологии, четвертая промышленная революция и проблема смены модели экономического роста

База и модель экономического роста. Прежде всего, Стратегия констатирует, что возможности прежней модели экономического роста России, основанной на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, исчерпаны. Она ставит страну вне ведущих тенденций современного мирового развития – информационно-коммуникационной революции, формирования экономики данных, ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта. А ориентация стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями, на использование возобновляемых ресурсов в перспективе лишает ее рынков сбыта.

Но суть дела не сводится к эксплуатации сырьевых ресурсов. Так или иначе, эта эксплуатация неизбежна. Проблема в том, что эта модель стала результатом доведения до предела негативных тенденций позднесоветской экономики при одновременном разрушении ее промышленного и технологического базиса в ходе реформ 1990-х гг. Их итогом к концу десятилетия стало двукратное снижение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, пятикратное – инвестиций, трехкратное – реальных (располагаемых) денежных доходов населения. Уровень 1990 г по соответствующим показателям не был достигнут и к 2015 г. [Нешитой 2014: 16, 17]. При этом на протяжении всех этих лет наблюдалась тенденция *примитивизации российской экономики*, как отмечает Р.С. Гринберг [Гринберг 2015: 12]. *Качество* экономической динамики снижалось независимо от того, была ли она отрицательной (как в 1990-е годы) или положительной (как в «тучные» нулевые годы). Структура промышленного производства приобрела очевидную сырьевую направленность. Почти в 3 раза увеличился удельный вес топливно-энергетического комплекса в общем объеме промышленного производства, в 2 раза сократилась доля инвестиционного комплекса. Удельный вес машиностроения и металлообработки в промышленном производстве составлял в 2013 г. только 14 %, что в 3-4 раза меньше, чем в развитых странах (Таблица 2.4).

Таблица 2.4

Структура промышленного производства России (в % к итогу)

Отрасли промышленности	1990	2005	2013	2024
Объем промышленного производства, всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Электроэнергетика и топливная промышленность	10,4	26,8	28,7	20,8
Черная и цветная металлургия	10,3	13,9	9,5	7,6
Химическая и нефтехимическая промышленность	6,9	6,4	6,4	5,5
Машиностроение и металлообработка	28,0	13,0	14,0	10,8

Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5.2	3,4	2,6	1,7
Промышленность строительных материалов	3,4	3,1	2,9	2,1
Легкая промышленность	11,0	0,8	0,7	0,8
Пищевая промышленность	12,1	10,9	10,4	8,8

Составлено по: [Гринберг 2015: 13; Российский статистический… 2025: 358, 359].

Последствия «примитивизации» российской экономики далеки от преодоления. Дополнение таблицы данными за 2024 г. показывает, что вплоть до настоящего времени выраженных позитивных сдвигов в структуре промышленного производства не наблюдается. В этом выражается и безотлагательность императива модернизации промышленного производства, и ограниченность исходной базы и ресурсов, необходимых для технологического рывка.

Движение конъюнктуры и структурно-технологические сдвиги. Тем не менее, опыт 2023-2024 гг. продемонстрировал возможность заметных позитивных сдвигов в динамике и структуре промышленного производства (Таблица 2.5). Приведенные в таблице данные подтверждают обоснованность вывода специалистов Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ об устойчивом росте масштабов выпуска промышленной продукции на протяжении ряда последних лет. Особенно ощутимо росли индексы обрабатывающей промышленности, которая занимает в структуре отгруженной продукции наибольшую долю[1]. Замедления роста официальная статистика зафиксировала в пандемийном 2020 г. и в первый год специальной военной операции (2022), когда экономика испытала массированную санкционную атаку.

Таблица 2.5

Индексы промышленного производства
(в процентах к предыдущему году)

	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Добыча полезных ископаемых	**102,6**	**101,9**	**103,8**	**103,4**	**93,5**	**104,2**	**101,5**	**99,0**	**99,6**
Обрабатывающие производства	**101,1**	**105,7**	**103,6**	**103,6**	**101,3**	**107,4**	**100,3**	**108,7**	**109,8**
производство кокса и нефтепродуктов	95,7	104,3	102,6	101,6	95,0	103,6	99,4	102,5	98,6
производство химических веществ и химических продуктов	106,5	107,6	103,9	103,4	107,3	107,1	97,6	105,2	103,1
производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	114,9	109,7	101,1	127,4	120,9	114,3	109,3	99,6	119,8
производство резиновых и пластмассовых изделий	100,6	112,6	101,3	98,7	106,2	110,5	100,2	108,0	103,7
производство металлургическое	97,9	105,2	100,6	103,8	97,3	101,7	99,2	103,0	98,5
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	127,9	104,3	105,9	107,3	104,2	111,6	113,4	126,4	131,6

[1] Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html. (дата обращения 24.02.2026).

производство компьютеров, электронных и оптических изделий	102,8	100,2	103,0	110,6	103,3	109,9	109,4	139,4	127,9
производство электрического оборудования	107,0	102,7	105,4	101,3	99,2	107,7	101,1	120,6	110,2
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	97,9	108,3	102,4	113,5	109,6	117,1	99,3	108,1	102,3
производство станков, машин и оборудования для обработки металлов и прочих твердых материалов	60,5	124,1	128,6	106,2	89,3	117,0	98,0	139,0	124,4
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	97,9	120,1	111,5	96,3	87,9	114,6	55,8	116,0	118,2
производство прочих транспортных средств и оборудования	110,8	115,6	107,7	99,0	106,7	110,5	97,9	129,0	134,2
производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования	111,1	108,6	95,7	94,8	115,8	123,8	100,9	129,5	142,7

Составлено по: [Промышленное производство… 2021: 36-40; Промышленное производство… 2025: 30-33].

Вместе с тем аналитики указывают на ряд специфических характеристик промышленного роста 2023-2024 гг. Факторы роста, его темпов и структуры – это факторы внеэкономические, связанные с необходимостью ответа на внешние шоки. Отсюда ключевая роль усилий государства, по обеспечению стабильности экономической системы, стимулированию спроса и расширению набора инструментов и институтов денежно-кредитной, структурной и регуляторной политики. Имевшие место структурные изменения были обусловлены необходимостью перестройки хозяйственных связей в интересах укрепления обороноспособности страны как приоритета экономической политики. В силу всего этого рост не был органическим. Экономисты изначально указывали на невозможность сохранения относительно высоких темпов на длительный и даже среднесрочный период [Ахапкин 2025: 8, 13, 15]. Уже по итогам 2025 г. наблюдалось либо существенное снижение темпов роста, либо сокращение производства в ключевых отраслях промышленности, и заметные изменения в ближайшие годы не ожидаются (Таблица 2.6).

Таблица 2.6

Динамика промышленного производства: 2025 год и прогноз Минэкономразвития на 2026-2028 годы (базовый сценарий, в % к предыдущему году)

	2025	2026	2027	2028
Добыча полезных ископаемых	**1,3**	**2,3**	**3,1**	**2,8**
Обрабатывающие производства	**3,6**	**2,9**	**4,0**	**3,6**
производство кокса и нефтепродуктов	-0,4			
производство химических веществ и химических продуктов	-0,8	2,3	3,0	2,8

производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	15,4	4,8	4,8	5,0
производство резиновых и пластмассовых изделий	-6,7	2,1	3,2	3.1
производство металлургическое	-2,1	0,6	2,0	1,7
производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	18,0	4,2	5,6	5,1
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	11,7	4,5	6,8	7,3
производство электрического оборудования	-3,8	3,6	8,6	7,6
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	-6,9	3.4	8,3	7,7
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	-23,1	6,7	9,2	8,0
Производство прочих транспортных средств и оборудования	32,0	5,5	7,8	7,3

Составлено по: [О динамике… 2026: 2-3; Прогноз… 2026: 34, 36, 38,40, 42].

В квартальном прогнозе Института народнохозяйственного прогнозирования РАН от 16 марта 2026 г. отмечается, что темпы прироста ВВП в 2025 г. составили 1 %, что несколько выше, чем ожидания большинства экспертов осенью прошедшего года. Некоторое ускорение экономической динамики в конце 2025 г. и итоговый рост ВВП за 2025 г. на 1 % главным образом обусловлены сезонным увеличением производства в промышленности. В свою очередь, рост промышленного производства, составивший в 2025 г. 1.3 %, концентрировался в производствах оборонного назначения. Среди прочего это указывает на продолжающееся увеличение разрыва в динамике гражданских и оборонных секторов экономики [Квартальный прогноз… 2026: 3].

Прогноз Министерства экономического развития РФ на 2026 и плановый период 2027-2028 гг. предполагает, что в эти три года будет иметь место гораздо более умеренный промышленный рост, чем в 2023-2024 гг. Поэтому важно оценить масштаб уже происходящих структурных изменений промышленности и меру повышения ее технологического уровня. Аналитики Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ отмечают, что в последние годы активно увеличивается выпуск продукции высокотехнологичных обрабатывающих видов деятельности, которые создают основу для технологического лидерства и устойчивого развития страны. В совокупности с продукцией среднетехнологичных отраслей высокого уровня они дали в 2024 г. более четверти (27,8 %) всех товаров, работ, услуг в обрабатывающей промышленности. Вместе с тем по их расчетам доля высоко- и среднетехнологичных отраслей высокого уровня в общем объеме отгруженной продукции организаций обрабатывающих производств уже в 2020 г. достигла 27,7 %, к 2022 г. снизилась до 25,5 % и вновь выросла до 27,8 % в 2024 г.[1] Рост технологического уровня

[1] Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html. (дата обращения 24.02.2026).

промышленного производства более четко фиксируется на более широком отрезке 2015-2024 гг. (Таблица 2.7). Данные таблицы свидетельствуют, что доля высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей высокого уровня в общем объеме промышленного производства за этот период выросла с 15,9 % до 18,5 %, а в общем объеме производства обрабатывающей промышленности с 24,0 % до указанных 27,8 % [Промышленное производство… 2016: 24-34; а также[1]]. Если учесть, что за это время общие объемы промышленного производства и объемы производства обрабатывающей промышленности увеличились примерно в 2,7, а продукция высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня – более чем в 3 раза, то реальность и значимость прогрессивных сдвигов становятся очевидны.

Оценки перспектив перестройки экономической модели. Но также очевидно, что позитивные изменения не имели в прошлом и не будут иметь в будущем линейной динамики. Выше уже отмечены ресурсные ограничения, которые делают неопределенными перспективы роста обрабатывающей промышленности. Кроме этого, в аналитических работах отмечен ряд обстоятельств, не позволяющих рассчитывать на закрепление позитивных тенденций.

Вектор структурных изменений и технологического обновления начала 2020-х гг. привязан к специфическими факторам, характерным для этого времени – *императиву импортозамещения* и необходимостью резкого наращивания и *модернизации военного потенциала* страны. Регуляторный режим и перераспределение ресурсов в соответствии с этими условиями обеспечило государство.

Таблица 2.7

Структура объема отгруженных товаров, выполненных работ и услуг организаций промышленного производства по видам экономической деятельности: 2015, 2024

	2015 % от общего объема	**2024 % от общего объема**
Промышленное производство – всего	**100**	**100**
Добыча полезных ископаемых	**23,8**	**25.3**
В том числе добыча нефти и природного газа	19,4	18.3
Обрабатывающие производства	**66,1**	**66.6**
Высокотехнологичные: Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство (судов) и летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования.	4,4	5.1
Среднетехнологичные высокого уровня: Производство химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования; производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования; производство медицинских инструментов и оборудования.	11,5	13.4

[1] Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html. (дата обращения 24.02.2026).

Среднетехнологичные низкого уровня: Производство кокса и нефтепродуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство прочей неметаллической минеральной продукции; производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования.	27,4	31.5
Низкотехнологичные: Производство пищевых продуктов, напитков и табака; производство текстильных изделий; производство одежды; производство кожи и изделий из кожи; обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения; производство бумаги и бумажных изделий; деятельность полиграфическая и копирование носителей информации; производство мебели.	14,7	14.9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	**9,1**	**6.4**
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	**0,5**	**1.7**

Рассчитано по: [Промышленное производство… 2016: 24-34; а также[1]].

Изменение масштабов участия и роли государства в экономике в 2022-2025 гг. не имели однозначной направленности. Как отмечается в литературе, «выстраивалась двухконтурная модель государственного регулирования в экономике: его усиление в оборонно-промышленном комплексе и снижение в остальной экономике» [Российская экономика… 2025: 12]. Иными словами, ресурсы перенаправлялись, прежде всего, в оборонно-промышленный комплекс и сопряженные с ним отрасли, что было продиктовано жизненными интересами страны. В целом же доля промышленности в валовой добавленной стоимости, в 2024 г. оказалась ниже, чем в 2021 г. Поскольку удельный вес промышленности в экономике не растет, нет оснований говорить о реиндустриализации, полагают исследователи из Института экономики РАН [Структурные изменения… 2025: 25].

Оценивая перспективы структурной перестройки промышленности, надо учитывать, что деградация технологически емких отраслей экономики и технологическая зависимость экономики от импорта машин и оборудования слишком значительна, особенно в высокотехнологичном секторе. Она достигла к 2022 г. в станкостроении – 90 %, электронике – 85 %, машиностроении – 70 %, медицинской промышленности – 70 %, ИТ и программном обеспечении – 68 %, фармацевтике – 65 % [Структурные изменения… 2025: 26-27]. Масштаб проблемы импортозамещения в целом наборе отраслей осознается на фоне длительных попыток ее решения в одном сегменте – производстве самолетов для гражданской авиации (Ту-214, МС-31, SJ-100, Ту-114, «Байкал»). Проблема здесь состоит как в отсутствии технологий, так и в необходимости вновь и вновь проходить циклы испытаний–доработок–сертификаций[2]. В более глубоком контексте проблема в том, что полное импортозамещение экономически нецелесообразно, но в целом ряде конкретных производств санкционный режим не оставляет выбора.

[1] Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html. (дата обращения 24.02.2026).

[2] Вихров П., Гаврилов В. Летная невзгода: к 2030-му Россия сможет заместить лишь треть авиапарка [Электронный ресурс]. 4 марта 2026. // Известия: сайт. URL: https://iz.ru/2040491/pavel-vikhrov/letnaya-nevzgoda-k-2030-mu-rossiya-smozhet-zamestit-lish-tret-aviaparka?ysclid=mmbvszqodq50951233 (дата обращения 04.03.2026).

Ключевой ресурс достижения технологического суверенитета – научно-технологический потенциал – также был чрезвычайно ослаблен в предыдущие десятилетия. Слабое использование инновационного фактора развития предприятий и экономики в целом обусловлено не столько невосприимчивостью бизнеса, сколько низким уровнем многих инновационных решений и технологий, неконкурентоспособных с импортными [Комков 2019: 75]. Проблема не ограничена рамками прикладной науки. Фронтальный технологический прогресс, обеспечивающий технологический суверенитет страны, возможен только на базе собственной суверенной фундаментальной науки. Например, некоторые аналитики ставят под вопрос перспективы дальнейшего развития Китая, в частности, в связи с тем, что ограничение технологического трансфера из США сочетается с недостаточным развитием собственной фундаментальной науки [Еремин и др. 2025: 101]. Россия имеет мощную традицию и институализированный сектор фундаментальной науки. Но здесь важен не столько исторически накопленный потенциал, сколько тенденции его изменений и эффективность его использования, которая во многом определяется уровнем финансирования науки, а выражается в результативности его функционирования. Сопоставимые данные по численности исследователей выражаются в тысячах человеко-лет, в эквиваленте полной занятости (т.е. по времени, фактически израсходованному персоналом, занятым научными исследованиями и разработками, на их выполнение). Этот показатель в России снизился с 506,4 тыс. до 385,7 тыс. (6 место среди стран мира). По объему внутренних затрат на исследования и разработки, исчисляемому по паритету покупательной способности валют, Россия занимала в 2023 г. 9 место среди стран мира, но по абсолютной величине он был в 15 раз меньше показателя США и в 13 раз меньше показателя Китая [Наука. Технологии… 2025: 33, 40]. Что касается эффективности или конкурентоспособности прикладных разработок, то по числу патентных заявок во Всемирную организацию интеллектуальной собственности она уступает Китаю в 70 раз, а США – в 22 раза. По технологиям в сфере станкостроения в 2023 г. число заявок из КНР составляло 73986, тогда как из России – 21, в сфере ИИ число заявок из России – 14, из КНР – 25,5 тыс., по полупроводникам – 5 заявок против 27 тыс. из КНР. В итоге, по основным критическим и сквозным технологиям Россия практически не имеет перспектив для закрепления своих конкурентных позиций [Структурные изменения… 2025: 39-43]. Что касается фундаментальных исследований, то в качестве критерия их результативности обычно рассматривается доля страны в общемировом числе публикаций в научных изданиях, индексируемых в общепризнанных международных базах данных. Так, число российских публикаций в изданиях, индексируемых в Scopus, выросло с 2010 по 2020 г. с 39 686 до 130 309 и вновь снизилось в 2023 г. до 108 090. Это 2,95 % общемирового числа публикаций, индексируемых в Scopus, и Россия занимала 11 место среди стран мира по этому показателю [Наука. Технологии… 2025: 58, 59]. Здесь следует оговорить два момента. Во-первых, такие страны, как Республика Корея, Бразилия или Турция «отстают» от России по публикациям, но занимают более высокие места в глобальном инновационном индексе. Во-вторых, состояние публикационной

активности российских ученых во-многом определяется административной политикой по оценке их деятельности с упором на наукометрические показатели, и само по себе не отражает реальную результативность научной деятельности, т.е. качество полученных результатов [Боркин, Сайфитдинова 2024: 122, 129].

Россия сохраняет еще преимущество в виде суверенной фундаментальной науки, однако преградами на пути обеспечения технологического суверенитета и технологического лидерства остаются институциональные ограничения – разрывы между наукой и производством, фрагментарность национальной инновационной системы, ограничения в инвестиционном обеспечении научно-технологического развития, сворачивание научно-технологического потенциала и т.п. [Структурные изменения… 2025: 44]. Наиболее общим, хотя и косвенным показателем этих «разрывов» и «фрагментарности» национальной инновационной системы является то, что основным источником финансирования исследований и разработок в стране выступает государственный бюджет: с 2000 по 2023 г. его доля выросла с 54,8 до 66,6 %, тогда как доля предпринимательского сектора снизилась с 32,9 до 30,6 %. Вклад других национальных источников, прежде всего, организаций высшего образования, увеличился примерно в три раза, оставаясь при этом в крайне узких пределах – с 0,4 до 1,4 % [Наука. Технологии… 2025: 44, 45]. В 2022-2024 гг. наблюдались явные положительные сдвиги по всем показателям инновационного развития. Вместе с тем газета «Коммерсант» сообщала о важных с точки зрения долгосрочной перспективы результатах анализа данных за 2022 г., осуществленного Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. Компании с высокой долей инновационной продукции (7,2–28,1 %,) были сосредоточены в производстве летательных аппаратов и оборудования (28,1 % инноваций), строительстве кораблей и судов (23,7 %), производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (22 %), а также металлических изделий, транспорта и оборудования, не включенных в другие категории. По сути – это отрасли ОПК, работающие преимущественно по государственным заказам, но слабо ориентированные на открытый рынок. Другая группа – это компании с низкой и околонулевой долей инновационной продукции (0,5–6,6 %). Спрос на такую продукцию невысок как со стороны государства, так и со стороны пользователей. Сами же компании не имеют стимулов к инновационной активности, поскольку предпочитают работать на традиционных рынках. А вот доля компаний, способных подстраиваться под изменения рыночного спроса невелика[1]. То есть для каждой группы потенциальных агентов инновационного развития существуют факторы, ослабляющие мотивацию активного поиска путей технологического обновления.

2.3. Демография: вызов, который с нами навсегда

Демография: базовые процессы и ситуационные флуктуации. Стратегия научно-технологического развития РФ выделяет в качестве «большого вызова»

[1] Галиева Д., Сапожков О. Блеск и нищета российских инноваций [Электронный ресурс]. 21.02.2024. // Коммерсант: сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6525060?ysclid=mmd9q03vws838423626 (дата обращения 21.02.2024).

демографический переход, обусловленный снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни, изменением образа жизни, и связанное с этим старение населения, в совокупности приводят к новым социальным и медицинским проблемам. Фундаментальный характер демографических проблем выражается в том, что, даже будучи вызваны преходящими обстоятельствами они имеют отложенные последствия, на которые невозможно повлиять. Если в текущем периоде по каким-то причинам снизилась рождаемость и родилось мало девочек, то через 20-30 лет, когда это поколение будет находиться в детородном возрасте неизбежна низкая рождаемость.

Достаточно полную картину движения населения можно представить по данным о компонентах изменения общей численности населения на протяженных отрезках времени (Таблица 2.8). Так, в 1990 и 1991 гг. еще сохранялся положительный естественный прирост населения и одновременно имело место положительное сальдо миграции, и на конец 1991 г. численность населения России составляла 148514,7 тыс. чел. С 1992 г. статистика фиксирует отрицательные значения естественного прироста, т.е. естественную убыль населения по всем годам за исключением 2013-2015 гг. когда наблюдался незначительный естественный прирост (от 24 до 32 тыс. чел.). В среднем же ежегодно естественная убыль населения в 1992-2005 гг. составляла почти 800 тыс. чел., а суммарно 11101,1 тыс. чел. Размеры естественной убыли населения стали снижаться после 2005 г. и сменились в 2013-2015 гг. небольшим естественным приростом (от 24 до 32 тыс. чел.). В целом, в 2006-2019 гг. сохранялся отрицательный естественный прирост. Суммарная убыль населения составила 2734,9 тыс. чел., однако присоединение Крыма и Севастополя почти уравновесило эту величину, и общая численность населения страны вернулась в 2015 г. примерно к уровню 2001 г. [Компоненты… 2025].

Таблица 2.8

Компоненты изменения общей численности населения (тыс. чел.)

Годы	Население на 1 января	Изменения за год			Население на 31 декабря
		общий прирост	естественный прирост	миграционный прирост	
1990	147665,1	608,6	333,6	275,0	148273,7
1991	148273,7	241,0	104,9	136,1	148514,7
1992-2005	01.01.1992 148514,7	Всего: -5331,2 В год: -380,8	Всего: -11101,1 В год: -792,9	Всего: 5823,0 В год: 415,9	31.12,2005 143236,6
2006-2019	01.01.2006 143236,6	Всего: 1211,9 В год: 86,6	Всего: -2734,9 В год: -195,4	Всего: 3946,8 В год: 282,0	31.12.2019 146748,6
2020	146748,6	-577,6	-702,1	124,5	146171,0
2021	146171,0	-613,4	-1043,3	429,9	145557,5
2022	146980,1	-532,7	-594,6	61,9	146447,4
2023	146447,4	-296,6	-500,2	203,6	146150,8
2024	146150,8	-30,9	-599,4	568,5	146119,9
Данные за 2022-2024 гг. приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.					

Рассчитано по: [Компоненты… 2025].

Лапидарную и четкую оценку движения населения России за 2001-2024 гг. и его статистического отображения дали О.Л. Рыбаковский и Т.А. Фадеева: «На начало 2001 г. до всевозможных переписных корректировок постоянное население страны составляло 144,8 млн человек. Естественная убыль за 24 года (с учетом данных по Крыму с 2015 г.) – 10,5 млн человек, т. е. за счет естественной убыли население России с начала 2001 г. до конца 2024 г. сократилось на 7,2 %. Но за счет текущего миграционного прироста (плюс 5,2 млн человек), поправок трех переписей населения РФ (плюс 4,3 млн человек) и вхождения Крыма в состав России (плюс 2,3 млн человек) эта естественная убыль была полностью перекрыта. И за 2001–2024 гг., т.е. к началу 2025 г. численность постоянного населения РФ увеличилась на 1,3 млн человек – до 146,1 млн человек, или почти на 1 %» [Рыбаковский, Фадеева 2025: 134].

С 2020 г. складывается новая демографическая ситуация, во многом определяемая чрезвычайными обстоятельствами – эпидемией коронавируса и началом специальной военной операции.

Демографический эффект пандемии весьма значителен. Избыточная смертность от COVID-19 составила за период 2020–2023 гг. 764 348 человек. Потери ВВП в результате избыточной смерти от новой коронавирусной инфекции с 2020 по 2023 г. могли составить более 4,4 трлн рублей [Смирнов 2025: 35]. С февраля 2022 г. начинается специальная военная операция. В литературе отмечается ее многогранное воздействие на демографическую ситуацию: увеличение эмиграционных потоков, изменения в уровне рождаемости и смертности, а также внутренние миграционные процессы создали новые вызовы для социальной и экономической политики страны [Донской, Ужакова 2024: 53]. Журнал Forbes, со ссылкой на источник, знакомый с кремлевскими оценками, сообщал, что только за две недели после начала частичной мобилизации 21 сентября страну покинули около 700 тыс. человек[1]. Но еще до этого к началу сентября 2022 года, по данным Росстата, страну покинули 419 тыс. человек (в 2021-м за аналогичный период – 202 тыс.). Всего за 2022 год официально зарегистрировали 668 тыс. уехавших, что превышает все значения показателя за 1993–2021-й. В 2023 году официальное число выехавших из России составило 450,5 тыс., в 2024-м – 423,2 тыс. человек [Щербакова 2025]. Т.е. процессы, постепенно развивавшиеся в предшествующие годы, приобрели скачкообразный характер. Согласно официальной статистике, резко увеличилась естественная убыль населения, превысив в 2021 г. 1 млн. чел. С другой стороны, эмиграционный отток, сократившийся в 2021 г. почти вдвое в условиях пандемийных ограничений, увеличился в 2022 г. почти в три раза (Таблица 2.9).

[1] Тофанюк Е., Сапронова Ю. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан. [Электронный ресурс]. 04 октября 2022. // Forbes: сайт. URL: https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan (дата обращения 17.03.2026).

Таблица 2.9

Развитие демографической ситуации в 2015-2024 гг. (тыс. чел.)

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Эмиграционный отток
2015	1940,6	1908,5	32,0	353,2
2016	1888,7	1891,0	-2,3	313,2
2017	1690,3	1826,1	-135,8	377,2
2018	1604,3	1828,9	-224,6	440,8
2019	1481,1	1798,3	-317,2	416,1
2020	1436,5	2138,6	-702,1	467,7
2021	1398,3	2441,6	-1043,3	238,0
2022	1304,1	1898,6	-594,6	668,4
2023	1264,4	1764,6	-500,3	450,5
2024	1222,0	1820,0	-596,2	423,2

Источники: [Демографический ежегодник… 2023: 205; Российский статистический… 2025: 94, 102; Щербакова 2025, а также[1]].

Отмеченные флуктуации носят ситуационный характер, но они не противоречат, а соответствуют долгосрочным трендам демографического развития. Текущие (за 2024-2026 гг.) демографические показатели недоступны для анализа, но достаточно информативны демографические прогнозы Росстата и ООН (Таблица 2.10).

Можно видеть, что Росстат ожидает меньших масштабов естественную убыль и меньших масштабов миграционный прирост населения, нежели Отдел народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, но прогнозируемые тренды дальнейшего снижения численности населения России в этих прогнозах практически совпадают. Достаточно близки и абсолютные величины ожидаемого сокращения общей численности населения к 2036 г. – свыше 5,1 и 5,4 млн. чел., соответственно. Иными словами, демографические проблемы, обусловившие активизацию демографической политики в настоящее время, останутся на повестке дня и в обозримом будущем. Но эффект демографических проблем не ограничивается демографией. Они влекут негативные последствия и порождают уязвимость страны во многих иных сферах – от экономики до геополитики.

Таблица 2.11

Население России в 2024-2036 гг. (прогноз)

год	Население на 01.01 Тыс.		Общий прирост Тыс.		Естественный прирост Тыс.		Миграционный прирост Тыс.	
	Росстат	ООН	Росстат	ООН	Росстат	ООН	Росстат	ООН
2024	146 079,7	145 206	-447,9	-771	-675,1	-593	227,2	-178
2025	145 631,8	144 435	-472,5	-876	-693,2	-624	220,7	-252
2026	145 159,3	143 560	-487,1	-330	-702,8	-655	215,7	325
2027	144 672,2	143 229	-490,9	-371	-703,0	-673	212,1	302
2028	144 181,3	142 859	-472,2	-378	-684,4	-689	212,2	311

[1] Росстат оценил естественную убыль населения в 2024 году [Электронный ресурс]. 21 февраля 2025. // РБК: сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/02/2025/67b8aa619a79477c802b6681 (дата обращения 10.03.2025).

2029	143 709,1	142 481	-453,9	-392	-666,3	-701	212,4	309
2030	143 255,2	142 089	-439,9	-400	-652,6	-705	212,7	305
2031	142 815,3	141 689	-423,8	-428	-638,4	-709	214,6	281
2032	142 391,5	141 261	-402,3	-402	-617,2	-708	214,9	306
2033	141 989,2	140 859	-367,9	-389	-583,1	-701	215,2	312
2034	141 621,3	140 470	-342,0	-378	-557,5	-691	215,5	313
2035	141 279,3	140 092	-316,3	-364	-532,2	-680	215,9	316
2036	140 963,0	139 728	-290,6	-352	-507,0	-661	216,4	309

Составлено по: [Изменение численности… 2023; World Population… 2024].

Экономико-социальные эффекты демографического перехода. Небольшое население – это узкий рынок, ограничивающий рост национального производства. А неизбежный и необходимый выход за его пределы означает определенную зависимость от конъюнктуры мировых рынков, необходимость открывать свой рынок для конкурентов и преодолевать недобросовестное поведение внешних экономических игроков, недружественных государств и их объединений.

Низкая рождаемость – это немногочисленные поколения, достигающие трудоспособного возраста и, соответственно, дефицит рабочей силы. Согласно докладу экспертов НИУ ВШЭ «Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России» (2022) с 2019 по 2030 год Россия лишится 1,9 млн человек из числа рабочей силы. Вместе с сокращением общей численности рабочей силы изменится и ее возрастной состав. К 2030 году доля тех, кому меньше 40 лет, в составе рабочей силы сократится до 37,4 % (с 42 % в 2019 году). Старение рабочей силы ускоряется, поскольку в трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х и 2000-х годов, а повышение пенсионного возраста продлевает трудовую жизнь старших поколений работников. По оценке Всемирного банка в период между 1995 и 2010 годами число россиян трудоспособного возраста увеличивалось, при том, что общая численность населения уменьшалась[1]. Такая ситуация определяется как «демографический дивиденд», который выражается в дополнительном росте ВВП страны, но к 2010-м гг. его положительный эффект уже сошел на нет. Эксперты говорят об «уникально напряженном состоянии» рынка труда к концу 2025 г. Структурные факторы приводят к хроническому **кадровому голоду.** В трудовой возраст вступает малочисленное поколение 2000-х годов, тогда как на пенсию выходят многочисленные советские «бэби-бумеры». По оценкам правительства **спрос на труд будет превышать предложение и в ближайшие годы**. Министерство экономического разви-

[1] Деготькова И., Ткачев И. Эксперты оценили убыль рабочей силы в России к концу десятилетия [Электронный ресурс]. 01 июня 2022. // РБК: сайт. URL: https://www.rbc.ru/economics/01/06/2022/6294c6b89a7947c8beb41030 (дата обращения 10.03.2026).

тия оценивает текущий дефицит примерно в 1,5 млн незакрытых вакансий с увеличением до 2 млн к 2030 году[1]. А по оценкам Минтруда, к 2030 году дефицит рабочей силы может достигнуть 3,1 млн человек[2].

Старение население является обратной стороной низкой рождаемости в условиях, когда продолжительность жизни растет, пусть и медленными темпами. За 1965–2016 гг., прирост ожидаемой продолжительности жизни в России составил всего 0,7 и 1,4 года для мужчин и женщин соответственно, доживших до 65 лет. В развитых странах за тот же период прирост составил в среднем 5,7 и 6,7 года для мужчин и женщин соответственно, доживших до 65 лет. В 2019 г. (т.е. до начала пандемии COVID-19) ожидаемая продолжительность жизни при рождении достигла 73,3 лет, а к 2035 г., согласно среднему варианту прогноза Росстата, достигнет 77,1 года [Демографический ежегодник… 2023: 47; а также[3]].

Отсюда – особенности старения населения и динамики его возрастной структуры, которые в большей степени определяется снижением рождаемости, нежели увеличением продолжительности жизни. Здесь сказываются и последствия пенсионной реформы, предусматривающей доведение к 2028 г. верхнего предела трудоспособного возраста для мужчин с 59 до 64, а для женщин – с 54 до 59 лет. В результате, устойчивая понижательная динамика вплоть до 2038 г. в демографическом прогнозе Росстата ожидается для доли лиц моложе трудоспособного возраста во всем населении, тогда как доля лиц в трудоспособном возрасте будет повышаться до 2035 г., а доля лиц старше трудоспособного возраста будет с небольшими колебаниями до этого же года оставаться стабильной, а затем начнет расти. Но в итоге к концу прогнозного периода (1846 г.) доля младшего поколения в населении снизится по сравнению с 2025 г. на 2,8 п.п. (до 15,6 %), доля трудоспособного населения снизится на 0,5 п.п. (до 57,5 %), а доля лиц старше трудоспособного возраста вырастет на 3,3 п.п. (до 26,9 %) [Численность населения… 2023]. Коэффициент демографической нагрузки (число лиц моложе и старше трудоспособного возраста на 100 человек трудоспособного возраста) снижался до 2010 г., а затем стал увеличиваться и составил в 2024 г. 72,5. На перспективу, согласно демографическому прогнозу Росстата, он будет снижаться до середины 2030-х гг., а потом начнет повышаться, и составит в 2046 г. 73,9 [Россия и страны… 2025: 43; Численность населения… 2023]. Но недооценивать фактор старения населения для России было бы неверным, поскольку в абсолютных цифрах численность молодых и трудоспособных поколений будет сокращаться по прогнозу за 2024-2046 гг. (с 26 823,3 до 21 684,5 и с 84747,0 до 79 771,9 тыс., соответственно), а численность лиц старше трудоспособного возраста вырастет с 34 509,4 до 37 314,9 тыс. чел. [Численность населения… 2023].

---

[1] Горгуль Г. Рынок труда 2025: замедление найма на фоне рекордно низкой безработицы [Электронный ресурс]. 3 октября 2025. // РБК: сайт. URL: https://companies.rbc.ru/news/YJ5AzmNRAf/ryinok-truda-2025-zamedlenie-najma-na-fone-rekordno-nizkoj-bezrabotitsyi/?ysclid=mmgccyoexg108928937 (дата обращения 07.03.2026).

[2] Зотов А. Незнакомые лица. Почему в России растет число иностранных специалистов [Электронный ресурс]. 13 марта 2026. // Финансы мэйл: сайт. URL: https://finance.mail.ru/article/bolshaya-peremena-pochemu-v-rossii-rastet-chislo-inostrannyh-specialistov-69201232/?frommail=1&md=1 (дата обращения 13.03.2026).

[3] Остапенко Е., Снигирев А. Старение населения и его влияние на экономическое развитие [Электронный ресурс]. 20 марта 2020. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/ (дата обращения 10.03.2026).

Таким образом, общие оценки влияния старения населения на экономику имеют силу и для России. Это сокращение численности трудоспособного населения, что ведет к снижению производительности труда и совокупных сбережений, а значит, замедлению инвестиций, спроса и экономического роста. Это изменение модели потребления, сокращение потребительских расходов и совокупного спроса. Это возрастание расходов на пенсионную систему, здравоохранение и социальную защиту, что в совокупности с сокращением базы начисления страховых взносов создает существенную нагрузку на бюджет страны и ставит под угрозу сбалансированность государственных финансов в долгосрочной перспективе[1].

Государство проводит активную демографическую политику, направленную на стимулирование рождаемости, поддержку семей с детьми, создание условий для здорового и активного долголетия [Указ Президента… 2007; Стратегия действий… 2025]. Она, несомненно, дает определенные результаты по каждому из направлений. Однако при всей масштабности, последовательности и комплексности осуществляемых мер они не позволили до сих пор не только обратить вспять снижение численности населения, но хотя бы приостановить его. Это говорит не о недостатках демографической политики, а о глубокой объективной обусловленности демографического перехода, вступающего, возможно, в новую фазу. Указанный характер демографического развития лишний раз свидетельствует о существенной связи внутренних процессов страны с глобальной динамикой.

2.4. Новая фаза глобализации как вызов национальному развитию

Движение к многополярному (полицентричному) миру. Практически все российские авторы включают глобализацию в номенклатуру современных мегатрендов. Стратегия научно-технологического развития РФ 2024 г. характеризует глобализацию в ее нынешней трансформационной фазе как «большой вызов», который ведет к росту геополитической и экономической нестабильности, усилению международной конкуренции и конфликтности. Тем самым снижается уровень и повышается сложность участия в международной кооперации в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности [Указ… 2024].

На официальном уровне и в экспертной среде трансформация миропорядка интерпретируется как процесс перехода от однополярности к многополярности, где одним из мировых полюсов (центров мощи и влияния) становится Россия [Указ… 2023]. По оценке высокопоставленных сотрудников МИД России А. Дробинина и Е. Пискунова, к середине 2020-х гг. международные отношения фактически обрели многополярный характер: потенциал незападных центров продолжает увеличиваться, а способность Евро-Атлантики навязывать свою волю Мировому большинству – сокращаться: «Многополярный (полицентричный) мир» – это состояние международных отношений, при котором существует

[1] Остапенко Е., Снигирев А. Старение населения и его влияние на экономическое развитие [Электронный ресурс]. 20 марта 2020. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/ (дата обращения 10.03.2026).

несколько оказывающих глобальное влияние самостоятельных центров экономического развития и принятия политических решений, ни один из которых не может доминировать в мировых делах» [**Дробинин, Пискунов 2025: 5, 7**].

Заместитель руководителя Администрации Президента РФ М.С. Орешкин в качестве «кандидатов» на роль полюсов называет страны, обладающие «полным» суверенитетом: политическим – как государства, культурным (ценностным) – как общества, социально-экономическим – как экономики. Таковыми, по его оценке, являются Китай, США, Россия и Индия (Рис. 1).

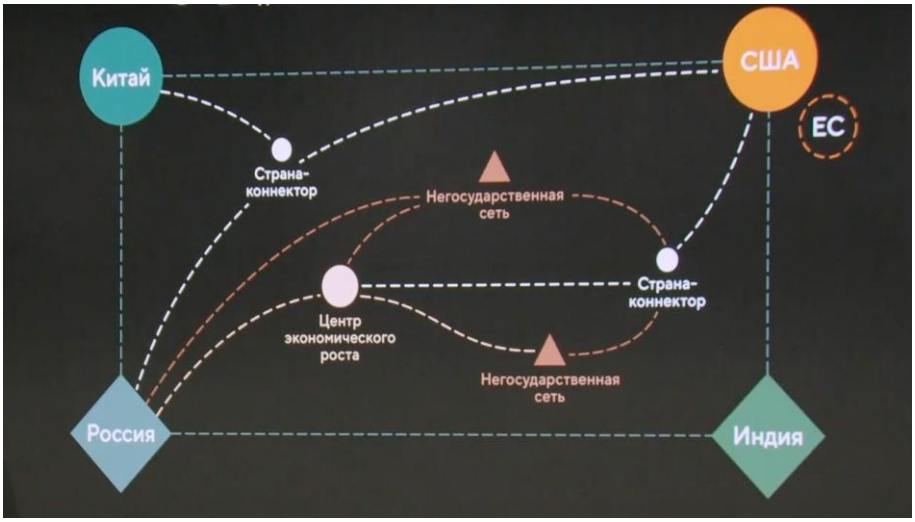

Рис. 1. Структура многополярного мира по М.С. Орешкину (скриншот презентации)[1]

С этой точки зрения проверкой реальности нового многополярного порядка может стать развязанная 28 февраля 2026 г. президентом Д. Трампом война против Ирана. Она явственно демонстрирует переходное состояние миропорядка. С одной стороны, неожиданно упорное и эффективное сопротивление Ирана обнаружило ограниченность мощи и возможностей США. С другой – ни один из прочих потенциальных полюсов многополярного мира не занял открытую позицию полной поддержки Ирана как жертвы агрессии и прямого противостояния США как агрессору (так же как ранее в случае с Венесуэлой). Завершение этого конфликта на условиях США и Израиля означало бы подтверждение того, что сегодня сохраняется и сохранится на обозримую перспективу однополярный мировой порядок во главе с США и их сателлитами. Но и обнаружение их неспособности достичь своих целей не обязательно указывает на утверждение многополярности.

Не случайно, многополярность признается многими экспертами еще далекой от завершения и закрепления. Высказываются мысли о достаточно длительном периоде «бесполярности» международной системы и о биполярности (США – Китай) как ближайшем вероятном результате идущей трансформации мирового порядка [Хаас 2008; Дмитриченко 2023; Дынкин 2024]. Подготовленный в

[1] Открытый диалог «Будущее мира. Новая платформа глобального роста». Январские экспертные диалоги [Электронный ресурс] // Национальный центр Россия: сайт. URL: https://russia.ru/broadcasts/otkrytie-ianvarskix-ekspertnyx-dialogov (дата обращения 07.02.2026).

2024 г. Институтом мировой экономики и международных отношений РАН прогноз глобальных трендов, экономики и политики на ближайшую (2025) и более отдаленную перспективу исходит из того, что *мир перестал быть однополярным*. Ожидания и даже надежды Запада, при всех опасениях и даже неприязни традиционного истэблишмента к Д. Трампу, на американское лидерство в урегулировании множественных конфликтов, не означают восстановления доминирующей роли США. Однако, как замечают авторы прогноза ИМЭМО РАН, *движение к полицентричной модели остается пока неопределенным и не предопределенным* [Россия и мир… 2024: 27, 28].

Оценка потенциала глобального влияния России. В условиях незавершенного перехода к новому миропорядку для каждой страны, и для России в том числе, главный вопрос заключается в том, *каков сейчас и как меняется ее экономический, культурный и военно-политический потенциал*, который и будет определять ее положение в реальном мире.

С этой точки зрения более внимательного анализа заслуживает предложенный А. Дробининым и Е. Пискуновым перечень критериев, которым должен соответствовать субъект (это может быть отдельное государство или какое-то объединение государств), чтобы его можно было считать полюсом. Если оставить в стороне вопрос о «коллективных полюсах», то в приложении к России различные критерии имеют разную степень выраженности. Безусловно очевидным и сильным, «атрибутивным» для России выступает *политический критерий* – реальная суверенность/независимость в принятии политических решений, имеющих региональное и глобальное значение. Он является в известной мере производным от *концептуального критерия* – наличия собственного видения перспектив мирового развития. Но далее авторы говорят об условиях продвижения этого видения на международной арене – «способности и политической воле делиться ради этого частью своих ресурсов и технологий с другими странами, выступать поставщиком глобально значимых общественных благ». Вряд ли все эти условия можно безоговорочно считать имеющимися налицо. То же самое относится *экономическому критерию* – высокому уровню самодостаточности и устойчивости экономики за счет надежного доступа к широкому спектру ресурсов и технологий их использования (снова технологии как «путь преткновения»); к *интегрирующему критерию* – высокому уровню внутренней консолидированности и устойчивости, на основе однородной политической культуры, единых духовно-нравственных ценностей и других элементов цивилизационной идентичности (политическое единство сегодня – очевидный факт, цивилизационная идентичность – предмет незавершенных поисков); *проектному критерию* – успешному воплощению в жизнь собственной модели государственного (национального) развития (какую именно из «опробованных» Россией моделей считать успешной остается вопросом общественных дискуссий) [Дробинин, Пискунов 2025: 8].

Если согласиться с тем, что многополярность характеризует скорее вектор изменений, а не установившуюся равновесную структуру мирового порядка, нельзя не обратить внимание на глубокие диспропорции удельного веса тех четырех полюсов, которые фигурируют в вышеприведенной презентации М.С. Орешкина.

Весьма значительна и практически не поддается выравниванию асимметрия демографических масштабов эвентуальных полюсов многополярного мира. Оценки и прогноз Отдела народонаселения Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, при всей условности конкретных цифровых показателей адекватно представляют общие тенденции демографического развития (Таблица 2.12). Для полноты картины я включил данные по Северной, Южной и Западной Европе, чтобы, не занимаясь страновой выборкой и суммированием данных по Европейскому Союзу, все-таки учесть приблизительный совокупный вес фактора Евроатлантического единства.

Таблица 2.12

Оценка и прогноз численности населения основных мировых центров (тыс. человек)

Страна/регион	2023	2050	2100
Россия	145 675	136 256	126 439
США	342 475	380 413	421 007
Европа (Северная, Южная, Западная)	459 076	447 907	392 488
Китай	1 424 261	1 265 432	638 685
Индия	1 431 703	1 677 687	1 509 107

Источник: [World Population… 2024].

Если не вдаваться в детали меняющегося соотношения в демографическом весе Китая и Индии и не привлекать данные по таким растущим центрам как Индонезия, Пакистан, Нигерия или Бразилия, то относительно России очевидно одно – демография уже никогда не будет самостоятельным фактором ее силы и мирового влияния.

В международных сравнениях экономического потенциала с российской стороны приоритет отдается оценкам по паритету покупательной способности валют. В таком измерении российская экономика занимает четвертое местов мире, а в пересчете на душу населения превосходит Китай и Индию, занимающие по объему ВВП первое и третье места, соответственно (Таблица 2.13).

Таблица 2.13

Валовой внутренний продукт стран мира

Страна	ВВП по ППС в млрд. долл. США	ВВП по ППС на душу населения в долл. США
Китай	38 191,1	27 105
США	29 184,9	85 810
Индия	16 190,8	11 159
Россия	6 921,2	47 362
Япония	6 407,7	51 685
Германия	6 037,9	72 300

Источник: [Россия и страны… 2025: 110, 111].

Но таблица показывает, что ВВП России по ППС более чем в 5 раз меньше китайского, более чем в 4 раза меньше американского и болеем чем в 2 раза

меньше индийского, тогда как объемы ВВП Японии и Германии, следующих за Россией на пятом и шестом местах, также превышают 6 трлн. долл. А показатель ВВП на душу населения в России ниже, чем у большинства европейских стран, включая, например, Румынию, Литву и Эстонию.

Не подлежит сомнению, что в мировой экономике формируется несколько центров силы, на которые будут замыкаться контуры товарных и финансовых потоков. Китай и Индия в их числе, но ни США, ни Европейский Союз как центры экономической мощи никуда не исчезают (Таблица 2.14).

Таблица 2.14

Доля стран в мировой экономике и населении

Страна	Доля в мировом ВВП, %	Доля в мировом экспорте товаров и услуг, %	Доля в мировом населении, %
США	14,9	9,9	4,3
ЕС	11,6	25,4	4,4
Китай	19,5	11,8	17,7
Индия	8,3	2,6	18,2
Россия	3,5	1,5	1,8

Источник: [World Economic… 2025: 107].

По оценке российских экспертов полноценными центрами экономической силы в мире в настоящее время можно считать Северную Америку во главе с США, ЕС и Китай. Экономический потенциал России пока недостаточен для того, чтобы стать полноценным центром силы. Она отстает от этих мировых центров практически по всем параметрам, в том числе по показателям научно-технического развития – в десятки раз [Россия и мир… 2024: 28; Широв и др. 2024: 76, 77]. В докладе Института экономики РАН о структурных изменениях в российской экономике и политике технологической трансформации констатируется, что России сегодня нет среди лидеров в ключевых критических и сквозных технологиях по количеству патентов и публикациям, по контролю над рынком в областях, связанных с четвертой промышленной революцией [Структурные изменения… 2025: 43]. Речь идет об искусственном интеллекте, интернете вещей, обработке больших данных, высокоскоростном интернете, технологии блокчейна, многомерной печати, робототехнике и т.д.

Во всех этих областях идет глобальная гонка, и лидерами в ключевых прорывных технологиях четвертой промышленной революции – искусственном интеллекте, квантовых вычислениях, полупроводниках – являются США, Китай и Европа. Причем, как показало масштабное исследование европейских аналитических центров Bruegel и MERICS идет интенсивная диффузия инноваций, что позволяет отстающим догонять лидеров. Быстрее всего новые технологии из других экономик перенимают США, Китай – несколько медленнее, а Европа – относительно долго. Между патентованием китайской радикальной инновации в квантовых вычислениях и ее репликацией в американских патентах в среднем проходит меньше двух месяцев. А ссылка на китайскую инновацию в полупроводниковой области и в сфере ИИ появляется в американских патентах через 70

и 75 дней соответственно. Китайские разработчики заимствуют у США революционные изобретения в квантовых вычислениях и в ИИ в среднем через 2,5 месяца, а изобретения в полупроводниковой сфере – примерно через 120 дней. Технологическое лидерство США и Китая – во многом результат тесной интеграции их инновационных систем, которая сохраняется, несмотря на введение США экспортного контроля в критически важных технологиях в 2022 г.[1] Оставаться в стороне от этой гонки, быть исключенным из диффузии инноваций значит все больше отставать от лидеров.

Специфика текущей ситуации для России. Для России реализация конструктивного сценария вхождения в число мировых центров экономической силы путем сближения уровня подушевого ВВП с параметрами развитых стран на основе интенсивного научно-технологического развития и обеспечения технологических достижений глобального уровня чрезвычайно затруднена в условиях, когда:

– западные страны усиливают ограничения на внешнеэкономический обмен России, а крупные развивающиеся страны рассматривают РФ исключительно как источник поставляемых с дисконтом природных ресурсов и потенциальный рынок сбыта своей продукции;

– при недостаточности темпов собственного научно-технического развития РФ недружественные страны располагают сильным рычагом воздействия на российскую экономику в виде существенных ограничений на доступ к зарубежным технологиям, а наиболее развитые дружественные страны не спешат вступать с ней в долгосрочную и глубокую технологическую кооперацию;

– жесткая конфронтация с Западом делает необходимым поддержание более значительных расходов на оборону и охрану правопорядка, что требует дополнительного перераспределения средств от населения и бизнеса в пользу государственных расходов [Широв и др. 2024: 78, 79].

Все это напрямую связано с таким особым обстоятельством, как специальная военная операция, идущая с февраля 2022 года. А. Дробинин и Е. Пискунов подчеркивают высокую значимость СВО в процессе перестройки миропорядка: «Она убедительно продемонстрировала пределы гегемонистских возможностей США и их сателлитов. Политическое значение СВО признается всеми, а ее трансформирующую роль в мировой истории еще только предстоит оценить» [Дробинин, Пискунов 2025: 6]. В общеисторическом масштабе это не вызывает сомнений. Но с точки зрения ближайших последствий для решения задач перехода России к инновационному развитию оценка не может быть столь однозначной. Иногда говорят о будущей «победе» над Украиной, как если бы речь шла о двустороннем межгосударственном конфликте, где военная победа гарантирует достижение всех политических целей и возвращение к «мирным», «нормальным» отношениям со странами, составившими враждебную России коалицию. На данном этапе хода военных действий не просматривается перспектива разгрома вооруженных сил противника, ликвидации нынешнего киевского режима,

[1] Демьяненко В. Глобальная гонка технологий: сравнение США, Европы и Китая. [Электронный ресурс]. 6 июня 2025. // Эконс. Экономический разговор: сайт. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/globalnaya-gonka-tekhnologiy-sravnenie-ssha-evropy-i-kitaya/ (дата обращения 11.01.2026).

денацификации Украины или овладения Россией новыми крупными территориями за пределами Донбасса. Все это подразумевается с точки зрения тех, кто говорит о военной победе. Более реалистичным сценарием достижения военных целей СВО следовало бы считать принуждение киевского режима и его западных союзников к отказу от прямой вооруженной борьбы против России не только в ближайшее время, но и на перспективу. Этим не будет ликвидирована глубокая и длительная враждебность, украинского государства и стран Запада к России, или предотвращено расширение масштабов использования ими всех иных способов давления на нее (при сохранении и военной угрозы в связи с гонкой вооружений, наращиваемой Западом). А наиболее развитые и могущественные государства, классифицируемые в качестве «дружественных» России, вряд ли пойдут на реализацию форм сотрудничества с ней, в наибольшей степени отвечающих интересам ее ускоренного научно-технологического и экономического развития. Столь же очевидно стремление наиболее близких России (не исключая Белоруссию) постсоветских государств (Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии) уравновесить свои отношения с ней более тесными связями с другими мировыми центрами – Китаем и США, в первую очередь.

Таким образом, за счет связей с альтернативными партнерами можно будет лишь частично нивелировать негативный эффект долгосрочных и беспрецедентных по масштабу санкций со стороны Запада на кратко- и среднесрочном горизонте, предупреждают экономисты. Обретя устойчивый характер, санкционные шоки перерастают в длительный макроэкономический стресс, в экономике запускается механизм структурного упрощения. Классические антикризисные меры бессильны перед таким стрессом, необходимо менять внутренний экономический курс [Смородинская, Катуков 2022: 61].

Вместе с тем, если бы гипотетически допускался сценарий завершения СВО в результате военного поражения России, то все указанные выше негативные факторы приобрели бы катастрофический характер. Военной победе России в СВО в обозначенном выше смысле нет альтернативы. Но с точки зрения интересов политики развития и закрепления за Россией статуса одного из мировых центров в многополярной мировой системе, важно, чтобы завершение СВО расширило возможности для дискреционных решений и комплексного наращивания экономического и культурного потенциала влияния страны наряду с военно-политическим. Упрочение позиций Российской Федерации как одного из самостоятельных, ответственных и влиятельных центров современного мира требует, чтобы политический суверенитет и военная мощь страны дополнялись не просто устойчивостью экономики, а ее конкурентоспособностью, опережающим развитием на передовой научно-технологической базе; не просто гражданской сплоченностью, а привлекательным образом свободного и динамичного общества.

Заключение

Сосредоточение научного интереса и общественного внимания на мегатрендах – тех явлениях и процессах, которые уже налицо в настоящее время, и которые будут так или иначе определять условия и формы существования людей в

ближайшие десятилетия на глобальном, национальном, субнациональном (региональном) и локальном уровне, свидетельствует о двух вещах. Во-первых, о том, что рефлексия глубинного, фундаментального порядка развивается в современном обществе не постфактум, не тогда, когда обнаружат себя все последствия новых явлений, а с самого начала инновационной динамики. Во-вторых, о том, что эта рефлексия имеет практическую направленность – поиск путей и средств эффективного использования преимуществ инновационной развития и минимизации рисков и угроз с ним связанных.

Россия не может не включиться в глобальную научно-технологическую гонку, но она имеет неблагоприятные стартовые позиции. По состоянию на середину 2020-х гг. ее место в глобальном инновационном индексе далеко не соответствует ее статусу великой державы. При этом наиболее высокие позиции она занимает по показателю «человеческий капитал и наука», а наиболее низкие – по качеству институтов. Активная государственная поддержка и возможности широкого международного сотрудничества в передовых отраслях науки и технологий являются необходимыми условиями интенсификации инновационного развития. На этом пути страна встречает значительные препятствия. Хотя в последние годы наблюдается некоторый рост доли промышленной продукции высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей высокого уровня, последствия «примитивизации» российской экономики и ослабления научно-технологического потенциала в 1990-2000-е гг. далеки от преодоления. Серьезным сдерживающим фактором экономического прогресса страны выступает такой мегатренд, как демографический переход. Он носит мировой характер, но развивается неравномерно. Снижение рождаемости, сокращение численности и старение населения в России уже приобрели необратимый характер. Демография из ресурса превратилась для страны в проблему. И отставание в научно-технологической сфере, и демографические проблемы в данном случае имеют геополитическое измерение. Идет трансформация миропорядка, и Россия не может уклониться от роли одного из центров в его новой конфигурации. В связи со всем отмеченным выше указывается на необходимость «смены модели» экономического развития страны. Но «смена модели» – это не рутинный поворот в рамках экономической политики правительства. Она может быть результатом либо глубокого экономико-социального переворота, либо более или менее длительного периода структурной перестройки экономики. При этом, в условиях современного мирового развития особое значение приобретает фактор времени. Научно-технологические изменения развиваются с нарастающим ускорением.

Предпосылок для экономико-социального переворота в современной России не просматривается, а если бы и присутствовали, то в напряженной геополитической ситуации они несли бы угрозу краха государственности. Но «смена модели» экономического развития России в любом случае не может быть единовременным актом. Для нее потребуется некий переходный период, в течение которого будут действовать и долговременные, уже наличествующие, и могущие возникнуть новые факторы, усложняющие решение задач научно-технологического прогресса и инновационного развития в целом. Следовательно, потребу-

ется мобилизация всех сил государства и общества, чтобы обеспечить ускоренное научно-технологическое и экономическое развитие страны, позволяющее сократить или – в идеале – ликвидировать существенное отставание от мировых лидеров в исторически короткие сроки.

Гладкая адаптация региона к новым условиям своего существования была бы возможна при отсутствии ограничений и препятствий на полноценное включение страны в глобальную инновационную динамику и при динамичном выравнивании социально-экономических структур регионов в рамках государственных программ пространственного развития. В обозримой перспективе оба эти условия не просматриваются. Между тем, независимо от меры включения территории региона в процессы современного развития, его основные тенденции будут определять структуру возможностей для каждого члена регионального социума. Эта ситуация порождает двойной вызов для региональных властей и общества.

Во-первых, внешние (геополитические) препятствия и внутренние (ресурсные) ограничения для активной государственной политики регионального развития повышают ответственность и роль самого региона в достижении ее целей. Если государство должно мобилизовать все необходимые ресурсы – интеллектуальные, человеческие, финансовые, материальные – для общенационального прорыва в научно-технологическом и экономической развитии, то регион должен делать то же самое на своей территории в пределах своих полномочий.

Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях «вынесения» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия несет угрозу дезинтеграции традиционных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности. Если коллективная и индивидуальная адаптация к научно-технологической и экономико-социальной революции современности не будут развиваться рука об руку, эти угрозы для народов региона станут неотвратимыми. Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

И максимальная мобилизация всех ресурсов регионального развития, и совмещение индивидуального и социально-регионального измерений в современных трансформационных процессах возможны только в рамках выверенной стратегии регионального инновационного развития. И это возвращает к затронутому во введении к статье вопросу о роли рефлексивности в жизни современного общества.

Очевидно, что рефлексивность как следствие модернизации является воплощением зрелой рациональности, дошедшей до завершения рационализации общественных практик, а стратегию, в этом смысле, можно определить как «расширенное» и структурированное целерациональное действие. Оно включает в себя принцип обратной связи, строится на постоянном самообучении, на пробах, ошибках и извлекаемых из них уроках, на переоценке достигнутых результатов и эффективности используемых механизмов.

Когда речь идет о личных стратегиях, способность к рациональной рефлексии – это вопрос интеллектуальной и психологической зрелости личности. Когда же речь идет о стратегии не только для страны, но и для отдельного региона, в нее вовлекаются компетенции, опыт, интересы многих, а в пределе – всех членов общества. Рациональная рефлексия в этом случае приобретает общественный характер, что предполагает наличие определенных социально-политических условий, институтов и публичных процедур, среди которых:

– способность научного экспертного сообщества выступать в качестве независимого носителя интеллектуального и социального авторитета, с которым считаются общество и региональные власти;

– осознание обществом и властью того, что социально-критическая функция науки – это ее сущностная, неустранимая характеристика, ее позитивный вклад в решение общественных проблем;

– наличие в регионе открытой публичной сферы, через которую ведется общественный поиск решения возникающих проблем, а научные экспертные оценки и рекомендации – входят в массовое сознание и практику;

– реальное функционирование ключевого института, придающего смысл общественным дискуссиям – свободных и справедливых выборов, как реального механизма формирования власти и обеспечения ее ответственности перед обществом.

Эти условия, институты и процедуры в качестве инфраструктуры и нормативной модели функционирования общества и государственной власти в регионе формально могут считаться наличествующими. Будут ли они переведены из «спящего» состояния в активный рабочий режим остается под вопросом. Во всяком случае, региональный эволюционный процесс сформировал базовые предпосылки, а глобальный и национальный российский контекст существования региона предъявляет сегодня настоятельный запрос на мобилизацию всех его социальных ресурсов для перехода на путь инновационного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Дайджест… 2024 – Дайджест инновационного развития № 11: Россия в Глобальном инновационном индексе [Электронный ресурс]. Дата выпуска 25.11.2024 // Аналитический дайджест инновационного развития: сайт. URL: http://инновационное-развитие.рф (дата обращения 21.02.2026).

Демографический ежегодник… 2023 – Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 256 с.

Заседание… 2021 – Заседание дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. 21 октября 2021 года // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 (дата обращения 28.10.2025).

Заседание Совета… 2025 – Заседание Совета Безопасности Российской Федерации 10 июня 2025 года [Электронный ресурс]. // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77160 (дата обращения 10.06.2025).

Изменение численности… 2023 – Изменение численности населения по вариантам прогноза [Электронный ресурс]. 29.12.2023 // https://rosstat.gov.ru/folder/12781 // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 06.03.2026).

Квартальный прогноз… 2026 – Квартальный прогноз ВВП. Выпуск № 69. Опубликован: 16.03.2026. – М.: ИНП РАН, 2026. – 54 с.

Компоненты… 2025 – Компоненты изменения численности населения [Электронный ресурс]. 25.04.2025. // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 06.03.2026).

Наука. Технологии… 2025 – Наука. Технологии. Инновации: 2025: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 104 с.

О динамике… 2026 – О динамике промышленного производства. Январь 2026 года [Электронный ресурс] (2026) // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/d28da33de877d11122ee727e2af3d85a/2026_02_27.pdf (дата обращения 01.03.2026).

Прогноз… 2026 – Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] (2026) // Министерство экономического развития РФ: сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения 24.02.2026).

Промышленное производство… 2016 – Промышленное производство в России. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 347 с. – С. 24-34.

Промышленное производство… 2021 – Промышленное производство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. – М., 2021. – 305 с.

Промышленное производство… 2025 – Промышленное производство в России. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 250 с.

Российский статистический… 2025 – Российский статистический ежегодник. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025 – 621 с.

Россия и страны… 2025 – Россия и страны мира. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 354 с.

Стратегия действий… 2025 – Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р [Электронный ресурс]. // Правительство России: официальный сайт. URL: http://government.ru/news/54573/ (дата обращения 13.03.2026).

Указ Президента… 2007 – Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. 09 октября 2007. // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299?ysclid=mmoon51bka704511271 (дата обращения 13.03.2026).

Указ… 2016 – Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: сайт. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/?ysclid=mrj3jtr5fa460441609 (дата обращения 13.07.2026).

Указ… 2023 – Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=mlnimyf7vs754354087 (дата обращения 15.02.2026).

Указ… 2024 – Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения 13.02.2026).

Форум… 2025 – Форум АСИ «Сильные идеи для нового времени» [Электронный ресурс]. 3 июля 2025 г. // Президент России: официальный сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/77353 (дата обращения 03.07.2025).

Численность населения… 2023 – Численность населения по отдельным возрастным группам [Электронный ресурс]. 29.12.2023 // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 06.03.2026).

Global Innovation… 2025 – Global Innovation Index 2025: Innovation at a Crossroads. Geneva: World Intellectual Property Organization (WIPO), – 2024. – 296 pp. DOI: 10.34667/tind.58864

World Economic… 2025 – World Economic Outlook (International Monetary Fund). A Critical Juncture amid Policy Shifts. April 2025. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2025. – 170 p.

World Population… 2024 – World Population Prospects 2024. File GEN/01/REV1: Demographic indicators by region, subregion and country, annually for 1950-2100. Medium fertility variant, 2024-2100 [Online resource]. // United Nations: site. URL: https://population.un.org/wpp/downloads?folder=Standard %20Projections&group=Most %20used (date of access 03.03.2026).

Литература

Ахапкин 2025 – Ахапкин Н.Ю. Динамика промышленного производства в России: эффекты санкционных ограничений и изменений отраслевой структуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 6. – С. 7-23.

Боркин, Сайфитдинова 2024 – Боркин Л.Я., Сайфитдинова А.Ф. Наукометрия, оценка научной деятельности ученых и научная политика в России // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». – 2024. – Т. 16. – № 1. – С. 103-143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906

Боров 2025 – Боров А.Х. Концептуальные основы интерпретации региональной истории: теории эволюции и модернизации // Вестник КБИГИ. – 2025. – № 4-1 (67). – С. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32 EDN: NQIAII

Власова 2025 – Власова В.В. Глобальный инновационный индекс – 2025. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/1085304545.html.

Власова, Дитковский 2025 – Власова В.В., Дитковский К.А. (2025) Динамика и структура промышленного производства России [Электронный ресурс]. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: сайт. URL: https://issek.hse.m/news/i0467Q3074.html. (дата обращения 24.02.2026)

Гринберг 2015 – Гринберг Р.С. Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 1. – С. 10-29.

Дмитриченко 2023 – Дмитриченко А. Бесполярность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. – 2023. – № 3. – С. 4-9.

Донской, Ужакова 2024 – Донской Д.А., Ужакова М.В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. Экономика. Финансы. Общество. – 2024. – №4 (12). – С.51-61. DOI:10.24412/2782-4845-2024-12-51-61

Дробинин, Пискунов 2025 – Дробинин А., Пискунов Е. Что такое многополярный мировой порядок: актуальные теоретические и прикладные аспекты // Международная жизнь. – 2025. – № 8. – С. 4-13.

Дынкин 2024 – Дынкин А.А. Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 8-23. DOI https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.02. EDN: ETDUKS

Егоров, Штоль 2023 – Егоров В., Штоль В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение // Международная жизнь. – 2023. – № 2. – С. 64-75.

Еремин и др. 2025 – Еремин В.В., Побываев С.А., Сильвестров С.Н. Экономические факторы глобальной турбулентности // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 6. – С. 86-108.

Комков 2019 – Комков Н.И. Анализ и оценка перспектив реализации Стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 5 (176). – С. 73–87. EDN SCVJGO.

Коннов, Талагаева 2023 – Коннов В.И., Талагаева Д.А. Понятие “инновации” как политический инструмент: от линейной инновационной модели к “треугольнику знаний” // *Полис. Политические исследования.* – 2023. – № 5. – С. 29-44. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.03. EDN: ICNSVF

Нейсбитт 2003 (1982) – Нейсбитт Дж. Мегатренды. – М.: АСТ; Ермак, 2003. – 380 с.

Нешитой 2014 – Нешитой А.С. Оценка промышленного потенциала России и уровня его использования (императив модернизации промышленного производства) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 29 (266). – С. 14-34.

Российская экономика…2025 – Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития. Научный доклад: кол. авт. / Под ред. М.Ю. Головнина. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 120 с.

Рыбаковский, Фадеева 2025 – Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Итоги естественного и общего движения населения России и ее регионов (2001–2024 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5. – № 4. – С. 133–145. DOI 10.19181/demis.2025.5.4.8. EDN FWTRJA.

Савельева, Полетаев 1997 – Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – 800 с.

Семёнов 2024 – Семёнов Е.В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 53–62. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

Смирнов 2025 – Смирнов А.В. Демографические и экономические последствия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2025. – Т. 5. – № 2. – С. 22–39. DOI 10.19181/demis.2025.5.2.2. EDN SLFPOW.

Смородинская, Катуков 2022 – Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 6. – С. 52–67.

Структурные изменения… 2025 – Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации: Доклад / Е.Б. Ленчук (отв. ред.), Н.Ю. Ахапкин, Л.Н. Лыкова, И.А. Николаев, В.И. Филатов. – М.: ИЭ РАН, 2025. – 72 с.

Хаас 2008 – *Хаас Р.* Эпоха бесполярного мира [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4. URL: https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/ (дата обращения 11.02.2026).

Шваб 2016 – Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: «Эксмо», 2016. – 138 с.

Широв и др. 2024 – Широв А., Порфирьев Б., Гусев М., Колпаков А. Россия в условиях регионализации мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 11. С. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.

Щербакова 2025 – Шербакова Е. Миграция в России, предварительные итоги 2024 года. [Электронный ресурс]. // Демоскоп.ru: сайт. Демоскоп weekly. – № 1071-1072. – 15 апреля – 28 апреля 2025. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom01.php (дата обращения 17.03.2026).

Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025 – Юнина-Пакулова Н.Ю., Сидоренко И.А. Понятийно-категориальный анализ термина «временная перспектива личности» в отечественной и зарубежной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2025 – № 18 (1). – С. 86-97. DOI: 10.11621/TEP-25-05

Giddens 1990 – Giddens A. The Consequences of Modernity. – Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. – 186 p.

Hajkowicz 2015 – Hajkowicz S. Global megatrends: Seven patterns of change shaping our future. – Clayton South, VIC: CSIRO Publishing, 2015. – 210 pp. https://doi.org/10.1201/9781315364438

Koselleck 2004 – Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. – New York: Columbia University Press, 2004. – Pp. 255-276.

Naisbitt, Aburdene 1990 – Naisbitt J., Aburdene P. Megatrends 2000. Ten new directions for the 1990's. – N.Y.: William Morrow and Company, 1990. – 384 pp.

Naughtin et al. 2024 – Naughtin C.K., Schleiger E., Bratanova A., Terhorst A., Hajkowicz S. Forty years in the making: A systematic review of the megatrends literature // Futures. – 2024. – Vol. 157. – P. 103329. [Online resourse] // ScienceDirect: site. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328724000120 (date of access 08.02.2026). https://doi.org/10.1016/j.futures.2024.103329

Schwab, Davis 2018 – Schwab K., Davis N. Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. A Guide to Building a Better World. – New York: Currency, 2018. – 385 pp.

REFERENCES

AKHAPKIN N.Yu. *Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Rossii: ehffekty sanktsionnykh ogranichenii i izmenenii otraslevoi struktury* [Industrial Production Dynamics in Russia: Effects of Sanctions Restrictions and Changes in the Industry Structure]. IN: Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2025. – No. 6. – P. 7-23. (In Russ.).

BORKIN L.Ya., SAIFITDINOVA A.F. *Naukometriya, otsenka nauchnoi deyatel'nosti uchenykh i nauchnaya politika v Rossii* [Scientometrics, Assessment of Scientific Activities of Scientists, and Science Policy in Russia]. IN: Mezhdistsiplinarnyi nauchnyi i prikladnoi zhurnal «Biosfera». – 2024. – T. 16. – No. 1. – P. 103-143. DOI: 10.24855/biosfera.v16i1.906. (In Russ.).

BOROV A.Kh. *Kontseptual'nye osnovy interpretatsii regional'noi istorii: teorii ehvolyutsii i modernizatsii* [Conceptual Framework for the Interpretation of Regional History: Theories of Evolution and Modernization]. IN: Vestnik KBIGI. – 2025. – No. 4-1 (67). – P. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32 EDN: NQIAII (In Russ.).

DMITRICHENKO A. *Bespolyarnost' kak promezhutochnyi ehtap na puti k mnogopolyarnosti?* [Non-polarity as an Intermediate Stage on the Way to Multipolarity?]. IN: Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2023. – No. 3. – P. 4-9. (In Russ.).

DONSKOI D.A., UZHAKOVA M.V. *Analiz demograficheskoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii. Prognoz na 2024–2026 gg.* [Analysis of the Demographic Situation in the Russian Federation. Forecast for 2024–2026.]. IN: EHFO. Ehkonomika. Finansy. Obshchestvo. – 2024. – No. 4 (12). – P. 51-61. DOI:10.24412/2782-4845-2024-12-51-61. (In Russ.).

DROBININ A., PISKUNOV E. *Chto takoe mnogopolyarnyi mirovoi poryadok: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye aspekty* [What is a Multipolar World Order: Topical Theoretical and Practical Aspects]. IN: Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2025. – No. 8. – P. 4-13. (In Russ.).

DYNKIN A.A. *Transformatsiya mirovogo poryadka: ehkonomika, ideologiya, tekhnologii* [World Order Transformation: Economy, Ideology, Technology]. IN: Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2024. – No. 5. – P. 8-23. DOI 10.17976/jpps/2024.05.02. EDN: ETDUKS. (In Russ.).

EGOROV V., SHTOL' V. *Global'nye megatrendy: aktual'noe prochtenie* [Global Megatrends: A Topical Reading]. IN: Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2023. – No. 2. – P. 64-75. (In Russ.).

EREMIN V.V., POBYVAEV S.A., SIL'VESTROV S.N. *Ehkonomicheskie faktory global'noi turbulentnosti* [Economic Factors of Global Turbulence]. IN: Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2025. – No. 6. – P. 86-108. (In Russ.).

GIDDENS A. *The Consequences of Modernity*. – Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. – 186 p.

GRINBERG R.S. *Ehkonomika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, perspektivy* [Economy Of Modern Russia: State, Issues, Prospects]. IN: Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2015. – No. 1. – P. 10-29. (In Russ.).

HAJKOWICZ S. *Global megatrends: Seven patterns of change shaping our future*. – Clayton South, VIC: CSIRO Publishing, 2015. – 210 pp. DOI: 10.1201/9781315364438.

KHAAS R. *Ehpokha bespolyarnogo mira* [The Era of a Non-polar World]. [Ehlektronnyi resurs] IN: Rossiya v global'noi politike. – 2008. – No. 4. URL: https://globalaffairs.ru/articles/epoha-bespolyarnogo-mira/ (data obrashcheniya 11.02.2026). (In Russ.).

KOMKOV N.I. *Analiz i otsenka perspektiv realizatsii Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii* [Analysis and Assessment of the Prospects for Implementing the Strategy for Scientific and Technological Development of Russia]. IN: Problemy prognozirovaniya. – 2019. – No. 5 (176). – P. 73–87. EDN SCVJGO. (In Russ.).

KONNOV V.I., TALAGAEVA D.A. *Ponyatie "innovatsii" kak politicheskii instrument: ot lineinoi innovatsionnoi modeli k "treugol'niku znanii"* [The Concept "Innovations" as a Political Instrument: From the linear innovation model to the knowledge triangle]. IN: Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2023. – No. 5. – P. 29-44. DOI: 10.17976/jpps/2023.05.03. EDN: ICNSVF. (In Russ.).

KOSELLECK R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. – New York: Columbia University Press, 2004. – Pp. 255-276.

NAISBITT J., ABURDENE P. *Megatrends 2000. Ten new directions for the 1990's.* – N.Y.: William Morrow and Company, 1990. – 384 pp.

NAUGHTIN C.K., SCHLEIGER E., BRATANOVA A., TERHORST A., HAJKOWICZ S. *Forty years in the making: A systematic review of the megatrends literature.* IN: Futures. – 2024. – Vol. 157. – P. 103329. [Online resourse] // ScienceDirect: site. URL: https://:www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328724000120 (date of access 08.02.2026). DOI: 10.1016/j.futures.2024.103329.

NEISBITT Dzh. *Megatrendy* [Megatrends]. – M.: AST; Ermak, 2003. – 380 p. (In Russ.).

NESHITOI A.S. *Otsenka promyshlennogo potentsiala Rossii i urovnya ego ispol'zovaniya (imperativ modernizatsii promyshlennogo proizvodstva)* [Evaluation of the Industrial Potential of Russia and the Level of its Use (Imperative of modernizing industrial production)]. IN: Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'. – 2014. – No. 29 (266). – P. 14-34. (In Russ.).

Rossiiskaya ehkonomika pod sanktsionnym davleniem: promezhutochnye itogi (2022–2025 gg.) i perspektivy razvitiya. Nauchnyi doklad: kol. avt. / Pod red. M.Yu. Golovnina [Russian Economy Under Sanction Pressure: Preliminary Results (2022–2025) and Prospects for Development. Scientific Report: Collective of Authors / Ed. by M.Yu. Golovnin]. – M.: IEh RAN, 2025. – 120 p. (In Russ.).

Rossiya i mir: 2025. Ehkonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz / ruk. proekta: A.A. Dynkin, V.G. Baranovskii; otv. red.: I.Ya. Kobrinskaya, G.I. Machavariani [Russia and the World: 2025. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy. A.A. Dynkin, V.G. Baranovsky (project leads); I. Kobrinskaya, G. Machavariani (eds.)]. – Moskva: IMEHMO RAN, 2024. – 213 p. (In Russ.).

RYBAKOVSKII O.L., FADEEVA T.A. *Itogi estestvennogo i obshchego dvizheniya naseleniya Rossii i ee regionov (2001–2024 gg.)* [Results of the Natural and General Population Change in Russia and Its Regions (In 2001–2024)]. IN: DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2025. – T. 5. – No. 4. – P. 133–145. DOI 10.19181/demis.2025.5.4.8. EDN FWTRJA. (In Russ.).

SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachennogo* [History and Time: In Search of the Lost]. – M.: «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. – 800 P. (In Russ.).

SCHWAB K., DAVIS N. *Shaping the Future of the Fourth Industrial Revolution. A Guide to Building a Better World.* – New York: Currency, 2018. – 385 pp.

SEMENOV E.V. *Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: kachestvo dokumenta* [Scientific and Technological Development Strategy of the Russian Federation: The quality of the document]. IN: Upravlenie naukoi: teoriya i praktika. – 2024. – T. 6. – No. 3. – P. 53–62. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY. (In Russ.).

SHERBAKOVA E. *Migratsiya v Rossii, predvaritel'nye itogi 2024 goda* [Migration in Russia: Preliminary Results for 2024]. [Ehlektronnyi resurs]. // Demoskop.ru: sait. Demoskop weekly. – No. 1071-1072. – 15 aprelya – 28 aprelya 2025. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/barom01.php (data obrashcheniya 17.03.2026). (In Russ.).

SHIROV A., PORFIR'EV B., GUSEV M., KOLPAKOV A. *Rossiya v usloviyakh regionalizatsii mirovoi ehkonomik*i [Russia under the Conditions of Global Economy Regionalization]. IN:

Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2024. – Vol. 68. – No. 11. – P. 72–83. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83. (In Russ.).

SHVAB K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. – M.: «Ehksmo», 2016. – 138 p. (In Russ.).

SMIRNOV A.V. *Demograficheskie i ehkonomicheskie posledstviya pandemii COVID-19 v Rossiiskoi Federatsii* [Demographic and Economic Consequences of the COVID-19 Pandemic in the Russian Federation]. IN: DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2025. – T. 5. – No. 2. – P. 22–39. DOI 10.19181/demis.2025.5.2.2. EDN SLFPOW. (In Russ.).

SMORODINSKAYa N.V., KATUKOV D.D. *Rossiya v usloviyakh sanktsii: predely adaptatsii* [Russia under Sanctions: Limits of Adaptation]. IN: Vestnik Instituta ehkonomiki Rossiiskoi akademii nauk. – 2022. – No. 6. – P. 52–67. (In Russ.).

Strukturnye izmeneniya v rossiiskoi ehkonomike i politika tekhnologicheskoi transformatsii: Doklad / E.B. Lenchuk (otv. red.), N.Yu. Akhapkin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov [Structural Changes in the Russian Economy and the Policy of Technological Transformation: Scientific report / E.B. Lenchuk (ed.), N.Y. Akhapkin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov]. – M.: IEh RAN, 2025. – 72 p. (In Russ.).

YUNINA-PAKULOVA N.Yu., SIDORENKO I.A. *Ponyatiino-kategorial'nyi analiz termina «vremennaya perspektiva lichnosti» v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii* [Conceptual and Categorial Analysis of the Term “Time Perspective” in Russian and Foreign Psychology]. IN: Teoreticheskaya i ehksperimental'naya psikhologiya. – 2025 – No. 18 (1). – P. 86-97. DOI: 10.11621/TEP-25-05. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-61-76
EDN: AUAWKC

АДЫГО-АРМЯНСКИЙ ФАКТОР В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГОДОВ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ

Хамитби Борисович Мамсиров[1], **Андрей Вадимович Венков**[2], **Елена Хасановна Апажева**[3]

[1,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

[1] mamsirhb@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-8822-4532

[2] Южный научный центр, Ростов-на-Дону, Россия, andrey_venk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4455-2822

[3] yelena.apazheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1286-4127

Аннотация. Статья посвящена анализу адыгского (черкесского) и армянского факторов в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и их долгосрочным историческим последствиям. В работе рассматриваются два противоположных миграционных потока, спровоцированных войной: новая волна мухаджирства адыгов в Османскую империю и переселение западных армян на Черноморское побережье Кавказа. Особое внимание уделяется роли М.Т. Лорис-Меликова в переговорах с Османской империей. Выявляется глубинная структурная схожесть исторических судеб армян и адыгов как разделённых народов, ставших заложниками противоречий между великими державами. Анализируется провокационная политика Великобритании, пытавшейся использовать адыгов против России в период Кавказской и Крымской войн, а также современные попытки Запада спекулировать на памяти адыгов в период Олимпийских игр 2014 г. Для выявления общих закономерностей в судьбах народов Кавказа в работе также привлекается грузинский материал: роль России в физическом сохранении грузинского народа и участие грузинских представителей в советской государственной элите рассматриваются как сопоставительный контекст. В заключительной части анализируется современная политика Еревана и Тбилиси, подчёркивается, что нынешнее руководство этих стран предаёт забвению роль России в физическом сохранении их народов и создании государственности, а также повторяет трагические ошибки прошлого, ориентируясь на Запад.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг.; адыги; армяне; грузины; мухаджирство; Берлинский трактат 1878 г.; М.Т. Лорис-Меликов; разделённые нации; армянский вопрос; Георгиевский трактат; Севрский договор; черкесский вопрос; Олимпийские игры 2014 г.; Великобритания

Для цитирования: Мамсиров Х.Б., Венков А.В., Апажева Е.Х. Адыго-армянский фактор в русско-турецкой войне 1877–1878 годов и его современные проекции // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 61-76. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-61-76. EDN: AUAWKC.

© Мамсиров Х.Б., Венков А.В., Апажева Е.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE ADYGO-ARMENIAN FACTOR IN THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878 AND ITS MODERN IMPLICATIONS

Khamitbi B. Mamsirov[1], **Andrey V. Venkov**[2], **Elena K. Apazheva**[3]

[1,3] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] mamsirhb@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-8822-4532

[2] Southern Scientific Center, Rostov-on-Don, Russia, andrey_venk@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4455-2822

[3] yelena.apazheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1286-4127

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Adyghe (Circassian) and Armenian factors in the Russo-Turkish War of 1877–1878 and their long-term historical consequences. The paper examines two opposing migration flows triggered by the war: a new wave of Adyghe muhajirism to the Ottoman Empire and the resettlement of Western Armenians to the Black Sea coast of the Caucasus. Special attention is paid to the role of M.T. Loris-Melikov in negotiations with the Ottoman Empire. The profound structural similarity between the historical destinies of the Armenians and the Adyghe people is revealed – they are both divided peoples who have become hostages to the contradictions between great powers. The provocative policy of Great Britain, which sought to use the Adyghe against Russia during the Caucasian and Crimean Wars, is analysed, as are the West's modern attempts to capitalize on the memory of the Adyghe during the 2014 Olympic Games. To identify common patterns in the destinies of the peoples of the Caucasus, Georgian material is also drawn upon: Russia's role in the physical preservation of the Georgian people and the participation of Georgian representatives in the Soviet state elite are considered as a comparative context. The final part analyses the current policies of Yerevan and Tbilisi, emphasising that the current leadership of these countries is forgetting the role of Russia in the physical preservation of their peoples and the creation of statehood, and is also repeating the tragic mistakes of the past, focusing on the West.

Keywords: The Russo-Turkish War of 1877–1878; the Adyghe people; the Armenians; the Georgians; muhajirism; the Treaty of Berlin of 1878; M.T. Loris-Melikov; divided nations; the Armenian question; the Treaty of Georgievsk; the Treaty of Sèvres; the Circassian question; the 2014 Olympic Games; Great Britain

For citation: Mamsirov Kh.B., Venkov A.V., Apazheva E.Kh. The adygo-armenian factor in the russo-turkish war of 1877–1878 and its modern implications. In: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 61-76. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-61-76. EDN: AUAWKC.

© Mamsirov Kh.B., Venkov A.V., Apazheva E.Kh., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала поворотным событием не только для истории Балкан, но и для судеб народов Кавказа. В этой войне адыгский (черкесский) и армянский факторы проявились совершенно по-разному: для адыгов она стала продолжением трагедии изгнания и мухаджирства, для армян – возможностью политического прорыва, которая, однако, была реализована лишь частично. Война вызвала масштабные миграционные процессы и определила вектор исторического развития обоих народов на десятилетия вперёд.

При всей кажущейся противоположности выбора сторон в войне, армянский и адыгский народы обнаруживают разительное структурное сходство: оба

являются разделёнными нациями, ставшими заложниками геополитических противоречий между Османской, Российской и Персидской империями. Цель настоящей статьи – на основе анализа исторических источников и научной литературы показать комплексное влияние войны на адыгский и армянский народы, выявить структурные параллели их исторических судеб, а также проследить, каким образом историческое наследие XIX в. продолжает влиять на современную политическую повестку на Кавказе. Обращение к грузинскому материалу обусловлено тем, что судьба Грузии в составе Российской империи и СССР демонстрирует те же структурные закономерности, что и судьбы адыгов и армян: физическое спасение от внешних угроз, интеграция в имперскую элиту и последующее участие в советской государственности. Это позволяет выявить общую логику исторической динамики народов Кавказа и избежать изолированного рассмотрения каждого случая.

Адыгский (черкесский) фактор: между двумя империями

Важнейшим контекстом, определившим драматическую судьбу адыгов в XIX в., стала активная *провокационная политика Великобритании*, стремившейся использовать черкесский фактор как инструмент сдерживания и ослабления России[1].

В период Кавказской войны (1817–1864) и особенно в годы Крымской войны (1853–1856) британские эмиссары предпринимали систематические попытки поднять черкесов на вооружённую борьбу против России. Британское правительство заявляло, что «желает независимости Черкесии» [Кидирниязов 2021: 54].

Однако за декларациями о поддержке «независимости Черкесии» не последовало реальных шагов: военная и финансовая помощь союзников оставалась символической, а сами обещания носили откровенно инструментальный характер. Вслед за британцами к этой тактике подключились и французы, однако их совместные усилия не привели к ожидаемому результату. Как отмечает А.П. Машукова, «несмотря на небольшие волнения горских племён, их общего выступления против русских не последовало, и англо-французы не получили от горцев того содействия, на которое рассчитывали. Союзникам не удалось направить освободительное движение горцев в русло своих действий» [Машукова 2012: 19].

Более того, когда летом 1855 г. англичане решили высадить свои войска в Анапе и потребовали от адыгов уступить эту крепость, адыги заявили, что если англичане и французы займут Анапу, то они станут действовать против них как против своих врагов [Чирг 2002: 155]. Таким образом, расчёт внешних сил на использование черкесского фактора в собственных интересах не оправдался: горское население Северо-Западного Кавказа, утомлённое многолетней войной, предпочитало налаживать отношения с Россией как с соседом, а не полагаться на неопределённые обещания англичан и французов.

[1] Владимир Путин поблагодарил адыгов за поддержку Олимпиады [Электронный ресурс] // Аргументы и факты Адыгея. – 2014. – 11 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://adigea.aif.ru/politic/persona/1102262 (дата обращения: 31.06.2026 г.).

В рамках британской политики на Кавказе агенты Лонгворт и Белл пытались с помощью адыгского князя Сефер-бея сформировать шеститысячную черкесскую конницу с британским вооружением для действий против России, однако эти попытки оказались безрезультатными [Кидирниязов 2021: 54]. Турецкий ставленник Мухаммед-Амин, по некоторым данным, обещал собрать до 40-тысячного ополчения, однако эти сведения, основанные на донесениях лазутчиков, не всегда подтверждались, а большинство местного населения его не поддержало [Кидирниязов 2021: 55].

Во время Кавказской войны Великобритания не раз закулисно подталкивала черкесов к сопротивлению России, но после ее окончания тем более избегала их прямой поддержки, и заняла отстранённую позицию в связи с утверждением России на Северо-Западном Кавказе и исходом непокорного населения. Это показало подчинённое место Черкесии в британских приоритетах на османском Востоке, где Лондон прежде всего стремился контролировать проливы и пути в Индию. Лишь в мае – начале июня 1864 г. отдельные высокопоставленные чиновники британского внешнеполитического ведомства в Стамбуле, Петербурге и Лондоне стали активнее и откровеннее обсуждать проблему черкесских беженцев, однако их подходы были разнородны и не вывели вопрос на устойчивую международную повестку [Чочиев 2025: 76].

При этом британский Форин-офис уклонялся от постановки вопроса о моральной и финансовой ответственности России за «нецивилизованные» методы экспансии и от кредитования черкесской колонизации в Анатолии, ограничиваясь лишь отправкой умеренной гуманитарной помощи [Чочиев 2025: 84].

Таким образом, британская политика в отношении адыгов носила двойственный характер: на словах – поддержка «независимости», на деле – использование черкесов как дешёвого инструмента геополитического давления на Россию, без каких-либо реальных обязательств по их защите.

К началу войны 1877 г. основная масса адыгов уже эмигрировала из родных земель на Северном Кавказе в Османскую империю в результате завершения Кавказской войны (1864 г.). Их роль в новой войне была неоднозначной и во многом определялась их новым положением в османском обществе.

Участие в боевых действиях на стороне Османской империи. Многие адыги, оказавшиеся в Османской империи, были мобилизованы в турецкую армию. На Кавказском театре военных действий они воевали против русских войск, стремясь вернуть утраченную родину. По данным британской прессы того времени, «черкесские беженцы и священники, высаженные турками, распространяли восстание настолько эффективно, что вся полоса магометанской страны между Эвксинским морем и Каспием либо взялась за оружие, либо с трудом удерживается в повиновении» [The Rising... 1877: 2].

Служба в российской армии. В то же время существовал и противоположный опыт. В 1877 г. в Кубанской области впервые были сформированы черкесские сотни Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, воевавшие на стороне России. Несмотря на отдельные случаи дезертирства, командование высоко оценивало боевой дух всадников, их готовность «воевать за интересы России», а самих молодых черкесских дворян рассматривали как потенциальную новую

элиту для управления аулами. Как отмечает Р.С. Кандор, этот опыт показал один из действенных способов привлечения горцев к воинской повинности в Российской империи [Кандор 2019: 28–40].

Массовое выселение адыгов (мухаджирство) началось ещё после завершения Кавказской войны в 1864 г., однако русско-турецкая война 1877–1878 гг. спровоцировала его новую волну. Причины были взаимосвязаны: 1) Театр военных действий охватывал территории проживания адыгских племён. Боевые действия, реквизиции и общая нестабильность побуждали часть горского населения вновь искать убежище в Османской империи. 2) Часть адыгов, поддерживавшая турецкую армию, опасалась наказания со стороны российских властей. 3) Турецкое правительство было заинтересовано в привлечении мусульманских народов с Кавказа для заселения малоплодородных земель, укрепления армии, а также в качестве «жандармско-полицейской силы» в районах с преимущественно христианским населением, что напрямую касалось и армянских провинций [Аракелян 2011: 30–32].

Как отмечают исследователи мухаджирства, «эмиграция горцев в Османскую империю была целенаправленной политикой Российской империи по очищению стратегически важных территорий от нелояльного населения» [Ганич 2007: 25–29]. Война 1877–1878 гг. лишь интенсифицировала этот процесс.

Армянский фактор: надежды и политический компромисс

Для армянского населения, жившего в восточных провинциях Османской империи (Западная Армения) и в Закавказье (в составе Российской империи), война стала важнейшей вехой на пути к национальному самоопределению. Исход войны внушил армянам, оставшимся в пределах Османской империи, надежду на избавление от турецкого ига. Армянские общины возлагали большие надежды на победу России, видя в ней защитницу христианских народов [Осерская 2011: 30–32].

Итоги войны были закреплены на Берлинском конгрессе 1878 г. Важнейшим результатом для армян стало включение статьи 61 в Берлинский трактат, который впервые вынес армянский вопрос на уровень международной дипломатии и обязывал Порту провести реформы в армянских провинциях [Treaty of Berlin 1879: Article 61].

Однако статья 61 была более расплывчатой, чем первоначальный Сан-Стефанский договор. В Берлине европейские державы, прежде всего Великобритания, стремились ограничить усиление России. Контроль передавался всем великим державам, а Порта лишь обязывалась информировать их о мерах. Как позднее отмечалось в британском парламенте, «никакого прогресса не было достигнуто в осуществлении 61-й статьи» [Договоренности... 2015: 145–178].

Война и её итоги привели к активизации миграционных процессов и среди армянского населения, но в противоположном направлении – из Османской империи на Кавказ. Активное заселение Черноморского побережья Северного Кавказа армянским населением началось после завершения Кавказской войны (1864 г.) [Аракелян 2011: 30–32]. Однако особенно сильный поток армян-переселенцев устремился на территорию Сочинского и Туапсинского округов после русско-

турецкой войны 1877–1878 гг. и погромов 1895–1896 гг. [Абраамян 2003: 26]. Переселение регламентировалось «Положением Особого комитета» 1862 г., разрешавшим армянам переселяться без предоставления гражданства [Берже 1882: 347–370]. К 1906 г. армяне составляли 8,5 % населения Черноморской губернии [Первая всеобщая перепись населения.... 1905: 28–30].

Роль М.Т. Лорис-Меликова в переговорных процессах

Ключевой фигурой, связывающей эти два миграционных процесса, был выдающийся военачальник и государственный деятель *Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825–1888).* Летом 1864 г. М.Т. Лорис-Меликов был командирован в Константинополь с секретной миссией для переговоров с турецким правительством[1]. В ходе переговоров руководитель турецкой группы Али-Паша приветствовал его репликой: «Приятно видеть единоверца своего, но жаль, что на иностранной службе», символически отражающей его положение -армянина, служившего России[2].

Российская сторона стремилась, чтобы горцы селились как можно дальше от границы. В 1860 г. М.Т. Лорис-Меликов согласовал приём 5 тысяч семей, но Россия была заинтересована в их расселении в отдалённых территориях Анатолии [Договоренности... 2015: 145–178]. После переселения М.Т. Лорис-Меликов занимал жёсткую позицию, отказывая в возвращении [Договоренности... 2015: 151]. Его фигура символизирует армянского ставленника имперской системы, действовавшего в логике интересов России.

Историческая судьба двух народов: единство трагедии разделённых этносов

При всей противоположности выбора сторон, судьбы армян и адыгов обнаруживают структурное сходство. Оба стали классическими примерами «разделённых наций». *Во-первых,* синхронность разделов: после войн граница разделила Армению на Восточную (в составе России) и Западную (в составе Турции). Почти синхронно, в ходе Кавказской войны, адыгские земли были завоёваны Россией. *Во-вторых*, оба вопроса служили разменной монетой в геополитической игре. Армянские провинции рассматривались как «реформаторский полигон» для сдерживания России. Адыги стали объектом демографического манипулирования. *В-третьих,* общий опыт изгнания: мухаджирство адыгов и эмиграция армян – две стороны одной медали. К началу XX в. оба народа имели больше представителей за пределами исторических родин. *В-четвёртых,* неудавшийся опыт национального государства. Армянские попытки добиться автономии провалились, адыгские княжеские проекты были разгромлены. В войне армяне и адыги оказались по разные стороны не по своей воле, а потому что каждая империя использовала их в своих интересах. Оба народа оставались инструментами, а не субъектами истории.

---

[1] Мемуары М.Т. Лорис-Меликова о переговорах с турецким правительством по вопросу переселения горцев. 1864 г. // Восточная литература. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.vostlit.info/ (дата обращения: 30.06.2026 г.).

[2] Мемуары М.Т. Лорис-Меликова о переговорах с турецким правительством по вопросу переселения горцев. 1864 г. // Восточная литература. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.vostlit.info/ (дата обращения: 30.06.2026 г.).

Спекуляции на «черкесском вопросе» в современности: историческая преемственность западной политики

Принципиально важным является то, что тактика использования «черкесского фактора» для давления на Россию, апробированная Великобританией в XIX в., получила новое воплощение в начале XXI в. Западные структуры предприняли усилия по актуализации и политизации «черкесского вопроса» накануне и в период Олимпийских игр в Сочи (2014).

Активизация «черкесского вопроса» в 2010-х гг. была напрямую связана с предстоящими Олимпийскими играми. Как отмечает И.П. Добаев, Олимпиада в Сочи стала одним из информационных поводов для развёртывания сетецентричных операций и информационных войн против России на Северо-Западном Кавказе. Обращаясь к событиям Кавказской войны, внешние силы стремятся вбить клин между народами, населяющими Россию, углубить кризис идентичностей и затормозить формирование единой российской гражданской нации [Добаев 2011: 39–41]. В этом контексте ряд черкесских организаций выступил с требованиями признать события Кавказской войны «геноцидом» и отменить Олимпиаду в Сочи, что активно подхватывалось зарубежными центрами силы [Добаев 2011: 39–41].

Наиболее активную роль в актуализации «черкесского вопроса» играла современная Грузия при президенте М. Саакашвили. После военного поражения в августе 2008 г. грузинское руководство избрало тактику «мягкой силы», направленную на дестабилизацию Северного Кавказа. «Черкесский вопрос» стал составной частью северокавказской политики Грузии[1].

В ноябре 2010 г. в Тбилиси прошла конференция, участники которой призвали грузинский парламент признать события 1860-х гг. «геноцидом черкесского народа», а также обсудили возможность бойкота Олимпиады-2014. Парламент Грузии впоследствии признал события «геноцидом» [Черкесский вопрос 2012: 82–83] и призвал Запад объявить бойкот Олимпиаде.

Как заявил Президент России В.В. Путин, «черкесский вопрос» при подготовке Олимпиады «являлся политическим инструментом конкурентов России»[2]. По его словам, «попытка разыграть т.н. „черкесский вопрос“ являлась атавизмом политики сдерживания, которую страны Запада использовали против Советского Союза»[3].

Однако она не находит широкой поддержки среди самих черкесов. 1 июня 2011 г., пребывая в должности Главы Кабардино-Балкарии, Арсен Каноков, например, заявил, что «тяжёлые трагические моменты, к сожалению, вписаны в историю многих народов, в том числе и черкесского. Конечно, нельзя забывать

[1] Первоочередные меры по противодействию использования «черкесского вопроса» в деструктивных целях // Электронный ресурс. Режим доступа: http://orel-region.ru/antiterror/filese/Pervoocherednye_mery.pdf (дата обращения: 31.06.2026 г.).

[2] Владимир Путин поблагодарил адыгов за поддержку Олимпиады [Электронный ресурс] // Аргументы и факты Адыгея. – 2014. – 11 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://adigea.aif.ru/politic/persona/1102262 (дата обращения: 31.06.2026 г.).

[3] Владимир Путин поблагодарил адыгов за поддержку Олимпиады [Электронный ресурс] // Аргументы и факты Адыгея. – 2014. – 11 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://adigea.aif.ru/politic/persona/1102262 (дата обращения: 31.06.2026 г.).

прошлого, но сегодня надо смотреть вперёд и думать о будущем. Я уверен, нам, наоборот, надо взять инициативу в свои руки и продемонстрировать присущее нашему народу гостеприимство и принять максимальное участие в проведении олимпиады»[1]. Большинство черкесов, как и жителей других республик, понимают, что стабильность и развитие возможны только в партнёрстве с Россией[2]. Владимир Путин также поблагодарил адыгов за мудрость и взвешенность в период подготовки Олимпиады[3].

Таким образом, по нашему мнению, современные спекуляции на «черкесском вопросе» представляют собой прямую историческую преемственность британской политики XIX в. Как и тогда, западные центры силы пытаются использовать трагедию адыгского народа в качестве инструмента геополитического давления на Россию, не предлагая при этом реальных решений проблем черкесской диаспоры.

Историческая роль России в судьбе армян и грузин: от имперского спасения до советской элиты

Нынешнее руководство Армении и Грузии последовательно отходит от признания той фундаментальной роли, которую Российская империя, а затем и Советский Союз сыграли в физическом сохранении обоих народов и создании их современной государственности.

Как и в случае с армянами, присоединение Грузии к Российской империи стало для грузинского народа реальным спасением от гибели и полного порабощения турками и персами. История Грузии после распада единого царства в 1490 г. – это череда перманентных войн. В 1555 г. Османская империя и Персия заключили соглашение, разделив грузинские царства между собой. Грузинские цари и князья, осознавая, что самостоятельно отбиться от мощных восточных империй они не смогут, обратились к русскому царю. В 1783 г. царь Картли-Кахетии Ираклий II заключил с Екатериной II Георгиевский трактат, а в декабре 1800 г. Павел I подписал Манифест о присоединении Грузии к России.

Судьба Армении была не менее трагична. Как подчёркивается в исследованиях, «в начале XIX в. ... восточная Армения была присоединена к Российской империи. С этого времени Российское государство стало играть решающую роль в исторической судьбе армянского народа» [Оганесян 2015: 32]. Туркменчайский договор 1828 г. освободил Восточную Армению от персидского ига, а около 45 тысяч персидских армян переселились на завоёванные территории [Оганесян 2015: 30–32]. В 1915 г. по личному распоряжению Николая II русско-турецкая

[1] *Мальбахова О.* Черкесский вопрос. Спектр мнений через сто пятьдесят лет после войны // АПН. –2013. – 8 июля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://apn.ru/publications/article29771.htm (дата обращения: 20.06.2026 г.).

[2] Миф о «черкесском государстве» и его заказчики // News.com.kg. – 2025. – 12 июля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://news.com.kg/politika/mif-o-cherkesskom-gosudarstve-i-ego-zakazchiki/ (дата обращения: 31.06.2026 г.).

[3] Владимир Путин поблагодарил адыгов за поддержку Олимпиады [Электронный ресурс] // Аргументы и факты Адыгея. – 2014. – 11 февраля. Электронный ресурс. Режим доступа: https://adigea.aif.ru/politic/persona/1102262 (дата обращения: 31.06.2026 г.).

граница была приоткрыта для армянских беженцев, и Кавказская армия спасла более 350 тысяч армян[1].

Активная роль армян и грузин в реализации имперской и советской политики. Принципиально важным является тот факт, что в реализации имперской политики России на Кавказе армяне и грузины играли самую активную роль. Армянские и грузинские князья стали ключевыми проводниками российской политики в регионе. Армянская аристократия, породнившаяся с грузинскими родами, способствовала реализации Георгиевского трактата. Армянские генералы (М.Т. Лорис-Меликов, Иван Лазарев, Арзас Тер-Гукасов) «во время войны с Турцией 1877–1878 гг., командуя крупными соединениями на Кавказском фронте, прославили русское оружие и стали героями и для России, и для Армении» [Оганесян 2015: 32]. Грузинские князья и дворяне, в свою очередь, составили значительную часть офицерского корпуса Русской императорской армии.

Эта тенденция не только не ослабла, но и многократно усилилась в советский период. Представители армянского и грузинского народов занимали ключевые позиции в высшей партийно-государственной элите, выступая в качестве системообразующих архитекторов союзного центра. Среди них – И.В. Сталин (грузин), Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), фактический руководитель СССР на протяжении трёх десятилетий, в период которого страна превратилась в сверхдержаву, одержала победу в Великой Отечественной войне и осуществила масштабную индустриализацию; Л.П. Берия (грузин) – член Политбюро, нарком внутренних дел (1938–1945), заместитель председателя ГКО, Маршал Советского Союза, фигура, олицетворяющая противоречивость сталинской эпохи (сочетание репрессивных механизмов и оборонных проектов) [История Отечества 1999: 128]; Г.К. Орджоникидзе (грузин) – член Политбюро, нарком тяжёлой промышленности, один из главных организаторов индустриализации [Сахаров 1986: 82–83; Волынец 2021[2]]; А.И. Микоян (армянин) – член Политбюро ЦК КПСС (1935–1966), нарком внешней и внутренней торговли, один из создателей Закавказской федерации, в 1926-1946 гг. возглавлял ряд наркоматов, одновременно с 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1935-1966 гг. – член Политбюро (Президиума) ЦК. В 1942-1945 гг. – член Государственного комитета Обороны. С 1955 г. – 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. Входил в ближайшее политическое окружение И.В. Сталина, один из организаторов массовых репрессий в 1930-х – начале 1950-х гг. В 1956 г. поддержал Н.С. Хрущева в борьбе против культа личности Сталина. В 1964–1965 гг. занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР [История Отечества 1999: 285].

Однако если перечисленные деятели выступали агентами укрепления и расширения союзной государственности, то на завершающем этапе существования СССР институциональная роль выходцев из той же кавказской элиты претерпела

[1] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 24 апреля 2025 г. // Официальный сайт МИД РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2011317/ (дата обращения: 31.06.2026 г.).

[2] *Волынец А.* Горячий кавказец тяжёлой промышленности. 135 лет со дня рождения Серго Орджоникидзе // ТАСС. – 2021. – 22 октября. Электронный ресурс. Режим доступа: (дата обращения: 31.08.2026 г.).

кардинальную трансформацию. Институциональная двойственность политической субъектности Э.А. Шеварднадзе (грузина) в условиях дезинтеграции союзного государства проявляется в том, что он, как представитель той же партийно-государственной когорты, выступил уже не консолидатором, а одним из ключевых проводников внешнеполитического курса позднего СССР на односторонние уступки западным государствам, что, согласно ряду оценок, «в значительной степени подорвало военно-политический баланс... и нанесло непоправимый ущерб национальным интересам и обороноспособности нашей страны»[1].

Таким образом, парадоксальность роли Шеварднадзе заключается в совмещении функций союзного министра и агента трансформации, объективно способствовавшего ослаблению государственного суверенитета, а после распада СССР – возвращением в Грузию и занятием поста президента, что завершает траекторию его перехода от общесоюзного центра к национальному лидерству. Следовательно, кавказский компонент советской элиты демонстрирует эволюцию от имперостроительства (Сталин, Берия, Орджоникидзе, Микоян) к демонтажу союзной государственности (Шеварднадзе), что составляет системное противоречие, иллюстрирующее амбивалентность советской кадровой политики: выходцы из национальных республик оказывались одновременно и опорой центра, и, при изменении политической конъюнктуры, проводниками центробежных процессов.

Забвение исторической роли России в политике Еревана и Тбилиси: повторение трагических ошибок. Вопреки историческому фундаменту российско-армянских и российско-грузинских отношений – от физического спасения империей до высших эшелонов власти в центре СССР – современное руководство Армении и Грузии проводит курс системного пересмотра исторической памяти и отказа от признания роли России в сохранении своих народов.

Как заявила официальный представитель МИД России М.В. Захарова, «Ереван в последнее время системно вычёркивает из проектов и документов СНГ словосочетание „Великая Отечественная война“»[2]. В Армении демонтируются памятники героям войны, ревизуются исторические нарративы о роли СССР, а армянский премьер взял курс на дипломатическое дистанцирование от России и выход из ОДКБ[3].

Как и в Армении, в Грузии периодически ставится вопрос о переносе празднования Дня Победы с 9 на 8 мая, чтобы солидаризироваться с Европой. В 2011 г. была принята «Хартия свободы», ограничивающая советскую символику, что

[1] Ильинский И.М. «Перестройка» как заговор. «Товарищ» Э. Шеварднадзе // Знание. Понимание. Умение. – 2025. – № 1. Электронный ресурс. Режим доступа: https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/2074 (дата обращения: 30.06.2026 г.).

[2] *Захарова М.В.* Выступление на брифинге МИД России. 2026 // Официальный сайт МИД РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/brifingi/2112888/ (дата обращения: 30.06.2026).

[3] Внешняя политика Армении в 2026 году: отношения с Россией и Украиной, выход из ЕАЭС // Lenta.RU. – 2026. – 18 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2026/08/19/dunamalyan/amp/ (дата обращения: 30.06.2026 г.); Решения Пашиняна приведут Армению к потере суверенитета // URA.RU. – 2026. – 28 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ura.news/articles/1053122050 (дата обращения: 30.08.2026 г.).

привело к отвержению памяти о Великой Отечественной войне[1]. В 2006 г. в Тбилиси был открыт *Музей советской оккупации*, представляющий советский период исключительно как время репрессий[2].

Парадокс отмежевания. На фоне этого наследия – от спасения империей до высших эшелонов власти в центре СССР – современная политика памяти Армении и Грузии выглядит глубоко противоречивой. В Грузии создан Музей советской оккупации, однако именно грузины (Сталин, Орджоникидзе, Берия, Шеварднадзе) стояли у истоков этого государства, управляли им и в конечном счёте участвовали в его демонтаже, и ответственны за многие успехи и издержки советской власти. Грузинские учебники истории всё последовательнее трактуют советский период через категории «внешнего господства, утраты суверенитета, оккупации и прерванной государственности»[3]. Демонтируется монументальная лениниана, из символического пространства вытесняется революционный нарратив [Веремейчик 2025: 66].

В Армении, хотя нарратив более амбивалентен (включение в империю связывается с освобождением от персидского господства), также происходит пересмотр советского периода [Оганесян 2026]. При этом армянин Микоян был формальным главой СССР (Председатель Президиума Верховного Совета СССР), а армянские генералы и политики составляли значительную часть правящей элиты.

Отмежевание от советского прошлого, в создании и управлении, которым предки современных грузинских и армянских политиков играли одну из главных ролей, а также от роли России, обеспечившей само физическое выживание этих народов, выглядит исторически несостоятельным и противоречит элементарной логике преемственности.

Повторение трагических ошибок: западные обещания и разбитые надежды. Особую тревогу вызывает тот факт, что нынешние лидеры Армении и Грузии, ориентируясь на Запад, наступают на те же грабли, которые уже разбивали надежды обоих народов в прошлом.

Берлинский конгресс 1878 г. стал первой иллюстрацией циничного подхода. По Сан-Стефанскому соглашению Армения должна была получить автономию, однако Великобритания и Австро-Венгрия добились пересмотра условий, и армяне потеряли обещанную автономию.

Севрский мирный договор 1920 г. стал кульминацией западных обещаний для армян, предусматривая создание единого армянского государства с выходом

[1] Зачем в Грузии искажают историю Великой Отечественной войны? // Международная жизнь. – 2022. – № 2. Электронный ресурс. Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2618 (дата обращения: 30.06.2026 г.).
[2] Под сенью дружеских штыков… // Официальный сайт Московской городской организации КПРФ. – 2021. – 8 января. Электронный ресурс. Режим доступа: http://msk.kprf.ru/2021/01/08/152466 (дата обращения: 30.06.2026 г.).
[3] *Оганесян К.* Интерпретация прошлого при смене режимов: школьные учебники истории и политика памяти в Грузии и Армении // Высшая школа экономики. – 2026. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1159340719 (дата обращения: 30.06.2026 г.).

к Чёрному морю[1]. Однако договор не был ратифицирован, а в 1923 г. был подписан Лозаннский договор, закрепивший границы современной Турции[2]. Ни одна из западных держав не попыталась оказать давление на Турцию для его исполнения.

Аналогичная судьба постигла Грузию. В мае 1918 г. грузинские меньшевики объявили о создании независимой республики и заключили договор с кайзеровской Германией, превращавший Грузию в колонию. После краха Германии меньшевики вернулись к империалистам Антанты.

Выдающийся азербайджанский писатель и государственный деятель Юсиф Везир Чеменземинли, комментируя позицию великих держав в «армянском вопросе», писал: «С прошлого вв. на обращения армян о христианстве, во имя единоверной солидарности европейцы давали обещания, говорили приятные для слуха вещи, но вопрос так и не решился. Взамен выяснилось, что британский флот не в состоянии занять гору Арарат; Бисмарк не согласился променять одну кость любого германского солдата на всё армянство...»[3].

История повторяется. Сегодняшние западные партнёры Еревана и Тбилиси столь же щедры на обещания и столь же скупы на реальные действия. Западные гарантии безопасности остаются призрачными: никто не высылает «миротворцев», не беспокоится об исторической справедливости [Осерская 2011: 32]. Эксперты отмечают, что *Россия* остаётся безальтернативным гарантом безопасности на Южном Кавказе[4].

Исторический парадокс. Указанные политические шаги представляются особенно парадоксальными на фоне того, как армянский и грузинский народы на протяжении веков воспринимали Россию. Армянский писатель Хачатур Абовян писал: «этот беспримерный народ, в последнее время стоявший на краю гибели, ныне воздел очи к небу, моля, чтобы могущественный русский орёл явился и принял под крыло своё землю их и детей» [Абовян 1948: 5–7]. Грузинские цари также «обратили свой взор к России... полагая, что Россия, как христианская страна, защитит их». Но, как и в случае с армянами, сегодняшние лидеры Грузии «искажают историю» и «насаждают русофобию», исключающую позитивное отношение к России [Международная жизнь 2022].

---

[1] Ожидание длиною в век: что делать с Севрским договором, и нужен ли он Армении? // Sputnik Армения. – 2020. – 10 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://am.sputniknews.ru/20200810/Ozhidanie-dlinoyu-v-vek-chto-delat-s-Sevrskim-dogovorom-i-nuzhen-li-on-Armenii-24062850.html (дата обращения: 30.06.2026 г.).

[2] Севрский договор – de facto действующий документ: Армен Саркисян об Армянском вопросе // Sputnik Армения. – 2020. – 10 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://am.sputniknews.ru/20200810/Sevrskiy-dogovor-prodolzhaet-ostavatsya-deystvuyuschim-dokumentom--prezident-Armenii-24053931.html (дата обращения: 30.06.2026 г.).

[3] Резня в Южном Азербайджане // Президентская библиотека Азербайджана. Электронный ресурс. Режим доступа: https://genocide.preslib.az/ru_a2-9.html (дата обращения: 30.06.2026 г.).

[4] Внешняя политика Армении в 2026 году: отношения с Россией и Украиной, выход из ЕАЭС // Lenta.RU. – 2026. – 18 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2026/08/19/dunamalyan/amp/ (дата обращения: 30.06.2026 г.); Решения Пашиняна приведут Армению к потере суверенитета // URA.RU. – 2026. – 28 августа. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ura.news/articles/1053122050 (дата обращения: 30.08.2026).

Игнорирование этого исторического опыта, включая тот факт, что представители этих народов стояли у истоков советской государственности и у её распада, ставит под угрозу достижения, обеспеченные многовековой поддержкой России.

Заключение

Война 1877–1878 гг. обнажила глубинную схожесть судеб армян и адыгов – разделённых наций, ставших жертвами имперских противоречий. Оба пережили изгнание и утрату государственности. Роль М.Т. Лорис-Меликова была двойственной: реализуя имперскую политику, он определял судьбы народов на десятилетия.

Важнейшим контекстом адыгской трагедии стала провокационная политика Великобритании, которая на протяжении XIX в. пыталась использовать черкесский фактор как инструмент ослабления России, не предоставляя при этом реальной помощи адыгам. Эта тактика получила новое воплощение в современности – в виде спекуляций на «черкесском вопросе» накануне и в период Олимпийских игр в Сочи 2014 г. Как и в XIX в., западные центры силы пытаются использовать память адыгов в качестве геополитического инструмента давления на Россию.

Современная политика Еревана и Тбилиси также имеет глубокие исторические корни. Нынешнее руководство этих стран системно отходит от признания роли России в сохранении их народов, забывая, что именно Россия спасла их от физического уничтожения, а их предки стояли у истоков советской государственности, занимали в ней высшие посты (включая пост главы государства) и участвовали в её распаде.

Этот разрыв с исторической памятью и ориентация на Запад, чьи обещания уже не раз оказывались иллюзорными, ставят под угрозу достижения, обеспеченные многовековой поддержкой России. История народов Кавказа – единая ткань, где судьбы связаны теснее, чем принято считать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абраамян 2003 – *Абраамян А.А.* Заселение Черноморского побережья Северного Кавказа армянским населением во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Краснодар, 2003. – 26 с.

Абовян 1948 – *Абовян Х.* Раны Армении. – Ереван: Айпетрат, 1948. – 280 с.

Аракелян 2011 – *Аракелян Г.А.* Активное заселение Черноморского побережья Северного Кавказа армянским населением во второй половине XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 5. – С. 30–32.

Берже 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – № 2. – С. 347–370.

Веремейчик 2025 – *Веремейчик М.А.* Монументальная политика и монументальные практики в новых независимых государствах Южного Кавказа... // Весці БДПУ. Серыя 2. – 2025. – № 2. – С. 65–69.

Ганич 2007 – *Ганич А.А.* Мухаджирство как историческое явление периода Кавказской войны (середина XIX в.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 25–29.

Добаев 2011 – *Добаев И.П.* Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады-2014: геополитические аспекты информационной войны // Зимние Олимпийские игры-2014 в Сочи в фокусе информационных атак: сборник научных статей / отв. ред. В.В. Черноус // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Вып. 69. – М.; Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2011. – С. 39–41.

Договоренности... 2015 – Договоренности между Россией и Турцией по вопросам эмиграции горцев (1860–1864 гг.) / Сост. А.В. Фадеев // Институт истории РАН. Сборник документов. – М.: Наука, 2015. – С. 145–178.

История Отечества 1999 – История Отечества: Энциклопедический словарь / сост. Б.Ю. Иванов, В.М. Карев, Е.И. Куксина и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 656 с.

Кандор 2019 – *Кандор Р.С.* Формирование черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка: первый исторический опыт (1877 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – Вып. 3(42). – С. 28–40. – DOI: 10.24411/2078-1024-2019-13002.

Кидирниязов 2021 – *Кидирниязов Д.С.* Народы Северного Кавказа во внешней политике России в 40–50-е гг. XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 1 (66). – С. 50–59.

Машукова 2012 – *Машукова А.П.* Северо-Западный Кавказ в гг. Крымской войны: 1853–1856 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Нальчик, 2012. – 26 с.

Оганесян 2015 – *Оганесян М.А.* Роль России в исторической судьбе армянского народа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2015. – № 2. – С. 30–32.

Осерская 2011 – *Осерская Э.В.* Роль армянских политических партий в эволюции национально-освободительного движения армян в Османской империи (1878 г. – начало XX в.) // ИСОМ. – 2011. – № 5. – С. 30–32.

Первая всеобщая перепись... 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Черноморская губерния. – СПб., 1905. – С. 28–30.

Сахаров 1986 – *Сахаров В.А.* Г.К. Орджоникидзе во главе борьбы за технический прогресс (1930–1935 гг.) // Вопросы истории. – 1986. – № 9. – С. 81–91.

Черкесский вопрос 2012 – Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения / Сост. Ж.А. Калмыков. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. – 118 с.

Чирг 2002 – *Чирг А.Ю.* Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп: ООО «Качество», 2002. – 204 с.

Чочиев 2025 – *Чочиев Г.В.* Позиция и дипломатические демарши Англии в связи с исходом черкесов в Османскую империю в 1864 году // Известия СОИГСИ. – 2025. – № 4. – С. 73–89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89.

The Rising... 1877 – The Rising in the Caucasus // Grey River Argus. – 1877. – Vol. XXI, Issue 2811. – 16 August. – P. 2.

Treaty of Berlin 1879 – Treaty of Berlin. – Berlin, 1878. – 13 July.

REFERENCES

ABOVYAN KH. *Rany Armenii* [The wounds of Armenia]. – Erevan: Aipetrat, 1948. – 280 p. (In Russ.).

ABRAAMYAN A.A. *Zaselenie Chernomorskogo poberezh'ya Severnogo Kavkaza armyanskim naseleniem vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Settlement of the Black Sea coast of the North Caucasus by the Armenian population in the second half of the 19th – early 20th century]: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. – Krasnodar, 2003. – 26 p. (In Russ.).

ARAKELYAN G.A. *Aktivnoe zaselenie Chernomorskogo poberezh'ya Severnogo Kavkaza armyanskim naseleniem vo vtoroi polovine XIX v.* [Active settlement of the Black Sea coast of the

North Caucasus by the Armenian population in the second half of the 19th century]. In: Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii. – 2011. – № 5. – P. 30–32. (In Russ.).

BERZHE A.P. *Vyselenie gortsev s Kavkaza* [The eviction of the highlanders from the Caucasus]. In: Russkaya starina. – 1882. – № 2. – P. 347–370. (In Russ.).

Cherkesskii vopros: istoriya, problemy i puti resheniya [The Circassian question: history, problems and solutions] / Sost. Zh.A. Kalmykov. – Nalchik: OOO «Tetragraf», 2012. – 118 p. (In Russ.).

CHIRG A.Yu. *Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII – 60-e gg. XIX v.)* [The development of the socio-political system of the Adyghe of the North-Western Caucasus (late 18th – 1860s of the 19th century)]. – Maikop: OOO «Kachestvo», 2002. – 204 p. (In Russ.).

CHOCHIEV G.V. *Pozitsiya i diplomaticheskie demarshi Anglii v svyazi s iskhodom cherkesov v Osmanskuyu imperiyu v 1864 godu* [Britain's position and diplomatic demarches in connection with the exodus of the Circassians to the Ottoman Empire in 1864]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2025. – № 4. – P. 73–89. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-4-73-89. (In Russ.).

DOBAEV I.P. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v preddverii Olimpiady-2014: geopoliticheskie aspekty informatsionnoi voiny* [The North-Western Caucasus on the eve of the 2014 Olympics: geopolitical aspects of information warfare]. In: Zimnie Olimpiiskie igry-2014 v Sochi v fokuse informatsionnykh atak: sbornik nauchnykh statei / otv. red. V.V. Chernous // Yuzhnorossiiskoe obozrenie Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovanii i prognozirovaniya IPPK YuFU i ISPI RAN. – Vyp. 69. – M.; Rostov n/D: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2011. – P. 39–41. (In Russ.).

Dogovorennosti mezhdu Rossiei i Turtsiei po voprosam ehmigratsii gortsev (1860–1864 gg.) [Agreements between Russia and Turkey on the emigration of the mountain peoples (1860–1864)] / Sost. A.V. Fadeev // Institut istorii RAN. Sbornik dokumentov. – M.: Nauka, 2015. – P. 145–178. (In Russ.).

GANICH A.A. *Mukhadzhirstvo kak istoricheskoe yavlenie perioda Kavkazskoi voiny (seredina XIX v.)* [Muhajirism as a historical phenomenon during the Caucasian War (mid-19th century)]. In: Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 2. – P. 25–29. (In Russ.).

Istoriya Otechestva: Entsiklopedicheskii slovar' [History of the Fatherland: Encyclopaedic Dictionary] / sost. B.Yu. Ivanov, V.M. Karev, E.I. Kuksina i dr. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1999. – 656 p. (In Russ.).

KANDOR R.S. *Formirovanie cherkesskikh soten Kubansko-gorskogo konno-irregulyarnogo polka: pervyi istoricheskii opyt (1877 g.)* [The formation of Circassian units of the Kuban-Mountain Cavalry Irregular Regiment: the first historical experience (1877)]. In: Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2019. – Vyp. 3 (42). – P. 28–40. – DOI: 10.24411/2078-1024-2019-13002. (In Russ.).

KIDIRNIYAZOV D.S. *Narody Severnogo Kavkaza vo vneshnei politike Rossii v 40-50-e gg. XIX v.* [The peoples of the North Caucasus in Russia's foreign policy in the 1840s–1850s.]. In: Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura. – 2021. – № 1 (66). – P. 50–59. (In Russ.).

MASHUKOVA A.P. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v gody Krymskoi voiny: 1853–1856 gg.* [The North-Western Caucasus during the Crimean War: 1853–1856]: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. – Nalchik, 2012. – 26 p. (In Russ.).

OGANESYAN M.A. *Rol' Rossii v istoricheskoi sud'be armyanskogo naroda* [Russia's role in the historical fate of the Armenian people]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. – 2015. – № 2. – P. 30–32. (In Russ.).

OSERSKAYA EH.V. *Rol' armyanskikh politicheskikh partii v ehvolyutsii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya armyan v Osmanskoi imperii (1878 g. – nachalo XX v.)* [The role of Armenian political parties in the evolution of the Armenian national liberation movement in the Ottoman Empire (1878 – early 20th century)]. In: ISOM. – 2011. – № 5. – P. 30–32. (In Russ.).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Chernomorskaya guberniya [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. The Black Sea Governorate]. – SPb., 1905. – P. 28–30. (In Russ.).

SAKHAROV V.A. *G.K. Ordzhonikidze vo glave bor'by za tekhnicheskii progress (1930–1935 gg.)* [G.K. Ordzhonikidze at the head of the struggle for technical progress (1930–1935)]. In: Voprosy istorii. – 1986. – № 9. – P. 81–91. (In Russ.).

The Rising in the Caucasus. In: Grey River Argus. – 1877. – Vol. XXI, Issue 2811. – 16 August. – P. 2. (In Eng).

Treaty of Berlin. – Berlin, 1878. – 13 July. (In Eng).

VEREMEICHIK M.A. *Monumental'naya politika i monumental'nye praktiki v novykh nezavisimykh gosudarstvakh Yuzhnogo Kavkaza...* [Monumental politics and monumental practices in the new independent states of the South Caucasus...]. In: Vestsi BDPU. Seryya 2. – 2025. – № 2. – P. 65–69. (In Russ.).

Информация об авторах

Х.Б. Мамсиров – доктор исторических наук, профессор.

А.В. Венков – доктор исторических наук, профессор.

Е.А. Апажева – доктор исторических наук.

Information about the authors

Kh.B. Mamsirov – Doctor of Historical Sciences, Professor.

A.V. Venkov – Doctor of Historical Sciences, Professor.

E.A. Apazheva – Doctor of Historical Sciences.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contrbution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 31.08.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-77-86
EDN: AXKBXD

ДИСКУРС РЕФОРМ: ОБСУЖДЕНИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВОЕННО-НАРОДНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОКУМЕНТАХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ 1860-Х ГОДОВ

Асланби Асланович Камбачоков
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, bibulicheck07@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2213-9492

Аннотация. В статье исследуется дискурс органов власти Российской империи вокруг преобразований военно-народных управлений Терской области в 1860-е гг. В рамках исторического институционализма анализируется, как в документах Командующего Кавказской армией, Военного министерства, Генерального штаба и Кавказского комитета формулировались, обосновывались и корректировались проекты этих преобразований. Показано, что обсуждение проходило в форме многоуровневой ведомственной дискуссии: Командующий Кавказской армией выступал инициатором преобразований, Военное министерство настаивало на сокращении расходов и поэтапном введении новых структур, а Кавказский комитет выполнял роль согласующей инстанции. Установлено, что принципиальных разногласий по структуре управления, созданию охранной стражи и народных судов не возникло – дискуссия концентрировалась вокруг финансовых вопросов. Результатом стало утверждение 29 мая 1862 г. Положения об управлении Терской областью и Положения об охранной страже, закрепивших компромиссную модель управления.

Ключевые слова: Терская область; военно-народное управление; административные преобразования; Кавказский комитет; исторический институционализм; охранная стража; судопроизводство горских народов.

Для цитирования: Камбачоков А.А. Дискурс реформ: обсуждение преобразований военно-народных управлений Терской области в документах органов власти 1860-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 77–86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-77-86. EDN: AXKBXD.

© Камбачоков А.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

DISCUSSING THE TRANSFORMATION OF MILITARY PEOPLE'S ADMINISTRATIONS IN THE TEREK REGION IN THE DOCUMENTS OF GOVERNMENT BODIES OF THE 1860S

Aslanbi A. Kambachokov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, bibulicheck07@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-2213-9492

Abstract. The article examines the discourse of government bodies of the Russian Empire around the transformation of military-people's administrations in the Terek Region in the 1860s. Within the framework of historical institutionalism, the article analyzes how the projects of these transformations were formulated, justified and adjusted in the documents of the Commander of the Caucasian Army, the War Ministry, the General Staff and the Caucasian Committee. It is shown that the discussion took the form of a multi-level departmental debate: the Commander of the Caucasian Army acted as the initiator of the transformations, the War Ministry insisted on reducing expenditures and gradual introduction of new structures, and the Caucasian Committee served as a coordinating authority. It was established that there were no fundamental disagreements on the structure of administration, the creation of the guard and people's courts – the discussion focused on financial issues. The result was the approval on May 29, 1862 of the Regulation on the Administration of the Terek Region and the Regulation on the Guard, which consolidated a compromise model of administration.

Keywords: Terek Region; military-people's administration; administrative transformations; Caucasian Committee; historical institutionalism; guard; administration of justice of mountain peoples.

For citation: Kambachokov A.A. Discussing the Transformation of Military People's Administrations in the Terek Region in the Documents of Government Bodies of the 1860s. IN: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 77–86. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-77-86. EDN: AXKBXD.

© Kambachokov A.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Изучение дискурса административно-территориальных преобразований, развёрнутого в документах органов власти Российской империи 1860-х гг. вокруг преобразований военно-народных управлений Терской области, приобретает особую значимость в рамках исторического институционализма – теоретического инструментария, с опорой на который исследуется эволюция институтов, влияние траектории предшествующего развития на последующие решения и взаимодействие формальных и неформальных правил в процессе институциональных изменений. Применение методологии исторического институционализма к материалам Терской области продуктивно опирается на концепцию А.Х. Абазова, выделившего в системе российской государственности на Центральном Кавказе устойчивые институты – межрегиональные и областные управленческие структуры имперской модели – и адаптивные институты, основанные на сочетании управленческих принципов империи с традиционной политико-правовой культурой местного населения [Абазов 2026b]. 1860-е гг. представляют собой ключевой переходный период, когда после окончания Кавказской войны и учреждения Терской области в 1860 г. военно-народное правление, закреплённое «Положением об управлении Терской областью» 1862 г., ещё не приобрело окончательных форм, а власть активно искала оптимальные модели управления реги-

оном через серию обсуждаемых преобразований, включая реорганизацию округов и военных отделов в 1865 г. Анализ того, как в политическом дискурсе органов имперской власти формулировались, обосновывались и корректировались проекты преобразований, позволяет выявить логику институциональных изменений – (по А.Х. Абазову) расширения сферы устойчивых структур и сужения адаптивных – на раннем, определяющем этапе формирования управленческой системы. Актуальность данного исследования определяется как в научно-теоретическом плане – восполнением пробела в изучении дискурсивных практик власти при институциональном строительстве на кавказской периферии империи, – так и в практическом, поскольку анализ исторического опыта поиска баланса между централизацией и учётом местных особенностей может интегрировать современные подходы к управлению полиэтничными регионами.

Проблематика выявления особенностей дискуссионных практик органов власти в современной историографии все чаще начинает привлекать внимание исследователей [см., например: Абазов 2026а]. Накопленный историографический опыт по изучению истории преобразований в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1860-е гг. позволяет ставить и решать такие задачи (см., например, труды Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, Г.Н. Малаховой, В.Г. Шнайдера, П.А. Кузьминова, Е.И. Кобахидзе, З.М. Блиевой, А.Х. Абазова, Л.С. Гатаговой, М.А. Волхонского и многих других [Киняпина, Блиев, Дегоев 1984; Малахова 2001; Шнайдер 2005; Кобахидзе 2009; Кузьминов 2011; Кобахидзе 2014; Блиева 2015; Абазов 2016; Гатагова 2016; Волхонский 2022]).

В настоящее время в российских и некоторых зарубежных архивохранилищах сохраняется большой кейс документов по истории административных преобразований на Центральном Кавказе в 1860-е гг. Их объем достаточно значителен и требует введения в научный оборот и комплексного исследования. Вместе с тем, исследовательского внимания заслуживают и отдельные сюжеты обсуждения преобразований военно-народных управлений Терской области в документах органов власти 1860-х гг. В частности, источниковая база настоящего исследования, выстроенного вокруг архивного дела РГИА. Ф. 1268 «Кавказский комитет». Оп. 10 «1862». Д. 99 «Дело о преобразовании системы военно-народного управления в Терской области в 1862 г.», включает нормативные и делопроизводственные материалы: к нормативным относятся высочайше утверждённые 29 мая 1862 г. «Положение об управлении Терскою областью» и «Положение об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции», а также приказ Военного министра № 155 от 7 июня 1862 г. Делопроизводственные источники представлены журналами Кавказского комитета и Военного совета, докладом Департамента Генерального штаба № 1946, препроводительным отношением Военного министерства № 3339 и отзывом Командующего Кавказской армией № 256. Эти документы, отложившиеся в деле, позволяют проследить весь путь правительственного дискурса по анализируемому вопросу – от представления проекта до его высочайшего утверждения и последующей корректировки штатов в 1867 г.

Основная часть

Так, в анализируемом документе содержатся сведения об обсуждении вопроса реорганизации системы управления Терской областью в 1860-е гг., включая её разделение на военные отделы, округа и участки для повышения эффективности административного контроля [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99]. Ключевое внимание уделено созданию охранной стражи и земской полиции из числа местного населения, а также определению их штатного состава и источников финансирования за счет казённых средств. Кроме того, рассматриваются принципы судопроизводства для горских народов (сочетание адата, шариата и военно-уголовных законов) и порядок утверждения новых расходов Государственным казначейством.

В обсуждении этих преобразований участвовали высшие имперские военно-административные органы, включая Военное министерство, Генеральный штаб, Командующего Кавказской армией (в лице князя Орбелиани) и Кавказский комитет, которые готовили и обсуждали проекты нормативных документов. Законодательные и финансовые полномочия были сосредоточены в руках Военного совета, Государственного казначейства и профильных министерств (внутренних дел, финансов, юстиции), а окончательное утверждение исходило от Императора. На местном уровне управление и судопроизводство возлагались на начальника Терской области, начальников отделов и округов, а также на народные суды, опиравшиеся на нормы адата и шариата при принятии решений.

Командующий Кавказской армией выступал главным инициатором и сторонником преобразований, настаивая на скорейшем преобразовании управления Терской областью и учреждении охранной стражи и земской полиции для укрепления порядка в крае. Он активно ходатайствовал об утверждении новых штатов и выделении финансирования, предлагая конкретные источники покрытия расходов и добиваясь поэтапного введения новых структур в течение трёх лет.

Военное министерство (в лице министра и Департамента Генерального штаба) в целом поддерживало необходимость реформы управления Терской областью и создания охранной стражи, признавая её пользу для наведения порядка в крае. Однако оно выступало против немедленного включения всех запрошенных расходов в постоянные штаты, предлагая сократить второстепенные траты и вводить финансирование новых структур поэтапно, в виде временных ассигнований на три года, до составления точного расчёта.

В этом дискурсе Кавказский комитет выступал в качестве ключевой согласующей инстанции, куда Военное министерство направляло отзывы Командующего Кавказской армией для рассмотрения и внесения на обсуждение других ведомств. Его роль заключалась в оценке представленного проекта преобразования управления Терской областью [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 13–29 об.], включая вопросы создания охранной стражи и земской полиции. Анализ документов показывает, что Комитет должен был рассматривать эти предложения безотлагательно, и его позиция, вероятно, была поддерживающей, поскольку именно по его линии ранее выделялись средства на содержание приставских

управлений. Окончательное решение Комитета в тексте прямо не зафиксировано, но он являлся тем органом, чьё одобрение было необходимо для дальнейшего продвижения реформы [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 108].

Государственное казначейство в этом обсуждении выступало в роли ключевого распорядителя средств, за счет которых предполагалось покрывать основную часть новых расходов на управление Терской областью, охранную стражу и полицию, что требовало его согласия на выделение дополнительных ассигнований. Его позиция сводилась к контролю за расходованием казённых сумм, и хотя оно не формулировало собственных альтернативных предложений, именно от его готовности отпустить запрашиваемые средства (например, 200 296 руб. 90 коп. нового ежегодного расхода) зависела реализация проекта.

Обсуждение штатного состава отличалось стремлением Военного министерства сократить второстепенные должности и оклады (например, исключить 6000 руб. на разъезды начальников отделов, уменьшить содержание чинам на 80 руб. и жалованье канцелярским служащим), тогда как Командующий Кавказской армией настаивал на полном штате, что породило компромисс в виде временных штатов и поэтапного введения новых структур. Поиск источников финансирования выявил разногласие между отнесением расходов на Государственное казначейство и на местные доходы Закавказского края, причём из-за отсутствия свободных сумм Министерство предлагало не вносить новые расходы в постоянные штаты, а покрывать их в течение трёх лет из экстраординарных сумм с последующим точным расчётом. В итоге дискурс приобрёл характер поиска компромисса: сокращение отдельных статей, использование Донских полков для покрытия расходов, упразднение должности присяжного ходатая в 1867 г. и разрешение черпать средства из остатков от других ассигнований.

В ходе обсуждения оформлялись как докладные и препроводительные документы, так и проекты нормативных актов. Военное министерство направило в Кавказский комитет отношение № 3339 с отзывом Командующего Кавказской армией № 256, а также доклад Департамента Генерального штаба № 1946 и справочные выписки. Основным рабочим документом стал «Проект Положения об управлении Терскою областью», детально описывавший границы, разделение на отделы и округа, судебную и полицейскую систему. К нему прилагались штатные ведомости и расписания расходов с перечнем должностных окладов. Решения фиксировались в журналах: Военный совет вёл «Военное дело № 4» (№ 231) [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 82–104 об.], а Кавказский комитет – журнал, выписка из которого за № 699 была высочайше утверждена. Итогом стали утверждённые Положение об управлении Терской областью, Положение об охранной страже и земской полиции [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 52–58 об.] и приказ Военного министра № 155 от 7 июня 1862 г. [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 109]; позднее, в 1867 г., приказом № 354 была упразднена должность присяжного ходатая и изменён состав Канцелярии [РГИА. Ф. 1268. Оп. 10 «1862». Д. 99. Л. 137].

Инициатива разделения Терской области на военные отделы, округа, участки и наибства для усиления административного контроля исходила от Ко-

мандующего Кавказской армией князя Орбелиани, который представил соответствующий проект, составленный на основе предположений генерал-лейтенанта князя Мирского. Военное министерство (Департамент Генерального штаба) в целом поддержало необходимость реформы, но выступило за сокращение второстепенных расходов и поэтапное введение новых структур, не включая их сразу в постоянные штаты. Кавказский комитет и Военный совет рассмотрели проект: Военный совет в журнале № 231 признал необходимым утвердить положение, но с оговорками о временном характере ассигнований, а Кавказский комитет одобрил выписку из журнала за № 699. Император 29 мая 1862 г. высочайше утвердил Положение об управлении Терской областью, после чего приказом Военного министра № 155 от 7 июня 1862 г. оно было введено в действие с сохранением принципа постепенности.

Положение об управлении Терской областью представляло собой комплексный нормативный акт, разработанный по инициативе Командующего Кавказской армией, который закреплял разделение области на военные отделы, округа, участки и наибства, сосредоточение военной и гражданской власти в лице Начальника области, а также создание народных судов на основе адата и шариата. В ходе его подготовки бесспорными для всех органов власти были сама необходимость реформы, создание охранной стражи и земской полиции, а также общая структура управления по образцу Дагестанской области. Дискуссию вызывали преимущественно финансовые и организационные детали: общая сумма расходов, включение их в постоянные штаты или отнесение на экстраординарные суммы, размеры окладов и содержание чинов, а также вопрос о суммах на разъезды и приём туземцев. Военное министерство настаивало на сокращении второстепенных трат (например, исключении 6000 руб. на разъезды начальников отделов) и поэтапном введении новых структур в течение трёх лет, тогда как Командующий Кавказской армией добивался утверждения полного проекта и выделения средств. В итоге Военный совет и Кавказский комитет поддержали реформу, но с оговорками о постепенности и временном характере ассигнований, что отразилось в утверждённых Положении, штатах и приказе Военного министра № 155.

По итогам обсуждения была закреплена структура, по которой Терская область разделялась на три военных отдела (Западный, Средний, Восточный), отдельное управление Кавказских минеральных вод и Владикавказское городское управление, а отделы делились на округа, участки и наибства, с сосредоточением военной и гражданской власти у Начальника области. Принципиальных разногласий по самой этой административной схеме среди органов власти не возникло – все признавали необходимость реформы, создания охранной стражи, земской полиции и народных судов. Однако разногласия касались финансовых и организационных деталей: Военное министерство настаивало на сокращении второстепенных расходов и поэтапном введении новых структур, тогда как Командующий Кавказской армией добивался полного и немедленного утверждения штатов.

Положение об охранной страже и земской полиции учреждало при начальниках области, отделов, округов и участков постоянную охранную стражу из туземцев, а в ряде округов (Нагорном, Среднем отделе и Ингушском) – земскую полицию из старшин и их помощников, определяя их обязанности по конвоированию, разведке, арестам и надзору, а также порядок набора, подчинения и содержания из казны. Бесспорными для всех органов власти были сама необходимость этих структур для поддержания порядка и общие принципы их формирования из местного населения. Дискуссию вызывали финансовые вопросы: общая сумма расходов (262 536 руб. 55 коп.), источник покрытия (Государственное казначейство против местных доходов), а также предложение Военного министерства сократить второстепенные траты и вводить финансирование поэтапно в течение трёх лет, тогда как Командующий Кавказской армией настаивал на полном и немедленном утверждении.

Заключение

Таким образом, исследование дискурса органов власти Российской империи вокруг преобразований военно-народных управлений Терской области в 1860-е гг. показало, что обсуждение реформы проходило в форме многоуровневой ведомственной дискуссии, в которой Командующий Кавказской армией выступал инициатором преобразований, Военное министерство настаивало на сокращении расходов и поэтапном введении новых структур, а Кавказский комитет выполнял роль ключевой согласующей инстанции. Установлено, что принципиальных разногласий по общей структуре управления, созданию охранной стражи и народных судов не возникло, тогда как дискуссия концентрировалась преимущественно вокруг финансовых вопросов – источников покрытия, размеров ассигнований и порядка включения расходов в постоянные штаты. Государственное казначейство, выступавшее в роли ключевого распорядителя средств, не выдвигало собственных альтернативных предложений, однако именно от его готовности выделить запрашиваемые ассигнования зависела практическая реализация проекта. Компромиссный характер реформы выразился во введении временных штатов с финансированием из экстраординарных сумм в течение трёх лет вместо немедленного включения всех расходов в постоянные штаты, как настаивал Командующий Кавказской армией. Результатом обсуждения стало утверждение 29 мая 1862 г. Положения об управлении Терской областью и Положения об охранной страже и земской полиции, закрепивших компромиссную модель с временным характером ассигнований и постепенным введением новых управленческих структур. Последующая корректировка штатов в 1867 г., включая упразднение должности присяжного ходатая и изменение состава Канцелярии, свидетельствует о том, что процесс институционального строительства не завершился с принятием Положения, а продолжался в рамках поиска оптимальной модели управления. Применение методологии исторического институционализма позволило выявить логику институциональных изменений на раннем этапе формирования управленческой системы Терской области – расширение сферы устойчивых структур имперской модели при постепенном сужении адаптивных институтов, опиравшихся на традиционную политико-правовую культуру местного

населения. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения дискурсивных практик власти при институциональном строительстве на кавказской периферии империи, а также для осмысления исторического опыта поиска баланса между централизацией и учётом местных особенностей в управлении полиэтничными регионами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в.: монография. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 264 с. – ISBN 978-5-905770-98-2.

Абазов 2026a – *Абазов А.Х.* Правительственный дискурс и практика учреждения Терского областного суда в 1864 году: к вопросу о развитии судебной системы на Кавказе в позднеимперский период // Ориенталистика. – 2026. – № 9 (2). – С. 219–233. DOI: 10.31696/2618-7043-2026-9-2-219-233.

Абазов 2026b – *Абазов А.Х.* Устойчивые и адаптивные институты российской государственности на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2026. – Вып. 4 (162) [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/S207987840038480-7-1 (дата обращения: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7.

Блиева 2015 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е гг. XIX в.: монография. – 2-е изд., перераб. – Владикавказ: Ин-т истории и археологии РСО-А, 2015. – 397 с. – ISBN 978-5-00081-049-1.

Волхонский 2022 – *Волхонский М.А.* Преобразование системы военно-народного управления на Кавказе при Александре III в 1882–1888 гг. // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 4 (77). – С. 178–187. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-178-187.

Гатагова 2016 – *Гатагова Л.С.* Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917: монография. – М.: Новый хронограф, 2016. – 446 с. – ISBN 978-5-94881-327-1.

Киняпина, Блиев, Дегоев 1984 – *Киняпина Н.С.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.) / *Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев*. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.

Кобахидзе 2009 – *Кобахидзе Е.И.* От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная практика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. – 2009. – Вып. 3 (42). – С. 107–128.

Кобахидзе 2014 – Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. *Е.И. Кобахидзе*. – Владикавказ: СОИГСИ, 2014. – 225 с.

Кузьминов 2011 – *Кузьминов П.А.* Эпоха преобразований 50–70-х гг. XIX в. у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: Печатный двор, 2011. – 536 с. – ISBN 978-5-9996-0088-2.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв.: монография. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2001. – 392 с. – ISBN 5-89546-095-X.

РГИА – Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург.

Шнайдер 2005 – *Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов: монография. – М.: Союз, 2005. – 174 с. – ISBN 5-98636-024-9.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Pravitel'stvennyi diskurs i praktika uchrezhdeniya Terskogo oblastnogo suda v 1864 godu: k voprosu o razvitii sudebnoi sistemy na Kavkaze v pozdneimperskii period* [Governmental discourse and practice of establishing the Terek regional court in 1864: on the development

of the judicial system in the Caucasus in the late imperial period]. IN: *Orientalistika*. – 2026. – № 9 (2). – P. 219–233. DOI: 10.31696/2618-7043-2026-9-2-219-233. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Ustoichivye i adaptivnye instituty rossiiskoi gosudarstvennosti na Tsentral'nom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Stable and adaptive institutions of Russian statehood in the Central Caucasus in the second half of the 19th – early 20th centuries]. IN: *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"]. – 2026. – Issue 4 (162). URL: https://history.jes.su/S207987840038480-7-1 (access date: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gg. XIX v.* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus in the late 18th – 80s of the 19th centuries]: monograph. – 2nd ed., rev. – Vladikavkaz: Institut istorii i arkheologii RSO-A, 2015. – 397 p. – ISBN 978-5-00081-049-1. (In Russ.).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.* [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus in the late 18th – 19th centuries]: monograph. – Rostov-on-Don: Izdatel'stvo SKAGS, 2001. – 392 p. – ISBN 5-89546-095-X. (In Russ.).

KINYAPINA N.S., BLIEV M.M., DEGOEV V.V. *Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnei politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gg. XIX v.)* [The Caucasus and Central Asia in Russian foreign policy (second half of the 18th – 80s of the 19th centuries)]. – Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984. – 328 p. (In Russ.).

GATAGOVA L.S. *Severnyi Kavkaz v epokhu pozdnei imperii: priroda nasiliya. 1860–1917* [The North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860–1917]: monograph. – Moscow: Novyi khronograf, 2016. – 446 p. – ISBN 978-5-94881-327-1. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Ot «voenno-narodnogo» upravleniya k «grazhdanskomu»: administrativnaya praktika Rossii na Tsentral'nom Kavkaze v kontse 50-kh – nachale 70-kh gg. XIX v.* [From "military-people's" administration to "civil" one: administrative practice of Russia in the Central Caucasus in the late 50s – early 70s of the 19th centuries]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. – 2009. – Issue 3 (42). – P. 107–128. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Mezhdu tsentralizmom i regionalizmom: administrativnye preobrazovaniya na Tsentral'nom Kavkaze v 70-kh gg. XIX – nachale XX v.* [Between centralism and regionalism: administrative transformations in the Central Caucasus in the 70s of the 19th – early 20th centuries]: collection of documents / comp., intro., comm. by E.I. Kobakhidze. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2014. – 225 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [Peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries]: monograph. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 264 p. – ISBN 978-5-905770-98-2. (In Russ.).

VOLKHONSKII M.A. *Preobrazovanie sistemy voenno-narodnogo upravleniya na Kavkaze pri Aleksandre III v 1882–1888 gg.* [Transformation of the system of military-people's administration in the Caucasus under Alexander III in 1882–1888]. IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. – 2022. – № 4 (77). – P. 178–187. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-178-187. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Epokha preobrazovanii 50–70-kh gg. XIX v. u narodov Severnogo Kavkaza v noveishei istoriografii* [The era of transformations of the 50s–70s of the 19th century among the peoples of the North Caucasus in recent historiography]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2011. – 536 p. – ISBN 978-5-9996-0088-2. (In Russ.).

SHNAIDER V.G. *Rossiya i Severnyi Kavkaz v dorevolyutsionnyi period: osobennosti integratsionnykh protsessov* [Russia and the North Caucasus in the pre-revolutionary period: features of integration processes]: monograph. – Moscow: Soyuz, 2005. – 174 p. – ISBN 5-98636-024-9. (In Russ.).

RGIA – Russian State Historical Archive, St. Petersburg.

Сведения об авторе
А.А. Камбачоков – соискатель ученой степени.
Information about the author
A.A. Kambachokov – a candidate for a scientific degree.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.
The article was submitted 22.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-87-104
EDN: BSNTHZ

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КАБАРДИНСКОМ (НАЛЬЧИКСКОМ) ОКРУГЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО ДОКУМЕНТАМ УЦГА АС КБР)

Тимур Аликович Дзуганов
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3030-5732

Аннотация. В последней трети XIX – в начале XX в. Кабардинский (Нальчикский) округ, как и вся Терская область, находился на завершающем этапе интеграции в общероссийское политическое и социально-экономическое пространство. Отмеченное явление сопровождалось сложным процессом трансформации не только многих общественно-политических институтов, но и модернизацией традиционного хозяйственного уклада местного населения. Одним из важнейших механизмов интегрирования в общероссийский рынок для народов Кабарды и Балкарии стало развитие собственного института предпринимательства, позволившего в значительной мере оптимизировать этот процесс. Для изучения особенностей становления и развития предпринимательства впервые привлечен широкий комплекс источников, связанных с оборотом гражданского оружия в Нальчикском округе, в том числе в среде предпринимателей и коммерсантов. Опираясь на данные материалов, определяется основной круг наиболее распространённых в округе в этот период предпринимательских практик, их специализация. Выясняются причины, побуждавшие коммерсантов обращаться за разрешениями на право ношения оружия.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Нальчикский округ, коммерсанты, предпринимательские практики, «ссыпка» зерна, ношение оружия, прошение.

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Развитие предпринимательства в Кабардинском (Нальчикском) округе в последней трети XIX – начале XX века (по документам УЦГА АС КБР) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 87-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-87-104. EDN: BSNTHZ.

© Дзуганов Т.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN THE KABARDIAN (NALCHIK) DISTRICT IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES (BASED ON DOCUMENTS FROM THE UCGA AS KBR)

Timur A. Dzughanov
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3030-5732

Abstract. In the last third of the 19th and early 20th centuries, the Kabarda (Nalchik) District, like the entire Terek Oblast, was in the final stages of integrating into the Russian political and socioeconomic space. This process was accompanied by a complex transformation of not only many sociopolitical institutions but also the modernization of the traditional economic structure of the local population. One of the most important mechanisms for integrating into the Russian market for the peoples of Kabarda and Balkaria was the development of their own entrepreneurship, which significantly optimized this process. To study the development and evolution of entrepreneurship, a wide range of sources related to the circulation of civilian weapons in the Nalchik Okrug, including among entrepreneurs and merchants, is used for the first time. Based on these materials, the main range of entrepreneurial practices most common in the Okrug during this period and their specialization are determined. The reasons that prompted merchants to apply for permits to carry weapons are explored.

Keywords: Russia, Caucasus, Nalchik district, businessmen, entrepreneurial practices, grain dumping, carrying weapons, petition.

For citation: Dzughanov T.A. The development of entrepreneurship in the Kabardian (Nalchik) District in the late 19th and early 20th centuries (based on documents from the UCGA AS KBR). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 87-104. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-87-104. EDN: BSNTHZ.

© Dzughanov T.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

На рубеже XIX – в начале XX в. экономика Российской империи находилась в стадии масштабной трансформации, завершая переход от натуральных форм и методов хозяйствования к капиталистическому укладу. Естественно, что скорость и качество социально-экономических преобразований в губерниях страны заметно разнились. Сказывались разница в плотности населения, промышленный потенциал, наличие или отсутствие полезных ископаемых, торговые мощности и ряд других факторов. Кавказ, в отличие от многих губерний империи, испытывал дополнительные трудности, связанные с интеграцией в политическое пространство России, что неминуемо наложило свой отпечаток на процесс перехода к капиталистическому рынку. Кроме того, здесь также большую роль играли перечисленные выше факторы, потому вполне закономерно, что адаптация к новым политическим и социально-экономическим реалиям в отдельных регионах Кавказа проходила по-разному.

Цель настоящей работы заключается в исследовании форм и методов реализации предпринимательской активности населения Северо-Западного и Центрального Кавказа (на материалах Кабардинского (Нальчикского) округа Терской области) во второй половине XIX – в начале XX в.

Состояние изученности проблемы. История развития капиталистических отношений у народов Кабарды и Балкарии достаточно подробно отражена в отечественной исторической науке. В советский период к данной теме обращались Е.О. Крикунова [Крикунова 1960], Т.Х. Кумыков [Кумыков 1965], Т.А. Жакомихов [Жакомихов 1965], М.Ч. Кучмезова [Кучмезова 1967] и другие авторы. Исследователи отмечали масштабные изменения в социально-экономической жизни края, особенности модернизационных процессов, происходивших в хозяйственном укладе населения Кабарды и Балкарии.

В новейшее время некоторые аспекты завершающего периода трансформации народного хозяйства и перехода к капитализму затрагивались в научных публикациях М.З. Саблирова [Саблиров 2001], Е.Г. Муратовой [Муратова 2019], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2022].

Несмотря на значительный багаж научных знаний в этой области, ряд важнейших страниц экономической истории народов Нальчикского округа до настоящего времени остается без должного внимания исследователей. Вопросы, связанные с особенностями становления местного предпринимательства, его социальный и этнический состав, виды и формы предпринимательских практик не получили еще освещения в отечественном кавказоведении. Вместе с тем, без глубокого изучения и осмысления феномена регионального предпринимательства, анализа многообразия форм предпринимательской активности населения в новых социально-политических и экономических условиях, детальная реконструкция общей картины важнейшего периода социально-экономической истории народов Кабарды и Балкарии представляется невозможной.

Источниковую базу работы составили нормативно-правовые акты Кавказской администрации, регламентирующие порядок выдачи разрешительных документов на право приобретения и ношения оружия, пороха и иных припасов. Кроме того, были использованы документы и материалы, связанные с лицензированием оборота гражданского оружия, личные заявления жителей округа на выдачу и продление разрешений, приговоры общественных сходов. Отмеченные материалы, в основном, выявлены в фондах УЦГА АС КБР (№ И-3 «Георгиевское окружное управление» и № И-6 «Управление Нальчикского округа Терской области»).

Основная часть

Главное препятствие в изучении истории становления и развития предпринимательства у народов Кабарды и Балкарии рубежа XIX – XX вв. кроется в скудости сохранившихся источников, так как в округе в указанный период какой-либо регулярной статистики не велось. Учет предпринимателей, как и фискальные функции, осуществляли сразу несколько ведомств: Ставропольская Казенная Палата и казначейства Владикавказа, Моздока и Пятигорска, тогда как в самом Нальчикском округе подобное учреждение начинает функционировать только с 1910 г. Отмеченное выше обстоятельство в значительной мере затрудняет работу исследователей проблемы, препятствует возможности реконструкции общей социально-экономической картины.

В этих условиях важнейшей задачей является поиск и введение в научный оборот неизвестных ранее материалов, позволяющих не только уточнить общую ситуацию с развитием предпринимательства в регионе, его характерные черты и региональную специализацию коммерческих практик, но и по-новому осмыслить важнейшие страницы его истории.

В этой связи особого внимания заслуживает корпус источников, связанных с выдачей разрешений на ношение гражданского оружия, выявленный в архивохранилищах УЦГА АС КБР. Эти документы помогают установить имена предпринимателей, содержат подробные сведения о характере предпринимательской

деятельности заявителей, позволяют уточнить их национальный состав и социальный статус.

В апреле 1871 г. начальнику Георгиевского округа главой Терской области М.Т. Лорис-Меликовым было «строжайше утверждено» принять все зависящие от него меры «чтобы состоящие в его ведении кабардинцы, отнюдь не смели выезжать за пределы округа при оружии, за исключением кинжалов, и чтобы отправляющиеся в пределы Ставропольской губернии снабжены были билетами…, с обязательством неуклонно представлять таковые в местные полицейские учреждения для прописки». Начальнику округа предписывалось «сделать со своей стороны распоряжение, в случае появления кабардинцев… в оружии, местные полицейские власти немедленно подвергали их аресту…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 59. Л. 5].

Несмотря на строгие ограничения, пойти на полное запрещение ношения огнестрельного оружия власти не решились, так как оно продолжало сохранять важное значение в традиционном менталитете местного населения. По меткому замечанию Н.Ф. Дубровина «В понятии кабардинцев, и почти всех горцев, отнятие оружия равносильно отнятию чести или жизни…» [Дубровин 1871: XII]. Автор в своей работе приводит случай с захватом здания в Кисловодске, произошедшем во второй половине XIX в. Некий кабардинский князь, прибывший в город для встречи с судебным приставом по рядовому делу, отказался сдавать имевшееся у него оружие. Когда представители властей попытались настоять и изъять оружие силой, «прислуга и свита князя выхватила винтовки и, расчищая им дорогу, кинулась на улицу…» [Дубровин 1871: XII]. Не сумев прорваться, кабардинцы укрылись «в первом попавшемся доме, кисловодском благородном собрании», где заняли оборону и отбивались до гибели последнего из них [Дубровин 1871: XII].

Помимо статусной роли, огнестрельное оружие продолжало сохранять свои утилитарные функции, было жизненно необходимо крестьянам для охоты и защиты скота от хищников, а купцам – для разъездов по делам коммерции и защиты собственного имущества.

В начале 70-х гг. XIX в. разрешительные документы на право владения оружием, а также на приобретение боеприпасов к нему выдавались надлежащими органами, как правило, в виде обычных, выполненных в произвольной манере от руки «свидетельств», в которых перечислялись лица, имеющие право покупки оружия либо боеприпасов, и цель покупки. Наглядным примером может служить разрешение, выданное скотоводами селения Мисостова 3 мая 1873 г. за подписью и. д. пристава 1 участка. В документе зафиксировано: «…означенные в этом удостоверении жители селения Мисостово: корнету Клычу Асламбеку Мисостову, Каспоту Аджигирееву, Исмаилу Жамукову, Эльджеруко Шакманову, Магомету Карданову на выдачу из Георгиевского Окружного Полицейского управления свидетельства для покупки в Георгиевском арсенале пороху узаконенной партии для истребления хищных зверей препятствий не имеется» [УЦГА АС КБР. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 204. Л. 33]. Каких-либо сведений, уточняющих персональные данные, возраст и приметы получателей в документе не имелось.

Со временем порядок выдачи разрешений усложняется, а документы приобретают более официальный характер. Изменилась и сама процедура получения свидетельств. Теперь соискатель подавал прошение на имя начальника округа, к которому прилагались приговор общественного схода по месту жительства и мнение начальника участка. В случае положительных отзывов разрешение выдавалось в течение нескольких месяцев. Срок действия документов – один год, по его завершении желающие продлить проходили процедуру повторно.

Следует отметить, что несмотря на положительные отзывы общественных сходов, выдача соискателям разрешений на оружие в значительной степени зависела от начальников участков. Так, 19 июня 1906 г. начальник 4 участка сообщал в Управление Нальчикского округа: «Старшина сел. Боташево донес мне, что Мудар Самегов поведения хорошего, занимается хлебопашеством. Лично мне Сомегов не известен. Ежели выдавать свидетельство на право ношения оружия хлебопашцам, то все кабардинцы будут вооружены, так как по кабардинскому обычаю у старшин все жители его селения поведения хорошего. По моему мнению нет надобности вооружать Самегова» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 701. Т. 2. Л. 100 об.]. Понятно, что Самегов искомого разрешения не получил.

Начиная с 1882 г., в соответствии с новыми «правилами ношения оружия туземцами» в пределах Терской области, утвержденными предписанием главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, заявителям начинают выдаваться «свидетельства» нового образца. Сам документ теперь изготавливался типографским способом, и помимо общей части содержал обязательные к заполнению пункты с особыми приметами, удостоверявшими личность владельца оружия (возраст, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, лицо). При необходимости ставилась отметка о сроках действия данного свидетельства. Документ заверялся печатью округа и облагался гербовым сбором. В начале XX в. выходят новые «Обязательные правила о пользовании оружием, изданные начальником Терской области, на основании высочайше утвержденного 24 ноября 1905 г. мемория Совета министров» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Лл. 16-17]. В них по-прежнему строго воспрещалось «всем, кроме тех, кому это особо разрешено» иметь и носить при себе огнестрельное оружие, патроны к нему, кинжалы и трости с вделанными клинками. Продажа огнестрельного оружия и патронов дозволялась только из магазинов и складов, «имеющих при том на право торговли оружием надлежащее разрешение». Приобретение огнестрельного оружия и патронов, как и сопутствующие припасы, допускалось теперь исключительно при наличии специальных свидетельств, и «в количестве, строго прописанном в документе». «Свидетельства» нового образца выдавались в Канцелярии Начальника Области во Владикавказе после предъявления удостоверения полиции, подтверждавшего личность покупателя.

Строго воспрещалась продажа оружия, патронов и пороха малолетним, а также «воспитанникам и воспитанницам» средних и низших учебных заведений. Особенно строго власти старались контролировать ношение «туземцами» оружия в «городах группы Минеральных вод» и на железнодорожном транспорте.

Так, в выданном в 1902 г. свидетельстве на имя местного торговца Ахмета Пшибиева указано, что он «при поездках» имеет право носить оружие за исключением «городов группы Минеральных вод» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1. Л. 42].

Не менее значимыми для изучения вопроса являются и постановления сельских сходов, в которых подтверждалась добропорядочность и законопослушность истца, а также содержалось краткое описание его предприятия. В отдельных случаях общественным сходом выдавались дополнительные «удостоверения», подтверждающие право предъявителя на ношение оружия.

В начале XX в. разрешения, оформленные на типографских бланках, начинают вытеснять рукописные «удостоверения». Свидетельство Сагида Цуковича Кокоева, выданное ему Докшукинским сельским Правлением в апреле 1902 г., было уже оформлено на официальном бланке, изготовленном типографским способом. Документ подтверждал, что Кокоев «поведения хорошего, под судом и следствием не состоял и не состоит». В удостоверение от руки добавлено, что соискатель «занимается торговлею мелочным товаром и всегда бывает в разъездах», в связи с чем Правление не видело препятствия на выдачу Кокоеву свидетельства на право ношения кинжала и пистолета азиатского образца» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1. Л. 87].

Особый интерес для нас представляют прошения соискателей с обоснованием необходимости приобретения оружия. Джамбулат Хапцев сообщал, что по роду своей деятельности часто бывает в разъездах, и «не гарантирован от случаев случайно встретиться с лицами порочными, которые совершенно легко могут ограбить меня, невооруженного» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765. Т. 1. Л. 11]. Кроме того, прошения содержат описание хозяйства и видов предпринимательства, практикуемых заявителем. Так, в начале 1902 г. житель 3 участка Ханби Савкуев, обосновывая необходимость приобретения оружия, указывал: «Имея в селении Лескен собственную мануфактурную и бакалейную лавку, и занимаясь ссыпкой хлебного зерна на станции Котляревской, и почти что ежедневно случается проезжать глухими дорогами и с опозданием и большою суммою денег» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1. Л. 71].

Схожие аргументы, но в более развернутом виде приводил в своем прошении князь Кучук Джамботович Докшукин: «Будучи одним из наиболее или менее крупных землевладельцев Нальчикского округа, среди привилегированного народа и занимаясь, кроме сельского хозяйства, также коневодством и скотоводством, я, по роду этой профессии должен часто отлучаться из своего имения для сопровождения партий лошадей, скота и проч. в разные торговые пункты Терской области, подвергаясь в то же время риску нападения со стороны разных злоумышленников, занимающихся исключительно только коно и скотокрадством, не останавливаясь при том перед убийством мирно прогоняющих скот и лошадей их хозяев и работников, которые не будучи вооружены, не могут оказать никакого сопротивления нападающим разбойникам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 586. Т. 2. Лл. 139-139 об.]. Акцентируя внимание на своем «привилегированном положении», как «сына офицера русской армии», князь испрашивал себе право на приобретение оружия для самообороны.

Обращает на себя внимание апелляция князя к тому факту, что он «сын офицера русской армии». По-видимому, даже высокий, по местным меркам, социальный статус, «безукоризненный образ жизни» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 586. Т. 2. Л. 139] и лояльность властям вовсе не гарантировали ему получения искомого разрешения, в связи с чем пришлось напомнить властям о заслугах отца.

Отказ в выдаче разрешения, невзирая на высокий социальный статус и материальное благополучие просителя, мог, впрочем, произойти и по неочевидным мотивам. Так, в декабре 1905 г. жители Урусбиевского общества Хаджи-Даут и Умар Этезовы [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 20] обратились к начальнику Нальчикского округа с прошением разрешить им покупку «двух берданов ских ружей» и «револьверов не казенного образца», необходимых им «для самозащиты и охраны имущества», расположенного на их хуторе. Имущество, главным образом, заключалось в скоте и насчитывало «200 голов лошадей, рогатого скота 400 голов и 5000 овец» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 25]. К прошению прилагался общественный приговор, подтверждавший, что просители «лица благонадежные», «поведения хорошего, под судом и следствием не состояли и ныне не состоят», и что хутор братьев действительно расположен вдали от «селенных мест», где «скот и лошади подвергаются частому воровству».

Несмотря на то, что братья Этезовы на тот момент являлись одними из крупнейших скотопромышленников пяти горских обществ Нальчикского округа, известными меценатами и общественными деятелями, начальник округа в мае 1906 г. ответил на их прошение отказом.

В решении зафиксировано, что братьям Этезовым отказано «ввиду военного положения, и потому что они имеют хутор не на собственной земле», а на арендованной у княгини Атажукиной [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 24]. При этом, как видно из документов, процесс выдачи разрешения на оружие другим просителям, несмотря на «военное положение», в этот период не прерывался. Можно предположить, что истинная причина отказа крылась совсем в другом. Дело в том, что с 70-х гг. XIX в. Этезовы судились с семейством князей Атажукиных за участок Гирхожан, на котором располагался их родовой хутор. Дело получилось «громким» и, пройдя несколько судебных инстанций, в конечном итоге оказалось на рассмотрении в Сенате, который оставил Гирхожан за Атажукиными. Возможно, именно это обстоятельство, а не тот факт, что скот содержится на «арендованной земле» Атажукиных, и повлияло на отказ в прошении, так как другие просители получали искомые разрешения без каких-либо ощутимых проблем. Например, владелец имения «Предгорное», располагавшегося в 1 участке округа, Карл Густав Рейнбах в том же январе 1906 г. получил разрешение на довольно внушительный арсенал: «револьвер системы Нагана, охотничьего центрального дробового ружья и для охраны дома одну винтовку Маузера и одну берданку дробовую для караульного» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 56].

Следует отметить, что революционные события и волнения 1905 г. все же оказали заметное влияние на общее количество выдаваемых разрешений в сторону их сокращения. Вместе с тем, потребность в нем у мирного населения резко возрастала, так как участились случаи грабежей на дорогах не только торговцев, но и простых крестьян. Нападениям грабителей все чаще подвергались фермерские хозяйства и хутора скотопромышленников. В этих условиях наличие огнестрельного оружия являлось жизненной необходимостью, особенно для предпринимателей, занятых в аграрном секторе.

Со временем ситуация стабилизируется, и выдача разрешений на гражданское огнестрельное оружие начинает осуществляться в прежнем режиме. Вместе с тем, после 1905 г. наблюдается заметный рост обращений, в том числе и предпринимателей, за разрешениями на покупку огнестрельного оружия. И хотя власти округа старались по возможности снижать количество выдаваемых лицензий, поток желающих приобрести огнестрельное оружие увеличивался.

Оригинальная причина отказа со стороны начальника округа зафиксирована в документе (1910 г.). Временно исполняющий, на тот момент, должность начальника округа С.А. Клишбиев в категоричной форме отказал в разрешении на ношение оружия предпринимателю из сел. Жанхотово К. Кушхову. Старшине же предписывалось «объявить жителю вверенного Вам селения Кучуку Кушхову, что просьба его о возбуждении ходатайства о выдаче ему свидетельства на право ношения оружия мною оставлена без удовлетворения. В виду почти поголовной порочности жителей этого селения (выделено автором)» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4. Л. 66]. В чем состояла «порочность» жанхотовцев Клишбиев не уточнял. Примечательно, что упоминаемый в документе Кушхов ранее уже получал разрешение, и претензий к его благонадёжности либо к «порочности» односельчан у прежнего начальника округа не возникало.

Анализ выявленных в архивохранилищах КБР материалов позволяет относительно точно идентифицировать значительное количество предпринимателей Нальчикского округа. Имена многих коммерсантов не фигурируют в ранее выявленных документах. Кроме того, источники позволяют определить их специализацию, схему размещения предприятий и основной круг наиболее популярных коммерческих практик округа. Выявленных таким образом коммерсантов и предпринимателей Нальчикского округа условно можно разделить на четыре основные группы.

В первую группу (Таблица 1) включены коммерсанты, деятельность которых была связана с сельским хозяйством. Это, прежде всего, скотоводы, как, например, житель селения Наурузово Изет Каздохов, занимавшийся торговлей скотом [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 34], или Абас Кушхов из сел. Булатово, специализировавшийся на «крупных поставках лошадей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Т. 1. Д. 769. Т. 1. Лл. 60-65]. Отмеченные выше братья Этезовы и князь Докшукин также входят в этот список.

Помимо скотоводов, в таблицу включены предприниматели, специализировавшиеся на скупке и перепродаже зерна, так называемые «ссыпщики». Некоторые из них имели довольно значительные обороты. Житель сел. Муртазово Канита Бицуевич Тажев, как значилось в его деле, к 27 годам уже имел на станции

Муртазово «хлебную торговлю с находящимся там амбаром вместимостью до 100 вагонов зерна» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Лл. 107-107 об.]. Свой «амбар» при Муртазовской станции имелся и у его односельчанина – Герандока Тлеужева, также занимавшегося «покупкой и продажей зернового хлеба» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 74 об.]. Таубий Келемет Шакманов из сел. Вольный Аул [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 97] и Клишби Аджигериев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Л. 116] из сел. Н.-Клишбиево совмещали торговлю скотом с хлеботорговлей.

Таблица 1

Ф.И.О.	Род занятий	Н/П
Абаноков Хазеша	Торговля скотом и скупка зерна	Бороково
Агубеков Исмаил	Торговля скотом	Атажукино 3
Аджиев Асланмурза Локманович	Коннозаводчик	Лафишево
Аджигиреев Клишби	Торговля скотом и скупка зерна	Н.-Клишбиево
Балкороков Дадаш	Торговля скотом	Чегемское Общество
Барасбиев Коншао	Коневодство и скотоводство	Чегемское общество
Губарев Иван Львович	Фермерское хозяйство, сыроварня	Кармово
Докшукин Кучук Джамботович	Коннозаводчик	Докшукино
Дохов Ахмед	Торговля скотом	Н.-Клишбиево
Ирюгов Хазеша Каспотович	Скупка и торговля кукурузой	Астемирово
Кабалоев Мусса Гушаевич	Разводил на продажу скот, ссыпка кукурузы	Кайсын-Анзорово
Карашевы Самсадин и Хаджиумар	Скупка хлебного зерна	Астемирово
Кодзоков Касим	Торговля хлебом	Булатово
Коздохов Изет	Торговля скотом	Наурузово
Коцев Исмаил Тамашевич	Коннозаводчик	Бабуково
Кудаев Саид	Скупка и продажа кукурузы	Астемирово
Кудашев Жинус	Торговля скотом	Мисостово
Кушхов Абас	Торговля лошадьми	Ашабово
Кушхов Сараль	Торговля скотом	Абаево
Лукожев Султанбек	Торговля скотом	Бекович
Мамашев Исхак Мусаевич	Торговля скотом и лошадьми	Чегемское Общество
Мирзаев Ахмат	Торговля скотом и лошадьми	Гунделен

Ошноков Мусса	Скупка и перепродажа кукурузы	Хату-Анзорово
Псаноков Тали	Скупка и продажа зернового хлеба	Куденетово
Пшибиев Хангери	Скупка и продажа лошадей и зерна	Н.-Клишбиево
Рехвиашвили Иван Николаевич	Торговля скотом	Хуламское общество
Тавкешев Темиркан	Коннозаводчик	Коново
Тажев Канита Бицуевич	Хлебная торговля	Муртазово
Тлеужев Герандоко	Скупка и продажа зернового хлеба	Муртазово
Фашмухов Данил	Покупка и продажа «разных хлебных продуктов»	Ахлово
Чабан Константин	Торговля мясом	Сл. Нальчик
Шаваев Андул-Хаба Хаджи Мусаевич	Фермерское хозяйство и скупка зерна	Куденетово
Шакманов Келемет	Торговля скотом и скупка зерна	Вольный Аул
Шекихачев Исмаил	Торговля скотом и скупка зерна	Абаево
Шерегов	Торговля скотом и скупка зерна	Абаево
Этезовы Хаджидаут и Умар	Коннозаводчики, разведение крупнорогатого и мелко рогатого скота	Гирхожан

[Составлено автором на основании материалов: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1.; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 60; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 3]

Во вторую группу (Таблица 2) вошли коммерсанты, отдававшие предпочтение торгово-рыночным операциям. Во второй половине XIX – начале XX в. характер торговых отношений в Нальчикском округе заметно усложняется. Прежде всего, торговля получила четкое разделение на стационарную и «разъездную». К стационарной подгруппе можно отнести владельцев магазинов и лавок, как, например, хозяина 2-х «бакалейных магазинов» в сл. Нальчик Гасана Агаева [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2. Лл. 158-159], или Исаака Исаевича Ханукаева, имевшего в той же слободе «обширную торговлю мануфактурными товарами» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3. Л. 159]. Временно проживавший в сел. Кучмазукино Гаджи Магомед Мехадов, помимо дома, успел к 1915 г. обзавестись в селении собственной торговой лавкой [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2. Лл. 162-164]. Своя лавка в Аргудане имелась у Мурзабека Ибрагимовича Желетежева, обладателя «промыслового свидетельства на мануфактурно-бакалейную торговлю» и патента на продажу табачных изделий [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4. Лл. 47-48].

Помимо стационарной, в округе сохранялась «разъездная», или ярмарочно-базарная торговля. Шуган Абидов из сел. Муртазово сообщал, что занимается «развозной торговлей по базарам бакалейного товара» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765. Л. 162].

Отдельная группа предпринимателей, например, Уважуко Кишев из сел. Жанхотово [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2. Л. 127], в своих прошениях без подробностей указывали «торговлю» в качестве основного занятия. Можно предположить, что они также практиковали именно «разъездной торг».

Таблица 2

Ф.И.О.	Род занятий	Н/П
Алиев Абдула	Торговля	Кошероково
Абазов Лукман	Мануфактурно-бакалейная торговля, развозной торг	Аргуданское
Абидов Шуган	Развозная торговля бакалейным товаром	Муртазово
Агаев Гасан	2 бакалейных магазина	сл. Нальчик
Алкашев Хамид	Торговля	Муртазово
Афаунов Дзу	Торговля	Ашабово
Белемготов Хакяша	Лавка, мелочная торговля	Кайсын-Анзорово
Берхамов Асхат	Оптовая мануфактурно-бакалейная торговля	Кучмазукино
Блиев Абдулах	Торговля	Мисостово
Бориев Лют	Торговля	Н.-Клишбиево
Гавашелишвили Бичо	Торговля	сл. Нальчик
Гаспаров Яков	Магазин	сл. Нальчик
Губашиев Мизу	Торговля	Жанхотово
Дигилов Машлак	Торговля	сл. Нальчик
Журтов Хопаго Хошеметович	Торговля	Коново
Каздохов Магомет	Мануфактурно-бакалейная торговля	Наурузово
Карачаев Шухаиб	Торговля	Кучмазукино
Кишев Уважуко	Мелочная торговля	Жанхотово
Кокоев Сагид Цукович	Торговля мелочным товаром	Докшукино
Лепшев Осман	Торговля	Бекович
Лобжанидзе Семен	Торговля	Хасаут
Магомед-Оглы Осман	Развозная торговля обувью и серебряными изделиями	Гунделен

Марзоев Абдурахман	Торговля	Кайсын-Анзорово
Маршенкулов Батоко Бекирович	Торговля красным и мелочным товаром	Коново
Мехадов Гаджи Магомед	Лавочная торговля	Кучмазукино
Муртазалиев Хизри	Торговля	сл. Нальчик
Осенянц Геогий Осипович	Торговля	сл. Нальчик
Пшибиев Ахмет	Торговля	Н.-Клишбиево
Рабаев Шимтов	Мануфактурный магазин	сл. Нальчик
Раджаб – Оглы Магомед	Торговля	Коново
Самгуров Исмаил	Торговля	Кайсын-Анзорово
Самгуров Тазрет Магометович	Мануфактурный магазин	Кайсын-Анзорово
Сокуров Хаджи-Асхад Ногоевич	Мануфактурная лавка	Бороково
Тамбиев Карп Антонович	Торговый дом «А. М. Тамбиев и компания»	Муртазово
Тамбиев Андрей Антонович	Торговый дом «А. М. Тамбиев и компания»	Муртазово
Тамбиев Абрам Антонович	Торговый дом «А. М. Тамбиев и компания»	Муртазово
Тер-Антоньянц Георгий Сергеевич	Торговля	сл. Нальчик
Тер-Сааков Иван Александрович	Торговля	сл. Нальчик
Тлебзухов Али	Бакалейная лавка	Коголкино
Увижев Хаджи-Хатыр	Торговля мануфактурным товаром, мануфактурная лавка	Бороково
Уразаев Юсуп	Мануфактурный магазин	Астемирово
Хажиметов Мурзабек	Приказчик в лавке	Бороково
Хаиров Исмаил Чикиевич	Торговля	Атажукино 2
Ханукаев Натаниель	Торговля мануфактурой	сл. Нальчик
Ханукаев Исаак исаевич	Торговля мануфактурным товаром	сл. Нальчик
Хуштов Шад	Развозной торг	Исламово
Хутов Х.	Развозная торговля	Абаево
Шомахов Закирей	Торговля	Боташево
Шугунов Тембот	Мелочная торговля	Н.-Клишбиево
Юсупов Шельми Ермолаевич	Лавочная торговля	сл. Нальчик

[Составлено автором на основании материалов: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1.; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 60; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 3]

В третий список попали негоцианты, деятельность которых носила ярко выраженный характер диверсификации. Эти предприниматели, уже состоявшиеся и достигшие определенных успехов в торговле скотом либо в мануфактурно-бакалейной коммерции, стремились расширить свое дело за счет новых, набиравших популярность в округе предпринимательских практик. Так, Мусса Кабылоев из сел. Кайсын-Анзорово, испрашивая для себя разрешение на ношение оружия, ссылался на частые разъезды по делам, так как помимо торговли в селе, занимался еще и «хлебной ссыпкой» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2. Л. 34]. Схожие причины в прошениях указывали Андулях и Исуф Кудашевы из сел. Боташево [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2. Л. 136], Бечкан Емкужев из сел. Абаево [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2. Л. 15] и другие.

В выявленных материалах имеется также прошение жителя сел. Шалушка Батоко Умаровича Гучинова, торговца «мануфактурным и мелочным товаром», владельца «бакалейно-мануфактурной лавки II разряда» и, одновременно, «промыслового свидетельства сл. Нальчик на торговлю, ссыпку кукурузы на станции Котляревская» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2. Лл. 158-159]. В отличие от него, Адиль-Гирей Мисостишхов из сел. Жанхотово помимо «разведения скота на продажу» в своем селении владел «черепичным заводом» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2. Лл. 28 об.-29].

Таблица 3

Ф.И.О.	Род занятий	Н/П
Аталиков Махсуд Пагович	Бакалейная торговля, хлебная ссыпка	Кайсын-Анзорово
Афоунов Дзу	Мануфактурная лавка и фермерство	Ашабово
Балкаров Батырбек	Торговля, скупка кукурузы и «прочих хлебов»	Н. - Кожоково
Барагунов Исмаил	Мануфактурная лавка, хлебная ссыпка	Ахлово
Борукаев Жанхот	Мануфактурная лавка, «поставка в казну леса для казачьих седел»	Докшоково
Габачиев Ахмет Андарукович	Мануфактурная торговля, покупка и сбыт рогатого скота, ссыпка кукурузы	Кайсын-Анзорово
Гадзаов Григорий Темболатович	Мелочная торговля, торговля скотом, скупка и продажа хлеба	Ново-Николаевский
Георгиев Хатакшуко	Ссыпка кукурузы и мануфактурная торговля	Кайсын-Анзорово

Гидов Ахмед Умарович	Торговля и ссыпка кукурузы	Астемирово
Гучинов Батоко Умарович	Торговля мануфактурным и мелочным товаром, бакалейно-мануфактурная лавка II разряда, ссыпка кукурузы	Шалушка
Дадов Асхад Мусович	Мануфактурно-бакалейная торговля и фермерское хозяйство	Булатово
Дудаев Ибрагим Шамелевич	Фермерское хозяйство, мелочная лавка, торговля мелочным и мануфактурным товаром	Аргудан
Емкужев Бечкан	Торговля и скупка хлебного зерна	Абаево
Желетежев Мурзабек Ибрагимович	Мануфактурно-бакалейная торговля, продажа табачных изделий	Аргудан
Кабылоев Муса	Торговля и ссыпка зерна	Кайсын-Анзорово
Караев Мухарбек Гусманович	Мануфактурно-бакалейная торговля, скупка лома	Догужоково
Катханов Гиса (Иса)	Бакалейно-мануфактурная торговля, хлебная ссыпка	Лафишево
Кодзоков Бишик	Бакалейная лавка, скупка и продажа зернового хлеба	Булатово
Кодзоков Касим	Торговля и скупка хлебного зерна	Булатово
Кривчик Яков	Лавочная торговля, черепичный завод	сл. Нальчик
Кудалиев Исуф	Мануфактурно-бакалейная торговля, ссыпка зерна	Муртазово
Кудашевы Андулях и Исуф	Торговля и скупка хлебного зерна	Боташево
Кумахов Маша	Лавочная торговля, ссыпка кукурузы	Мисостово
Мисостишхов Адиль-Гирей	Скотоводство и «черепичный завод»	Жанхотово
Пшуков Хамид	Мануфактурная торговля, ссыпка хлеба	Докшоково
Совкуев Ханби	Имел собственную лавку, занимался ссыпкой хлеба на ст. Котляревская	Лескенское
Сонов А.	Торговля красным и мясным товаром	Коново
Устов Исмаил	Разводил на продажу скот, керпично-черепичный завод	Мисостово
Хутов Хута	Мануфактурно-бакалейная лавка, скупка и продажа зерновогохлеба	Абаево
Шебзухов Битоко	Торговля, скупка лошадей	Докшукино
Шукаев Сулейман Ортабаевич	Мануфактурная торговля, ссыпка зерна	Кайсын-Анзорово
Шурухов Хажумар	Мелочная лавка, торговля скотом, скупка хлеба	Н.-Клишбиево

[Составлено автором на основании материалов: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1.; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 60; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д.

769. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 3]

В четвертую группу вошли предприниматели, деятельность которых по разным причинам не получила большого распространения в Нальчикском округе. Это окружной аптекарь Исаак Абрамович Соколовский [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 2. Л. 85]; содержатель единственного в сл. Нальчик «халяльного», ориентированного на горцев-мусульман трактира Аслантоко Залиханов [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4. Л. 70]; знахарь из сел. Гунделен Ибрагим Искандеров [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 1. Л. 5]; уздень Мурат Жерештиев из сел. Хасаут, указывавший в своем прошении, что совместно с братом Али содержит в Пятигорске лошадей для приезжих туристов и одновременно работает проводником для этих «курсовых» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1. Лл. 22-23 об.]. В список попал и Вахаб Лукожев, содержатель паромной переправы на р. Терек [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 77].

Таблица 4

Ф.И.О.	Род занятий	Н/П
Али-Оглы Магомет	Производство и продажа седел	сл. Нальчик
Бигеретов Лукман	Производство и продажа седел	Аргуданское
Джибилов Тембулат	Поверенный сыроварни Губарева	Кармово
Жерештиевы Мурат и Али	Содержали в Кисловодске прогулочных лошадей, работали проводниками для «курсовых»	Кисловодск
Заид-Оглы Женус	Выделка и продажа серебряных изделий	Гунделен
Залиханов Аслантоко	Содержатель трактира	сл. Нальчик
Искандеров Ибрагим	Знахарь	Гунделен
Кушхов Кучук	Выделка плетей, уздечек и седел, скупка бурок	Жанхотово
Лукожев Вахаб	Содержал паромную переправу на р. Терек	Булатово
Магомет-Оглы Хизри	Ювелир	сл. Нальчик
Муллаев Исхак	Свободный предприниматель	сл. Нальчик
Соколовский Исаак Абрамович	Аптекарь	сл. Нальчик
Хажиметов Мурзабек	Служил приказчиком в лавке Х.-Х. Увыжева	Бороково
Холамханов К.	Извоз, доставка товаров в сл. Нальчик	Балкарское общество

Шаов Мусса	Управляющий имением помещика Заболотного	Ашабово

[Составлено автором на основании материалов: УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 1.; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 60; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 3; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 769. Т. 4; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 839. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 893. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 1; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 2; УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 914. Т. 3]

Обращает на себя внимание ассортимент наиболее популярных среди местных коммерсантов оружейных брендов. Муса Кабылоев из сел. Кайсын-Анзорово, занимавшийся торговлей и «ссыпкой зерна», испрашивал себе в 1910 г. разрешение на право ношения кинжала и «пистолета азиатского образца» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2. Л. 34]. Его односельчанин – торговец Измаил Самгуров в этот же период добивался разрешения на ношение в деловых поездках только «холодного оружия» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 582. Т. 2. Л. 64]. Торговец Шуган Абидов в 1909 г. получил разрешение на ношение в пределах Кавказского края «кинжала, пистолета азиатского образца и гладкоствольного ружья с бердановским затвором» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765. Л. 3]. Торговец скотом из Н.-Клишбиево Ахмед Дохов добивался разрешения на право ношения холодного оружия, «револьвера «Бульдог», ружья «Бердана» дробового» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 765. Л. 25]. Среди других востребованных местными коммерсантами моделей огнестрельного оружия в документах фигурируют пистолеты систем «Браунинг» и «Маузер», револьверы «Кольт», «Смит и Вессон», винтовки «Винчестер». Тем не менее, большинство мелких и средних коммерсантов, как это видно из материалов дел, предпочитали гладкоствольные ружья и пистолеты «азиатского образца», так как, во-первых, их цена была значительно ниже цены фабричных изделий мировых брендов, а боеприпасы к ним вполне доступны. Во-вторых, каждый такой «азиатский» образец, выполненный в индивидуальной и неповторимой манере, богато украшенный серебром и золотом, прекрасно справлялся с основной своей задачей – служить наглядной демонстрацией успешности и материального благополучия хозяина. Нельзя отрицать и тот факт, что скотоводы округа в отдельных случаях продолжали использовать огнестрельное оружие для защиты своей собственности и скота от хищных зверей. Но от налета банды грабителей наличие одного ружья или пистолета помогало слабо. Относительно же владельцев магазинов, лавок, торговых подворий и ссыпщиков зерна, огнестрельное оружие являлось скорее декоративным элементом, объектом престижного потребления, демонстративно выставляемым напоказ.

Заключение

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Нальчикском округе, как и на всем Кавказе, завершался процесс интеграции народного хозяйства края в обще-

российское экономическое пространство. Это явление сопровождалось модернизацией хозяйственного уклада горцев, поиском оптимальных путей и механизмов адаптации к новым рыночным реалиям. В этих условиях предпринимательство, наряду с традиционными земледелием и скотоводством, становится третьим по степени важности занятием населения Кабарды и Балкарии. Как показывают документы, значительная часть новоявленных коммерсантов совмещала коммерческую деятельность с фермерством, не решаясь окончательно расстаться с сельскохозяйственными практиками.

Выделение предпринимателей из общей массы земледельцев и скотоводов со временем мотивировало необходимость наличия неких носимых элементов престижного потребления, символизирующих и подтверждающих их достаток и материальное благополучие. Оружие, в большей степени огнестрельное, призвано было выполнять эти функции. С другой стороны, ухудшившаяся после революции 1905 г. криминогенная обстановка в крае объективно вынуждала местных коммерсантов обзаводиться огнестрельным оружием для самозащиты в деловых поездках и защиты собственного имущества. Последнее обстоятельство было особенно актуально для торговцев скотом и коннозаводчиков, часто бывавших в длительных разъездах. Вместе с тем, для большинства лавочников, ссыпщиков и других негоциантов наличие огнестрельного оружия являлось больше показателем их статуса, индикатором материального благополучия.

Подводя краткие итоги исследования, следует заключить, что комплекс документов, связанных с лицензированием оборота оружия среди гражданского населения, является важнейшим источником по истории становления и развития предпринимательства в Нальчикском округе в последней трети XIX – начале XX вв. Вводимые в научный оборот материалы позволяют по-новому взглянуть на особенности прохождения процесса интегрирования экономики народов Кабарды и Балкарии в общероссийский рынок, глубже осмыслить характерные черты этого явления.

Изучение и анализ отмеченного корпуса источников позволяет установить основные направления реализации коммерческой активности населения в указанный период, способствует уточнению национального состава и социального статуса предпринимателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1871. – 640 с.

Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.*А. История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 205 с.

Крикунова 1960 – *Крикунова Е.О.* Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Т. XVII. Нальчик, 1960. С. 123–149.

Кучмезова 1967 – *Кучмезова М.Ч.* Проникновение капиталистических отношений в экономику балкарских обществ в пореформенный период // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967. С. 59–73.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 419 с.

Муратова 2019 – *Муратова Е.Г.* Балкарские горские общества в условиях имперской модернизации России: этносоциальная консолидация и развитие // Кавказология. 2019. С. 12–36.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 240 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР).

REFERENCES

DUBROVIN N.F. Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze [History of the war and Russian rule in the Caucasus]. T. 1. CH. 1. SPb., 1871. – 640 p. (In Russ.)

ZHAKOMIHOV T.A. Istoriya narodnogo hozyajstva Kabardino-Balkarii [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 205 p. (In Russ.)

KRIKUNOVA E.O. Nekotorye voprosy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Balkarii v poreformennyj period [Some issues of socio-economic development of Balkaria in the post-reform period] // Uchenye zapiski KBNII. T. XVII. Nal'chik, 1960. P. 123–149. (In Russ.)

KUCHMEZOVA M.CH. Proniknovenie kapitalisticheskih otnoshenij v ekonomiku balkarskih obshchestv v poreformennyj period [The penetration of capitalist relations into the economy of Balkar societies in the post-reform period] // Uchenye zapiski KBNII. T. XXV. Nal'chik, 1967. P. 59–73. (In Russ.)

KUMYKOV T.KH. Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 419 p. (In Russ.)

MURATOVA E.G. Balkarskie gorskie obshchestva v usloviyah imperskoj modernizacii Rossii: etnosocial'naya konsolidaciya i razvitie [Balkar mountain societies in the context of imperial modernization of Russia: ethnosocial consolidation and development] // Kavkazologiya. 2019. P. 12–36. (In Russ.)

PRASOLOV D.N. S''ezdy doverennyh v politicheskoj kul'ture kabardincev i balkarcev [Congresses of trusted Kabardians and Balkars in political culture]. – Nal'chik: Print Centr, 2022. – 240 p. (In Russ.)

SABLIROV M.Z. Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v konce XIX – nachale XX vv. [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th – early 20th centuries]. – Nal'chik: Adyge heku, 2001. – 232 p. (In Russ.)

Upravlenie Central'nogo Gosudarstvennogo Arhiva Arhivnoj Sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki (UTSGA AS KBR).

Сведения об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук.

Information about the author

T.A. Dzughanov – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 19.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.09.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-105-114
EDN: CXGERJ

НЕКОТОРЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУЖНОГО ПРАВЛЕНИЯ ПО УЧЕТУ И КОНТРОЛЮ ЗА СОСТОЯНИЕМ ДОРОГ И МОСТОВ В 1880-Е ГОДЫ

Аслан Аликович Казаков
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия; Северо-Кавказский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Нальчик, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике полномочий Нальчикского окружного правления на основе анализа его делопроизводственной документации по учёту и контролю за состоянием дорог и мостов в 1880-е гг. – период складывания Нальчикского округа как новой административной единицы в составе Терской области после преобразования Пятигорского округа в 1882 г. В рамках исторического институционализма рассматривается процесс формирования и реализации функций окружных и участковых органов власти в социальной сфере на материалах делопроизводственных документов Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа»). Показано, что окружное правление осуществляло нормативный контроль за состоянием путей сообщения с опорой на Устав путей сообщения, издавало циркуляры и предписания подведомственным атаманам станиц и старшинам селений, вело проектную деятельность по строительству новых коммуникаций, включая колесную дорогу в Балкарское общество, и взаимодействовало с Терским областным правлением и его строительным отделением. Участковые правления Нальчикского округа обеспечивали непосредственное содержание дорог и мостов силами местного населения в рамках натуральной повинности, составляли именные списки рабочих и направляли рапорты о состоянии коммуникаций. Сделан вывод о том, что проанализированная система распределения полномочий между окружным и участковыми уровнями иллюстрирует расширение функционала устойчивых административных институтов в позднеимперский период.

Ключевые слова: Нальчикский округ; Терская область; окружное правление; дороги и мосты; военно-гражданское управление; натурная повинность; исторический институционализм.

Для цитирования: Казаков А.А. Некоторые полномочия нальчикского окружного правления по учету и контролю за состоянием дорог и мостов в 1880-е годы // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 105-114. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-105-114. EDN: CXGERJ.

© Казаков А.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SOME POWERS OF THE NALCHIK DISTRICT ADMINISTRATION IN MONITORING AND ACCOUNTING FOR THE CONDITION OF ROADS AND BRIDGES IN THE 1880S.

Aslan A. Kazakov
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia; North Caucasian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Nalchik, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. The article is devoted to the characterization of the powers of the Nalchik District Administration based on the analysis of its administrative documentation on accounting and monitoring the condition of roads and bridges in the 1880s – the period of the formation of the Nalchik District as a new administrative unit within the Terek Region after the transformation of the Pyatigorsk District in 1882. Within the framework of historical institutionalism, the process of formation and implementation of the functions of district and local administrative bodies in the social sphere is considered on the materials of the administrative documents of the Central State Archive Administration of the Kabardino-Balkarian Republic (Fund I-6 "Nalchik District Administration"). It is shown that the district administration exercised regulatory control over the condition of communication routes based on the Roads Charter, issued circulars and instructions to subordinate stanitsa atamans and village elders, carried out project activities for the construction of new communications, including a wheeled road to the Balkar Society, and interacted with the Terek Regional Administration and its construction department. The local administrations of the Nalchik District ensured the direct maintenance of roads and bridges by the forces of the local population within the framework of natural duty, compiled name lists of workers and sent reports on the condition of communications. It is concluded that the analyzed system of distribution of powers between the district and local levels illustrates the expansion of the functionality of sustainable administrative institutions in the late imperial period.

Keywords: Nalchik District; Terek Region; district administration; roads and bridges; military-civilian administration; natural duty; historical institutionalism.

For citation: Kazakov A.A. Some Powers of the Nalchik District Administration in Monitoring and Accounting for the Condition of Roads and Bridges in the 1880s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 105-114. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-105-114. EDN: CXGERJ.

© Kazakov A.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В рамках исторического институционализма важное значение имеет изучение процессов расширения функционала органов власти, в том числе в сфере управления дорогами и мостами как одной из ключевых социальных функций административных структур. В этом отношении Нальчикский округ Терской области, делопроизводственные материалы которого сохранились в значительном объёме, представляет богатый материал для анализа. Особую значимость данная тема приобретает применительно к началу 1880-х гг. – периоду складывания Нальчикского округа как новой после преобразования 1882 г. административной единицы в составе Терской области, что сопровождалось формированием массива делопроизводственных документов по управлению путями сообщения в регионе. Последующее изучение этой проблематики создаёт основу для расширения предмета исследования за счёт привлечения материалов по институтам самоуправления (Съезду доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ, Кабардинской общественной сумме и т.п.), вза-

имодействовавшим с окружным правлением в вопросах содержания коммуникаций, а также за счёт исследования истории его взаимодействия с вышестоящими инстанциями в лице Терского областного правления и его профильного строительного отделения. Данный подход согласуется с концепцией устойчивых и адаптивных институтов российской государственности на Центральном Кавказе в позднеимперский период, предложенной А.Х. Абазовым, который показал, что сфера деятельности устойчивых административных структур на Центральном Кавказе со временем расширялась, тогда как адаптивных – локализовывалась, что наглядно прослеживается и на примере эволюции полномочий Нальчикского окружного правления в дорожной сфере [Абазов 2026].

Следует отметить, что в современной историографии отсутствует специальное исследование, посвящённое исключительно полномочиям Нальчикского окружного правления по учёту и контролю за состоянием дорог и мостов в 1880-е гг. Однако ряд работ содержит релевантные сведения – либо по дорожному строительству в округе, либо по управленческим функциям окружного правления, либо по системе повинностей, включавшей ремонт дорог и мостов. В их числе книга Б.Б. Темукуева о строительстве горных колесных дорог на территории Нальчикского округа во второй половине XIX в., с участием начальников округа и области, доверенных общества и подрядчиков [Темукуев 2008]. А также работа П.А. Кузьминова и М.Ш. Абаевой, в которой на архивных материалах разбирается строительство колесных дорог в балкарских обществах, включая инициативы начальника Нальчикского округа, взаимодействие окружного начальства с обществами, привлечение пороха и сапёров [Кузьминов, Абаева 2021]. Ряд работ напрямую не затрагивают вопросы полномочий органов власти в этой сфере, однако раскрывают особенности структуры и функций окружных органов правления [Калмыков 1980; Пазов 2021; Бербекова 2023; Кярова 2023] и самоуправления [Прасолов 2019].

Исследование построено преимущественно на неопубликованных делопроизводственных материалах Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР (Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа»), включающих циркуляры, рапорты, акты, общественные приговоры и именные списки рабочих и другие документы за 1883–1889 гг. Дополнительно привлекаются опубликованные источники (например, документальный сборник по истории Балкарии [Документы по истории… 1959]), что позволяет верифицировать архивные данные и рассматривать проблему в контексте сложившейся исследовательской традиции.

Результаты исследования

В результате преобразования 1 января 1882 г. Пятигорский округ Терской области был разделён на два самостоятельных округа – Пятигорский и Нальчикский, после чего вновь образованный Нальчикский округ получил собственное административно-территориальное устройство с окружным правлением. В рамках сложившейся военно-гражданской модели управления Нальчикское окружное правление было наделено широким кругом административных полномочий,

включавших в себя и контроль за состоянием дорог, мостов и иных средств коммуникации на подведомственной территории. Исследование этих полномочий в динамике позволяет рассмотреть, как в позднеимперский период окружные и участковые органы управления реализовывали свои функции в социальной сфере, обеспечивая нормативное состояние путей сообщения и взаимодействие с вышестоящими инстанциями Терского областного правления.

Анализ делопроизводственных документов Нальчикского окружного правления показывает, что в 1880-е гг. оно осуществляло нормативный контроль за состоянием дорог и мостов на подведомственной территории, проверяя их соответствие общеимперским требованиям (ширина, исправность), издавало циркуляры и предписания атаманам станиц и старшинам селений об устранении нарушений и проведении ремонтов, а также вело проектную деятельность по строительству новых коммуникаций (например, колесная дорога в Балкарское общество). При этом окружное правление взаимодействовало с Терским областным правлением и его строительным отделением по вопросам ремонта шоссейных дорог, проведения аукционов на подрядные работы и т.п. Начальники (приставы) административных участков и сельские старшины отвечали за непосредственное содержание дорог, мостов и переправ в исправном состоянии силами и средствами местного населения, составляли именные списки рабочих для строительных работ и направляли рапорты начальнику округа о состоянии коммуникаций, фиксируя факты разрушений (половодья, расхищение материалов) и ход их устранения.

Некоторые сведения по учёту состояния дорог, мостов и иных средств коммуникации содержатся в приложениях к ежегодным отчётам начальников (приставов) административных участков Нальчикского округа. Например, в приложении к отчёту начальника 2 участка Нальчикского округа за 1883 г. о состоянии дорог и мостов на вверенной ему территории отмечалось следующее: «мосты и дороги в отчётном году находятся в удовлетворительном состоянии, но с открытием весны следующего года их предложено исправить, а некоторые вновь построить средствами общества» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 71. Л. 76]. В следующем 1884 г. в аналогичном отчёте начальник 2 участка отмечал: «Мосты и переправы в отчётном году находились в менее удовлетворительном состоянии. Но с открытием весны они всегда приводятся в удовлетворительное состояние и исправность и удовлетворяют потребностям населения: на таких же горных и часто изменяющих своё течение реках как Баксан и Малка постройка капитальных мостов слишком дорого стоит и непосильна для населения» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 29]. В этом же году начальник 5 участка Нальчикского округа в своём отчёте указал, что «через реку Куру обществом коллегии Каново устроены плотина и мост на средства этого общества» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 73 об.]. Анализ таких отчётов также показывает динамику, отражает сложности учёта и управления коммуникациями в регионе, и отчёты становятся более информативными, что в долгосрочной перспективе вполне могло вести к усилению качества управления ими со стороны учреждений власти Нальчикского округа.

В начале 80-х гг. XIX в. окружные власти были обязаны следить за нормативным состоянием путей сообщения на вверенных им территориях с опорой на общеимперские нормативные акты. Так, в циркуляре начальника Нальчикского округа атаманам станиц, старшинам селений и колоний от 23 марта 1883 г. было указано, что «на основании Правил, изложенных в Уставе путей сообщения (ст. 724-729, т. 12, ч. 1, изд. 1857 г.)» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 39. Л. 1], все грунтовые дороги и мосты… должны быть в полной исправности. Кроме того, в документах закреплялись некоторые технические характеристики, которым должны были соответствовать дороги в регионах, в том числе и в Нальчикском округе. В частности, начальник Нальчикского округа в анализируемом циркуляре отмечал, что на основе этого устава «ширина почтовой дороги должны быть не менее тридцати саженей, а проселочной – не менее трех саженей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 39. Л. 3]. Между тем, нальчикское окружное правление выступало инстанцией, ответственной за определение качества дорог и мостов на подведомственной территории и установление их соответствия нормативным требованиям. Инстанцией, ответственной за непосредственное содержание в исправном состоянии дорог и мостов в округе были локальные начальники (в первой половине 1880-х гг. это атаманы станиц, старшины селений и колоний, расположенных на территории Нальчикского округа). Так, например, в циркуляре начальника Нальчикского округа атаманам станиц и старшинам селений и колоний от 18 марта 1883 г. отмечалось, что в округе «дороги вообще, как почтовые, так и проселочные находятся в весьма неудовлетворительном состоянии, даже при распашке земель жители станиц вопреки 889 ст. того же устава таковые перепахивают, отчего проезд по ним делается крайне затруднительным» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 39. Л. 3]. В качестве реакции на необходимость приведения дорог и путей сообщения в нормативное состояние в Нальчикском округе были соответствующие предписания окружного начальника в адрес подведомственных ему атаманов станиц, старшин селений и колоний. В свою очередь, атаманы станиц, старшины селений и колоний должны были направлять в адрес начальника округа рапорты с информацией о состоянии дорог, мостов и иных путей сообщения на подконтрольных им территориях. Рапорты со схожим содержанием направлялись начальнику округа и от начальников (приставов) административных участков. В частности, в рапорте начальника (пристава) 2-го участка начальнику Нальчикского округа от 3 июля 1883 г. сообщалось, что «вследствие половодья, мосты на Баксане у Тамбиева селения 1-го на Малке у Солдатской станицы и на Чегеме у с. Куденетовых снесены и исправление их в настоящее время невозможно, пока половодье не убавится, а затем мною будет наблюдено за исправление мостов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 39. Л. 11]. Информация о схожих случаях периодически поступала от начальников участков начальнику Нальчикского округа, т.е. в округе осуществлялся постоянный мониторинг состояния дорог и мостов.

При этом часть коммуникаций, расположенных в то время на территории Нальчикского округа, оставалась в ведении Терского областного правления, а их ремонт и поддержание в нормативном состоянии его профильной структуры –

строительного отделения. По этой части, нальчикское окружное правление активно взаимодействовало с Терским областным правлением, а через его посредство – и со строительным отделением. Например, в предписании Терского областного правления начальнику Нальчикского округа от 18 июня 1883 г. отмечалось следующее: «По докладу и.д. начальника области рапорта Вашего от 3 сего июня № 460, относительно разрушения неизвестно кем свода Малкинского железнодорожного моста с расхищением до 400 штук кирпича, г. исправляющий должность начальника Области полковник Юрковский приказал изволить сделать немедленно распоряжение об исправлении свода на счёт станицы Пришибской, возложить затем и дальнейшее наблюдение за целостью сооружений на шоссе до Малкинского моста на ту же станицу. Об этом строительное отделение областного правления уведомляет Ваше Высокоблагородие для надлежащих распоряжений, просит о времени исправления свода донести областному правлению» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 39. Л. 8-9].

В 1883–1887 гг. в нальчикском окружном правлении рассматривался вопрос о проведении колесной дороги в Балкарское общество [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1-2]. 9 декабря 1883 г. начальнику Нальчикского округа был направлен на утверждение общественный приговор доверенных Балкарского общества от 8 декабря 1883 г. о разработке колесной дороги по ущелью «Джильги-Тар» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1. Л. 3]. В приговоре, принятом 300 домохозяевами из 474 проживавших в обществе, отмечалось об одобрении начала разработки колесной дороги по этому ущелью и готовности направить на ремонтные работы «на своих харчах в числе 500 человек, каковые должны работать безотлучно и дать материальных средств единовременно в количестве 500 рублей» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1. Л. 4]. Этот приговор был своеобразным ответом общества на запрос начальника округа, в котором он говорил о важности этого проекта (строительства колесной дороги в Балкарское общество) и запрашивал информацию о том, какой объём рабочей силы и материальных средств общество готово направить на его реализацию [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1. Л. 3]. Аналогичный запрос был направлен начальником округа в Безенгиевское общество 12 сентября 1884 г. и Чегемское общество 13 января 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1. Л. 8-9, 11]. Это демонстрирует понимание властей о необходимости налаживания коммуникации с отдалёнными регионами округа, с которыми было затруднено сообщение из-за отсутствия дорог и мостов. На общественном сходе представителей Чегемского общества от 6 февраля 1884 г. было выражено намерение жителей принять участие в разработке и реализации проекта и выбраны доверенные (представители), которым делегировалось право принятия соответствующих решений от имени общества по этому вопросу [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 33. Т. 1. Л. 12].

Вопрос о строительстве колесной дороги в Балкарское общество нашёл отражение в отечественной историографии, в частности в исследовании П.А. Кузьминова и М.Ш. Абаевой, посвящённом опыту строительства общественных колесных дорог в балкарских обществах во второй половине XIX в. [Кузьминов, Абаева 2021], а также в монографии Б.Б. Темукуева о Балкарской общественной

колесной дороге [Темукуев 2008] и в публикации документального сборника по истории Балкарии [Документы по истории… 1959]. При этом анализ документов показывает, что на окружное правление были возложены функции инициации проекта, сбора и утверждения общественных приговоров, координации взаимодействия с горскими обществами и ходатайства перед вышестоящими инстанциями о содействии (в частности, о выделении пороха для взрывных работ), тогда как на участковые правления – функции организации практических работ, составления именных списков рабочих, контроля за ходом строительства на местах и направления рапортов начальнику округа о его прогрессе.

Анализ рапортов начальников (приставов) участков начальнику Нальчикского округа за 1884–1886 гг. показывает, что дорога от г. Георгиевска до ст. Новопаловской нуждалась в ремонте (рапорт начальника 5 участка от 7 мая 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 2]), решался вопрос о подборе работников для постройки моста через р. Шалушка (рапорт старшины с. Шалушкинское от 6 мая 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 3]), говорилось о сложностях пропуска воды из р. Баксан в проходящий мимо Баксанского поста канал (рапорт старшины с. Кучмазукино от 14 июня 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 5]), о постройке моста через р. Лескен (рапорт атамана ст. Александровской от 19 июня 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 10]), о необходимости ремонта Черекского моста (рапорт начальника (пристава) 1 участка Нальчикского округа от 14 ноября 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 20]), о нахождении в исправном состоянии дорог и мостов на территории 3 участка Нальчикского округа (рапорт начальника 3 участка Нальчикского округа от 28 декабря 1884 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 25]). В некоторых случаях для проведения масштабных работ начальники (приставы) участков составляли именные списки рабочих. Иногда списки делились на партии или бригады работников. Как, например, в именном списке рабочих, назначенных к работам по разработке дороги из Балкарского общества на плоскость [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 37-46]. Доверенные Балкарского общества в рамках проведения работ по строительству колесной дороги у них в случае необходимости могли обращаться с заявлениями напрямую к начальнику Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 49]. В случае необходимости (в основном, по вопросам снабжения строительных работ материалами) начальник Нальчикского округа адресно выступал с открытыми предписаниями к атаманам станиц и старшинам селений с предложением направить на строительные работы необходимые материалы в определённом количестве. В свою очередь, адресаты открытых предписаний рапортовали начальнику округа об их исполнении. Некоторые виды (особенно дорогостоящие) строительных работ (например, по укреплению береговых линий) отдавались в подряд после проведения аукционов (конкурсов). Ответственным за проведение таких мероприятий было Терское областное правление (в том числе, и его строительное отделение).

В 1884–1886 гг. строительное отделение Терского областного правления просило начальника Нальчикского округа ускорить выполнение работ по ремонту шоссе от ст. Пришибской до Марьинского поста, подготовку акта о состо-

янии дороги от ст. Прохладной до границы Владикавказского округа между станицами Александровской и Змейской [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 49]. Также нормативно-правовые акты середины 1880-х гг. устанавливали, что ремонт грунтовых дорог и мостов в том числе и на территории Нальчикского округа осуществлялся за счёт натуральной повинности местного населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 61. Л. 23].

В 1889 г. строительное отделение Терского областного правления проводило постоянный мониторинг дорог и мостов на территории Нальчикского округа. Для этого оно периодически направляло запросы начальнику округа о предоставлении сведений о состоянии объектов коммуникации региона. Например, 28 марта 1889 г. строительное отделение запросило у начальника Нальчикского округа акт о состоянии дороги, пролегавшей от ст. Прохладной до с. Змейской [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 162. Л. 2]. В акте от 2 мая 1889 г., составленном в ответ на поступивший запрос, отмечалось: «пролегающая по Нальчикскому округу от ст. Прохладной до Змейской дорога и все находящиеся на ней сооружения в продолжении январской трети 1888 г. были ремонтированы натуральную повинностью местных жителей, причём дорога в проезжем состоянии находилась в таком виде, что проезд по ней не прекращается» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 162. Л. 5]. Распоряжения об исправлении дорог исходили от сельских старшин в пределах вверенных им территорий. Информацию об этом старшины направляли на имя начальника Нальчикского округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 162. Л. 7]. Это демонстрирует, что в 1889 г. строительное отделение Терского областного правления осуществляло систематический мониторинг состояния дорог и мостов Нальчикского округа через периодические запросы начальнику округа, который, в свою очередь, опирался на информацию, поступавшую от сельских старшин, организовывавших ремонтные работы в пределах своих территорий.

Заключение

Таким образом, в 1880-е гг. Нальчикское окружное правление выступало ключевой инстанцией, осуществлявшей нормативный контроль за состоянием дорог и мостов на подведомственной территории, издавало циркуляры и предписания о приведении путей сообщения в соответствие с общеимперскими требованиями и вело проектную деятельность по строительству новых коммуникаций, включая колесную дорогу в Балкарское общество. Участковые правления в лице начальников (приставов) участков обеспечивали непосредственное содержание дорог, мостов и переправ в исправном состоянии силами и средствами местного населения, составляли именные списки рабочих для строительных работ и направляли рапорты начальнику округа о состоянии коммуникаций, фиксируя факты разрушений и ход их устранения. Окружное правление выполняло функции координации взаимодействия с горскими обществами, сбора и утверждения общественных приговоров, а также ходатайства перед вышестоящими инстанциями о содействии в реализации строительных проектов. Взаимодействие с Терским областным правлением и его строительным отделением осуществлялось по вопросам ремонта шоссейных дорог, проведения аукционов на

подрядные работы и систематического мониторинга состояния объектов коммуникации через периодические запросы и акты. В целом сложившаяся система распределения полномочий между окружным и участковыми уровнями власти обеспечивала многоуровневый контроль за путями сообщения, при котором окружное правление определяло нормативные требования и инициировало проекты, а участковые правления реализовывали их на местах, опираясь на натурную повинность населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2026 – *Абазов* А.Х. Устойчивые и адаптивные институты российской государственности на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начала XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2026. – Выпуск 4 (162) [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/s207987840038480-7-1 (дата обращения: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7-1.

Бербекова 2023 – *Бербекова* М.Х. Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX–начала XX в.: дис. … канд. ист. наук. – Нальчик, 2023. – 205 с.

Документы по истории… 1959 – Документы по истории Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 264 с.

Калмыков 1980 – *Калмыков* Ж.А. Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – С. 105–120.

Кузьминов, Абаева 2021 – *Кузьминов* П.А., *Абаева* М.Ш. Опыт строительства общественных колесных дорог в балкарских обществах во второй половине XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 2. – С. 12–39.

Кярова 2023 – *Кярова* Ф.А. Некоторые особенности и проблемы сбора государственных (казенных) податей с жителей Нальчикского округа в последней трети XIX–начала XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2023. – № 1(111). – С. 71–79.

Пазов 2021 – *Пазов* И.С. Структура и функции органов власти Нальчикского округа Терской области в 1888–1917 гг. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 4(102). – С. 55–61.

Прасолов 2019 – *Прасолов* Д.Н. Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX–начала XX в. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Темукуев 2008 – *Темукуев* Б.Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Ustoychivye i adaptivnyye instituty rossiyskoy gosudarstvennosti na Tsentral'nom Kavkaze vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Sustainable and Adaptive Institutions of Russian Statehood in the Central Caucasus in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. In: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». – 2026. – Issue 4 (162). URL: https://history.jes.su/s207987840038480-7-1 (access date: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7-1. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Obshchestvennyy kapital v sisteme finansovo-ekonomicheskikh otnosheniy Nal'chikskogo okruga Terskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: dis. … kand. ist. nauk* [Social Capital in the System of Financial and Economic Relations of the Nalchik District of the Terek Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: PhD dissertation]. – Nal'chik, 2023. – 205 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii Balkarii [Documents on the History of Balkaria / Compiled by Kh.M. Bekizhev]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1959. – 264 p. (In Russ.).

KALMYKOV Zh.A. *Nekotoryye obshchestvenno-politicheskiye organy upravleniya Kabardy i Balkarii v poreformennyy period* [Some Socio-Political Governing Bodies of Kabarda and Balkaria in the Post-Reform Period]. In: Iz istorii feodal'noy Kabardy i Balkarii. – Nal'chik: El'brus, 1980. – P. 105–120. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ABAEVA M.SH. Opyt stroitel'stva obshchestvennykh kolesnykh dorog v balkarskikh obshchestvakh vo vtoroy polovine XIX v. [Experience in Construction of Public Wheel Roads in Balkarian Societies in the Second Half of the 19th Century]. In: Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya». – 2021. – № 2. – P. 12–39. (In Russ.).

KYAROVA F.A. Nekotoryye osobennosti i problemy sbora gosudarstvennykh (kazennykh) podatey s zhiteley Nal'chikskogo okruga v posledney treti XIX – nachale XX veka [Some Features and Problems of Collecting State (Treasury) Taxes from Residents of the Nalchik District in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2023. – № 1(111). – P. 71–79. (In Russ.).

PAZOV I.S. Struktura i funktsii organov vlasti Nal'chikskogo okruga Terskoy oblasti v 1888–1917 gg. [Structure and Functions of the Authorities of the Nalchik District of the Terek Region in 1888–1917]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2021. – № 4(102). – P. 55–61. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. S"yezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Congresses of Authorized Representatives in the Practices of Local Self-Government of Kabardians and Balkars in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. – Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skiy otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

TEMUKUEV B.B. Balkarskaya obshchestvennaya kolesnaya doroga [Balkar Public Wheel Road]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – 672 p. (In Russ.).

Upravleniye Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki, g. Nal'chik [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik]. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Казаков – старший преподаватель; соискатель учёной степени кандидата наук.

Information about the author

A.A. Kazakov – a senior lecturer and a candidate for a PhD degree.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 12.05.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-115-125
EDN: DFRQMB

СИСТЕМА УЧРЕЖДЕНИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ФИНАНСАМИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Залина Хажмуратовна Бейтуганова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, beituganova7890@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию системы учреждений по управлению финансами в Терской области в конце XIX – начале XX в. На основе материалов адрес-календарей Терских календарей за 1891–1915 гг. рассматривается структура, динамика и тенденции преобразований финансовых органов, подведомственных Министерству финансов: казённой палаты, окружных казначейств, податных присутствий, акцизных округов и банковских отделений. В рамках исторического институционализма показано, как формировались, трансформировались и взаимодействовали формальные организационные структуры, обеспечивавшие реализацию финансовой функции государства на южной окраине Российской империи. Установлено, что за рассматриваемый период количество окружных казначейств увеличилось с пяти до семи, прежняя иерархия податных присутствий была заменена институтом податных инспекторов, число которых достигло девяти, а акцизное управление претерпело реорганизацию с переносом присутственного места из Ставрополя во Владикавказ. Выявлено значительное расширение кредитной инфраструктуры: появились отделения Государственного, Азовско-Донского коммерческого, Русско-Азиатского и Кавказского банков, общества взаимного кредита и учреждения мелкого кредита. Сделан вывод о том, что эволюция финансовых учреждений Терской области характеризовалась децентрализацией управления, усложнением податного аппарата и развитием кредитной системы, что отражало общие тенденции интеграции полиэтничного региона в единое экономическое пространство империи.

Ключевые слова: Терская область; Министерство финансов; казённая палата; окружные казначейства; податные инспекторы; акцизное управление; кредитные учреждения; Терский календарь

Для цитирования: Бейтуганова З.Х. Система учреждений по управлению финансами в Терской области в конце XIX – начале XX века: структура, динамика и тенденции преобразований // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 115-125. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-115-125. EDN: DFRQMB.

© Бейтуганова З.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE SYSTEM OF FINANCIAL MANAGEMENT INSTITUTIONS IN THE TERSK REGION AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY: STRUCTURE, DYNAMICS AND TRENDS OF TRANSFORMATIONS

Zalina Kh. Beituganova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, beituganova7890@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the system of financial management institutions in the Tersk region in the late 19th – early 20th century. Based on the materials of the address calendars of the Tersk Calendars for 1891–1915, the structure, dynamics and trends of transformations of financial bodies subordinated to the Ministry of Finance are considered: the treasury chamber, district treasuries, tax presences, excise districts and bank departments. Within the framework of historical institutionalism, it is shown how the formal organizational structures that ensured the implementation of the financial function of the state on the southern outskirts of the Russian Empire were formed, transformed and interacted. It was established that during the period under review, the number of district treasuries increased from five to seven, the former hierarchy of tax presences was replaced by the institute of tax inspectors, the number of which reached nine, and the excise administration underwent reorganization with the transfer of the presence seat from Stavropol to Vladikavkaz. A significant expansion of the credit infrastructure was revealed: branches of the State Bank, the Azov-Don Commercial Bank, the Russian-Asian Bank and the Caucasian Bank, mutual credit societies and small credit institutions appeared. It is concluded that the evolution of financial institutions in the Tersk region was characterized by decentralization of management, complication of the tax apparatus and development of the credit system, which reflected the general trends of integration of the multinational region into the unified economic space of the empire.

Keywords: Tersk region; Ministry of Finance; treasury chamber; district treasuries; tax inspectors; excise administration; credit institutions; Tersk Calendar

For citation: Beituganova Z.Kh. The system of financial management institutions in the Tersk region at the end of the XIX – beginning of the XX century: structure, dynamics and trends of transformations. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 115-125. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-115-125. EDN: DFRQMB.

© Beituganova Z.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В рамках исторического институционализма изучение финансовых учреждений приобретает особую значимость, поскольку позволяет проследить, как формировались, трансформировались и взаимодействовали организационные структуры, обеспечивавшие реализацию одной из ключевых функций государства – финансовой. Значимость изучения финансовой функции государства определяется тем, что именно она выступала во многом связующим звеном между центром и периферией, обеспечивая мобилизацию ресурсов, регулирование налоговых и казначейских отношений и интеграцию окраин в единое экономическое пространство империи. В позднеимперское время Терская область представляла собой особенно показательный регион для такого исследования: как полиэтничное пространство с особым статусом и военно-народным управлением, она сочетала в себе как общероссийские (устойчивые), так и специфические (адаптивные) институты управления. В настоящей статье за основу взяты именно органы государственной власти, подведомственные Министерству финансов, – казённая палата, казначейства, податные присутствия, акцизные округа

и банковские отделения, – что даёт возможность сформировать целостное представление о развитии аппарата российского государства на его южной окраине на рубеже XIX–XX вв. При этом изучение практических механизмов управления общественными суммами и того, как учреждения финансирования функционировали в повседневности, каковы были объёмы собираемых поступлений и характер межведомственного взаимодействия по управлению ими, – может стать предметом специального исследования.

Проблематика системы финансовых учреждений Терской области в конце XIX – начале XX в. затрагивалась в ряде научных работ, преимущественно на материалах отдельных округов и в связи с налоговыми, казначейскими и кредитными отношениями. Специального комплексного исследования, охватывающего всю систему финансовых учреждений региона целиком, пока не создано, но отдельные её аспекты разработаны довольно подробно. Например, Г. Цаголов изучил аспекты платежей и повинностей коренного населения Терской области в 1890-е гг., один из первых предпринял попытку обобщения данных о налогообложении в области [Цаголов 1989]. В работах Т.Х. Кумыкова исследовано экономическое развитие Кабарды и Балкарии в пореформенный период, где затрагиваются вопросы налогообложения и финансовых отношений [Кумыков 1965]. Ю.В. Хоруев посвятил некоторые свои труды экономике и печати Северного Кавказа, в которых освещал аспекты финансово-экономического развития Терской области [Хоруев 1983]. В диссертациях С.В. Людневой, С.Э. Бесолова, М.Х. Бербековой, Ф.А. Кяровой исследованы деятельность органов власти и финансовых учреждений по сбору казённых налогов с населения региона, рассмотрены финансовые институты при учреждениях власти на местах и их взаимодействие со Ставропольской казённой палатой и окружными казначействами, затронуты процессы формирования кредитно-банковской системы в Терской области, деятельность Государственного банка, Крестьянского поземельного банка, учреждений мелкого кредита, освещено финансово-экономическое развитие городов Терской области с использованием в том числе и материалов Терско-Дагестанского акцизного управления и Владикавказского казначейства [Людneва 2005; Бесолов 2014; Бербекова 2023; Кярова 2024]. Кроме того, историография истории управления финансами в Терской области встроена в широкий контекст понимания системы управления [Ибрагимова 1998; Мачукаева 2004; Шавлохова 2014; Блиева 2015; Бесолов 2015; Дарчиева 2016; Века 2017; Россия и народы Северного Кавказа… 2018; Дарчиева 2022; Абазов 2026 и др.] регионом и практик самоуправления [Прасолов 2017; Прасолов 2019], в том числе и в сфере регулирования финансовых отношений.

Вместе с тем в настоящее время сохраняется большой массив разных по видовой принадлежности документов по изучению структуры, динамики и тенденций преобразований системы учреждений по управлению финансами в Терской области в конце XIX – начале XX в. В их числе Терские календари, издававшиеся Терским областным статистическим комитетом. Они представляют собой ценный систематический источник по истории финансовых учреждений области, поскольку их адрес-календари фиксируют полный состав казначейств, податных

присутствий, акцизных округов и банковских отделений с указанием конкретных должностных лиц, что позволяет проследить структурную динамику и кадровые перестановки с течением времени. Однако это источник преимущественно справочно-нормативного характера: он даёт «снимок» штатного расписания, но не раскрывает практическую деятельность финансовых учреждений, объёмы собираемых поступлений или характер взаимодействия между ведомствами – для этого данные календарей необходимо дополнять архивными материалами казённых палат и казначейств. Поэтому в настоящей статье этот источник используется именно так – как репер для реконструкции структуры и отслеживания преобразований, что видно по последовательному обращению к выпускам календаря начала 1890-х – до середины 1910-х гг.

Основная часть

В начале 1890-х гг. практически все учреждения, ведавшие финансами в Терской области, были подведомственны Министерству финансов. На территорию округа распространяли действие межрегиональные финансовые структуры – Ставропольская казённая палата и Управление акцизными сборами Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей, присутственные места которых располагались в г. Ставрополь.

В это время Ставропольская казённая палата – межрегиональный территориальный финансовый орган Министерства финансов, юрисдикция которого распространялась на территории Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей – осуществляла казначейское и податное управление на территории Терской области, где собственная областная казённая палата не была учреждена. В связи с чем все окружные казначейства и податные присутствия Терской области находились в её непосредственном ведении. Во главе Ставропольской казённой палаты в то время состоял управляющий – действительный статский советник М.А. Перепелицын. В начале 1890-х гг. в Терской области функционировали 5 подведомственных казённой палате казначейских учреждений: Владикавказское (казначей – статский советник В.И. Малютин), Пятигорское (казначей – надворный советник П.С. Георгиевский), Кизлярское (казначей – надворный советник И.Г. Копытко), Грозненское (казначей – коллежский советник В.И. Морозовский) и Моздокское местное (и.д. казначея – коллежский регистратор А.В. Учитель) [Терский календарь на 1891 год… 1890: Адрес-календарь, 47–50].

Присутственное место акцизного управления и его руководителя – управляющего акцизными сборами Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей (статский советник Д.В. Жданов) – также как и казённой палаты располагалось в г. Ставрополе. При этом Терская область была поделена на 2 акцизных округа: 2-й в г. Кизляр (надзиратель – коллежский советник П.В. Рево) и 5-й в г. Владикавказ (надзиратель – надворный советник А.Ю. фон Руктешель).

Согласно данным Терского календаря на 1891 г., во Владикавказе функционировало Терское областное податное присутствие под председательством управляющего отделением Государственного банка статского советника И.М. Щигровского [Терский календарь на 1891 год… 1890: Адрес-календарь, 47–50].

Ему подчинялись следующие окружные податные присутствия: Владикавказское (с г. Моздоком) окружное и Сунженское (оба в г. Владикавказе, председатель обоих присутствий – податной инспектор 1-го участка Терской области Е.Д. Максимов); Пятигорское (г. Пятигорск) и Нальчикское окружное (слоб. Нальчик, председатель обоих присутствий – податной инспектор 2-го участка Терской области А.А. Кирш); Грозненское окружное (г. Грозный, председатель – податной инспектор 4-го участка Терской области Н.А. Владимирский); Кизлярское (г. Кизляр) и Хасав-Юртовское (слоб. Хасав-Юрт, председатель обоих присутствий – податной инспектор 3-го участка Терской области М.Д. Ста-рицкий) [Терский календарь на 1891 год… 1890: Адрес-календарь, 47–50].

Кроме того, в это время к числу учреждений Министерства финансов в Терской области относились располагавшиеся в её административном центре Владикавказское отделение Государственного банка (управляющий – статский советник И.М. Щигровский) и владикавказская пробирная палатка (управляющий – горный инженер, статский советник В.И. Архипов) [Терский календарь на 1891 год… 1890: Адрес-календарь, 47–50].

Как показывает анализ адрес-календаря Терского календаря на 1892 г., в целом структура финансовых учреждений Терской области сохранилась: по-прежнему действовали Ставропольская казённая палата с пятью окружными казначействами (Владикавказским, Пятигорским, Кизлярским, Грозненским и Моздокским), податные присутствия, акцизное управление с двумя округами, Владикавказское отделение Государственного банка и пробирная палатка. Однако произошли отдельные изменения в составе и наименованиях: должности управляющего Владикавказским отделением Государственного банка (ранее занимаемая И.М. Щигровским) и казначея Владикавказского казначейства (ранее занимаемая В.И. Малютиным) оказались вакантными. Моздокское казначейство утратило определение «местное» при утверждении А.В. Учителя в должности казначея, а 5-й акцизный округ был переименован в 3-й [Терский календарь на 1892 год… 1891: Адрес-календарь, 78–83].

К середине 1890-х гг. система учреждений Министерства финансов в Терской области претерпела некоторые структурные и кадровые изменения: прежняя иерархия податных присутствий (областное и окружные) была упразднена и заменена институтом податных инспекторов по округам и отделам – их число достигло семи (с выделением самостоятельных инспекторов по Нальчикскому округу и Хасав-Юртовскому округу). Управляющий Владикавказским отделением Государственного банка И.М. Щигровский был заменён О.А. Желябужским, казначей Владикавказского казначейства В.И. Малютин – А.В. Учителем (переведённым из Моздокского казначейства, где образовалась вакансия), казначей Грозненского казначейства В.И. Морозовский – Н.А. Мартыновичем. В составе Ставропольской казённой палаты учреждены должности члена от правительства и трёх начальников отделений [Терский календарь на 1895 год… 1894: Адрес-календарь, 338–340].

К 1900 г. в системе учреждений Министерства финансов Терской области появились новые структуры: Ставропольская контрольная палата, Общее при-

сутствие казённой палаты для рассмотрения дел по Терской области с раскладочными присутствиями в пяти округах, а также Владикавказское отделение Азовско-Донского коммерческого банка. Юрисдикция акцизного управления сузилась – из его наименования была исключена Кубанская область, после чего оно стало именоваться управлением акцизными сборами Ставропольской губернии и Терской области; одновременно Владикавказская пробирная палатка была упразднена и заменена должностью пробирёра Терской области [Терский календарь на 1900 год… 1899: Адрес-календарь, 151–155].

К 1905 г. в системе учреждений Министерства финансов Терской области вновь произошли структурные изменения: акцизное управление, ранее находившееся в Ставрополе и охватывавшее Ставропольскую губернию и Терскую область, было реорганизовано в самостоятельное управление акцизными сборами Терской и Дагестанской областей с переносом присутственного места во Владикавказ и перераспределением округов (1-й – во Владикавказе, 2-й – в Грозном вместо прежнего Кизлярского). Состав окружных казначейств расширился до шести за счёт учреждения Георгиевского казначейства, число податных инспекторов увеличилось с семи до девяти (выделена самостоятельная должность по городу Владикавказу), а в кредитной сфере появились Грозненское отделение Азовско-Донского коммерческого банка и Банк Владикавказского общества взаимного кредита. Юрисдикция пробирёра была расширена до Терской и Дагестанской областей [Терский календарь на 1905 год… 1905: Адрес-календарь, 34–39].

К началу 1910 г. состав окружных казначейств расширился до семи за счёт учреждения Нальчикского казначейства (в 1910 г.), а в кредитной сфере появились новые структуры – Грозненское отделение Русско-Азиатского банка и Грозненское отделение Кавказского банка, что свидетельствовало о дальнейшем развитии финансовой инфраструктуры области. Акцизное управление, реорганизованное к 1905 г. в самостоятельное управление акцизными сборами Терской и Дагестанской областей с присутственным местом во Владикавказе, продолжало функционировать в прежнем составе округов (1-й – Владикавказ, 2-й – Грозный), а юрисдикция пробирёра сохранялась в рамках Терской и Дагестанской областей [Терский календарь на 1911 год… 1911].

По данным Терского календаря на 1915 г. Терская область относилась к юрисдикции Ставропольской контрольной палаты (управляющий палатою – действительный статский советник Н.Г. Дидрихсон) [Терский календарь на 1915 год… 1915: 57]. Ставропольская казённая палата (управляющий палатою – действительный статский советник М.А. Григораш) по-прежнему сохраняла свои полномочия и юрисдикцию по отношению к Терской области [Терский календарь на 1915 год… 1915: 58]. Состав и территориальная организация деятельности податных инспекторов Терской области существенно расширилась. В середине 1910-х гг. она включала [Терский календарь на 1915 год… 1915: 59]: податного инспектора по Терской области с присутственным местом в г. Владикавказ (М.И. Богомолов). Территория области была поделена на участки: Владикавказский (Н.А. Филаретов), Пятигорский (М.-Л.И. Реутт), Георгиевский (И.Р. Бабичев), Моздокский (Н.В. Гидулянов), Грозненский (М.Х. Халев), Кизлярский

(М.Д. Старицкий), Сунженский (Л.П. Гукасянц), Хасав-Юртовский (В.Н. Алешковский), Нальчикский (В.И. Баженов) [Терский календарь на 1915 год… 1915: 59–61]. По сравнению с 1891 г. расширилась и сеть казначейских учреждений. Их стало 7: Владикавказское (К.Н. Булыгин), Пятигорское (М.П. Раковский), Кизлярское (И.А. Михайлов), Грозненское (А.А. Педашенко), Моздокское (Ф.Н. Науменко), Георгиевское (В.А. Фомичев), Нальчикское (П.К. Дьяковский).

По-прежнему функционировало Управление акцизными сборами Терской и Дагестанской областей, которое располагалось в г. Владикавказ (управляющий – И.А. Корозо). Ему подчинялось располагавшееся в г. Владикавказ 1-е окружное акцизное управление (надзиратель – Н.Г. Гамбаров); 2-е окружное акцизное управление в г. Грозный (надзиратель – И.В. Орочко) и 3-е окружное акцизное управление в г. Кизляр (надзиратель – Я.Д. Лобач-Жученко) [Терский календарь на 1915 год… 1915: 61].

Банковская структура была следующей: Кавказское отделение Крестьянского поземельного банка в г. Екатеринодар (управляющий – С.М. Протопопов); Владикавказское общество взаимного кредита в г. Владикавказ (председатель правления – князь И.М. Лордкипанидзе), Терский союз учреждений мелкого кредита в г. Владикавказ (председатель правления – Н.Н. Кокушкин), Агентство Харьковского земельного банка и Северного страхового общества в г. Владикавказ (и.о. агента – О.И. Бастьен) и Отделение Азовско-Донского коммерческого банка в г. Грозный (управляющий – Б.А. Юноша-Шанявский) [Терский календарь на 1915 год… 1915: 62–64].

Заключение

Таким образом, анализ данных Терских календарей за 1891–1915 гг. показывает, что система финансовых учреждений Терской области в период конца XIX – начала XX в. претерпела существенные изменения, характеризующиеся расширением сети казначейских и податных учреждений, а также развитием кредитной инфраструктуры региона. За это время произошло увеличение количества окружных казначейств с 5 до 7 единиц, что свидетельствует о процессе децентрализации финансового управления и адаптации экономической системы к потребностям растущего региона. Также отмечена тенденция к усложнению структуры податного управления: от системы податных присутствий к институту податных инспекторов, количество которых к 1915 г. достигло 9 единиц со строго определённой территориальной компетенцией. Значительно расширилась кредитная система Терской области: появились новые банковские учреждения, включая отделения крупных имперских коммерческих банков, общества взаимного кредита и специализированные финансовые институты. Происходило совершенствование системы акцизного управления с изменением территориальной юрисдикции и оптимизацией структуры управления, что отражало общие тенденции централизации финансового контроля в Российской империи рубежа XIX–XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2026 – *Абазов А.Х.* Устойчивые и адаптивные институты российской государственности на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века // Электронный

научно-образовательный журнал «История». – 2026. – Выпуск 4 (162) [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/S207987840038480-7-1 (дата обращения: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7.

Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. – Нальчик, 2023. – 206 с.

Бесолов 2014 – *Бесолов С.Э.* Роль городов Терской области во внутренней политике России: 1860–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Владикавказ, 2014. – 168 с.

Бесолов 2015 – *Бесолов С.Э.* Роль городов Терской области в укреплении внутренней политики России на Северном Кавказе во второй половине XIX века – 1917 г.: дис. … канд. ист. наук. – Владикавказ, 2015. – 182 с.

Блиева 2015 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: монография. – 2-е изд., перераб. – Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-А; ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2015. – 398 с.

Века 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Дарчиева 2016 – *Дарчиева С.В.* Проблемы политико-административного управления на Северном Кавказе в начале XX в. (на примере Терской области) // Известия СОИГСИ. – 2016. – Вып. 22 (61). – С. 47–55.

Дарчиева 2022 – *Дарчиева С.В.* Система управления Северным Кавказом в 60-е годы XIX – начале XX в. в отечественной историографии // Власть. – 2022. – Т. 30, № 5. – С. 200–206.

Ибрагимова 1998 – *Ибрагимова З.Х.* Терская область под управлением М.Т. Лорис-Меликова, 1863–1875 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Москва, 1998. – 306 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабард.-Балк. книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Кярова 2024 – *Кярова Ф.А.* Система налоговых отношений в Нальчикском округе Терской области во второй половине XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук. – Нальчик, 2024. – 215 с.

Людневa 2005 – *Людневa С.А.* История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – 161 с.

Мачукаева 2004 – *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): дис. … канд. ист. наук. – Москва, 2004. – 228 с.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2017. – 136 с.

Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, 2019. – 208 с.

Россия и народы Северного Кавказа… 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / Дзамихов К.Ф., Боров А.Х. [и др.]. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с. – ISBN 978-5-91766-155-1.

Терский календарь на 1891 год… 1890 – Терский календарь на 1891 год: в двух книгах. – Год 1-й / издание Терского областного статистического комитета; под редакцией секретаря комитета П. Стефановского. – Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1890. – XV, 52, 259, 48, 104 с.

Терский календарь на 1892 год… 1891 – Терский календарь на 1892 год: в двух книгах / издание Терского областного статистического комитета под редакцией секретаря комитета П. Стефановского. Кн. 1. – Г. 2-й. – Владикавказ: тип. Тер. обл. правл., 1891. – XII, 360, 108 с.

Терский календарь на 1895 год… 1894 – Терский календарь на 1895 год / издание Терского областного статистического комитета под редакцией члена-секретаря комитета Г.А. Вертепова. – Вып. 4. – Владикавказ: тип. Тер. обл. правл., 1894. – 355 с.

Терский календарь на 1900 год… 1899 – Терский календарь на 1900 год / издание Терского областного статистического комитета под редакцией члена-секретаря комитета Г.А. Вертепова. – Вып. 9. – Владикавказ: тип. Тер. обл. правл., 1899. – [4], LVI, 190 с.

Терский календарь на 1905 год… 1905 – Терский календарь на 1905 год / издание Терского областного статистического комитета под редакцией члена-секретаря комитета Г.А. Вертепова. – Вып. 14. – Владикавказ: тип. Тер. обл. правл., 1905. – [5], 80, 229, 77 с.

Терский календарь на 1911 год… 1911 – Терский календарь на 1911 год / издание Терского областного статистического комитета под редакцией секретаря комитета подъесаула М.А. Караулова 2-го. – Вып. 20. – Владикавказ: электропечатня тип. Тер. обл. правл., 1910. – [5], 80, 301, 170 с.

Терский календарь на 1915 год… 1915 – Терский календарь на 1915 год / издание Терского областного статистического комитета под редакцией секретаря комитета С.П. Гортинского. – Вып. 24. – Владикавказ: электропечатня тип. Тер. обл. правл., 1915. – [6], 74, 221, 111 с.

Хоруев 1983 – *Хоруев Ю.В.* Аграрный вопрос и крестьянское движение на Тереке в эпоху империализма (1900–1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – Баку, 1983. – 520 с.

Цаголов 1989 – *Цаголов Г.* Платежи и повинности горцев Терской области // Новое обозрение. – 1898. – 8 мая.

Шавлохова 2014 – *Шавлохова Е.С.* Преобразования системы административного управления в Терской области в 1883–1905 гг. // Известия СОИГСИ. – 2014. – Вып. 12 (51). – С. 27–38.

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Ustoichivye i adaptivnye instituty rossiiskoi gosudarstvennosti na Tsentral'nom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Stable and adaptive institutions of Russian statehood in the Central Caucasus in the second half of the 19th – early 20th century]. IN: Electronic scientific and educational journal «History». – 2026. – Issue 4 (162). URL: https://history.jes.su/S207987840038480-7-1 (date of access: 16.05.2026). DOI: 10.18254/S207987840038480-7. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Obshchestvennyi kapital v sisteme finansovo-ekonomicheskikh otnoshenii Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Public capital in the system of financial and economic relations of the Nalchik district of the Tersk region in the second half of the 19th – early 20th century]: dis. … kand. ist. nauk. – Nalchik, 2023. – 206 p. (In Russ.).

BESOLOV S.E. *Rol' gorodov Terskoi oblasti vo vnutrennei politike Rossii: 1860–1917 gg.* [The role of the cities of the Tersk region in the domestic policy of Russia: 1860–1917]: dis. … kand. ist. nauk. – Vladikavkaz, 2014. – 168 p. (In Russ.).

BESOLOV S.E. *Rol' gorodov Terskoi oblasti v ukreplenii vnutrennei politiki Rossii na Severnom Kavkaze vo vtoroi polovine XIX veka – 1917 g.* [The role of the cities of the Tersk region in strengthening the domestic policy of Russia in the North Caucasus in the second half of the 19th century – 1917]: dis. … kand. ist. nauk. – Vladikavkaz, 2015. – 182 p. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus in the late 18th – 80s of the 19th century]: monograph. – 2nd ed., rev. – Vladikavkaz: Institute of History and Archaeology of RNO-A; IPTs IP Tsopanova A.Yu., 2015. – 398 p. (In Russ.).

Veka sovmestnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. – Nalchik: Publishing Department of IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ.).

DARCHIEVA S.V. *Problemy politiko-administrativnogo upravleniya na Severnom Kavkaze v nachale XX v. (na primere Terskoi oblasti)* [Problems of political-administrative governance in the North Caucasus at the beginning of the 20th century (on the example of the Tersk region)]. IN: Izvestiya SOIGSI. – 2016. – Issue 22 (61). – P. 47–55. (In Russ.).

DARCHIEVA S.V. *Sistema upravleniya Severnym Kavkazom v 60-e gody XIX – nachale XX v. v otechestvennoi istoriografii* [The governance system of the North Caucasus in the 60s of the 19th – early 20th century in domestic historiography]. IN: Vlast'. – 2022. – Vol. 30, No. 5. – P. 200–206. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Terskaya oblast' pod upravleniem M.T. Loris-Melikova, 1863–1875 gg.* [The Tersk region under the administration of M.T. Loris-Melikov, 1863–1875]: dis. … kand. ist. nauk. – Moscow, 1998. – 306 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kabard.-Balk. book publishing house, 1965. – 420 p. (In Russ.).

KYAROVA F.A. *Sistema nalogovykh otnoshenii v Nal'chikskom okruge Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The system of tax relations in the Nalchik district of the Tersk region in the second half of the 19th – early 20th century]: dis. … kand. ist. nauk. – Nalchik, 2024. – 215 p. (In Russ.).

LYUDNEVA S.A. *Istoriya finansovogo kapitala v ekonomicheskom razvitii Severnogo Kavkaza (1861–1914 gg.)* [History of financial capital in the economic development of the North Caucasus (1861–1914)]: dis. … kand. ist. nauk. – Pyatigorsk, 2005. – 161 p. (In Russ.).

MACHUKAEVA L.SH. *Sistema upravleniya Severnym Kavkazom v kontse XIX – nachale XX veka (na materialakh Terskoi oblasti)* [The governance system of the North Caucasus in the late 19th – early 20th century (on the materials of the Tersk region)]: dis. … kand. ist. nauk. – Moscow, 2004. – 228 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Development of local self-government among the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th – early 20th century]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2017. – 136 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of authorized representatives in the practices of local self-government of the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th – early 20th century]. – Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the 16th – mid-19th century: sociocultural distance and movement towards state-political unity]: monograph / Dzamikhov K.F., Borov A.Kh. [et al.]. – Nalchik: Editorial and Publishing Department of IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. – ISBN 978-5-91766-155-1. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1891 god [Tersk Calendar for 1891]: in two books. – Year 1st / edition of the Tersk Regional Statistical Committee; edited by secretary of the committee P. Stefanovskii. – Vladikavkaz: Printing House of the Tersk Regional Government, 1890. – XV, 52, 259, 48, 104 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1892 god [Tersk Calendar for 1892]: in two books / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by secretary of the committee P. Stefanovskii. Book 1. – Y. 2nd. – Vladikavkaz: type. Ter. obl. prav., 1891. – XII, 360, 108 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1895 god [Tersk Calendar for 1895] / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by member-secretary of the committee G.A. Vertepov. – Issue 4. – Vladikavkaz: type. Ter. obl. prav., 1894. – 355 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1900 god [Tersk Calendar for 1900] / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by member-secretary of the committee G.A. Vertepov. – Issue 9. – Vladikavkaz: type. Ter. obl. prav., 1899. – [4], LVI, 190 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1905 god [Tersk Calendar for 1905] / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by member-secretary of the committee G.A. Vertepov. – Issue 14. – Vladikavkaz: type. Ter. obl. prav., 1905. – [5], 80, 229, 77 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1911 god [Tersk Calendar for 1911] / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by secretary of the committee podyesaul M.A. Karaulov 2nd. – Issue 20. – Vladikavkaz: electro-printing house type. Ter. obl. prav., 1910. – [5], 80, 301, 170 p. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1915 god [Tersk Calendar for 1915] / edition of the Tersk Regional Statistical Committee edited by secretary of the committee S.P. Gortinskii. – Issue 24. – Vladikavkaz: electro-printing house type. Ter. obl. prav., 1915. – [6], 74, 221, 111 p. (In Russ.).

KHORUEV YU.V. *Agrarnyi vopros i krest'yanskoe dvizhenie na Tereke v epokhu imperializma (1900–1917 gg.)* [The agrarian question and the peasant movement in the Terek in the era of imperialism (1900–1917)]: dis. … d-ra ist. nauk. – Baku, 1983. – 520 p. (In Russ.).

TSAGOLOV G. *Platezhi i povinnosti gortsev Terskoi oblasti* [Payments and duties of the highlanders of the Tersk region]. IN: Novoe obozrenie. – 1898. – May 8. (In Russ.).

SHAVLOKHOVA E.S. *Preobrazovaniya sistemy administrativnogo upravleniya v Terskoi oblasti v 1883–1905 gg.* [Transformations of the system of administrative governance in the Tersk region in 1883–1905]. IN: Izvestiya SOIGSI. – 2014. – Issue 12 (51). – P. 27–38. (In Russ.).

Сведения об авторе

З.Х. Бейтуганова – старший преподаватель.

Information about the author

Z.Kh. Beituganova – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94:322(470.620) "1920/1924"
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-126-142
EDN: DMFYJK

РЕГИОНАЛЬНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1924 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Мария Сергеевна Диривянкина
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, dirivyankina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3014-8199

Аннотация. В представленном исследовании автором предпринята попытка рассмотреть содержание региональной религиозной политики на территории Кубано-Черноморской области в период с 1920 г. по 1924 г. Политика большевиков в отношении РПЦ была сформулирована в работах лидеров партии и программных документах, в последующем она нашла свое отражение в первых декретах Советской власти. Приоритетной задачей для большевиков была ликвидация церкви как хранителя духовно-культурного наследия, которое противоречило их идеологическим принципам. Установлено, что региональная политика в казачьем регионе не имела принципиальных отличий от общероссийских, которые заключались в период 1920–1924 гг. в росте репрессивных мер РКП(б) в отношении РПЦ. Незначительное ослабление в 1924 г. антирелигиозной политики не означало отказ большевиков от своих принципиальных установок в противостоянии РПЦ. Автором статьи использованы материалы центральных, региональных и муниципальных архивов, которые содержат информацию о характере религиозной политики большевиков. Привлечены сборники документов, которые вносят уточнения в контекст исследования.

Ключевые слова: Русская православная церковь, большевики, религиозная политика, изъятие церковных ценностей, Кубано-Черноморье.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда и за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096/

Для цитирования: Диривянкина М.С. Региональная религиозная политика большевиков в 1920–1924 годах (на примере Кубано-Черноморской области) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 126-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-126-142. EDN: DMFYJK.

© Диривянкина М.С., 2026
© Кавказология, 2026

Original article

REGIONAL RELIGIOUS POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN 1920-1924 (USING THE EXAMPLE OF THE KUBAN-BLACK SEA REGION)

Maria S. Dirivyankina
Kuban State University, Krasnodar, Russia, dirivyankina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3014-8199

Abstract. In the presented study, the author attempts to examine the content of regional religious policy in the Kuban-Black Sea region in the period from 1920 to 1924. The policy of the Bolsheviks towards the Russian Orthodox Church was formulated in the works of party leaders and program documents, and later it was reflected in the first decrees of the Soviet government. The Bolsheviks' priority task was to eliminate the church as the guardian of the spiritual and cultural heritage, which contradicted their ideological principles. It is established that the regional policy in the Cossack region had no fundamental differences from the all-Russian ones, which consisted in the period 1920-1924 in the growth of repressive measures of the RCP(b) against the Russian Orthodox Church. The slight weakening of anti-religious policy in 1924 did not mean that the Bolsheviks abandoned their principles in opposition to the Russian Orthodox Church. The author of the article uses materials from the central and regional archives, which contain information about the nature of the religious policy of the Bolsheviks. Collections of documents that clarify the context of the study are involved.

Keywords: Russian Orthodox Church, Bolsheviks, religious policy, seizure of church valuables, Kuban-Black Sea region.

Financial Support: The research was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation and at the expense of a grant from the Russian Science Foundation within the framework of project No. 24-18-20096, https://rscf.ru/project/24-18-20096

For citation: Dirivyankina M.S. Regional religious policy of the Bolsheviks in 1920-1924 (using the example of the Kuban-Black Sea region). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 126-142. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-126-142. EDN: DMFYJK.

© Dirivyankina M.S., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

С приходом большевиков в октябре 1917 г. к власти произошли коренные изменения в общественных отношениях России, которые определили характер взаимоотношения власти и общества на последующие более чем 70 лет. В ходе формирования теории социализма его основоположники часто обращались к вопросам идеологии, нравственного воспитания, влияния негосударственных институтов на общественные настроения и возможность их использования в преобразованиях. Лидер большевиков, В.И. Ленин, еще в дореволюционное время сформулировал сущность воззрений социал-демократов по вопросам веры: отсутствие поддержки христианской религии наряду с борьбой за полную свободу совести и уважение «ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана» [Ленин 1972: 156–157]. Отделение церкви от государства трактовалось В.И. Лениным как необходимость для преодоления «крепостной зависимости» населения от государственной церкви [Ленин 1968: 144]. Поэтому было очевидным, что одним из первых декретов правительства РСФСР был декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», впоследствии названный декретом «Об отделении

церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г. [Декрет о свободе... 1957: 373–374].

По прошествии десятилетий уже в современных условиях мы наблюдаем в обществе и у институтов власти поиск точек опоры в формировании нравственных идеалов и мировоззренческих ценностей. Русская Православная Церковь становится одним из объектов пристального внимания в контексте ее встраивания в систему государственного управления и возможности использовать ее для достижения вышеуказанных целей. По нашему мнению, это актуализирует обозначенную тему, рассматриваемую в представленном исследовании. Но как отмечают современные авторы, с расширением влияния Русской Православной Церкви и растет определенное противостояние в обществе как следствие желания сохранить атеистические воззрения [Марченко 2008: 165]. Следовательно, у специалистов возникает необходимость более глубокого анализа вопросов о роли Церкви в современном обществе. Активно эти проблемы рассматривались в советской историографии, так как она подходила к изучению данных вопросов с классовых позиций. Первый период можно отнести к 1920–1930 гг., когда на пике антирелигиозной пропаганды выходили работы с явно идеологическими задачами, соответствовавшими программным установкам РКП(б) [Брихничев 1923; Бойцов 1931; Венедиктов 1933]. Активное участие в обсуждение данных вопросов принимали партийные и советские деятели [Бонч-Бруевич 1923; Луначарский 1972].

Последующий период в исследовании проблемы совпал с принятием Конституции 1936 г., где была провозглашена окончательная победа социализма, следовательно и вопрос об антирелигиозной деятельности государства утратил свою актуальность. Вышло в свет незначительное количество работ, отличавшихся идеологической ограниченностью, что сказалось на их научном уровне [Ансвесул 1937; Амосов 1939;].

Вторая половина 1950-х гг. в истории СССР ознаменована началом периода «оттепели», который отметился возросшим интересом к обозначенной теме [Грекулов 1962; Воронцов 1973; Иванов, Лобазов 1973].

Существенным событием стало празднование 1000-летия Крещения Руси, которое актуализировало вопрос власти и церкви. В исследовательской литературе наметились два течения: одно – традиционно-атеистическое, другое – отход от идеологических штампов, попытка переосмысления роли Русской Православной Церкви в социальном и культурном развитии страны [Православие… 1988; Красников 1989; Бессонов 1990].

Постсоветский период характеризуется возросшим интересом к ключевым вопросам истории страны и ростом научных публикаций. Это обусловлено наличием идеологического плюрализма и доступом к рассекреченным архивным материалам [Алексеев 1991; Панков 1993; Васильева 2004].

Современный этап отмечен работами обобщающего характера, учитывающими динамику взаимоотношений государства и церкви в советский период. Он отличается наличием массива работ регионального уровня, на основе которых можно было бы выявить общие и особенные черты политики Советской власти

в отношении Русской Православной Церкви [Беликова 2016; Панарин 2018; Горожанина 2022; Дириванкина 2023].

Представленное исследование охватывает период с 1920 г. по 1924 г. Выбор нижней границы обусловлен завершением весной 1920 г. боевых действий Гражданской войны на территории Юга России. При этом в современной историографии сложилась точка зрения о том, что первый период в формировании советской религиозной политики приходится на 1917–1924 гг. Верхняя граница связана с передачей функций по взаимодействию с религиозными объединениями от Народного комиссариата юстиции (НКЮ) к Секретариату по делам культов при председателе ВЦИК и ЦИК. Нормативно-правовой акт, принятый Президиумом ВЦИК «О порядке ведения работы по делам культов» [Циркуляр… 2018: 57–61] означал окончание первого периода в формировании советской религиозной политики.

Цель исследования – изучить содержание региональной политики большевиков в отношении РПЦ в условиях экономического и военно-политического кризиса в 1920–1924 гг. на территории Кубано-Черноморской области.

При написании статьи были использованы системный подход, сравнительно-исторический метод и диахронный сравнительный анализ.

Источниковой основой исследования выступили архивные материалы и сборники документов [Конфессиональная… 2018; Яхутль 2022]. Использованы фонды центральных (ГАРФ, РГАСПИ), региональных (ГАРО, ЦДНИРО, ГАКК, ЦДНИКК), так и муниципальных архивов, которые отличаются своей аутентичностью.

Формирование правовой базы антирелигиозной политики большевиков

С первых дней Советской власти большевики были вынуждены уделять особое внимание Русской Православной Церкви, так как религиозные проблемы были обозначены как одни из приоритетных в программе РКП(б). Коммунисты рассматривали церковь главным идеологическим противником в предстоящем процессе установления советской системы, особенно в условиях опасения сплочения оппонентов большевиков вокруг РПЦ. Церковь, в свою очередь, сразу отказалась признать установление новой власти и принятые впоследствии декреты. Отношение РПЦ к Советской власти как к нелегитимной продолжалось до заявления патриарха Тихона в 1923 г. [Смыкалин 2022: 179].

Отличительной чертой религиозной политики большевиков на начальном этапе был отказ от создания единого государственного органа по делам религий, что означало право каждой республики самостоятельно ее формировать. Поэтому первые декреты Советской власти носили в большей мере запретительный характер. На территории РСФСР законодательная инициатива в вопросах религии принадлежала ВЦИК и СНК.

СНК РСФСР за короткий промежуток времени принял следующие декреты: «О земле» от 26 октября 1917 г., который провозгласил отчуждение монастырских и церковных земель и обратил их во всенародное достояние [Декрет о земле… 1957: 17–18]; «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»» от 20 января 1918 г. – запрещал церкви заниматься образовательной

деятельностью и приравнивал религиозные организации к другим частным обществам и союзам. Это касалось не только идеологического противостояния, лишения привилегий, но и возможности конфисковать имущество РПЦ. Деятельность по координации антирелигиозной политики с мая 1918 г. была возложена на Народный комиссариат юстиции. Летом этого же года НКЮ утвердил инструкцию о порядке проведения в жизнь положений декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которая положила начало реализации региональной политики в этой сфере.

Партийные деятели предлагали реквизировать церковное имущество, о чем, например, была направлено письмо В.И. Ленину от А.М. Коллонтай с соответствующим предложением о конфискации помещений, инвентаря и капиталов Александро-Невской лавры, что впоследствии было реализовано – помещения Лавры стали использоваться Союзом увечных воинов [Письмо… 2018: 283]. Все «церковные суммы» передавались в пользу государства [Из протокола № 15… 2018: 285–286]. В тоже время СНК разрешал проведение крестных ходов на территории Кремля [Из протокола № 30… 2018: 287].

Кроме того, государство стремилось на правовом уровне ограничить возможность участия священнослужителей в политической жизни, в связи с чем в Конституции РСФСР 1918 г. в число лишенных активного и пассивного избирательного права были внесены «монахи и церковные служители церквей и религиозных культов» [Кукушкин, Чистяков 1987: 256–257].

Очередное наступление на Русскую Православную Церковь началось зимой 1922 г., связанное с принудительной конфискацией имущества церкви в пользу голодающих Советской России. Было издано постановление «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», реализация которого осуществлялась на основе инструкции ВЦИК и НКЮ РСФСР. Инструкция определяла порядок деятельности комиссий по изъятию церковных ценностей. Они должны были определить имущество, ценности церкви и составить их опись. Особое внимание уделялось предметам из золота, серебра, драгоценных камней, на которые заводилось особое дело и передавалось в фонд Центральной комиссии помощи голодающим [О порядке… 1950: 381–382; Инструкция… 1950: 382–384].

В 1924 г. изменяется система контроля за деятельностью религиозных организаций, что связано с ликвидацией в августе 1924 г. VII отдела Наркомата юстиции и передачей его полномочий Секретариату по делам культов при председателе ВЦИКа. Его задачей было осуществлять надзор за соблюдением законности в религиозном направлении [Табунщикова 2020: 68–69].

За период с 1917 г. по 1924 г. правительство страны активно формировало правовую базу по вытеснению из общественной жизни священнослужителей и ограничению деятельности РПЦ. Практически все законодательные акты носили запретительный характер, не формируя варианты компромиссного взаимодействия государства и церкви.

Политика Кубано-Черноморской областной организации РКП(б) в отношении церкви и религиозных организаций

Явно выраженная антирелигиозная политика большевиков на территории Кубано-Черноморской области находит свою практическую реализацию с весны

1920 г. Во исполнение декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» после установления Советской власти на Кубани областным отделом образования было разослано распоряжение об отстранении священнослужителей от работы в школах [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 14. Л. 7]. Всякое групповое обучение детей дошкольного и школьного возраста закону Божию не допускалось, в том числе в домах частных лиц [ГАКК. Ф.Р-102. Оп. 1. Д. 276. Л. 3, 3 об.]. Тогда же, весной 1920 г., Кубано-Черноморским ревкомом было издано постановление о социализации всех земельных угодий, в том числе ранее принадлежавших церквям и монастырям [ГАКК. Р-158. Оп. 1. Д. 11. Л. 32].

Утвержденный в марте 1920 г. Кубано-Черноморский ревком сформировал областную комиссию по антирелигиозной деятельности, которая рассматривала вопросы учета имущества, проведения антирелигиозных мероприятий, пропаганды новых советских праздников, закрытие церковных школ. Однако мирный период продлился на территории области недолго, когда с осени 1920 г. нарастает повстанческое движение, антирелигиозная риторика перестает быть актуальной. Приоритетное значение приобретают такие вопросы как продовольствие и подавление активного сопротивления казаков и крестьян Кубани и Черноморья. Вместе с тем, региональное руководство Юго-Восточного бюро обязывало продолжить процесс отделения церкви от государства, проводить опись церковного имущества, оставить в пользовании прихожан то имущество, которое необходимо для богослужения, остальное передать в распоряжение Советов. Религиозным же обществам предписывалось заключить договор с местным Советами [ГАРО. Ф. Р-3132. Оп. Д. 2. Л. 93, 94].

Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет потребовал выселить все духовенство, прибывшее на Кубань к моменту отступления армии Деникина, с целью ослабления религиозного влияния на массы. Организовать широкую антирелигиозную пропаганду и борьбу с сектантами. В свою очередь региональные власти пытались усилить раскол церкви, путем «помощи агентуре в выпуске листовок, которые бы заставили перессориться, то есть прийти к общественному скандалу духовенство вообще», что, по их мнению, дало бы возможности для усиления Советской власти [ГАКК. Ф Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 458]. Практическим шагом в реализации этой политики стало формирование обновленческой церкви на территории региона. Большевики активно поддерживали этот процесс, продолжая надеяться на рост противостояния внутри церкви. Обновленческую церковь на Кубани возглавил архиерей Иоанн, который предлагал выслать представителей патриаршей церкви, закрыть культовые учреждения. Вместе с тем, следует отметить, что обновленчество, получая государственную поддержку, не вызывало симпатии со стороны казачества и в целом сельского населения Кубано-Черноморской области [Беликова 2016: 46–47].

К 1923 г. большинство церквей в г. Краснодаре стало обновленческими. Местное духовенство, которое примыкало к обновленцам, скорее опасалось репрессий, нежели действительно разделяло их воззрения [Письменная 2021: 76]. Среди сельского населения обновленческая церковь зачастую воспринималась как «советская», чьи учения не соответствуют христианским догматам. Согласно

оценке общественно-политической ситуации, представленной силовыми структурами области, тихоновская церковь стояла на стороне контрреволюции, «пытаясь прикрыться канонами и догматами» [Отдел специальных фондов. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 47]. Конфронтация между тихоновцами и обновленцами усиливала дифференциацию и противостояние в сельском социуме по принципу «казак – иногородний», поскольку около 90–95 % сторонников тихоновской церкви составляло казачество [Отдел специальных фондов. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 49].

В ходе выборных кампаний в местные Советы на Кубани и в Черноморье активно применялись ограничительные меры в отношении священнослужителей, что было характерно для всего рассматриваемого периода. Так при проведении выборов в сельсовет села Рождественского Невинномысского района (Баталпашинский отдел) от участия в выборах было отстранено 13 человек, в число которых попали священники, члены совета церкви и эксплуататоры [ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 46. Д. 93. Л. 15]. Аналогичные ситуации были характерны для других населенных пунктов области [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 253. Л. 2, 2об, 3, 3 об.; МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 8. Л. 12].

Местная партийная организация, ведя борьбу против бело-зеленых отрядов, обвиняла в том числе и священников в противоправных деяниях и совершении преступлений. В региональной газете «Красное знамя» в апреле 1921 г. была опубликована статья, в которой священнослужителей причисляли к активным участникам бело-зеленых отрядов [Письмо… 1921]. Активизация повстанческого движения привела к усилению репрессий в отношении священнослужителей. В свою очередь бело-зеленое движение использовало антирелигиозную политику большевиков в своих целях. Так в Туапсинском округе летом 1921 г. представители бело-зеленых отрядов, переодевшись в монашескую одежду, распространяли слухи о том, что коммунисты в Адлере закрыли церковь, уничтожили всю утварь и «повесили священника на кресте» [Яхутль 2022: 163].

Большевики продолжали осуществлять принудительное закрытие культовых учреждений, имущество которых надлежало передавать в соответствующие инстанции. Так при ликвидации Троицкой церкви в г. Краснодаре в 1921 г. была проведена опись имущества, которое составляло как предметы религиозного культа, так и не связанные с проведением богослужения – занавески, полотенца, подносы, кувшины. Первые (свечи и ладан) за выкуп должны были быть переданы приходскому Совету, другие, как «достояние Республики», передавались в пользование иным учреждениям [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 247. Л. 11]. Аналогичное решение было принято в отношении Покровского монастыря близ ст-цы Пластуновской, из которого принудительно выселили монахинь, а все имущество с монастырскими угодьями подлежало описи и последующей передаче в распоряжение областных органов власти [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 246. Л. 26].

В ходе кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. предписывалось не допускать какого-либо оскорбления чувств верующих и «избегать всякого неприличествующего рабочей власти отношения к священнослужителям и верующим» [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 437. Л. 1 об.]. В то же время волстанисполкомам и сельсоветам был направлен секретный циркуляр о необходимости

наблюдения в отделах за настроениями населения. В случае возникновения сопротивления доносить о главарях восставших и применять аресты только как крайние меры, священнослужителей же никаким репрессиям не подвергать [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 437. Л. 3]. Однако конфискация имущества происходила с применением силовых методов и репрессий в отношении священнослужителей [Панарин 2018: 119].

Представления о несметных богатствах церкви, которые оценивались по стране в сотни миллионов и миллиардов золотых рублей [Ленин 2000: 517] на деле составили около 4,5–6,5 млн. [Беликова 2022: 25].

На страницах региональной газеты «Красное знамя» регулярно размещались агитационные материалы, призывающие оказывать содействие в помощи голодающим путем изъятия церковных ценностей. В указанных публикациях обличалась церковная роскошь и безразличие духовенства по отношению к поразившему народ голоду: «Если бы все ценности, которые находятся в соборах, монастырях, лаврах и т.д. обменять на хлеб для голодающих, то можно было бы кормить их в течение двух лет» [Чем может… 1922]. Кампания по изъятию церковных ценностей в области завершилась в июле 1922 г. Результаты ее деятельности были оценены в 136 пуд. 1 фунт 40 золотников серебра и 4 фунта 65 золотников 55 долей золота [Горожанина 2022: 64]. По данным религиозной комиссии были конфискованы, например, в Краснодаре 9 фунт золота, 37 золотников, 65 пуд. 6 фунтов серебра, 65 золотников, монеты на сумму 31 руб. 50 коп. [ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 3. Д. 32. Л. 12], в Тимашевском отделе изъятые церковные ценности составили 5 пуд. 34 фунта [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 671. Л. 131].

Большевики на государственном уровне продолжали проводить активную антирелигиозную пропаганду, основанную на тщательной подготовке агитаторов. Требовали организовывать культурно-просветительскую работу на основе научных фактов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 147. Л. 209]. При этом продолжали использовать репрессивные методы, вплоть до заключения в концентрационные лагеря за религиозные убеждения, о чем свидетельствуют письма и обращения крестьян во ВЦИК РСФРС [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 643. Л. 110]. Государственный контроль за деятельностью священнослужителей усиливался, о чем, в частности, свидетельствуют указания, поступавшие с территории Черноморья о необходимости поставить на учет всех представителей религиозных культов, монахов, а также секты и религиозные общины [МКУ города Сочи «Сочинский городской архив». Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 6. Л. 4].

Местными партийными и советскими органами предпринимались попытки насаждения нового быта, который должен был способствовать вытеснению религиозных убеждений. Активная деятельность по замене религиозных праздников на советские прослеживается с 1923 г. в связи с проведением «Комсомольского рождества» в г. Краснодаре. Распространением идей новой советской действительности занимались путем организации диспутов и лекций, соответствующих постановок в драмкружках, а также проведением в дни религиозных праздников в профсоюзных клубах своих мероприятий до трех-пяти часов утра в противовес церковным богослужениям. В сельской местности продвижение

подобных мероприятий встречало ряд трудностей, связанных с отсутствием материальных, людских и пропагандистских ресурсов у станичных комячеек, а также высоким уровнем религиозности сельских жителей [Шаповалов 2015: 20–22]. Агитация в пользу антирелигиозной политики приобретала на территории Кубани и Черноморья деятельностный и пропагандистский характер. Наряду с публикациями о «лицемерии Христовой морали», в которых христианское вероучение обозначалось как средство порабощения трудящихся [О религии 1924], печатали материалы о проведении взамен традиционных крестин первых «октябрин» в ст-це Кореновской [По Кубани… 1924a], что внедрялось и в других селах и станицах: «Октябрины все больше проникают в нашу станичную глушь» [По Кубани… 1924b]. В свою очередь кампания по созданию изб-читален, предусматривавшая изъятие церковных помещений, вызывала острую негативную реакцию жителей кубанской станицы [Яхутль 2021: 201].

Однако, проведение антирелигиозной политики шло с незначительными успехами даже в партийной среде, где наблюдались случаи выхода или исключения из компартии по религиозным убеждениям [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 16; Д. 296. Л. 55; Ф. 7. Оп. 1. Д. 66. Л. 21, 23, 50]. Областные партийные деятели констатировали, что в среде коммунистов немало тех, кто продолжает венчаться в церкви, поскольку «если не венчаться, то нельзя жениться на хорошей станичной девушке» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 59].

Таким образом, борьба за новый быт сталкивалась с действительностью, в которой сельское население продолжало жить, согласно христианским традициям: «Висят иконы, празднуют церковные праздники, ставят елку на рождество по-старому стилю 25 декабря. Живут старыми обычаями» [К вопросу… 1923].

Изменения в религиозной политике наметились уже в 1923 г., когда партийное руководство смогло оценить первые итоги антицерковных мероприятий, проводимых с 1917 г. С одной стороны, удалось изъять значительное число церковных ценностей, конфисковать земли, внести раскол в церковную организацию, провести репрессии в отношении существенного количества представителей духовенства. С другой стороны, добиться главной цели – полного обмирщения сознания и утраты ведущей роли религии в формировании мировоззрения сельского населения – не удалось. Наоборот, в связи с наступлением на церковь, большевики приобрели еще одну причину, вызывавшую недовольство крестьянства, которое усиливалось на почве аграрной политики [Курляндский 2012: 79].

В контексте перехода к новой концепции политики «лицом к деревне» партийное руководство Кубанского округа было вынуждено признать, что в силу неумело поставленной антирелигиозной пропагандистской работы «аудитория, которая наполовину колебалась, целиком переходила к нашим противникам» [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 21]. Аналогичные заявления были сделаны А.И. Микояном в 1925 г., анализируя проведенные мероприятия в рамках государственной антирелигиозной политики. В его докладе обозначалось, что борьба с церковью приобрела для простого сельского жителя вид издевательства над его религией, что больше отталкивает население от Советской власти. Даже с учетом идеальной постановки антирелигиозной пропаганды, по его мнению, еще долгие

годы религия будет иметь свои корни среди крестьянского населения, и уничтожить ее можно только путем убеждения, а не насилия. Выражая позицию государства по данному вопросу он также указывал на необходимость реализации в полной мере свободы вероисповедания, вместе с тем не допуская использования религиозных убеждений в качестве оружия контрреволюционеров: «Но если ты под видом бога, молясь в церкви, там служишь против большевиков и Советской власти, мы с такими попами расправимся» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 6, 7]. В связи с чем была издана соответствующая резолюция о недопущении оскорбления в той или иной форме чувств верующих [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 400].

1924 г. стал переломным в реализации нэпа, когда РКП(б) вынуждена была изменить содержание внутренней политики. Соответствующим образом в условиях смягчения избирательных кампаний, снятия ограничений в хозяйственной деятельности крестьян происходит трансформация религиозной политики Советской власти. Она характеризуется снижением уровня репрессивных мер в отношении священнослужителей, а также закрытия церквей. Но это не означало, что большевики отказались от своей религиозной политики в контексте идеологических принципов, изложенных в программе партии и целей построения социализма. Они продолжали по-прежнему проводить антирелигиозную пропаганду, дискредитируя РПЦ и священнослужителей, пытаясь ослабить влияние церкви на население.

Заключение

Религиозная политика большевиков с момента прихода к власти в октябре 1917 г. по 1924 г. характеризовалась жесткими ограничительными действиями, в которых наблюдалось несоответствие между провозглашенными идеями и их реализацией на практике. Антицерковная политика большевиков нашла свое отражение в первых декретах Советской власти.

Переход к свободе совести и отделение церкви от государства обернулись в действительности началом активной борьбы против Русской Православной Церкви, которая открыла для большевиков возможности по планомерному вытеснению ее из общественно-политической жизни российского общества. Ослабление влияния РПЦ началось по нескольким направлениям: лишение священнослужителей возможности участия в формировании мировоззрения и системы ценностей путем отстранения от преподавательской деятельности; подрыв экономической базы с помощью ликвидации церковного землевладения и начала процесса по изъятию имущества; уничтожение политической субъектности священнослужителей через лишение активного и пассивного избирательного права. Параллельно с указанными процессами была предпринята попытка расколоть церковь изнутри.

Отказ от признания Советской власти лишь провоцировал РКП(б) на более агрессивную политику в отношении РПЦ. На региональном уровне она была реализована еще с большим усердием, как следствие неправильного толкования Конституции и принятых декретов Советской власти в отношении церкви. При этом содержание региональной политики в отношении церкви принципиально

не отличалось от общегосударственной, реализуемой большевиками на территории Советской России. В Кубано-Черноморской области церковь лишалась земельных наделов и имущества, в том числе закрывались ее учреждения. Священнослужители подвергались репрессиям за свои убеждения, их деятельность напрямую связывалась с контрреволюцией, поэтому за ними был установлен особый контроль.

В ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей происходила манипуляция общественным сознанием: создавались нереалистичные представления о несметных богатствах РПЦ, которые удерживаются с подачи равнодушных к страданиям голодающих священнослужителей. Организация пропагандисткой работы преследовала цель лишить церковь поддержки населения и сформировать новые атеистические убеждения. Но при этом общегосударственная и региональная религиозная политика оказывала негативное влияние на общественное сознание, формируя в большей части антисоветские настроения, чем антирелигиозные. Изжить религиозное начало в системе ценностей большинства населения в 1917–1924 гг. большевикам не удалось. Следовать дальше по пути углубления кризиса и провоцировать общество на новый виток сопротивления власти РКП(б) не решилась, поэтому переход к новым принципам в рамках политики «лицом к деревне» выступил координирующим в трансформации взаимоотношений власти и церкви.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев 1991 – *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы: взаимоотношения Сов. государства и религии. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.

Амосов 1939 – *Амосов Н.К.* Октябрьская революция и церковь. – М.: ГАИЗ, 1939. – 72 с.

Ансвесул 1937 – *Ансвесул В.* Церковь и гражданская война на Урале. – Свердловск: Свердлгиз, 1937. – 31 с.

Беликова 2016 – *Беликова Н. Ю.* Религиозная сторона жизни кубанского казачества после 1917 года // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечества казачества Кубани, 27–31 мая 1916 г. / отв. ред. В. П. Громов. – Краснодар: Традиция, 2016. – С. 44–49.

Беликова 2022 – *Беликова Н.Ю.* Изъятие церковных ценностей в 1922 г. в контексте формирования системы взаимоотношений государства с Русской Православной Церковью // Хризостом. – 2022. – № 3. – С. 17–26.

Бессонов 1990 – *Бессонов М.Н.* Православие в наши дни. – М.: Политиздат, 1990. – 301 с.

Бойцов 1931 – *Бойцов Н.* Святейшая контрреволюция. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1931. – 139 с.

Бонч-Бруевич 1923 – *Бонч-Бруевич В.Д.* «Живая церковь» и пролетариат. – Москва: Жизнь и знание, 1923. – 62 с.

Брихничев 1923 – *Брихничев И.П.* Патриарх Тихон и его церковь. – М.: Красная новь, 1923. – 21 с.

Васильева 2004 – *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. – М.: Лепта, 2004. – 380 с.

Венедиктов 1933 – *Венедиктов Д.Г.* Палачи в рясах: прошлое рус. духовенства. – Л.: Лоиз, 1933. – 175 с.

Воронцов 1973 – *Воронцов Г.В.* Ленинская программа атеистического воспитания трудящихся в действии: 1917–1937 гг. / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ин-т повышения квалификации преподавателей обществ. наук. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 174 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Горожанина 2022 – *Горожанина М.Ю.* Советская власть и православное духовенство Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XXI Международной конференции. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2022. – С. 61–67.

Грекулов 1962 – *Грекулов Е.Ф.* Православная церковь – враг просвещения. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 192 с.

Декрет о земле… 1957 – *Декрет о земле* съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 17–20.

Декрет о свободе… 1957 – *Декрет* о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 373–374.

Диривянкина 2023 – *Диривянкина М.С.* Большевики и Русская Православная Церковь в начале 1920-х гг.: принципы взаимоотношений // Хризостом: научно-просветительский журнал Екатеринодарской духовной семинарии. – 2023. – № 3 (7). – С. 58–67.

Иванов, Лобазов 1973 – *Иванов А.И., Лобазов П.К.* Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. – М.: Знание, 1973. – 63 с.

Из протокола № 15… 2018 – *Из протокола* № 15 (п. 1) заседания Комиссии при СНК. 30 марта 1918 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. – Кн. 2. – С. 285–286.

Из протокола № 30… 2018 – *Из протокола* № 30 (п. 1) заседания Комиссии при СНК. 27 апреля 1918 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. – Кн. 2. – С. 287.

Инструкция… 1950 – *Инструкция* о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Упр. делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. — М.: Б. и., 1950. – С. 382–384.

К вопросу… 1923 – *К вопросу о новом быте* // Красное знамя. – 1923. – № 189. – 25 авг.

Красников 1989 – *Красников Н.П.* Русское православие, государство и культура (мировоззренческий аспект). – М.: Знание, 1989. – 62 с.

Кукушкин, Чистяков 1987 – *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской конституции. – М.: Политиздат, 1987. – 364 с.

Курляндский 2012 – *Курляндский И. А.* Сталин и религиозный вопрос в политике большевистской власти (1917–1923 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. – 2012. – № 48. – С. 72–84.

Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Социализм и религия // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – Т. 12. – С. 142–147.

Ленин 1972 – *Ленин В.И.* Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Издательство политической литературы, 1972. – Т. 15. – С. 127–160.

Ленин 2000 – *Ленин В.И.* Письмо В. В. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) // Неизвестные документы. 1891–1922. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 517.

Луначарский 1972 – *Луначарский А.В.* Об атеизме и религии: сборник статей, писем и др. материалов / сост. и авт. примеч. Л. Р. Дунаевский и В. Д. Зельдович; предисл. д-ра филос. наук А. Ф. Окулова. – М.: Мысль, 1972. – 509 с.

Марченко 2008 – *Марченко А.Н.* Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX - начала XXI века // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2008. – № 15 (116). – С. 164–177.

МКУ города Сочи «Сочинский городской архив» – Муниципальное казенное учреждение города Сочи «Сочинский городской архив».

О порядке… 1950 – *О порядке* изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих: декрет ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Упр. делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. — М.: Б. и., 1950. – С. 381–382.

О религии 1924 – *О религии* // Красное знамя. – 1924. – № 76. – 8 апр.

Отдел специальных фондов – ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Информационный центр. Отдел специальных фондов.

Панарин 2018 – *Панарин А.А.* Характер взаимоотношений между православной церковью и Советским государством в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 2. – С. 118–124.

Панков 1993 – *Панков Г.О.* О политике Советского государства в отношении к Русской Православной Церкви на рубеже 50–60 гг. // Религия и демократия: на пути к свободе совести. – М.: Б. и., 1993. – Кн. 2. – С. 217–231.

Письменная 2021 – *Письменная Т.Г.* К вопросу о взаимоотношениях религиозных объединений и Советской власти на Кубани в 1917–1930 гг. // Исторический бюллетень. – 2021. – Т. 4. – № 4. – С. 75–79.

Письмо… 1921 – *Письмо в редакцию* // Красное знамя. – 1921. – №78 (290). – 10 апр.

Письмо… 2018 – *Письмо* А.М. Коллонтай В.И. Ленину. 3 января 1918 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. – Кн. 2. – С. 283.

По Кубани… 1924a – *По Кубани и Черноморью* // Красное знамя. – 1924. – № 81. – 11 апр.

По Кубани… 1924b – *По Кубани и Черноморью* // Красное знамя. – 1924. – № 124. – 5 июня.

Православие… 1988 – *Православие* в СССР: к 1000-летию крещения Руси: по материалам буржуазной печати. / ред.-сост. Ю. А. Школенко. – М.: Прогресс, 1988. –180 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Смыкалин 2022 – *Смыкалин А.С.* Особенности государственно-конфессиональных отношений в советском государстве в 1920-е гг. // Церковь. Богословие. История. – 2022. – № 3. – С. 177–193.

Табунщикова 2020 – *Табунщикова Л.В.* Советское законодательство по вопросам религии и церкви в контексте церковно-государственных отношений (1917–1943 гг.) // Манускрипт. – 2020. – № 11. – С. 67–71.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

Циркуляр… 2018 – *Циркуляр Президиума* ВЦИК «О порядке ведения работы по делам культов». 21 августа 1924 г. // Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: документы и материалы: в 6 т. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – Т. 1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. – Кн. 2. – С. 57–61.

Чем может… 1922 – *Чем может помочь* церковь голодающим // Красное знамя. – 1922. – № 41. – 21 февр.

Шаповалов 2015 – *Шаповалов С.Н.* Практика проведения антирелигиозных праздников на Кубани в 1920-е гг. // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 2. – С. 20–24.

Яхутль 2021 – *Яхутль Ю.А*. Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона): монография / под ред. проф. В.В. Касьянова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – 360 с.

Яхутль 2022 – *Яхутль Ю.А.* Кубано-Черноморская область в условиях противостояния власти и сельского населения (1920–1924 гг.). Документы и материалы. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – 436 с.

REFERENCES

ALEKSEEV V.A. *Illyuzii i dogmy: vzaimootnosheniya Sov. gosudarstva i religii* [Illusions and dogmas: the relationship between the Soviet state and religion]. – Moscow: Politizdat, 1991. – 398 p. (In Russ.).

AMOSOV N.K. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i tserkov'* [The October Revolution and the Church]. – Moscow: GAIZ, 1939. – 72 p. (In Russ.).

ANSVESUL V. *Tserkov' i grazhdanskaya voina na Urale* [The Church and the Civil War in the Urals.]. – Sverdlovsk: Sverdlgiz, 1937. – 31 p. (In Russ.).

BELIKOVA N. YU. *Religioznaya storona zhizni kubanskogo kazachestva posle 1917 goda* [The religious side of the life of the Kuban Cossacks after 1917] IN: Rossiiskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya. K 320-i godovshchine sluzheniya Otechestva kazachestva Kubani, 27–31 maya 1916 g. / edited by V. P. Gromov. – Krasnodar: Traditsiya, 2016. – P. 44–49. (In Russ.).

BELIKOVA N.YU. *Iz"yatie tserkovnykh tsennostei v 1922 g. v kontekste formirovaniya sistemy vzaimootnoshenii gosudarstva s Russkoi Pravoslavnoi Tserkov'yu* [The seizure of Church valuables in 1922 in the context of the formation of a system of relations between the state and the Russian Orthodox Church] IN: Khrizostom. – 2022. – № 3. – P. 17–26. (In Russ.).

BESSONOV M.N. *Pravoslavie v nashi dni* [Orthodoxy in our days]. – Moscow: Politizdat, 1990. – 301 p. (In Russ.).

BOITSOV N. *Svyateishaya kontrrevolyutsiya* [The Most Holy counterrevolution]. – Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya, 1931. – 139 p. (In Russ.).

BONCH-BRUEVICH V.D. *«Zhivaya tserkov'» i proletariat* ["The Living Church" and the Proletariat]. – Moscow: Zhizn' i znanie, 1923. – 62 p. (In Russ.).

BRIKHNICHEV I.P. *Patriarkh Tikhon i ego tserkov'* [Patriarch Tikhon and his Church]. – Moscow: Krasnaya nov', 1923. – 21 p. (In Russ.).

Chem mozhet pomoch' tserkov' golodayushchim [How can the church help the starving] IN: Krasnoe znamya. – 1922. – № 41. – 21 fevr. (In Russ.).

Dekret o svobode sovesti, tserkovnykh i religioznykh obshchestvakh [Decree on Freedom of Conscience, church and Religious Societies] IN: Dekrety Sovetskoi vlasti / Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. – T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. – P. 373–374. (In Russ.).

Dekret o zemle s"ezda Sovetov rabochikh i soldatskikh deputatov [Decree on land of the Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies] IN: Dekrety Sovetskoi vlasti / Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957. – T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. – P. 17–20. (In Russ.).

DIRIVYANKINA M.S. *Bol'sheviki i Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v nachale 1920-kh gg.: printsipy vzaimootnoshenii* [The Bolsheviks and the Russian Orthodox Church in the early 1920s: principles of mutual relations] IN: Khrizostom: nauchno-prosvetitel'skii zhurnal Ekaterinodarskoi dukhovnoi seminarii. – 2023. – № 3 (7). – P. 58–67. (In Russ.).

GOROZHANINA M.YU. *Sovetskaya vlast' i pravoslavnoe dukhovenstvo Kubani v 1920-e gody* [Soviet power and the Orthodox clergy of Kuban in the 1920s] IN: Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov: materialy XXI Mezhdunarodnoi konferentsii. – Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – P. 61–67. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov region]. (In Russ.).

GREKULOV E.F. *Pravoslavnaya tserkov' – vrag prosveshcheniya* [Orthodox Church is the enemy of enlightenment]. – Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. – 192 p. (In Russ.).

GU MVD Rossii po Krasnodarskomu krayu. Informatsionnyi tsentr. Otdel spetsial'nykh fondov [The Department of Special Funds is the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Krasnodar Territory. Information center. Department of Special Funds]. (In Russ.).

Instruktsiya o poryadke iz"yatiya tserkovnykh tsennostei, nakhodyashchikhsya v pol'zovanii grupp veruyushchikh [Instruction on the procedure for the seizure of Church valuables used by groups of believers] IN: Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi / Upr. delami Sovnarkoma SSSR, Narkomat yustitsii SSSR. — Moscow: B. i., 1950. – P. 382–384.

IVANOV A.I., LOBAZOV P.K. *Politika Sovetskogo gosudarstva po voprosam religii i tserkvi* [The policy of the Soviet State on religion and the Church]. – Moscow: Znanie, 1973. – 63 p. (In Russ.).

Iz protokola № 15 (p. 1) zasedaniya Komissii pri SNK. 30 marta 1918 g. [From Protocol No. 15... 2018 – From Protocol No. 15 (paragraph 1) of the meeting of the Commission under the Council of People's Commissars. March 30, 1918] IN: Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: dokumenty i materialy: v 6 t. – Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2018. – T. 1: v 4 kn.: 1917–1924 gg. – Kn. 2. – P. 285–286. (In Russ.).

Iz protokola № 30 (p. 1) zasedaniya Komissii pri SNK. 27 aprelya 1918 g. [Protocol No. 30 (paragraph 1) of the meeting of the Commission under the Council of People's Commissars. April 27, 1918] IN: Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: dokumenty i materialy: v 6 t. – Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2018. – T. 1: v 4 kn.: 1917–1924 gg. – Kn. 2. – P. 287. (In Russ.).

K voprosu o novom byte [To the question of a new way of life] IN: Krasnoe znamya. – 1923. – № 189. – 25 avg. (In Russ.).

KRASNIKOV N.P. *Russkoe pravoslavie, gosudarstvo i kul'tura (mirovozzrencheskii aspekt)* [Russian Orthodoxy, the state and culture (worldview aspect)]. – Moscow: Znanie, 1989. – 62 p. (In Russ.).

KUKUSHKIN YU.S., CHISTYAKOV O.I. *Ocherk istorii Sovetskoi konstitutsii* [An essay on the history of the Soviet Constitution]. – Moscow: Politizdat, 1987. – 364 p. (In Russ.).

KURLYANDSKII I. A. *Stalin i religioznyi vopros v politike bol'shevistskoi vlasti (1917–1923 gg.)* [Stalin and the religious question in the policy of the Bolshevik government (1917-1923)] IN: Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTs. – 2012. – № 48. – P. 72–84. (In Russ.).

LENIN V.I. *Pis'mo V. V. Molotovu dlya chlenov Politbyuro TSK RKP(b)* [Letter to V. V. Molotov for members of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party (b)] IN: Neizvestnye dokumenty. 1891–1922. – Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2000. – P. 517. (In Russ.).

LENIN V.I. *Proekt rechi po agrarnomu voprosu vo vtoroi Gosudarstvennoi Dume* [Draft speech on the agrarian question in the Second State Duma] IN: Polnoe sobranie sochinenii / Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1972. – T. 15. – P. 127–160. (In Russ.).

LENIN V.I. *Sotsializm i religiya* [Socialism and religion] IN: Polnoe sobranie sochinenii / Institut marksizma-leninizma pri TSK KPSS. – M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1968. – T. 12. – P. 142–147. (In Russ.).

LUNACHARSKII A.V. *Ob ateizme i religii: sbornik statei, pisem i dr. materialov* [On atheism and religion: a collection of articles, letters, etc. materials]/ edited by L. R. Dunaevskii i V. D. Zel'dovich. – Moscow: Mysl', 1972. – 509 p. (In Russ.).

MARCHENKO A.N. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v trudakh svetskikh i tserkovnykh issledovatelei XX - nachala XXI veka* [State-church relations in the USSR in the works of secular and ecclesiastical researchers of the XX - beginning of the XXI century] IN: Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii. – 2008. – № 15 (116). – P. 164–177. (In Russ.).

Munitsipal'noe kazennoe uchrezhdenie goroda Sochi «Sochinskii gorodskoi arkhiv» [Municipal government institution of the city of Sochi "Sochi City Archive"]. (In Russ.).

O poryadke iz"yatiya tserkovnykh tsennostei, nakhodyashchikhsya v pol'zovanii grupp veruyushchikh: dekret VTSIK [On the procedure for the seizure of Church valuables in use by groups of believers: decree of the Central Executive Committee] IN: Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi / Upr. delami Sovnarkoma SSSR, Narkomat yustitsii SSSR. — Moscow: B. i., 1950. – P. 381–382.

O religii [About Religion] IN: Krasnoe znamya. – 1924. – № 76. – 8 apr. (In Russ.).

PANARIN A.A. *Kharakter vzaimootnoshenii mezhdu pravoslavnoi tserkov'yu i Sovetskim gosudarstvom v 1920-e gg. (na materialakh Kubani)* [The nature of the relationship between the Orthodox Church and the Soviet state in the 1920s. (based on materials from Kuban)] IN: Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2018. – № 2. – P. 118–124. (In Russ.).

PANKOV G.O. *O politike Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii k Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi na rubezhe 50–60 gg*. [On the policy of the Soviet state towards the Russian Orthodox Church at the turn of the 50-60 years] IN: Religiya i demokratiya: na puti k svobode sovesti. – Moscow: B. i., 1993. – Kn. 2. – P. 217–231. (In Russ.).

PIS'MENNAYA T.G. *K voprosu o vzaimootnosheniyakh religioznykh ob"edinenii i Sovetskoi vlasti na Kubani v 1917–1930 gg*. [On the issue of the relationship between religious associations and the Soviet government in the Kuban in 1917-1930] IN: Istoricheskii byulleten'. – 2021. – T. 4. – № 4. – P. 75–79. (In Russ.).

Pis'mo A.M. Kollontai V.I. Leninu. 3 yanvarya 1918 g. [Letter from A.M. Kollontai to V.I. Lenin. January 3, 1918] IN: Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: dokumenty i materialy: v 6 t. – M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2018. – T. 1: v 4 kn.: 1917–1924 gg. – Kn. 2. – P. 283. (In Russ.).

Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor] IN: Krasnoe znamya. – 1921. – №78 (290). – 10 apr. (In Russ.).

Po Kubani i Chernomor'yu [In the Kuban and the Black Sea region] IN: Krasnoe znamya. – 1924. – № 81. – 11 apr. (In Russ.).

Po Kubani i Chernomor'yu [In the Kuban and the Black Sea region] IN: Krasnoe znamya. – 1924. – № 124. – 5 iyunya. (In Russ.).

Pravoslavie v SSSR: k 1000-letiyu kreshcheniya Rusi: po materialam burzhuaznoi pechati [Orthodoxy in the USSR: on the 1000th anniversary of the Baptism of Rus: based on the materials of the bourgeois press]/ edited by Yu. A. Shkolenko. – Moscow: Progress, 1988. – 180 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ.).

SHAPOVALOV S.N. *Praktika provedeniya antireligioznykh prazdnikov na Kubani v 1920-e gg.* [The practice of holding anti-religious holidays in the Kuban in the 1920s] IN: Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2015. – № 2. – P. 20–24. (In Russ.).

SMYKALIN A.S. *Osobennosti gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v sovetskom gosudarstve v 1920-e gg*. [Features of state-confessional relations in the Soviet state in the 1920s] IN: Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. – 2022. – № 3. – P. 177–193. (In Russ.).

TABUNSHCHIKOVA L.V. *Sovetskoe zakonodatel'stvo po voprosam religii i tserkvi v kontekste tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii (1917–1943 gg.)* [Soviet legislation on religion and the church in the context of church-state relations (1917-1943)] IN: Manuskript. – 2020. – № 11. – P. 67–71. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya [Documentation Center for the modern history of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Documentation center for the modern history of the Rostov region]. (In Russ.).

Tsirkulyar Prezidiuma VTSIK «O poryadke vedeniya raboty po delam kul'tov». 21 avgusta 1924 g. [Circular of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee "On the procedure for conducting work on religious affairs." August 21, 1924] IN: Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva. 1917–1991 gg.: dokumenty i materialy: v 6 t. – Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2018. – T. 1: v 4 kn.: 1917–1924 gg. – Kn. 2. – P. 57–61. (In Russ.).

VASIL'EVA O.YU. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Vtoroi Vatikanskii Sobor* [The Russian Orthodox Church and the Second Vatican Council]. – Moscow: Lepta, 2004. – 380 p. (In Russ.).

VENEDIKTOV D.G. *Palachi v ryasakh: proshloe rus. Dukhovenstva* [Executioners in cassocks: the past of the Russian clergy]. – Leningrad: Loiz, 1933. – 175 p. (In Russ.).

VORONTSOV G.V. *Leninskaya programma ateisticheskogo vospitaniya trudyashchikhsya v deistvii: 1917–1937 gg.* [Lenin's program of atheistic education of workers in action: 1917-1937] / Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. In-t povysheniya kvalifikatsii prepodavatelei obshchestv. nauk. – Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1973. – 174 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. *Kubano-Chernomorskaya oblast' v usloviyakh protivostoyaniya vlasti i sel'skogo naseleniya (1920–1924 gg.). Dokumenty i materialy* [The Kuban-Black Sea region in the context of confrontation between the government and the rural population (1920-1924). Documents and materials]. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2022. – 436 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. *Transformatsiya vzaimootnoshenii vlasti s kazachestvom i krest'yanstvom v Sovetskoi Rossii 1921–1929 gg. (na primere Kubani i Dona): monografiya* [Transformation of relations between the government and the Cossacks and the peasantry in Soviet Russia 1921-1929. (using the example of Kuban and Don): monograph] / edited by prof. V.V. Kas'yanova. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021. – 360 p. (In Russ.).

Информация об авторе
М.С. Диривянкина – кандидат исторических наук.
Information about the author
M.S. Dirivankina – candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 04.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.
The article was submitted 04.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК: 94:329.100(КП)-053.81(470.621)’’1922/1924’’
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-143-152
EDN: EUBXJC

ЗАРОЖДЕНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДЫГЕИ (РКСМ): 1922–1924 годы

Юрий Асланбиевич Яхутль
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

Аннотация. Статья посвящена зарождению Российского Коммунистического Союза Молодёжи в Адыгейской автономной области в начале 1920-х гг. Выявлены условия формирования первых комсомольских ячеек в национальной автономии. Основу РКСМ составляли ячейки, которые создавались в аулах и станицах области, а также при сельскохозяйственных кооперативах и товариществах. Прослеживается динамика роста численности областной молодёжной организации в 1922–1924 гг. Определены особенности кадрового состава областного оргбюро РКСМ, в котором доминировали специалисты, командированные из других регионов. Отмечено, что какого-либо учёта руководящих кадров и секретарей первичных организаций на этом этапе не велось. Одним из важнейших факторов в работе оргбюро был учёт национального состава населения и работа с адыгской молодёжью. Организационно-правовое оформление Адыгейской автономной области в 1922 г. способствовало постепенной нормализации деятельности первичных комсомольских организаций. Вступление в массовую организацию, повышение уровня политической грамотности открывало перед молодёжью советские лифты социальной мобильности. Вовлечение в этот процесс молодых адыгов было одной из приоритетных задач организации. С 1922 г. по 1924 г. первичные ячейки РКСМ в ААО оформились в единую организацию.
Ключевые слова: Адыгея, комсомол, кадры, молодёжная организация, оргбюро, секретарь, ячейка.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Зарождение молодёжной организации Адыгеи (РКСМ): 1922–1924 годы // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 143-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-143-152. EDN: EUBXJC.

© Яхутль Ю.А., 2026
© Кавказология, 2026

Original article

THE ORIGIN OF THE YOUTH ORGANIZATION OF ADYGEA (RKSM): 1922-1924

Yuri A. Yakhutl
Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

Abstract. The article is devoted to the emergence of the Russian Communist Youth Union in the Adygea Autonomous Region in the early 1920s. The conditions for the formation of the first

Komsomol cells in the national autonomy are revealed. The RKSM was based on cells that were created in the villages and villages of the region, as well as in agricultural cooperatives and partnerships. The dynamics of the growth of the regional youth organization in 1922-1924 is traced. The peculiarities of the personnel structure of the regional organizing bureau of the RKSM, which was dominated by specialists seconded from other regions, were determined. It was noted that there was no accounting of the management personnel and secretaries of primary organizations at this stage. One of the most important factors in the work of the organizational bureau was taking into account the national composition of the population and working with the Adyghe youth. The organizational and legal registration of the Adygea Autonomous Region in 1922 contributed to the gradual normalization of the activities of the primary Komsomol organizations. Joining a mass organization and increasing the level of political literacy opened up the Soviet elevators of social mobility for young people. The involvement of young Adygs in this process was one of the organization's priorities. From 1922 to 1924, the primary cells of the RKSM in the AAO formed into a single organization.

Keywords: Adygea, Komsomol, cadres, youth organization, organizational bureau, secretary, cell.

For citation: Yakhutl Y.A. The origin of the youth organization of Adygea (RKSM): 1922–1924. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 143-152. – DOI: 10.31143/2542212X-2026-3-143-152. EDN: EUBXJC.

© Yakhutl Y.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Конструирование основополагающих государственных принципов в отношении молодёжи было одной из приоритетных задач большевиков с момента их прихода к власти. Они активно формировались в 1920-х гг. на основе советского законодательства и директив РКП(б)–ВКП(б). Эта тема является актуальной научной проблемой современной исторической науки с целью изучения практического опыта вовлечения в модернизационные процессы молодых людей способных откликнуться на призывы власти. Кроме того, период реформ, кардинальных изменений общественных отношений в 1920-х гг. болезненно отразившихся на молодёжи, востребованы на современном этапе рыночных реформ с целью изучения эволюции государственной молодёжной политики. Обращаясь к теме молодёжной политики 1920-х гг., возникает необходимость оценить роль комсомола, как общественной организации, ставшей союзником РКП(б) в формировании социальной базы советской власти. Этот процесс был сложным и противоречивым, особенно в сельской местности, где противостояние реформам большевиков было наиболее упорным. Преодолеть это противостояние коммунисты смогли не только средствами военного превосходства. Они активно использовали новации в социальной сфере, в первую очередь в образовании, закрепляя свои успехи результатами выборов в местные Советы. При этом методы государственного регулирования политической и социальной сферы стали нормой, способствовавшие достижению поставленной цели. Комсомол, как резерв партии большевиков стал активным участников этого процесса, обеспечивая своё доминирование в молодёжной среде.

Коммунистическая партия Советской России – СССР после октябрьской революции искала оптимальные средства и методы реализации внутренней политики. Первое десятилетие Советской власти отличалось большим количеством реформ и экспериментов в различных областях, в том числе в сфере молодёжной политики, которые ставили своей целью выход из военно-политического и экономического кризиса, охвативший страну в период 1917–1920 гг. Большевики отчётливо осознавали преимущество молодого поколения с новым мировоззрением, способного воспринимать реформы и быть активным участником социалистических преобразований. Молодёжь, объединённая в общественно-политическую организацию, стала резервом партии и активным участником модернизационных процессов.

Цель статьи – провести исследование и дать оценку организационному оформления Адыгейской областной организации РКСМ в начале 1920-х гг.

Источниковой базой исследования стали документы Национального архива Республики Адыгеи. Они представлены нормативно-правовыми актами органов власти, документами РКП(б) (материалы обзоров политического и социально-экономического положения Адыгеи), делопроизводственной документацией (протоколы заседаний оргбюро областного РКСМ). Отличительной их чертой является информационная ограниченность, что затрудняет провести комплексное и всесторонне изучение зарождения и развития молодёжной организации в Адыгее.

Молодёжная политика, как составная часть внутренней политики коммунистов в 1920-х нашла своё широкое отражение в отечественной историографии. Её можно условно разделить на несколько этапов, обусловленных внутриполитическим положением в стране, а также методологическими принципами исследования: первый период 1920-е – середина 1950-х гг.; второй –1950-е – конец 1980-х гг. и третий – с конца 1980-х гг. по настоящее время. Первые публикации, посвящённые комсомолу периода нэпа, появились в конце 1920-х гг. Интерес к изучению истории РКСМ–ВЛКСМ сохранялся вплоть до распада СССР. Отечественные исследователи изучали процессы организационного оформления РКСМ, расширения его рядов, деятельность по воспитанию и политическому просвещению молодёжи и др.

Первым кто заложил основы молодёжной политики в контексте формирования кадрового резерва был лидер партии большевиков. Ленин В.И. выступил инициатором выдвижения способных кадров [Ленин… 1977: 193–194; Ленин…1978: 110] Менее оптимистична была позиция Н.И. Бухарина, который предостерегал от перерастания руководящих кадров в монопольную касту [Бухарин…1926: 31]. На эти проблемы, а именно возможность перерождения партийного аппарата указывал в своих работах И.Д. Троцкий [Троцкий…1990: 102]. Первое десятилетие Советской власти вошло в историю как время подготовки и отбора будущих советских управленцев, формировавшихся из числа молодых коммунистов и комсомольцев [Шохин… 1926; Комсомол… 1926; Шохин… 1928]. Поэтому были естественными острые дискуссии о кадрах в рамках борьбы за лидерство в партии в 1920-х гг. Но 1930-е гг. ознаменовались доминированием сталинской доктрины, изложенной в «Кратком курсе ВКП(б)» [История… 1950:

329], что привело к сокращению числа публикаций по данной теме. История комсомола, молодёжного движения рассматривалась в контексте политической борьбы большевиков за власть. Так формировался образ комсомола как помощника партии.

Вторая половина 1950-х гг. в отечественной историографии отмечена ростом публикаций по молодёжной тематике, в которой по-прежнему признавалось, что партия служила примером для комсомола [Боевой путь… 1947; Ленинский комсомол… 1958]. На очередном этапе изучения молодёжной политики в научный оборот вводятся новые архивные материалы, позволяющие расширить тематику исследований и увеличить число публикаций. В целом, 1970-е – 1980-е гг. отмечены обобщающими работами по истории комсомола [Славный путь… 1974; Динес… 1983; Вопросы истории… 1978], в том числе регионального уровня [Из истории… 1968: 49–70; Демидова…1972]. Однако во второй половине 1980-х гг. интерес к теме значительно понизился в связи с начатыми реформами в стране, которые оказались неудачными и не достигли поставленных целей.

Российские историки в постсоветский период продолжили изучение молодёжного движения в России. Он отмечен рядом интересных работ, разноплановых, использующих различные методы исторического исследования [Комсомолу–80… 1999] Современные исследования выходят за рамки политической истории молодёжного движения страны, обращаясь к различным социальным проектам, в которых принимал участие комсомол [Шитова 2023: 169].

В исследовании применён системный подход, который позволяет изучить основные направления деятельности Адыгейской областной комсомольской организации в начале 1920-х гг. Количественные методы привлечены в ходе изучения содержательных характеристик молодёжи в период организационного оформления первичных комсомольских структур. Принцип историзма и объективности позволил воссоздать исторический процесс формирования областной молодёжной организации Адыгеи. Принцип социального подхода учитывает особенности национального состава населения и молодых людей Адыгеи.

В статье изучается важная тема для современного российского общества, которое находится в состоянии перманентных реформ. Формирование целостной молодёжной политики с учётом имеющегося исторического опыта позволяет обеспечить как кадровый потенциал реформ, так и их преемственность.

Формирование Адыгейской областной организации Российского Коммунистического Союза Молодёжи

В 1918 г. учредили Российский Коммунистический Союз Молодёжи (РКСМ), который был призван объединить молодёжь страны. Членами организации могли стать юноши и девушки в возрасте от 14 до 23 лет, признающие Программу и Устав, входящие в одну из его организаций и уплачивающие членские взносы. Для развития молодёжного движения в национальных автономиях немаловажное значение имело решение II съезда комсомола, состоявшегося в октябре 1919 г. Съезд принял постановление «О работе среди национальных меньшинств», в котором определил основные направления пропагандистской работы среди молодёжи национальных окраин Советской России. На III Всероссийском

съезде РКСМ **(2–10 октября 1920 г.)** В.И. Ленин уточнил основные приоритеты в работе организации в условиях развития нового общества. Главное то, что молодой человек – это строитель коммунизма, которому нужно учиться самому и убедить других в необходимости создания коммунистического общества [Ленин… 1977: 308].

В течении 1920-х гг. в стране устанавливается однопартийная система, а комсомол остаётся единственно действующей молодёжной организацией. Именно через коммунистический союз молодёжи большевики стали реализовывать свои идеологические установки. Этот процесс нашёл своё отражение в ходе создания молодёжной организации в Адыгейской автономной области в начале 1920-х гг. Первый этап её становления хронологически определяется 1922–1924 гг.: с момента решения Президиума ВЦИК РСФСР о создании Черкесской (Адыгейской) автономной области до первого областного съезда комсомола. 4 января 1923 г. решением бюро РКП(б) Адыгейской (Черкесской) автономной области было образовано оргбюро РКСМ Адыгейской (Черкесской) автономной области во главе с С. Мироненко, а 9 января это решение утвердило Юго-Восточное бюро РКСМ. В этот период Адыгейская (Черкесская) автономная область переживала процесс организационно-правового становления своей государственности и испытывала серьёзные проблемы с руководящим кадровым составом советских, партийных и молодёжных структур, поэтому в область были командированы работники из других районов Юго-Востока. В июле 1923 г. Юго-Восточного бюро РКСМ рассмотрело состояние молодёжной политики в Адыгее. Итоговый документ содержал требования о необходимости активизации работы с черкесской беспартийной молодёжью. Была поставлена задача усилить внутрисоюзное воспитание и партийное ядро первичных организаций. Предлагали рекомендовать в партию активных комсомольцев-черкесов на общих основаниях.

Новое кадровые перестановки в составе оргбюро РКСМ произошли в сентябре 1923 г. после решения Юго-Восточное бюро назначить К. Николаева временным секретарём Оргбюро РКСМ Адыгеи. В состав областного Оргбюро входили 2 человека: секретарь и заведующий отделом политпросвещения. В качестве инструкторов, представителей областного Оргбюро, на местах работали Ермоленко, Вербицкий, Д. Галенко, К. Мешвез, Хатит и Сеннов – представитель от областного Оргбюро РКП(б). К сожалению, в архивных документах не сохранялись полные сведения о первых активистах комсомола Адыгеи. Перед молодёжной организацией области не стояла задача количественного роста, так как шёл процесс её организационного формирования. Первичные организации, состоящие в основном из адыгов (черкесов) нуждались в постоянном партийном контроле и кадровой поддержке. Территориальные структуры областного РКСМ в организационном отношении уступали ячейкам, созданным при коммунах и сельскохозяйственных объединениях. Возможности областной молодёжной организации были настолько ограничены, что очередной пленум, который должен был состояться осенью 1923 г. был отменён из-за отсутствия средств. Первичные организации, как правило, насчитывали в своём составе от 4 до 7 человек и ни во всех населённых пунктах области они были созданы [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–13].

Каждый округ курировал представитель оргбюро и назначенный инструктор. Так, уполномоченным по Псекупскому округу был назначен Галенко, Повилейко – по Ширванскому, а Осипов – по Фарскому. В областном аппарате уже было организовано делопроизводство, установлена информационная связь с местными организациями насколько позволяла существующая форма оперативной передачи информации и, главное, проводилась работа по учёту первичных ячеек. В сентябре 1923 г. было учтено в Краснодарском округе – 2 ячейки численностью 40 человек; Псекупском – 4 (68 человек); Ширванском – 13 ячеек (125 человек) и Фарском – 7 ячеек (83 человека). Таким образом, 26 первичные организации объединяли 316 комсомольцев. В течении 1923 г. члены областной молодёжной организации получили единые билеты [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л 1, 2]. Молодёжь была той частью сельского населения, которая выступала социальной базой для роста численности областной партийной организации. Период 1922/23 гг. был отмечен организационным оформлением областной комсомольской организации.

При том, что потенциал для роста организации существовал в лице черкешенок, которых большевики активно привлекали к общественной деятельности. В свою очередь, руководство оптимистично оценивало возможности развития областной молодёжной организации, активно используя новые советские праздники. Одним из таких праздников был Международный юношеский день. Праздничные мероприятия, как правило, проводили в крупных аулах таких как, Тлюстенхабль, Афипсип и др. В них принимали участие не только молодёжь, но старейшины и священнослужители, которые в своих выступлениях поддерживали молодёжь. На это следует обратить внимание, так как священнослужители воспринимались активными противниками советской власти.

В октябре 1923 г. численность областной молодёжной организации достигла 801 человек, из них черкесов 344, русских 457, которые были объединены в 19 черкесских и 22 русские ячейки [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. Положение в организации характеризовалось как устойчивое. Из 50 населённых пунктах области в 47 были зарегистрированы первичные комсомольские организации.

Основные задачи, стоявшие перед местными комсомольскими ячейками области, заключались в активном участии в выборах в Советы, организации ликвидации безграмотности среди молодёжи и политпросветительской деятельности. Так, активное участие в выборной кампании 1923 г. и поддержка областной организации РКП(б) позволили избрать 20 депутатов-комсомольцев в местные Советы, в том числе, в состав исполнительных комитетов – 14. В 6 сельских Советах комсомольцев избрали на должность председателей исполнительных комитетов. Это стало достижением для областной комсомольской организации на начальном этапе своего становления.

В отличии от членов партии, молодёжь проявляла большой интерес к политической учёбе. В 1923 г. было подано до 300 заявлений от молодых людей, желавших пройти обучение в областной школе политпросвещения. При совпартшколе создали юношескую секцию и ячейку РКСМ. Курсанты-комсомольцы

совпартшколы, уезжавшие в аулы и хутора на каникулы, получали индивидуальные задания для работы в ячейках. Таким образом обеспечивалась связь областного оргбюро с первичными организациями.

Для организации работы по ликвидации безграмотности среди населения Адыгеи была создана межведомственная комиссия, в которую вошли комсомольцы. Это было обусловлено тем, что по мере роста численности областной молодёжной организации возрастало количество безграмотных в РКСМ. В 1923 г. до 30% членов организации были неграмотными и в основном среди черкесской молодёжи. Решить эту проблему предлагалось с помощью 15 ликвидационных пунктов.

При планировании работы областное оргбюро РКСМ учитывало национальные особенности региона. Так, в плане работы на декабрь 1923 г. было отмечено, что союзным днём определяется воскресенье для «русских ячеек и пятница для черкесских» [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 19].

Необходимо отметить большую работу проделанную «по самоочищению» организации. За период с сентября по ноябрь 1923 г. из областной комсомольской организации исключили 48 человек. При том, что этот процесс не рассматривался как «чистка» организации от «чуждых классовых элементов». Но рост организации не прекратился и достиг в декабре численности 834 комсомольцев [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 6]. Основной социальной базой роста организации выступали беднейшие слои сельской молодёжи. С января по октябрь 1923 г. число комсомольцев-адыгов выросло с 3% до 43% как результат реализуемой политики по вовлечению коренного населения в активную общественно-политическую деятельность. На начало 1923 г. в организации было всего 5 адыгов-комсомольцев, а в декабре уже 344. По сведениям статистических отчётов установлено, что только в мае 1923 г. в составе руководства областной организации был введён представитель коренной национальности области [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2].

Не решённым оставался информационно-статистический учёт членов организации на местах и в областном аппарате. В аппарате отсутствовали кадры, способные организовать эту сложную работу. Лишь в конце года в типографии были сданы бланки отчётности и листы по учёту кадров. В январе 1924 г. в рядах областной организации РКСМ состояло 810 членов и 5 кандидатов. Уменьшение численности по сравнению с декабрём 1923 г. объясняется убытием 36 комсомольцев в другие регионы. В 1924 г. молодёжная организация росла постепенно, принимая в свои ряды ежемесячно в среднем 47 членов. Наибольшее количество было зарегистрировано только в сентябре – 110. За год из комсомола было исключено 77 человек. Рост организации шёл в основном за счёт представителей беднейших слоёв крестьянства и батраков. Так, областная организация РКСМ выступила инициатором защиты интересов 400 батраков-подростков, а в спортклубе «Спартак» (г. Краснодар) организовала военно-спортивную работу. Такая деятельность способствовала формированию интереса к молодёжной организации области и роста её авторитета. Значительное влияние на рост авторитета организации оказала перевыборная кампания в Советы в начале 1924 г.

За год (1923/24 гг.) существенно выросла партийная прослойка в организации и составила 4,8% (51 чел.). Это свидетельствовало о расширении влияния и авторитета первичных ячеек областной партийной организации в аулах и станицах Адыгеи. При этом, следует отметить, что секретарей членов РКП(б) было только 8 человек. Актив областной комсомольской организации состоял из 5 членов бюро Обкома и 53 секретарей первичных ячеек, из которых 27 адыги. По социальному составу среди секретарей первичных организаций преобладали крестьяне – 49 человек. Одним из существенных проблем организации был уровень грамотности её членов. Из 8 637 молодёжи русской национальности комсомольского возраста было учтено неграмотных – 6 772, малограмотных 1 228, а из 9 494 адыгской молодёжи 8 897 неграмотных [НАРА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. Л. 30, 34, 34 об].

Таким образом, период с 1922 г. по 1924 г. стал этапом организационного оформления областной комсомольской организации, завершившийся проведением учредительной конференции в июле 1924 г., на которой Первым секретарём обкома РКСМ избрали К. Громадского.

Заключение

Доминирующее положение РКСМ в 1920-х гг. как молодёжной организации было неоспоримо, которая действовала в рамках идеологических установок РКП(б). Молодёжная организация Адыгейской автономной области формировалась одновременно с процессом государственного самоопределения адыгов. Формы и направления работы с молодёжью области трансформировались в соответствии с историческими событиями. Приоритетной задачей областной организации на начальном этапе её развития была подготовка молодёжных кадров с учётом национального состава населения и политпросветительская работа. Комсомольские ячейки области оставались немногочисленными, состоявшими в основном из беднейшей части сельского населения. Зажиточная часть населения аулов и станиц с откровенной неприязнью наблюдала за деятельностью первичных комсомольских ячеек, но воздерживалась от конфронтации. Областная организация испытывала острый кадровый дефицит, который восполнялся за счёт специалистов из других регионов. Несмотря на существовавшие объективные трудности, в 1924 г. была учреждена Адыгейская областная организация РКСМ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Боевой путь… 1947 – *Боевой путь Ленинского комсомола*. – Москва: Молодая гвардия, 1947. – 168 с.

Бухарин 1926 – *Бухарин Н.И.* Проблема кадра в пролетарской революции / Борьба за кадры. Речи и статьи. – Москва, Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 348 с.

Вопросы истории… 1978 – *Вопросы истории Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи*: Сб. науч. статей / отв. ред. А.А. Галаган – Москва: ВШК, 1978. – 202 с.

Демидова 1972 – *Демидова Г.А*. Руководство Северо-Кавказской партийной организации культурным строительством в деревне (1928–1932 гг.): дисс. ... к.и.н. – Москва: 1972. – 215 с.

Динес 1983 – *Динес В.А*. Партийное руководство комсомолом, 1921–1925. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 366 с.

Из истории… 1968 – *Из истории партийных организаций Краснодарского края*. / сост. И.И. Алексеенко. – Краснодар: 1968. – 304 с.

История 1950 – *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.* – Москва: Политическая литература, 1950. – 351 с.

Комсомол 1926 – *Комсомол в деревне: очерки* / отв. ред. *В. Г. Тана-Богораза*. – Москва, Ленинград: Госиздат, 1926. – 202 с.

Комсомолу – 80… 1999 – *Комсомолу – 80: вопросы методологии и истории* / В.К. Криворученко, Б.А. Ручкина. – Москва: 1999, Изд-во ин-та молодёжи «Социум» – 173 с.

Ленин 1977 – *Ленин В.И.* Речь на III съезде Всероссийского коммунистического союза молодёжи, 2 октября 1920 г. «Задачи союзов молодёжи» // Полн. собр. соч. 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1977. – Т. 41. – С. 298–318.

Ленин 1977 – *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти. // Полн. собр. соч. 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1977. – Т. 36. – С. 165–208.

Ленин 1978 – *Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта. XI съезд РКП(б). // Полн. собр. соч. 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1978. – Т. 45. – С. 69–116.

Ленинский комсомол… 1958 – *Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ* / отв. ред. Н.Н. Месяцев – Москва: Молодая гвардия, 1958. – 590 с.

НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.

Славный путь… 1974 – *Славный путь Ленинского комсомола. История ВЛКСМ.* – Москва: Молодая гвардия, 1978. – 590 с.

Троцкий 1990 – *Троцкий Л.Д.* Тезисы «К пятнадцатой партийной конференции» // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Том 2. – Москва: Терра, 1990. – 254 с.

Шитова 2023 – *Шитова А.А.* Комсомол в духовной сфере жизни советского общества 1921–1929 гг. (На материалах Северо-Кавказского края): дисс. … к.и.н. – Тамбов: 2023. – 205 с.

Шохин… 1926 – *Шохин А.* Краткий очерк истории комсомола. – Москва, Ленинград: Молодая гвардия, 1926. – 123 с.

Шохин… 1928 – *Шохин А.* Краткая история ВЛКСМ. – Москва: Молодая гвардия, 1928. – 187 с.

REFERENCES

Boevoi put' Leninskogo komsomola. [The Battle Path of the Lenin Komsomol]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1947 – 168 p. (In Russ.).

BUKHARIN N.I. Problema kadra v proletarskoi revolyutsii / Bor'ba za kadry. Rechi i stat'i. [The cadre problem in the Proletarian Revolution / The Struggle for cadres. Speeches and articles.] – Moskva, Leningrad: Molodaya gvardiya, 1926. – 348 p. (In Russ.).

Voprosy istorii Vsesoyuznogo Leninskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi: Sb. nauch. statei [Questions of the history of the All-Union Leninist Communist Youth Union: Collection of scientific papers. articles] / otv. red. A.A. Galagan – Moskva: VSHK, 1978. – 202 p. (In Russ.).

DEMIDOVA G.A. Rukovodstvo Severo-Kavkazskoi partiinoi organizatsii kul'turnym stroitel'stvom v derevne (1928–1932 gg.) [Leadership of the North Caucasian Party Organization in cultural construction in the countryside (1928–1932)]: diss. … k.i.n. – Moskva, 1972. – 215 p. (In Russ.).

DINES V.A. Partiinoe rukovodstvo komsomolom, 1921–1925. [The party leadership of the Komsomol, 1921–1925]. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1983. – 366 p. (In Russ.).

Iz istorii partiinykh organizatsii Krasnodarskogo kraya. [From the history of party organizations of the Krasnodar Territory] / sost. I.I. Alekseenko. – Krasnodar: 1968. – 304 p. (In Russ.).

Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs. [The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A short course.] – Moskva: Politicheskaya literatura, 1950. – 351 p. (In Russ.).

Komsomol v derevne: ocherki [Komsomol in the countryside: essays] / otv. red. V. G. Tana-Bogoraza. – Moskva, Leningrad: Gosizdat, 1926. – 202 p. (In Russ.).

Komsomolu – 80: voprosy metodologii i istorii [Komsomol – 80: issues of methodology and history] / V.K. Krivoruchenko, B.A. Ruchkina. – Moskva: 1999, Izd-vo in-ta molodezhi «Sotsium» – 173 p. (In Russ.).

LENIN V.I. Rech' na III s"ezde Vserossiiskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi, 2 oktyabrya 1920 g. «Zadachi soyuzov molodezhi» [Speech at the III Congress of the All-Russian Communist Youth Union, October 2, 1920] // Poln. sobr. soch. 5-e izd. – Moskva.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977. – T. 41. – P. 298–318. (In Russ.).

LENIN V.I. Ocherednye zadachi Sovetskoi vlasti. [The next tasks of the Soviet government] // Poln. sobr. soch. 5-e izd.– Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1977. – T. 36. – P. 165 208. (In Russ.).

LENIN V.I. Politicheskii otchet Tsentral'nogo Komiteta RKP(b) 27 marta. XI s"ezd RKP(b). [Political report of the Central Committee of the Russian Communist Party(b) on March 27. XI Congress of the Russian Communist Party(b)] // Poln. sobr. soch. 5-e izd. – Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1978. – T. 45. – P. 69–116. (In Russ.).

Leninskii komsomol: Ocherki po istorii VLKSM [Leninsky Komsomol: Essays on the history of the Komsomol] / otv. red. N.N. Mesyatsev. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1958. – 590 p. (In Russ.).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Adygeya. [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

Slavnyi put' Leninskogo komsomola. Istoriya VLKSM. [The glorious path of the Lenin Komsomol. The history of the Komsomol]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1978. – 590 p. (In Russ.).

TROTSKII L.D. Tezisy «K pyatnadtsatoi partiinoi konferentsii» [Abstracts «For the fifteenth Party Conference»] // Arkhiv Trotskogo. Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR. 1923–1927. Tom 2. – Moskva: Terra, 1990. – 254 p. (In Russ.).

SHITOVA A.A. Komsomol v dukhovnoi sfere zhizni sovetskogo obshchestva 1921–1929 gg. [The Komsomol in the spiritual sphere of Soviet society 1921–1929] (Na materialakh Severo-Kavkazskogo kraya): diss. … k.i.n. – Tambov: 2023. – 205 p. (In Russ.).

SHOKHIN A. Kratkaya istoriya VLKSM. [A brief history of the Komsomol]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1928. – 187 p. (In Russ.).

SHOKHIN A. Kratkii ocherk istorii komsomola. [A brief outline of the history of the Komsomol]. – Moskva, Leningrad: Molodaya gvardiya, 1926 – 123 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – доктор исторических наук.

Information about the author

Y.A. Yakhutl – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-153-171
EDN: FALSCA

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВЛАДИМИРА МАРКОВИЧА ПУТНИНА И РОЛЬ БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕБОЛДАЕВА В ЕГО НОМЕНКЛАТУРНОМ ПРОДВИЖЕНИИ

Виктор Завенович Акопян[1], **Завен Викторович Акопян**[2], **Виктор Павлович Ермаков**[3]

[1,2,3] Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733
[3] ermakov@pgu.ru, https://orcid.org/0009-0001-7460-7871

Аннотация. Статья посвящена политической биографии Владимира Марковича Путнина (Voldemārs Putniņš) – советского политического деятеля латышского происхождения довоенного периода, относившегося к сталинской номенклатуре «среднего звена». До настоящего времени личность Путнина оставалась в тени и, кроме краткой информации в некоторых справочниках, не получила освещение в исторической литературе, в том числе в исследованиях северокавказских историков. Между тем Путнин находился на руководящих должностях Северо-Кавказского края с января 1931 по август 1935 г. Особое внимание в статье уделяется роли известного советского партийного деятеля Бориса Петровича Шеболдаева в продвижении Путнина по службе. Действительно, близкие отношения между двумя политиками и покровительство со стороны Шеболдаева до 1934 г. благоприятствовали карьерному росту Путнина, но после XVII съезда ВКП(б), во время которого Шеболдаев попытался инициировать назначение С.М. Кирова на должность генерального секретаря, их связь не только создала определенные препятствия для номенклатурного роста Путнина, но и в конечном итоге привела к аресту и расстрельному приговору по надуманному обвинению.

Ключевые слова: Латвия; Северо-Кавказский край; номенклатура; «Великий перелом»; политические репрессии

Для цитирования: Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П. Политический портрет Владимира Марковича Путнина и роль Бориса Петровича Шеболдаева в его номенклатурном продвижении // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 153-171. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-153-171. EDN: FALSCA.

© Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE POLITICAL PORTRAIT OF VLADIMIR MARKOVICH PUTNIN AND THE ROLE OF BORIS PETROVICH SHEBOLDAEV IN HIS NOMENKLATURE PROMOTION

Viktor Z. Akopyan[1], **Zaven V. Akopyan**[2], **Viktor P. Ermakov**[3]

[1,2,3] Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia,
[1] zaven2005@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4734-1905
[2] zvakopyan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9759-7733
[3] ermakov@pgu.ru

Abstract. The article is devoted to the political biography of Vladimir Markovich Putnin (Voldemar Putniš), a Soviet politician of Latvian origin from the pre-war period, who belonged to the Stalinist «middle-level» nomenclature. Until now, Putnin's identity has remained in the shadows and, apart from brief information in some reference books, has not been covered in historical literature, including in studies by North Caucasian historians. Meanwhile, Putnin held senior positions in the North Caucasus region from January 1931 to August 1935. The article pays special attention to the role of the well-known Soviet party figure Boris Petrovich Sheboldaev in promoting Putnin's career. Indeed, the close relationship between the two politicians and Sheboldaev's patronage prior to 1934 facilitated Putnin's career advancement. However, after the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), during which Sheboldaev attempted to initiate the appointment of S.M. Kirov as General Secretary, their connection not only created certain obstacles to Putnin's nomenklatura advancement but ultimately led to his arrest and execution on trumped-up charges.

Keywords: Latvia; North Caucasus Region; nomenclature; «The Great Turning Point»; political repression

For citation: Akopyan V.Z., Akopyan Z.V., Ermakov V.P. The Political Portrait of Vladimir Markovich Putnin and the Role of Boris Petrovich Sheboldaev in his Nomenclature Promotion. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 153-171. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-153-171. EDN: FALSCA.

©Akopyan V.Z., Akopyan Z.V, Ermakov V.P., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В начале 1934 г. произошло коренное переформатирование просуществовавшего десять лет Северо-Кавказского края (СКК). 10 января было принято короткое по объему постановление ВЦИК СССР «О разделении территории существующего Северо-Кавказского края на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске». За неделю до этого постановления законодательного органа СССР соответствующее решение было принято методом опроса членов Политбюро ЦК ВКП(б) И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, М.И. Калинина, В.В. Куйбышева, В.М. Молотова, Г.К. Орджоникидзе и кандидата в члены ПБ А.И. Микояна.

Оставшаяся от переформатированного Северо-Кавказского края часть включала национальные автономии: Черкесская, Карачаевская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская автономные области, Дагестанская АССР и территория русских районов, соответствующих нынешнему Ставропольскому краю, с центром в городе-курорте Пятигорске. И все же территория нового СКК (более 170 тыс. кв. км) превышала площадь многих европейских государств.

Политбюро утвердило Оргбюро по созыву конференции нового СКК в составе Евдокимова, Путнина, Калмыкова и Дагина. При этом постановлялось

наметить первым секретарем крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимова, вторым секретарем – В.М. Путнина, председателем крайисполкома – Б.Е. Калмыкова. Посредством опроса членов ПБ 6 января «во изменение постановления» Бюро от 1 января на должность председателя крайисполкома (КИК) СКК предложен М.Д. Горчаев (с октября 1934 г. – И.Н. Пивоваров). Этим же протоколом 7 января во главе политического представительства ОГПУ СКК утвердили И.Я. Дагина.

Большинство руководителей СКК, за редким исключением, подверглись репрессиям. В их числе и Владимир Маркович Путнин, которому посвящена данная статья. «Пятигорский этап» в политической деятельности Путнина продолжался немногим более полутора лет – с января 1934 по август 1935 года.

Поводом к написанию этой статьи стало письмо внучки Владимира Марковича Галины Феликсовны Путниной, которая в ряде наших статей встретила упоминание имени своего именитого дедушки. В своих письмах она внесла некоторые дополнения к имеющейся у нас скудной информации и, главное, прислала фотографии.

Таким образом, актуальность этой статьи связана с тем, что биография В.М. Путнина ограничивалась лишь коротким упоминанием о занимаемых им должностях в справочной литературе, а мы ставим перед собой задачу попытаться проследить основные этапы в политической биографии регионального управленца «среднего звена», определить его место в команде известного государственного деятеля Б.П. Шеболдаева.

Результаты исследования

Итак, приведем основные этапы жизненного пути политического деятеля, трагически завершившегося на 43 году его жизни.

Voldemārs Putniņš (далее – Волдемарс, Владимир Путнин) родился 6 февраля 1896 г. в городе Венден[1] Лифляндской губернии в семье сапожника латышской национальности. Юноша рос в атмосфере, где традиционно напряженные отношения происходили между латышами и немцами, имевшими, как и в других прибалтийских губерниях, господствующее положение в экономической, общественной и культурной жизни. Это, возможно, нивелировало у латышей антирусские настроения, особенно накануне и в период Первой мировой войны, когда

[1] Немецкий замок Венден, построенный в 1213 г., являлся одним из главных центров Ливонского ордена и резиденцией его магистров. Венден с 1367 г. входил в Ганзейский союз городов. В первой четверти XVI в. в Ливонии интенсивно распространялось лютеранство. В результате польско-шведских войн в 1625 г. Венден перешел во власть Швеции. В период Северной войны Венден был разрушен русским войском под руководством Б.П. Шереметева. Екатерина II присвоила Вендену Лифляндской губернии привилегии (1783). В 1819 г. в Лифляндской губернии было отменено крепостное право. Основными жителями города являлись немцы и латыши, между которыми нередко возникали конфликты. В начавшейся Первой русской революции латышам удалось значительно потеснить немцев, и в декабре 1905 г. впервые в городскую думу вошли только латыши. В июле 1915 г. германские войска заняли всю Курляндию, и в Венден возвратилось много немецких беженцев. Это не могло не повлиять на позицию латышского населения в период разворачивавшейся Русской революции 1917 г. 27 октября город занял полк латышских стрелков, который обеспечил переход власти в руки большевиков. В декабре 1917 г. в Вендене, переименованном в Цесис, проходил V съезд латышских стрелков.20 февраля 1918 года город заняла немецкая армия. В условиях фактической оккупации немецкими войсками 18 ноября 1918 г. Народный совет Латвии провозгласил независимую Латвийскую Республику. В Цесисе начали формироваться части латышской самообороны. Местные латыши выступали как против немцев «Прибалтийского ландесвера» (немецкое ополчение), так и Красной армии, которая вошла в Венден 23 декабря 1918 г. (подразделения Латышской стрелковой дивизии) [Венден 1980: 209].

Лифляндская губерния была оккупирована немцами. Это обстоятельство не могло не повлиять на политический выбор Путнина в период русских революций начала XX века.

В 1913 г. Волдемарс окончил высшее начальное училище в Вендене по специальности почтово-телеграфный работник и поступил на работу вначале учеником почтово-телеграфной конторы, а в мае 1914 г. – чиновником почтово-телеграфного отделения на станции Пуйкельн Вольмарского уезда. В начавшейся Первой мировой войне территория Прибалтики стала ареной военных действий. К 1916 г. под контролем немцев находились Литва и часть Латвии (по левому берегу р. Зап. Двина). ПланамиГермании предполагалось полностью инкорпорировать Латвию в состав Второго рейха, что грозило полному вытеснению латышей с родных земель или их ассимиляции. Этим объясняется активность латышей в ходе мобилизации в российскую армию. В 1914–1917 гг. в армию пришло около 140 тыс. латышей, что в процентном отношении было значительно больше, чем по всей России (55% мобилизованных мужчин в возрасте от 18 до 43 лет) [Екабсон 2006: 221–225; Нефедов 1982].

С августа 1915 г. Волдемарс находился в составе русской армии рядовым, затем в воинском звании старшего унтер-офицера и ефрейтора, а после учебы в школе прапорщиков в Гатчине (Северный фронт) – прапорщика (ноябрь 1917 г.). Его участие в войне было отмечено 24 июня 1915 г. медалью на ленте ордена Белого Орла «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914» и Георгиевским крестом IV степени за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения, оказанные в боях в декабре 1916 г. и январе 1917 г. (24 февраля 1917 г.). Через несколько дней в России началась революция, в которой все общество и каждый человек в отдельности должны были определиться, на чьей стороне они будут в разворачивавшемся противостоянии. Непростой выбор стоял перед латышским обществом, национальными партиями и героем настоящей статьи[1].

На политический выбор Владимира повлияли его двоюродные братья Спундэ: латышские революционеры, советские государственные деятели Александр Петрович (1892–1962) и Вольдемар Петрович (1891/92 – 1921). Их мама Анна Яковлевна приходилась родной сестрой Марка Яковлевича Путнина, который являлся крестным отцом братьев Спундэ[2].

[1] Путнин Владимир Маркович (Putniņš Voldemārs) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/PPP/10108.asp (дата обращения: 12.01.2025); Семейный архив Ф.В. Путнина.

[2] Вольдемар Спундэ скончался в 1921 или 1922 году от туберкулеза. Из материалов, присланных нам Галиной Феликсовной (письма его матери Анны Яковлевны Путниной Сталину и прокурору СССР А.Я. Вышинскому от 31.01.1938 г.; анкета В.П. Спундэ без даты заполнения), следует, что Вольдемар учился в Политехническом училище, откуда был исключен за революционную работу среди студентов. В 1912 г. вступил в Социал-демократическую партию Латышского края. С 1916 г. находился в ссылке в Сибири, где заболел туберкулезом. В сентябре 1918 г. вступил в партию большевиков. По словам Анны Яковлевны, после революции Вольдемар был начальником обороны 2-го городского района Петрограда, был членом Петроградского Совета. Перед кончиной, как следует из заполненной им анкеты, заведовал Латышским отделом Наркомнаца, одновременно совмещал должности члена Центрального бюро Латышской группы Северной области, члена бюро Петроградской секции РКП и члена Российского бюро ЦК С-Д. Латвии. См.: Спундэ Александр Петрович (Spunde Aleksandrs) // Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза (1898–1991). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/SSS/14038.asp (дата обращения: 19.07.2025); Семейный архив Ф.В. Путнина. Семейный архив Ф.В. Путнина.

Как и многие его соотечественники – латышские стрелки, Владимир в 1918 г. вступил в РКП(б), что обеспечило ему продвижение в России, но не по военной, а по партийной и хозяйственной линии. С марта 1918 по ноябрь 1920 г. Путнин занимал должности по полученной на родине специальности: вначале он являлся комиссаром Центрального телеграфа Пензы, а затем председателем Правления, заведующим Пензенским губернским отделом связи. В Пензе с ноября 1920 по декабрь 1921 г. Путнин заведовал губернским отделом юстиции, исполнял обязанности ответсекретаря губкома РКП(б) и возглавлял губернский Союз потребительских обществ (СПО).

В Пензе Владимир Маркович женился на Евгении Артемьевне Евтиховой, родившейся 6 февраля 1897 г. в Вильно.

Частая смена должностей была типичной для многих советских назначенцев. Партия испытывала свои кадры на прочность, проверяла их способность безропотно подчиняться приказам. В последующие годы Путнин занимал различные должности, редко задерживаясь на каждой больше одного года. До назначения на Северный Кавказ он исполнял обязанности члена Правления Центрального областного СПО в г. Минске (январь – ноябрь 1922 г.); ответственного секретаря Борисовского уездного комитета КП(б) в Белорусской ССР (БССР) (ноябрь 1922 – октябрь 1923 г.); ответсекретаря Ляховского райкома КП(б) БССР (октябрь 1923 – апрель 1924 г.) и одновременно являлся членом ЦК КП(б) Белоруссии.

Галина Феликсовна, внучка В.М. Путнина, в письме одному из авторов этой статьи сообщала, что Владимир Маркович, в качестве делегата от Белоруссии с правом решающего голоса, участвовал в работе I съезда Советов СССР 30 декабря 1922 г. и вместе со всей делегацией подписал Договор об образовании СССР[1].

Путнин и Шеболдаев

В мае 1924 г. коренным образом изменяется география номенклатурного роста В.М. Путнина. Он назначается заведующим орготделом Царицынского губкома (май 1924 – ноябрь 1925 г.). В городе на р. Волге Путнин сблизился с Б.П. Шеболдаевым[2] – потомком запорожского гетмана Павла Полуботько, доверенного лица Мазепы, подозреваемого в сокрытии казны Запорожской Сечи и в 1723 г. обвиненного в Петербурге в измене и скончавшегося от пыток в казематах

[1] Путнин Владимир Маркович (Putniņš Voldemārs) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/PPP/10108.asp (дата обращения: 12.01.2025); Семейный архив Ф.В. Путнина.

[2] Шеболдаев Борис Петрович (1895–1937) – советский политический деятель. Родился в семье врачей в эмиграции (Париж). В 1900 г. семья вернулась в Россию. В 1914 г. вступил в РСДРП (большевик). В 1916 г. призван в армию в качестве санитара на Кавказском фронте. В 1917 г. – зам. председателя ВРК Кавказской армии (в Эрзеруме). В 1918 г. – зам. наркома по военным и морским делам Бакинского СНК. В 1919 г. – член Дагестанского обкома РКП(б), с марта 1920 г. председатель обкома РКП(б) и член ревкома Дагестана. В 1923–1925 гг. – зав. отделом ЦК КП(б) Туркмении, секретарь Царицынского губкома ВКП(б). До 1928 г. работал в аппарате ЦК партии, являлся членом ЦКК ВКП(б) (1927). С 1928 по 1930 г. – секретарь Нижневолжского крайкома. В 1930–1937 гг. – член ЦК ВКП(б). С января 1931 по январь 1934 г. – секретарь Северо-Кавказского, в 1934–1937 гг. Азово-Черноморского крайкомов ВКП(б), с 10 января 1937 г. – секретарь Курского обкома ВКП(б). В октябре 1937 г. был репрессирован и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован [Акопян, Широкова 2013; Кислицин 2022; Залесский 2000].

Петропавловской крепости[1]. Вся последующая политическая биография В. Путнина (за исключением пятигорского периода) будет неразрывно связана с Шеболдаевым. Можно даже говорить об опеке Шеболдаева над Путниным. Близкие отношения с ним в немалой степени объясняют как продвижение по номенклатурной лестнице, так и трагическое завершение жизни Владимира Марковича.

В начале 1925 г. Шеболдаева из Туркмении перебросили в Царицыно, где он на один год становится первым секретарем Царицынского губкома ВКП(б). В условиях разворачивавшейся ожесточенной борьбы за лидерство в партии Шеболдаев смог разглядеть, у кого больше шансов стать в партии и стране Хозяином. В этом Шеболдаеву, не сомневаемся, помогали сориентироваться его «кавказские» друзья. Как настоящий потомок «хитрющего Павла Полуботько» (мнение Петра I), он понял, какое проявление преданности от него ожидал Сталин в Царицыне.

Б.П. Шеболдаеву, а вместе с ним и В.М. Путнину, в Царицыно предстояло выполнить задачу, которую, возможно, не захотел решить бывший первый секретарь А.И. Жеханов. Последний, не получив одобрения расследования хищений, совершенных в годы голода в Поволжье, в которых оказались замешаны высшие руководители губернии, неожиданно «застрелился на почве переутомления» [Леушин 2003]. В СССР в тот период повсеместно происходили переименования улиц, населенных пунктов, регионов, бронепоездов, кораблей и т.д. Старые названия городов заменяли на новые в честь деятелей «международного коммунистического движения», особенно «героев революции и гражданской войны», как ушедших в мир иной (Свердлов, Ленин), так и здравствующих. Формально инициатива к переименованию исходила от «трудовых коллективов», «ядром» которых являлась парторганизация, получавшая решения от горкома, губкома и т.д.

«Контрреволюционное» название Царицына смущало как Центр, так и местную власть. Из здравствующих политиков было немало желающих увидеть свое имя в названии города на берегу Волги, находящегося на перекрестке многих дорог. Однако в контексте темы революции и гражданской войны больше шансов имели трое: Сталин, Ворошилов и Минин[2].

Что касается Сталина, то Царицын являлся важной страницей в его политической биографии. В 1918 г. в связи с обострением продовольственного положения в РСФСР СНК командировал Сталина на Юг России в качестве чрезвычай-

[1] Золото Шеболдаева // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.km.ru/v-rossii/2006/03/28/arkhiv/zoloto-sheboldaeva (дата обращения: 17.05.2025 г.).

[2] Сергей Константинович Минин (1882–1962) – советский политический деятель. Учился на юрид. фак-те Венского и на ист.-филол. ф-те Юрьевского университета. В партии большевиков с 1905 г. Вел партийную работу в Поволжье и на Дону. После февраля 1917 г. – председатель Царицынского Совета и комитета РСДРП(б). На II Всероссийском съезде советов избран членом ВЦИК и членом Учредительного собрания. В конце 1917г. руководил Царицынским штабом обороны по борьбе с калединщиной. В 1918 г. возглавлял Царицынский РВС, являлся членом РВС Северо-Кавказского ВО, Южного фронта и 10-й армии. Успешно проводил мобилизацию населения Царицына в РККА. Работал в коллегии НКВД. В 1920 г. – председатель Екатеринославского губисполкома. В 1920–1922 гг. – член РВС 1-й Конной армии, пом. командующего войсками Украины по полит. части, член ЦК КП(б)У и СНК Украины. В 1923–1925 гг. – член Северо-Западного бюро ЦК и ректор Комуниверситета. С 1925 г. – ректор ЛГУ См.: Минин С.К. ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://alya-aleksej.narod2.ru/uchastniki_revolyutsii_i_grazhdanskoi_voini_v_sssr/minin_sk/ (дата обращения: 17.06.2025 г.).

ного уполномоченного ВЦИК по заготовке и вывозу хлеба в промышленные центры. Прибыв 6 июня 1918 года в Царицын, Сталин взял на себя руководство обороной Царицына от войск атамана Краснова, применяя жесткие меры. Но первые военные мероприятия, предпринятые Сталиным совместно с Ворошиловым, обернулись поражениями Красной Армии. Председатель РВС Троцкий телеграфировал Ленину с просьбой немедленно отозвать Сталина, мотивируя тем, что «дела на Царицынском участке идут из рук вон плохо». Сталин был отозван, выведен из РВС Южного фронта и отправлен в Москву. Вскоре после отъезда Сталина белые были отброшены от города, Однако контрнаступление РККА захлебнулось, и город пал. Ленин осудил Сталина за расстрелы.

Впоследствии, особенно после того как Сталин стал единоличным лидером (1929), советские и ряд современных историков характеризовали его деятельность как единственно верные и способствовавшие победе Красной Армии не только на этом участке фронта, но и в самый решающий период гражданской войны. Причем к моменту возникновения необходимости переименования роль Сталина в обороне Царицына была отшлифована официальными историками [Елисеев 2007].

Как раз в решающий момент, когда надо было окончательно определиться с новым именем Царицына, в город и прибыл Б.П. Шеболдаев, где уже находился Путнин.

Хорошо разбиравшийся в конъюнктуре политической борьбы во власти и будучи осведомленным о ревнивом отношении Сталина к Минину, считавшемуся главным конкурентом по рассматриваемому вопросу, Шеболдаев обеспечил рассмотрение вопроса о переименовании города в Сталинград на городских и уездных съездах и «беспартийных» рабочих собраниях. Причем основную работу по подготовке и принятию решений на этих съездах и собраниях проводил орготдел губкома во главе с В.М. Путниным.

Шеболдаев получил от Сталина письмо, в котором, несмотря на нарочитую скромность генсека, содержался недвусмысленный намек на его особую заинтересованность в переименовании Царицына в Сталинград [Леушин 2003: 54–55][1]. Наконец, 15 февраля 1925 г. на открывшемся губернском съезде Советов вне очереди был поставлен вопрос о переименовании г. Царицына и губернии. Кроме того, съезд утвердил постановление Царицынского уездного съезда Советов о переименовании Царицынского уезда в Сталинградский. Принятые решения получили окончательное закрепление 10 апреля 1925 г. в постановлении Президиума ЦИК СССР за подписью председателя ЦИК М. Калинина и секретаря ЦИК А. Енукидзе [Постановление 1925: 313].

Работа Путнина по переименованию города была высоко оценена Сталиным. В ноябре 1925 г. 29-летний Владимир Маркович назначается на должность

[1] Царицын – Сталинград – Волгоград. От неизвестности к забвению. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vlg.aif.ru/society/article/11140; Краеведческий сайт Волгоградской области: «10 апреля 1925 года на заседании Президиума ВЦИК СССР было принято решение о переименовании города Царицын в Сталинград». ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС. РЕЖИМ ДОСТУПА:http://www.volgkraeved.ru/news/2224 (дата обращения: 08.08.2025 г.).

ответсекретаря Сталинградского губкома ВКП(б), которую он занимал до августа 1927 г. Это было самое высокое назначение Путнина за весь предшествующий период.

Еще более высоко генсек оценил работу Шеболдаева, назначенного заместителем заведующего орграспредотделом ЦК ВКП(б), ведавшим руководящими кадрами в партии. Этот отдел был одним из эпицентров комплектования новой советской номенклатуры, а фактически сталинской, так как, не считая генсека, другие видные большевики недооценивали значение рутинной организационной («нетворческой») работы. За «увлечения» формированием партаппарата называли Сталина «товарищ Картотеков». Он и вправду вместе со своими сотрудниками постоянно возился с карточками, заведенными на руководящих работников. Эти кадры он старательно изучал. Наиболее преданных из них Сталин размещал на различных уровнях номенклатуры. Картотеку на наиболее интересовавших его по тем или иным соображениям людей Сталин с первой половины 20-х гг. вел сам. Сталин создал систему подбора руководящих кадров в партии и государстве. Она привела его к власти и оставалась его главным свершением [Восленский 1991: 85].

Своеобразной инструкцией для работников партаппарата стали слова Сталина: «Руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно. Не нужно доказывать, что между политической работой ЦК и организационной работой нельзя проводить непроходимую грань. Едва кто-либо из вас будет утверждать, что достаточно дать хорошую политическую линию, и дело кончено. Нет, это только полдела. После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие принять эти директивы как свои родные и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками» [Павлова 1993:70].

Вероятно, в картотеке генерального секретаря Шеболдаев и Путнин находились рядом. Об этом свидетельствует дальнейшая номенклатурная история Владимира Марковича.

В орграспредотделе Шеболдаев занимался на первый взгляд рутинной работой связанной с формированием сталинской номенклатуры, которые должны были силой партийного аппарата вытеснить всех тех, кто не поддерживал «правильную политическую линию». Указанную линию следовало искать не в первоисточниках классиков марксизма-ленинизма, а в интерпретации их верного продолжателя, каким себя считал Сталин.

Сталин на каждом этапе произвольно определял, кто отошел от «правильной линии». Вначале это был Троцкий (он после Царицына для Сталина стал и личным врагом), затем, вместе с ним, Зиновьев и Каменев, а на завершающем году работы Шеболдаева в орграспредотделе ЦК таковыми становились Бухарин и все, кто его поддерживал. Первые уходили влево от «правильной линии», последние «вправо». Нужно было обладать особым чутьем, чтобы не ошибиться в подбираемых кандидатурах.

Вероятно, Шеболдаеву удавалось справиться с порученным делом, так как работа в Москве стала самым продолжительным этапом его пребывания на одном месте за всю предшествующую деятельность. Знаковым событием этого этапа стало его участие в XVсъезде ВКП(б) (2 декабря – 19 декабря 1927 г.), на котором он был избран членом Центральной контрольной комиссии (ЦКК).

В ведомстве Шеболдаева первым кандидатом на номенклатурный рост значился В.М. Путнин. Однако для дальнейшего изучения его личности необходимо было пройти процедуру «московских смотрин». В августе Путнин был зачислен слушателем курсов Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б). Учеба, или «смотрины», продолжалась до мая 1929 г.[1]

За годы учебы Путнина на курсах завершился переход относительно либерального нэпа к жесткому курсу начавшегося «Великого перелома», когда пятидесятилетний Сталин окончательно победил своих оппонентов внутри партии и прочно утвердил свое лидерство в партии и государстве. На фоне утверждения единоличной власти Сталина и кадровой революции происходила индустриализация и насильственная коллективизация.

В этот период также происходило переформатирование административной карты страны, в том числе в Нижневолжском регионе, откуда Путнин был отправлен на курсы. Какую же должность подбирал для него орграспредотдел ЦК?

Новый политический курс в важном в сельскохозяйственном отношении Нижневолжском регионе поручалось осуществлять Б.П. Шеболдаеву. В мае 1928 г. он направляется в Саратов в качестве председателя Временного организационного бюро ЦК ВКП(б), создаваемой новой административной единицы на Нижней Волге. «Временной власти» во главе с Шеболдаевым предстояло в кратчайший срок завершить административное устройство Нижне-Волжской области (НВО), образованной 21 мая 1928 г., и сформировать партийно-советские органы управления. С учетом его прежней работы, можно предположить, что основной номенклатурный банк данных уже имелся.

В постановлении ВЦИК от 21 мая НВО образовывалась из Астраханской, Саратовской, Сталинградской губерний, Калмыцкой АО и части Самарской губернии. Но уже через неделю (28 мая) в состав НВО была включена и АССР немцев Поволжья (АССР НП), а 11 июня постановлением ВЦИК область была преобразована в Нижне-Волжский край (НВК), состоявший из 8 округов, АССР НП и Калмыцкой АО.Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. округа были упразднены на всей территории СССР, и в соответствии с новым административным делением НВК стал делиться на 76 районов. Первые пять лет центр края находился в Саратове, а с 1932 по 1934 г. – в Сталинграде[2].

[1] Путнин Владимир Маркович (Putniņš Voldemārs) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/PPP/10108.asp (дата обращения: 12.01.2025); Семейный архив Ф.В. Путнина.

[2] 10 января 1934 г. НВК был разделен на Саратовский и Сталинградский края. См.: Нижне-Волжская область – Нижне-Волжский край. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/00311.asp; Нижне-Волжский край. ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС. РЕЖИМ ДОСТУПА: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/00311.asp; Шеболдаев Б.П. Саратов. Туристический портал. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.sarrest.ru/cultura/pers/13/pnl03.html (дата обращения: 12.07.2025 г.).

Одновременно в новом крае создавалась властная вертикаль. В сентябре 1928 г. Временное оргбюро ЦК ВКП(б) выполнило свою функцию. Постановлением 1-й Нижне-Волжской краевой конференции ВКП(б), работавшей в начале сентября 1928 г. 1-м секретарем был «избран» Б.П. Шеболдаев.

Вторым секретарем (после введения этой должности в 1930 г.) был назначен соотечественник Путнина Симон Викснин (1889–1968), до этого работавший председателем РКИ и краевой контрольной комиссии ВКП(б) в г. Саратове [ЦДНИВО 2006]. Обязанности председателя Нижне-Волжского крайисполкома исполнял Михаил Иванович Хлоплянкин (1892–1938). ОГПУ НВК возглавлял Николай Дмитриевич Каширин (1888–1938), который в период пребывания Шеболдаева в Ростове-на-Дону будет командовать СКВО. Краевой СНХ возглавлял П.А. Залуцкий, бывший секретарь Петроградского (Ленинградского) губкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), активный деятель т.н. «новой» и «объединенной» оппозиции, на XV съезде в декабре 1927 г. исключенный из партии, но в июне 1928 г. восстановленный в ВКП(б) после признания «своих ошибок» и сразу же назначенный председателем Нижне-Волжского краевого СНХ.

Ну а где же в этом списке В.М. Путнин? Ему нашлось очень важное и ответственное место в период товарного дефицита, который не должна была заметить краевая номенклатура. В июне 1929 г. Путнин назначен заведующим отделом советской торговли НВК.

С таким составом высшей краевой власти Шеболдаев и его соратники начинают претворять в жизнь планы, определенные в директивах первой пятилетки (1928/29–1932/33). Прибыв в край, Шеболдаев в одном из номеров газеты «Поволжской правды» определил следующую главную политическую задачу в 1930 г.: «Это вопрос о наступлении на капиталистические элементы в деревне, вопрос организации масс в борьбе за социализм»[1].

Все публикации по истории региона отмечают, что команда Шеболдаева активно и бескомпромиссно проводила линию партии в огромном крае. Начавшееся уничтожение крестьянства как класса в результате насильственной коллективизации, обнищание большей части населения, в первую очередь сельского, репрессии в отношении непокорных сельчан, духовенства представляют собой одну сторону медали. Но другой ее стороной являлись новые кварталы городов, возведенные и пущенные в строй промышленные гиганты, в числе которых знаменитый Сталинградский тракторный завод – «первенец социалистической индустрии». По всему краю строились десятки крупных заводов, электростанции, железнодорожные магистрали и т.д.

Руководство СССР хотело видеть такие же методы и результаты работы в еще более обширном регионе страны – Северо-Кавказском крае, к тому же самом сложном в РСФСР в социальном и этноконфессиональном отношении.

Борису Петровичу в январе 1931 г. предстояло срочно прибыть на Северный Кавказ и «спасти первую пятилетку» любой ценой: подавить антиколхозное движение части казачества и горцев, обеспечить бесперебойные заготовки хлеба и в

[1]Шеболдаев Борис Петрович. Саратов. Туристический портал. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.sarrest.ru/cultura/pers/13/pnl03.html. (дата обращения: 19.07.2025 г.).

целом завершить в северокавказском разрезе ту политику, которую он начинал в НВК, и сделать все намного эффективнее, чем это получилось у его предшественника – А.А. Андреева.

Как воспринял назначение в СКК Б.П. Шеболдаев: как повышение или как опасное назначение? И как то, и как другое. Не успел обустроиться в Саратове, как произошло перемещение в опасный, конфликтогенный регион. Возможно, представляется нам, он надеялся после Нижнего Поволжья получить назначение в Москву. Тем более что, будучи делегатом XVI партсъезда (26 июня – 13 июля 1930 г.), он стал членом ЦК ВКП(б) и практически вошел в высшую партийную номенклатуру. В свои 37–38 лет Шеболдаев уже не хотел исполнять роль «регионала». Многие из его ровесников (особенно те, кто не запятнал себя во всевозможных лево-правых блоках) уже получили места в Москве. Но «воины партии» не имели право выбирать. Оставалось «закусить удила» и, пройдя еще одно испытание в должности руководителя региона, одного из крупнейших в СССР, большего, чем территория Великобритании, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга вместе взятых, с населением более 10 млн. человек, надеяться на вхождение в состав высшего советского ареопага и быть рядом с Вождем.

В СКК потомок запорожского гетмана добился назначения на руководящие должности самых надежных своих работников и в первую очередь В.М. Путнина: в феврале 1931 г. он занял уже привычную для себя должность заведующего краевым отделом снабжения; с февраля по ноябрь следующего года он исполнял обязанности первого секретаря Ростовского горкома. Нам неизвестно, какие имелись договоренности между Шеболдаевым и Путниным при назначении последнего на почетный пост главы столицы СКК, однако с ноября 1932 г. он получил гораздо более «солидную» должность секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по снабжению[1].

Руководство СКК действовало в полном соответствии с определенным сталинским курсом. Оно несло всю ответственность за негативные явления, апогеем которых стали насильственная коллективизация, раскрестьянивание и, как следствие, массовый голод 1932–1933 гг., охвативший самые богатые южные регионы РСФСР и Украины. Все достижения, наоборот, например, в области грандиозной индустриализации и культурной революции, приписывались сталинскому руководству и в меньшей степени краевому руководству. Ответственность за массовый голод и гибель миллионов людей Центр должен был переложить на краевое руководство, так же, как и в других регионах Союза.

На этом фоне происходило дальнейшее изменение в административной структуре РСФСР. Постановлением ВЦИК от 10 января 1934 г. территория СКК была поделена на Азово-Черноморский край (АЧК) с центром в г. Ростове-на-Дону и СКК в новом формате с центром в г. Пятигорске. В состав АЧК входили районы Дона, Кубани, Адыгейской АО и Северо-Донского округа. Территория края составляла 180 тыс. кв. км с населением около 6 млн. человек [Акопян 2010].

[1] Путнин Владимир Маркович (Putniņš Voldemārs) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/PPP/10108.asp (дата обращения: 12.01.2025 г.).

После расформирования большого региона его руководитель, т.е. Шеболдаев, если у него все успешно было с прохождением номенклатурной лестницы, должен был, как минимум, занять важную должность в Москве или в худшем случае – возглавить более крупный регион. Микоян в свои 30 лет, а Андреев в 35 лет сменили кресло «наместников» в СКК на престижные московские должности. Шеболдаев готовился отметить 40-летие. В настоящее время это политическая молодость, а в тот постреволюционный период возраст последней волны т.н. «ленинской гвардии». Однако Шеболдаев назначается на руководство половинкой бывшего СКК – АЧК, хотя и более развитой в промышленном и сельскохозяйственном отношении с абсолютным большинством русского населения.

Понимал ли Шеболдаев, что никакого политического будущего у него уже не было? Наш ответ – однозначно да! Он даже не смог сформировать самостоятельно команду для управления АЧК. Опекавшегося им В.М. Путнина после этого разделения «отделили» от Шеболдаева, назначив в январе 1934 г. на должность второго секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), что с оговорками можно было рассматривать как некоторое продвижение по номенклатурной лестнице.

Оставшаяся часть со старым названием от переформатированного Северо-Кавказского края включала национальные автономии и территории русских районов, соответствующих нынешнему Ставропольскому краю, с центром в городе-курорте Пятигорске. Первую ступеньку в руководстве СКК занимал сталинский выдвиженец Е.Г. Евдокимов, что, тем не менее, не спасло и его от репрессий [Акопян 2022: 167–184]. Должность второго секретаря крайкома Владимир Маркович занимал до августа 1935 года. Близкие отношения с Шеболдаевым у него не прерывались. Но его политическое будущее не могло не зависеть от отношения к Шеболдаеву Сталина.

В рассматриваемый период близкие отношения Путнина с Шеболдаевым не прерывались. Это подтверждает и внучка Путнина. Но его политическое будущее не могло не зависеть от отношения к Шеболдаеву Сталина.

Между тем потомок запорожского гетмана в период работы XVII съезда ВКП(б) оказался одним из инициаторов попытки сместить Сталина с поста генсека и тем самым претворить в жизнь «ленинское завещание», изложенное в т.н. «Письме к съезду» от 22 декабря 1922 г. Этот партийный форум, работавший с 26 января по 10 февраля, официально получил название «Съезд победителей», а неофициально «Съезд расстрелянных», так как из 1966 делегатов этого съезда с решающим и совещательным голосом впоследствии было осуждено «за контрреволюционную деятельность» более половины – 1108 человек. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на XVII съезде, 70% были арестованы и расстреляны в 1937–1938 гг. как «враги народа».

Разные источники свидетельствуют, что во время работы съезда к Кирову от имени «старых большевиков» обратился Б.П. Шеболдаев. Н.С. Хрущев пишет: «...Шеболдаев, старый большевик с дореволюционным стажем, во время работы XVII съезда партии пришел к товарищу Кирову и сказал ему: “Мироныч (так называли Кирова близкие люди), старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реализовать его, то есть передвинуть Сталина,

как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо бы выдвинуть тебя на пост Генерального секретаря Центрального Комитета партии”» [Хрущёв 1999].

Имеются свидетельства, что Киров отказался и немедленно сообщил об этом Сталину. А.И. Микоян, со слов О. Шатуновской, А. Снегова и Н. Андреасяна, сообщал, что на съезде против Кирова было подано 3 голоса, а против Сталина – около 300 [Залесский 2000].

Сталин не показал членам ЦК и Политбюро, что знает об их недовольстве, но пост генсека исчез из официальных документов. Теперь он опирался не на формальный статус, а на культ своей личности.

Казалось бы, дни Шеболдаева были сочтены. Тем более что убийство Кирова стало поводом к новой волне репрессий.

Однако Сталин не спешил с его уничтожением сразу. Устранение Шеболдаева могло бы подтвердить ходившие слухи о несостоявшемся «заговоре» на съезде. К тому же опытный руководитель региона нужен был для решения неотложных задач, в том числе превратить колхозы в крепкие коллективные хозяйства, способные без открытого насилия давать хлеб.

Кроме того, в крае осуществлялась программа повторной (после микояновской) реабилитации казачества [Скорик 2008], превращения его в опору «нового самодержавия», что было особенно актуально в условии назревавшей войны и опасности сепаратизма на Кавказе. Эту кампанию, символично, должен был осуществить потомок гетмана Павла Полуботько.

В соседнем крае второй секретарь находился под полным контролем Евдокимова, в 1920-е гг. руководившего органами ОГПУ Северного Кавказа. Путнин в качестве второго секретаря входил во все руководящие краевые органы партии, выполнял значительную часть текущих вопросов, касавшихся жизнедеятельности и развития края и краевого центра, нередко заменяя первого секретаря, в том числе на заседаниях крайкома. В протоколах партийных конференций, заседаниях бюро и секретариата неизменно встречаем его фамилию. В краевой прессе Путнин предпочитал не афишировать себя и благоразумно (с точки зрения самосохранения) оставался в тени амбициозного Евдокимова, который так же, впрочем, как и многие другие представители региональной элиты, находился на прицеле у властей.

В августе 1935 г. Владимир Маркович был назначен (мы осознанно не употребляем термин «избран») на должность 2-го секретаря Курского обкома ВКП(б)[1]. Курская область была образована в июне 1934 г. после разделения Центрально-Черноземной области на две области: Воронежскую и Курскую. В последней находились 3 города областного подчинения: Курск, Орёл и Белгород. Для новых областей срочно требовалось сформировать руководящий состав. Поэтому ничего удивительного в таком перемещении Путнина не было. Казалось бы, это назначение не повлияло на общий его статус, если не считать, что область

[1] Путнин Владимир Маркович (Putniņš Voldemārs) // Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.knowbysight.info/PPP/10108.asp (дата обращения: 12.01.2025 г.).

по территории почти в два раза была меньше СКК (в сентябре 1937 г. она еще уменьшилась после выделения Орловской области). Однако, в отличие от очень сложного в этноконфессиональном (и неофициально – сословном, учитывая терских казаков) отношении, Курская область имела более однородный социальный и национальный состав населения: русские и частично украинцы. К тому же близость столицы (ок. 500 км) позволяла надеяться на скорое продвижение. Важно, что Курск и Ростов-на-Дону разделяло очень большое расстояние, и Путнина можно было не связывать с Шеболдаевым, находившимся первым в «черном списке» Сталина.

Вопросы могли возникнуть в связи номенклатурным «продвижением» предшественника Путнина в Курске Абрама Борисовича Ушеренко (1899–1938). Трудно определить являлось его назначение в июле 1935 г. 1-м секретарем Астраханского горкома ВКП(б) понижением или повышением. Вероятно, этот пост был неопределенной «серединкой», могущей стать площадкой для дальнейшего повышения или понижения. Первым секретарем Курского обкома с 10 января 1934 г. стал Иван Ульянович Иванов (1892–1937), до этого занимавший пост 2-го секретаря Центрально-Чернозёмного обкома ВКП(б), в несколько раз превышавшего Курскую область. Вскоре после назначения в апреле 1937 г. вначале 2-м секретарем крайкома в АЧК, а затем и председателем крайисполкома он был арестован и расстрелян. Все названные партийные деятели являлись делегатами XVII съезда ВКП(б).

Но не все же делегаты «расстрельного» съезда были репрессированы. Возможно, Путнин надеялся на то, что сможет успешно пройти по «тонкому льду» периода кадровой революции.

Между тем в 1936 г. всю ответственность за трагические последствия в политике коллективизации в Азово-Черноморском крае Центр решил возложить на Шеболдаева и его окружение, а заодно и избавиться от инициатора отстранения Сталина от власти. К нему стали поступать анонимные звонки с предложением помочь в получении золота гетмана Полуботько, якобы хранящееся в банках Лондона [Жирнов 2000: 52–55]. А затем поводом для его критики стали письма Михаила Шолохова Сталину, где писатель подверг уничижительной критике политику Шеболдаева в колхозном строительстве на Дону.

В декабре 1936 г. Шеболдаев был вызван в Москву на заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где его подвергли критике за проникновение вредителей в партаппарат АЧК, недостаточную бдительность, нарушение «ленинских норм», развал работы по «чистке» партии. 2 января 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома тов. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». Прибывший в Ростов секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев на VII пленуме крайкома 6 января 1937 г. объявил присутствующим о снятии Шеболдаева с должности и назначении на эту должность Е.Г. Евдокимова [Кислицин 2022: 46–64]. Шеболдаева 10 января отправили в Курскую область на должность 1-го

секретаря обкома, которую до него занимал М.Д. Прусаков, расстрелянный 7 июня 1937 г.[1].

Таким образом, Шеболдаев и Путнин на полгода оказались вновь рядом. Но близкие отношения с прежним «патроном» не сулили ничего хорошего для Владимира Марковича.

Небольшая надежда на политическое и физическое выживание появилась после ареста Шеболдаева 10 июня 1937 г. и назначения Путнина 14 июня на должность 1-го секретаря Мордовского обкома ВКП(б). Если не считать, что это была небольшая по территории автономия, насыщенная исправительно-трудовыми лагерями, новая должность В.М. Путнина не могла считаться однозначно понижением. Но при этом не забудем, что в прошлом Путнин занимал более высокие должности: ответсекретаря Пензенского губкома РКП(б) и Сталинградского губкома.

Близкие по происхождению финно-угорские этнические группы, составлявшие мордовское население, проживали на территории Нижегородской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и ряда других губерний. Во второй половине 1920-х гг. на указанных территориях происходил процесс образования мордовских волостей, которые в 1928 г. были объединены в Мордовский округ Средне-Волжской области (края), в 1930 г. преобразованного в Мордовскую АО, в 1934 г. – в АССР (МАССР) со столицей в г. Саранске. Титульное население автономии уступало по численности русскому населению.

В.М. Путнин прибыл в МАССР через несколько месяцев после того, как республика была выделена из Средне-Волжского края с прямым подчинением РСФСР. Его ввели в состав особой тройки, созданной по приказу НКВД СССР от 30 июня 1937 г. для осуществления внесудебных репрессий. Это обстоятельство должно было внушить Путнину, что он в полной мере стал частью команды «новой элиты», в которой состояли только «свои». Однако «своим» 41-летний Путнин оставался до июля 1937 г., когда он был арестован. В июне следующего года он был приговорен к ВМН и 19 июня 1938 г. расстрелян в Ростове-на-Дону.

В качестве своеобразного послесловия к политической биографии В.М. Путнина приведем некоторые сведения из его личной жизни, полученные от внучки Галины Феликсовны. Она сообщает, что в Курске супруга Владимира Марковича Евгения Артемьевна Евтихова, окончившая Ростовский финансово-экономический институт, работала руководителем сектора райпланирования Курского облплана и на момент ареста 22 июля 1937 г. в Саранске числилась сотрудником Курского облплана. Не избежав ареста, она отправилась по этапу в Бутырскую тюрьму. Через 13 месяцев заключения ее выслали по этапу в Темниковский лагерь в Мордовской АССР. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 14 августа 1938 г. она осуждена на 8 лет ИТЛ как член семьи

[1] Прусаков Михаил Дмитриевич. Книга памяти Республики Мордовия. Т. 1. // Электронный ресурс. Режим доступа: https://base.memo.ru/person/show/464945 (дата обращения: 15.06.2025 г.).

изменника родины. В 1956 г. В.М. Путнин и Евгения Артемьевна были реабилитированы[1].

Из письма внучки В.М. Путнина мы узнаем, что в 1921 г. в Пензе у Владимира Марковича и Евгении Артемьевны родилась дочь Галина. Сообщается, что Галина Владимировна обучалась в Пятигорском институте. К сожалению, не сообщается, в каких годах, в каком институте она обучалась, какую специальность получила. В 2009 г. Галина Владимировна скончалась в Австралии. Детей у нее не было.

В 1930 г. в Саратове у Владимира и Евгении родился сын, названный по имени дедушки. Феликс Владимирович Путнин (1930–1995) в 7 лет остался без попечения родителей и с 1937 по 1945 г. находился в Сталинграде. После службы на Черноморском флоте обучался в Симферопольском педагогическом институте, который окончил в 1958 г. В 1971 г. Феликс Владимирович защитил в Москве диссертацию по теме «Роман С.Н. Сергеева-Ценского «Искать, всегда искать!»: идейно-художественное своеобразие и творческая история» и получил степень кандидата филологических наук. Многие годы работал доцентом Симферопольского пединститута[2]. Благодаря его стараниям был собран значительный семейный архив, некоторые сведения из которого были использованы в настоящей статье. Мы выражаем особую благодарность Галине Феликсовне Путниной за многочисленные фотографии, которые она прислала одному из авторов этой статьи. Это обязывает нас продолжить работу над биографией Владимира Марковича Путнина, Бориса Петровича Шеболдаева, которые руководили Северо-Кавказским краем в 1924–1937 гг.

Заключение

В заключение отметим, что В.М. Путнин был человеком своей эпохи, и, несмотря на полную включенность (воздержимся от термина «винтика») в систему большевистской номенклатуры «среднего» звена, он не мог не работать в унисон с функционированием всей партийно-государственной номенклатуры. В предвоенные десятилетия негативное и позитивное в жизни страны настолько переплелись, что трудно вынести однозначную оценку деятельности общественно-политическим деятелям разного уровня, в том числе и Владимира Марковича. Но совершенно недопустимо игнорирование персонального вклада того или иного деятеля, в нашем случае В.М. Путнина, в развитие страны. Иначе история будет выглядеть безликой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян 2010 – *Акопян В.З.* Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Монография. – Ростов-н/Д: РГУПС, 2010. – 170 с.

Акопян, Широкова 2013 – *Акопян В.З., Широкова Е.С.* Борис Петрович Шеболдаев. Начальный этап политической биографии // Университетские чтения – 2013. 10–11 января 2013. –Пятигорск, 2013. – С. 108–113.

[1] Вызывает сожаление, что в коротких биографиях В.М. Путнина, размещенных в ресурсах Интернета не упоминаются сам факт его реабилитации в 1956 г., так же как и его супруги (о которой вообще не сообщается, в т.ч. в «Справочнике по истории КПСС»).

[2] Семейный архив Ф.В. Путнина.

Акопян 2022 – *Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П.* Столица Северной Осетии, не ставшая центром Северо-Кавказского края // Электронный журнал«Кавказология». – 2022. № 4. – С. 167–184.DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-167-184. – EDN: IBLFKK.

Венден 1980 – *Венден* // Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (пред.) и др. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – С. 209.

Восленский 1991 – *Восленский М.* Номенклатура. ГосподствующийклассСоветскогоСоюза. – М.: «Советская Россия», МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

Екабсон 2006 – *Екабсон Э.* Латыши в Российской армии во время Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004 года / [отв. ред. В. П. Козлов]. – М.: Наука, 2006. – С. 221–225.

Елисеев 2007 – *Елисеев А.* Кошмар победителей овации и интриги // Завтра. – № 51. – 2007. 19 дек.

Жирнов 2000 – *Жирнов Е.П.* Золотой бочонок-2 // Журнал «Коммерсантъ Власть. – №37. 2000. – С. 52–55.

Залесский 2000 – *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. – М.: Вече, 2000. – 608 с.

Кислицин 2022 – *Кислицын С.А.* Б.П. Шеболдаев – большевистский революционер, региональный лидер, участник партийной фронды 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т. 14. – № 3–4. – С. 46–64. DOI: 10.17748/2219-6048-2022-14-3-4-46-64.

Леушин 2003 – *Леушин М.А.* «Я не добивался и не добиваюсь переименования Царицына в Сталинград» (Из личного архива И. В. Сталина) // Источник. – 2003. – № 3. – С. 54–55.

Нефедов 1982 – *Нефедов Н.А.* Красные латышские стрелки // Журнал «Вече». – № 4–6.– 1982. Электронный ресурс. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20121016071644/http://www.russia-talk.com/latyshi.htm#71 (дата обращения: 24.03.2026 г.).

Павлова 1993 – *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. –Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993.–230 с.

Постановление1925 – *Постановление* Президиума ЦИК «О переименовании г. Царицына в г. Сталинград, Царицынской губ. в Сталинградскую, Царицынского уезда в Сталинградский, Царицынской волости в Сталинградскую и ж. д. станции Царицын в Сталинград». 10 апреля 1925 г. // Известия ЦИК Союза ССР от 16 апреля 1925 г. – № 87. – С. 313.

Семейный архив Путнина – *Семейный архив Путнина* Феликса Владимировича

Скорик2008 – *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е гг: очерки истории / отв. ред. В.А. Бондарев. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 343 с.

Хрущёв 1999 – *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4 кн. – М.: ИИК «Московские Новости», 1999. – Кн. 1. – 846 с.

ЦДНИВО 2006 – *Центр документации* новейшей истории Волгоградской области. Путеводитель. – Волгоград, 2006. – 328 с. URL: https://volgaarh.ru/var/fck/file/cdnivo_guide.pdf

REFERENCES

AKOPYAN V.Z. *Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ehkonomika i kul'tura. 1920–1940 gg.* [North Caucasus: state building, economy and culture. 1920–1940]. – Rostov-on-Don: RGUPS, 2010. – 170 p. (In Russ.).

AKOPYAN V.Z., SHIROKOVA E.S. *Boris Petrovich Sheboldaev. Nachal'nyj ehtap politicheskoj biografii* [Boris Petrovich Sheboldaev. The initial stage of political biography]. IN: Universitetskie chteniya – 2013. January 10-11, 2013. Pyatigorsk, 2013. P. 108–113 (In Russ.).

AKOPYAN V.Z., AKOPYAN Z.V., ERMAKOV V.P. *Stolica Severnoj Osetii, ne stavshaya centrom Severo-Kavkazskogo kraya* [The capital of North Ossetia, which did not become the center

of the North Caucasus region]. IN: The electronic journal «Kavkazologiya». – 2022. – № 4. – P. 167–184 (In Russ.).

Venden. IN: Soviet Encyclopedia / Scientific and editorial Board: A.M. Prokhorov and others. Moscow: «Soviet Encyclopedia», 1980. P. 209 (In Russ.).

VOSLENSKIJ M. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. – Moscow: «Sovetskaya Rossiya», MP «October», 1991. – 624 p. (In Russ.).

EKABSON E. *Latyshi v Rossijskoj armii vo vremya Pervoj mirovoj vojny* [Latvians in the Russian Army during the First World War]. IN: Poslednyaya vojna Rossijskoj imperii: Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoj mirovoj vojny po dokumentam rossijskikh i zarubezhnykh arkhivov. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [The Last War of the Russian Empire: Russia, the world on the eve, during and after the First World War according to documents from Russian and foreign archives. Materials of the International Scientific Conference]. Moscow: Nauka, 2006. P. 221–225 (In Russ.).

ELISEEV A. *Koshmar pobeditelej ovacii i intrigi* [The nightmare of the winners of ovation and intrigue]. IN: Zavtra. № 51 (735). 2007. December 19 (In Russ.).

ZHIRNOV E.P. *Zolotoj bochonok-2* [Golden barrel-2]. IN: Zhurnal «Kommersant Vlast». No 37. 2000. P. 52–55 (In Russ.).

ZALESSKIJ K.A. *Imperiya Stalina. Biograficheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Stalin's Empire. Biographical encyclopedic dictionary]. Moscow: Veche, 2000. 608 p. (In Russ.).

KISLICYN S.A. B.P. *Sheboldaev – bol'shevistskij revolyucioner, regional'nyj lider, uchastnik partijnoj frondy 1930-kh godov* [Sheboldaev – Bolshevik revolutionary, regional leader, participant in the party fronde of the 1930s]. IN: Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and socio-educational thought]. 2022. T. 14. № 3–4. P. 46–64 (In Russ.).

LEUSHIN M.A. *«YA ne dobivalsya i ne dobivayus' pereimenovaniya Caricyna v StalingraD» (Iz lichnogo arkhiva I. V. Stalina)* [«I did not seek and am not seeking the renaming of Tsaritsyn to Stalingrad» (From the personal archive of I. V. Stalin)]. IN: Istochnik. 2003. No 3. P. 54–55 (In Russ.).

NEFEDOV N.A. *Krasnye latyshskie strelki* [Red Latvian Riflemen]. IN: «Veche» Magazine. No 4–6, 1982. URL: https://web.archive.org/web/20121016071644/http://www.russia-talk.com/latyshi.htm#71(In Russ.).

PAVLOVA I.V. *Stalinizm: stanovlenie mexanizma vlasti* [Stalinism: The Establishment of a Mehanism of Pover]. Novosibirsk: Novosibirskij xronograf, 1993. 230 p.

Postanovlenie CIK «O pereimenovanii g. Caricyna v g. Stalingrad, Caricynskoj gub. v Stalingradskuyu, Caricynskogo uezda v Stalingradskij, Caricynskoj volosti v Stalingradskuyu i zh. d. stancii Caricyn v Stalingrad». April 10, 1925 [Resolution jf the Central Executive Committee On renaming the city of Tsaritsyn to the city of Stalingrad, the Tsaritsyn province to Stalingrad, the Tsaritsyn district to Stalingrad, the Tsaritsyn volost to Stalingrad]. IN: Izvestiya CIK Soyuza SSR. April 16, 1925. No 87. P. 313. (In Russ.).

SKORIK A.P. *Mnogolikost' kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: ocherki istorii* [The diversity of the Cossacks of Southern Russia in the 1930s: essays on History] / ed. by V.A. Bondarev. Bondarev. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNC VSH YUFU, 2008. 343 p. (In Russ.).

KHRUSHCHYOV N.S. *Vremya. Lyudi. Vlast': Vospominaniya*: V 4 kn. [Time. People. Power: Memoirs: In 4 books]. Moscow: IIK «Moskovskie NovostI», 1999. Book 1. 846 p. URL: https://militera.lib.ru/memo/russian/khruschev1/index.html (In Russ.).

Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti (CDNIVO). Putevoditel' [The Center for Documentation of the modern history of the Volgograd region (CDNIVO). A travel guide]. Volgograd, 2006. 328 s. URL: https://volgaarh.ru/var/fck/file/cdnivo_guide.pdf (In Russ.).

Информация об авторах

В.З. Акопян – кандидат исторических наук.

В.П. Ермаков – кандидат исторических наук.

З.В. Акопян – кандидат исторических наук.

Information about the authors
V.Z. Akopyan – Candidate of Science (History).
V.P. Ermakov – Candidate of Science (History).
Z.V. Akopyan – Candidate of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470.6)"1941/1945"
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-172-198
EDN: GKAEIC

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ В КОНТЕКСТЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

Башир Билялович Хубиев[1], **Муслим Султанович Тамазов**[2], **Зарема Алихановна Атабиева**[3], **Залина Владимировна Шоранова**[4]

[1,2,3,4] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[1] ktiisr@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5801-7249
[2] muslimt@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7554-3382
[3] atab_zara@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2019-1946
[4] ktiisr@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторы раскрывают проблематику сохранения и увековечения памяти о Великой Отечественной войне как основном факторе воспитания патриотизма и сохранения преемственности поколений. Отмечается, что для этого в памяти всех поколений россиян должен сохраняться высокий статус Великой Отечественной войны как главной исторической ценности российского общества. В этих целях необходимо стремиться обеспечивать связь и преемственность прошлого, настоящего и будущего. Важное место в статье отводится анализу противоречивости предвоенного состояния Европейского континента, стратегии и тактики государств накануне войн, развенчивается попытка обвинить Советский Союз в развязывании Второй мировой и Великой Отечественной войн. Акцент делается на сущностном содержании и противоречивости советско-германского договора, когда, с одной стороны, желание Германии сблизиться с Советским Союзом в целях реализации завоевательной стратегии территории Запада, а затем двинуться на Советский Союз, с другой же, советское руководство решилось на сближение с Германией в целях получить определенный промежуток времени для подготовки к предстоящему нападению, в чем была уверенность у руководства страны. В статье использованы актуальные концептуальные подходы для освещения цели выбора Кавказа фашистами в качестве одного из основных объектов завоевания. Использованы новые материалы, в которых раскрываются героизм и отвага солдат, офицеров и гражданского населения в период защиты Нальчика и Республики.

Ключевые слова: память; патриотизм; историческая правда; самосознание; преемственность; идентичность; система безопасности; русофобия; второй фронт; мобилизация; Нюрнбергский процесс; геноцид

Для цитирования: Хубиев Б.Б., Тамазов М.С., Атабиева З.А., Шоранова З.В. Историческая память о Великой Победе в контексте битвы за Кавказ // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 172-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-172-198. EDN: GKAEIC.

© Хубиев Б.Б., Тамазов М.С., Атабиева З.А., Шоранова З.В., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT VICTORY IN THE CONTEXT OF THE BATTLE FOR THE CAUCASUS

Bashir B. Khubiev[1], **Muslim S. Tamazov**[2], **Zarema A. Atabieva**[3], **Zalina V. Shoranova**[4]

[1,2,3,4] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] ktiisr@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5801-7249

[2] muslimt@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7554-3382

[3] atab_zara@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2019-1946

[4] ktiisr@mail.ru

Abstract. In this article, the authors examine the problem of preserving and perpetuating the memory of the Great Patriotic War as a fundamental factor in fostering patriotism and maintaining the continuity of generations. It is emphasized that, to this end, the high status of the Great Patriotic War as a principal historical value of Russian society must be retained in the memory of all generations of Russians. Accordingly, it is necessary to ensure the connection and continuity of the past, the present, and the future. Considerable attention is devoted to analysing the contradictory state of the European continent in the pre-war period, as well as the strategies and tactics pursued by states on the eve of the war; the attempts to blame the Soviet Union for unleashing the Second World War and the Great Patriotic War are refuted. Particular emphasis is placed on the essential content and inherent contradictions of the Soviet–German treaty: on the one hand, Germany sought rapprochement with the Soviet Union in order to implement its strategy of conquest in the West and subsequently advance against the USSR; on the other hand, the Soviet leadership agreed to rapprochement with Germany with the aim of gaining a certain period of time to prepare for the impending attack, of which the country's leadership was convinced. The article employs current conceptual approaches to elucidate the reasons behind the fascists' choice of the Caucasus as one of the principal objects of conquest. New materials are drawn upon, revealing the heroism and courage displayed by soldiers, officers, and the civilian population during the defence of Nalchik and the Republic.

Keywords: memory; patriotism; historical truth; self-consciousness; continuity; identity; security system; Russophobia; second front; mobilisation; Nuremberg trials; genocide

For citation: Khubiev B.B., Tamazov M.S., Tabieva Z.A., Shoranova Z.V. Historical memory of the Great Victory in the context of the battle for the Caucasus. In: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 172-198. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-172-198. EDN: GKAEIC.

© Khubiev B.B., Tamazov M.S., Tabieva Z.A., Shoranova Z.V., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Историческое кавказоведение всегда придавало особое значение освещению одного из самых значимых событий в мировой истории – Великой Отечественной войны и победы Советского Союза в этой войне. Обобщение проявленного героизма советского солдата, гражданского населения в оккупированных территориях страны, в том числе в ходе битвы за Кавказ, организаторской деятельности как военных, так и органов власти имеет большое научное и практическое значение.

По проблеме героической битвы за Кавказ в период немецко-фашистского нашествия на территорию Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа издан ряд весьма ценных научных работ как в советский период, так и в постсоветский.

Прежде всего необходимо выделить фундаментальное издание «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Издание представляет собой сборник документов и материалов партийного и центрального архивов КБАССР, приуроченное к 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией. Профиль и многообразие документальных источников позволили исследователям, проявившим интерес к этому периоду отечественной истории, достаточно объективно раскрыть мужество и стойкость народов Кабардино-Балкарии в боях за Родину, энтузиазм трудового населения во имя победы над врагом, героизм партизанских отрядов [Кабардино-Балкария… 1941–1945].

Для решаемой научной темы большую ценность представляет третий том фундаментального 12-томного труда о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Основное внимание уделено решающим битвам и сражениям в ходе войны, в том числе в битве за Кавказ [Великая Отечественная война 1941–1945 годов].

В 1980 г., к 35-летию победы над фашизмом, вышла четвертая книга из серии «Боевая слава Кабардино-Балкарии», которая содержит ценные сведения об исторической битве за Кавказ, развернувшейся на пространстве от Дона до перевалов Главного Кавказского хребта. На фактических материалах освещается проявленный героизм советских войск, сорвавших планы фашистского командования по захвату Кавказа. В книге также очерки об участниках Великой Отечественной войны, проявивших подлинный героизм на всех фронтах Великой Отечественной войны [Боевая слава… 1980].

В научных изданиях Х.М. Ибрагимбейли особое место занимают военно-политические события, связанные с битвой за Кавказ. В книге «Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток» исследованы этапы битвы за Кавказ, и в целом разгром и крах гитлеровского плана по захвату Кавказа под названием «Эдельвейс» [Ибрагимбейли 1977]. В другой работе «Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе» Х.М. Ибрагимбейли отмечает огромную помощь действующим советским войскам партизанских отрядов, сформированных из отважных горцев, хорошо знавших горные перевалы и тропинки [Ибрагимбейли 1981].

В работе А.И. Тетуева «Кабардино-Балкария в период битвы за Кавказ (июль 1942 – январь 1943 гг.)» исследована деятельность органов военного, государственного и партийного руководства в Кабардино-Балкарии в условиях надвигающегося фронта, акцент сделан на анализ новых источников по организации эвакуации населения, деятельности партизанского движения в республике [Тетуев 2019].

Представляет интерес для освещения предложенной темы работа М.Х. Гуговой «Кабардино-Балкария накануне и в начальный период Великой Отечественной войны». В частности, автор акцент делает на масштабах военной мобилизации гражданского населения на строительство оборонительных сооружений [Гугова 2018].

В сборнике научных статей «Народный подвиг в битве за Кавказ» отмечается, что сражения на Кавказе, естественно, не проходили изолированно от других фронтовых сражений. Например, как отмечается в данном издании, непосредственное влияние на ход военных действий на Кавказе оказали события под Сталинградом, военные сражения на Кавказе благоприятствовали обороне Сталинграда. В целом в этом сборнике нашли отражение важные аспекты боевых действий на Кавказе [Народный подвиг 1981].

Наиболее ценными, с точки зрения учета проявленного героизма советских солдат в оборонительных боях и освобождении Кавказа в целом, историческими сведениями об активных участниках военных сражений против гитлеровских захватчиков на земле нашего края являются труды О.Л. Опрышко, который вошел в историческую науку, по мнению А.Х. Абазова, «по праву являясь легендой современного кавказоведения, источниковедения, внесшим огромный вклад в формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне» [Абазов 2025: 2]. В статье нами использованы труды О.Л. Опрышко «Выстоять и победить. Документальное повествование» [Опрышко 1988].

Кроме того, в ходе подготовки данной статьи библиотеке КБГУ преподнесли от издательства М. и В. Котляровых новую книгу О.Л. Опрышко [Территория мужества 2025]. Книга, уже вошедшая в научный оборот, представляет собой уникальное издание, своего рода энциклопедию о злодеяниях фашистов на земле Кабардино-Балкарии, и о всей хронике боевых действий советских войск в период с августа 1942 г. по январь 1943 г. по разгрому и изгнанию фашистских оккупантов с территории Кабардино-Балкарии.

Ценные источники о битве за Кавказ содержит сборник «Историческая память: штрихи Великой Победы», изданный Архивной службой Кабардино-Балкарии в год празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и в год, официально объявленный Россией Годом защитника Отечества. Издание содержит ценную информацию о главных битвах в Великой Отечественной войне, в том числе и битве за Кавказ [Историческая память 2025].

Проблемам изучения хода военных действий на Кавказе, проявленного героизма советских войск и партизанских отрядов в борьбе против немецких оккупантов территорий Северного Кавказа посвящены труды видных специалистов: Е.Т. Хакуашева, Е.Х. Апажевой, А.А. Татарова. Сведения о фашистских злодеяниях и ответных решительных действиях советских войск при разгроме немецких горнострелковых войск имеются в трудах Х.И. Хутуева, Х.М. Сабанчиева и др. [Хакуашев 1971; Хакуашев 1978; Апажева, Татаров 2023].

Ценный материал по предлагаемой теме содержится в издании «Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства». В нем опубликованы статьи Г.Н. Крайнова, А.В. Бычкова, А.Н. Багаутдинова, Керстины Кайзера, содержащие свежие концептуальные суждения о военных действиях на Восточных фронтах [Вторая мировая война 2021].

Говоря об источниках по раскрытию предлагаемой темы, важно упомянуть «Военный энциклопедический словарь» [Военный… 1984], который содержит важные сведения о битве за Кавказ в период с 25 июля по 9 октября 1943 г.

Анализ привлеченных материалов по освещению предложенной темы показывает, что многие исторические аспекты военного времени на территории Кабардино-Балкарии и Кавказа в целом нуждаются в углубленном изучении. Авторы считают необходимым выявление новых сведений о военных действиях, их освещение в контексте воспитания патриотизма и закрепления исторической правды и высокой значимости победы советского народа в Великой Отечественной войне, что значительно усиливает ценность исторической памяти и укрепления единства российского общества.

Историческая память и консолидация общества

В преддверии 81-й годовщины Великой Победы, отмечая этот ни с чем не сравнимый героизм в мировой истории войн, важно всегда отстаивать значение данной исторической правды как основания исторической памяти и национальной гордости россиян. Важно также отметить, что понятие «гордость» как социальная установка может служить отправной точкой возможного поведения людей, и в целом, как отмечается в науке, победа в отечественной войне является тем фундаментом, который «…консолидирует российское общество, питает его амбиции, маркирует в общественном сознании Россию как особую, отличную от других, страну…» [Историческое сознание 2022: 58].

В данном контексте уместно сослаться на обоснованную концепцию А.Х. Абазова «О двух уровнях формирования исторической памяти». Первый уровень условно назван обыденным, т.е. историческая память складывается и передается в ситуациях повседневности, получая информацию разными способами: общение, наблюдение, посещение памятных мест, просмотр фильмов об исторических датах, связанных с темой Великой Отечественной войны и т.д. Второй уровень формирования исторической памяти в концепции А.Х. Абазова – теоретический, когда деятельность профессионального ученого основывается на неопровержимых фактах объективности и историзма, источники должны быть достоверными, проверяемыми. Между тем, как продолжает А.Х. Абазов свое видение проблемы, «в настоящее время история Великой Отечественной войны остается причиной идеологического, научного и информационно-психологического противостояния различных сил и группировок. На этом фоне многие эпизоды прошлого иногда подаются в видоизмененной форме, подвергаются ненаучным формам познания и некачественной репрезентации» [Абазов 2025: 2].

Отечественная наука противопоставляет высокую ценность памяти победы всевозможным извращениям правды о ней недругам разных мастей. Высокая значимость победы советского народа в Великой Отечественной войне символизирует достигнутые новые жизненные ориентиры, новые цели и ценности. Многое из того, что казалось немыслимым в памяти старших, стало обыденным, повседневным. И социальная гордость, реализуемая через социальную память, в целом обеспечивает полноту ее хранения. Возможно, что в ходе смены поколений, или с изменением исторического пространства действий ценности социальной гордости, связанные с Великой Отечественной войной, для массового сознания со временем будут ослабевать. Пока что имеющиеся качественные измере-

ния в социально-ценностном параметре бытия свидетельствуют, что сам исторический период сосредоточил в памяти каждого, его пережившего, высокий статус Великой Отечественной войны как главной исторической ценности российского общества. Оценивать данную величину в контексте и ситуации современной повседневности – задача непростая, но, как бы то ни было, современный россиянин оценивает ее с большой перспективой на будущее.

Такая перспектива должна быть оценена уровнем или степенью единства полиэтнического общества. Заметим величие роли социальной памяти в формировании состояния единства российского общества. Прежде всего надо сказать, что конструктивность социальной памяти во многом определяется, по мнению Н.С. Шаповаловой, наличием и характером рискогенности. В открытых обществах, считает она, характерными являются «риски, связанные с… противоречиями, возникающими при взаимодействии разных культур, обладающих своей социальной памятью и национальным самосознанием, – риски, возникающие при осуществлении "политики памяти"» [Шаповалова 2012]. Названные и другие возможные риски объективно обусловлены, и социальные субъекты пользуются разными оценками восприятия прошлого достигнутым уровнем социальной памяти. В этом смысле социальная память может пониматься как доступное всем членам общества знание.

К такому контексту оценки памяти о войне невольно приходим при сопоставлении взглядов о ней в разных политико-правовых системах. Прежде всего отметим, что по мере отдаления от самой большой войны в истории человечества ее значимость не уменьшается, а представляется иными гранями, в частности, память становится все более политическим явлением, критерием принадлежности к тому или другому сообществу. Оценка памяти о войне становится объективной лишь в зависимости от исторического опыта ее приобретения. Потому и не случайно видные специалисты отмечают, что «у каждой нации своя война, и это естественно. Дело не в ревизионизме, а в разном историческом опыте и различных обстоятельствах, в которых он приобретался» [Лукьянов 2025].

Заметным свидетельством правоты данной концепции являются принципиальные разногласия между Россией и ее сторонниками и недружественными государствами Европы по поводу того, что собой представляла война и какова оценка памяти о ней. Отстаивание и защита своего видения и память о войне россиянам крайне важно прежде всего для собственного национального интереса и стоящими задачами по недопущению повторения межгосударственных столкновений.

Свою версию в искажении оценки правды о войне вносят повседневности западного мира, живущего под флагом однополярности, что раскалывает мировое сообщество на враждующие группы. И слова «патриотизм», «память», «Родина» в устах этих многочисленных провозвестников так называемых собственных «истин» всегда звучат с иронией. В этой среде отстаивается своя правда, свое право на существование в пределах собственного понимания жизненных стандартов. В частности, определенные круги западного мира, без каких-либо доказательных мотивов, во весь голос утверждают, что основным виновником начала Второй мировой и Великой Отечественной войн является Советский

Союз. В то же время глумлением и надругательством над исторической правдой следует считать попытки отдельных политиков и современной западной прессы принизить роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии.

Народы России понимают и ощущают пронзительную трагичность, выпавшую на долю наших старших, погибших за нас, ныне живущих. И сегодня, по прошествии 81 года, как и в предыдущие годовщины, народы чествуют своих старших – фронтовиков и тружеников тыла, прошедших ад и отдавших свою жизнь.

Все дальше в глубь истории время уносит от нас события Великой Отечественной войны, оставляя незабываемый след в памяти людей. Память о войне заставляет задуматься о том, как она стала возможной, как предотвратить повторение в будущем. Безусловно, решающую роль в этом может сыграть коллективная память, которая соотносится с историческим самосознанием. Память всегда имела непреходящее значение в жизни каждого человека и общества в целом.

К сожалению, современное состояние бытия повседневности на мировой арене не способствует формированию и укреплению позитивной коллективной памяти. Политическая ситуация на международной арене с распадом Союза еще более усиливает уровень напряженности. При этом стратегические константы Западноевропейского сообщества остаются неизменными. Запад откровенно и настойчиво демонстрирует воинствующую риторику в публичном пространстве. Российский народ является очевидцем как грубого искажения истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, так и попытки подогнать под западный стандарт нашу историю. Эта доминирующая стратегия коллективного Запада имеет целью утвердить миропорядок под свои национальные интересы. Выступая на международной конференции, проходившей в Москве в 2021 г. по теме: «Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства», Керстин Кайзер отметила: «Что касается политики памяти о войне и памяти в Германии вообще, после 30 лет объединенная Германия не едина. Когда речь идет о памяти жертв Второй мировой войны, о жертвах советских народов мы наблюдаем в современной Германии очень непростую картину: противоречивые дискуссии и течения в политике, даже нарративы и усиление неофашистской идеологии и подобных ценностей, сторонники которых у нас больше 10 %; есть парламентская фракция в бундестаге – АДГ. Это явно националистическая неофашистская партия…» [Кайзер 2021: 106]. В этой ситуации наш долг, долг наследников победителей, раскрыть на всех публичных площадях истинную правду о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, о вкладе Советского Союза в разгроме нацизма. Н.П. Патрушев, помощник Президента России, в своей оценке памяти о самой кровопролитной войне в мировой истории в интервью «Российской газете» отмечал: «Великая Отечественная война – это краеугольный камень национальной исторической памяти, неотъемлемая часть нашей культуры. Невозможно представить нормального жителя России любой национальности, который не считал бы память о войне священной. Бескомпромиссно бороться за сохранение этой памяти – задача каждого. Это лучшее противоядие против новых войн, которые сегодня пытаются развязать на земном шаре» [Патрушев 2026: 1]. Мировое сообщество

также должно признать, кто поддерживал и открыто подталкивал фашизм на Восток, и что именно СССР, советский солдат сыграл главную роль в разгроме коварного врага и освобождения Европы и мировой цивилизации. В этом контексте продолжает свои суждения Н.П. Патрушев. «Уверен, – пишет он далее, – что если бы на Западе люди были достаточно глубоко погружены в историю Второй мировой войны, знали всю правду о зверствах гитлеризма, то они в ужасе отшатнулись бы от своих правительств, которые сегодня поддерживают неонацизм» [Патрушев 2026: 1].

Великая Отечественная война – война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом. Вместе с фашистской Германией в войну вступили возглавляемые реакционными правительствами Венгрия, Дания, Италия, Румыния, Хорватия, Финляндия, предатели, сотрудничавшие с врагом во многих других европейских странах. В составе гитлеровской армии также воевали солдаты из Испании, Франции, Голландии и других стран. После нападения фашистской Германии на СССР, следом выступая в Берлине, министр иностранных дел Германии Риббентроп заявил, что война со стороны Германии носит превентивный (т.е. предупреждающий) характер. Являясь откровенной ложью, этот вымысел постоянно муссируют антисоветчики и русофобы. Чтобы разобраться в этом и приступить к освещению военных действий на Кавказе, коротко остановимся на состоянии предвоенной ситуации в Европе, а также на внешней политике СССР накануне войны.

Предвоенная ситуация в Европе и внешняя политика Советского Союза

Прежде всего следует отметить, что ещё в середине 1933 г., т.е. с самого начала гитлеризма, принципиально изменился характер советско-германских отношений. Тем не менее руководство страны рассматривало германский фашизм как угрозу и Советскому Союзу, и всем странам Европы. Исходя из такого политического расклада и с учётом происходящих движений в среде европейских стран, советское руководство берет курс на создание системы коллективной безопасности в Европе.

Фашисты мало на этом акцентировали внимание. Гитлер с первых дней правления считал себя продолжателем политики Британской королевской семьи. По этому поводу Андрей Ильницкий пишет: «Именно британская колониальная политика стала неотъемлемой средой для расистских теорий…, британская королевская семья восхищалась Гитлером и пестовала английских нацистов… При этом Адольф Гитлер полностью признавал преемственность своих позиций и подчеркивал: "Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели... Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное". Справедливо в этой связи резюмировал А. Ильницкий следующими словами: "Потому Адольф Гитлер как фигура определенного человеконенавистнического расистского склада не мог не появиться именно в западноевропейской традиции"» [Ильницкий 2024: 27].

В данном контексте А. Ильницкий впервые в историографии Великой Отечественной войны приводит малоизвестные исторические сведения о начальном

этапе вероломного нашествия фашизма на страну Советов. «Напомню, – пишет он, – на стороне Гитлера, вторгшегося в июне 1941 г. в СССР во главе европейской армии, воевали 22 "национальные дивизии СС". Всего в них служили 522 тысячи добровольцев.

Штурмовавшая Брестскую крепость 45-я пехотная дивизия вермахта включала в себя в том числе служащих бывшей четвертой австрийской дивизии.

Франция, которая умудрилась после войны «затесаться» в ряды победителей, дала Германии до 180 тысяч бойцов. Нацисты из французской 33-й дивизии СС «Шарлемань» защищали Рейхстаг в 1945 г.

Бельгия, Голландия и Люксембург отправили на советско-германский фронт около 110 тысяч солдат. И даже официально «нейтральные» Испания, Швеция и Швейцария дали гитлеровской армии более 50 тысяч добровольцев» [Ильницкий 2024].

Приведенный воинствующий расклад гитлеризма в Европе можно считать главной причиной, почему, несмотря на заключённые до 1937 г. договора о ненападении между СССР и рядом стран, система безопасности в Европе не сложилась. В 1938 г. Германия оккупирует Австрию, развязывается война между Японией и Китаем. Имеются исторические сведения о том, что к 1939 г. локальные войны в мире охватили территорию с населением свыше 500 млн человек [Жарова, Мишина 1992: 309]. Как бы то ни было, все еще нет ответа на вопрос о том, почему не удалось создать единый фронт борьбы против агрессии фашизма? Специалисты часто ссылаются на англо-франко-советские переговоры, проходившие в 1939 г., отмечая, что они были альтернативами в развитии международных отношений, и войну можно было предотвратить [Ковалев, Ржешевский 1989: 270]. Но ведь надо и сказать, что именно с этой целью Советский Союз и вступил в переговоры с Англией и Францией. Коллективными усилиями государств и предполагалось пресечь фашистскую агрессию.

Причины провала англо-франко-советских переговоров – одна из актуальных проблем исторической науки. В постсоветский период широкое распространение получила версия, объясняющая причины провала переговоров 1939 г. недоверием Англии и Франции к боевой мощи Советского Союза. Аргументируя причину такого недоверия, Л.А. Киршнер пишет: «Обезглавив Красную Армию, Сталин подорвал веру в нашу военную мощь и породил сомнения в целесообразности заключения с нами военно-политического союза» [Цит. по: Асанов 2015: 11].

Известны исторические факты, которые, возможно, и породили сомнения о целесообразности союза. По данным Д.А. Волкогонова, только в 1937 г. были отстранены от службы несколько десятков военачальников, входивших в состав Военного Совета при наркоме обороны. С мая 1937 г. по 1940 г. в армии сменились командующие округов, обновлены начальники штабов округов. В целом возраст армейских и флотских командиров на 85 % составлял моложе 35 лет, что свидетельствовало об отсутствии или острой нехватке опытных кадров [Волкогонов 1989: 50–53]. О нехватке опытных командных кадров и необходимости повышения боевой подготовки слушателей военных академий Сталиным было

озвучено на выпуске академических кадров 5 мая 1941 г. в Кремле, т.е. за полтора месяца до начала войны [Волкогонов 1989: 55].

Продолжением создавшейся ситуации вокруг единого фронта борьбы против фашизма явился захват, в нарушение мюнхенского соглашения, Чехословакии Германией в марте 1939 г., что ускорило развязывание Второй мировой войны. По этому поводу А.В. Бычков приводит знаменательные для фашизма сведения. «С захватом Чехии Вермахт приобрел настоящий арсенал. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в этой связи высказался очень красноречиво и емко. Он сказал, что в результате падения Чехословакии Гитлеру подарены силы, равные примерно 35 дивизиям, в руки гитлеровцев попали заводы "Шкода", которые по его подсчетам в период с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько же военной продукции, сколько за то же время выпустили все английские заводы. Кроме того, капитулировав, чешская армия и её офицеры сдали все вооружение в образцовом состоянии, включая 1,25 млн винтовок» [Бычков 2021: 83]. «Австрийцы, французы, бельгийцы, чехи, голландцы, датчане и остальные просвещенные нации Европы, – пишет А.В. Бычков, – уверовали в непобедимость Германии и надеялись, что за свои подобострастные услуги, которые они окажут немцам, им удастся сохранить свою государственность и выйти из войны с наименьшими потерями. Сегодня в цивилизационной Европе ни вспоминать, ни тем более публично говорить об этом не любят. Да и в школьных учебниках западноевропейских стран об этом не пишут» [Бычков 2021: 81].

Правительства Англии и Франции, под давлением общественности, вступили в переговоры с Советским Союзом, которые продолжились до 21 августа 1939 г. А 23 августа этого же года ввиду того, что переговоры зашли в тупик, правительство Советского Союза заключило с Германией договор о ненападении сроком на 10 лет. Договор был необходим, как считал Сталин, в целях получить время для укрепления оборонной готовности. В итоге так и получилось, Советский Союз выиграл времени около двух лет. Хотя серьезную ставку на договор он не делал, будучи уверенным, что пакт о ненападении Гитлер способен нарушить в любое время, что и стало явлением истории.

Отношение фюрера к подписанному договору и вопрос о том, искал ли он при этом союза со Сталиным, документально ответы мы находим в работе В.П. Шерстюк. Известный специалист в области военной истории, генерал-полковник недавно сделал достоянием специалистов дешифрованные архивные материалы ФСБ – перехваченные переписки зарубежных дипломатов до и после Второй мировой войны, опубликовав их в Российской газете под названием «Тайны шифртелеграмм». Согласно этим политико-дипломатическим документам, как отмечает В.П. Шерстюк, «достигнутые договоренности рассматривались Гитлером как ширма для получения контролируемого доступа к ресурсам Советского Союза и никак не отменяли стратегической задачи сокрушить большевизм военным путем и тем самым расширить "жизненное пространство" для немцев за счёт территорий на востоке» [Шерстюк 2025: 1, 4–5].

В то же время ни Англия, ни Франция не были готовы к такому союзу, а Сталин принял союз с Германией ввиду тупиковости переговоров с Англией и

Францией. Реальный расклад сил, с точки зрения государственных интересов, диктовал необходимость приемлемых шагов по сохранению договоренности с Германией. Со ссылкой на заявление К.Е. Ворошилова, Д.А. Волкогонов пишет: «Не потому прервались переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик» [Волкогонов 1989: 30].

Гитлер, в свою очередь, путем заключения договора со Сталиным, как отмечается в источниках, обеспечил себе тыл на Востоке и получил свободу действий на Западе, и он сразу приступил к поэтапной реализации своих планов. Не считаясь с имеющимся пактом о ненападении между СССР и Польшей еще с 1932 г., который не предусматривал переход советских войск через территории Польши в случае войны, 1 сентября 1939 г. гитлеровские войска ворвались на территорию Польши. В источниках отмечается, что это было началом Второй мировой войны [Жарова, Мишина 1992: 311]. Англия и Франция, которые были союзниками Польши, объявив войну Германии, не предпринимали практических мер. Очевидно, ошибки не будет, если скажем, что на Западе надеялись, что захват Германией Польши лишь ускорит нападение Гитлера на Советский Союз.

Следует отметить, что антисоветская, русофобская литература осуждает советско-германский договор, считая, что Польша стала его жертвой. При этом замалчивается, что «Польша стала жертвой своей собственной антисоветской политики, поскольку Польское руководство отвергало любые советские предложения о помощи в случае фашистской агрессии» [Асанов 2015: 99]. Кроме того, план нападения на Польшу был разработан Гитлером ещё задолго до заключения пакта Молотова–Риббентропа, а также до того, как была завоевана Чехословакия (1939 г.). О том, что нападение на Польшу предполагалось осуществить даже в том случае, если бы в конфликт вступил Советский Союз, четко было прописано в директиве главнокомандующего военно-морским флотом Германии, составленной в мае 1939 г. В ней было прописано «вести разведку и охранение против вмешательства советско-русских военно-морских сил, расположенных в Финском заливе, в германо-польский конфликт» [Нюрнбергский процесс 1989: 238].

Помощь Польше отвергалась не только позицией Варшавы, но и неготовностью СССР к войне. Отказ от пакта с Германией был чреват последствием создания широкого антисоветского альянса, что угрожало государству. А советские инициативы по созданию системы коллективной безопасности не нашли поддержку западных государств. Военные действия Германии против Польши намечены были на конец августа – начала сентября 1939 г. Об этих сроках знали Вашингтон, Лондон, Париж, но, если были какие-либо движения с их стороны, они были одобрительные, ибо оккупация Польши только ускорит нападение Гитлера на СССР. Этот антисоветский альянс не ошибался, именно этот фактор отталкивал членов альянса от предлагаемой Советским Союзом системы коллективной безопасности.

Агрессивные планы фашистской Германии в отношении Советского Союза стали ещё более очевидными после оккупации Польши. Англия и Франция, ко-

торые действовали при поддержке США, всеми имеющимися дипломатическими средствами направляли экспансию Германии в сторону Советского Союза. Премьер-министр Англии Макмиллан в послевоенный период признал: «Советский Союз имел все основания предполагать, что на Западе будут рады, если СССР и Германия окажутся в состоянии войны» [Кабардино-Балкария… 1941–1945: 16]. После того как фашистская Германия напала на СССР, в Англии и США нашлись деятели, которые были не прочь, чтобы СССР воевал с Германией один на один. Такие планы изложил, например, президент США Трумэн, еще будучи сенатором. «Если мы увидим, – говорил он, – что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше» [Цит. по: Асанов 2015: 137].

В завершении анализа предвоенной ситуации в Европе и внешней политики СССР, следует особо отметить, что тактика выжидания и истощения воюющих сторон в полной мере использовалась США и Великобританией в ходе Великой Отечественной войны. Ещё в июле 1941 г. Сталин поднимал вопрос о втором фронте перед У. Черчиллем. Он писал: «Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Германии отвлечены на Восток» [Советский Союз 1978: 136–137]. Однако в ответ, кроме отговорок, не последовало ничего, сознательно оттягивали открытие второго фронта. В декабре 1941 г. поступила следующая информация: «Ни Великобритания, ни Соединённые Штаты, – писал У. Черчилль, – не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки снабжения, которые мы обещали. Только так мы сможем сохранить своё влияние на Сталина и только так мы сможем вплести усилия русских в общую ткань войны» [Советский Союз 1978: 131]. Эти слова означают ничто иное, кроме как наблюдать со стороны, как идет ход войны, как стороны уничтожают друг друга. Только Советский Союз реально противостоял фашизму в эти годы, жертвовал собой, защищая себя и спасая мир от фашизма.

Начало военной операции против Советского Союза

Война, начавшаяся 22 июня 1941 г. и навязанная Советскому Союзу фашистской Германией, была самым крупным военным столкновением из всех войн, пережитых нашей Родиной. Используя военно-экономический потенциал почти всей Европы, гитлеровская Германия двинула на нашу страну около 6 млн солдат и офицеров, соответствующее количество танков, орудий, минометов, самолетов [75 лет Великой Победы 2020: 3]. Еще за год до нападения, в июле 1940 г., фашистская Германия разработала план военного нападения на СССР под названием «Барбаросса». В его основу гитлеровский генералитет положил концепцию «блицкрига» («молниеносной войны»). Основную ставку делали на неожиданность и мощь первого удара большими силами танков, авиации, пехоты, тем самым обеспечить стремительное продвижение по территории Советского Союза.

О войне, ее угрозе народу говорили часто, готовились к ней, несмотря на наличие пакта о ненападении. Следовательно, пришла она все же не неожиданно

и не внезапно, а вероломно, в 4 утра немецкая авиация совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска под артиллерийский огонь перешли границу. В историографии отечественной войны приводятся слова – обращения Сталина к народу в связи с нашествием гитлеровской Германии. В своем обращении Сталин пояснил: «Дело в том, что войска Германии как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам». В обращении говорилось, как нужно «перестроить всю работу на военный лад», впервые назвал войну «отечественной», призвав «создавать партизанские отряды», «организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами», впервые публично выразил надежду на объединение усилий народов Европы и Америки в борьбе против фашистских армий Гитлера [Волкогонов 1989: 174]. Обращение сыграло огромную мобилизующую роль, доходчиво ответило на непростые вопросы, которыми не располагал народ. Современникам следует хранить и передавать потомкам, сколь огромным было величие духа советского народа, нашедшего в себе силы после жертв в начале войны выстоять и победить. Народы Советского Союза встали грудью на защиту своей Родины. Братский союз народов показал свою силу и жизнеспособность, что явилось главным источником победы над фашизмом.

О непрочности пакта о ненападении 1939 г. говорит тот факт, что «немецкие разведывательные самолеты в начале 1940 г. начали облет западных пограничных районов…, тайные разведывательные полеты люфтваффе начали совершаться в глубокий тыл СССР. Еще задолго до утверждения плана "Барбаросса" немцы анализировали своего возможного противника и изучали его войска и даже тыловые производственные мощности» [Багаутдинов 2021: 319].

Как бы фашизм ни готовился к этой войне, изучая возможности будущего противника, начальный этап военных действий демонстрировал победные подступы советских воинов на всех фронтах. Г.Н. Крайнов отмечает, что 22 декабря 1941 г. лондонская «Таймс» писала: «Битва на восточном фронте является стержнем всей войны. В конечном счете все зависит от нее». И далее продолжает: «От советского народа и советского солдата в полной мере зависело будущее человечества». В ответ на панические заявления Лондона и Вашингтона из Москвы твердо прозвучало: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» [Крайнов 2021: 119].

Усилиями советских органов с первых дней было сделано все для решения задач обороны страны. Потенциал страны для этого был достаточным. Индустриальная база страны превратилась в одну из самых мощных в мире. В короткие сроки удалось наладить производство боевой техники и оружия. Перед создателями новых образцов оружия или техники ставились предельно короткие сроки. Миллионы тружеников были готовы и жертвовали жизненно важным материальным достатком, лишь бы обеспечить безопасность Отечества. Руководство страны, готовясь к отражению гитлеровского нашествия, ассигнования

бюджетных расходов на оборону в 1941 г. довело до 43,4 % [Волкогонов 1989: 70].

Практически вся страна превратилась в боевой лагерь, охваченный единой целью – дать отпор гитлеровскому нашествию. Здесь мы должны особо отметить, что на первом этапе войны, в ходе зимней кампании 1941–1942 гг., враг был отброшен от Москвы на 250 км. 6 марта 1942 г. президент США Ф.Д. Рузвельт писал: «С точки зрения большой стратегии… трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальное 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые» [Ржешевский 1986: 9–27].

Одним из главных пунктов завоевательных планов Третьего рейха изначально считался захват Кавказа. Военная стратегия гитлеровцев во многом зависела от реализации потребностей в нефти, а Кавказ считался продвинутым нефтяным регионом. Поэтому самые ожесточенные военные сражения советских войск приходятся на период похода немцев за кавказской нефтью – это 2 июля 1942 г. по февраль 1943 г. В планах гитлеровских войск по завоеванию Кавказа под кодовым названием «Эдельвейс» значилось овладение дорогой к нефтяным центрам Кавказа – это Грозный, Баку, Майкоп с выходом на территорию Закавказья. Реализации этого плана немецкое командование уделяло особое внимание. В этих целях, как отмечает Х.М. Ибрагимбейли, «командование вермахта перебросило на Юг советско-германского фронта свежие силы из Западной Европы, в том числе немецкие, итальянские и румынские горнострелковые корпуса и дивизии, прошедшие специальную подготовку в Баварии и Альпах и накопившие боевой опыт в горной местности…» [Ибрагимбейли 1977: 7].

О том, что гитлеровская Германия давно готовилась к овладению Кавказом, свидетельствует также подробное изучение фашистами горной части территории Кавказа, Эльбруса. Как отмечает Х.-М.А. Сабанчиев, многие из фашистских захватчиков «еще до войны побывали в Кабардино-Балкарии в качестве туристов и альпинистов, и на их подробных картах были отмечены даже козьи тропы» [Сабанчиев 2023: 124].

В российской военной историографии хроника битвы за Кавказ очерчивается как оборонительными, так и наступательными этапами, при активном участии трех фронтов Красной Армии. Главная и основная задача Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов состояла в обеспечении жесткого сопротивления группировке вермахта на территории Кавказа.

В то же время, как отмечает Х.М. Ибрагимбейли, немецкое командование вынашивало здесь решительные планы. На одном из совещаний штаба армии «Юг» 1 июня 1942 г. Гитлер заявил: «Моя основная цель – занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы… Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну» [Ибрагимбейли 1981: 265]. Целью немецких оккупантов было забрать в свои руки нефтепромыслы Майкопа и Грозного, «обеспечивающих получение 70 % объема нефти, добываемой в Советском Союзе. Также планировался поход вермахта в Баку, в Закавказье, и подключение к боевым действиям Турции – союзника по коалиции» [Кориневский

2023: 3]. Однако постепенно фашистские войска начали терять свои преимущества. Мало того, что концептуальная стратегия «молниеносной войны» (блицкрига), прописанная гитлеровским планом «Барбаросса», была провалена еще в ноябре 1941 г., не состоялся также и план операции под кодовым названием «Эдельвейс», утвержденный Гитлером в июне 1942 г. по захвату Северного Кавказа. Упорные оборонительные сражения советских войск в операции в районе Орджоникидзе, через который враг намеревался продвинуться в Грозный, вынудили гитлеровцев спешно отступить. «Понеся большие потери, противник к концу 1942 г. вынужден был прекратить наступление и перейти к обороне. Советские войска сорвали план вражеского командования по захвату Кавказа, обескровили его ударную группировку, выиграли время для подготовки наступления» [Военный энциклопедический словарь 1984: 308].

Весьма значимое для исторической науки таинственное загадочное истолкование стремления немцев оккупировать Северный Кавказ излагает В.Н. Котляров в недавно изданной работе – «"Аненербе": что искали гитлеровцы на Северном Кавказе». Решение немецкого командования в августе 1942 г. усилить фронт на Эльбрусском направлении «без стратегического интереса», когда наоборот, Сталинградская битва требовала привлечения дополнительных сил, известный аналитик связывает с продолжением немцами поиска следов таинственной организации Третьего рейха под названием «Аненербе» – немецкого общества по изучению наследия нордической расы. «По мнению некоторых гитлеровских генералов, – пишет В.Н. Котляров, – водружение знамен тысячелетнего рейха на священной Горе ариев должно было стать началом новой эры, когда времена года, лед и пламень начнут повиноваться новым арийцам. Флаги рейха, водруженные над высшей точкой Европы, возвестят о победе фюрера…» [Котляров 2025: 17].

Такое концептуальное предвидение, исходящее из стремления гитлеровцев пробиться на Эльбрусском направлении и водрузить немецкий флаг, имеет право на существование, и оно может быть исследовано только в контексте освещения военных операций на Кавказе.

Оборонительные мероприятия на Северном Кавказе и в Кабардино-Балкарии

Переброска войск вермахта на южные фронты не могла не задеть нальчикское направление обороны советских войск. Это обстоятельство еще более обострило необходимость усиления Нальчикской оборонительной операции. Командование советских войск, дислоцированных на Северном Кавказе, активно готовилось к таким переменам.

В Кабардино-Балкарии, как и во всех республиках, краях и областях страны, сообщения о вероломном нападении фашистской Германии на страну вызвало небывалую бурю ярости. Все, кто мог держать в руках винтовку, изъявили желание как можно скорее быть там, где бушевало пламя войны. Тысячи добровольцев из Кабардино-Балкарии ушли на фронт, началась мобилизация в Красную Армию. Предприятия республики, перестроив свою работу на военный лад, стали давать продукцию для фронта.

Тяжелое положение, сложившееся на фронте на юге страны, потребовало принятия срочных мер по осуществлению оборонительных мероприятий на Северном Кавказе. Когда республике стала угрожать опасность фашистской оккупации, оборудование промышленных предприятий, сырье вместе с инженерно-техническими работниками были эвакуированы в республики Закавказья. Перед оккупацией территории Кабардино-Балкарии многие патриоты вступили в ряды Советской Армии и партизанских отрядов.

В этот период Нальчикский комитет обороны принимает решение о возведении оборонительных сооружений вокруг Нальчика. На окраине города жители Нальчика – оставшиеся мужчины, женщины, молодежь – днем и ночью копали противотанковые рвы, строили доты. На строительство оборонительных рубежей в целом в Кабардино-Балкарии было мобилизовано 65962 человека [Хакуашев 1978: 76].

Цель группировки вермахта на данной территории – обойти главный Кавказский хребет с запада, захватив Новороссийск и Туапсе, а с востока ворваться в Грозный и Баку. Предполагалось забрать в свои руки нефтяные месторождения. Однако постепенно немецкие войска начали терять свое преимущество под натиском советских войск. Упорные бои против фашистов у Орджоникидзевских ворот, через которые враг намеревался пробиться в Грозный, вынудили фашистов спешно отступить. Контрудары Красной Армии становились все более мощными, и к концу 1942 г. был исчерпан наступательный потенциал фашистских группировок. Враг так и не прорвался в Закавказье, что свидетельствует о решительной операции советских войск по освобождению Северного Кавказа от фашистских захватчиков. В этой связи в полной мере себя оправдало введение военного положения на территории Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Орджоникидзевского края, что способствовало вовлечению всех имеющихся ресурсов, как военных, так и гражданских, для разгрома фашистских группировок.

Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что решающую роль в этих боевых сражениях сыграли срочные меры по увеличению численности 37-й армии под командованием генерал-майора П.М. Козлова, которая со второй половины августа 1942 г. занимала оборону Кабардино-Балкарии. Как отмечает М.Х. Гугова, численность войск 37-й армии увеличилась вдвое и составила в октябре 1942 г. 33289 человек, пополнение осуществлялось за счет местного населения. В этот период в составе 37-й армии числилось 858 кабардинцев и балкарцев [Гугова 2018: 27].

Кроме того, в августе 1942 г., в помощь войскам 37-й армии и с учетом приближения немецких войск к территории Кабардино-Балкарии, по приказу обкома ВКП(б) и Совнаркома был начат второй этап возведения оборонительных сооружений, с охватом рубежей: Нальчикский, Баксанский, Урванский, Лескенский, Курпский, Хуламо-Безенгийский и Черекский районов. С мобилизацией всего взрослого населения были возведены защитные сооружения на рубежах названных городов и сел республики. За короткие сроки, в пределах двух месяцев, силами горожан и сельчан, а также 116-го отдельного инженерного и 1574-го отдельного саперного батальонов был создан противотанковый рубеж со

сложной системой огневых точек [Хакуашев 1978: 74]. Возведенные оборонительные сооружения оказали существенную помощь 37-й армии, поскольку для их преодоления немцам не помогли наличные танковые дивизии, потребовалась авиация, вызываемая из других направлений. Важно подчеркнуть в этой связи, что военные события на территории Республики не являлись локальными, они составляли грандиозный сегмент обороны нефтяных районов Кавказа и Закавказья от захватчиков. В этом и состоит историческое значение битвы на территории Кабардино-Балкарии и Кавказа в целом. Потому и следует говорить не столько о стратегии, действовавшей на территории Кабардино-Балкарии 37-й армии, сколько о ее значимости для всего театра военных действий на Кавказе. Как отмечает А.А. Татаров, следует учитывать тот факт, что усилия и время, затраченные немцами на Кабардино-Балкарию, в определенной степени дали возможность Северной группе советских войск успеть укрепить Орджоникидзе, который так и не был взят. В итоге военные действия немцев с 25 октября для взятия Нальчика в середине ноября вынудили их остановиться на подступах к Орджоникидзе. Таким образом, пишет А.А. Татаров, наша республика дала возможность выиграть время [Татаров 2025: 2].

Были приняты срочные меры по усилению мер защиты гражданского населения республики. Для обеспечения безопасности населения, сохранения имущества и продуктов питания республиканское руководство принимает решение от 24 августа 1942 г., в котором предложено председателям райисполкомов обеспечить проведение с 25 по 29 августа 1942 г. эвакуацию всего населения из 10-километровой зоны от передовой линии военных действий [Кабардино-Балкария… 1941–1945: 147].

В конце сентября, с учетом оборонительной ситуации, в целях создания необходимых условий частям Красной Армии в обороне города Нальчика, Кабардино-Балкарский обком принимает решение «эвакуировать в обязательном порядке все городское население, не связанное с производством и работой в учреждениях – стариков, женщин и детей, в более безопасные районы республики (Хуламо-Безенгиевский, Урванский (горную часть), Черекский районы)» [Кабардино-Балкария… 1941–1945: 165]. В этих целях было дано распоряжение исполкомам названных районов обеспечить эвакуацию населения средствами передвижения и продуктами, что и было реализовано 30 сентября 1942 г.

С усилением наступательных действий врага расширяется эвакуация населения с территории Республики в Закавказье и Среднюю Азию. До 10 октября 1942 г. из числа членов республиканского актива в эти районы эвакуированы 1101 человек, мобилизовано в Красную Армию 1365 человек, ушли в партизанские отряды 394 человека [Кабардино-Балкария… 1941–1945: 170]. По данным партийного и государственного архивов республики, опубликованными в сборнике документов и материалов к 30-летию Победы советского народа над фашистской Германией, в строительстве оборонительных сооружений участвовали 42185 человек, в том числе в городе Нальчике 16380 человек, в районах Прохладненский – 3920, Майский – 2000, Лескенский – 3838, Урванский – 3250, Урожайненский – 3572 и других. Всего эвакуировано из республики 7647 человек, из г. Нальчика – 5800, Прохладненского района – 825 [Кабардино-Балкария…

1941–1945: 188]. Одновременно, как отмечает А.И. Тетуев, проводились эвакуации промышленного оборудования, техники, сырья, зерна. «Были определены основные маршруты эвакуации, однако ход военных событий на Северном Кавказе внес свои коррективы в эвакуационный план, и он не был полностью реализован. Всего к 25 августа 1942 г. было эвакуировано 15 из 66 предприятий республики» [Тетуев 2019: 59].

Освобождение Нальчика и Кабардино-Балкарии

Наступление немецких войск на столицу Кабардино-Балкарии началось 24 октября 1942 г. Трое суток продолжались ожесточённые бои. Фашисты бросили в бой до 270 танков, несколько десятков тысяч солдат. 28 октября, как вспоминает очевидец этих событий, немецким войскам, при поддержке батальона румынской пехоты, удалось овладеть Нальчиком. Части Красной Армии вынуждены были отходить в сторону Черекского ущелья, эвакуироваться удалось далеко не всем жителям [Нальчик 2025]. Однако в дальнейшем напряженная ситуация в Нальчике и в республике в целом была снята с окружением многотысячной группировки немецких войск под Сталинградом. Как отмечается в военном энциклопедическом словаре, в этот период в конце июля 1942 г. противник повернул 4-ю танковую армию с кавказского на сталинградское направление для поддержания своих войск, что ослабило его группировку на Северном Кавказе [Военный энциклопедический словарь 1984: 307–308]. Это создало благоприятные условия для контрнаступления Красной Армии на Юг, в направление Кабардино-Балкарии. Упорные бои возобновились на подступах к Нальчику. В районе Нальчика 25–26 октября противник сбросил на населённые пункты свыше 400 бомб, погибли 72 человека, ранены 19 человек, разрушены жилые дома и хозяйственные постройки [Апажева, Татаров 2023: 24]. Одновременно бомбовые удары были применены противником и в районах Старый Черек, Аргудан, Старый Лескен, Гунделен и др. Этим действиям немцев 37-я армия упорно сопротивлялась, и, как отмечается в источниках, только за 26 октября 1942 г. было уничтожено около 400 немецких солдат и офицеров, 58 танков и 10 бронемашин. В боях за Нальчик 26–28 октября 1942 г. противник потерял более 2000 чел. [Хакуашев 1971: 66]. Противник был обескровлен. Не преодолев главный Кавказский хребет, он перешел к обороне. В последующем советские войска перешли в наступление, нанесли крупные поражения немецким войскам, освободили территорию Кавказа. Планы врага по захвату источников нефти, проникновению в районы Ближнего и Среднего Востока были окончательно сорваны.

В ожесточенных боях против немецких войск, как отмечает А.И. Тетуев, участвовали подразделения народного ополчения, истребительные батальоны и партизанские отряды Кабардино-Балкарии. С 20 августа 1942 г. по 5 января 1943 г. партизаны Объединенного отряда уничтожили 700 вражеских солдат и офицеров, взяли в плен 31 фашиста, захватили 29 единиц боевой техники [Тетуев 2019: 65]. Оборонительные и наступательные боевые действия на территории Кабардино-Балкарии продолжались около 5 месяцев, с августа 1942 г. до начала 1943 г. Накопленный боевой опыт позволил Красной Армии при поддержке артиллерии и танков преодолеть все препятствия и 4 января 1943 г. войти в Нальчик. К

исходу 5 января усилиями гвардейских дивизий – 2-й, 295-й и Кабардино-Балкарского отряда партизан, Нальчик, после 70 дней немецкой оккупации, был полностью освобождён. А вся территория Кабардино-Балкарии была освобождена от немецко-фашистских захватчиков 11 января 1943 г.

В феврале 1943 г. началась операция по снятию фашистских флагов с вершин Эльбруса. 13 и 17 февраля силами группы советских воинов-альпинистов, сбросив вражеские, водрузили на западной и восточной вершинах Эльбруса Государственные флаги СССР.

Авторы-составители весьма ценного издания «Историческая память: штрихи Великой Победы» в разделе «Битва за Кавказ» справедливо отмечают: «Победа Красной Армии в битве за Кавказ имела огромное значение для всего хода Великой Отечественной войны. Нацистским войскам не удалось захватить главные советские нефтяные месторождения, враг не получил ресурсов, необходимых ему для ведения дальнейшей наступательной войны. Победы под Сталинградом и в битве за Кавказ наглядно показали, что в войне произошел решительный перелом. Общие потери Вермахта и его союзников составили более 420 тысяч воинов» [Историческая память 2025: 357].

По историческим сведениям, до вероломного нападения фашисты спланировали территории массового истребления людей. Народы Северного Кавказа расценивались как варвары, неспособные к самостоятельному управлению, потому и подлежат физическому уничтожению. Пунктами массового истребления становились территории проживания народов многонационального Кавказа.

«В различных районах Кабардино-Балкарской АССР, – пишет Х.М. Ибрагимбейли, – немецко-фашистские оккупанты по заранее разработанному плану производили аресты и расстрелы мирных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей. В противотанковом рву близ Нальчика было зарыто около 700 трупов расстрелянных жителей города… Особенно зверствовали гитлеровцы на территории Эльбрусского высокогорного района. По указанию Клейста фашисты проводили здесь массовое истребление мирных горцев» [Ибрагимбейли 1981: 208].

Каждый шаг оккупантов по советской земле сопровождался насилием, грабежом и массовыми убийствами. Они превращали в руины наши города и селения, отправляли в Германию награбленное народное добро. Только в Кабардино-Балкарской АССР из 53200 человек, ушедших на фронт, более 32 тысяч пали в борьбе с гитлеровцами на фронтах Великой Отечественной войны. Более 4240 человек, в том числе старики, женщины и дети, были замучены оккупантами. Общий ущерб, причиненный гитлеровцами Кабардино-Балкарской АССР, исчислялся в 2 268 361 863 руб. [Боевая слава… 1980: 8].

В истории войн ни одна армия не знала такой поддержки и помощи со стороны народов, какую оказывал Красной Армии советский народ в Великой Отечественной войне. Более 60 тысяч уроженцев Кабардино-Балкарии сражались в рядах действующей армии во время Великой Отечественной войны. Представители Кабардино-Балкарии принимали участие во всех крупных сражениях и фронтах Великой Отечественной: под Москвой, при обороне Ленинграда, Киева, Севастополя, Сталинграда, Курском сражении, достойно защищали Родину и

трудились в тылу, приближая победу [Мы помним… 2025]. За проявленное мужество в борьбе с врагом во время оккупации Нальчика, 246 бойцов и командиров частей 37-й армии и 145 партизан были награждены орденами и медалями, десяти нальчанам присвоено звание Героя Советского Союза. Всего по Кабардино-Балкарии 26 человек удостоены высшей награды Родины, свыше 100 тыс. награждены орденами и медалями [Нальчик 2025: 5].

Родина высоко оценила вклад нальчан в Победу. В канун празднования 40-летия Великой Победы над фашизмом 1985 г., за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны, и за успехи в социально-экономическом и культурном строительстве Нальчик награжден орденом Отечественной войны 1-й степени [75 лет Великой Победы 2020: 20]. 25 марта 2010 г. указом президента РФ Нальчику присвоено звание «Город воинской славы».

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что современный Запад предпринимает все попытки к тому, чтобы не только преуменьшить вклад многонационального советского народа в разгром немецкого нацизма, но и поставить Советский Союз из положения победителя в 1945 г. в обвиняемого в развязывании войны. Намечаются откровенные попытки проигнорировать определения Нюрнбергского трибунала.

Последнее десятилетие свидетельствует о настоятельном и последовательном стремлении недружественных Европейских государств подвергнуть ревизии героические страницы истории России, одинаково оценив роль Советского Союза и фашистской Германии в развязывании Второй мировой войны. В сентябре 2019 г. Европарламент принял специальную резолюцию под названием «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». «В этом феноменальном по степени цинизма документе, – отмечает Владислав Шерстюк, – на СССР фактически возлагается вся полнота ответственности за развязывание Второй мировой войны. Основной используемый аргумент – советско-германский договор о ненападении ("пакт Молотова – Риббентропа")» [Шерстюк 2025].

При этом замалчивается о том, что в войне против фашизма Советский Союз сражался против более чем двухсот фашистских дивизий, тогда как остальные союзники, вместе взятые, сражались не более чем 23 дивизиями. Франция, горделиво превозносившаяся своей военной мощью накануне Второй мировой войны, была почти мгновенно разгромлена. Англия также терпела поражение. Европейская часть Советского Союза в своем большинстве была разрушена, тогда как некоторые из союзников, включая США, не подверглись каким-либо разрушениям.

Но советский многонациональный народ выстоял и победил. Советские люди шли на гигантские жертвы ради победы над врагом добровольно, не по принуждению.

Справедливо звучат выводы видного историка Великой Отечественной войны Х.М. Ибрагимбейли в следующем контексте: «По своим масштабам, раз-

маху использования всех видов вооружения и боевой техники, по ожесточенности сражений Великая Отечественная война превзошла все войны в истории человечества. Советский народ отдает должное союзникам по Второй мировой войне; он помнит, что в достижение победы над гитлеризмом внесли свой вклад и другие народы. Однако главным и решающим фронтом этой войны был именно советско-германский фронт» [Ибрагимбейли 1977: 6].

Поставленные германским фашизмом цели противоречили логике исторического процесса. Эти цели, хотя открыто угрожали интересам народов многонационального Советского государства, были обращены против народов всего мира, направлены на установление мирового господства. Потому германский фашизм объективно должен был потерпеть крушение, что в итоге и случилось. Только содружество народов общими усилиями может давать отпор национализму и фашизму, сохранить мир и жить в согласии. На это, кстати, и будет работать многополярность мира, что и отстаивает Российская Федерация сегодня.

Наш долг – на всех доступных площадках раскрывать истинную правду о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, о вкладе Советского Союза в разгроме фашизма, ответить на все попытки фальсификации событий 1941–1945 гг. Мир должен знать и помнить, кто помогал нацистам в развязывании войны, открыто подталкивал их к нападению на Советский Союз, и что советский солдат сыграл главную роль в разгроме врага и освобождении Европы и мировой цивилизации. Следует защищать правду о войне и значении Победы, решительно противостоять тем, кто оскверняет славу героев, разгромивших фашизм.

Правовым подкреплением исторической памяти о Великой Отечественной и правды об этой войне станет международное признание факта геноцида советского народа фашистами в годы войны. Понятие «геноцид», как отмечает председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин, получило свой международный правовой статус Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., где была утверждена Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. «Международное признание факта геноцида советского народа фашистами в годы Великой Отечественной войны, – отмечает А.И. Бастрыкин, – наш долг перед памятью миллионов погибших соотечественников и первостепенная задача во имя торжества справедливости и сохранения исторической памяти» [Бастрыкин 2025: 7]. Общепризнанным фактом геноцида является истребление нацистской Германией евреев – Холокост. На территории Советского Союза их истребляли вместе с представителями других национальностей одновременно и теми же способами, но они жертвами геноцида не признаются. Общеизвестно, что по данным Национального центра исторической памяти при Президенте Российской Федерации, на захваченной территории СССР фашистами было организовано 528 лагерей смерти. В нечеловеческих условиях там содержались и намеренно уничтожались люди всех национальностей.

Кроме того, нужно знать, что фашизм планировал геноцид еще до начала войны. Как пишет А.И. Бастрыкин, уже стало известно, что гибель более миллиона жителей блокадного Ленинграда стала результатом Директивы по экономи-

ческой политике нацистов, так называемого «плана голода». В ней предполагалось истребление путем лишения продовольствия от 20 до 30 миллионов жителей Советского Союза, включая населения Москвы и Ленинграда. В Директиве открыто прописано намерение о геноциде: «мы обрекаем этих людей на голодную смерть не только потому, что они лишние рты, но и потому, что великороссы – как при царе, так и при большевиках – были и являются врагами Германии и Европы» [Бастрыкин 2025: 7].

С учетом всех обстоятельств, требований времени и справедливости, а также вынесения судами в регионах Российской Федерации решений о признании фактов геноцида советского народа фашистскими захватчиками, президентом России В.В. Путиным подписан Федеральный закон РФ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». В законе определены понятия «геноцид советского народа», формы увековечения памяти погибших, обозначаются наиболее важные аспекты сохранения и реставрации памятников. Кроме того, Федеральный закон дает основания для применения механизмов международного права в целях установления исторической ответственности государств, причастных к геноциду советского народа.

В наши дни можно получить все новые сведения о жертвах мирного населения от нацистов. В печати отмечается, что «геноцид – это не обезличенная формула, у него есть свое страшное лицо». Факты проявления геноцида собраны и опубликованы на портале Национального центра исторической памяти при президенте РФ «Геноцид советского народа». Отмечается, что судами регионов России вынесено 34 решения о признании факта геноцида со стороны нацистов и их пособников в отношении мирных советских граждан и военнопленных. Совершенное преступление подтверждено в отношении 8 миллионов 200 тысяч человек. Сохранить о них память можно только всем вместе [Елена Новоселова 2026]. Эта тема актуальна во все времена и для всех народов по недопущению геноцида в отношении каких-либо стран. Как совершившийся факт, тема особенно актуальна для нас, поскольку она лежит в плоскости нашего миропонимания, позволяет ответить на вопросы о наших ценностях, о месте России в мире, ее роли в мировом историческом процессе, особенно в победе над нацизмом. Тема позволяет всегда держать в поле зрения героизм наших предков, совершивших подвиг, проявивших мужество в сопротивлении оккупации.

Мы должны в период 81-й годовщины Великой Победы над фашистской Германией в 1945 г. и в последующие годы брать на себя обязательства по сохранению исторической правды о самой кровавой войне в истории человечества и исторической памяти правды о вкладе советского солдата в Победу, и передать правду последующим поколениям.

Также следует акцентировать внимание на том, что, восстановив свой суверенитет после драматического распада Союза, Российская Федерация продолжает с каждым годом наращивать свой потенциал, даже в условиях СВО, для реализации полной независимости от каких-либо государств во внешней и внутренней политике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

75 лет Великой Победы 2020 – 75 лет Великой Победы 1945–2020. Мы помним, мы гордимся // Литературная Кабардино-Балкария. – 2020. – № 2. – С. 5–39.

Абазов 2025 – *Абазов А.Х.* Два уровня формирования исторической памяти // Кабардино-Балкарская правда. – 2025. – 8 мая. – № 55.

Апажева, Татаров 2023 – *Апажева Е.Х., Татаров А.А.* Причастные к Великой Победе. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2023. – 179 с.

Асанов 2015 – *Асанов В.Н.* О внешней политике Сталина накануне войны. – Нальчик: [б. и.], 2015. – 196 с.

Багаутдинов 2021 – *Багаутдинов А.М.* Искажение истории Великой Отечественной войны в западной и российской военной историографии // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. Т. 1. – М.: РАН, МНЭПУ, Московский психолого-социальный университет, 2021. – С. 317–320.

Бастрыкин 2025 – *Бастрыкин А.И.* Дело об убийцах народов // Российская газета. – 2025. – 7 мая. – № 99.

Боевая слава… 1980 – Боевая слава Кабардино-Балкарии. Книга четвертая. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1980. – 511 с.

Бычков 2021 – *Бычков А.В.* Как Европа и США работали на Вермахт и о чем молчат школьные учебники истории // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. Т. 1. – М.: РАН, МНЭПУ, Московский психолого-социальный университет, 2021. – С. 80–87.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 кн., кн. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. – М.: Кучково поле, 2012. – 864 с.

Военный энциклопедический словарь 1984 – Военный энциклопедический словарь / гл. ред. Н.В. Огарков. – М.: Воениздат, 1984. – 864 с.

Волкогонов 1989 – *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. – Кн. 2, ч. 1. – М.: Издательство Агентства печати «Новости», 1989. – 424 с.

Вторая мировая война 2021 – Вторая мировая война и современные тенденции по искажению её итогов и послевоенного мироустройства: [в 5 т.]. Т. 1. – М.: Российская академия наук, 2021. – 572 с.

Гугова 2018 – *Гугова М.Х.* Кабардино-Балкария накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2018. – № 2 (37). – С. 23–29.

Елена Новоселова 2026 – *Новоселова Е.* «Без срока давности» // Российская газета. – 2026. – 17 апреля. – № 87.

Жарова, Мишина 1992 – *Жарова Л.Н., Мишина И.А.* История Отечества. 1900–1944 гг. – М.: Просвещение, 1992. – 335 с.

Ибрагимбейли 1977 – *Ибрагимбейли Х.М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М.: Главная редакция Восточной литературы, Издательство «Наука», 1977. – 318 с.

Ибрагимбейли 1981 – *Ибрагимбейли Х.М.* Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ: сб. ст. – М.: Издательство «Наука», 1981. – С. 265–287.

Ильницкий 2024 – *Ильницкий А.* Битва за русский мир // Российская Федерация сегодня. – 2024. – № 2. – С. 45–58.

Историческая память 2025 – Историческая память: штрихи Великой Победы. Сборник документов и материалов. – Нальчик: Издательская типография «Принт-Центр», 2025. – 392 с.

Историческое сознание 2022 – Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии; под ред. М.К. Горшкова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 248 с.

Кабардино-Балкария… 1941–1945 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: канун и начало войны. Документы и материалы / сост. Л.А. Киршнер. – Л.: Лениздат, 1991. – 432 с.

Кайзер 2021 – *Кайзер К.* 80-летие нападения фашистской Германии на СССР: что думают и говорят об этом в современной Германии? // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства. Т. 1. – М.: РАН, МНЭПУ, Московский психолого-социальный университет, 2021. – С. 106–108.

Ковалев, Ржешевский 1989 – *Ковалев Ф.Н., Ржешевский О.А.* Так начиналась война // Урок даёт история / Под общ. ред. акад. В.Г. Афанасьева и Г.Л. Смирнова. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – С. 268–284.

Кориневский 2023 – *Кориневский Ю.А.* Хроника войны на Северном Кавказе (июль 1942 – октябрь 1943 г.). – Черкесск: РГБУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство», 2023. – 79 с.

Котляров 2025 – *Котляров В.Н.* «Аненербе»: что искали гитлеровцы на Северном Кавказе. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2025. – 90 с.

Крайнов 2021 – *Крайнов Г.Н.* Геополитическое значение победы СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению её итогов и послевоенного мироустройства: сб. докл. и материалов. Т. 1. – М., 2021. – С. 116–121.

Лукьянов 2025 – *Лукьянов Ф.* Мир без правил. Парад. Послесловие // Российская газета. – 2025. – 13 мая. – № 102 (9641).

Мы помним… 2025 – Мы помним тебя, неизвестный солдат! // Газ. «Молодёжка». – 2025. – 23 апреля. – № 17.

Нальчик 2025 – Нальчик – город воинской славы // Газ. «Молодёжка». – 2025. – 26 марта. – № 13.

Народный подвиг 1981 – Народный подвиг в битве за Кавказ: сб. ст. – М.: Издательство «Наука», 1981. – 407 с.

Нюрнбергский процесс 1989 – Нюрнбергский процесс: Документы и материалы: в 8 т. / отв. ред., авт. предисл. А.М. Рекунков. – Т. 3 / сост. Ю.Н. Зоря, Е.Н. Кульков. – М.: Юридическая литература, 1989. – 656 с.

Опрышко 1988 – *Опрышко О.Л.* Выстоять и победить. Документальное повествование. – Нальчик: Издательство «Эльбрус», 1988. – 228 с.

Патрушев 2026 – *Патрушев Н.П.* Когда война на пороге // Российская газета. – 2026. – 15 июня. – № 128.

Ржешевский 1986 – *Ржешевский О.А.* Великая Победа советского народа // Ежегодник германской истории. 1985. – М.: Наука, 1986. – С. 9–27.

Сабанчиев 2023 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Избранные труды. – Нальчик: ООО «Фрегат», 2023. – 576 с.

Советский Союз 1978 – Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. М.А. Самсонов. – М.: Наука, 1978. – 713 с.

Татаров 2025 – *Татаров А.А.* Стратегические планы врага были сорваны благодаря защитникам Кабардино-Балкарии // Газ. КБП. – 2025. – 21 января. – № 7.

Территория мужества 2025 – Территория мужества. Победа ковалась и на земле Кабардино-Балкарии. Знать и помнить. Август 1942 – январь 1943 / [сост. М. и В. Котляровы]. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2025. – 516 с.

Тетуев 2019 – *Тетуев А.И.* Кабардино-Балкария в период битвы за Кавказ (июль 1942 – январь 1943 гг.) // Кавказология. – 2019. – № 2. – С. 55–71.

Хакуашев 1971 – *Хакуашев Е.Т.* В боях за Кабардино-Балкарию. – Нальчик: [б. и.], 1971. – 137 с.

Хакуашев 1978 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Нальчик: [б. и.], 1978. – 318 с.

Шаповалова 2012 – *Шаповалова Н.С.* Социальная память в закрытых и открытых обществах: социально-философский анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Саратов: [б. и.], 2012. – 18 с.

Шерстюк 2025 – *Шерстюк В.П.* Тайны шифртелеграмм // Российская газета. – 2025. – 13 мая. – № 102.

REFERENCES

75 let Velikoy Pobedy 1945–2020. My pomnim, my gordimsya [75 Years of the Great Victory 1945–2020. We Remember, We Are Proud]. In: Literaturnaya Kabardino-Balkariya. – 2020. – № 2. – P. 5-39. (In Russ.)

ABAZOV A.Kh. *Dva urovnya formirovaniya istoricheskoy pamyati* [Two Levels of Formation of Historical Memory]. In: Kabardino-Balkarskaya pravda. – 2025. – 8 May. – № 55. (In Russ.)

APAZHEVA E.Kh., TAROV A.A. *Prichastnye k Velikoy Pobede* [Those Involved in the Great Victory]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2023. – 179 p. (In Russ.)

ASANOV V.N. *O vneshney politike Stalina nakanune voyny* [On Stalin's Foreign Policy on the Eve of the War]. – Nalchik, 2015. – 196 p. (In Russ.)

BAGAUTDINOV A.M. *Iskazhenie istorii Velikoy Otechestvennoy voyny v zapadnoy i rossiyskoy voennoy istoriografii* [Distortion of the History of the Great Patriotic War in Western and Russian Military Historiography]. In: Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroystva. Vol. 1. – Moscow, 2021. – P. 317-320. (In Russ.)

BASTRYKIN A.I. *Delo ob ubiytsakh narodov* [The Case of the Murderers of Peoples]. In: Rossiyskaya gazeta. – 2025. – 7 May. – № 99. (In Russ.)

Boevaia slava Kabardino-Balkarii. Kniga chetvertaia [Military Glory of Kabardino-Balkaria. Book Four]. – Nalchik: Izdatelstvo "Elbrus", 1980. – 511 p. (In Russ.)

BYCHK A.V. *Kak Evropa i SShA rabotali na Vermaht i o chem molchat shkolnye uchebniki istorii* [How Europe and the USA Worked for the Wehrmacht and What School History Textbooks Are Silent About]. In: Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroystva. Vol. 1. – Moscow, 2021. – P. 80-87. (In Russ.)

Velikaia Otechestvennaia voyna 1941–1945 godov: v 12 kn., kn. 3: Bitvy i srazheniia, izmenivshie khod voyny [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vols., vol. 3: Battles That Changed the Course of the War]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2012. – 864 p. (In Russ.)

Voennyi entsiklopedicheskii slovar [Military Encyclopedic Dictionary] / ed. by N.V. Ogarkov. – Moscow: Voenizdat, 1984. – 864 p. (In Russ.)

VOLKOGONOV D.A. *Triumf i tragediia: Politicheskii portret I.V. Stalina* [Triumph and Tragedy: A Political Portrait of I.V. Stalin]. In 2 vols. – Vol. 2, pt. 1. – Moscow: Izdatelstvo Agentstva pechati "Novosti", 1989. – 424 p. (In Russ.)

Vtoraia mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroystva [World War II and Modern Trends in Distorting Its Results and Post-War Order]: in 5 vols. Vol. 1. – Moscow, 2021. – 572 p. (In Russ.)

GUGOVA M.Kh. *Kabardino-Balkariia nakanune i v nachalnyi period Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kabardino-Balkaria on the Eve and in the Initial Period of the Great Patriotic War]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. – 2018. – № 2 (37). – P. 23-29. (In Russ.)

NOVOSELOVA E. *"Bez sroka davnosti"* ["Without Statute of Limitations"]. In: Rossiyskaya gazeta. – 2026. – 17 April. – № 87. (In Russ.)

ZHAROVA L.N., MISHINA I.A. *Istoriia Otechestva. 1900–1944 gg.* [History of the Fatherland. 1900–1944]. – Moscow: Prosveshchenie, 1992. – 335 p. (In Russ.)

IBRAGIMBEILI Kh.M. *Krakh "Edelveisa" i Blizhniy Vostok* [The Collapse of "Edelweiss" and the Middle East]. – Moscow: Glavnaia redaktsiia Vostochnoy literatury, Izdatelstvo "Nauka", 1977. – 318 p. (In Russ.)

IBRAGIMBEILI Kh.M. *Krakh gitlerovskogo okkupatsionnogo rezhima na Kavkaze* [The Collapse of the Hitlerite Occupation Regime in the Caucasus]. In: Narodnyi podvig v bitve za Kavhaz: sb. st. – Moscow: Izdatelstvo "Nauka", 1981. – P. 265-287. (In Russ.)

ILNITSKII A. *Bitva za russkii mir* [The Battle for the Russian World]. In: Rossiyskaya Federatsiia segodnia. – 2024. – № 2. – P. 45-58. (In Russ.)

Istoricheskaia pamat: shtrikhi Velikoy Pobedy [Historical Memory: Strokes of the Great Victory]. – Nalchik: Izdatelskaia tipografiia "Print-Tsentr", 2025. – 392 p. (In Russ.)

Istoricheskoe soznanie rossiian: otsenki proshlogo, pamat, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmereniia) [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols]. – Moscow: Izdatelstvo "Ves Mir", 2022. – 248 p. (In Russ.)

Kabardino-Balkariia v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: kanun i nachalo voyny [Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War of 1941–1945: The Eve and the Beginning of the War]. – Leningrad: Lenizdat, 1991. – 432 p. (In Russ.)

KAIZER K. *80-letie napadeniia fashistskoy Germanii na SSSR: chto dumayut i govoryat ob etom v sovremennoy Germanii?* [80th Anniversary of Fascist Germany's Attack on the USSR]. In: Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov i poslevoennogo miroustroystva. Vol. 1. – Moscow, 2021. – P. 106-108. (In Russ.)

KOVALVE F.N., RZHENESKII O.A. *Tak nachinalas voyna* [Thus the War Began]. In: Urok daet istoriia. – Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1989. – P. 268-284. (In Russ.)

KORINEVSKII Yu.A. *Khronika voyny na Severnom Kavkaze (iiul 1942 – oktiabr 1943 g.)* [Chronicle of the War in the North Caucasus (July 1942 – October 1943)]. – Cherkessk, 2023. – 79 p. (In Russ.)

KOTLIAROV V.N. *"Anenerbe": chto iskali gitlerovtsy na Severnom Kavkaze* ["Anenerbe": What the Hitlerites Were Looking for in the North Caucasus]. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2025. – 90 p. (In Russ.)

KRAINOV G.N. *Geopoliticheskoe znachenie pobedy SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Geopolitical Significance of the USSR Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945]. In: Vtoraya mirovaya voyna i sovremennye tendentsii po iskazheniyu ee itogov. Vol. 1. – Moscow, 2021. – P. 116-121. (In Russ.)

LUKYANOV F. *Mir bez pravil. Parad. Posleslovie* [A World Without Rules. Parade. Afterword]. In: Rossiyskaya gazeta. – 2025. – 13 May. – № 102 (9641). (In Russ.)

My pomnim tebia, neizvestnyi soldat! [We Remember You, Unknown Soldier!]. In: Gaz. "Molodezhka". – 2025. – 23 April. – № 17. (In Russ.)

Nalchik – gorod voinskoy slavy [Nalchik – City of Military Glory]. In: Gaz. "Molodezhka". – 2025. – 26 March. – № 13. (In Russ.)

Narodnyi podvig v bitve za Kavhaz: sb. st. [The People's Feat in the Battle for the Caucasus]. – Moscow: Izdatelstvo "Nauka", 1981. – 407 p. (In Russ.)

Niurnbergskii protsess: Dokumenty i materialy: v 8 t. [Nuremberg Trial: Documents and Materials: in 8 vols.] / ed. by A.M. Rekunkov. – Vol. 3. – Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1989. – 656 p. (In Russ.)

OPRYSHKO O.L. *Vystoiat i pobedit. Dokumentalnoe povestvovanie* [To Withstand and to Win. A Documentary Narrative]. – Nalchik: Izdatelstvo "Elbrus", 1988. – 228 p. (In Russ.)

PATRUSHEV N.P. *Kogda voyna na poroge* [When War Is at the Door]. In: Rossiyskaya gazeta. – 2026. – 15 June. – № 128. (In Russ.)

RZHENESKII O.A. *Velikaia Pobeda sovetskogo naroda* [The Great Victory of the Soviet People]. In: Ezhegodnik germanskoy istorii. 1985. – Moscow: Nauka, 1986. – P. 9-27. (In Russ.)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. – Nalchik: OOO "Fregat", 2023. – 576 p. (In Russ.)

Sovetskii Soiuz v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [The Soviet Union During the Great Patriotic War of 1941–1945] / ed. by M.A. Samsonov. – Moscow: Nauka, 1978. – 713 p. (In Russ.)

TATAROV A.A. *Strategicheskie plany vraga byli sorvany blagodaria zashchitnikam Kabardino-Balkarii* [The Enemy's Strategic Plans Were Thwarted Thanks to the Defenders of Kabardino-Balkaria]. In: Gaz. KBP. – 2025. – 21 January. – № 7. (In Russ.)

Territoriia muzhestva. Pobeda kovalas i na zemle Kabardino-Balkarii [Territory of Courage. Victory Was Forged on the Soil of Kabardino-Balkaria] / compiled by M. i V. Kotlyarovy. – Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2025. – 516 p. (In Russ.)

TETUEV A.I. *Kabardino-Balkariia v period bitvy za Kavhaz (iiul 1942 – ianvar 1943 gg.)* [Kabardino-Balkaria During the Battle for the Caucasus (July 1942 – January 1943)]. In: Kavkazologiia. – 2019. – № 2. – P. 55-71. (In Russ.)

KHAKUASHEV E.T. *V boiakh za Kabardino-Balkariiu* [In Battles for Kabardino-Balkaria]. – Nalchik, 1971. – 137 p. (In Russ.)

KHAKUASHEV E.T. *Kabardino-Balkarskaia ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Kabardino-Balkarian ASSR During the Great Patriotic War (1941–1945)]. – Nalchik, 1978. – 318 p. (In Russ.)

SHAPOVALOVA N.S. *Sotsialnaia pamat v zakrytykh i otkrytykh obshchestvakh* [Social Memory in Closed and Open Societies]. – Saratov, 2012. – 18 p. (In Russ.)

SHERSTIUK V.P. *Tainy shifrtelegramm* [Secrets of Encrypted Telegrams]. In: Rossiyskaya gazeta. – 2025. – 13 May. – № 102. (In Russ.)

Сведения об авторах

Б.Б. Хубиев – доктор филологических наук, профессор.

М.С. Тамазов – кандидат исторических наук, доцент.

З.А. Атабиева – кандидат социологических наук, доцент

З.В. Шоранова – кандидат исторических наук.

Information about the authors

B.B. Khubiev – Doctor of Philological Sciences, Professor.

M.S. Tamazov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Z.A. Tabieva – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Z.V. Shoranova – Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contrbution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 338.45:661.6(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-199-215
EDN: JLHYIC

«КОСЫГИНСКАЯ» РЕФОРМА 1965 ГОДА: ОПЫТ ТЫРНЫАУЗСКОГО ВОЛЬФРАМО-МОЛИБДЕНОВОГО КОМБИНАТА

Петр Абрамович Кузьминов[1], **Расул Салихович Гуртуев**[2], **Эмма Барасбиевна Абанокова**[3], **Аубекир Михайлович Хатухов**[4]

[1,2,3,4] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[1] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[2] rasul.gurtuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0092-0742

[3] abanokova2016@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7636-8296

[4] aubekir_hatuhov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9702-1294

Аннотация. В статье на основе архивных данных рассматривается процесс введения в экономическую практику функционирования Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината положений «косыгинской» реформы, предусмотренной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года № 729 «О совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства». ТВМК был переведен на новые условия планирования и экономического стимулирования 1 июля 1968 года. В этот период предприятие получило новую проходческую технику, и меры экономического стимулирования привели к ее ускоренному освоению с установлением в 1970 году всесоюзного рекорда. Авторами проводится анализ этой деятельности и сравнение с элементами стахановского движения в ходе второй пятилетки 1932–1937 годов в СССР.

Ключевые слова: Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат; «косыгинская» реформа; фонд директора; фонд материального стимулирования; стахановское движение

Финансирование: Исследование подготовлено в рамках гранта РНФ № 25-28-20355. «История становления и развития горнорудного комплекса в Приэльбрусье (конец XIX – начало XXI вв.): историко-экономические и экологические аспекты».

Для цитирования: Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Абанокова Э.Б., Хатухов А.М. «Косыгинская» реформа 1965 года: опыт Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 199-215. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-199-215. EDN: JLHYIC.

© Кузьминов П.А., Гуртуев Р.С., Абанокова Э.Б., Хатухов А.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

EXPERIENCE OF THE "KOSYGIN" REFORM AT THE TYRNIAUZ MINING AND METALLURGICAL COMBINATION

Petr A. Kuzminov[1], **Rasul S. Gurtuev**[2], **Emma B. Abanokova**[3], **Aubekir M. Khatukhov**[4]

[1,2,3,4] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1] petrakis_hist@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-5767-1484

[2] rasul.gurtuev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0092-0742

[3] abanokova2016@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7636-8296

[4] aubekir_hatuhov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9702-1294

Abstract. Based on archival data, the article examines the process of introducing the provisions of the "Kosygin" reform into the economic practice of the Tyrnyauz tungsten-molybdenum plant, as stipulated by the resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated October 4, 1965, No. 729 "On improving planning and strengthening the economic incentives for industrial production." TVMK was transferred to new planning and economic incentive conditions on July 1, 1968. During this period, the company received new tunneling equipment, and economic incentive measures led to its accelerated development with the establishment of an All-Union record in 1970. The authors analyze this activity and compare it with elements of the Stakhanov movement during the second five-year plan of 1932–1937 in the USSR.

Keywords: Tyrnyauz tungsten-molybdenum plant; "Kosygin" reform; director's fund; material incentives fund; Stakhanovite movement.

Funding: The study was prepared within the framework of RNF grant No. 25-28-20355. “The history of the formation and development of the mining complex in the Elbrus region (late 19th – early 21st centuries): historical, economic and environmental aspects.”

For citation: Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Abanokova E.B., Khatukhov A.M. Experience of the "Kosygin" reform at the Tyrnyauz Mining and Metallurgical Combination. IN: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 199-215. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-199-215. EDN: JLHYIC.

© Kuzminov P.A., Gurtuev R.S., Abanokova E.B., Khatukhov A.M., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

История создания и развития Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината – одна из ярких страниц социалистической индустриализации в СССР. Открытое 1 сентября 1940 г. крупное предприятие в высокогорной части Баксанского ущелья КБАССР, не успев набрать полную мощность, было взорвано в условиях угрозы захвата немецко-фашистскими войсками в ноябре 1942 г. После изгнания оккупантов комбинат был быстро восстановлен и в послевоенные годы активно развивался, достигнув полного расцвета в 1980-е гг. с добычей 10 млн. тонн руды в год. При этом наивысший объем извлечения вольфрама был достигнут в 1969 г. – 11,5 тыс. тонн. В дальнейшем сохранение объемов выпуска продукции, ввиду перехода к переработке бедных рудных запасов, достигалось увеличением физических объемов добычи и обогащения, оптимизацией производственных процессов, внедрением передовых способов извлечения металлов.

В статье на основе изучения архивных материалов комбината дается анализ ряда экономических аспектов роста производительности труда в контексте внедрения в экономику СССР методов материального стимулирования в ходе «косыгинской» экономической реформы конца 1960-х гг.

По нашему мнению, методы экономического стимулирования производства в ходе «косыгинской» реформы во многом перекликаются с аналогичными мерами 1930-х гг. в ходе второй пятилетки, зарождения и развития стахановского движения.

К сожалению, в современных оценках «сталинского» времени в истории СССР превалируют в основном эмоциональные оценки с поиском неудачных решений частного характера [Сметанин 2018].

Между тем, именно экономические решения тех лет, проводившиеся впервые в мировой истории, были основой непревзойденных и поныне темпов экономического роста СССР, а Великая Победа 1945 г. была победой, в первую очередь, именно экономической. Реальные особенности успешного развития промышленности в середине XX в., прерванные непродуманными экспериментами в период руководства страной Н.С. Хрущева, вызвали необходимость его отстранения от власти и исправления порожденных ими глобальных перекосов, названная впоследствии «косыгинской» реформой. И, как показывает анализ архивных документов Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината, попытки эти во многом опирались на опыт второй пятилетки в СССР, но в силу изменившихся политических условий в стране и быстрого сворачивания реформ кардинально решить проблему не смогли. Тем не менее, кратковременный и яркий эффект «косыгинская» реформа произвела – в 1970 г. был установлен рекорд проходки восстающих выработок на руднике «Молибден», за который целая группа рабочих и инженеров комбината получила награды и премии, а бригадир Шарафутдин Муллаев – звание Героя Социалистического Труда.

Дорога к рекорду складывалась на базе освоения новой техники, поступившей на комбинат в середине 1960-х гг., и научной организации труда. В этом эксперимент на Тырныаузском комбинате является аналогом наиболее ярких образцов стахановского движения, получившего особый размах в 30–40-е гг. XX в. То же внедрение новой техники, тот же научный подход к организации производства, позволяющий выжать из нее максимум производительности.

Исследованиям «косыгинской» реформы посвящены как исторические статьи и монографии, в основном мемуарного характера [Байбаков 2010; Белкин 2003], так и разнообразные экономические работы [Бирман 1966; Иванченко 2009; Бабкина 2017].

Безусловную ценность имеет исследование В.Н. Кобахидзе, бывшего директора ТВМК, проработавшего на комбинате более 20 лет, который использовал в работе не только официальные данные, но и личные впечатления [Кобахидзе 1970]. Его оценки процесса модернизации комбината на протяжении 25 лет дают возможность сравнить темпы производства на комбинате с 1945 по 1970 гг.

Воспоминания Ш. Муллаева отражают значительную подготовительную работу инженерно-технического персонала и коллектива бригады по увеличению производительности труда и установлению всесоюзного рекорда по проходке горизонтальных и восстающих горных выработок [Муллаев 1981].

Современные исследователи, как правило, обращают внимание на фундаментальное противоречие между практикой сложившейся в СССР административно-командной системы и вопросами оценки эффективности труда и меры его стоимости в отсутствии рыночных механизмов. Априори предполагается, что эталоном в этом вопросе является капиталистический способ производства. При этом, «нельзя не признать того, что на этапе индустриализации командно-административная модель экономического устройства оказалась весьма действенной, по крайней мере с точки зрения достижения формулировавшихся политическим руководством страны целей. Ее главное достоинство состояло в том, что она давала возможность быстро концентрировать огромные ресурсы на приоритетных направлениях. Неслучайно Советский Союз в исторически короткий срок сумел кардинальным образом преобразовать весь производственно-технологический ландшафт и войти в состав промышленно развитых государств мира» [Голанд, Некипелов 2010: 51].

Однако, считают Голанд и Некипелов, к середине 1960-х гг. стали проявляться и слабые стороны выстроенной в предвоенные годы системы. По мере усложнения цепочек производства результативность централизованных директивных методов планирования стала уменьшаться, что поставило на повестку дня поиск иных методов роста производительности труда.

Стахановское движение

Стахановское движение в промышленности, как и локальные попытки его повторения впоследствии, возникшее далеко не спонтанно в 1935 г., было подготовлено всей логикой развития СССР, начиная с декабря 1917 г. Именно тогда в статье руководителя государства В.И. Ленина «Как организовать соревнование?» были продекларированы экономические и политические основания для «широкого, поистине массового создания возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин…» [Ленин 1974: 196], возникшие вследствие национализации средств производства и финансовой сферы.

В ходе второй пятилетки (1933–1937 гг.) перед страной были поставлены задачи резкого увеличения производительности труда, глубокого освоения новой техники, которая поступила на новые промышленные предприятия в предшествующие годы.

На предприятиях стало претворяться в жизнь постановление Совета Труда и Обороны (СТО) от 30 июня 1932 г. «Об обязательном обучении рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки или механизмы»; установленный им срок освоения техминимума истекал в 1935 г. Массовая техническая учеба началась в 1933 г., ее масштабы значительно расширились в 1934–1935 гг., охватив рабочих основных отраслей народного хозяйства всех республик и областей страны [Митрофанова, Рогачевская 2018: 4].

В мае 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О заработной плате рабочих и инженерно-технических работников угольной промышленности Донбасса», которое стало финансовым фундаментом стахановского движения. Кроме этого, менялась система оплаты и в других сферах промышленности [Башлыков 2025: 55].

В ночную смену с 30 на 31 августа 1935 г. бригадой А.Г. Стаханова был поставлен рекорд в 14 обычных норм, который и дал название массовому движению по освоению новой техники и позволил за вторую пятилетку поднять производительность труда в промышленности СССР на 90 % [Башлыков 2025: 55]. А 19 апреля 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР на промышленных предприятиях был создан фонд директора, из которого, уже на постоянной основе, финансировались премиальные выплаты членам новаторских бригад, повышающим производительность труда.

Опыт Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината

1 января 1945 г. восстановленный Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат официально возобновил свою работу. С этого времени начался не только процесс постоянного расширения комбината, ввод в строй мощностей 2-й и 3-й очереди, запроектированных ещё до войны, с выходом на показатели добычи и переработки 5 тыс. тонн руды в сутки (1954 г.), но и постоянное увеличение производительности труда, механизации наиболее трудоемких производственных процессов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 354. Л. 72–73]. В 1964 г. Советом Министров РСФСР было принято решение о строительстве 4-й, 5-й и 6-й очередей на комбинате с выходом на показатели 13,7 тыс. тонн руды в сутки или 4,66 млн. тонн в год [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 354. Л. 74]. Строительство новых объектов с 1948 г. велось методом «внутрихозяйственного подряда», то есть внутри предприятия были выделены отдельные строительные подразделения: проходкой и строительством новых шахт занималось горно-строительное управление (ГСУ) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 38. Л. 7–8], возведением поверхностных сооружений занималось строительно-монтажное управление № 1 (впоследствии Управление капитального строительства (УКС), а затем Отдел капитального строительства (ОКС), которое подчинялось непосредственно строительному Главку Министерства цветной металлургии. Такая форма строительства новых производственных объектов сохранялась до 1966 г., после чего строительство велось обычным подрядным способом [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 354. Л. 29].

По свидетельству главного инженера, а затем директора ТВМК Валериана Нариманович Кобахидзе, за период с 1945 по 1968 гг., благодаря автоматизации производительность труда одного рабочего по руднику «Молибден» увеличилась в 9 раз, а себестоимость добычи руды снизилась в 2,1 раза. В 1968 г. механизмами убиралось 97,5 % отбитой горной массы против 22,2 % в 1946 г. [Кобахидзе 1970: 58].

У этого процесса были свои экономические особенности. В послевоенное время, когда существовала серьезная проблема дефицита квалифицированных кадров, на Тырныаузском комбинате существовала весьма распространенная

практика единовременного премирования рабочих за определённые сроки непрерывной работы: от 8 месяцев и выше [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6. Л. 9, 41]. Выплаты проводились в соответствии с приказом Наркомата цветной металлургии № 827 от 16 декабря 1940 г. из фонда директора ТВМК.

Как известно, фонд директора на предприятиях СССР существовал с перерывом на Великую Отечественную войну с 1936 по 1955 гг. – до начала «хрущевских» экономических экспериментов, и формировался из расчета 4 % от плановой прибыли + 50 % сверхплановой прибыли предприятия[1]. На предприятиях, где государственным планом прибыль не была предусмотрена, фонд директора формировался из расчета 3 % от планового снижения себестоимости + 50 % от сверхпланового снижения себестоимости продукции[2].

Постановлением Совета Министров СССР от 5 декабря 1946 г. № 2607 на предприятиях горнорудной промышленности Министерства цветной металлургии, в виде исключения, эти показатели были увеличены: в директорский фонд шло 10 % от плановой прибыли + 75 % от сверхплановой прибыли (или сверхплановой экономии от снижения себестоимости продукции на предприятиях, где по плану прибыль не предусмотрена)[3].

Директор по согласованию с профсоюзной организацией мог единовременно премировать любого сотрудника за конкретную работу, а по согласованию с вышестоящей организацией, совместно с другими предприятиями, расходовать средства на постройку жилья для работников, санаториев, детских садов, приобретение путевок в дома отдыха и т.д. Например, на ТВМК в 1953 г. из фонда директора в числе прочего премировали «за досрочное выполнение столярных работ по устройству диспетчерского помещения обогатительной фабрики» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6. Л. 22]. Или «за своевременное и четкое выполнение задания комбината по обеспечению комбината сеном» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6. Л. 53]. Или «за проявленную бдительность при исполнении служебных обязанностей и предотвращение аварии» на канатной дороге [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6. Л. 504]. Но в основном премирование из фонда директора было направлено на стимулирование рабочих основных специальностей и инженерно-технического персонала: например, «за досрочное выполнение плана 1952 г. к 21 декабря – дню славной годовщины рождения Иосифа Виссарионовича Сталина» были премированы 30 рабочих рудника «Молибден» и обогатительной фабрики [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6.

[1] Постановление ЦИК СССР № 75, СНК СССР № 729 от 19.04.1936 г. «О фонде директора предприятия за счет прибылей» / Система нормативных документов «Меганорм». [Электронный ресурс] URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/52/postanovlenie_tsik_sssr_ot_13_01_1937_ob_utverzhdenii/0/postanovlenie_tsik_sssr_N_75_snk_sssr_N_729_ot_19_04_1936_o.html (Дата обращения: 20.07.2026)

[2] Постановление ЦИК СССР № 54, СНК СССР № 724 от 19.04.1936 г. «О фонде директора в предприятиях, в которых государственным планом не предусмотрена прибыль» / Система нормативных документов «Меганорм». [Электронный ресурс] URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/52/postanovlenie_tsik_sssr_ot_13_01_1937_ob_utverzhdenii/0/postanovlenie_tsik_sssr_N_54_snk_sssr_N_724_ot_19_04_1936_o.html (Дата обращения: 20.07.2026)

[3] Постановление Совмина СССР от 05.12.1946 № 2607 «О фонде директора промышленных предприятий» / Система нормативных документов «Меганорм». [Электронный ресурс] URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/47/postanovlenie_sovmina_sssr_ot_18_05_1956_N_660_ob_izmenenii/0/postanovlenie_sovmina_sssr_ot_05_12_1946_N_2607_o_fonde.html (Дата обращения: 20.07.2026)

Л. 3]. Или «к Международному женскому дню и за высокие показатели в социалистическом соревновании» – 22 работницы комбината [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 6. Л. 11] получили выплаты из директорского фонда. Такой гибкий вариант оперативного решения вопросов – обеспечения рабочей силой предприятия, рационализации производства, экономии электроэнергии и материалов, повышения производительности труда – позволял в ручном режиме регулировать динамику развития, выполнять установленные государственными плановыми органами задания.

В 1957 г. система управления экономикой СССР была переведена на территориальный принцип – страна была разделена на совнархозы, которым передавалось оперативное управление предприятиями. Один из гигантов цветной металлургии страны – Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат – перешел в ведение Совета народного хозяйства Кабардино-Балкарского экономического административного района [УЦГА АС КБР. Ф. 753. Оп. 1. Д. 5а. Л. 52]. Соответственно, в документах и распоряжениях того времени стали превалировать резолюции общего характера: «устранить», «установить систематический контроль», «разработать и осуществить мероприятия», «улучшить работу», «продолжить исследовательские работы» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 410. Л. 58–60].

Фонды директора были переименованы в фонды предприятия, структура их расходов стала менее прозрачной, в ней уменьшилась доля расходов на модернизацию производства и стимулирование экономии материалов, рационализации производственных процессов [Сметанин 2018: 149]. Как утверждает А.В. Сметанин, на конкретных примерах Кировской области, основную долю расходов из фонда предприятия в эти годы составляли расходы на строительство жилья для работников.

Несмотря на быстрое расширение производства, на Тырныаузском комбинате в это время нарастали проблемы.

Как свидетельствуют документы, в течение ряда лет неудовлетворительные показатели работы ТВМК, а в особенности рудника «Молибден», вызывали многочисленные замечания руководства главка и министерства цветной промышленности СССР. В приказе по Главвольфраму от 25 мая 1967 г. анализировались причины сложившегося на предприятии в 1966-м и по итогам 4 месяцев 1967 г. положения – в документе фиксировали «неудовлетворительную организацию работ, большое количество нарушений трудовой дисциплины со стороны рабочих и ИТР, отступления от безопасного ведения работ, несоблюдения в ряде случаев принятых проектами и правилами ведения работ условий, что привело к высокому травматизму и увеличению несчастных случаев со смертельным исходом в 1967 году против соответствующего периода 1966 г. «Невыполнение плана горнопроходческих работ за 4 месяца 1967 г., плана добычи в основном из-за большого количества мелких аварий, неудовлетворительной организации труда, большого количества простоев и потерь, явились прямой причиной невыполнения плана по производству вольфрамовой и молибденовой продукции, а также валовой и товарной продукции в течение четырех месяцев работы в 1967 г. в целом по комбинату» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 45].

2 мая 1967 г. произошла крупная авария с обрывом каната и падением в ствол шахты противовеса подъемника, ликвидация последствий которой нарушила работу рудника «Молибден» на 5 дней, что, видимо, стало последней «каплей», которая переполнила чашу терпения руководства отрасли.

Приказом министерства цветной металлургии СССР от 19 мая 1967 г. исполняющим обязанности директора Тырныаузского ордена Трудового Красного Знамени вольфрамо-молибденового комбината Главного управления вольфрамо-молибденовой, плавикошпатовой и ртутно-сурьмяной промышленности был назначен Олег Викторович Филимонов, с освобождением от работы прежнего директора П.Ф. Кривчикова, «как не справившегося с порученной работой». Но цепь аварий на этом не закончилась – 2 июля 1967 г. обрушился «Пик Молибден» с выводом из строя шахты «Пик» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 354. Л. 64].

В приказе директора комбината от 3 ноября 1967 г., в котором оценивались итоги производственной деятельности рудника «Молибден» за 9 месяцев, в числе прочих недостатков отмечалось: «На руднике «Молибден» за счет основной группы рабочих неоправданно увеличены штаты вспомогательного и обслуживающего персонала, наряду с низким качеством производства работ этой группой трудящихся. Не уделяется достаточного внимания научной организации труда, допускаются значительные приписки объемов, простои рабочих из-за неподготовленности рабочих мест и неоперативности инженерно-технических работников» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 104. Л. 19].

Однако по итогам 1967 г. были отмечены и некоторые положительные сдвиги в работе комбината: по производству вольфрамовых концентратов плановые задания выполнялись 6 месяцев, молибденовых – 3 месяца. Годовой план с учетом аварий был снижен, повышены оптовые цены на продукцию – за счет этих мер основные показатели работы обогатительной фабрики за 1967 год были выполнены: извлечение трехокиси вольфрама – 100 % к плану и молибдена в концентраты высших марок КШМ–Э, КМ–1, КМ–2 – 101 % к плану [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 92]. В целом план по валовой продукции был выполнен на 101,3 % с уменьшением к факту 1966 г. на 1,5 %.

При этом ряд экономических показателей вызывал обоснованную критику вышестоящих организаций: из-за перерасхода расходных материалов и цеховых расходов себестоимость переработки руды превысила плановую на 12,7 %, себестоимость производства вольфрамовых концентратов – на 10,5 %, вольфрамо-молибденового промпродукта – на 8,2 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 95]. Производительность труда снизилась на 8,7 % к показателям 1966 г., при этом средняя зарплата выросла на 9,7 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 92].

Поэтому приказом Министерства цветной металлургии от 23 февраля 1968 г., которым, собственно, и подводились итоги за предыдущий год, предлагался к реализации целый ряд мер, которые должны были радикально изменить положение на ТВМК.

В их числе было обеспечение выполнения всего плана горно-капитальных работ, в том числе хозяйственным способом, расширение скоростных методов проходки горизонтальных и вертикальных выработок на базе новых агрегатов,

освоение новых мощностей, введение в эксплуатацию ранее начатых объектов и завершение их строительства в 1968 г., оптимизация штатов административно-управленческого аппарата, улучшение экономических показателей производства, включая значительное сокращение издержек, цеховых и общезаводских расходов.

И, главное, с 1 января 1968 г. предприятие переводилось на новые условия планирования и экономического стимулирования производства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 96–98]. В научной литературе перевод экономики на новые условия называют по имени Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина (1964–1980 гг.) «косыгинской» реформой или «реформой Косыгина–Либермана», добавляя имя одного из теоретиков реформы – профессора Харьковского государственного университета Е.Г. Либермана.

«Косыгинская» реформа включала в себя целый комплекс «ново-старо-введений»: в первую очередь – восстановление отраслевой системы управления промышленностью [Сафронов 2025: 32]. Кроме того, по итогам многолетней дискуссии в Госплане СССР и отраслевых научных учреждениях была выработана примерная схема оценки эффективности работы предприятий: «по реализованной продукции, полученной прибыли (рентабельности), выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции» и ряду других [Сафронов 2025: 32]. В качестве опорных позиций реформа предполагала:

– сокращение числа плановых показателей и выделение в качестве основного – объем реализованной продукции;

– усиление самостоятельности предприятий, прежде всего через создание трех стимулирующих фондов;

– интенсивное развитие автоматических систем плановых расчетов на уровне предприятий, отраслей и всего народного хозяйства (ГВЦ Госплана СССР) [Белых, Мау 2023: 100].

Постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731 было утверждено «Положение о социалистическом государственном производственном предприятии». Согласно этому документу, деятельность такого предприятия – «основного звена народного хозяйства СССР» – строилась на сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятия. Основой деятельности становился хозяйственный расчет, в том числе на хозрасчет переводились все подразделения: «Производственно-хозяйственная деятельность цехов, участков, отделений и других внутренних звеньев предприятия осуществляется, как правило, на основе внутреннего хозяйственного расчета»[1].

Часть прибыли (экономии от снижения себестоимости) перечислялась в фонд предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства, средства которого должны были расходоваться

[1] Постановление Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 731 «Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/901717097 Дата обращения: 05.07.2026 г.

«на осуществление мероприятий по новой технике, на модернизацию оборудования, расширение производства, на жилищное и культурно-бытовое строительство, на ремонт жилого фонда, на индивидуальное премирование, улучшение культурно-бытового и медицинского обслуживания работников, приобретение медикаментов для врачебно-санитарных учреждений предприятия, путевок в дома отдыха и санатории и на оказание работникам единовременной помощи. Изъятие и перераспределение вышестоящим органом средств фонда предприятия не допускаются»[1].

Помимо этого, в распоряжении предприятия оставалась прибыль, полученная от реализации товаров широкого потребления и изделий производственного назначения, изготовляемых из отходов производства (фонд ширпотреба). Создавался фонд освоения новой техники: «Предприятие производит в установленном порядке отчисление средств на премирование работников за работы по созданию и внедрению новой техники и для образования фонда освоения новой техники»[2].

Непосредственно введение в экономическую деятельность мероприятий реформы, предусмотренной постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства» на Тырныаузском вольфрамо-молибденовом комбинате началось с середины 1968 г. Приказом министерства цветной металлургии СССР от 22 июля 1968 г. Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат с 1 июля того же года переводился на новые условия планирования и экономического стимулирования [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 22].

В соответствии с новыми условиями предприятию увеличивался план по сравнению с 1967 г.: по объему реализуемой продукции – на 13,5 % до 53,5 млн. руб. (в том числе по второму полугодию 1968 г., т.е. при работе в новых условиях – до 27 млн. руб. – на 117,1 % к аналогичному периоду 1967 г.) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 1], затраты на 1 руб. товарной продукции должны были быть снижены на 9,89 % по году (на 22,4 % – по 2-му полугодию) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 2]. Резко возрастали отчисления в фонд материального поощрения – с 32 тыс. руб. за 1967 г. до 375 тыс. руб. на 1968 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 5], выросла сумма премий из фонда заработной платы (814 тыс. руб. на 1968 г. против 477,5 тыс. руб. в 1967 г.) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 8].

В связи с переходом на новую систему планирования и экономического стимулирования до основных подразделений были доведены обновленные планы производства. Рудник «Молибден» (начальник – Г.Л. Дзагоев) в 1968 г. должен был добыть 4,009 млн. тонн руды со средним содержанием вольфрама 0,199 %, молибдена 0,0492 %. Себестоимость добычи руды по году должна была быть снижена на 27,4 тыс. руб., которые шли в фонд оплаты труда работников предприятия [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 16–17].

[1] Там же.
[2] Там же.

Аналогичные планы получила обогатительная фабрика (начальник – Л.М. Глумов): производство вольфрамовой продукции – 10750 тонн, молибденового концентрата – 1893 тонны, висмута – 10 тонн, меди в металле и концентратах – 100 тонн. Фонд заработной платы увеличивался на 8,6 тыс. руб., фонд материального поощрения – 28,1 тыс. руб., при этом себестоимость переработки руды по году должна была быть снижена на 6750 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 19–20].

Цех канатных дорог (начальник – П.В. Галкин) также должен был снизить стоимость перевозки руды (на 2,9 тыс. руб. по году), которые шли на повышение фонда оплаты труда, устанавливался фонд материального поощрения (8,4 тыс. руб.) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 22].

Ремонтно-механический завод (начальник – Д.И. Исаков) обязан был снизить себестоимость производства углеродистой стали на 1,9 тыс. рублей по году, которые шли на увеличение фонда оплаты труда [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 24].

Энергоцеху (начальник – И.К. Дорошенко) вменялось снизить себестоимость кислорода на 1 тысячу руб., которые шли на увеличение ФОТ и, соответственно, премии работникам [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 26–27].

Фонды материального поощрения каждого структурного подразделения могли дополнительно быть увеличены на величину до 25 % от снижения цеховой стоимости производства. (Цеховая стоимость производства включала в себя все затраты по подразделению, фонд материального поощрения и плату за фонды.) Например, в руднике «Молибден» изначально фонд материального поощрения составлял 94 тыс. руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 363. Л. 17–18].

Приказом директора ТВМК О.В. Филимонова вышеперечисленные подразделения переходили на новую форму планирования с 1 июля 1968 г., автотранспортное хозяйство – с 1 августа 1968 г.

К началу 1969 г. были разработаны положения о хозяйственном расчете структурных подразделений ТВМК, в которых прописывались условия премирования, экономического поощрения и наказания работников в привязке к показателям рентабельности производства всего комбината, мер экономии материальных ресурсов в конкретном подразделении и т.д.

К примеру, в Положении по энергоцеху фиксировалось следующее: «При снижении сметы затрат и недопущении сверхнормативных остатков оборотных средств фактический размер фонда материального поощрения увеличивается на 20 % от сэкономленной суммы по смете затрат. При превышении сметы затрат фактический размер фонда материального поощрения уменьшается на сумму перерасхода. Минимальный размер фактического фонда материального поощрения не может быть меньше 40 % от планового [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 364. Л. 3].

Премирование производилось в процентах к основному окладу. При этом директор комбината имел право «с согласия комитета профсоюза увеличить на 25 % размер премии отдельным работникам, внесшим особый вклад в производство и проявившим личную инициативу для значительного улучшения работы цеха, отдела, службы. В таком же порядке и размере может быть снижена премия

отдельным работникам за отдельные производственные упущения» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 3. Д. 364. Л. 13].

Основным способом повышения производительности труда и снижения себестоимости продукции комбината в целом, было полноценное освоение новой техники, поступавшей на рудник, и ускорение проходческих работ.

Внедрение технологий быстрой проходки горизонтальных и восстающих горных выработок привело к созданию в 1966–1967 гг. трех скоропроходческих бригад, которые, осваивая новые образцы техники: проходческие комплексы КПВ-1, станки шарошечного бурения БШ-145, автоматические зарядники БПЗ-4, с применением консольных перегружателей, скреперных лебедок и т.д., при рациональной организации труда стали постепенно методично увеличивать месячные показатели проходки – по итогам 10 месяцев 1967 г. объемы горнопроходческих работ по сравнению с аналогичным периодом 1966 г. увеличились на 28 % [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 67], но они не решили вышеперечисленные проблемы комбината.

Первым новую технику стала осваивать бригада Игоря Бенюка, затем в 1967 году начался процесс оптимизации производственных процессов работы горнопроходческого комплекса бригадой Владимира Чермошенцева, которая смогла пройти за 21 день 70 погонных метров восстающего, а в апреле 1968 г. достигла показателя 151,2 погонных метра.

По мере освоения новой техники проходку горизонтальных выработок вместо максимальных ежемесячных 50 п. м. довели до 82 п. м., а в марте 1968 г. достигли показателя 200,3 п. м. Восстающие выработки с использованием комплекса КПВ–1А стали проходить со скоростью в 1966 г. – 50,2 п. м. в месяц, в 1967 г. – 70 п. м. в месяц, а в ноябре 1968 г. (после введения материального стимулирования – прим. авт.) бригада Воробьева установила рекорд в 426 п. м. восстающего в месяц [Муллаев 1981: 33].

«До начала хозяйственной реформы мы мало вникали в экономику нашей работы, – писал впоследствии бригадир бригады проходчиков, Герой Социалистического Труда Шарафутдин Муллаев. – Реформу мы осуществляли на комбинате как раз в год, когда коллектив занялся поиском путей резкого увеличения скоростей проходки. И тут уж начали считать и наши экономисты, и мы сами. Помнится, было введено такое новшество: рудник начал не просто, как раньше, поставлять, а «продавать» обогатительной фабрике руду. Фабрика должна была оплачивать перевозку ее по канатным дорогам. И получилось, что рудник, канатные дороги и фабрика как бы составили три отдельных предприятия» [Муллаев 1981: 44–45]. Каждое из этих трех условно самостоятельных подразделений имело свои отдельные фонды новой техники, материального стимулирования, социально-культурных мероприятий, формирование которых регулировалось отдельными положениями. Например, на руднике «Молибден» система формирования фондов была следующей: при условии выполнения плана добычи за каждый процент перевыполнения установленного уровня по содержанию металлов в руде фонд материального поощрения увеличивался на два процента. А за каждый процент снижения содержания металлов в руде фонд уменьшался на три процента.

В результате за 1969 г. снижение себестоимости тонны руды по сравнению с планом составило 12 коп., а кубометра всей горной массы – на 78 коп. Объем добычи руды повысился на 11,7 %, а производительность труда на одного работающего повысилась на 12 % [Муллаев 1981: 46].

В октябре 1969 г. бригада В. Амшокова за 31 рабочий день прошла 602 п. м. восстающих выработок [Кобахидзе 1970: 60].

Приказом министерства цветной металлургии от 14 ноября 1969 г. за достигнутые высокие результаты при проходке вертикальных выработок были премированы суммами по 100 рублей 48 работников ТВМК, имевших отношение к поставленному рекорду, в том числе начальник скоропроходческого участка М.Н. Жабоев, технический руководитель В.И. Олейник, механик участка В.А. Чумаченко [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 129–131]. А в декабре 1969 г. ТВМК получил третью премию в размере 500 рублей по итогам конкурса Минцветмета СССР за достижение наиболее полного и комплексного использования руд и концентратов на обогатительных фабриках и металлургических заводах цветной металлургии [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 140–141].

С 19 по 22 ноября 1968 г. на Тырныаузском комбинате прошло научно-техническое совещание по вопросу состояния и путях совершенствования буровой техники для подземных горных работ, в котором участвовало более 120 работников горнорудных предприятий страны, научно-исследовательских институтов, машиностроительных заводов, министерств, ведомств, профсоюзных организаций и Научно-технического общества цветной металлургии. По итогам совещания было принято несколько решений по совершенствованию уже зарекомендовавшей себя техники и разработке ряда новых образцов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 110–113].

Рекордное увеличение скоростей проходки, которое влияло на весь последующий производственный темп комбината, было немыслимо без широкого внедрения рационализаторских предложений, совместной работы рабочих, инженерно-технического персонала и экономического блока. Эта своеобразная кооперация стала выливаться в создание общественных творческих объединений. «Форм объединений было много: бюро технической информации, группы экономического анализа, различные бюро нормирования, патентные бюро и т.д.» [Муллаев 1981: 48]. В развитие этого процесса стали появляться творческие бригады, институты рабочих-исследователей, хозрасчетные бригады новаторов, которые брались за решение коренных проблем производства. А администрация предприятия заключала с ними договор, создавала возможности для лабораторных исследований [Муллаев 1981: 48–49].

С 10 марта по 10 апреля 1970 г. бригада скоростников-проходчиков Шарафутдина Муллаева установила рекорд скоростной проходки – 766 погонных метров за 31 рабочий день. Производительность труда на одного рабочего составила 4,44 м^3 – высшее достижение в горной промышленности Советского Союза. Стоимость одного погонного метра проходки была снижена на 80 рублей. А в день юбилейного субботника с 9 часов утра 10 апреля до 9 часов утра 11 апреля бри-

гада на сэкономленных материалах безвозмездно дополнительно прошла 30 погонных метров вертикальной выработки, установив еще и суточный рекорд [Муллаев 1981: 5–6].

За это достижение бригадир комплексной бригады Шарафутдин Муллаев получил высшую награду СССР – Золотую Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина. Высокие государственные и отраслевые награды и почетные звания получили все члены коллектива.

Рекорд бригады Ш.Я. Муллаева был кульминацией большого соревнования, в которое включились все подразделения комбината. «Передовые бригады рудника «Молибден» – проходческие Т.М. Кармова, И.С. Дмитриева, М.А. Чочаева, Г.Н. Иваненко и наша, добычные С.У. Балаева, Н.П. Молостова, К.И. Насонова, буровые Б.Н. Селиверстова, М.М. Маршенова, А.А. Чеченова и другие – выступили с инициативой пересмотреть нормы выработки в сторону увеличения на 8–10 процентов. Повысили нормы горняки карьера, ремонтники РМЦ и РСЦ, автотранспортники. Мельники обогатительной фабрики М.Ч. Мажгихов и Н.Л. Малухов решили вдвоем обслуживать на смене все мельницы. Бригада по ремонту станционного оборудования Г.В. Лесовола с канатных дорог обязалась производить ремонт оборудования всех станций» [Муллаев 1981: 88–89].

Все эти мероприятия дополнительно премировались из фонда материального поощрения – аналога фонда директора времен стахановского движения, то есть были материально обоснованы.

Однако по мере расширения успешной практики стимулирования инициативы снизу экономическая система в целом столкнулась с проблемами балансирования потребительского спроса и производства товаров народного потребления в масштабах всей страны.

«Чем больше предприятий переводилось на новые условия, тем слабее чувствовался импульс реформы. Доходы рабочих и служащих росли быстрее роста производительности труда, что обостряло дефицит на потребительском рынке» [Сафронов 2025: 58].

Перекосы в экономике росли, комплекс нерешенных проблем способствовал тому, что реформа была постепенно свернута. Одним из ключевых элементов сворачивания реформ, как мы предполагаем, стал перевод средств из фондов материального стимулирования рационализации и увеличения производительности труда на другие цели, в частности на жилищное строительство. В девятой пятилетке (1971-1975 гг.) в Тырныаузе было сдано в эксплуатацию 29033 м^2 жилья, в десятой пятилетке (1976-1980 гг.) – уже 45313м^2 [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 2. Д. 354. Л. 152].

14 августа 1970 г. вышел приказ № 829 Минцветмета СССР «О мерах по ускорению освоения проектных мощностей на предприятиях цветной металлургии». Среди тех, кто по сведениям ЦСУ СССР, не полностью использовал имеющиеся мощности, были и рудник «Молибден», и обогатительная фабрика ТГМК (20 июля 1970 г. с вводом в состав комбината Нальчикского гидрометаллургического завода предприятие стало называться Тырныаузский горно-металлургический комбинат – ТГМК [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 148]).

Одной из основных причин называлось неиспользование в полной мере «Положения о премировании работников предприятий цветной металлургии за освоение в срок и досрочно проектных мощностей по выпуску продукции» (Приказ министерства от 21 февраля 1969 г. № 65) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051. Оп. 1. Д. 98. Л. 149–149об].

Резюмируя опыт проведения реформ на примере Тырныаузского комбината, можно согласиться с выводами коллектива ученых под руководством профессора Р.М. Нуреева: «Парадокс в том, что хотя подготовка реформы 1965 г. велась значительно лучше, чем всех других позднесоветских реформ, результат получился примерно тот же. Ударное начало постепенно выдохлось, спустя несколько лет «правила игры» в значительной степени вернулись к дореформенному уровню, хотя определенную долю новых экономических возможностей хозяйствующим субъектам микроуровня (работникам и директорам предприятий) все же удалось удержать» [Нуреев 2017: 315].

Заключение

Развитие современной промышленности идет по такой траектории, что профильным специалистам: инженерам, экономистам, менеджерам приходится решать проблемы оценки эффективности производства на конкретном предприятии в рамках складывающейся в России экономической системы.

Тырныаузский комбинат – один из примеров реализации реформ 60-х годов XX в. в Кабардино-Балкарии, прекрасно обоснованный корпусом архивных материалов. Их введение в научный оборот дает значимую информацию для анализа специалистов по экономике.

«Неразрешимость» экономических противоречий между административно-командной системой и «рыночными механизмами» в оценке стоимости труда и эффективности производства, на наш взгляд, во многом опровергаются примерами из истории Советского Союза: успешным – стахановским движением, и неудачным – «косыгинской» реформой. Неуспешность второго, на наш взгляд, обусловлена во многом результатом косности политического руководства страны, незавершенностью последнего, размытостью целей преобразований и полномочий плановых и хозяйственных органов, борьбы отраслевых и региональных элит и, как следствие, неполной реализацией задуманного, но это – предмет специальных исследований. По мнению авторов, успешная реализация мер экономического стимулирования на уровне предприятия была нивелирована формами управления на макроуровне, что имело далеко идущие последствия для экономической и политической системы СССР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Байбаков 2010 – *Байбаков Н.К.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: В экономическом штабе страны. – Москва: Луч, 2010. – 415 с.;

Белкин 2003 – *Белкин В.Д.* Тернистый путь экономиста: воспоминания о прожитом и размышления о грядущем. – Москва: Дело, 2003. – 200 с.

Башлыков 2025 – *Башлыков Т.В.* Стахановское движение как технология управления человеческими ресурсами // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. – 2025. – № 3(15). – С. 49–63.

Белых, Мау 2023 – *Белых А.А., Мау В.А*. Экономические реформы в СССР: 1921–1985 гг. // Вопросы экономики. – 2023. – № 11. – С. 81–108.

Бирман 1966 – *Бирман А.М*. Учись хозяйствовать. Рассказы об экономике предприятия. 3-е изд. – Москва: Политиздат, 1966. – 368 с.

Иванченко 2009 – *Иванченко В.М*. Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. – Москва: Наука, 2009. – 320 с

Бабкина 2017 – *Бабкина Н.М*. Экономическая реформа 1965 г. в СССР: формирование фондов экономического стимулирования на предприятиях, переведенных на новые условия работы // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). – 2017. – № 4. – С. 90–104.

Голанд, Некипелов 2010 – *Голанд Ю.М., Некипелов А.Д*. Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. – 2010. – № 6. – С. 44–66.

Кобахидзе 1970 – *Кобахидзе В.Н*. Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат. – Москва: Институт «Цветметинформация», 1970. – 99 с.

Ленин 1974 – *Ленин В.И*. Как организовать соревнование? / Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 35. – Москва: Издательство политической литературы, 1974. – С. 195–205.

Митрофанова, Рогачевская 2018 – *Митрофанова А.В., Рогачевская Л.С*. Стахановское движение: история и историография // Либмонстр–Россия [Электронный ресурс]. URL: https://libmonster.ru/m/articles/view/СТАХАНОВСКОЕ-ДВИЖЕНИЕ-ИСТОРИЯ-И-ИСТОРИОГРАФИЯ (дата обращения: 20.07.2026).

Муллаев 1981 – *Муллаев Ш.Я*. Дорога за горизонт. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 124 с.

Нуреев 2017 – Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под научной редакцией д.э.н. Р.М. Нуреева. – Москва: КноРус, 2017. – 352 с.

Сафронов 2025 – *Сафронов А.В*. Косыгинская реформа: от идеи до сворачивания // Экономическая политика. – 2025. – Т. 20. – № 5. – С. 12–69.

Сметанин 2018 – *Сметанин А.В*. Директорские фонды советских предприятий (1946–1965 гг.): ресурс трансформации социального порядка // Вестник Пермского университета. – 2018. – Вып. 2(41). – С. 145–154.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-1051 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-1051 «Тырныаузский ордена Трудового Красного Знамени горно-металлургический комбинат Министерства цветной металлургии СССР»

УЦГА АС КБР. Ф. Р-753 «Совет народного хозяйства Кабардино-Балкарского экономического административного района».

REFERENCES

BAIBAKOV N.K. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 3: V ekonomicheskom shtabe strany* [At the economic headquarters of the country]. – Moscow: Luch, 2010. – 415 p. (In Russian).

BELKIN V.D. *Ternistyi put' ekonomista: vospominaniya o prozhitom i razmyshleniya o gryadushchem* [The thorny path of an economist: memories of the past and reflections on the future]. – Moscow: Delo, 2003. – 200 p. (In Russian)

BASHLYKOV T.V. *Stakhanovskoe dvizhenie kak tekhnologiya upravleniya chelovecheskimi resursami* [The Stakhanov Movement as a technology of human resource management]. IN: EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo. – 2025. – № 3(15). – P. 49–63. (In Russian).

BELYKH A.A., MAU V.A. *Ekonomicheskie reformy v SSSR: 1921–1985 gg.* [Economic reforms in the USSR: 1921–1985]. IN: Voprosy ekonomiki. – 2023. – № 11. – P. 81–108. (In Russian)

BIRMAN A.M. Uchis' khozyaistvovat'. Rasskazy ob ekonomike predpriyatiya [Learn to manage. Stories about the economy of the enterprise]. 3-e izd. – Moscow: Politizdat, 1966. – 368 p. (In Russian)

IVANCHENKO V.M. *Planirovanie kak istoricheskii fenomen zhiznedeyatel'nosti cheloveka i obshchestva* [Planning as a historical phenomenon of human and social activity]. – Moscow: Nauka, 2009. – 320 p. (In Russian).

BABKINA N.M. *Ekonomicheskaya reforma 1965 g. v SSSR: formirovanie fondov ekonomicheskogo stimulirovaniya na predpriyatiyakh, perevedennykh na novye usloviya raboty* [The economic reform of 1965 in the USSR: the formation of economic incentive funds at enterprises that have been transferred to new working conditions]. IN: Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). – 2017. – № 4. – P. 90–104. (In Russian).

GOLAND YU.M., NEKIPELOV A.D. *Kosyginskaya reforma: upushchennyi shans ili mirazh?* [Kosygin reform: a missed chance or a mirage?]. IN: Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. – 2010. – № 6. – P. 44–66. (In Russian).

KOBAKHIDZE V.N. *Tyrnyauzskii vol'framo-molibdenovyi kombinat* [Tyrnyauz Tungsten-Molybdenum Combine]. – Moscow: «Tsvetmetinformatsiya», 1970. – 99 p. (In Russian).

LENIN V.I. Kak organizovat' sorevnovanie? [How to organize a competition?] / Polnoe sobranie sochinenii. V 55 t. T. 35. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1974. – P. 195–205. (In Russian).

MITROFANOVA A.V., ROGACHEVSKAYA L.S. *Stakhanovskoe dvizhenie: istoriya i istoriografiya* [The Stakhanov Movement: History and Historiography]. IN: Libmonstr–Rossiya. URL: https://libmonster.ru (data obrashcheniya: 20.07.2026). (In Russian).

MULLAEV SH.YA. *Doroga za gorizont* [The road beyond the horizon]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 124 p. (In Russian).

Upushchennyi shans ili poslednii klapan? (k 50-letiyu kosyginskikh reform 1965 g.) [A missed chance or the last valve? (on the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965)]. Pod nauchnoi redaktsiei d.eh.n. R.M. Nureeva. – Moscow: KnoRus, 2017. – 352 p. (In Russian).

SAFRONOV A.V. *Kosyginskaya reforma: ot idei do svorachivaniya* [Kosygin reform: from the idea to the curtailment]. IN: Ekonomicheskaya politika. – 2025. – V. 20. – № 5. – P. 12–69. (In Russian).

SMETANIN A.V. *Direktorskie fondy sovetskikh predpriyatii (1946–1965 gg.): resurs transformatsii sotsial'nogo poryadka* [Director's Funds of Soviet Enterprises (1946–1965): a resource for the transformation of the social order]. IN: Vestnik Permskogo universiteta. – 2018. – V. 2(41). – P. 145–154. (In Russian)

UTSGA AS KBR. F. R–1051.

UTSGA AS KBR. F. 753.

Сведения об авторах

П.А. Кузьминов – доктор исторических наук, профессор.

Р.С. Гуртуев – кандидат исторических наук.

Э.Б. Абанокова – главный специалист Управления внутреннего контроля.

А.М. Хатухов – кандидат биологических наук, доцент.

Information about the authors

P.A. Kuzminov – Doctor of Historical Sciences, Professor.

R.S. Gurtuev – Candidate of Historical Sciences.

E.B. Abanokova – Chief Specialist of the Internal Control Department.

A.M. Khatukhov – Candidate of Biological Sciences.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contrbution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470.64).085.9
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229
EDN: KIVDAT

МЕЧЕТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 ГОДЫ)

Александра Николаевна Такова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, sanatakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8380-6936

Аннотация. В работе исследуются особенности функционирования мечетей в Кабардино-Балкарии в советское время. Рассматривается их роль и место в социуме в предшествующий 1917 г. период. Делается вывод о том, что их деятельность была многопрофильной. Выявляется специфика положения мечетей в первые годы советской власти. Начало реализации мер по поступательному их закрытию и перепрофилированию связывается с развертыванием процессов комплексной социалистической модернизации. Резкое сокращение количества мечетей, произошедшее во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в., объясняется внутренними процессами в КБАО, главным образом, массовыми крестьянскими волнениями. Отмечается, что во время оккупации территории республики периода Великой Отечественной войны (август 1942 – январь 1943 гг.) немецким командованием осуществлялись активные меры по возобновлению работы мечетей, что являлось составной частью их политики, направленной на привлечение местного населения. Утверждается, что в послевоенные советские десятилетия в республике укоренилась и широко распространилась типичная система обхода требований действующего законодательства в отношении строений культового назначения. Она сводилась, главным образом, к приданию им статуса хозяйственных построек, которые не подлежали официальной регистрации. Подобного рода сооружения в Кабардино-Балкарии в 40–80-е гг. имелись во многих населенных пунктах и представляли собой основную по распространенности форму мечетей, функционировавших в рассматриваемый период.

Ключевые слова: религия; мечеть; социум; советский период; религиозное здание; конфессиональная политика; мимикрия

Для цитирования: Такова А.Н. Мечети Кабардино-Балкарии: особенности функционирования и развития в советский период (1917–1991 годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 216-229. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229. EDN: KIVDAT.

© Такова А.Н., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

MOSQUES OF KABARDINO-BALKARIA: FEATURES OF FUNCTIONING AND DEVELOPMENT IN THE SOVIET PERIOD (1917–1991)

Aleksandra N. Takova
Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8380-6936

Abstract. The paper examines the peculiarities of the functioning of mosques in Kabardino-Balkaria during the Soviet period. Their role and place in society in the period preceding 1917 are considered. It is concluded that their activities were multidisciplinary. The article reveals the specifics of the position of mosques in the early years of Soviet power. The beginning of the implementation of measures to progressively close them and redevelop them is associated with the deployment of the processes of comprehensive socialist modernization. The sharp decline in the number of mosques that occurred in the second half of the 20s and early 30s of the 20th century is explained by internal processes in the KBAO, mainly by mass peasant unrest. It is noted that during the occupation of the territory of the republic during the Great Patriotic War (August 1942 – January 1943), the German command carried out active measures to reopen mosques, which was an integral part of their policy aimed at attracting the local population. It is argued that in the post-war Soviet decades, a typical system of circumvention of the requirements of current legislation regarding religious buildings took root and spread widely in the republic. It consisted mainly of giving them the status of outbuildings that were not subject to official registration. Similar structures in Kabardino-Balkaria in the 40s–80s were present in many settlements and represented the main form of mosques operating in the period under review.

Keywords: religion; mosque; society; Soviet period; religious building; confessional politics; mimicry

For citation: Takova A.N. Mosques of Kabardino-Balkaria: features of functioning and development in the Soviet period (1917–1991). In: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 216-229. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229. EDN: KIVDAT.

© Takova A.N., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Советский период является временем, на протяжении которого с разной интенсивностью государственными органами реализовывались меры по утверждению в социуме страны атеистических установок. При этом одновременно велась перманентная работа по максимальному нивелированию религиозной составляющей духовной культуры. Целью данной деятельности было радикальное переформатирование общества, мировоззрение членов которого стремились освободить от «старых» и «вредных», с точки зрения идеологии большевиков, пережитков, к числу которых относилась, в том числе, религия. Взамен предполагалось внедрить и закрепить новые социалистические идеалы и ценности. В этих условиях функционирование религиозных зданий происходило в специфических условиях. С точки зрения законодательства о культах, оформившегося к концу 20-х гг. XX в., оно было легальным, хотя и ограничено узкими рамками. В практическом же плане – происходило в условиях реализации мер, направленных на недопущение их роста, а порой и на сокращение. Более того, в периоды усиления антирелигиозного натиска, закрытие культовых зданий нередко становилось

главным направлением в деятельности лиц и структур, ответственных за осуществление на местах политики в религиозной сфере, а также одним из важнейших показателей ее успешности или неуспешности. В связи с этим культовые здания на протяжении всего советского периода функционировали в стесненных условиях, которые диссонировали с объективно существовавшими духовными потребностями населения. Все это способствовало формированию различных форм мимикрии, направленных на преодоление данных ограничений и создание приемлемых условий для поддержания в социуме удовлетворительного уровня религиозной культуры. Оно выразилось в появлении и постепенном прочном закреплении типичных способов обхода ограничений, заложенных в законодательстве. В настоящем исследовании анализируются особенности проявлений данной мимикрии в советской Кабардино-Балкарии, и ее влияние на развитие процессов в религиозной сфере субрегиона в целом.

Рассмотрение вопроса о функционировании в советский период культовых зданий, в настоящем исследовании – мечетей, дает обширный корпус материалов, позволяющий воссоздать более полную картину повседневной религиозной культуры населения субрегиона в условиях реализации советского атеистического проекта. Целью работы является изучение особенностей положения и деятельности мечетей в Кабардино-Балкарии, а также связанные с ним элементы мимикрии, направленные на их сохранение в период реализации политики, так или иначе нацеленной на всемерное ограничение их деятельности и желательное сокращение количества. Основными источниками для написания работы послужили материалы, извлеченные из архивохранилищ Кабардино-Балкарии, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, а также находящиеся в открытом доступе нормативно-правовые акты. Некоторые аспекты рассматриваемой темы отражены в работах Х.Б. Мамсирова, Н.М. Емельяновой, С.И. Аккиевой, М.Х. Мукожева, Л.И. Сосковец, Г.Х. и З.Г. Мамбетовых [Мамсиров 2004; Емельянова 2002; Аккиева 2010; Сосковец 2003; Мамбетов 1999] и других авторов. Методами исследования являются: анализ архивных материалов, нормативно-правовых актов, системный анализ проблемы, индукция, дедукция, социальная психология, локальная история.

Результаты исследования

По состоянию на 1917 г. территория Кабардино-Балкарии составляла Нальчикский округ Терской области. В 36 ее населенных пунктах, где проживали преимущественно этнические мусульмане, действовало 157 мечетей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. Н.М. Емельянова, со ссылкой на материалы ГАРФ (Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 145. Л. 24 об.), приводит более высокие цифры – 219 мечетей [Емельянова 2002: 52], причем только в «кабардинских» селениях. Так или иначе, очевидно, что в субрегионе, по состоянию на 1917 г., в каждом населенном пункте действовало по нескольку мечетей, как правило, располагавшихся поквартально. Источниками средств на их сооружение, текущее функционирование, ремонт были частные коллективные или, реже, индивидуальные пожертвования жителей того или иного поселения. Местные служители культа

могли лишь инициировать строительство мечетей, но не обеспечить их материально, так как в Кабарде и Балкарии «…экономические позиции исламского духовенства оставались слабыми, ибо здесь не было вакуфного землевладения» [Аккиева 2010: 46].

Помимо своих прямых культовых функций, мечети Кабардино-Балкарии в предреволюционный период являлись также и своего рода центрами массового начального образования. «…при каждой мечети, безусловно, находилась и школа» [Мамсиров 2004: 160], – так, к примеру, пишет по этому поводу Х.Б. Мамсиров. К сожалению, полных данных, позволяющих оценить долю жителей Кабардино-Балкарии, имевших по состоянию на 1917 г. опыт обучения в подобных примечетских начальных религиозных школах, нет. Однако в архивных материалах уже советского периода довольно часто, применительно к различным вопросам, встречаются сведения о людях, владевших арабской грамотой, обычно называемых «грамотные по-арабски». Это дает основание предположить, что в рассматриваемом социуме, по крайней мере в довоенные советские десятилетия, их было немало.

Борьба с антибольшевистскими силами в Кабардино-Балкарии в период гражданской войны велась под лозунгом «Да здравствует советская власть и шариат». Главную роль в их разгроме (март 1920 г.) сыграла I Ударная советская шариатская колонна, возглавляемая местным эфенди Н.А. Катхановым и укомплектованная, в немалом количестве, учащимися и выпускниками мусульманских образовательных учреждений. В целом определенная часть духовенства Кабардино-Балкарии в период гражданской войны и в первые годы советской власти тесно контактировала с ее лидерами и даже частично вошла в ее ряды (Н. Катханов, М. Энеев, З. Мидов, А. Гемуев и др.), заняв высокие должности. По некоторым оценкам, именно духовенство выполнило в данный период в субрегионе роль проводника идей советской власти в народную среду, став «…корнем большевистской агитации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45а. Л. 15]. Вполне обоснованным является утверждение, что «…центральные и региональные органы власти рассматривали исламских лидеров как потенциальных союзников и помощников в деле упрочения своего влияния в народных массах» [Атаев, Бегеулов 2015: 28].

Ввиду указанных обстоятельств, в первые годы советской власти в Кабардино-Балкарии комплексные внутренние преобразования осуществлялись с учетом местной специфики, что несколько задержало исторически неизбежное наступление на связанные с религией институты. В связи с этим, в первой половине 20-х гг. XX в. в субрегионе имело место сосуществование как новых их видов, внедряемых советской властью (народных судов, школ), так и старых, в том числе связанных с местной религиозной спецификой (шариатские суды, религиозные школы, мечети).

Натиск на религию, и, как следствие, на мечети, в исторической перспективе был неизбежен. Он стал одним из следствий развертывания тотальных мероприятий по комплексной социалистической модернизации региона, направленных на его полное переформатирование и, как цель, – советизацию. Работа властей в

данном направлении быстро свела «на нет» принцип «учитывания». Необходимость осуществления качественных преобразований, причем в кратчайшие сроки, часто подталкивала их к резким действиям, нередко сводящимся к силовому слому старой системы организации социально-экономического и культурного пространств.

Одной из составляющих данной работы являлась деятельность по нивелированию религиозной культуры, которая постепенно начала рассматриваться как некая априори консервативная сила, препятствующая внедрению новых советских форм организации экономики и быта. Первая половина и середина 20-х гг. XX в. отмечены в Кабардино-Балкарии реализацией мер по постепенному сворачиванию работы шариатских судов, полностью ликвидированных к 1925 г., введению комплекса ограничений по функционированию религиозных образовательных учреждений, давлением на представителей духовенства, которые превратились в одну из «…наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества» [Кобзев 2014: 150].

Конкретно же в отношении мечетей ситуация складывалась таким образом, что в абсолютном приоритете в этот период стало строительство разного рода социальных объектов – школ, библиотек, клубов, яслей, пунктов ликбеза, которое шло быстрыми темпами и поглощало все имеющиеся для этого ресурсы (материальные, технические, трудовые). При этом возникавшие время от времени инициативы по возведению зданий культового назначения блокировались. Более того, власти открыто заявляли о нежелательности строительства подобного рода сооружений. «…партийные и советские органы обязаны всеми законными мерами противодействовать строительству новых мечетей или церквей и ремонту старых» – так, к примеру, говорилось в одном из документов за 1926 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 42].

К середине 20-х гг. XX в., на волне деятельности по всемерному укреплению народных советских школ, фиксируются первые случаи перепрофилирования под светские нужды зданий мечетей, которые обычно преподносились как результат инициатив местных жителей, показатель роста их сознательности. К примеру, в документе за 1924 г. отмечался рост числа обучающихся в народных школах, при этом говорилось, что «…дети стали бросать религиозные школы, а многие селения сами закрывают религиозные школы, мало того – отводят под советскую школу помещения, в которых ранее помещались медресе» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 14]. Однако примечетские религиозные школы в середине 20-х гг. XX в. все еще продолжали оставаться важным сегментом образовательного пространства. По данным на 1 января 1926 г. в Кабардино-Балкарии фиксируется деятельность 10 медресе со 100 учениками и около 100 начальных школ-мектебе, с числом обучающихся до 1 тыс. чел. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 74]. То есть, число самих мечетей, судя по приведенным данным, также в это время варьировалось в районе 100. Это свидетельствует о произошедшем в течение первой половины 20-х гг. сокращении их числа, по сравнению с 1917 г., примерно на треть.

Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. стал для Кабардино-Балкарии временем массового закрытия мечетей, которое, в свою очередь, являлось одним из следствий драматических исторических событий, происходивших в данный период. Речь идет о крестьянских волнениях 1928–1932 гг. Данные волнения, по сути, представляли собой реакцию на силовую реализацию мер по коллективизации деревни. Однако в их рамках также нашло выражение недовольство проводимой властями политикой в религиозной сфере. Экономические и политические требования восставших крестьян тесно перемежались с религиозными – звучали лозунги о прекращении преследования мулл, об открытии школ при каждой мечети, а нередко и более широкого плана – об установлении власти народа по шариату [Мамбетов, Мамбетов 1999: 71]. Весьма важно, что активное участие в данных волнениях принимали представители местного духовенства, причем нередко в качестве их организаторов и активных участников. «…мусульманское духовенство провоцировало участников беспорядков, требуя отмены хлебозаготовок, прекращения мелиорации, роспуска партийных ячеек, открытие духовных школ медресе» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 9], – отмечается в одном исследовании.

В связи с этим вполне логично, что подавление крестьянских волнений привело к преследованиям в отношении представителей местного духовенства. Данные по этому вопросу неполны, однако даже имеющиеся фрагментарные сведения позволяют утверждать, что они носили широкий размах. К примеру, только в течение 1928 г. тюремные сроки получили 88 священнослужителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47]. Логично предположить, что ввиду того, что крестьянские волнения продолжались еще в последующие четыре года и охватывали большое количество населенных пунктов области, данная политика в отношении местных служителей продолжилась. Также абсолютно очевидно, что в подобных исторических условиях те служители, кому удавалось избежать преследований, обоснованно опасались за свою дальнейшую судьбу и даже жизнь. Во многом в связи с этим имел место массовый их отход от деятельности. Только в течение 1928 г. 153 служителя мусульманского культа Кабардино-Балкарии официально заявили о прекращении требоисполнений [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 3. Д. 15. Л. 56].

Период крестьянских волнений в Кабардино-Балкарии по времени совпал с принятием рамочного документа, регулирующего сферу государственно-конфессиональных отношений. Речь идет о Постановлении ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Этот документ с дополнениями и поправками действовал до конца советского периода. В соответствии с его положениями, главными акторами государственно-конфессиональных отношений становились, с одной стороны, разного рода контролирующие структуры на местах, а, с другой, – зарегистрированные в установленном порядке объединения верующих. Данные объединения были двух типов по числу входящих в их состав членов – религиозные общества (с числом членов от 20 человек и более) во главе с исполкомом из трех человек и религиозные группы (с числом членов менее 20 человек) во главе с председателем. Функционирование культовых зданий теперь

стало напрямую зависеть от наличия официально зарегистрированных объединений верующих, так как именно они становились, по сути, системообразующей структурой, только в рамках которой могли действовать как здания культового назначения, так и служители, которых могло нанимать для отправления религиозных обрядов объединение верующих.

В соответствии с положениями Постановления от 8 апреля 1929 г. все де-факто действовавшие религиозные объединения должны были в годичный срок, последующий за его принятием, пройти процедуру регистрации и образовать, соответственно, либо общества, либо группы. Не сделавшие этого объединения считались распавшимися. При формальном же отсутствии в конкретном населенном пункте зарегистрированного религиозного общества и/или группы, имеющееся культовое здание подлежало изъятию, «…так как представляло собой, с точки зрения властей, место незаконного сборища верующих» [Беккин 2021: 534].

Процедура прохождения официальной регистрации религиозных объединений была непростой. В отношении лиц, включенных в заявление о регистрации, выдвигался обширный перечень требований по возрасту, регистрации, социальному происхождению и пр. При этом местные власти имели право заявлять отвод в отношении отдельных, не соответствующих формальным требованиям лиц, что широко практиковалось. В связи с этим получить официальную регистрацию верующими было реально возможно лишь при условии заинтересованности в этом властей.

Только после официальной регистрации религиозное общество/группа могли подать заявление в органы местной администрации с просьбой о выделении им в пользование, для удовлетворения религиозных потребностей, на праве безвозмездной аренды, помещения. При этом само данное помещение также должно было соответствовать многочисленным строительно-техническим, противопожарным и санитарным нормам. В случае же отсутствия помещения, удовлетворяющего всем требованиям, теоретически возможно было инициировать строительство нового. Кроме того, отсутствие подходящего для культовых целей помещения не могло являться причиной отказа в официальной регистрации религиозного общества/группы. Однако на практике связь между регистрацией общества/группы и наличием подходящего молитвенного здания была весьма существенной, иногда едва ли не решающей [Сосковец 2003: 315].

Принятие Постановления «О религиозных объединениях» в Кабардино-Балкарии совпало с периодом крестьянских волнений с их выраженным религиозным наполнением и последовавшими массовыми преследованиями в отношении представителей духовенства, а порой, и шире, – религиозного актива, а нередко и просто лиц, владевших арабской грамотой. В связи с этим процесс регистрации религиозных объединений в установленные сроки здесь фактически осуществлен не был. В подобной обстановке желающих открыто заявлять о своем стремлении создать религиозное общество/группу, как правило, не находилось. В итоге в Кабардино-Балкарии сложилась парадоксальная ситуация – при фактическом усилении религиозности и ее политизации, актуализированной

кризисными процессами в социуме, при которых ислам стал своеобразным идеологическим обрамлением действий восставших крестьян, формально произошел ее стремительный спад, одним из показателей которого стало массовое закрытие ранее действовавших мечетей. В качестве официальных причин закрытия в подавляющем большинстве указывался «распад религиозной общины» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.], что, учитывая конкретные исторические условия, свидетельствует о том, что процедура официальной регистрации пройдена не была.

В итоге, по сведениям некоторых источников, к концу 30-х гг. в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. Н.М. Емельянова, ссылаясь на материалы ГАРФ, приводит более оптимистические цифры, указывая, что к 1938 г. в республике «…функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей» [Емельянова 1999: 72–73]. И.Л. Бабич также пишет о действовавших к концу 30-х гг. XX в. 36 мечетях [Бабич 2001: 131]. Однако даже эти цифры свидетельствуют о произошедшем значительном сокращении их числа.

Реальность же была несколько иной. Религиозные общины верующих никуда не исчезли и, безусловно, имелись в каждом населенном пункте Кабардино-Балкарии, правда, свою деятельность они, как правило, официально не регистрировали. Здания же, ранее использовавшиеся под культовые цели, при условии соответствия техническим, противопожарным, санитарным и прочим нормам, ввиду формального распада религиозных общин подлежали изъятию и последующему перепрофилированию под светские, а иногда и хозяйственные цели. Однако, судя по имеющимся архивным данным, с процессом перепрофилирования в Кабардино-Балкарии были сложности. Так, в протоколе заседания Президиума Верховного Совета КБАССР от 20 мая 1939 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об.], к примеру, констатировалось, что немалая часть из официально закрытых мечетей, которые предполагалось использовать под светские нужды, на деле так и не была перепрофилирована.

О том, что происходило в этих официально закрытых, но так и не перепрофилированных мечетях, сказать сложно. Возможно, часть из них все же продолжала функционировать без формального на то разрешения. Н.М. Емельянова, к примеру, пишет, что к концу 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии «…60 мечетей действовали без разрешения властей, на свой страх и риск» [Емельянова 1999: 72–73]. В последующие годы практика фактического функционирования культовых зданий без прохождения каких-либо формальных регистрационных процедур стала для республики обыденной. Ее существование и широкое распространение фиксируется вплоть до конца советского периода.

Важным этапом в деятельности республиканских мечетей являлся период временной оккупации территории Кабардино-Балкарии силами вермахта (август 1942 – январь 1943 гг.). Как известно, фашистская администрация вела работу по привлечению на свою сторону населения региона. В ее рамках осуществлялись разного рода популистские меры, в том числе направленные на эксплуатацию религиозных чувств жителей с целью обеспечения их лояльности. Составной ее

частью было массовое возрождение деятельности мечетей. Так, в архивных документах содержатся сведения о торжествах по случаю открытия молитвенных зданий в селениях Верхний и Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, Каменномостское [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 73–74]. Согласно ряду документов, оккупационной администрацией в Кабардино-Балкарии было открыто «…по 2–3 мечети в каждом населенном пункте» [Дегтярев 1995: 131]. Речь шла, конечно, не о новых зданиях, построить которые за непродолжительное время оккупации (от 2 до 5 месяцев в зависимости от района – А.Т.) было невозможно, а именно о тех официально закрытых еще в 30-е гг., но бездействовавших, либо продолжавших фактически функционировать на свой страх и риск зданиях. В новых исторических условиях их торжественное открытие использовалось фашистским режимом для манипулирования общественным сознанием, разжигания антисоветских настроений, педалирования идеи своей высокой освободительной миссии.

Также оккупационные власти вели работу по стимулированию религиозной активности масс. Для этого, к примеру, был издан приказ, по которому пятница объявлялась выходным днем для мусульман. При этом указывалось, что в этот день «…мусульмане обязаны посещать свои мечети» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 11]. В целом в период оккупации культовые здания нередко становились площадками для антисоветской пропаганды, а возглавлявшие их представители духовенства, вольно или невольно, – ее рупорами.

После освобождения территории республики от немецко-фашистских захватчиков (январь 1943 г.) фактическое функционирование значительного количества культовых зданий было установлено и официально задокументировано. При этом отмечалось, что большинство из них «…действует по существу незаконно» [ГАРФ Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144]. Однако каких-либо решительных действий по их закрытию предпринято не было. На волне либерализации религиозной политики государства часть из них вскоре даже получила официальную регистрацию. Так, по состоянию на 1 января 1946 г. в КАССР была оформлена деятельность 26 религиозных общин, из которых 13 были мусульманскими [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7], а также 13 используемых данными общинами мечетей. Важно отметить, что приведенные показатели за 1946 г. оказались максимальными за весь период 40–80-х гг. Даже по состоянию на 1988 г. в республике была официально зарегистрирована деятельность только 13 мечетей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 8].

В послевоенный период в субрегионе имел место всплеск активности местных общин верующих, в том числе направленный на получение ими официальной регистрации. Однако, судя по приведенным выше весьма скромным цифрам, положительные решения по данному вопросу принимались властями крайне редко. Многочисленным же де-факто существующим объединениям верующих, даже с большим числом входящих в их состав членов, порой достигавших, по официальным оценкам, 300–400 человек, как, например, в с. Камлюково, Гунделен, Шордаково, Кахун, Малка, Сармаково, Лечинкай, Кызбурун I (Атажукино), Куба [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1519. Л. 26] и др., в регистрации, как правило, отказывали.

Новый всплеск активности верующих по вопросу получения официальной регистрации и в деле строительства новых мечетей произошел после возвращения из депортации балкарцев (1957 г.). Так, к примеру, в январе 1958 г. группа верующих с. Советское (Кашхатау) обратилась с ходатайством о строительстве мечети. Однако, несмотря на то, что был установлен факт наличия в данном населенном пункте довольно крупной общины верующих – порядка 100–150 человек, в строительстве им было отказано в связи с тем, что «…все вернувшиеся семьи строят жилые дома…и в районе ощущается недостаток строительных материалов» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8].

В целом же в послевоенные советские десятилетия процесс прохождения процедуры регистрации религиозных обществ/групп, а, следовательно, и культовых зданий, продолжал оставаться делом исключительно сложным, всецело зависящим от желания и заинтересованности властей. Очевидно также, что подобной заинтересованности не было, так как довольно быстро, уже в первые послевоенные годы, в республике был достигнут некий уровень минимальной достаточности числа религиозных объединений и зданий культового назначения, пригодный для демонстрации произошедших в период войны позитивных сдвигов в рамках конфессиональной политики. Поэтому вполне соответствуют реальности сведения, содержащиеся в отчете за 1960 г., согласно которым «…за последние 10–12 лет на территории республики не было открыто и зарегистрировано ни одного молитвенного дома» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1311. Л. 35].

Однако имеющийся обширный пласт документов, основную часть которых составляют материалы аппарата уполномоченного по делам религиозных культов – посреднической структуры между властными органами и верующими, созданной в 1944 г., позволяет реконструировать фактические реалии религиозной жизни населения субрегиона в 40–80-х гг. XX в., а также обоснованно утверждать, что в большинстве его населенных пунктах фактически действовали, правда, не имея регистрации, строения религиозного назначения. Чаще всего в качестве таковых использовались кладбищенские постройки, официально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря, либо сторожки. Функционирование подобного рода зданий было зафиксировано, например, в с. Шордаково, Куба, Кызбурун I (Атажукино) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 2] и др. Фактически продолжал действовать и ряд зданий, официально закрытых еще в 20–30-х гг. XX в., но так и не перепрофилированных под светские нужды, как, например, в с. Каменномостское, Псыхурей, Баксан [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. В одном из документов за 1962 г. подробно описан подобного рода случай. Так, в с. Баксан здание бывшей мечети, в свое время переданное под склад колхозу им. Шогенцукова, но некоторое время пустующее, было «…захвачено группой верующих стариков во главе с незарегистрированным муллой Ш-ым. Старики переделали это здание под мечеть, подвели электролинию, сделали ремонт и начали в нем проводить намазы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. При этом подчеркивалось, что «…все это делалось в районном центре, посередине села, на виду у жителей, учителей, руководства сельского Совета и колхоза» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. Также в

эти годы иногда выявлялись случаи, правда единичные, самовольного строительства новых культовых сооружений вне территорий кладбищ, как, например, в с. Кызбурун I, Лечинкай, Чегем I [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8].

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти официально незарегистрированные мечети действовали в целом вполне открыто. Местные власти, как правило, не препятствовали их функционированию. Хорошо иллюстрирует вышесказанное пример в с. Куба. В отчете за 1962 г. сообщалось, что «…в с. Куба под видом сторожки верующие выстроили на кладбище молитвенный дом в 124 кв. м. Об этом самовольном строительстве знали председатель с. совета т. Ш…в и председатель райисполкома т. Г…в, но никаких мер не приняли. Теперь верующие настаивают на регистрации этой "сторожки" как мечети» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1420. Л. 83].

Общей же тенденцией для республики являлось стремление местных властей замолчать факты наличия культовых зданий от контролирующих структур. На данный нюанс в свое время обратил внимание уполномоченный по делам религиозных культов республики, отметивший в одном из своих отчетов за 1971 г., что «…большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни мечетей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4].

Период с 1958 по 1964 г. в масштабах страны являлся временем усиления антирелигиозной деятельности, одним из проявлений которой стало провозглашение борьбы с незаконно действующими культовыми зданиями. В Кабардино-Балкарии она велась довольно вяло и не привела к закрытию или сносу хотя бы одного из них, хотя подобного рода попытки все же предпринимались. Яркий случай, к примеру, произошел в с. Чегем I, где в 1964 г. было выявлено функционирование на территории местного кладбища мечети под видом сторожки, размером около 50 кв. м, где регулярно проводились собрания верующих. Было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В отчете по данному событию сообщалось, что для сноса мечети был отправлен бульдозер, однако «…бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. При этом действия бульдозериста вызвали словесные одобрения и даже аплодисменты присутствовавших жителей села. Представителям же власти «…с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы», так как, по их словам, данная мечеть была построена «…с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32].

В целом же в последующие годы подобного рода мечети, построенные под видом хозяйственных построек на территориях кладбищ, де-факто имелись в значительной части населенных пунктов республики. Однако в связи со спецификой их статуса и частым нежеланием представителей местных властей подтверждать реальность их существования, точного их количества установить не представляется возможным. В большинстве это были небольшие по площади

здания, которые вмещали лишь ограниченное число людей, в основном – представителей старшего поколения.

Коренные изменения в характере функционирования в Кабардино-Балкарии культовых зданий начали происходить с конца советского периода. Законодательное оформление они получили в результате принятия двух исторически важных документов – Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. и Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г. В соответствии с ними впервые за многие десятилетия религиозные общины обретали права юридических лиц и могли приобретать в собственность, либо строить с последующим оформлением, культовые здания (ст. 26). Данные решения способствовали бурному росту в республике числа мечетей. При этом рост обеспечивался именно за счет возведения новых монументальных зданий высокой вместимости. Данная тенденция стала в Кабардино-Балкарии в последующие годы доминирующей, являясь одним из наиболее ярких проявлений начавшегося процесса религиозного возрождения.

Заключение

Таким образом, на протяжении всего советского периода в Кабардино-Балкарии мечети функционировали в условиях, направленных на поступательное сокращение их числа. Действия органов власти по их реализации вступали в противоречие с религиозными потребностями населения, в числе которых весьма рельефно проявлялась необходимость в их наличии и стабильной работе. Вынужденное преодоление данного противоречия способствовало появлению и широкому распространению различных способов обхода данных ограничений. Наиболее часто прибегали к строительству и использованию для культовых целей сооружений формально хозяйственного назначения – кладбищенских сторожек, помещений для хранения инвентаря, складов, для возведения которых не требовалось официального разрешения. Подобное положение дел избавляло религиозные общины от прохождения установленной законом сложной процедуры регистрации, вероятность положительного исхода которой была, как правило, невысока. Подобная форма существования культовых зданий доминировала в республике фактически до конца советского периода. В связи с этим цифры официальной статистики, отражающие количественные показатели в отношении действующих мечетей, оставались стабильно низкими, хотя и абсолютно не отражали реальность. Подобная мимикрия, безусловно, помогала преодолеть действовавшие в советский период ограничения на строительство и эксплуатацию религиозных зданий. Однако, с другой стороны, она несла в себе и безусловную ограниченность – здания мечетей были маленькими по площади, а, следовательно, могли вместить лишь небольшое число верующих. Крутое изменение вектора государственной религиозной политики, произошедшее в конце советского периода, привело к снятию ограничений по строительству культовых сооружений, способствовало стремительному росту их числа, а также качественному изменению характеристик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аккиева 2010 – *Аккиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 11. – С. 66–76.

Атаев, Бегеулов 2015 – *Атаев Т.И., Бегеулов Р.М.* Лишение избирательных прав как форма социальной дискриминации мусульманского духовенства Северного Кавказа в 1921–1936 гг. (на материалах Карачая) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8. – С. 27–30.

Бабич 2001 – *Бабич И.Л.* Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 131–142.

Беккин 2021 – *Беккин Р.И.* «Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...» (Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.) // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – № 3. – С. 529–555.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дегтярев 1995 – *Дегтярев Ю.М.* Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). – Москва, 1995. – С. 130–142.

Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. – Москва: Граница, 1999. – 140 с.

Емельянова 2002 – *Емельянова Н.М.* Тайное и явное в северокавказском исламе (на примере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) // Дарьял. – 2002. – № 4 (53). – С. 202–225.

Кобзев 2014 – *Кобзев А.В.* Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 149–158.

Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. – 272 с.

Мамсиров 2004 – *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.

Сосковец 2003 – *Сосковец Л.И.* Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. – 2003. – № 1. – С. 310–322.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoj respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]. – 2010. – № 11. – P. 66–76. (In Russ.)

ATAEV T.I., BEGEULOV R.M. *Lishenie izbiratel'nyh prav kak forma social'noj diskriminacii musul'manskogo duhovenstva Severnogo Kavkaza v 1921–1936 gg. (na materialah Karachaya)* [Deprivation of voting rights as a form of social discrimination against the Muslim clergy of the North Caucasus in 1921–1936 (on the materials of Karachay)]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8. – P. 27–30. (In Russ.)

BABICH I.L. *Islam v sovremennoj Kabardino-Balkarii: pravovye aspekty* [Islam in modern Kabardino-Balkaria: legal aspects]. In: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2001. – № 2. – P. 131–142. (In Russ.)

BEKKIN R.I. *«Musul'manskuyu mechet', kak zdanie kul'ta – zakryt'...» (Sobornaya mechet' Leningrada v 1932–1940 gg.)* [«Close the Muslim mosque as a religious building...» (The Cathedral Mosque of Leningrad in 1932–1940)]. In: Minbar. Islamic Studies. – 2021. – № 3. – P. 529–555. (In Russ.)

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].

DEGTYAREV YU.M. *Otkryval li Stalin cerkvi?* [Did Stalin open churches?]. In: Religioznye organizacii Sovetskogo Soyuza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: materialy «Kruglogo stola», posvyashchennogo 50-letiyu Pobedy (13 aprelya 1995 g.). – Moscow, 1995. – P. 130–142. (In Russ.)

EMEL'YANOVA N.M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. – Moscow: Granica, 1999. – 140 p. (In Russ.)

EMEL'YANOVA N.M. *Tajnoe i yavnoe v severokavkazskom islame (na primere Kabardino-Balkarii i Severnoj Osetii)* [The secret and the explicit in North Caucasian Islam (on the example of Kabardino-Balkaria and North Ossetia)]. In: Daryal. – 2002. – № 4 (53). – P. 202–225. (In Russ.)

KOBZEV A.V. *Musul'manskoe duhovenstvo v SSSR v 1940–1980-h gg.* [The Muslim clergy in the USSR in the 1940s–1980s]. In: Voprosy istorii [Questions of History]. – 2014. – № 1. – P. 149–158. (In Russ.)

MAMBETOV G.H., MAMBETOV Z.G. *Social'nye protivorechiya v Kabardino-Balkarskoj derevne v 20–30-e gody* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20s–30s]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNC RAN, 1999. – 272 p. (In Russ.)

MAMSIROV H.B. *Modernizaciya kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gg. XX v.* (na materialah Adygei, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkesii) [Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the 20th century (on the materials of Adyghea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 328 p. (In Russ.)

SOSKOVEC L.I. *Pravovoe polozhenie religioznyh organizacij v sovetskom gosudarstve* [Legal status of religious organizations in the Soviet state]. In: Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala RTA [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy]. – 2003. – № 1. – P. 310–322. (In Russ.)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

UTsDNI AS KBR – Upravlenie Centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья
УДК 793.31:39(=512.14)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-230-248
EDN: LIRJJO

ТАНЕЦ В ЖИЗНИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Муслим Исмаилович Баразбиев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова Нальчик, Россия, muslim1971@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0003-2451-6987

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли и места танца в жизни карачаево-балкарской аристократии. Заявленная тема ранее не становилась предметом специального научного изучения, что обусловливает ее актуальность. В работе анализируются лингвистические данные, в частности, связь карачаево-балкарского титула *бий* (князь) с обозначением танца (*бий*) у ряда тюркских народов, что трактуется как реликт древнего ритуального значения танца, исполнявшегося вождями. В исследовании показано, что умение танцевать было обязательным для представителей высшего сословия карачаево-балкарцев и в этом контексте проводится аналогия с европейской и русской аристократией. Рассматриваются обряды инициации, включавшие танцевальные испытания как для девушек, так и для юношей из княжеских фамилий. На основе свидетельств современников и фотоматериалов второй половины XIX – начала XX вв. описываются конкретные танцы, исполнявшиеся аристократией, а также этикетные нормы, сопровождавшие их. Особое внимание уделяется документальным свидетельствам о выдающемся танцевальном мастерстве представителей знатных родов: Балкаруковых, Крым-Шамхаловых, Мисаковых, Урусбиевых. В работе также отмечается традиция стрельбы из огнестрельного оружия во время танцев, иногда приводившая к трагическим последствиям. Подчеркивается, что критические отзывы некоторых наблюдателей о монотонности увиденных ими танцев могли быть вызваны непониманием внутренней культуры, аристократического этикета и строгого следования традиционным движениям танца. В статье приводятся примеры того, что танцевальное искусство помогало представителям карачаево-балкарской аристократии выживать в условиях эмиграции в послеоктябрьский период. В заключительной части показана преемственность танцевальных традиций: потомки карачаево-балкарской аристократии в советский и постсоветский период продолжали профессионально заниматься национальной хореографией (артисты ансамблей «Кабардинка», «Балкария», эмигрантских коллективов), сохраняя и развивая искусство своих предков. В исследовании применялся междисциплинарный подход, использовались такие методы, как нарративный, историко-генетический, историко-сравнительный, контекстуальный, анализа визуальных источников.

Ключевые слова: танец; карачаево-балкарская аристократия; музыкальные инструменты; свадьба; этикет.

Финансирование: Работа выполнена в рамках внутреннего гранта КБГУ им. Х.М. Бербекова (договор № 44 о выделении гранта на финансовое обеспечение реализации проекта по проведению научного исследования от 18.12.2025 г.).

Для цитирования: Баразбиев М.И. Танец в жизни карачаево-балкарской аристократии // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 230-248. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-230-248. EDN: LIRJJO.

© Баразбиев М.И., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

DANCE IN THE LIFE OF THE KARACHAY-BALKAR ARISTOCRACY

Muslim I. Barazbiev
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, muslim1971@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0003-2451-6987

Abstract. The article examines the role and place of dance in the life of the Karachay-Balkar aristocracy. The stated topic has not previously been the subject of special scientific study, which determines its relevance. The work analyzes linguistic data, specifically the connection between the Karachay-Balkar title biy (prince) and the word for dance (biy) among certain Turkic peoples, which is interpreted as a relic of the ancient ritual significance of dances performed by tribal leaders. The study demonstrates that dancing proficiency was mandatory for representatives of the Karachay-Balkar upper class; in this context, an analogy is drawn with European and Russian aristocracy. Initiation rites involving dance trials for both girls and boys from princely families are considered. Based on eyewitness accounts and photographic materials from the second half of the 19th – early 20th centuries, specific dances performed by the aristocracy, as well as the etiquette norms accompanying them, are described. Particular attention is paid to documentary evidence regarding the outstanding mastery of noble families: Balkarukovs, Krym-Shamkhalovs, Misakovs, and Urusbievs. The tradition of firing firearms during dances, which sometimes led to tragic consequences, is also noted. It is emphasized that critical remarks by some observers regarding the monotony of the dances they witnessed may have stemmed from a misunderstanding of the internal culture, aristocratic etiquette, and strict adherence to traditional movements. The article provides examples of how the art of dance helped members of the Karachay-Balkar aristocracy survive under conditions of emigration in the post-October Revolution period. The concluding section shows the continuity of dance traditions: descendants of the Karachay-Balkar aristocracy in the Soviet and post-Soviet periods continued to professionally engage in national choreography (performers of ensembles such as "Kabardinka", "Balkaria", and émigré troupes), preserving and developing their ancestors' art. An interdisciplinary approach was applied in the research, utilizing methods such as narrative, historical-genetic, historical-comparative, contextual analysis, and visual source analysis.

Keywords: dance, Karachay-Balkar aristocracy, musical instruments, wedding, etiquette.

Funding: This work was carried out within the framework of an internal grant from Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Agreement No. 44 on the allocation of a grant for financial support of the project implementation for conducting scientific research, dated December 18, 2025).

For citation: Barazbiev M.I. Dance in the life of the Karachay-Balkar aristocracy. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 230-248. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-230-248. EDN: LIRJJO.

© Barazbiev M.I., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Танец является одним из самых древних видов искусства, появление которого относится еще к эпохе первобытности [Голубчина 2022: 56]. Исследователи

отмечают, что первоисточником танца выступают разнообразные движения и жесты человека, связанные с трудовыми процессами и эмоциональными впечатлениями от окружающего мира [Никитин 2014: 294]. Известный специалист в области карачаево-балкарской хореографии М.Ч. Кудаев писал: «Древние танцы балкарцев и карачаевцев носят синкретический характер, где танец тесно связан с песней, музыкой, драмой, молитвой, реквизитом. В карачаево-балкарских танцах отразились труд человека, уклад жизни народа, животный и растительный мир, характер, нравы, история, которые передаются телодвижением в изобразительно-подражательной форме» [Кудаев 1997: 3].

Цель настоящего исследования состоит в изучении роли и места танца в жизни карачаево-балкарской аристократии. Актуальность подобного исследования не вызывает сомнения, учитывая, что на данный момент отсутствуют специальные научные работы, посвященные этой теме. Таким образом, ее изучение должно способствовать освещению одной из составляющих жизни элиты карачаево-балкарского социума дооктябрьского периода. Определенную сложность при изучении поставленной проблемы составляет то обстоятельство, что в танце художественный образ создается с помощью пластики и ритма движений человеческого тела, а киносъемка появилась только в конце XIX столетия [Беленький 2019: 19]. На данный момент нам неизвестно о существовании кинопленки, воспроизводящей карачаево-балкарские танцы в дооктябрьский период. Вместе с тем, существуют фотографии второй половины XIX – начала XX в., на которых присутствуют танцующие представители княжеских родов Балкарии и Карачая. В этой связи при описании танцев и уровня танцевального искусства карачаево-балкарской аристократии приходится доверять сведениям современников, являвшихся непосредственными свидетелями карачаево-балкарских танцев, а также дошедшим до нас фотографиям.

Результаты исследования

Изучение роли и места танцев в жизни карачаево-балкарской аристократии необходимо начать с лингвистических материалов. По мнению современных ученых, в некоторых тюркских языках (башкирском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, татарском и др.) для обозначения понятия «танец» используется слово бий/бийи. Эту же лексему в значении танец авторы обнаруживают и в названии некоторых карачаево-балкарских танцев, в частности, «Къушбий», состоящем из двух компонентов: къуш ‘орел’ + бий ‘танец’, досл. ‘танец орла’. В этом же ряду находятся и названия некоторых других карачаево-балкарских танцев, а именно: «Асланбий» (аслан ‘лев’ + бий ‘танец’, досл. ‘танец льва’); «Аскербий» (аскер ‘войско’ + бий ‘танец’, досл. ‘танец войска’); «Къапланбий» (къаплан ‘тигр’ + бий ‘танец’, досл. ‘танец тигра’) [Кетенчиев, Аппоев 2023: 132].

При этом наименование высшего (княжеского) сословия карачаево-балкарского общества периода феодализма также обозначается словом бий [Гочияева, Суюнчев 1989: 141]. Представляется, что это не случайное созвучие, а реликт древнего состояния тюркских обществ, в которых вожди играли важную роль в исполнении различных ритуалов. Известно, что особую роль в жизни древнего

человека при исполнении ритуалов отводилась именно танцу. «Ни один ритуал не мог обойтись без специального тотемического танца, длительность которого могла достигать нескольких дней» [Голубчина 2022: 56]. Таким образом, на наш взгляд, сложилась ситуация, при которой представители карачаево-балкарской аристократии носили титул, связанный своим происхождением с наименованием танца, как ритуала в исполнении которого вождь, лидер играл важнейшую роль. Своеобразной иллюстрацией подобного высказывания может служить карачаево-балкарская поговорка «Жангыз тепсеучю бий болур» [Кудаев 2009: 57]. Данная паремия означает, что одиночные танцы обычно исполняются князем.

Известные на данный момент сведения о карачаево-балкарской аристократии позволяют утверждать, что умение танцевать являлось для ее представителей обязательным условием. В этой связи можно провести аналогию с европейской аристократией, для которой также это умение было обязательным для любого представителя высшего общества. «Знание придворного этикета, выбор партнёра, последовательность фигур и манера движения регламентировались строгими нормами, что делало танец инструментом демонстрации социального положения, воспитания и лояльности к короне» [Лажинский 2025: 229].

Подобная же ситуация была характерна и для русской аристократии. Как писала мемуаристка А.В. Стерлигова, обучавшаяся в Институте благородных девиц, родители воспитанниц института «радовались, что дочери их получают образование, подобающее высшей касте, будут себя держать прилично в обществе, говорить на иностранных языках, танцевать и пр.» [Стерлигова 2001: 92].

Обязательное умение танцевать распространялось как на мужскую, так и на женскую часть аристократии. Так, этнограф Р.Т. Хатуев приводит пример обряда инициации, который проводился, когда юная карачаево-балкарская княжна достигала возраста, позволявшего ей появляться публично (9, 13, 15 лет, т.е. в нечетные годы). «В обряде участвовало 12 мальчиков, 9 из которых должны были быть кровными родственниками девочки. Она вставала в их круге держа в руках два серебряных подноса, на каждом из которых стояла чаша (кубок-кумган) с вином и по шесть маленьких серебряных рюмочек (чагыр оймакъ.-букв. «винные наперстки»). На голове ее стоял большой кубок с вином. Каждый из стоявших вокруг нее 12-ти мальчиков должен был пустить стрелу вверх и успеть, пока она не коснется земли, подбежать к подносу и, налив рюмочку вина, выпить его. Пустую рюмочку – «наперсток» – он надевал на газырь. Так проделывал поочередно каждый из мальчиков-участников обряда, пока не опустеют все 12 рюмочек (количество последних соответствовало количеству мальчиков). После этого отец (или ближайший родственник девочки) угощал старейшин, присутствующих на обряде вином (чагъыр) из чаши (кубка), стоявшей на голове девочки, которой также полагалось самой отведать этого вина. Затем девочка снимала обувь и танцевала на подносе. Обряд, как видим, был сложен, прохождение через него было весьма тяжелым испытанием для хрупкого возраста. Однако, пройдя его, она переходила в разряд, позволявший ей участвовать в публичных торжествах (той), т.е. после этого обряда она считалась девушкой» [Хатуев 1999: 149,150].

У юношей из привилегированных фамилий обряд инициации также завершался исполнением особой воинственной пляски Барсойнакъ – «барсово игрище» [Ёзден Адет 2005: 303].

Аристократические танцы типологически выделяются в особую категорию «придворные», которые в народе называют Джабаккула теспеу, Ханчак тепсеу или Бий тепсеу [Каракетов, Кудаев 2014: 625]. Обучение танцам представители аристократических родов получали как в родной семье, так и в семьях своих воспитателей (аталыков). Отмечается, что среди требований, предъявляемых к аталыку в качестве обязательных, присутствовали мастерство в танце и пении [Ёзден Адет 2005: 334].

Российский этнограф Н.Ф. Грабовский в статье «Свадьба в Горских обществах Кабардинского округа», опубликованной в 1869 г., сообщал, что стал свидетелем танцев во время свадебных празднеств по случаю женитьбы балкарского князя на карачаевской княжне. Он писал, что танцы происходили во дворе князя, посреди которого был разведен ярко-пылающий костер из сосновых бревен. Автор отмечает, что полукругом от костра находилось около двадцати пар девушек с мужчинами, которые «тихо и медленно, с отсутствием даже малейших порывистых движений, отплясывали свой местный танец». Автор описал также праздничные костюмы увиденных им девушек, богато украшенные серебром. Особое внимание им было уделено головным уборам: «головы девушек были покрыты высокими шапками, обшитыми снизу до верху галунами и имеющими форму - как две капли воды - пули системы Минье». Грабовский подчеркивал, что подобный головной убор являлся одним из признаков принадлежности карачаево-балкарских девушек к высшему сословию [Грабовский 1869: 8]. В дополнение к сведениям Н.Ф. Грабовского относительно одежды следует отметить, что представители карачаево-балкарской аристократии придавали серьезное значение внешнему виду танцующих. Небрежность, неряшливость считались недопустимыми. По сообщению информантов, в начале XX в., во время свадебных торжеств князя Шакманова, в Хуламе имел место следующий инцидент. Один из гостей, являвшийся представителем стороны невесты из другого кавказского этноса, попытался станцевать с родственницей князя, но ее братья этого не допустили. Они увидели, что на воротнике его рубашки верхние пуговицы расстегнуты и посчитали, что танец с таким человеком будет оскорблением для их сестры. Возникшая по этому поводу конфликтная ситуация не была доведена до серьезного столкновения благодаря вмешательству старших представителей брачующихся сторон.

Особого внимания заслуживает отмеченная Н.Ф. Грабовским фигура распорядителя танцев, которого он называет карачаево-балкарским термином «бегеул». Он сообщает, что обыкновенно распорядителем танцев выбирался расторопный и бойкий человек. Во время танцев бегеул, имевший в руках довольно большую и длинную палку, отгонял наступавшую на круг танцующих толпу, отдавал команды танцующим и сам пускался в пляс. Вместе с тем, бегеул периодически останавливал танцующих, и юноши выплачивали ему своеобразный выкуп за возможность продолжить танец. Собранные подобным образом во время празднества деньги бегеул передавал музыкантам [Грабовский 1869: 10, 11].

Российские ученые Иван Иванюков и Максим Ковалевский в работе «У подошвы Эльбруса», опубликованной в 1886 г., писали, что князь Исмаил Мырзакулович Урусбиев из Баксанского ущелья пользовался большим авторитетом среди балкарского населения, которое при описании его использовало превосходную степень: «Он первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр и токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары перед его находчивостью и умом» [Иванюков, Ковалевский 2005: 36]. Можно отметить, что танцевальное мастерство в этом перечислении достоинств князя Исмаила Урусбиева особо выделено и занимает второе место. Авторы особо отметили, что гостивший у князя известный российский композитор С.И. Танеев, записал от князя Урусбиева информацию о традиционных карачаево-балкарских танцах и песнях. При этом мелодии князь сам исполнял композитору на традиционном смычковом инструменте «кобузе» (къыл къобуз – карач.-балк.) [Иванюков, Ковалевский 2005: 40]. Эти же авторы указали, что во время танцев в селении Хасаут князь обратил их внимание на проявление одной из этикетных норм, принятых во время танцев. В частности, он сказал им, что во время танца, исполняемого дочерью хозяина дома, в знак уважения необходимо всем хлопать в ладоши [Иванюков, Ковалевский 2005: 39]. Несомненного внимания заслуживает приводимая И. Иванюковым и М. Ковалеским информация о танце «Джаралыны сакълагъан» (букв. Охрана раненого – М.Б.). Они писали: «Горцам (балкарцам – М.Б.) известен особый шумный танец, который молодые девушки должны исполнять в присутствии раненого с целью не дать ему уснуть». Авторы сообщали также, что аналогичный танец под названием «Шапшакуа» исполняли над раненым и кабардинцы. При этом: «И те и другие одинаково сопровождают пляску пением: произносимые при этом случае слова утратили всякий смысл для поющих, но признаются тем не менее обязательными наподобие слов свадебных песен» [Иванюков, Ковалевский 2005: 55].

Мы отметили данный танец в связи с тем, что основной обязанностью карачаево-балкарской аристократии являлась охрана территории своей страны от посягательств извне, ранения в различных военных столкновениях они получали чаще других и, соответственно, исполняли его нередко.

Известный немецкий географ, картограф и альпинист Готфрид Мерцбахер, посетивший Северный Кавказ в 1891 и 1892 годах, оставил описание танцев, которые он видел в Урусбиевском ауле во время свадебных торжеств. Особое внимание им уделено исполнению танца-хоровода (тёгерек тепсеу – карач.-балк.), который он сравнил с полонезом и, по его словам, который, по его словам, танцевали на протяжении пяти праздничных ночей. Г. Мерцбахер указал, что в празднествах принимали участие «две роскошно одетые девушки» из семьи князя Урусбиева [Merzbacher 1901: 554]. Автор писал, что княжны сидели на лавочке и играли на гармониках. О других музыкальных инструментах, на которых играли мужчины, Мерцбахер писал: «двое стоявших рядом джигитов стучали в такт узкими и плоскими дощечками (харс – карач.-балк.), и в середине круга мужчина дул в дудку (сыбызгы – карач.-балк.), а другой играл на фиделе (къыл къобуз – карач.-балк.)».

Он также указал, что новоприбывшие девушки, отличавшиеся красотой, грациозностью и стройностью, прежде чем присоединиться к танцующим, приветствовали княжон Урусбиевых молчаливым почтительным объятием, а те отвечали взаимностью. Помимо «полонеза», Мерцбахер оставил описание и увиденного им парного танца, названного им лезгинкой (тюз тепсеу – карач.-балк.). Он писал, что во время этого танца мужчина с удалыми прыжками и короткими быстрыми семенящими шагами кружился вокруг застенчивой и грациозной танцовщицы, которая без каких-либо заметных движений ног, как-будто на невидимых роликах, двигалась вперед-назад. Пары в центре танцевального круга сменялись примерно каждые пять минут. При этом танец постепенно становился все более зажигательным. Особого внимания заслуживает вывод, сделанный Г. Мерцбахером после увиденных им карачаево-балкарских торжеств. В частности, он писал: «С точки зрения тонкости и непринужденной уверенности в манере общения это провинциальное азиатское общество может постыдить некоторые городские европейские» [Merzbacher 1901: 554, 555].

Информация Г. Мерцбахера может быть проиллюстрирована фотографией Д.И. Ермакова (Рис. 1), запечатлевшего исполнение танца тёгерек тепсеу представителями княжеского рода Крым-Шамхаловых в карачаевском селении Карт-Джурт. В центре круга можно заметить музыкантов, один из которых играет на сыбызгы, а второй на къыл къобузе [Зеркало Кавказа 1902: 87].

Рис. 1. Фото Д.И. Ермакова [Зеркало Кавказа 1902: 87]

Преподаватель Екатериноградской гимназии А.Н. Дьячков-Тарасов, в 1897-1898 гг. посещавший в летний период, вместе со своими учениками Карачай, пи-

сал, что в ауле Карт-Джурт для них организовали знакомство с различными местными развлечениями. Одним из таких развлечений были танцы, в которых приняли участие княжны Крым-Шамхаловы. Автор отметил их шелковые, вышитые серебряными узорами платья с «необычной величины и формы рукавами». Впрочем, сам танец не произвел серьезного впечатления на Дьячкова-Тарасова. По его мнению, движения танцующих не отличались разнообразием и все дело заключалось в «променаже и в артикуле ступни» [Дьячков-Тарасов 2009: 103].

И.П. Белоконский, описавший в 1903 г. свои впечатления о поездке на Кавказ, также не впечатлился виденными им в Балкарии танцами. Он отметил, что застал у радушно его встретившего князя Нохтара Боташева торжества, вызванные свадьбой брата. Во время этих торжеств Белоконский имел возможность наблюдать «горские танцы под русскую гармонию». Автору не понравилось, что танцы исполнялись «вяло, монотонно и безжизненно, словно это была какая-то тяжелая обязанность». Он был разочарован тем, что увиденные им танцы имеют мало общего с лезгинкой, которую ему неоднократно доводилось видеть на петербургской и московской сценах [Белоконский 1903: 36,37].

Критические замечания А.Н. Дьячкова-Тарасова и И.П. Белоконского могут быть объяснены как тем, что им действительно не удалось увидеть наиболее искусных исполнителей национальных танцев, так и тем, что они не сумели разобраться в особенностях танцевального искусства карачаево-балкарской аристократии. То, что им казалось скучным, монотонным и безжизненным, являлось проявлением строгого этикета. В качестве определенной аналогии можно указать на символ французской придворной танцевальной культуры – менуэт, требующий высокого мастерства. Этот танец исполнялся в умеренном темпе, с плавными и грациозными движениями, подчеркивая утонченность аристократии. Но обязательным для исполнения его делала строгая структура, составляющая в себя определенные фигуры и шаги [Лажинский 2025: 230].

В качестве иллюстрации парного танца можно привести открытку начала XX в. фотографа Г.И. Раева, из серии «Кавказские типы», под названием «Карачаевцы Тебердинского аула» (Рис. 2). По сообщению потомков, на фотографии присутствует карачаевский князь подпоручик Адемей Идрисович Карабашев (стоит в центре группы из трех мужчин, на плечах погоны). Танцуют его дочь Нанаш с карачаевским узденем Магулаевым. В центре открытки можно увидеть девушку-гармонистку.

Российский охотник и путешественник Николай Тавлинов летом 1899 г. посетил Баксанское ущелье, воспользовавшись гостеприимством князя Науруза Исмаиловича Урусбиева. В отношении интересующей нас темы он отметил, что князь в один из вечеров устроил танцы в большом доме, построенном из «колоссальных сосновых бревен», и в котором до смерти жил его отец. Сакля ярко освещалась красивым пылающим очагом. Автор упоминает названия двух групповых танцев, увиденных им. А именно, «кафа» и «сандарака» (сандыракъ – карач.-балк.). Особо нас интересует информация, описывающая участие представителей аристократии в танцевальном действе. Н. Тавлинов пишет, что, когда началась лезгинка, в центр помещения вышла с гармоникой в руках «царица бала, черноокая Айма». Далее он сообщает следующее: «тут уже не удерживается сам

князь и несется за царицей; сакля задрожала от пальбы, – я не успеваю смотреть за Наурузом Измаиловичем и легким полетом дикарки» [Тавлинов 1900: 25, 26].

Рис. 2. Фото Г.И. Раева[1].

К сожалению, автор не конкретизировал социальный статус этой «царицы бала», но с учетом того, что действие происходило в доме князей Урусбиевых, можно утверждать, что она также относилась к этому роду и звали ее, скорее всего, не Айма, а Айша, так как нам известны представительницы рода Урусбиевых с подобным именем. Интерес представляет и отмеченная автором традиция сопровождать танцы выстрелами из огнестрельного оружия в воздух. В некоторых случаях, эта традиция могла привести к нежелательным, даже трагическим последствиям.

Так, 28 февраля 1886 г. старшина с. Кайсын-Анзорова составил рапорт судебному следователю 1 участка Нальчикского округа, в котором сообщил: «При вечернем **Танцевальном вечере у Базая Кабалоева во время этого по обыкновению обычаю** (выделено нами – М.Б.) произошел выстрел со стороны жителя Балкарского общества Исмаилом Айдебуловым, которым нанес удар в нижнюю губу, навылет в затылок дочь Алия З...» [УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д.

[1] Открытка из серии «Кавказские типы» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://hisdoc.ru/postcards/24387 (дата обращения: 23.04.2026 г.).

1282. Л. 10 об.]. Впрочем, в данном случае помимо трагического завершения использования огнестрельного оружия на танцах, небезынтересна и ситуация, при которой балкарский князь Айдаболов принимает участие в танцах в кабардинском селении.

В этом отношении интересна ситуация, упоминаемая осетинским князем Кубатиевым, который писал о том, что в 1920 г. в Нальчик приезжал командующий Кавказской Белой армией генерал Эрдели и в честь которого был устроен бал. На этом балу, наряду с европейскими, представители кабардинской, балкарской и осетинской аристократии исполняли свои национальные танцы. Описывая представителей кабардинской и балкарской аристократии, он пишет: «на сцену вышли кабардинские и балкарские князья с позолоченными и инкрустированными слоновой костью кинжалами и саблями самых разных моделей и даже кремневыми длинноствольными пистолетами и исполнили вместе с красивыми элегантными женщинами наши национальные танцы» [Кубатиев 2014: 159-162].

Возвращаясь к традиции стрельбы из огнестрельного оружия во время танцев, можно привести и случай, опубликованный в газете «Терские ведомости» неким Е.Б. Автор писал, что в первых числах августа этого года в Чегемском обществе Балкарии произошел инцидент, характеризующий, по его мнению, горскую женщину. На свадьбе жителя общества К. присутствовала и семнадцатилетняя княжна Нашхо Барасбиева, игравшая на гармонике. Случайным выстрелом из револьвера одного из горцев княжна получила ранение обеих ног в икрах навылет. Интересно, что, почувствовав боль в ногах, юная аристократка не подала вида и не только продолжила играть, но и принимала участие в танцах. Только через час после происшествия, Нашхо, вместе со своей служанкой, незаметно удалилась в комнату и сама перевязала себе раны, убеждая служанку никому не сообщать о случившемся, чтобы не расстраивать участников веселья. О происшествии с ней стало известно только тогда, когда она, обессилев, незаметно попыталась уйти к себе домой и упала в обморок. После этого служанка не стала сдерживаться и сообщила о случившемся с ее госпожой [Е.Б.1896: 2] Данный пример демонстрирует также, что участие в торжественных мероприятиях, к каковым относились и танцы, позволяли демонстрировать представителям карачаево-балкарской аристократии утонченные этикетные нормы.

Информацию о стрельбе из огнестрельного оружия во время танцев можно подтвердить фотографией, сделанной в 1913 г. ботаником Н.А. Бушем в балкарском селении Безенги (Рис. 3). На фотографии можно увидеть танцующую пару, в которой имя танцора известно – князь Маштай Тенгизович Суюнчев. К сожалению, имя его партнерши по танцу нам выяснить пока не удалось. Сзади Маштая, на корточках с револьвером в руках, можно увидеть родного старшего брата Маштая – Кумука. Вместе с тем, среди зрителей можно увидеть также человека, вооруженного ружьем, и еще одного юношу со старинным кремневым пистолетом.

Рис. 3. Фото Н.А. Буша[1].

Можно отметить, что умение танцевать родной племянницы Нашхо, княжны Дауты Исламовны (Дадашевны) Балкаруковой, произвело столь неизгладимое впечатление на известного представителя евразийства князя К.А. Чхеидзе, что он включил его поэтическое описание в свою книгу «Страна Прометея». Он писал: «Как описать танцующую Даут-Хан? – Если сказать: Даут-Хан подобна белой лилии, колеблемой ветром, плывущей в лунных волнах, то это мало. Если еще сказать: в горах есть Церик-Гель, что значит Голубое Озеро, и воды Церик-Геля чисты и прозрачны, и бывают ночи, когда молодой месяц, окруженный созвездием, отражается в голубых водах; и вот между землею и небом промчится ветер, неся привет от царственного Эльбруса гордому Белому Витязю – Казбеку, и всколыхнутся голубые волны, и всколыхнутся месяц и звезды, и тогда колеблемый месяц будет подобен Даут-Хан, танцующей в хороводе подруг... Нет, и это не то... Я вижу перед собою ковер. Его шелковистая грудь хранит тайны Ирана – знойные тайны, выраженные не в словах, но в узорах. И чудесною силой ковер этот поднят и распластан над многоцветным лугом. Ликующее солнце, воспламенив золотым огнем белоснежные факелы гор, остановилось на миг – там, на высоте, в голубой пустыне. Лучи солнца оживляют ковер – и вот над ним затрепетало видение. Это не сон и не действительность.

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://elbrusoid.net/foto/elbrusoid/7166/467667/ (дата обращения: 23.04.2026 г.).

Это не греза и не существо из плоти. Это она – Даут-Хан, Серебряная Дева, танцующая Даут-Хан» [Чхеидзе 2004: 129].

Возвращаясь к упоминаемому выше танцу сандырак, можно упомянуть, что русский путешественник М.Б., посетивший летом 1904 г. Карачай, вместе со своей семьей и спутниками в количестве семи человек, воспользовался гостеприимством известного карачаево-балкарского общественно-политического деятеля Ислама Пашаевича Крым-Шамхалова в Теберде. Автор писал: «В большой приемной комнате нам накрывали стол для чая, обеда и ужина, сервируя их по-нашему; украшением стола была мать хозяина, которая председательствовала за чаем, хотя несколько стеснялась недостаточным знанием русского языка, но делала все, что могла и знала, чтобы нам было приятно и удобно, а ее сыновья с чрезвычайной любезностью были к услугам наших дам, учили танцевать сандырак, наигрывали карачаевские песни, выказывая при этом удивительную музыкальность и тонкий слух» [Хапаев 1981: 5].

Бывший офицер российской императорской армии С.Н. Курнаков в автобиографическом романе «Дикие эскадроны» описал свою службу в Черкесском полку Кавказской туземной конной дивизии, получившей большую известность под названием «Дикая дивизия». В этом произведении он отметил, что карачаевский князь Магомет-Гирей Крым-Шамхалов, служивший в карачаевской сотне, считался лучшим танцором Черкесского полка [Курнаков 2017: 261]. Фигуру Магомет-Гирея, которого он именует «Магомет Чери», он описывает как «до необыкновенной степени пластичную». Автор привел описание одного из вечеров, на котором, во время застолья, князь Крым-Шамхалов продемонстрировал свое искусство. Курнаков пишет, что на первоначальное предложение тамады, офицера Бек-Борова, Магомет-Гирей «подобно примадонне ответил жестами отказа». Только после того, как раздалось неистовое хлопанье рук и зазвучала музыка, Крым-Шамхалов встал, поклонился, поправил высокую папаху и стал танцевать. Движения его были настолько стремительными, что автор вынужден был даже протереть глаза: «Человек плыл по воздуху, скользя по широкому кругу без какого-либо видимого движения ног». Автор отметил, что, в какой-то момент князь стал танцевать на носках (бармакъла, аякъ бюкген – карач.-балк.). После этого последовал кошачий прыжок Магомет-Гирея на стол. «Он приземлился на него столь мягко, что ни один стакан не звякнул. С одного конца стола к другому он носками своих мягких лайковых сапог плел извилистый узор. Он совершил круговой оборот вокруг большой жестяной банки с фаршированными баклажанами и перескочил через вазу с вишнями. Подобно хеллуинскому колдуну, он промелькнул мимо розового цвета фонаря и приземлился на одно колено перед сестрой Ниной. Все представление являлось таким шедевром грации и проворства, что его встретил неистовый взрыв аплодисментов» [Курнаков 2017: 269, 270].

Можно отметить, что в Кабардинском полку «Дикой дивизии» лучшим танцором считался балкарский князь Амирхан (он же Кёккёз) Мисаков. Его однополчанин, князь К. Чхеидзе, вспоминал свои впечатления от танца Мисакова на железнодорожной станции Великокняжеская: «Танцевал Кеккез Мисаков, играя несколькими кинжалами, стреляя во все стороны, в окна, раскрытые настежь, и

в потолок... С изумлением глядели на него седобородые кубанцы, брюхом и усами напоминавшие гоголевского Тараса Бульбу. «Ну видали мы чертей, а такого чертяку впервые видим», - говорили они» [Заурбек 2016: 332]. Исследователи отмечают, что танец с мечом «Сырпын» являлся танцем воинов, демонстрирующих приемы фехтования, а рисунками танца - наступление, окружение, пленение врагов и большую добычу [Каракетов, Кудаев 2014: 635]. С учетом использования огнестрельного оружия и кинжалов вместо меча, можно предположить, что князь Мисаков исполнял модернизированный вариант этого танца.

Выдающийся уровень танцевального мастерства Амирхана (Кеккеза) Мисакова отмечал и осетинский князь Темирболат Кубатиев, служивший с ним в одном полку в рядах Белой армии. Князь Кубатиев и сам был прекрасным танцором, но признавал в этом умении первенство Мисакова. В своих воспоминаниях он писал: «Поручик Гёкгёз Мисаков был великолепным танцором. Собственно, известность он получил благодаря своему мастерству, продемонстрированному на танцевальном представлении в честь главнокомандующего Кавказской армией Николая Николаевича. Все с удовольствием наблюдали за его быстрыми красивыми движениями на кончиках пальцев. Но когда он танцевал так на рельсах, зурнисту становилось трудно следовать ритму танца. – Пожалей свои пальцы, не пляши на железе, – просили его.

– Если это железо, то мы с ним еще более крепкое железо, – отвечал он, показывая на меня.

Между тем, хотя мое исполнение и нравилось окружающим, оно не могло сравниться с танцем Гёкгёза. Он обращался ко мне «мой адъютант», и мы обычно танцевали вместе» [Кубатиев 2014: 229].

Несомненным талантом в области танцевального искусства отличался и родной младший брат Кеккеза Мисакова – Султанбек. Известно, что оказавшись в эмиграции, сначала во Франции, а потом и в США, он зарабатывал себе на жизнь исполнением кавказских танцев. Исследователи отмечают, что князь Султанбек входил в число «первоклассных плясунов» эмигрантского Нью-Йорка [Близнюк 2007: 197]

Следует отметить, что умение исполнять национальные кавказские танцы помогло выжить в эмиграции и некоторым другим представителям аристократических карачаево-балкарских родов. Так, современный исследователь этномузыкальной культуры адыго-абхазской диаспоры Д.А. Чурей отмечает, что в 1970 г. при Адыгской Хассе в Турции открылась Художественная национальная студия им. имама Шамиля и приводит список состоявших в ней танцоров. Среди упоминаемых автором танцоров нам удалось выявить четырех представителей потомков балкарской аристократии, а именно: супружеская пара Мехмет Шакман (Шакманов Магомет-Гирей Аслан-Гиреевич. – М.Б.) и Шахиде Шакман (урожденная Абаева Шахида Мажидовна. – М.Б.) и родные брат и сестра Али (Ханбиевич. – М.Б.) и Софие (Софьят Ханбиевна. – М.Б.) Сунч, Сюгюнч (Суюнчевы – М.Б.). Особо Д. Чурей выделяет Али Суюнчева, который являлся не только танцором, но и балетмейстером ансамбля под названием «Эльбрус». Автор отмечает, что он «расширил область танца удж пыху за счет исполнительского со-

става и первым сделал его достоянием зрителей в исполнении ансамбля «Эльбрус». Танец имел огромный успех как в Турции, так и в Сирии, Иордании. Пляска получила как бы новую жизнь, шагнув из глубины национальной архаики на профессиональную сцену, не потеряв своей былой красоты и содержания. Благодаря фантазии и профессионализму балетмейстера, в этом танце как бы ожили найденные и открытые заново движения. Каждая пара в нем исполняла свой индивидуальный танец» [Чурей 2008: 42]

Профессиональное занятие национальным танцевальным искусством в послеоктябрьский период стало делом жизни некоторых потомков карачаево-балкарской аристократии. В качестве примера можно указать на Карамурзина Тохтара Исламовича, который в 1930-е гг. являлся танцором Карачаевского национального ансамбля песни и пляски[1]. Предки Тохтара происходили из кабардинского княжеского рода, но еще в первой четверти XIX столетия поселились в Карачае и на протяжении нескольких поколений женились на представительницах карачаевской аристократии. В частности, его мать Бабуш Биаслановна происходила из рода Крым-Шамхаловых [Баразбиев 2025: 91, 121].

Другим примером подобного рода является Валентина Мухажировна Мисакова, которая с 1965 г. танцевала в Государственном ансамбле танца «Кабардинка» и являлась его ведущей солисткой. Мисакова на сцене демонстрировала «дарование способной танцовщицы и незаурядной драматической актрисы». Обладая привлекательной сценической внешностью, Валентина безупречно владела виртуозным танцем, который в ее исполнении производил впечатление легкости и воздушности. Блестяще исполняла ведущие партии во многих танцах из репертуара ансамбля. В 1981 г. за заслуги в области национального искусства Кабардино-Балкарии Валентине Мухажировне было присвоено звание «Заслуженный артист КБАССР» [Танцевальное искусство 2012: 142, 143].

Можно отметить, что фотография танцующей Валентины Мисаковой и ее партнера по балкарскому танцу «Голлу» Каншау Соттаева была размещена на коробке конфет «Танцующая пара» (Рис. 4), ставшей одним из брендов Кабардино-Балкарии [Валентина Мисакова 2008: 6].

Следует отметить, что в 1967 г. в Государственный ансамбль «Кабардинка» поступил родной брат Валентины – Алихан Мухажирович. Алихан также стал ведущим солистом ансамбля. Алихана Мисакова, как танцора, характеризовали огромный сценический темперамент, незаурядные актерские данные, индивидуальная манера исполнения и широта танца. Отмечалось, что «Его творческая индивидуальность наиболее интересно раскрылась в танцах с острым хореографическим рисунком. Ему доступен широкий диапазон движений, динамичный прыжок, виртуозная техника мелких движений» [Танцевальное искусство 2012: 141]. После создания Государственного ансамбля танца «Балкария» в 1988 г., Алихан Мухажирович стал работать там в качестве репетитора [Танцевальное искусство 2012: 35].

[1] Информант Карамурзина Р.Т. – 1937 г.р. – Карачаевск.

Рис. 4. Фото Е.Т. Монина[1].

Заключение

1) Анализ лингвистических материалов позволяет утверждать, что совпадение карачаево-балкарского титула бий (князь) с обозначением танца (бий) у ряда тюркских народов является реликтом древнего ритуального значения танца, исполнявшегося вождями; 2) умение танцевать являлось обязательным условием для всех представителей карачаево-балкарской знати – как для мужчин, так и для женщин, что сближает местную знать с европейской и русской аристократией; 3) танцевальное мастерство являлось важным элементом демонстрации личных достоинств аристократов; 4) некоторые карачаево-балкарские аристократы достигали довольно высокого уровня исполнительского мастерства, что позволяло им достойно выглядеть в кругу элиты соседних народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баразбиев 2025 – *Баразбиев М.И.* Балкарцы и карачаевцы в этнокультурном пространстве России в XVIII – начале XX вв. – Нальчик: «Принт Центр», 2025. – 256 с.

Беленький 2019 – *Беленький И.* История кино: Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. – Москва: Альпина Паблишер, 2019. – 405 с.

Белоконский 1906 – Белоконский И.П. На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения. – Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1906. – 120 с.

Близнюк 2007 – Близнюк М.И. Прекрасная Маруся Сава…: Русская эмиграция на концертных площадках и в ресторанах Америки. – Москва: «Русский путь», 2007. – 415 с.

Валентина Мисакова и Каншао Соттаев // Газета Юга. – 2008. – № 36 (757). – С. 6.

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://vk.ru/wall-43417591_5951 (дата обращения: 23.04.2026 г.).

Голубчина 2022 – *Голубчина А.А*. История танца от древности до современности // Вестник магистратуры. – 2022. – №11-1 (134). – С. 56, 57.

Гочияева, Суюнчев 1989 – *Гочияева С.А., Суюнчев Х.И*. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30000 слов / Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев. Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Рус. яз., 1989. – 832 с.

Грабовский 1869 – *Грабовский Н.Ф.* Свадьба в Горских обществах Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. – 1869. – Вып.2. Отд. VI. – С. 3-24.

Дьячков-Тарасов 2009 – *Дьячков-Тарасов А.Н*. В горах Большого и Малого Карачая (Истоки реки Кубани). – Тифлис: Типография Н.П. Козловского, 1900. – 140 с.

Е.Б. 1896 – *Е.Б*. Чегемское общество (Нальчикского округа) // Терские ведомости. – 1896. – № 117. – С. 2.

Ёзден Адет 2005 – Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа / Сост., предисловие и комментарий М.Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 574 с.

Заурбек 2016 – *Заурбек*. Книга о З.А. Даутокове-Серебрякове / Сост. М. и В. Котляровы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2016. – 416 с.

Зеркало Кавказа 1902 – Зеркало Кавказа. Альбом из 36 картин и видов Кавказа, снятых с натуры фотогр. Д.И. Ермаковым. – М.: журн. «Будильник», 1902. – 24 с., 32 л. ил.

Иванюков, Ковалевский 2005 – *Иванюков И., Ковалевский М.М*. У подошвы Эльбруса // Балкария: Страницы прошлого. – 2005. – Вып. 1. – С. 26-56.

Каракетов, Кудаев 2014 – *Каракетов М.Д., Кудаев М.Ч*. Национальные танцы // Карачаевцы. Балкарцы. / отв. редакторы: М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева. – Москва: Наука, 2014. – 815 с.

Кетенчиев, Аппоев 2023 – *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К*. Названия танцев в карачаево-балкарском языке: этимологические этюды // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 1. – С. 131-137.

Кубатиев 2014 – *Кубатиев Темирболат*. Воспоминания осетинского эмигранта. Ч.I. Моя жизнь на Кавказе / Пер., предисл., примеч. Г.В. Чочиев. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 424 с.

Кудаев 1997 – *Кудаев М.Ч*. Древние танцы балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 144 с.

Кудаев 2009 – *Кудаев М.Ч*. Танцевальный этикет и условные знаки карачаево-балкарской хореографии. – Нальчик: Минги Тау, 2009. – 108 с.

Курнаков 2017 – Курнаков С. Дикие эскадроны / Иван де Шаекк. Дневник одного свидетеля. Курнаков С. Дикие эскадроны / Пер. на русс. яз. К.А. Мальбахов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 382 с.

Лажинский 2025 – *Лажинский Р.А*. Французский бальный танец XVII-XVIII вв. как историко-культурный феномен // Культура и цивилизация. – 2025. – Том 15. № 2А. – С. 227-233.

Никитин 2014 – *Никитин В.Ю*. Танец как социокультурный феномен. Три лика Терпсихоры // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 6 (62). – С. 292-298.

Стерлигова 2001 – *Стерлигова А.В*. Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 67-126.

Тавлинов 1900 – *Тавлинов Н.* В горах Баксанского ущелья (на Северном Кавказе) // Природа и охота: независимый русский журнал для охотников и других ценителей дикой природы. – 1900. – Кн. 2. – С. 18-36.

Танцевальное искусство 2012 – Танцевальное искусство КБР. Биобиблиографический словарь. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2012. – 208 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хапаев 1981 – *Хапаев С.А*. Очерки природы Карачаево-Черкессии. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1981. – 317 с.

Хатуев 1999 – *Хатуев Р.Т*. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы: этнография, история, археология. – Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. – С. 4-198.

Чурей 2008 – *Чурей Д.А*. Этномузыкальная культура адыго-абхазской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. - 172 с.

Чхеидзе 2004 – *Чхеидзе К.А*. Страна Прометея. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – с. 129.

Merzbacher, Gottfried 1901 – Merzbacher, Gottfried. Aus den Hochregionen des Kaukasus: Wanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen: und 2 Karten / von Gottfried Merzbacher; mit 144 Abbildungen nach Photographien gezeichnet von E.T. Compton, Ernst Platz und M.Z. – Diemer.: Verlag von Duncker & Humblot, 1901. – 957 p.

REFERENCES

BARAZBIEV M.I. *Balkartsy i karachaevtsy v etnokul'turnom prostranstve Rossii v XVIII – nachale XX vv.* [Balkars and Karachays in the Ethnocultural Space of Russia in the 18th – early 20th Centuries]. – Nalchik: «Print Tsentr», 2025. – 256 p. (In Russ.).

BELEN'KIY I. *Istoriya kino: Kinosemki, kinopromyshlennost', kinoiskusstvo* [History of Cinema: Filming, Film Industry, Cinematography]. – Moscow: Al'pina Pablisher, 2019. – 405 p. (In Russ.).

BELOKONSKIY I.P. *Na vysotakh Kavkaza. Putevye zametki i nablyudeniya* [On the Heights of the Caucasus. Travel Notes and Observations]. – Moscow: Tipografiya t-va I.D. Sytina, 1906. – 120 p. (In Russ.).

BLIZNYUK M.I. *Prekrasnaya Marusya Sava…: Russkaya emigratsiya na kontsertnykh ploshchadkakh i v restoranakh Ameriki* [Beautiful Marya Sava...: Russian Emigration on Concert Stages and in American Restaurants]. – Moscow: «Russkiy put'», 2007. – 415 p. (In Russ.).

GOLUBCHINA A.A. Istoriya tantsa ot drevnosti do sovremennosti [The History of Dance from Antiquity to Modern Times]. IN: *Vestnik magistratury*. – 2022. – №11-1 (134). – P. 56–57. (In Russ.).

GOCHIYAEVA S.A., SUYNCHEV KH.I. *Karačaevo-balkarsko-russkij slovar'* [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. Edited by E.R. Tenishev and Kh.I. Suynchev. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1989. 832 p. (In Russ.).

GRABOVSKIY N.F. *Svad'ba v Gorskikh obshchestvakh Kabardinskogo okruga* [Wedding in the Mountain Societies of the Kabarda District]. IN: *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh*. – 1869. – Vyp. 2. – Otd. VI. – P. 3–24. (In Russ.).

D'YACHKOV-TARASOV A.N. *V gorakh Bol'shogo i Malogo Karachaya (Istoki reki Kubani)* [In the Mountains of Greater and Lesser Karachai (Sources of the Kuban River)]. – Tiflis: Tipografiya N.P.Kozlovskogo, 1900. – 140 p. (In Russ.).

E.B. Chegemskoe obshchestvo (Nal'chikskogo okruga) [Chegem Society (of Nalchik District)]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1896. – №117. – P. 2. (In Russ.).

YOZDEN ADET: Eticheskiy kodeks karachaevo-balkarskogo naroda [Ethical Code of the Karachay-Balkar People] / Compiled by M.Ch. Dzhurtubaev. – Nalchik: El'brus, 2005. – 574 p. (In Russ.).

ZAURBEK. *Kniga o Z.A. Dautokove-Serebryakove* [Book about Z.A. Dautokov-Serebryakov] / Compiled by M. and V. Kotlyarovy. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2016. – 416 p. (In Russ.).

ZERKALO KAVKAZA. *Al'bom iz 36 kartin i vidov Kavkaza, snyatykh s natury fotogr. D.I. Ermakovym* [Mirror of the Caucasus. Album of 36 Pictures and Views of the Caucasus Shot from Nature by Photographer D.I. Ermakov]. – M.: zhurn. «Budil'nik», 1902. – 24 p., 32 l. il. (In Russ.).

IVANYUKOV I., KOVALEVSKIY M. U podoshvy El'brusa [At the Foot of Elbrus]. IN: *Balkariya: Stranitsy proshlogo*. – 2005. – Vyp. 1. – P. 26–56. (In Russ.).

KARAKETOV M.D., KUDAEV M.CH. Natsional'nye tantsy [National Dances]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* / Ed. by M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – Moscow: Nauka, 2014. – 815 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K. Nazvaniya tantsev v karachaevo-balkarskom yazyke: etimologicheskie etyudy [Names of Dances in the Karachay-Balkarian Language: Etymological Sketches]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2023. – №1. – P. 131–137. (In Russ.).

KUBATIEV Temirbolat. *Vospominaniya osetinskogo emigranta. Ch.I. Moya zhizn' na Kavkaze* [Memoirs of an Ossetian Emigrant. Part I. My Life in the Caucasus] / Translated by G.V. Chochiev. – Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTs RAN i RSO-A, 2014. – 424 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Drevnie tantsy balkartsev i karachaevtsev* [Ancient Dances of the Balkars and Karachays]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 144 p. (In Russ.).

KUDAEV M.Ch. *Tseval'nyy etiket i uslovnye znaki karachaevo-balkarskoy khoreografii* [Dance Etiquette and Conventional Signs of Karachay-Balkarian Choreography]. – Nalchik: Mingi Tau, 2009. – 108 p. (In Russ.).

KURNAKOV S. *Dikie eskadrony* [Wild squadrons]. IN: DE SHAEKK I. *Dnevnik odnogo svidetelya* [Diary of a witness]. KURNAKOV S. *Dikie eskadrony* / Translated into Russian by K.A. Mal'bakhov. – Nalchik: OOO «Pechatnyy dvor», 2017. – 382 p. (In Russ.).

LAZHINSKIY R.A. Frantsuzskiy bal'nyy tanets XVII-XVIII vv. kak istoriko-kul'turnyy fenomen [French Ballroom Dance of the 17th-18th Centuries as a Historical and Cultural Phenomenon]. IN: *Kul'tura i tsivilizatsiya*. – 2025. – Tom 15. – №2A. – P. 227–233. (In Russ.).

NIKITIN V.YU. Tanets kak sotsiokul'turnyy fenomen. Tri lika Terpsikhory [Dance as a Sociocultural Phenomenon. Three Faces of Terpsichore]. IN: *Vestnik MGUKI*. – 2014. – №6 (62). – P. 292–298. (In Russ.).

STERLIGOVA A.V. Vospominaniya [Memories]. IN: *Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits*. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – P. 67–126. (In Russ.).

TAVLINOV N. V gorakh Bakssanskogo ushchel'ya (na Severnom Kavkaze) [In the Mountains of the Baksan Gorge (in the North Caucasus)]. IN: *Priroda i okhota: nezavisimyy russkiy zhurnal dlya okhotnikov i drugikh tseniteley dikoy prirody*. – 1900. – Kn. 2. – P. 18–36. (In Russ.).

Tantseval'noe iskusstvo KBR. Biobibliograficheskiy slovar' [Dance Art of the Kabardino-Balkarian Republic. Bio-bibliographic Dictionary]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2012. – 208 p. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Ocherki prirody Karachaevo-Cherkessii* [Essays on the Nature of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Stavrop. kn. izd-vo. Karachaevo-Cherkes. otd-nie, 1981. – 317 p. (In Russ.).

KHATUEV R.T. Karachay i Balkariya do vtoroy poloviny XIX veka: vlast' i obshchestvo [Karachai and Balkaria until the Second Half of the 19th Century: Power and Society]. IN: *Karachaevtsy i balkartsy: etnografiya, istoriya, arkheologiya*. – Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 1999. – P. 4–198. (In Russ.).

CHUREY D.A. *Etnomuzykal'naya kul'tura adygo-abkhazskoy diaspory v Turtsii* [Ethnomusical Culture of the Adyghe-Abkhaz Diaspora in Turkey]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2008. – 172 p. (In Russ.).

CHKHEIDZE K.A. *Strana Prometeya* [Land of Prometheus]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2004. – 129 p. (In Russ.).

MERZBACHER, Gottfried. Aus den Hochregionen des Kaukasus: Wanderungen, Erlebnisse, Beobachtungen: und 2 Karten. – Verlag von Duncker & Humblot, 1901. – 957 p.

Сведения об авторе

М.И. Баразбиев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

M.I. Barazbiev – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 14.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 391.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-249-260
EDN: LLTRRM

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА ЖЕНЩИН ДАГЕСТАНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Оксана Саидовна Мутиева[1], **Патимат Абдулхаликовна Алиомарова**[2]
[1,2]Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
[1] mutiewa.oksana@yandex.ru, https: //orcid.org/0000-0002-7669-3558
[2] aliomarova.p@bk.ru

Аннотация. В контексте развития традиционной культуры особую актуальность приобретает проблема сохранения национальной одежды дагестанских народов, как важного компонента этнической идентичности. На протяжении веков женская одежда отражала исторические и культурные традиции, этническую специфику народа и являлась важным информативным источником. Анализ современного состояния данной проблемы свидетельствует, что в условиях реисламизации общества нивелируются традиции национальной одежды. Наиболее рельефно это прослеживается в женской одежде. Апеллируя требованиями ислама, повсеместно перенимаются образцы одежды стран арабского Востока. Делается вывод, что несмотря на социально-культурные трансформации общества в дореволюционный и советский период, традиционная одежда дагестанских народов сохраняла свои этнические и культурные особенности. В настоящее время это требует существенных усилий со стороны общества и государства. В общественном сознании дагестанцев должно сформироваться понимание того, что национальная одежда это не только важная часть материальной культуры, но и этнический код для многих поколений дагестанцев.

Ключевые слова: Дагестан; национальная одежда; сохранение; дагестанские народы; трансформация; материальная культура; культурное наследие

Для цитирования: Мутиева О.С., Алиомарова П.А. Национальная одежда женщин Дагестана в исторической динамике: проблема сохранения и развития // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 249-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-249-260. EDN: LLTRRM.

© Мутиева О.С., Алиомарова П.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE NATIONAL DRESS OF DAGESTAN WOMEN IN HISTORICAL DYNAMICS: THE PROBLEM OF CONSERVATION AND DEVELOPMENT

Oksana S. Mutieva[1], **Patimat A. Aliomarova**[2]
[1,2] Dagestan State University, Makhachkala, Russia
[1] mutiewa.oksana@yandex.ru, https: //orcid.org/0000-0002-7669-3558
[2] aliomarova.p@bk.ru

Abstract. In the context of the development of traditional culture, the problem of preserving the national clothing of the Dagestani peoples as an important component of ethnic identity becomes particularly relevant. For centuries, women's clothing has reflected historical and cultural traditions, the ethnic specificity of the people, and has been an important source of information. An analysis of the current state of this problem shows that the traditions of national clothing are being eroded in the context of the re-Islamization of society. This is most evident in women's clothing. The adoption of clothing styles from Arab countries is widespread, driven by Islamic requirements. It is concluded that despite the socio-cultural transformations of society in the pre-revolutionary and Soviet periods, the traditional clothing of the Dagestani peoples retained its ethnic and cultural characteristics. Today, this requires significant efforts from society and the state. The public consciousness of Dagestanis should be shaped to understand that national clothing is not only an important part of material culture, but also an ethnic code for many generations of Dagestani people.

Keywords: Dagestan, national clothing, preservation, Dagestani peoples, transformation, material culture, and cultural heritage.

For citation: Mutieva O.S., Aliomarova P.A. The national dress of Dagestan women in historical dynamics: the problem of conservation and development. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 249-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-249-260. EDN: LLTRRM.

© Mutieva O.S., Aliomarova P.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В национальной одежде как в важной части материальной культуры отражается многовековой опыт дагестанского народа, этнические и культурные традиции. Традиционная одежда народов Дагестана всегда привлекала внимание исследователей, к ней обращались историки и этнографы дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Одна из первых характеристик традиционной одежды, описание этнокультурных особенностей оставил этнограф – кавказовед Е.М. Шиллинг. Во время этнографических научных экспедиций в 40-е г. XX в. он вместе со своими учениками собрал богатый материал по культуре отдельных дагестанских народов. Собранный материал вошёл в сборник очерков, который был подготовлен Е.М. Шиллингом совместно с этнографом Л.Б. Панек. В нем собраны ценные сведения о культуре народов Горного и Южного Дагестана, приводится описание традиционной одежды и этнические особенности народов андо-цезской группы, арчинцев, рутулов, цахуров, агулов, табасаранцев, кубачинцев, кайтагцев, даргинцев [Панек, Шиллинг 1996].

Научные традиции по изучению и описанию традиционной одежды, заложенные Е.М. Шиллингом и его учениками продолжили дагестанские этнографы С.Ш. Гаджиева, А.Г. Булатова, С.С. Агаширинова, С.А. Лугуев и др.

В советский период написаны фундаментальные историко-этнографические труды по материальной культуре отдельных дагестанских народов, изучены традиции, технологии, возрастные и социальные особенности национальной одежды [Гаджиева 1981; Агаширинова 1978; Лугуев 1988].

Одежде народов Дагестана посвятила свою монографию С.Ш. Гаджиева, где дана сравнительная историко-этнографическая характеристика, показана эволюция техники изготовления одежды. Четвёртая глава монографии посвящена женской одежде и украшениям: даётся описание головных уборов, чухта,

платка, покрывала и их этнические особенности по зоне расселения [Гаджиева 1981: 91-104].

Особо следует отметить совместную монографию А.Г. Булатовой, С.Ш. Гаджиевой, Г.А. Сергеевой, где представлен красочный этнографический атлас одежды народов Дагестана, отражающий историко-культурные и особенности национальной одежды [Булатова, Гаджиева, Сергеева 2001].

Традиционная одежда народов Дагестана в условиях трансформации и в исторической динамике исследуется современными дагестанскими этнографами А.Дж. Магомедовым, Ф.А. Гаджаловой, М.К. Мусаевой, Э.М.-Г. Зульпукаровой, Р.И. Сефербековым и др. в своих исследованиях обращаются к проблеме сохранения и развития традиционной национальной одежды. Авторами поднимаются проблемы возрождения традиций национального костюма в постсоветском Дагестане [Гаджалова 2015], отмечается влияние религиозного фактора на женскую одежду в постсоветский период [Магомедов, Гаджалова 2017а: 106]. В одной из последних работ Ф.А. Гаджаловой и М.К. Мусаевой поднимается проблема актуализации национальной одежды как важного элемента материальной культуры [Гаджалова, Мусаева 2024]. В этом же ключе написаны совместные работы Э.М.-Г. Зульпукаровой и Р.И. Сефербекова, где исследуются традиции и инновации женского костюма современных дагестанок, поднимаются проблемы сохранения компонентов национальной одежды в современном обществе [Зульпукарова, Сефербеков 2020].

На примере ингушского народа, проблему сохранения национальной одежды поднимает этнограф М.С.-Г. Албогачиева. По оценке автора, под влиянием религиозного фактора за последние десятилетия национальный костюм постепенно вытеснился из жизни ингушского общества [Албогачиева 2020: 61]. З.В. Доде, рассматривая национальные и религиозные традиции в культуре народов Северного Кавказа, отмечает, что религия оказывает существенное влияние на повседневную жизнь общества, что особенно проявляется во внешнем облике людей, предпочтение отдаётся мусульманской одежде [Доде 2013: 129].

Вызывает тревогу исчезновение из повседневной жизни традиционных образцов одежды, что существенным образом отражается на женском национальном костюме. Руководствуясь религиозными предписаниями, заимствуется одежда стран арабского Востока: абайя, хиджаб, паранджа, химар, никаб стали частью женского гардероба. Научной общественностью поднимаются проблемы сохранения и развития национального костюма. Данная статья имеет целью продолжить исследование проблемы сохранения национальной одежды на материале советской и постсоветской историографии.

В методическом плане работа написана с применением междисциплинарного, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, в контексте общественно-исторических процессов, авторами рассматривается динамика национальной женской одежды.

Женская национальная одежда в дореволюционный период: влияние религиозного и инокультурного факторов

Женская одежда у всех народов более информативна, чем мужская. Указывая на это, Т.А. Арманд писала: «...если бы исчезло все и остался только женский

костюм, то по нему можно было бы восстановить до известной степени эстетическую культуру прошедших эпох» [Арманд 1937].

По национальному костюму дагестанской женщины можно было определить и её этническую принадлежность. Так, по манере ношения традиционного белого покрывала каз можно узнать женщин из древнего аула Кубачи. Женщины – кубачинки и сегодня на всех значимых событиях семейной и общественной жизни надевают национальную одежду, старинные украшения,

Женщин из аварского аула Ругуджа и в настоящее время на особых торжествах можно увидеть в традиционных национальных одеждах, украшенных старинными серебряными изделиями. Обязательным элементом одежды является старинный платок, который передаётся в семье по женской линии, от матери к дочери. По одежде можно было определить не только этническую принадлежность женщины, но и возраст и семейный статус, ткань и цветовая гамма отражали социальные и возрастные особенности женщины [Мусаева 2003: 66].

Безусловно, женская одежда отличалась по зоне расселения, сказывалось иноэтническое и религиозное влияние. Несмотря на это, схожие элементы женского костюма можно встретить практически у всех дагестанских народов. По оценке С.Ш. Гаджиевой, этнографическая близость дагестанских народов способствовала схожести женского национального костюма у всех групп аварских народов [Гаджиева 1981: 126].

В одежде, соблюдали скромность, возрастные и сословные особенности. Женское платье представляло собой разные вариации туники, цвет платья зависел от возраста, украшался поясами или кушаками разных цветов, предпочтение отдавали ярким тканям – голубого, зеленого, желтого, красного, цветов. Так, молодые женщины из Годобери, Батул, Чамалал подпоясывались кушаками красного цвета, даже женщины преклонного возраста носили белые кушаки у дидойцев [Мусаева 2003: 70].

Очевидно, что такая палитра красок являлась отражением вековых традиций, самобытности народов, которые сохранились и в условиях ислама. Самобытность одежды дагестанских женщин отмечали посетившие край в XIX в. представители творческой интеллигенции, писатели и художники. Так, в 1848 году Дагестан посетил художник Григорий Гагарин, который запечатлел на своих литографиях прекрасные образы кавказских женщин. Все свои работы художник собрал в одном альбоме «Костюмы Кавказа», где представлены женщины дагестанки, азербайджанки, грузинки, черкешенки, кабардинки и терские казачки в национальных одеждах[1]. Обращает на себя богатая палитра женского национального костюма, который художник выразил в своих работах «Красавицы-дагестанки из Ахты», «Дагестанская женщина из Тарковского шамхальства», «Жена шамхала Абу-Муслим-Хана Тарковского», «Баба-Бике, дочь Ахмет-Хана Мехтульского»[2].

[1] Дагестан в творчестве Григория Гагарина (к 120-летию художника) // Электронный ресурс. Режим доступа: https://женщинадагестана.рф/node/4737 (дата обращения: 11.10.2025 г.).

[2] 24 рисунка из альбома князя Григория Григорьевича Гагарина // Электронный ресурс. Режим доступа: https://domlotsmana.ru/2023/06/07/24 (дата обращения: 11.10.2025 г.).

Одежду женщин отличала практичность, одна и та же деталь в силу жизненных обстоятельств могла выполнять разные функции. Так, по сведениям С.А. Лугуева, у дидойских женщин кушак, которым подпоясывали платье, представлял собой мешок, который при необходимости мог использоваться и для выполнения намаза [Лугуев 1988: 126].

Следует отметить, что женская одежда не смогла избежать влияния религии, но предписания ислама в дореволюционное время соблюдали больше в религиозных практиках, в повседневной жизни женщины больше руководствовались практичностью – «идейные установки ислама исполнялись лишь частично...народный ислам исходил из принципа здравого смысла», – отмечается исследователями [Магомедов, Гаджалова 2017 б: 73]. В частности, под влиянием религии трансформировались национальные головные уборы дагестанских женщин, появилась традиция комбинировать чохто (чухту) накосником и налобником, которые тщательно закрывали волосы.

Очевидно, что с такими дополнениями чохто соответствовало требованиям, которые предъявлялись женщине как по адатам, так и по нормам шариата – волосы были полностью закрыты от посторонних глаз.

В целом, чохто особо не изменилось, сохранялись старые доисламские традиции. Чохто как и в архаичные времена украшали «монетами, кусками кожи, квадратиками парчовых, шелковых и других художественных тканей, которые уживались с исламскими представлениями об одежде», – отмечают исследователи [Магомедов, Гаджалова 2017б: 70]. Чохто у каждого народа имело свои специфические особенности, различалось по крою и цвету. Одну из полных сравнительных характеристик чохто дала С.Ш. Гаджиева, она описала особенности и крой даргинского, аваро-андо-дидойской и лезгинской групп [Гаджиева 1981: 91-101]. По сведениям М.К. Мусаевой, разнообразием спецификой форм отличались чохто женщин Западного Дагестана. Автор отмечает рогатое чохто у ботлихских, годоберинских и андийских женщин, которое отличали крой, наличие или отсутствие серебряных украшений [Мусаева 2003: 76].

У народов Горного Дагестана данному головному убору уделяли особое внимание, «как ни одному другому элементу своего наряда», использовали по возможности шелк, бархат, парчу, тафту [Булатова, Гаджиева, Сергеева 2001: 39].

Важным элементом головного убора был платок, который надевали поверх чохто. По оценке исследователей платок у дагестанских женщин не является архаическим элементом одежды, до XIX века было распространено традиционное покрывало, в основном однотонное, исключение покрывало женщин-кубачинок [Магомедов, Алимова, Гаджалова 2018: 134]. Авторы отмечали, что основные формы покрывал женщин Дагестана отличались от традиционных исламских форм, как по форме ношения, так и по цветовой палитре [Магомедов, Гаджалова 2017а: 106].

У каждого дагестанского народа были свои предпочтения в цветовой гамме. Так, женщины – кубачинки носили традиционное белое покрывало – каз, которое было вышито золотыми нитками, богато оформлено по краю каймой.

Что касается платка, то у каждого народа были свои особенности и предпочтения. Так женщины-кумычки в начале XX в. пользовались шелковыми платками – тастар, которые изготавливались на основе техники узелкового плетения [Магомедов, Алимова, Гаджалова 2018: 135]. По сведениям С.С. Агаширинoвой, в XIX в. женщины-лезгинки умели уже ткать платки с декором, напоминающим клетчатый плед [Агаширинова 1978: 234].

Поскольку на протяжении всего XIX в. происходила интеграция кавказских народов в составе Российской империи, это, безусловно, отразилось и на материальной культуре, одежде. Русское и европейское влияние прослеживается в одежде городского населения. Под влиянием русской городской культуры в гардеробе женщин из состоятельных кругов дагестанского общества появляется европейская одежда. В Темир-Хан-Шуру, Дербент и Порт-Петровск проникают модные тенденции: женщины надевали корсеты, турнюры, трены, шляпки, обувь на каблуке [Мутиева 2019: 22]. Заметим, что модные веяния отразились и на традиционном национальном платье «къабалай»: для шитья использовались модные ткани, более подчёркивалась талия, юбка была драпирована в складку, рукав украшался манжетом.

Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. европейская одежда постепенно стала частью гардероба женщин-горожанок разных сословий [Мутиева 2019: 23]. В сельской местности женщины проявляли консервативность, модные тенденции воспринимались с трудом. Как отмечали исследователи, несмотря на социально-культурные трансформации, инокультурное влияние, религиозный фактор, «традиционный костюм народов Дагестана, особенно горной его части, долгое время сохранял архаичные компоненты, что делает его уникальным» [Гаджалова, Мусаева 2024: 113].

Под влиянием экономических и социально-культурных трансформаций происходили заимствования, которые существенного влияния на национальную одежду не оказали. По сведениям исследователей некоторые группы аварцев Западного Кавказа и в 30-40-е гг. XX в. продолжали носить традиционные национальные костюмы в повседневной жизни [Мусаева 2003: 424].

Национальная одежда в условиях трансформации традиционного дагестанского общества в советский период

Советская власть принесла с собой культурные преобразования и отразилась существенным образом на материальной культуре. Трансформационные процессы в дагестанском обществе отразились на традиционной одежде. По оценке Г.А. Сергеевой, общность процессов, происходящих в бытовой культуре народов Кавказа, способствовала заимствованию новых «европейских», городских элементов одежды, особенно активно с 1930-х гг., при сохранении традиционных элементов одежды [Сергеева 1978: 251].

Унификация городской культуры не затронула в целом сельскую местность. По оценке Е.М. Шиллинга, в 40-е гг. XX в. в советском Дагестане национальный костюм сохранился в основном у женщин в сельской местности. Автором отмечал зональные особенности женской одежды Горного и Южного Дагестана. Так,

у цезских народов, как и у аварских народов, женщины продолжали носить шаровары, на голове чохто, скрадывавшие волосы, поверх накидывали платок, «...в ушах кольцевые серьги с навесками, ниспадающие на плечи» [Шиллинг 1996: 27-28]. Женщины-бежтинки носили на голове вместо чохто платок,завязанный узлом над лбом, а поверх накидывали шаль, также использовали серебряные украшения, ими же обрамляли одежду [Шиллинг 1996: 32].

Интересные сведения Е.М. Шиллинг приводит о женщинах аварского аула Арчиб, которые носили по-особому чохто, обшитое несимметричной нашивкой из множества монет, закрывающую половину левой части лица женщины. Автор полагал, что чохто для женщин выполняло и сакральные функции, служило неким оберегом от порчи. Автор ссылается на легенду, которая объясняла появление традиции ношения чохто у арчибских женщин. «Бог сотворил Еву из левого ребра Адама, в память чего женщинам надо закрывать левую щеку, как знак уважения к мужу», – рассказывали Е.М. Шиллингу арчибцы [Шиллинг 1996: 44].

Обратив внимание на особенности национального костюма кубачинских женщин, Е.М. Шиллинг писал, что «кубачинку в ее полном убранстве без труда можно выделить... она не затеряются и не утратит своеобразия» [Шиллинг 1996: 63]. По оценке автора, мужская одежда не была ничем особо примечательна, в отличие от женской, которая выделялась богатством цветов в одежде, изысканностью, изобилием серебряных украшений [Шиллинг 1996: 63]. Автор писал и о заимствованиях в гардеробе женщины-кубачинки – слуцкие пояса, которые попадали в Кубачи из Беларуссии и Польши [Шиллинг 1996: 63].

Заметим, что в советское время, несмотря на дефицит, в самые отдалённые уголки Дагестана доходили модные тенденции. В частности, новым для Дагестана видом женского головного убора в советский период стали импортные платки. В первые десятилетия советского времени из-за экономических трудностей платки исчезли из торговли. С учётом большого спроса фабричная промышленность позже освоила «тёплые» платки, которые дагестанки в сельской местности надевали поверх косынки.

Повышенным спросом пользовались жаккардовые платки, которые сохранились в сундуках ещё с царских времён. Производство платков началось ещё в 30-е гг. XIX в., с появлением первых жаккардовых станков в Российской империи. Одной из фабрик по изготовлению платков была Фряновская шелковая фабрика, а в начале XX в. была открыта шёлковая фабрика Никифора Вшивкина, которая наладила производство «златотканых платков» [Магомедов, Алимова, Гаджалова 2018: 137]. Платки изготавливались из шелка и вышивались серебряной или золотой нитью, рисунок завершался по кайме цветочно-растительным орнаментом.

По настоящее время в повседневном обиходе старинные жаккардовые платки называют «царскими» или «николаевскими», бережно хранят и передают по женской линии уже несколько столетий женщины – селений Ругуджа, Кубачи, Цудахар, Губден и др.

Как видим, несмотря на то что городской стиль стал практически повсеместным, благодаря женщинам национальная одежда была востребована в советский

период и не стала пережитком прошлого. Кроме того, в советское время на популяризацию национальной культуры были направлены силы научной и творческой интеллигенции. Открывались национальные музеи, где были организованы специальные экспозиции традиционной национальной одежды дагестанских народов.

Основные тенденции современного состояния традиционной национальной одежды

Кардинальным образом на традиционную культуру оказал влияние религиозный ренессанс постсоветского времени. В условиях реисламизации общества увеличивается численность людей, соблюдающих нормы ислама. Соответственно и национальный костюм постепенно адаптируется под религиозные нормы. Как уже отмечалось выше, происходит постепенное вытеснение элементов традиционной одежды из жизни дагестанского общества.

Особенно сильно оно стало отражаться на женской одежде. И речь не идёт о покрытии головы, поскольку задолго до ислама, женщины следовали этическим канонам и закрывали волосы специальным головным убором – чохто. Но в настоящее время женщины все чаще надевают чёрные одеяния – абайи, закрывают лицо никабом. Заметим, что дагестанские женщины никогда не закрывали лицо, это – традиция некоторых арабских обществ, а не требование норм шариата. Национальная специфика женской одежды выражалась в орнаменте, в украшениях, характерных для конкретного дагестанского народа

В национальном музее имени А. Тахо-Годи прошла выставка головных покрывал «Другой кIаз», которая сопровождалась мастер-классом Беллы Кишевой из Кубачи, она рассказала и показала присутствующим о традициях старинной вышивки «бениахне»[1].

В 2010 г. в музей-заповедник – этнографический комплекс «Дагестанский аул» реализовал проект по реконструкции национальных костюмов дагестанских народов, среди них пять был женские[2]. Заметим, что проект получил грант главы Республики Дагестан.

По оценке исследователей отношение к хиджабу в обществе разнится, одни воспринимают как «один из видов национального дагестанского костюма», а другие, «как нетрадиционный для Дагестана элемент арабской одежды» [Зульпукарова, Сефербеков 2020]. В связи с этим, популяризация национального колорита и этнического многообразия Дагестана важна сегодня как никогда. С этой целью проводятся специальные выставки, мастер-классы, реализуются авторские проекты. Важно отметить, что инициаторами и авторами идей являются сами женщины. Так, с целью популяризации дагестанских традиций, связанных

[1] В Дагестане открылась выставка головных покрывал // Электронный ресурс. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/news/v-dagestane-otkrylas-vystavka-golovnykh-pokryval/ (дата обращения 30.11.2025 г.).

[2] «Дагестанский аул» реконструирует традиционный костюм народов Южного Дагестана // Электронный ресурс. Режим доступа: https://flnka.ru/obshestvo/52-dagestanskiy-aul-rekonstruiruet-tradicionnyy-kostyum-narodov-yuzhnogo-dagestana.html (дата обращения 30.11.2025 г.).

с ношением платка, прошли мастер-классы и выставки[1] под названиями «Секреты кубачинского платка»[2], «Платок горянки»[3], были представлены платки с традиционными дагестанскими узорами.

Следует отметить авторскую работу дагестанского художника-этнографа Сакинат Исмаиловой «Матрёшки в дагестанских костюмах», в 2011 г. состоялась выставка под таким же названием[4].

Следующей работой Сакинат Исмаиловой стал авторский проект «Реконструкция традиционных костюмов народов Дагестана в миниатюре», который в 2014 г. стал победителем конкурса Года культуры.

По оценке дагестанских историков Э.М.-Г. Зульпукаровой и Р.И. Сефербекова, сохранившиеся традиции национального костюма в современной одежде дагестанских народов, тем самым, «способствуют сохранению этнической идентичности» [Зульпукарова, Сефербеков 2020: 23].

Важная роль принадлежит женщинам Дагестана. Они являются неким камертоном, который воспроизводит и сохраняет лучшие образцы национального костюма.

Традиционная одежда народов выступает сегодня «как один из символов этнического самосознания», как культурный код дагестанских народов [Гаджалова, Мусаева 2024: 114]. Утрата традиций национального костюма, повлечет за собой неминуемо потерю культуры народа.

Заключение

Таким образом, анализ источников и научной литературы показывает, что традиционная женская одежда дагестанских народов являлась индикатором культурных и этнических традиций. Задолго до ислама, руководствуясь традициями, женщины носили одежду, которая отличалась скромностью, практичностью. Влияние ислама на традиционную национальную одежду женщин Дагестана в дореволюционный период и советское время было менее трансформирующим, чем в настоящее время. Поэтому, сохранение и развитие традиций национальной одежды – это вопрос сохранения культурной идентичности дагестанского народа. Это не вопрос одного дня и требует больших усилий со стороны общества и государства. Но только осознание необходимости и важности данной проблемы, может изменить сложившуюся ситуацию. Сохранение национальной одежды влияет на сохранение многовековой национальной культуры. Особенно это актуализируется в отношении молодежи, т.к. национальная одежда сохраняет этнический код для будущих поколений.

---

[1] Алла Чередниченко. История, написанная на платке: новые и старые традиции Дагестана // Электронный ресурс. Режим доступа: https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/istoriya-napisannaya-na-platke-novye-i-staryе-traditsii-dagestana/ (дата обращения 03.11.2025 г.).

[2] Выставка «Секреты кубачинского платка» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://dagmuzey.ru/tours/none-vyistavka-sekretyi-kubachinskogo-platka (дата обращения 03.11.2025 г.).

[3] Выставка «Платок горянки»: нити традиций в узорах времени в крепости «Нарын-Кала» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://derbentmuseum.ru/jekspozicii-i-vystavki/otkrytie-vystavki-platok-goryanki-niti-tradiczij-v-uzorah-vremeni-v-kreposti-naryn-kala (дата обращения 03.11. 2025 г.).

[4] Виртуальная выставка Сакинат Исмаиловой «Матрешки в дагестанских костюмах» // Электронный ресурс. Режим доступа: https://spbcult.ru/articles/avtory-sankt-peterburga-onlayn/virtualnaya-vystavka-sakinat-ismailovoy-matreshki-v-dagestanskikh-kostyumakh-(дата обращения 30.11.2025 г.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агаширинова 1978 – *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин XIX–XX в. – М.: Наука, 1978. – 304 с.

Арманд 1937 – *Арманд Т.А*. Орнаментация тканей. – Москва-Ленинград, 1937. – 206 с.

Булатова и др. – *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А.* Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас. – Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001. – 289 с.

Гаджиева 1981 – *Гаджиева С.Ш.* Одежда народов Дагестана. – М.: Наука, 1981. – 151 с.

Гаджалова 2015 – *Гаджалова Ф.А.* Проблемы сохранения и возрождения национального костюма народов Дагестана в постсоветское время // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015.

Гаджалова и др. 2024 – *Гаджалова Ф.А., Мусаева М.К.* Традиционная одежда народов Дагестана в современной культуре: декоративно-прикладные практики использования и брендирование образов // Вестник Дагестанского научного центра. – 2024. – № 94. – С. 108–115.

Доде 2013 – *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в культуре народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 129-154.

Зульпукарова и др. 2020 – *Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И.* Современная городская женская одежда народов Дагестана: традиции и инновации //Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 35. № 1. – С. 15-27.

Лугуев 1988 – *Лугуев С.А.* Одежда дидойцев (XIX - начало XX в) / С.А. Лугуев // Сб. ст. Материальная культура народов Дагестана в XIX - начале XX века; под ред. М.О. Османова. – Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1988. – 116 с.

Мусаева 2003 – *Мусаева М.К.* Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана (Панорамный обзор). – Махачкала: Издательский ДОМ' «Народы Дагестана», 2003 – 429 с.

Магомедов и др. 2017*a* – *Магомедов А.Дж., Гаджалова Ф.А*. Традиционные женские покрывала Дагестана: инокультурные влияния // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3 (77), ч. 2. – С.105-107.

Магомедов и др. 2017b –*Магомедов А.Дж, Гаджалова Ф.А.* Из истории формирования мусульманского женского дресс-кода в Дагестане // Исламоведение, – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 67-76.

Магомедов и др. 2018 – *Магомедов А.Дж.,Алимова Б.М., Гаджалова Ф.А.* Платки в народной одежде Дагестана // Культурная жизнь регионов. – 2018. – № 2 (69). – С.133-140.

Мутиева 2019 – *Мутиева О.С.* Модернизация одежды кавказских женщин в процессе интеграции в культурное пространство России // Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Махачкала, 2019. – С. 21-23.

Сергеева 1978 – *Сергеева Г.А.* Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. – М., 1978. – С. 204-254.

Панек и др. 1996 – *Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.* Сборник очерков по этнографии Дагестана / науч. ред. Р.И. Сефербеков. – Махачкала: Ин-т ИАЭ ДНЦ РАН, 1996. – 110 с.

REFERENCES

AGASHIRINOVA S.S. *Material'naia kul'tura lezgin XIX–XX v.* [Material Culture of the Lezgins in the 19th–20th Centuries]. – M.: Nauka, 1978. – 304 p. (In Russ.).

ARMAND T.A. *Ornamentatsiia tkanei* [Ornamentation of Fabrics]. – Moskva-Leningrad, 1937. – 206 p. (In Russ.).

BULATOVA A.G., GADZHIEVA S.SH., SERGEEVA G.A. *Odezhda narodov Dagestana: istoriko-etnograficheskii atlas* [Clothing of the Peoples of Dagestan: A Historical and Ethnographic Atlas]. – Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2001. – 289 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Odezhda narodov Dagestana* [Clothing of the Peoples of Dagestan]. – M.: Nauka, 1981. – 151 p. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A. *Problemy sokhraneniia i vozrozhdeniia natsional'nogo kostiuma narodov Dagestana v postsovetskoe vremia* [Problems of Preservation and Revival of the National Costume of the Peoples of Dagestan in the Post-Soviet Period]. In: Rossiiskii Kavkaz: problemy, poiski, resheniia / pod obshch. red. R.G. Abdulatipova, A.-N.Z. Dibirova. – M.: Aspekt Press, 2015. (In Russ.).

GADZHALOVA F.A., MUSAEVA M.K. *Traditsionnaia odezhda narodov Dagestana v sovremennoi kul'ture: dekorativno-prikladnye praktiki ispol'zovaniia i brendirovanie obrazov* [Traditional Clothing of the Peoples of Dagestan in Contemporary Culture: Decorative and Applied Practices of Use and Branding of Images]. In:Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra. – 2024. – № 94. – P. 108–115. (In Russ.).

DODE Z.V. *Platok i khidzhab. Papakha i chalma. O natsional'nykh i konfessional'nykh traditsiiakh v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza* [Headscarf and Hijab. Papakha and Turban. On National and Confessional Traditions in the Culture of the Peoples of the North Caucasus]. In: Etnograficheskoe obozrenie. – 2013. – № 4. – P. 129-154. (In Russ.).

ZUL'PUKAROVA E.M.-G, SEFERBEKOV R.I. *Sovremennaia gorodskaia zhenskaia odezhda narodov Dagestana: traditsii i innovatsii* [Modern Urban Women's Clothing of the Peoples of Dagestan: Traditions and Innovations]. In: Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki. – 2020. – T. 35. № 1. – P. 15-27. (In Russ.).

LUGUEV S.A. *Odezhda didoittsev (XIX – nachalo XX v) / S.A. Luguev* [Clothing of the Dido People (19th — Early 20th Century)]. In: Sb. st. Material'naia kul'tura narodov Dagestana v XIX – nachale XX veka; pod red. M.O. Osmanova. – Makhachkala: Tipografiia Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1988. – 116 p. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Traditsionnaia material'naia kul'tura malochislennykh narodov Zapadnogo Dagestana (Panoramnyi obzor)* [Traditional Material Culture of the Small Peoples of Western Dagestan (A Panoramic Overview)]. – Makhachkala: Izdatel'skii DOM' «Narody Dagestana», 2003 – 429 p. (In Russ.).

MAGOMEDOV A.DZH., GADZHALOVA F.A. *Traditsionnye zhenskie pokryvala Dagestana: inokul'turnye vliianiia* [Traditional Women's Veils of Dagestan: Cross-Cultural Influences]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 3 (77), ch. 2. – P. 105-107. (In Russ.).

MAGOMEDOV A.DZH, GADZHALOVA F.A. *Iz istorii formirovaniia musul'manskogo zhenskogo dress-koda v Dagestane* [On the History of the Formation of the Muslim Women's Dress Code in Dagestan]. In: Islamovedenie, – 2017. – T. 8, № 2. – P. 67-76. (In Russ.).

MAGOMEDOV A.DZH., ALIMOVA B.M., GADZHALOVA F.A. *Platki v narodnoi odezhde Dagestana* [Headscarves in the Folk Clothing of Dagestan]. In: Kul'turnaia zhizn' regionov. – 2018. – № 2 (69). – P. 133-140. (In Russ.).

MUTIEVA O.S. *Modernizatsiia odezhdy kavkazskikh zhenshchin v protsesse integratsii v kul'turnoe prostranstvo Rossii* [Modernization of Clothing of Caucasian Women in the Process of Integration into the Cultural Space of Russia]. In: Dialog kul'tur v globaliziruiushchemsia mire. Dialog kul'tur i kul'tura dialoga. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). – Makhachkala, 2019. – P. 21-23. (In Russ.).

SERGEEVA G.A. *Osnovnye kompleksy traditsionnoi odezhdy avartsev i ikh transformatsiia v sovetskoe vremia* [Main Complexes of the Traditional Clothing of the Avars and Their Transformation in the Soviet Period]. In: Etnicheskie i kul'turno-bytovye protsessy na Kavkaze. – M., 1978. – P. 204–254. (In Russ.).

PANEK L.B., SHILLING E.M. *Sbornik ocherkov po etnografii Dagestana* [A Collection of Essays on the Ethnography of Dagestan] / nauch. red. R.I. Seferbekov. – Makhachkala: In-t IAE DNTs RAN, 1996. – 110 p. (In Russ.).

Информация об авторах
О.С. Мутиева – доктор исторических наук, профессор.
П.А. Алиомарова – преподаватель.
Information about the authors
O.S. Mutieva – Doctor of History, Professor.
P.A. Aliomarova – Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.
The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 316,7+323.2+39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-261-279
EDN: LUJBSN

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Георгий Сергеевич Корытин[1]
[1] Московский дом национальностей, Москва, Россия, e.korytin@list.ru, https://orcid.org/0009-0005-0519-3010
[1] Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются динамика социальных трансформаций в современной Чеченской Республике в контексте политики памяти, значение исторической памяти и мемориальной культуры для формирования идентичности и социального единства общества. На основе полевых материалов и литературных данных анализируется, как переосмысление исторической памяти и изменения в мемориальном ландшафте влияют на создание коллективной идентичности и восстановление социальных связей. Внимание уделяется процессам декоммунизации, изменению городской топонимики и современным праздникам, которые отражают стремление общества к восстановлению традиционных символов и ценностей. Рассматриваются изменения роли женщин и молодежи в чеченском обществе, позитивные тенденции в образовании и трудоустройстве, подчеркивается, что политика памяти в Чечне, несмотря на исторические травмы, играет ключевую роль в социальных трансформациях и повседневной жизни чеченского общества как части российского социума.

Ключевые слова: историческая память; социальные трансформации; декоммунизация; идентичность; Чечня; мемориальная культура; топонимика

Для цитирования: Корытин Г.С. Социальные трансформации и политика памяти в современной Чеченской Республике // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 261-279. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-261-279. EDN: LUJBSN.

© Корытин Г.С., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SOCIAL TRANSFORMATION AND THE POLITICS OF MEMORY IN MODERN CHECHNYA

Georgy S. Korytin[1]
[1] Moscow House of Nationalities, Moscow, Russia, e.korytin@list.ru
[1] Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article explores the dynamics of social transformations in modern Chechnya in the context of memory politics, the significance of historical memory and memorial culture for the formation of identity and social cohesion in society. Based on field materials and literary data, the

article analyzes how the reinterpretation of historical memory and changes in the memorial landscape influence the creation of collective identity and the restoration of social connections. The article focuses on the processes of decommunization, the transformation of urban toponymy, and contemporary holidays that reflect the society's desire to restore traditional symbols and values. The article examines changes in the role of women and young people in Chechen society, as well as positive trends in education and employment. In conclusion, it is emphasized that the policy of memory in Chechnya, despite historical traumas, plays a key role in the social transformations and daily life of Chechen society as part of Russian society.

Keywords: historical memory; social transformations; decommunization; identity; Chechnya; memorial culture; toponymy

For citation: Korytin G.S. Social transformation and the politics of memory in modern Chechnya. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 261-279. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-261-279. EDN: LUJBSN.

© Korytin G.S., 2026
© Caucasology, 2026

Исследования памяти: термины и значения

Исследование роли памяти в социокультурных процессах занимает важное место в гуманитарных дисциплинах. Среди исследователей нет единого мнения относительно таких терминов, как «коллективная память», «социальная память» и «политика памяти». По мнению В.А. Шнирельмана социальная и историческая память являются культурными конструктами, которые формируются культурными практиками. Социальная память включает в себя памятники, произведения искусства и другие формы обращения общества к прошлому. Она приобретает значимость и актуальность в контексте социальной травмы, которая существенно влияет на восприятие настоящего [Шнирельман 2018: 12-28].

Некоторые исследователи отмечают, что историческая память связана с идентичностью и уязвима перед искажениями, которые возникают под влиянием политической конъюнктуры. Российский исследователь и социолог Л.М. Дробижева подчеркивает, что представления об общем историческом прошлом является одним из очевидных компонентов гражданской и этнической идентичности [Дробижева 2018: 114]. Она подчёркивает, что через культуру и общую версию исторического прошлого формируются представления о национальных интересах, лояльности государству и любви к Родине [Дробижева 2018: 114]. Этнологи В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев отмечают, что важнейшей функцией исторической памяти является формирование гражданина и укрепление общей гражданской идентичности [Тишков, Шабаев 2019: 70]. В силу своей социальной и политической значимости эта сфера культурного наследия народа может играть как позитивную роль в обществе, способствуя его консолидации, так и негативную, когда с помощью манипуляций историческим наследием пытаются разделить общество, а трактовки прошлого подстраиваются под политическую конъюнктуру и интересы господствующих групп [Тишков, Шабаев 2019: 70]. Исследователь Ян Ассман отмечает, что память о прошлом может не иметь ничего общего с научной историей [Ассман 2004: 81].

Российский историк А.И. Миллер также отмечает, что память является идеологизированным явлением [Миллер 2002: 19]. Автор использует термин историческая политика. По его мнению, историческая политика является особой конфигурацией методов, использующих государственные административные и финансовые ресурсы в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии [Миллер 2002: 19]. Данный взгляд на историческую политику позволяет считать ее одной из форм политики памяти. Под политикой памяти следует понимать действия государства и других акторов, закрепляющие определённый образ прошлого и формирующие под него подходящую культурную среду, систему образования и правовые нормы [Малинова 2018: 33].

Для описания воздействия памяти на общественную жизнь исследователи используют разные термины: «историческая память», «коллективная память», «историческая политика» и «политика памяти». Историческая память формирует общее представление о прошлом, а коллективная память отражает конкретные переживания социальных групп и помогает им выстраивать собственную идентичность. Политика памяти отражает как власть управляет памятью и как она ее интерпретирует. Особенно ярко это проявляется в постконфликтных обществах. Чеченская Республика яркий тому пример, так как в ней до сих пор сохраняются воспоминания о депортациях 1944 г. и вооруженных конфликтах 1994-2009 гг. Цель данного исследования разобрать эту политику и как она отражается на чеченской идентичности и социальных процессах в регионе.

Особенности мемориальной культуры и процесс декоммунизации

В послевоенный период восстановление Чеченской Республики не ограничивалось только экономикой и политикой. Не менее важное значение имели изменения в мемориальном пространстве чеченского общества и переосмысление исторической памяти в рамках нового исторического дискурса. Все это способствует формированию новой коллективной идентичности и постепенному преодолению травматического опыта вооруженных конфликтов 1990-2000-х гг. Эти процессы показывают, насколько непростым и многогранным явлением являлось постконфликтное восстановление данного региона.

Исследователь О.С. Павлова отмечает, что историческая память является важнейшим этноинтегрирующий фактором среди чеченцев, что подтверждается статистическими данными в соответствии с которыми от 19 до 37 % ее чеченских респондентов на вопрос «Что вас объединяет с представителями своей национальности?» ответили: «Общее историческое прошлое» [Павлова 2013: 40]. Исследователи Е.М. Горюшина и З.М. Алхастова в своей статье, посвящённой мемориальной культуре в современной Чечне, обращаются к стратегии памятования немецкого культуролога Алейды Ассман, которая основывается на четырёх моделях реакции общества на травматическое прошлое: 1) «помнить, чтобы никогда не забывать»; 2) «помнить ради преодоления»; 3) «диалогическое памятование»; 4) «диалогическое забвение» [Ассман 2016: 154]. Е.М. Горюшина и А. Ассман считают, что на сегодняшний день в регионе используется принцип: «помнить, чтобы никогда не забывать» [Горюшина, Алхастова 2023: 45]. Данный

принцип предполагает сохранение прошлого и интеграцию памяти о нем в коллективную идентичность. Он является главной характеристикой современной мемориальной культуры чеченцев и предполагает восстановление национальных символов [Горюшина, Алхастова 2023: 45].

В чеченской культуре коллективная память тесно связана с тайповой/родовой идентичностью. Традиционно она базировалась на устных источниках, но в период постконфликтного восстановления Чеченской Республики наблюдается рост интереса к истории тайпов, их генеалогии и роли в повседневности.

Государство играет значительную роль в формировании и трансформации коллективной памяти. Оно устанавливает топонимическую картину, закрепляет календарные праздники, может влиять на интерпретацию исторических событий. В Чеченской Республике реализуются проекты, направленные на сохранение исторической памяти, например, федеральный проект «Историческая память», который включает благоустройство памятников, мониторинг состояния мемориальных комплексов и привлечение молодёжи к изучению истории[1].

Важной особенностью мемориальной культуры чеченского народа является персонификация прошлого, то есть восприятие прошлого сквозь призму деятельности героических личностей, таких как Шейх Мансур, Кунта-хаджи Кишиев, Ханпаша Нурадилов и Ахмат Кадыров. Другой важной особенностью является болезненность тем депортации 1944 г. и вооружённых конфликтов 1990-2000-х гг. для части определённой части чеченского населения. В связи с этими болезненными темами характерным явлениям для мемориальной культуры чеченского общества стал процесс декоммунизации мемориального пространства. Данный процесс был начат еще в 1990-е гг. при Джохаре Дудаеве. После окончания активной фазы боевых действий в 2000 г. новая администрация в Чечне продолжила этот процесс.

Одним из примеров этого является переименование в 2008 г. улицы Коммунистической в Грозном, в улицу имени Солса-хаджи Яндарова, видного религиозного деятеля Чечни, жившего в первой половине XX в. В последующие года произошло еще ряд крупных переименований. В 2014 г. улица Розы Люксембург была переименована в честь погибшего во время теракта День Грозного 23-летнего полицейского Хамзата Орзамиева. Позднее были переименованы улицы Первомайская и Пионерская. Первая получила название в честь расстрелянного большевиками религиозного деятеля шейха Али Митаева. Вторая была названа в честь скончавшегося спикера парламента ЧР Дукувахи Абдурахманова [Горюшина, Осмаев 2024а: 27]. В 2020 г. были переименованы внутригородские районы города Грозный: Ленинский район переименовали в Ахматовский, Октябрьский стал Байсангуровским (в честь Байсангура Беноевского – легендарного героя Кавказской войны, наиба имама Шамиля), Старопромысловский переименовали в Висаитовский (в честь М. Висаитова – участника Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза), Заводской стал Шейх-Мансуровским (в честь

[1] Порядка 70 памятников благоустроили в Чечне по проекту «Историческая память» // Электронный ресурс «Чечня сегодня». Режим доступа: https://chechnyatoday.com/news/384878 (Дата обращения: 10.04.2026 г.).

Шейха Мансура – руководителя национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 1785–1791 гг., первого имама Кавказа)[1].

За 2015 г. в Чечне было переименовано 28 улиц. Администрация Грозного отмечает, что это происходит по просьбам самих граждан, которые хотят увековечить имена чеченских национальных героев. В преддверие праздника 9 мая в 2015 г. 19 улиц стали носить имена Героев СССР и России, связанных с республикой [Горюшина 2018: 154].

Помимо изменения городской топонимики декоммунизация проявляется также в изменении праздников, которые ежегодно отмечаются в республике. В советский период основными праздниками были: Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1–2 мая), День Победы (9 мая), День Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), а также День Конституции (5 декабря). Также праздничными, но не выходными были такие дни, как 23 февраля (День Советской Армии и Военно-Морского Флота), 22 апреля (День рождения В. И. Ленина) и др. На сегодняшний день из вышеперечисленных сохранились лишь некоторые праздники. Остальные праздники либо стали не актуальными, либо изменили своё значение [Курбанова и др. 2025]. Сегодня в Чеченской Республике установлены новые праздники, преимущественно связанные с исламской традицией и значимыми событиями современной чеченской истории. В числе дополнительных республиканских праздников выделяются следующие даты: День почитания эвлияя-устаза Кунта-Хаджи Кишиева – 3 января; День восстановления государственности чеченского народа – 9 января; День Конституции Чеченской Республики и День государственной символики Чеченской Республики – 23 марта (нерабочий день); День мира в Чеченской Республике – 16 апреля (нерабочий день); Ураза-Байрам (Ид аль-Фитр) – устанавливается ежегодно (нерабочие дни); День чеченского языка – 25 апреля; День памяти и скорби народов Чеченской Республики – 10 мая; Ид аль-Адха (Курбан-Байрам) – устанавливаются ежегодно (нерабочие дни); День Чеченской Республики (День гражданского согласия и единения) – 6 сентября; День чеченской женщины – третье воскресенье сентября; День молодежи Чеченской Республики – 5 октября[2].

Советское прошлое и память о Великой Победе

Однако, размышляя о декоммунизации, не следует говорить, что чеченское общество полностью отказывается от советского прошлого. Так например несмотря на изменение городской топонимики многие представители старшего поколения продолжают пользоваться прежними названиями и называют улицы и районы Грозного и других населённых пунктов так как привыкли в молодости: проспект Победы, ул. Ленина, проспект Орджоникидзе, Бароновка, посёлок Калинина, «Индюшка», Башировка, Консервный, Заводской, Октябрьский районы,

[1] О переименовании районов и внутригородских посёлков города Грозного // Электронный ресурс «Грозненская городская дума». Режим доступа: https://grozgorduma.ru/wp-content/uploads/2020/12/№-71-Решение-ГгД-о-переименовании-районов-и-внутригородских-поселков.pdf (Дата обращения: 25.02.2026 г.).

[2] Нерабочие праздничные дни, профессиональные праздники и памятные даты Чеченской Республики // Электронный ресурс. Официальный сайт Главы Чеченской Республики. Режим доступа: https://chechnya.gov.ru/respublika/simvolika/prazdniki-i-pamyatnye-daty/ (Дата обращения: 27.02.2026).

городок Иванова и т.д. Младшее же поколение (студенты) уже не помнит эти названия, особенно неофициальные, и они постепенно уходят из употребления [Курбанова и др. 2025].

Главной консолидирующей темой на сегодняшний день в Чечне является Великая Отечественная война. Основным лейтмотивом всех публикаций на эту тему является героизм, который проявляли чеченцы как на линии фронта, так и в тылу [Авксентьев и др. 2022].

Важной исторической фигурой вокруг которой формируется историческая память и консолидирующая политика в современной Чечне является ветеран Великой Отечественной войны Ханпаша Нурадилов. Он считается самым результативным советским пулемётчиком в Великой Отечественной войне, уничтожившим до 920 немецких солдат, захватившим 7 вражеских пулемётов и взявшего в плен 12 немецких солдат. В 2018 г. памятник Ханпаше Нурадилову открыт в центре Грозного. Его именем названы улицы во многих населенных пунктах России. Его имя носит Чеченский государственный драматический театр[1].

Празднование Дня Победы является важной частью консолидирующей политики в Чеченской Республике. В 2025 г. в республике прошли различные мероприятия, торжественные митинги, флешмобы и творческие конкурсы в отдельных школах, приуроченные к 80 годовщине победы в Великой Отечественной войне. Власти региона традиционно уделяют много внимания этому празднику.

9 мая 2025 г., в День Победы, г. Грозный превратился в живой памятник подвигу советского народа: центральные улицы украсили государственными флагами Российской Федерации и Чеченской Республики. На центральной площади имени А.-Х. Кадырова появился объемный световой комплекс с надписью «Победа», а также флаги-виндеры. На видеоэкранах города показывали документальные фильмы и фотохронику военных лет, напоминая о великом подвига народа. На бульваре Эсамбаева в Грозном проложили Георгиевскую ленту длиной 633 метра, символ мужества и героизма советских воинов. Бульвар украсили портретами солдат, участвовавших в Великой Отечественной войне, а к каждому портрету добавлены краткие биографические справки.

В школе № 47 в Грозном к 80-летию Победы открылся военно-патриотический музей. Главной экспозицией стала крупная выставка «Они защищали Родину», на стендах которой представлены фотографии и биографии жителей посёлка Алды, героически сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено героям современности: экспозиция «Герои нашего времени» рассказывает о ветеранах Афганской войны и участниках специальной военной операции на Украине (СВО), среди которых есть выпускники школы.

В апреле 2025 г. в Российском исламском университете имени Кунта-Хаджи состоялась региональная научно-практическая конференция на тему «Вклад наро-

[1] Ханпаша Нурадилов – легендарный сын чеченского народа, герой Великой Отечественной войны, уничтоживший почти 1000 фашистов // Электронный ресурс «Вести Чеченской Республики». Режим доступа: https://vesti095.ru/2024/11/hanpasha-nuradilov-legendarnyj-syn-chechenskogo-naroda-geroj-velikoj-otechestvennoj-vojny-unichtozhivshij-pochti-1000-fashistov/?ysclid=mm9jdxew8g184037057 (Дата обращения: 02.03.2026).

дов Северного Кавказа в победу в Великой Отечественной войне». Организаторами события выступили Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи при поддержке Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и Духовного управления мусульман Чеченской Республики. В конференции приняли участие общественные, государственные и религиозные деятели, представители научно-творческого сообщества Северного Кавказа, преподавательский состав и студенты вузов Чеченской Республики [Иванова 2025: 467-468].

В 2025 г. празднование 80-летия Победы на Северном Кавказе явилось синтезом традиционных и инновационных подходов, акцентируя внимание на локальной истории. День Победы выступил как значимый фактор консолидации общества. В Чеченской Республике он стал платформой для объединения различных поколений, вовлекая ветеранов, молодежь и жителей регионов вокруг общего исторического наследия, связанного с Великой Победой советского народа.

Важную роль в формировании исторической памяти современной Чечни играют образы Президента Российской Федерации Владимира Путина, первого Президента Чеченской Республики Ахмата-хаджи Кадырова и нынешнего Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова.

Образ Президента Владимира Путина является важной частью политики памяти в современной Чечне. Центральный проспект Грозного в 2008 году был назван в честь российского президента. Также на сегодняшний день в чеченской столице строится новый жилой район, который также назван в честь Владимира Путина. Есть и другие объекты, которые носят имя российского президента, например Российский университет спецназа имени В. В. Путина в Гудермесе[1].

Образ Ахмата-хаджи Кадырова играет важную роль в современном чеченском обществе. Для большинства чеченцев первый Президент ЧР неразрывно связан с остановкой кровопролитной войны и началом восстановления мирной жизни в Чечне. На сегодняшний день имя Ахмата Кадырова глубоко интегрировано в повседневную жизнь республики через названия ключевых объектов городской инфраструктуры. Его именем назван главный и самый оживленный проспект чеченской столицы, протянувшийся через центр города, который стал настоящим символом возрождения Грозного. Также десятки улиц, скверов, площадей и целых микрорайонов в Грозном, Аргуне, Гудермесе, Шали и других городах и сёлах Чеченской Республики носят имя Первого Президента. Помимо этого, многие школы, гимназии, детские сады, библиотеки и культурные центры в современной Чечне названы в честь него[2].

Таким образом, посредством мемориальных практик в исторической памяти современной Чечни создаётся единый идеологический нарратив, в котором Ахмат-Хаджи Кадыров рассматривается как ключевой фигура, спасшая чеченский народ от уничтожения и приведший республику к миру, Рамзан Кадыров как

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Т.У. Эльбуздукаевой. ПМА-2025. Город Грозный

[2] Имя Ахмата-хаджи Кадырова навсегда вписано в историю чеченского народа // Электронный ресурс «Вести Чеченской Республики». Режим Доступа: https://vesti095.ru/2025/07/imya-ahmata-hadzhi-kadyrova-navsegda-vpisano-v-istoriyu-chechenskogo-naroda/

продолжатель дела своего отца, реализующий его начинания в сфер экономики, культуры и безопасности и Владимир Путин как гарант стабильности и поддержки республики со государства.

Тайпы и коллективная память в Чечне

Некоторые исследователи, а также ряд информантов в самой Чечне отмечают, что в период послевоенного восстановления вновь возросла роль некоторых социальных институтов и традиций, в частности роль чеченского тайпа. Исследователь Горюшина отмечает, что в некоторых обществах коллективная память оказывается тесно связана с неформальными институтами – обычаями, традициями и привычками. Особенно это проявляется в патерналистских обществах, когда традиции и обычаями обладают иногда гораздо большей значимостью чем правовые нормы, установленные государством. [Осмаев, Горюшина 2023: 1112].

Необходимо отметить, что сегодня у многих чеченцев нет единого мнения по теме тайпов. Некоторые полагают, что «это уже позапрошлый век» и на сегодняшний день никаких тайпов в Чечне нет. Но несколько респондентов подтвердили, что тайпы есть и сегодня, но их политическая роль очень незначительна. Нынешнее руководство Чеченской Республики относится к тайпу «Бено», и в руках представителей этого тайпа и сосредоточена вся основная власть. Один из информантов утверждал, что тайпы были окончательно уничтожены или почти уничтожены, когда произошёл переход экономики на рыночные рельсы: «Капитализм окончательно добил тайпы»[1]. Некоторые информанты считают, что тайпы продолжают играть свою роль в повседневной жизни людей: «Современные тайпы по-прежнему защищают интересы своих людей. Тайпы по-прежнему не теряют своей силы»[2].

Исследователь Л. Ильясов утверждает, что реанимация тайповых структур в современной Чечне бесперспективна из-за отсутствия необходимых условий, таких как единство территории и общность интересов. Во время первой и второй чеченских войн представители одного тайпа часто оказывались сражающимися по разные стороны фронта. По его мнению, устойчивыми социальными группами сейчас являются в основном семейные и родственные кланы [Ильясов 2006: 184]. Чеченский историк С.А. Натаев описывает чеченский тайп как братство, состоящее из родственных и неродственных групп, объединённых общими интересами и мифологическим родством [Натаев 2012: 286-297]. М.А. Мамакаев отмечает, что к середине XIX в. в Чечне было 135 тайпов [Мамакаев 1973: 18–19], однако большинство современных исследователей считают, что их социальные и организационные функции начали ослабевать к концу XIX в. из-за утраты необходимости в этих функциях [Ильясов 2006: 184].

На сегодняшний день чеченский тайп превратился из социально политической организации в категорию мифологическую и морально-нравственную, во

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с М. – историком и писателем
[2] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с М. – историком и писателем

многом отражающую представления чеченцев о всеобщем равенстве и справедливости. Е.М. Горюшина отмечает, что на сегодняшний день чеченский тайп представляет собой мобилизованную историческую память и является результатом сложных и тяжёлых процессов, пережитых республикой в три периода: закат перестройки, дудаевско-масхадовская «Ичкерия» и становление действующего режима [Горюшина 2018: 151].

Повышенный интерес к тайповой организации усилился в 90-е гг. XX в. в связи с конфликтом и ослаблением государства. В этот период были проведены съезды многих чеченских тайпов, были избраны главы и руководящие органы и разработаны программы действий. Но в связи с тем, что они уже не имели реальной политической и социально-экономической власти, этот процесс постепенно угас [Ильясов 2006: 184].

В современной Чечне тайп как и другие социальные группы обладают коллективной памятью, которая сохраняется и транслируется во многом за счет современных средств коммуникации. Исследователь Горюшина отмечает, что в после окончания активной фазы боевых действий, в республике вновь начинается активная популяризация темы тайпов [Осмаев, Горюшина 2023: 1114-1121]. Этим начинают заниматься как учёные, так и просто любители истории.

Подтверждение этого является появление большого монографии, публицистических работ, газетных и новостных статей, повествующих о истории как самих тайпов, так и их конкретных представителей. Во многих такого рода публикациях акцент делается на ключевые аспекты коллективной памяти тайпов: генеалогия, гора, на которой проживал тот или иной тайп, поселения, связанные с этим тайпом, соседние и родственные тайпы. Особенный акцент во многих подобных работах делается на роли и участниках того или иного тайпа в Великой Отечественной войне. Также в большинстве подобных работ подчеркивается, что тот и ли иной тайп является неотъемлемой частью чеченской народа и его истории [Осмаев, Горюшина 2023: 1114-1121].

Процесс сохранение и трансформации коллективной памяти чеченцев также прослеживается через восстановление родовых башен. Наиболее активно этот процесс начался в 2016 г., когда руководство Чеченской Республики активно занялось восстановлением горных районов республики. Вот список некоторых башен, которые были восстановлены за последнее время: в 2016 г. была восстановлена родовая башня тайпа Беной в исторической области Нашха на территории современных Ачхой-Мартановского и Итум-Калинского районов[1], в 2019 г. в Шаройском районе восстановили комплекс, включающий в себя: семь башен, мечеть и арку[2], незадолго до этого в 2018 г. была восстановлена родовая башня

[1] Рамзан Кадыров принял участие в открытии родовой башни тайпа Беной // Чеченская Государственная Телерадиокомпания Грозный офиц. сайт. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://grozny.tv/news/main/15149 (Дата обращения 04.03.2026)

[2] В Шаройском районе Чечни восстановят родовые башни // Электронный ресурс «Аргументы и факты». Режим доступа: https://stav.aif.ru/society/history/v_sharoyskom_rayone_chechni_vosstanovyat_rodovye_bashni (Дата обращения 04.03.2026 г.)

тайпа Аллерой[1]. Также в селении Тийста представители тайпа Цонтарой восстановили жилую башню, где по преданиям жил их предок. В селении Чармах председатель правительства ЧР Магомед Даудов восстановил боевую башню. В исторической области Терлой А.Н. Мусаев и его однотайповцы возвели целый комплекс с мечетью, большим навесом, гостиничными номерами. Здесь каждый год проводятся сходы тайпа Терлой с приглашением представителей других тайпов республики, устраиваются свадьбы, конкурсы национальной кухни [Осмаев, Горюшина 2023: 1114-1121].

С учётом всего вышеперечисленного можно говорить о том, что в постконфликтной Чечне роль неформальных институтов таких как тайп продолжается оставаться значительной. На сегодняшний день они лишены политического и социально организующего значения, но тем не менее продолжают играть значительную роль в сохранении традиций и коллективной памяти современного чеченского общества. Отдельно следует отметить, что для большинства чеченцев тайп является одной из неотъемлемых частей чеченской идентичности.

Память о депортации 1944 г. и вооружённых конфликтах 1994-1996 и 1999-2000 гг.

В современной Чечне политика памяти активно используется для формирования положительного образа прошлого, укрепления межнационального единства и преодоления последних исторических травм. В рамках данной политики памяти происходит постепенное нивелирование наиболее болезненных тем, связанных с депортацией 1944 г. и вооруженными конфликтами 1994-1996 и 1999-2000 гг.

Комментируя отношение большинства чеченцев к конфликту и постконфликтной реальности, один из респондентов отметил: «Никто не сидит и не обсуждает конфликт и то, какие русские плохие, целыми днями. Конечно, болезненные воспоминания остаются с этим ничего не сделаешь. Но нужно жить дальше. Сейчас все в основном заняты своими делами и не вспоминают об этом»[2]. Респондент также отметил: «Молодежь на сегодняшний день не вспоминает о конфликте. Многие молодые люди заняты поиском работы и, в связи с этим у них нет желания и интереса думать о прошлом»[3].

Однако в тоже самое время штурм Грозного, длившегося с 31 декабря 1994 г. по 6 марта 1995 г.), до сих пор ясно сохраняется в коллективной памяти чеченцев. Эта память находит своё выражение, в том числе, и в призывах не отмечать новогодние праздники или хотя бы найти среди этих праздников место для поминовения погибших в том страшном штурме. Такие призывы можно найти в социальных сетях накануне нового года, а раньше и на листовках, которые появлялись на улицах города. Одним из самых известных среди местного населения событий оказывается операция МВД в с. Самашки, которая имеет дурную славу

[1] В Чечне восстановили родовую башню тайпа Аллерой // Электронный ресурс «Чеченская Государственная Телерадиокомпания Грозный». Режим доступа: https://ok.ru/groznytv/topic/161055872291609 (дата обращения: 16.03.2026 г.)

[2] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Т.У. Эльбуздукаева – доктором исторических наук.

[3] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с М. – историком и писателем

самой кровавой зачистки времен Первой чеченской войны. По разным сведениям, в ходе этой операции было убито от 103 до 250 гражданских лиц [Танайлова 2023: 170-171]. Операция в Самашках и являются неотъемлемой частью чеченского нарратива о страданиях мирного населения во время чеченских войн. Операция в Комсомольском и зачистка в Новых Алдах, также сохраняются в памяти чеченских респондентов в одном ряду с событиями в Самашках [Танайлова 2023: 170-171].

Исследователи, говоря о памяти в Чечне отмечают, что на сегодняшний день происходит постепенное нивелирование памяти о вооруженном конфликте в чеченском обществе [Горюшина, Алхастова 2023: 46]. Один из респондентов комментируя эту тенденцию отметил: «Это может быть связано со стремлением части населения забыть о трагических событиях войны»[1]. Некоторые чеченцы воспринимают события депортации как акт геноцида. Самым ярким событием, связанным с депортацией, которые вспоминают многие чеченцы, является убийство жителей села Хайбах, которое произошло 27 февраля 1944 г. При упоминании этого события некоторые чеченцы используют слово «зачистка», по аналогии с событиями Первой и Второй чеченских компаний. Через использование этого нового слова «зачистка» отражается новое осмысление депортации, фокус этого осмысления смещается с «культурного» уничтожения на уничтожение физическое. События новейшей чеченской истории заставили память общества включить знаковые события разных эпох в один последовательный нарратив о попытках уничтожения чеченского народа [Танайлова 2023: 172].

Память о депортации и связанных с ней событиях активно сохраняется и передаётся в семейной традиции[2]. Но в публичном пространстве также заметны процессы нивелирования памяти об этом событии. Так, например, в 2011 г. была перенесена дата Дня памяти и скорби, связанного с событиями депортации, приходящегося на 23 февраля. Дата была перенесена на 10 мая – дату похорон А.А. Кадырова, погибшего в результате теракта 9 мая 2004 г.

Несмотря на изменения даты коммеморативной практики в республиканском календаре, она осуществляется теперь дважды в год; на неофициальном уровне в коллективной памяти населения Чеченской Республики 23 февраля все так же остается днем коммеморации жертв насильственного выселения 1944 г. Эта дата по-прежнему связана с памятованием жертв незаконного выселения в большинстве чеченских семей. В мечетях республики проходят поминальные обряды – молитвы и благотворительные акции в память о жертвах депортации. Ритуализация памятования выражена еще и в том, что и 23 февраля, и 10 мая совершается мовлид, который указывает на единство традиции и религии в чеченской мемориальной культуре [Горюшина, Алхастова 2023: 46].

Несмотря на частичное уменьшение памяти о вооружённых конфликтах 1990–2000-х гг. в публичном пространстве, в топонимике региона сохраняются

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Т.У. Эльбуздукаева – доктором исторических наук.
[2] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Дена Карим-Султановичем Батаевым – академиком АН ЧР.

названия на эту тему. В Грозном 9 мая 2010 г. открыт Мемориал памяти погибших в борьбе с международным терроризмом: на гранитных камнях увековечены имена погибших сотрудников МВД по ЧР, чиновников и духовенства. В городе сохраняются улицы в честь Героя России Германа Алексеевича Угрюмова (вице-адмирала, замдиректора ФСБ, руководившего региональным штабом на Северном Кавказе в 2001 г.) и генерала Г.Н. Трошева (бывшая Краснознаменная).

В Грозном, в Висаитовском районе, одна из улиц носит имя 84 псковских десантников. В память о них же, недалеко от села Улус-Керт Шатойского района, 1 марта 2017 г. был установлен поклонный крест. Кроме того, на дороге между селами Ведено и Дарго, где 29 марта 2000 г. в бою с боевиками погибли сотрудники Пермского ОМОНа и военнослужащие Министерства Обороны РФ, их сослуживцы установили памятный крест с надписью и огородили территорию. На северной окраине села Старые Атаги, рядом с трассой Грозный – Шатой, находятся три креста и памятный камень сержанту-мусульманину в память о погибших здесь военнослужащих федеральных сил [Осмаев, Горюшина 2024b: 40].

Память, традиции и социальные процессы в чеченском обществе

Чеченское общество, которое в недавнем прошлом прошло через значительные испытания в виде вооруженного конфликта в 1990-2000-х гг., в настоящее время представляет собой сложную и многогранную социокультурную систему. Период вооруженного конфликта значительного повлиял на общественную и культурную жизнь чеченского общества. На сегодняшний день наблюдается уникальная тенденция, связанная с одной стороны с сохранением социальных институтов и усилением роли суфийского ислама и реализацией государственной стратегии по укреплению национальной идентичности с другой стороны. Помимо этого, на социокультурную жизнь в республике влияют мировые культурные процессы и внешние влияния, которые формируют новый социокультурный ландшафт. Всё это свидетельствует о сложной проблематике взаимодействия традиционализма и современности, а также о процессе переосмысления ценностных ориентиров в условиях постконфликтного развития общества.

Исследователь О.С. Павлова, основываясь на опросах, проведённых в Чечне в постконфликтный период, выделяет три основных блока чеченских ценностей: равноправие, консерватизм и гармония [Павлова 2013: 490-491]. К категории равноправия относятся такие ценности, как: равенство, социальная справедливость, верность, честность, полезность и ответственность. К категории консерватизма относятся ценности, связанные с поддержанием порядка и традиций: социальный порядок, уважение к старшим, сохранение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, вежливость, национальная безопасность, взаимопомощь, забота о публичном образе, обязательность, благочестие и чистоплотность. В группу гармонии входят такие ценности, как: мир на земле, гармония с прекрасным и защита окружающей среды [Павлова 2013: 490-491].

Исследователь О.С. Павлова отмечает, что чеченская культура характеризуется высокой групповой солидарностью, коллективистскими моделями поведения, плотными связями внутри групп и необходимостью взаимопомощи [Павлова 2013: 490-491]. В ней преобладает принятие существующего мира таким,

какой он есть, без стремления к его изменениям или улучшению. Кроме того, подчеркивается, что в чеченском обществе затруднено развитие индивидуальности и желание самосовершенствоваться. Люди зависят друг от друга, а также проявляется негативное отношение к неравным ролям и обязанностям внутри групп. Однако, характеризуя коллективистские паттерны поведения в чеченской культуре, О.С. Павлова отмечает, ее непохожесть на другие коллективистские культуры. Отличие заключается в высокой значимости равноправия, которая характерна для чеченского общества, в то время как для других коллективистских культур наоборот характерна высокая значимость иерархии [Павлова 2013: 491].

По мнению респондентов, одним из главных изменений, произошедших в Чеченской Республике после окончания войны, является изменение облика чеченской молодежи. Один из информантов, комментируя изменения, произошедшие в повседневной жизни чеченской молодежи, отметил: «Молодежь сейчас очень раскрепощённая. Они делают ролики и выкладывают их в популярные социальные сети и на популярные интернет-платформы. Чувствуют себя раскованно, несмотря на адаты и исламские ценности»[1].

Чеченская молодежь активно увлекается спортом. По мнению информанта, особенной популярностью пользуется боец смешанных единоборств Хамзат Чимаев. Респондент подчеркнул, что этот боец пожертвовал сумму денег на благотворительность. Этот жест был высоко оценен чеченской молодежью. Этот же информант отметил: «На сегодняшний день наблюдается большой поток молодежи, которая поступает в вузы. Популярностью пользуются сфера медицины и нефтегазовая отрасль. Некоторые молодые чеченцы, отучившись на нефтяника, едут работать в Сибирь или на Север»[2].

Продолжая тему образования, информанты отмечают, что на сегодняшний день у молодежи Чечни есть большой запрос на получение религиозных знаний. В самой республике ведётся активное религиозное строительство, открываются мечети, школы хафизов, восстановлены зияраты. На сегодняшний день в республике функционирует Российский Исламский Университет им. Кунта-хаджи Кишиева и Исламский институт в Курчалое. Несмотря на это, в республике наблюдается тенденция к получения религиозного образования за границей. По словам информанта, с каждым годом таких молодых людей становится все больше. «Уровень образования и знаний, которые дают местные муллы, молодежь не устраивает»[3].

Другой информант, комментируя эту ситуацию, отметил: «За этой категорией молодых людей (которые выбирают получение религиозного образования за границей) скорее всего следят правоохранительные органы. Если молодежь продолжит стремиться к получению религиозных знаний за границей, то в скором времени может произойти смена религиозных элит в республике, так как с

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Абдулхамидом Уздорбиевым – членом Общественной палаты Чеченской Республики.
[2] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Абдулхамидом Уздорбиевым – членом Общественной палаты Чеченской Республики.
[3] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с И. Идиловым. ПМА-2024. Город Грозный.

уходом старых служителей и руководителей на смену им может прийти новое поколение с другим понимание исламской религии»[1].

В связи с ограниченными размерами стипендий, составляющих около 3000 руб., многие молодые люди принимают решение трудоустраиваться в сфере услуг. Молодые девушки очень часто устраиваются официантками, молодые люди стараются устроиться на стройку или в охрану.

Большие изменения произошли в повседневной жизни женщин в Чечне. Информанты отмечают, что чеченские женщины начали осваивать различные сферы бизнеса и предпринимательства. При этом активно используя социальные сети и Интернет. «Они открывают ателье, занимаются дизайном, открывают магазины одежды и мусульманской моды. У многих чеченских женщин есть блоги в Интернете, в которых они сеют доброе, вечное»[2]. Большое распространение получила среди чеченских женщин практика создания частных детских садов и яслей. Многие женщины работают нянями. К ним приводят детей, и они с ними сидят. Здесь также необходимо отметить, что в Чечне нет детских домов. Эту информацию подтвердили многие информанты. Также чеченские женщины начинают все более часто получать водительские права и водить автомашины. Информанты отмечают, что как до войны, так и 20 лет назад, такое трудно было себе представить.

Женщины начинают принимать активное участие в общественной жизни. «Недавно (в декабре) одна женщина стала академиком Академии наук Чеченской Республики. Раньше такого или не было, или это было редкостью. Сегодня женщины становятся гидами и активно работают в туристической сфере. Последнее время женщины стали получать должности в органах государственной власти Чеченской Республики. Даже в полиции женщин теперь можно увидеть работающими на второстепенных должностях (например, с бумагами)»[3].

Также наблюдается тенденция к получению медицинского образования среди чеченских девушек. Один респондент так прокомментировал эту ситуацию: «Гендерной проблемы в республике никогда не было. Сегодня многие девочки ездят учиться в другие города. Многие из них поступают учиться на медицинское направление. В последние годы больше половины всех студентов в вузах Грозного были девушками»[4].

Информанты отмечают, что несмотря на то, что в республике продолжает сохраняться мужское доминирование, появляются ситуации, когда во время разводов детей оставляли матерям, а не отцам, как всегда обычно происходит в таких ситуациях. Отвечая на вопрос: «Почему так изменилась роль женщины в Чечне?», один из моих информант ответил: – «Те женщины, которые прошли через войну, пережили боль потерь. У многих из них не стало кормильцев. Пережив это, они продемонстрировали свою твёрдость. Из-за этого мужчины стали проявлять к ним больше уважения»[5].

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Д.К.-С. Батаевым. ПМА-2025. Город Грозный. Чеченская Республика.
[2] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Заремой Рахмановной Хамзатовой
[3] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Ибрагимом Арсановым
[4] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Аббазом Догиевичем Осмаевым
[5] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с Исламом Заутдиновичем Хатуевым

Также из ответов респондентов становится понятно, что в Чечне не приветствуются межэтнические браки. Сами чеченцы считают, что никакого национализма или шовинизма здесь нет, просто у них более священное и сакральное отношение к браку. Более того, по словам информантов, внутри Чечни брак между представителями разных вирдовых братств тоже не приветствуется[1].

На сегодняшний почти исчезли те культурные различия, которые исторически, по мнению многих людей, наблюдались в Чечне. Информанты связывают это с активным развитием инфраструктуры, прокладкой дорог в горные районы Чечни, развитие общественного транспорта, а также строительством школ и мечетей в отдалённых регионах.

Еще одним явлением, которое приобрело популярность в послевоенной Чечне, является мода на ношение бороды. Изначально мода на бороду у многих ассоциировалась с памятью о конфликте, так как многие боевики из отрядов Басаева и Хаттаба носили бороды. После окончания конфликта мода на ношение бороды сохранилась, но в нее стал вкладываться новый смысл, связанный с исламом и его ценностями. К тому же добавилось еще одно объяснение этой моде. Многие молодые чеченцы, носящие бороду, считают ее символом мужественности и брутальности.

Заключение

Мемориальная культура в современной Чечне представляет собой сложный и многослойный феномен, который напрямую связан с историческими травмами и процессами идентификации. Подходы к памяти, выстроенные на идеях Алейды Ассман, позволяют увидеть, как прошлое формирует общую чеченскую идентичность и как через обращение к нему в постконфликтный период восстанавливаются утраченные социальные связи.

Декоммунизация мемориального пространства, смена названий улиц и перестройка праздничного календаря показывают стремление чеченского общества вернуть национальные символы и сделать опору на религиозные ценности. Но тяжёлая память о депортации 1944 г. и вооруженных конфликтах 1990-2000 гг. продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь людей. Даже если в официальном пространстве рассказы о трагедиях часто отодвигаются на второй план, в семье они не исчезают и продолжают передаваться из поколения в поколение.

Таким образом, процесс адаптации и модернизации чеченского общества, несмотря на наличие противоречий, подчеркивает важность поиска баланса между обычаями и современными тенденциями. Данные изменения могут создавать новые возможности, но также могут вызывать социальное напряжение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман 2016 – *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой – М.: Новое лит. обозрение, 2016 – 232 с.

[1] ПМА 2025. Город Грозный. Чеченская Республика. Интервью с

Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности // М.: Языки славянской культуры – 2004 – 368 с.

Горюшина, Алхастова 2023 – *Горюшина Е.М., Алхастова З.М.* Внутри мемориальной культуры Чеченской Республики: от настоящего к воссоздаваемому прошлому // Tempus et Memoria. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 42–49.

Горюшина 2018 – *Горюшина Е.М.* Эхо непреодолимых последствий событий в Чечне 1994-1996 гг. и 1999-2000 гг.: конфликт и нивелирование памяти // Новое прошлое / The New Past. – 2018. – № 2. – С. 146-166.

Горюшина 2024 – *Горюшина Е.М., Осмаев А.Д.* Что хочет запомнить и забыть город Грозный? Изменения в мемориальном ландшафте в 2000–2022 гг. // Tempus et Memoria. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 25–34

Дробижева 2018 – *Дробижева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтнического сообщества // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное – М., 2018. – С. 107-119.

Иванова 2025 – *Иванова С.Ю.* Память о Великой Отечественной войне как фактор интеграции народов Северного Кавказа: опыт празднования юбилея 80-летия Победы //Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XII Международного форума историков-кавказоведов (г. Сухум, 1–4 октября 2025 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2025. – С. 465-472.

Ильясов 2006 – *Ильясов Л.* Чеченский тайп // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. М., 19–20 апреля 2005 г. – М., 2006. – С. 176-186.

Институциональные, исторические и... 2022 – Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко и др. [под ред. В.А. Авксентьева, М.М. Шульги]. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2022. – 224 с.

Курбанова и др. 2025 – *Курбанова Л.У., Гуня А.Н., Абдулаева Э.С.* Городская среда Грозного как пространство конструирования и воспроизводства коллективной памяти современного чеченского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 74–94.

Малинова 2018 – *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М.-СПб: НесторИстория, 2018. – С. 27-54.

Малинова, Ефремова 2018 – *Малинова О.Ю., Ефремова В.Н.* Коммеморации исторических событий и государственные праздники как инструменты символической политики // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – С. 115-133.

Мамакаев 1973 – *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения – Грозный, Чечено-ингушское книжное издательство, 1973. – 100 с.

Миллер 2002 – *Миллер А.И.* Историческая политика в XXI веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 648 с.

Методологические вопросы 2018 – Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М.-СПб: НесторИстория, 2018. – С. 224

Натаев 2012 – *Натаев С.А.* Тайп как форма социальной организации // Чеченцы / Отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. – М.: Наука, 2012. – С. 286-297.

Осмаев, Горюшина 2023 – *Осмаев А.Д., Горюшина Е.М.* Институционализация коллективной памяти тайпов/братств в постконфликтной Чеченской Республике // История, археология и этнография Кавказа. 2023. – Т. 19. № 4. – С. 1010-1123.

Осмаев, Горюшина 2024 – *Осмаев А.Д., Горюшина Е.М.* География локальной памяти в Чеченской Республике // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2024. – 3 (66). – С. 32–42.

Павлова 2013 – *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2013. – 558 с.

Танайлова 2023 – *Танайлова В.А.* Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания // Сибирские исторические исследования. – 2023. – № 4. – С. 164–179.

Тишков, Шабаев 2019 – *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2019. – №4 (40). – С.62-71

Шнирельман 2018 – *Шнирельман В.А.* Социальная память – вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – С. 12-35.

REFERENCES

ASSMANN A. *Novoye nedovol'stvo memorial'noy kulturoy* [New dissatisfaction with memorial culture]. – M.: Novoye lit. obozrenie, 2016. – P. 232 (In Russ.).

ASSMANN YA. *Kul'turnaya pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. In: M.: Yaziki slavyanskoy kul'tury, 2004 – P. 368 (In Russ.).

GORYUSHINA E.M., ALKHASTOVA Z.M. *Vnutri memorial'noy kul'tury Chechenskoy Respubliki: ot nastoyashchego k vosozdavaemomu proshlomu* [Within the memorial culture of the Chechen Republic: from the present to the reconstructed past]. In: Tempus et Memoria. – 2023. – T. 4, № 2. – P. 42–49. (In Russ.).

GORYUSHINA E.M. *Ekho nepreodolimykh posledstvii sobytiy v Chechne 1994–1996 gg. i 1999–2000 gg.: konflikt i nivelirovaniye pamiat'* [The echo of the insurmountable consequences of the events in Chechnya in 1994–1996 and 1999–2000: conflict and the erasure of memory]. In: Novoye proshloe / The New Past. – 2018. – № 2. – P. 146-166. (In Russ.).

GORYUSHINA E.M., OSMAEV A.D. *Chto khochet zapomnit' i zabyt' gorod Groznyy? Izmeneniya v memorial'nom landshafte v 2000–2022 gg.* [What does the city of Grozny want to remember and forget? Changes in the memorial landscape in 2000–2022]. In: Tempus et Memoria. – 2024. – T. 5, № 1. – P. 25–34. (In Russ.).

DROBIZHYEVA L.M. *Grazhdanskaya rossiyskaya identichnost': dinamika i potentsial v konsolidatsii polit'etnicheskogo obshchestva* [Russian civic identity: dynamics and potential in the consolidation of a multi-ethnic community]. In: Etnicheskoye i religioznoye mnogoobraziye Rossii / Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoye – M., 2018. – P. 110. (In Russ.).

IVANOVA S.YU. *Pamyat` o Velikoj Otechestvennoj vojne kak faktor integracii narodov Severnogo Kavkaza: opy`t prazdnovaniya yubileya 80-letiya Pobedy`* [The memory of the Great Patriotic War as a factor in the integration of the peoples of the North Caucasus: the experience of celebrating the 80th anniversary of Victory.]. In: Narody` Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul`tura: materialy` XII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov (g. Suxum, 1–4 oktyabrya 2025 g.) / [otv. red. akad. G.G. Matishov]. – Rostov-na-Donu: Izdatel`stvo YuNCz RAN, 2025. – P. 620 (In Russ.).

ILYASOV L. *Chechenskiy tayp* [Chechen tayp]. In: Chechenskaya Respublika i chechentsy: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. – M., 19–20 aprelya 2005 g. – M., 2006. S. 178. (In Russ.).

Instituttsional'nye, istorizheskie i kul'turnye ramki formirovaniya obshcherossiyskoy identichnosti na Severnom Kavkaze [Institutional, historical, and cultural frameworks for the formation of a pan-Russian identity in the North Caucasus] / V.A. Avksent'ev, B.V. Aksyumov, G.D. Gritsenko

i dr. [pod red. V.A. Avksent'yeva, M.M. Shul'gi]. – Rostov-na-Donu: Izd-vo YUTC RAN, 2022. – P. 224. (In Russ.).

KURBANOVA L.U., GUNYA A.N., ABDULAEVA E.S. *Gorodskaya sreda Groznogo kak prostranstvo konstruirovaniya i vosproizvodstva kollektivnoy pamiati sovremennogo chechenskogo obshchestva* [The urban environment of Grozny as a space for the construction and reproduction of the collective memory of modern Chechen society]. In: Sotsologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. – 2025. – T. 13, № 1. – P. 74–94. (In Russ.).

MALINOVA O.YU. *Politika pamyati kak oblast` simvolicheskoj politiki* [Memory politics as an area of symbolic politics]. In: Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. – M.-SPb: NestorIstoriya, 2018. – P. 224 (In Russ.).

MALINOVA O.YU., EFREMOVA V.N. *Kommemoracii istoricheskix soby`tij i gosudarstvenny`e prazdniki kak instrumenty` simvolicheskoj politiki* [Commemorations of historical events and state holidays as instruments of symbolic politics]. In: Istoricheskaya pamyat` i rossijskaya identichnost` / pod. red. V.A. Tishkova, E.A. Pivnevoj. M.: RAN, 2018. – P. 508 (In Russ.).

MAMAKAYEV M.A. *Chechenskiy tayp v period yego razlozheniya* [The Chechen tayp during its period of disintegration]. – Grozny, Checheno-ingushskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1973. (In Russ.).

MILLER A.I. *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the 21st century]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – P. 648 (In Russ.).

Metodologicheskie voprosy` izucheniya politiki pamyati [Methodological issues in the study of memory politics]: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. – M.-SPb: NestorIstoriya, 2018. – P. 224 (In Russ.).

NATAEV S.A. *Tayp kak forma sotsial'noy organizatsii* [Tayp as a form of social organization]. In: Chechentsy / Otv. red. L.T. Solov'yeva, V.A. Tishkov, Z.I. Khasbulatova; Inst. etnologii i anthropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN; Kompleksny nauchno-issledovatelskiy in-t im. Kh.I. Ibragimova RAN. – M.: Nauka, 2012. (In Russ.).

OSMAEV A.D., GORYUSHINA E.M. *Institutsionalizatsiya kollektivnoy pamiati taypov/bratsv v postkonfliktnoi Chechenskoi Respublike* [Institutionalization of the collective memory of tayps/brotherhoods in the post-conflict Chechen Republic]. In: Istoriya, arkeologiya i etnografiya Kavkaza. – 2023. – T. 19. No 4. – P. 1010-1123. (In Russ.).

OSMAEV A.D., GORYUSHINA E.M. *Geografiya lokal'noy pamiati v Chechenskoy Respublike* [Geography of local memory in the Chechen Republic]. In: Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki. – 2024. – № 3 (66). – P. 32–42. (In Russ.).

PAVLOVA O.S. *Chechenskiy etnos segodnya: cherty sotsial'no-psikhologicheskogo portreta* [The Chechen ethnic group today: features of the socio-psychological portrait]. – M.: OOO „Sam Poligrafist", 2013 – P. 558. (In Russ.).

TANAJLOVA V.A. *Istorii o deportacii chechencev: transformacii yazy`ka opisaniya* [Stories about the deportation of Chechens: transformations of the language of description]. In: Sibirskie istoricheskie issledovaniya. – 2023. – № 4. – P. 164–179. (In Russ.).

TISHKOV V.A., SHABAYEV YU.P. *Istoricheskaya pamiat': formy sokhraneniy, konstruirovaniya i prezentatsii* [Historical memory: forms of preservation, construction, and presentation]. In: Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN. – 2019. – № 4 (40). – P. 62–71. (In Russ.).

SHNIREL`MAN V.A. *Social`naya pamyat` – voprosy` teorii* [Social memory – theoretical issues]. In: Istoricheskaya pamyat` i rossijskaya identichnost` / pod. red. V.A. Tishkova, E.A. Pivnevoj. – M.: RAN, 2018. – P. 508 (In Russ.).

Сведения об авторе
Г.С. Корытин – аспирант.
Information about the author
G.S. Korytin – a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-280-340
EDN: MFUGKI

70 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД… АВТОНОМИЯ – КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Николай Федорович Бугай
Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия, nikolay401@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8363-1638

Аннотация: В предлагаемой публикации представлен расширенный комплект архивных документов, посвященных исключительно принудительному переселявшимся гражданам в столь отдаленные места Союза ССР в 1944 г. с территории Кабардино-Балкарской АССР, которая также была ликвидирована как государственное образование на территории Советского Союза. Принудительному переселению подвергались этнические общности Северного Кавказа в 1944 г., в частности представители народов бывшей Кабардино-Балкарской АССР. Раскрывается содержание событий, связанных с началом реабилитации в 1956 – 1957 гг., времени реабилитации граждан, принадлежавших 19 народам полностью и представителей 43 разных национальностей.

В предлагаемой подборке содержится информация о реабилитации народов, на основе документов, свидетельствующих о снятии статуса спецпереселенцев и возможности уезжать в регион своего проживания. Выявленная информация по всем этническим общностям на территории восстановленной государственности балкарцев и кабардинцев, представителей других этнических общностей, как свидетельствуют источники, проходила в ускоренном темпе.

Во многом решению возникавших проблем содействовало и состоявшееся в столице Кабардино-Балкарской АССР, г. Нальчике 25 августа 1960 г. первом *кустовом совещании*, рассмотревшее вопросы осуществления социальной и в сфере культуры реабилитации. Были намечены планы совместно с представителями союзной исполнительной власти, так и местных руководителями органов государственной власти региона. Рассматривались направления социальной реабилитации, распределение финансовых средств помощи в связи с возвращением спецпереселенцев.

Совещание по своему содержанию сыграло заметную роль в решении организационных вопросов, выяснению нужд самих репрессированных граждан. Рассматриваемые вопросы получили отражение в объемной Стенограмме совещания в Нальчике представителей власти как центра, так и региональной.

В последующим основополагающим нормативно-правовым актом выступал «Закон о реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.

Ключевые слова: переселение; реабилитация; репрессии; стенограмма; образование; трудовая занятость; оснащение; база; труд; соглашение; культура; законодательство

Благодарности и финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 01492025-0011 Изучение науки и культуры России: актуальные проблемы, НИОКТР 125022002761-6)

Для цитирования: Бугай Н.Ф. 70 лет тому назад… Автономия – Кабардино-Балкарская Республика: история в документах // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 280-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-280-340. EDN: MFUGKI.

© Бугай Н.Ф., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

70 YEARS AGO… AUTONOMY – KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC: HISTORY IN DOCUMENTS

Nikolay F. Bugay
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nikolay401@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8363-1638

Abstract. This publication presents an expanded set of archival documents dedicated to the forced resettlement of citizens from the territory of the Kabardino-Balkarian ASSR to remote areas of the USSR in 1944, when the republic was also liquidated as a state entity. The forced resettlement affected ethnic communities of the North Caucasus, in particular representatives of the peoples of the former Kabardino-Balkarian ASSR. The content of events related to the beginning of rehabilitation in 1956–1957 is revealed, as well as the rehabilitation of citizens belonging to 19 peoples and representatives of 43 different nationalities. The publication contains information about the rehabilitation of peoples based on documents testifying to the lifting of the status of special settlers and the possibility of returning to their region of residence. Much of the solution to the problems that arose was facilitated by the first zonal meeting held in Nalchik on August 25, 1960, which considered issues of social and cultural rehabilitation. The subsequent fundamental legal act was the Law on the Rehabilitation of Repressed Peoples of April 26, 1991.

Keywords: resettlement; rehabilitation; repressions; transcript; education; employment; equipment; base; labor; agreement; culture; legislation

Acknowledgments and Funding: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia for the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Topic 01492025-0011: Studying the Science and Culture of Russia: Current Issues; R&D Project 125022002761-6).

For citation: Bugay N.F. 70 years ago… Autonomy – Kabardino-Balkarian Republic: history in documents. In: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 280-340. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-280-340. EDN: MFUGKI.

© Bugay N.F., 2026
© Caucasology, 2026

Введение. Предсказания поэта Кязима Мечиева: «А вы вернетесь, верьте мне!»

Какими же верными, точными и успешными были предсказания народного поэта Кязима Мечиева. Он, как говорят в данном случае в народе, поэт от Бога. Такие люди с богатым жизненным опытом, наделенные мудростью имеют соб-

ственное видение событий, и, конечно же, мог предсказать судьбу своему родному народу. Это не случайность, это поэты, люди, мыслящие по-особому, они во все времена выступали как представители гуманного мира…

Кязиму Мечиеву самому пришлось пережить тот, далекий от счастья, и длинный жизненный путь. Он не ощущал, он испытал все трудности на себе. Вера таких людей подкрепляется энергией Вселенной, они предвидят развитие событий. Это позволяло ему не только разобраться во всем, но и донести свои мысли народу.

Обращаясь к балкарцам, он в своем призыве утверждал: «А вы вернетесь, верьте мне !» «Я вижу, что вы вернетесь домой». В ту сложную пору, в которой прибывали принужденно переселявшиеся люди, такое провозгласил бы не каждый. Народам Кабардино-Балкарии, как и многим народам Земли, нужны Мир, Доверие и Согласие.

В 2026 г. этим событиям исполнилось 70 лет. 16 октября 1956 г. поступила информация, балкарцам, как и другим народам, проживавшим главным образом на Северном Кавказе, было разрешено восстановление автономии. Далее события развивались по хронологии.

Несомненно, все это придавало народам силы думать о лучшем, о своей родине на Северном Кавказе, который был уголком, где начиналась жизнь поколений, разбросанных в 1940-е гг. «как пыль на ветру».

Рано или поздно, «с Божьей помощью народ восторжествовал» Именно так оно и было. История в документах приоткрывает сущность событий, каким образом они развивались в реальности… Кязиму Мечиеву принадлежит и вывод: «Спасение в единении и надежде».

Долгим был и путь к реабилитации. В ходе жизненного обустройства пришлось пережить также всякого рода трансформаций. Все осталось в прошлом, ушло в историю... Несомненно, эти события навсегда остаются в исторической памяти…

Документы

№ 1
Указ Президиума Верховного Совета СССР
№ 135–142

28 апреля 1956 г.

О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшинов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны

Учитывая, что существовавшие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшинов и членов их семей, высланных в 1943–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузинской ССР, Крыма, в дальнейшем не вызывается необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органам МВД СССР крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшинов и членов их семей, выселенных на спецпоселений в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений с лиц, перечисленных в статье первой настоящего указа, не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР К. Ворошилов
Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР Н. Пегов

ГАРФ. Ф. Р.- 8131. Оп. 32. Д. 7351. Л. 106, 107

№ 2
Из Проекта «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей «представленного А. Аристовым, А. Горкиным, П. Пигалевым, М. Пономаревым, А. Фоменко (сотрудниками Верховного Совета Союза ССР) на имя А.И. Микояна

16 октября 1956 г.

…Как было признано XX съездом КПСС, это массовое выселение целых народов не вызывалось не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, было грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии, одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности:

– невыдвижение названных групп населения на руководящую работу;
– малый прем в высшие и средние специальные учебные заведения;
– использование не по назначению в производственной сфере;
– неграмотность.

Меры по реабилитации нельзя признать достаточными; они не решают задачи полной реабилитации необоснованно выселение народа и восстановления их равноправия среди других наций, отсутствие условий для развития этих народов и возвращение, восстановление автономий.

ЦК КПСС и Совет Министров постановляет**:**

1. Провести в течение ближайших 3–4 лет восстановление национальных автономий в форме национальных районов, округов, национальных областей и автономных республик для калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, выселенных с территории бывшей Калмыцкой, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и Карачаевской автономной области.

2. В связи с ограниченностью территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, где население проживало в стесненных условиях, а также ввиду того, что после выселения чеченцев и ингушей в эти районы прибыло переселенцев из других областей СССР, в настоящее время возникают большие трудности с расселением, жилищно-бытовым и трудовым устройством чечено-ингушского населения в местах их прежнего местожительства.

Учитывая это, образовать правительственную Комиссию которой поручить с привлечением представителей местных советских и партийных органов, а также представителей от чеченцев и ингушей изучить вопрос об определении территории для создания Чечено-Ингушской национальной автономии и свои предложения внести в ЦК КПСС и Совет Министров Союза СССР к 1 января 1967 года.

ГАРФ. Ф. Р. 7523. Оп. 107. Д. 234. Л. 2 – 7.

№ 3
Указ Президиума Верховного Совета СССР
О преобразовании Кабардинской АССР
в Кабардино-Балкарскую АССР
9 января 1957 г. (Копия)

В целях создания необходимых условий для национального развития балкарского народа Президиума Верховного Сова СССР постановляет:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию балкарского народа.
2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.
3. Считать утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» и статью 2 Указа от 28 апреля 1956 г. в части запрещения балкарцам возвращаться на прежнее местожительство.

Источник: Протокол № 49 Президиума Верхового Совета СССР. Пункт 13.
– «По решению Правительства Союза ССР…» Нальчик, Издательство Центр «Эль-фа», 2003. С. 750. – 895 с.

№ 4
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС с просьбой продлить срок денежной доплаты за счет государства председателям вновь организованных балкарских колхозов на два года
16 июля 1958 г.

Кабардино-Балкарский обком КПСС просит в порядке оказания помощи балкарским колхозам продлить срок действия постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 27 июля 1957 года за № 28/6 «О денежной доплате за счет государства 15 председателям вновь организованных балкарских колхозов КБ АССР» на два года, т.е. до июля 1960 года, учитывая то обстоятельство, что переселение балкарского населения и организационный период колхозов не закончился, а создаваемые колхозы еще экономически слабы. Просим вышеуказанное постановление распространить на 18 балкарских колхозов, т.е. на фактическое число имеющихся в настоящее время колхозов.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1 Д. 639 Л. 69. Подлинник.

№ 5
Записка Сельхозотдела ЦК КПСС по РСФСР о денежной доплате председателям вновь организованных балкарских колхозов за счет государства
23 августа 1958 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 27 июля 1957 года была установлена денежная доплата за счет государства 15 председателям вновь организованных балкарских колхозов из расчета 800 рублей в месяц в течение одного года, начиная с июля 1957 года, без увеличения количества председателей колхозов, получающих доплату за счет государства, разрешенного Советом Министров СССР для областей РСФСР.

Кабардино-Балкарский обком КПСС просит в порядке оказания помощи балкарским колхозам продлить установленный порядок доплаты за счет государства указанным 15 председателям колхозов еще на два года, то есть до июля 1960 года, а также вновь установить доплату за счет государства на такой же срок четырем председателям вновь организованных балкарских колхозов.

Сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР переговорил по этому вопросу с Кабардино-Балкарским обкомом КПСС. Секретарь обкома тов. Мальбахов просил установить, в порядке исключения, доплату председателям балкарских колхозов хотя бы на один год.

Учитывая, что созданные из числа возвратившегося балкарского населения колхозы являются экономически слабыми, считали бы возможным, в порядке исключения, поддержать просьбу Кабардино-Балкарского обкома КПСС о продлении на один год, то есть до июля 1959 года, денежной доплаты за счет государства 15 председателям колхозов и установлении на этот же срок доплаты за счет государства еще 4 председателям вновь организованных балкарских колхозов в размере 800 рублей в месяц.

Министр финансов РСФСР т. Фадеев с этим согласен.
Проект постановления прилагается.

Зам. зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (В. Карлов)

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1 Д. 639 Л. 68. Подлинник.

№ 6
Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О денежной доплате за счет государства председателям балкарских колхозов Кабардино-Балкарского АССР»[1,2]

Б 52/10 гс **9 сентября 1958 г.**
Совершенно секретно

Принять предложение Кабардино-Балкарского обкома КПСС о продлении на один год, то есть до июля 1959 года, денежной доплаты за счет государства 15 председателям балкарских колхозов и установлении на этот же срок доплаты за счет государства 4 председателям вновь организованных балкарских колхозов из расчета 800 рублей в месяц, без увеличения количества председателей колхозов, получающих доплату за счет государства, разрешенного Советом Министров СССР для областей РСФСР.

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 60. Л. 22. Подлинник.

№ 7
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС с просьбой продлить денежную доплату за счет государства председателям вновь организованных балкарских колхозов еще на год

10 сентября 1958 г.

Бытовое устройство балкарского населения и организационный период вновь организованных балкарских колхозов не закончен. В республике создано 20 балкарских колхозов, по

[1] Постановление подготовили и представили В. Мыларщиков, М. Яснов, В. Чураев, И. Капитонов, А. Аристов, проголосовали В. Мыларщиков, М. Яснов, В. Чураев.
[2] Постановление принято опросом. «За» проголосовали И. Капитонов, В. Мыларщиков, В. Чураев, М. Яснов. Выписки разосланы (подпись – Степанова) 10.IX.58 г. В. Мыларщикову, Фадееву; Кабардино-Балкарскому обкому КПСС.

существу в необжитых местах, вследствие чего они еще экономически слабые и нуждаются в оказании помощи.

Кабардино-Балкарский обком КПСС просит в порядке оказания помощи балкарским колхозам продлить срок действия постановления Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 27 июля 1957 года за № 28/6 «О денежной доплате за счет государства 15 председателям вновь организованных балкарских колхозов КБ АССР» на два года, т.е. до июля 1960 года, на 20 председателей колхозов, т.е. на фактическое число имеющихся в настоящее время балкарских колхозов.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Хубаев)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 224. Л. 63. Подлинник.

[Приложение 4]
Справка Сельхозотдела ЦК КПСС по РСФСР о денежной доплате председателям вновь организованных балкарских колхозов за счет государства

18 сентября 1958 г.

Кабардино-Балкарский обком КПСС просит продлить установленный порядок доплаты за счет государства 15 председателям колхозов до июля 1960 года, а также установить доплату за счет государства на такой же срок пяти председателям вновь организованных балкарских колхозов.

Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 9 сентября 1958 года «О денежной доплате за счет государства председателям балкарских колхозов Кабардино-Балкарской АССР» продлен на один год срок денежной доплаты за счет государства 15 председателям балкарских колхозов и установлена на этот же срок денежная доплата четырем председателям вновь организованных балкарских колхозов, о чем сообщено секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС т. Хубаеву.

Зам. зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (А. Мангазеев)

Помета: «Архив. Подпись». 20/IX. В. Горбунов».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 4 Д. 224 Л. 64. Подлинник.

Приложение 4[1]
Титульный список объема работ по капитальному ремонту дорог к балкарским населенным пунктам Кабардино-Балкарской АССР на 1959 год

№№ п/п	Наименование дорог	Намечаемые работы	Объем	Стоимость, тыс. руб.
	а) дороги республиканского значения			

[1] Соответствует приложению № 5 документа.

1.	Урвань-Ишканты (перегон Советское-Ишканты)	а) земляные и скальные работы по расширению дороги	14 т. кбм	
		б) текущий ремонт проезжей части дороги	10 км	
		в) подпорные стенки и парапеты	1,2 т. кбм	
		Всего:		250,0
	б) дороги местного значения			
2.	Бабуген-Безенги (Хуламское ущелье)	а) капитальный ремонт проезжей части дороги	7 км	
		б) средний ремонт проезжей части дороги	8 км	
		в) постройка и перестройка мостов на долговременные	14 п/метр	
		г) земляные работы	12 тыс. кбм	
		Итого:		445,0
3.	Чегем 2-й-Булунгу (Чегемское ущелье)	а) капитальный ремонт проезжей части дороги	7 км	
		б) средний ремонт проезжей части дороги	15 км	
		в) постройка и перестройка мостов на долговременные	25 п/метр	
		г) средний ремонт мостов	40 п/метр	
		д) земляные работы	25 тыс. кбм	
		Итого:		765,0
		Всего:		1210,0

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 108. Л. 117. Заверенная копия.

№ 8

Перечень строительства гидроэлектростанций в отдаленных высокогорных балкарских селениях Кабардино-Балкарской АССР

№ № п/п	Наименование гидроэлектро-станций	Место строительства	Мощность в кВт.	Стоимость проектно-изыска-тель-ских работ (тыс. руб.)	План строи-тельства в 1959 г. (тыс. руб.)	Ввод в дейст-вие
1.	Верхне-Чегемская	с. Верх. Чегем, Чегемского района	300	170,0	600,0	1960 г.
2.	Мухолская	с. Мухол Советского района	300	178,0	600,0	1960 г.
3.	Эльбрусская (Верхнее-Баксанская)	с. Верх. Баксан Эльбрусского района	500	334,1	800,0	1961 г.
4.	Карасуевская	с. Кара-Су Советского района	300	178,0	–	1961 г.
5.	Ташлы-Талин-ская	с. Ташлы-Тала	300	170,0	–	1961 г.
			Итого:	1030,1		

Примечание: по Верхне-Чегемской, Мухолской и Эльбрусской ГЭС на 1.1.1959 г. проектно-изыскательские работы будут выполнены в сумме 272,1 тыс. руб.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 108. Л. 119. Заверенная копия.

Приложение 6[1]

Перечень объектов строительства потребительских организаций в балкарских селениях Кабардино-Балкарской АССР в 1959 году

№ № п/п	Наименование потребительской организации	Наименование населенных пунктов	Объекты строительства	Стоимость, тыс. руб.
	а) <u>окончание строительства</u>			
1.	Чегемское райпо	с. Булунгу	магазин	75,0
2.	Чегемское райпо	с. Ниж. Чегем	закусочная	60,0
3.	Эльбрусское райпо	с. Гунделен	закусочная	60,0
4.	Советское райпо	с. Верх. Балкария	магазин	75,0
			Итого:	270,0

[1] Соответствует приложению № 8 документа.

б) новое строительство

1.	Чегемское райпо	с. Яникой	магазин	150,0
2.	Эльбрусское райпо	пос. Былым	магазин	150,0
3.	Эльбрусское райпо	с. Жанхотеко	магазин	150,0
4.	Эльбрусское райпо	с. Лашкуты	магазин	150,0
5.	Советское райпо	с. Сред.Балкария	магазин	150,0
6.	Советское райпо	с. Сред. Балкария	закусочная	150,0
7.	Советское райпо	с. Герпегеж	магазин	150,0
8.	Урожайненское райпо	РТС, колхоз им. Ленина	магазин	150,0
			Итого:	1200,0
			Всего:	1470,0

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32ю Д. 108. Л. 120. Заверенная копия.

[Приложение 7]
Информация отдела переселения и организованного набора рабочих Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР о численности вернувшихся в республику балкарцев и их устройству в 1958 году
Январь 1959 г.[1]

На апрель 1958 г. возвратилось балкарских семей, включая прибывших до 1 января 1958 г. – 5706, в составе 21966 человек, в том числе трудоспособных – 9933 чел. Всего было трудоустроено семей – 5637 (21312 чел.), трудоспособных из них – 9700 чел.

За 1957–1958 гг. возвратились в Кабардино-Балкарскую АССР – 9149 семей, из них в 1957 г. 4992 семьи, в 1958 г. – 4157 семей, в них человек – 34 579, из них в 1957 г. – 19 256 чел., в 1958 – 15 203 чел., в том числе трудоспособных 13 385 чел., из них в 1957 г. – 8533 чел., в 1958 г. – 4852 человека.

Всего же возвратились 9257 балкарских семей.

В конечном итоге, как отмечалось в докладе Главному управлению Отдела переселений и оргнабора рабочих Совета Министров РСФСР [по данным] на конец 3 квартала 1958 г. из Казахской и Киргизской ССР в 1957–1958 гг. было переселено в Кабардино-Балкарскую АССР 35224 человека, [трудоустроены] в колхозы – 17319 чел., в совхозы – 897 чел., на предприятия – 722 чел., в государственные учреждения –374 чел. и т.д.

К осени 1958 г. балкарские колхозы уже располагали 85 машинами, 44 тракторами и другой техникой. Им передавалась техника и другими колхозами республики, отпускались семенная ссуда 2570 ц зерна, крупный рогатый скот – 4733 головы, 1918 голов овец.

В 1958 – 1959 гг. были открыты 20 балкарских школы (2578 учащихся), 4 детских сада (157 чел.) и т.д.

Для хозяйственного устройства переселенцев – балкарцев было отпущено 19 500 тыс. рублей, на 1. X. 1 958 г. были использованы из этой суммы 13 595 тыс. рублей.

ГА РФ. Ф. Р–9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 83. Подлинник.

[1] Датируется по содержанию документа.

№ 9

Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем развитии животноводства, садоводства, виноградарства и об укреплении вновь организованных колхозов в Кабардино-Балкарской АССР»

№ 665 18 апреля 1959 г.

В дополнение к постановлению Совета Министров РСФСР от 30 декабря 1958 г. № 1421 «О дополнительных мерах помощи в хозяйственном и культурно-бытовом строительстве балкарскому населению, возвращающемуся в Кабардино-Балкарскую АССР» Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Принять предложения Министерства сельского хозяйства РСФСР и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР:

а) о специализации колхозов и совхозов республики по производству продуктов животноводства, по садоводству и производству гибридных семян кукурузы;

б) о доведении площади многолетних насаждений по всем категориям хозяйств республики в 1965 году до 50 тыс. гектаров, в том числе садов – до 42 тыс. гектаров и виноградников – до 8 тыс. гектаров;

в) о закладке в республике новых садов и виноградников в 1959–1965 годах на площади 31 тыс. гектаров, в том числе в колхозах – 26 тыс. гектаров, в совхозах – 4 тыс. гектаров;

г) о ежегодной закладке в совхозах республики, начиная с 1959 г., очередных нолей питомников по 83 гектара и виноградной школки – по 52 гектара;

д) о повышении урожайности в 1965 году в колхозах и совхозах республики плодово-ягодных культур и винограда в 1,5–2 раза, а к периоду полного плодоношения – в 3–4 раза по сравнению с 1958 годом;

е) о разукрупнении Кабардинского племенного молочного совхоза Министерства сельского хозяйства РСФСР на два хозяйства: Кичмалкинский мясной совхоз с общей земельной площадью 9047 гектаров (в том числе 911 гектаров пашни, 3356 гектаров сенокоса, 4334 гектара пастбищ) и Кабардинский племенной совхоз швицкого скота с общей земельной площадью – 1563 гектара (в том числе 1116 гектаров пашни);

ж) об отводе Котляревскому птицеводческому совхозу Министерства сельского хозяйства РСФСР 5297 гектаров земли (в том числе 2791 гектар пашни) колхоза «Урожайный» Майского района.

Отвод земель совхозу и передачу ему общественного имущества колхоза произвести с согласия общего собрания членов колхоза в порядке, установленном постановлением Совета Министров СССР и Центрального Комитета КПСС от 3 мая 1957 г. № 495.

Обязать Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР погасить в течение 1960–1961 годов за счет бюджета Кабардино-Балкарской АССР задолженность колхоза «Урожайный» по ссудам Сельхозбанка и Госбанка СССР, а также по ссудам Сельхозбанка, выданным Котляревскому птицеводческому совхозу.

2. Принять предложение Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о рекомендации колхозам горных районов республики, имеющим естественную кормовую базу, переходить на мясное направление в развитии крупного рогатого скота с подсосным методом выращивания телят.

Обязать ЦСУ РСФСР ввести раздельный учет среднего удоя молока на корову в колхозах Кабардино-Балкарской АССР, разводящих мясной скот, по всему стаду и по молочному стаду коров.

3. Обязать Министерство сельского хозяйства РСФСР завезти в 1959 году в Кабардино-Балкарскую АССР:

а) из совхозов Ставропольского края 2000 племенных ярок кавказской породы для комплектования Мало-Кабардинского овцеводческого племенного совхоза Министерства сельского хозяйства РСФСР;

б) 20 элитных чистопородных бычков швицкой породы и 50 баранов скороспелых мясных пород для комплектования Кабардино-Балкарской республиканской станции по племенному делу и искусственному осеменению сельскохозяйственных животных.

4. Разрешить Министерству сельского хозяйства РСФСР израсходовать 740 тыс. рублей на строительство типовой станции по племенному делу в Кабардино-Балкарской АССР, из них на строительство жилого дома для специалистов этой станции – 240 тыс. рублей за счет капиталовложений Министерства сельского хозяйства РСФСР по республиканскому бюджету.

5. Обязать Министерство сельского хозяйства РСФСР:

а) выделить в 1959 году дополнительно 1,0 млн. рублей на строительство животноводческих помещений в совхозах Кабардино-Балкарской АССР;

б) предусмотреть в плане на 1960–1965 гг. капиталовложения на развитие плодопитомнических совхозов республики (закладку и уход за плодовыми насаждениями, производственное и жилищное строительство) в объеме 6,9 млн. рублей, в том числе в 1960 году – 1,2 млн. рублей;

в) выделить в 1959 году дополнительно Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР тракторы, сельскохозяйственные машины и оборудование согласно приложению.

6. Обязать Ростовский облисполком выделить в 1959 году Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР 50 тыс. штук двухлетних плодовых саженцев и 300 тыс. штук сортовых черенков винограда.

7. Обязать Министерство сельского хозяйства РСФСР выделить в 1959 году Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР для нужд животноводства республики дополнительно 200 тонн мясокостной муки производства Нальчикского головного мясокомбината.

8. Выделить Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР на II квартал 1959 г. дополнительно 1500 тонн концентрированных кормов для птицеводческих совхозов, за счет нераспределенного остатка Совета Министров РСФСР.

Председатель
Совета Министров РСФСР Д. Полянский

Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР И. Груздев

Постановления Совета Министров РСФСР за февраль 1957 г. Для служебного пользования [М. 1959]. С. 362–364. Опубликовано: Реабилитация народов и граждан. 1954 – 1994 гг. Документы. М. 1994. С. 121–123.

№ 10
Постановление Совета Министров РСФСР «О плане заготовок зерна из урожая 1959 г. по Кабардино-Балкарской АССР»
№ 666 18 апреля 1959 г.

Совет Министров РСФСР постановляет:

1. В частичное изменение постановления Совета Министров РСФСР от 15 января 1959 г. № 50 утвердить план заготовок зерна из урожая 1959 г. по Кабардино-Балкарской АССР в количестве 91 тыс. тонн, в том числе: пшеницы 51 тыс. тонн, проса 6 тыс. тонн, кукурузы 25 тыс. тонн и ячменя 9 тыс. тонн, без изменения плана заготовок зерна в целом по РСФСР.

2. Обязать Госплан РСФСР и Министерство сельского хозяйства РСФСР при определении объема заготовок зерна учитывать, начиная с 1960 г., специализацию колхозов и совхозов Кабардино-Балкарской АССР по производству продуктов животноводства, садоводству и производству гибридных семян кукурузы.

Председатель
Совета Министров РСФСР Д. Полянский

Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР И. Груздев

Постановления Совета Министров РСФСР за февраль 1957 г. Для служебного пользования. [М. 1959]. С. 365.

№ 11
Информации Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в ЦК КПСС о необходимости увеличения производства и расширения ассортимента товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения промышленностью Кабардино-Балкарского административного района

8 июня 1959 г.

Бюро обкома КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР рассмотрели предложения по увеличению производства и расширения ассортимента товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения промышленностью местного подчинения и промышленностью совета народного хозяйства Кабардино-Балкарского административного района.

В 1958 г. валовой выпуск товаров культурно-бытового назначения в хозяйственного обихода в целом по республике составил 411171 тыс. руб. План на 1959 г. 41890 тыс. рублей с учётом (предложений по увеличению выпуска товаров 48660 тыс. рублей, контрольные цифры на 1950 г. 45110 тыс. рублей с учетом увеличения 734277 тыс. рублей, контрольные цифры на 1961 г. 48350 тыс. рублей с учетом увеличения 86150 тыс. рублей.

Материал представляется отдельно по предприятиям местного подчинения:

1. Справка на 5 листах.
2. Форма № I на 2-х листах.
3. Форма № 2 на 2-х листах.
4. Форма № 3 на 2-х листах.

По предприятиям совета народного хозяйства:

I. Справка на 2-х листах.
2. Приложение № I на I листе.
3. Приложение № 2 на 3 листах».
4. Таблица № 1 на I листе[1].

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС
Т. Мальбахов

Председатель Совета Министров
Кабардино-Балкарской АССР

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 43. Д. 64. Л. 63. Подлинник.

[Приложение 1]
Предложения Госплана Кабардино-Балкарской АССР об увеличении в 1960–1961 годах производства и расширении ассортимента товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения промышленностью республики

Из 20 имеющихся предприятий в Министерстве местной промышленности КБАССР выпуском товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода занимаются в настоящее время 7 предприятий и в промысловой кооперации из 15 артелей – 6.

[1] Перечисленные справки, формы, таблицы и приложения в тексте документа отсутствуют, а приложенные к информации Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР предложения Госплана республики опубликованы в виде приложения № 1.

Объем выпуска этих товаров по годам характеризуется следующими данными.
(в млн. рублей)

	Министерство местной промышленности	Промсовет	Итого
1957 г. – отчет	2033	182	2215
1958 г. – отчет	2451	293	2744
1959 г. – план	220	362	2562

Из установленного перечня изделий государственная и кооперативная промышленность местного подчинения производит мебель, кровати металлические, посуду алюминиевую, печное и хозяйственное литье, скобяные изделия, ковры и ковровые изделия и товары бытовой химии, а из прочих изделий, не входящих в основной ассортимент – матрацы ватные, багет, духовки, чемоданы, сумки хозяйственные и дорожные, плечики одежные, прищепки бельевые, анодированные изделия, корзины плетёные, веники, гончарную посуду.

Все остальные виды товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода завозятся в республику.

Производимые местной промышленностью товары пользуются спросом населения и реализуются внутри республики, за исключением кроватей металлических, красок масляных, сумок хозяйственны и сюжетных ковров разрисованных. План производства кроватей металлических на 1959 г. установлен в количестве 22 тыс. штук, а заявка торгующих организаций на 10 тыс. штук, в то же время ими завозятся кровати из Краснодара, Таганрога и Ростова, а местная промышленность вывозит кровати. Такое явление торгующие организации объясняют тем, что цена на завозимые кровати дешевле на 20 %, так как они реализуются по единой прейскурантной цене и качество их лучше, а кровати местного производства дороже при худшем их качестве. Большой спрос имеется на кровати полностью или частично никелированные. На 1960 г. предусматривается выпуск только полностью и частично никелированных кроватей и снимаются с производства крашенные кровати, поэтому производство кроватей сокращается.

Ассортимент выпускаемых красок масляных ограничен. Всего химкомбинатом производится три–четыре цвета красок из-за отсутствия пигмента-красителя. В связи с этим торгующие организации вынуждены завозить белила, слоновую кость, голубую и другие цвета, а местная промышленность вывозит сурик и охру, которые в основном и выпускаются. Потребность на месте этих красок 250–300 тонн, а производится 600 тонн. Указанные краски имеют спрос в соседних областях и республиках.

Начиная с 1960 г. будет сокращено производство масляных красок и организован выпуск эмалевых красок в количестве 70 – 100 тонн.

Выпускаемые хозяйственные сумки (из кирзы) трикотажно-галантерейной фабрикой грубы, устаревших фасонов, спроса не имеют; требуется замена фасона и выпуск их не из кирзы, а из кожзаменителей и непромокаемых тканей.

Из общего объема производства товаров культурно-бытового и хозяйственного обихода в 1959 г. выпуск из местного сырья по [предприятиям] (государственной промышленности составляет 67 % и по [предприятиям] промысловой кооперации – 50 %.

Из имеющихся в республике отходов промышленного производства используются на изготовление изделий отходы чулочной и швейной фабрик (путанка, чулочно-носочные отходы, обрезь – лапша) для перечеса на техническую вату и набивку матрацев. Кукурузный росток используется как сырье для получения масла, из которого в дальнейшем готовится олифа. Из кости рядовой организовано производство клея столярного.

Местная промышленность использует отходы мясокомбинате – лобаши, снимаемая шерсть перерабатывается на пряжу, из которой вырабатываются платки и некоторые виды

трикотажных изделий. Поэтому Совет Министров КБАССР не согласен с предложением Совнархоза о вывозе лобашей за пределы республики. Все они будут использованы на выпуск продукции широкого потребления.

Учитывая наличие в КБАССР двух мебельных фабрик и значительное увеличение выпуска мебели, в ближайшее время все отходы рядовой кости будут использованы кожобувкомбинатом па выпуск столярного клея и вывоз кости за пределы республики не предусматривается.

Запасные части к предметам культурно-бытового и хозяйственного назначения на предприятиях местной промышленности не производятся.

Из выпускаемых ранее товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения прекращено производство веников Прохладненским райпромкомбинатом из-за передачи земельного участка Министерству промышленности продовольственных товаров, а промысловой кооперацией временно прекращен выпуск стиральных досок из-за отсутствия спроса.

Из выпускаемых товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения не удовлетворяется спрос населения на мебель, а производственные возможности предприятий используются не полностью. Недостаток пиломатериала, фанеры, тканей, лака, фурнитуры приводит к неполной загрузке оборудования, так на мебельной фабрике Министерства местной промышленности мощность стульевого цеха доведена до 100 тыс. штук стульев в г. при односменной работе. В случае обеспечения фабрики сырьем может быть организована вторая смена и выпуск стульев удвоится.

Ненормально загружено оборудование и на других предприятиях местной промышленности, так как предусмотренный планом выпуск продукции не обеспечивается полностью сырьем. Такое положение имеет место в текущем году с выпуском алюминиевой посуды, матрацев, зеркал и других видов изделий.

Качество выпускаемых изделий в основном удовлетворительное за исключением мебели и кроватей. На качество изделий имеет влияние получение некачественного сырья, а также допуск производственных дефектов.

В целях увеличения производства товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения Министерством местной промышленности будет выпушено дополнительно в 1959 году этих изделий на 6,1 млн. рублей и Каббалкпромсоветом на 0,66 млн. рублей как за счет более полного использования внутренних резервов предприятий, так и за счет организации новых производств.

Намечается дополнительный выпуск мебели на 1,7 млн. рублей, дорожек ковровых 202. тыс. пог. метров, матрацев 1000 шт., плечиков одежных 3 тыс. штук, сит и решет 3 тыс. штук и выпуск продукции не предусмотренной планом, как шляпы соломенные 10 тыс. штук, изделия из пластмассы на 600 тыс. рублей, скобяные изделия на 180 тыс. рублей, посуды железной на 30 тыс. рублей.

Для этого необходимо выделить в 1959 году в соответствии с увеличением производства дополнительно Министерству местной промышленности букового пиломатериала 1000 кбм и сидений для стульев 50 тыс. штук. В настоящее время на трикотажно-галантерейной фабрике установлен станок производительностью 100 метров в смену, но не используется из-за отсутствия сырья, а дорожка половая вырабатывается на ручном станке, который дает за г. только 4,6 тыс. пог. метров, при выделении 16 тонн полушерстяной пряжи он будет использован и дополнительно выпущено 20 тыс. пог. метров дорожки.

В целях сокращения завоза в республику товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода и более полного удовлетворения потребностей трудящихся намечается выпуск их в 1950–1961 гг.

	Министерство местной промышленности	Промсовет	Итого
1960 г. проект плана (млн. руб.)	31,9	6,6	38,5
1961 г. проект плана (млн. руб.)	41,8	8,7	30,5
что составляет рост в 1960 г. к 1958 г. в %	30,2	227,0	40,5
1961 г. к 1958 г. в %	70,6	300,0	80,6
с увеличением объема производства против контрольных цифр семилетнего плана:			
в 1960 году	7,5	2,18	9,68
в 1961 году	14,8	3,7	18,5

Предусматривается организовать производство утюгов электрических, колясок и самокатов детских, мастики для натирки пола, порошка для чистки посуды, топоров и колунов, лопат, мотыг, граблей, вил, досок гладильных, гармоний национальных и других видов изделий*.

Для осуществления этих мероприятий необходимо обеспечение фондовым сырьем в объеме потребности, предусмотренной планом и выделение оборудования по заявкам на 1960 г.

Отпускные цены на мебель утверждены Советом Министров Кабардино-Балкарской АССР в 1953–1956–1958 годах. За 1958 г. по всем видам выпускаемой мебели имеются большие накопления, так себестоимость одного шифоньера составила 532 рубля, а отпускная цена его – 725 рублей, накопления составляют 36 %, стула гнутого себестоимость – 23 руб., отпускная цена – 33 рубля, или 43 %, этажерки – 41 руб., отпускная – 75 рублей, или 82 % рентабельности.

Себестоимость иммитационного шифоньера – 815 рублей, отпускная – 11 400 рублей, т.е. рентабельность 71 %, трюмо иммитационного себестоимость – 519 рублей, отпускная – 939 рублей, или 80 %.

В первом квартале текущего г. процент рентабельности по отдельным видам изделий составляет:

по шифоньерам лакированным с малым зеркалом – 46 %
по шифоньерам полузеркальным – 43 %
по шифоньерам полированным без зеркала - – 74 %
по шифоньерам полузеркальным – 51 %
по этажеркам – 36,9 %

Цена на духовку из кровельного железа утверждена Советом Министров Кабардино-Балкарской АССР в 1954 году – 22 руб. 70 коп., себестоимость за 1958 г. составляет 16 руб. 33 коп., рентабельность – 14 %.

На чемоданы дермантиновые размер 60 х 34 х 17 утверждена Советом Министров КБАССР – 69 руб. 80 коп., себестоимость за 1958 г. – 54 руб. 13 коп., рентабельность – 13 %.

В связи с постоянным улучшением материального благосостояния трудящихся и ростом культурного уровня резко возрос спрос населения на электробытовые приборы, производство которых отсутствует не только в Кабардино-Балкарской АССР, но и в соседних областях и республиках, а торгующие организации завозят их в очень ограниченном количестве и с боль-

шими перебоями, не удовлетворяющих потребности. Поэтому необходимо организовать в Кабардино-Балкарской АССР производство электробытовых приборов и аппаратуры (электрические чайники, самовары, кастрюли, утюги, бритвы, стиральные машины и т.д.).

Просим предусмотреть в проекте постановления строительство этого завода в системе местной промышленности или Совнархозе.

Председатель
Госплана КБАССР (И. Казмахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 43. Д. 64. Л. 70–75. Подлинник.

№ 12

Записка обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совету Министров РСФСР с просьбой передать совхозам земли и имущества ликвидируемых колхозов республики

22 июня 1959 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР
Совету Министров РСФСР

Во исполнение Постановления Совета Министров РСФСР 16 апреля 1959 года № 188 «О дальнейшем развитии животноводства, садоводства и виноградарства в колхозах и совхозах Кабардино-Балкарской АССР», а также в соответствии с постановлением Совета Министров РССР «О развитии курорта Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса», в дополнение в ранее принятым обкомом КПСС и Советом Министров Кабардино-Балкарской АССР мероприятиям по специализации колхозов и совхозов республики и значительному увеличению производства продуктов животноводства, садоводства и виноградарства в колхозах и совхозах и имея в виду вопросы завершения трудоустройства переселенцев (балкарцев), обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР вносят на рассмотрение ЦК КПСС и Совета РСФСР предложение о преобразовании экономически слабых колхозов в специализированные совхозы и об организации на базе имеющихся совхозов Министерства промышленности продовольственных товаров и подсобных хозяйств Совнархоза и курортторга укрупненных специализированных совхозов по производству и переработке овощей, плодов, винограда и производства продуктов животноводства, вносится предложение о преобразовании в совхозы и объединении с действующими совхозами следующих колхозов:

1. Организовать на базе городских колхозов им. Ленина и Ак-Су, Зольно-Аульского плодосовхоза № 1 Министерства промышленности и продовольственных товаров Кабардино-Балкарской АССР и пригородного совхоза № 9 Нальчикской конторы курортторга пригородный плодоовощной совхоз с развитым молочным хозяйством в системе Министерства сельского хозяйства. Перечисленные выше мелкие, маломеханизированные и слабоспециализированные хозяйства не обеспечивают потребности растущего города и быстро развивающегося курорта Нальчик в плодоовощных и цельномолочных продуктах.

Назрела необходимость организации крупного специализированного, хорошо оснащенного средствами механизации пригородного совхоза, который обеспечил бы снабжение города и курорта Нальчик высококачественными и дешевыми овощами, плодами, ягодами, молоком и другими продуктами. Имеется в виду, что в этом хозяйстве будет широко использована вода горячих источников Долинска для круглогодового выращивания зелени и овощей в теплицах и парниках.

2. На базе колхозов: «Красный Октябрь» (с. Кахун), им. Левина (с. Шитхала) и «Псынабо», находящихся в зоне Докшукинского овощеконсервного завода, организовать плодоовощной совхоз в системе Кабардино-Балкарского совнархоза.

Необходимость организации крупного специализированного плодоовощного совхоза вызывается тем, что мощности Докшукинского консервного завода из-за необеспеченности сырьем ежегодно значительно недоиспользуются. При полной обеспеченности сырьем завод может вырабатывать до 30 миллионов условных банок консервов в год.

Создание крупного плодоовощного совхоза позволит производить для населения овощи и плоды в нужном ассортименте и количестве.

Земли колхозов, предлагаемых к реорганизации в плодоовощной совхоз, в подавляющем большинстве пойменные и орошаемые. Использование этих земель для производства овощей и плодов во всех отношениях выгоднее, чем при использовании их под другие отрасли хозяйства.

В настоящее время в связи с недостатком рабочей силы в указанных колхозах нет возможности организовать крупное овощное хозяйство. При объединении этих колхозов в совхоз помимо рабочей силы этих колхозов представится возможность использовать в качестве рабочей силы незанятую часть населения города Докшукино. С организацией совхоза повысится уровень механизации по уходу за овощами, что позволит производить продукцию с наименьшими затратами труда и средств, т.е. значительно дешевле, чем в колхозах.

3. На базе колхозов им. Виноградова, им. Ленина и «Эльбрус» и подсобного хозяйства Тырныаузского комбината, разобщающего эти хозяйства, организовать плодовоовощной молочный совхоз в системе Министерства сельского хозяйства, имея в виду обеспечение этими продуктами населения г. Тырныауза и базы туризма и альпинизма в районе Эльбруса,

Перечисленные выше маленькие хозяйства расположены в одном ущелье по берегам реки Баксан, имеют незначительную площадь пахотной земли (1528 га), пастбищные и сенокосные угодья (12979 га), резко различаются по рельефу и ботаническому составу травостоя. В одних хозяйствах земли пригодны для содержания только овец, в других они более благоприятны для содержания крупного рогатого скота. Объединение этих разнородных хозяйств даст возможность организовать комплексное хозяйство по производству животноводческих продуктов, картофеля, овощей и плодов.

4. На базе колхоза «Россия» организовать виноградарский совхоз в системе Кабардино-Балкарского совнархоза.

Колхоз «Россия» расположен в плоскостной зоне на орошаемых землях и по почвенно-климатическим условиям является благоприятным для развития виноградарства. Однако по наличию трудоспособного населения и в силу экономической слабости колхоза, он не в состоянии осуществить развитие крупного виноградарского хозяйства. Учитывая также наличие части незанятого трудоспособного населения, проживающего в районном центре – в пос. Терек (станция Муртазово), расположенном внутри землепользования колхоза «Россия», близость железнодорожной станции и других благоприятных условий, обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР считают целесообразным организацию на базе этого колхоза специализированного виноградарского совхоза в системе Кабардино-Балкарского совнархоза с доведением в перспективе площади виноградных насаждений до 2500 гектаров.

Учитывая, что плантации виноградников, заложенные в 1959–1960 годах уже в 1962–1963 годах вступят в плодоношение и что в п. Терек имеется плодозавод, который легко может быть реконструирован в винзавод, затраты государства на организацию виноградарского совхоза будут возмещены а I954–1965 годах.

5. Организовать два плодоовощных совхоза в системе Кабардино-Балкарского совнархоза:

1) совхоз «Урух» на базе колхоза «Урух» и Урухского плодосовхоза № 2 Министерства промышленности продовольственных товаров Кабардино-Балкарской АССР, расположенного в том же селении Урух. Совхоз имеет небольшой плодоперерабатывающий завод мощностью 2,5 миллиона условных банок консервов в г..

2) совхоз «Лескен» на базе колхоза «Лескен» и Ероккского плодоперерабатывающего завода Министерства промышленности продовольственных товаров Кабардино-Балкарской АССР мощностью 2,5 миллиона условных банок консервов в г..

По почвенно-климатическим условиям эти хозяйства Лескенского района, расположенные в предгорной зоне достаточного увлажнения, являются наиболее благоприятными для развития плодоводство. Колхозы «Урух» и «Лескен» и два маленьких совхоза в силу своей экономической слабости не могут использовать этих благоприятных условий для развития садоводства. Кроме того, наличие в одном и том же селении двух небольших хозяйств с различной системой заработной платы отрицательно влияет на состояние трудовой дисциплины и производительности труда в этих хозяйствах. Указанные выше колхозы в разгар проведения сельскохозяйственных работ испытывают большие затруднения в рабочей силе. Создание крупных плодоовощных совхозов с доведением к 1965 году по Урухскому совхозу площади садов до 1000 га и овощей до 300 га и по совхозу «Лескен» садов до 600 га и овощей до 200 га с наличием в этих хозяйствах плодоперерабатывающих предприятий безусловно даст положительный экономический эффект.

6. Организовать Александровский мясомолочный совхоз Министерства сельского хозяйства на базе колхоза им. Сталина (станица Александровская). Колхоз им. Сталина располагает благоприятными почвенно-климатическими условиями, наличием пищевых отходов Александровского крахмального завода для резкого увеличения производства продуктов сельского хозяйства, особенно мяса, молоко. Однако колхоз им. Сталина эти резервы и возможности использует крайне недостаточно. Колхоз экономически слаб, доходы колхозников низки. Это единственный в районе колхоз, который не перешел на прямую денежную оплату труда колхозников. Значительная часть колхозников работает в промышленных предприятиях и организациях, расположенных в этой станице или вблизи ее (крахмальный завод, пенькозавод, ж.д. станция, межколхозный откормочный пункт, подсобное хозяйство Совнархоза и др.), а в колхозе ощущается острый недостаток рабочей силы. Вследствие этого плохо используются орошаемые земли, урожайность сельхозкультур низкая. Кроме того, существование трех сельскохозяйственных предприятий – колхоза, подсобного хозяйства, межколхозного откормочного пункта в границах одного землепользования вызвало неисправимую чересполосицу.

Организация на базе этого колхозе и других хозяйств одного крупного хозяйства – мясомолочного совхоза даст возможность лучше использовать хорошие земли этого района, резко увеличить производство сельскохозяйственных продуктов и значительно удешевить ее стоимость.

Имеется в виду специализировать создаваемый совхоз на развитии молочного скота, свиноводства и организации в широких размерах откорма скота на отходах крахмального завода.

В организуемом Александровском мясомолочном совхозе уже в 1952 году выходное поголовье крупного рогатого скота будет доведено до 2000 голов, в том числе коров – до 800 голов, свиней – до 3000 голов и птицы взрослой – до 20 тыс. голов и произвести мяса в живом весе до 8 тыс. центнеров, молока – до 22500 центнеров и яиц 1300 тыс. штук, а на 100 га сельхозугодий будет произведено мяса 107 центнеров, молока 300 центнеров и яиц на 100 га зерновых 88 тыс. штук. Все это в три раза выше того, что производилось колхозом им. Сталина в 1958 году, причем затраты труда и средств на единицу продукции будут значительно ниже, чем в колхозе.

7. Кабардино-Балкарская сельскохозяйственная опытная станция перебазирована в текущем году из г. Нальчика в Урожайненский район. Станция размещена на базе бывшей Мало-Кабардинской опытно-оросительной станции и имеет земельных угодий только 850 га. Таким образом, станция лишена возможности организовать комплексное показательное хозяйство.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 258 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» указано, что сельскохозяйственные опытные станции должны иметь земли не менее чем в среднем колхоз. По республике в среднем один колхоз имеет 2,5 тыс. га пашни.

В связи с этим обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР считают необходимым довести размер земельных угодий опытной станции до площади среднего колхоза, за счет присоединения земель колхоза им. Тельмана, граничащими с землями опытной станции. За колхозом им. Тельмана закреплено всего 2446 га земельных угодий, в том числе пашни 1584 га, сенокосов – 38 га, пастбищ – 571 га и многолетних насаждений – 30 га.

Колхоз им. Тельмана организован из[1] корейцев-переселенцев, значительная часть которых ушла из колхоза, вследствие чего в колхозе ощущается острый недостаток рабочей силы, земли используются недостаточно, колхоз экономически слабый и не справляется с поставленными задачами.

Трудоспособное население колхоза в связи с присоедини земель и основных средств к Кабардино-Балкарской опытной станции будет трудоустроено на сельхозработах в последней. При этих условиях Кабардино-Балкарская сельскохозяйственная опытная станция будет иметь возможность уже в ближайшие гг. выращивать по 15 тыс. центнеров элитных семян зерновых, глав образом кукурузы, до 700 центнеров элитных семян конопли и подсолнечника и до 700–800 центнеров семян однолетних и многолетних семян трав.

Расчеты по перспективному развитию хозяйства опытной станции прилагаются.

8. Идя навстречу пожеланиям колхозников колхоза им. XX партсъезда (с. Хабаз) Зольского района, организованной два г. тому назад и имеющего слабое хозяйство, о слиянии колхоза с Кичмалкинским мясомолочным совхозом в единое государственное хозяйство, а также, учитывая общность границ землепользования и одинаковое направление хозяйства, обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР считают хозяйственно необходимым и экономически целесообразным слить колхоз им. XX партсъезда с Кичмалкинским мясомолочным совхозом в единое государственное хозяйство.

Подавляющее большинство колхозов предлагаемых к преобразованию в совхозы расположено в одних населенных пунктах с совхозами и поэтому на укрупнение в единое хозяйство с единым землепользованием крайне необходимо. С организацией этих совхозов будет решена задача по организации продовольственного снабжения нового крупного курорта, каким становится Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса. Кроме того, решается вопрос трудоустройства балкарского населения, возвращающегося в республику, которое будет поселено в этих совхозах.

Материалы по экономическому обоснованию организации вы указанных совхозов прилагаются.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Председатель Совета Министров Кабарбардино-Балкарской АССР (А. Ахохов)

Резолюция[2]: «Тт. Органову Н.Н. Воробьеву Г.И. Прошу рассмотреть. А. Аристов. 30.VI-59 г.».

Пометы[3]: «Архив. [На] [контроль] направлены. Наумов»; «приложения не было».

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 913. Л. 62–72. Подлинник.

№ 13
Записка Совета Министров РСФСР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР о передаче совхозам земли и имущества ликвидируемых колхозов Кабардино-Балкарской АССР

16 октября 1959 г.

Совет Министров РСФСР просит разрешить передать трем совхозам Министерства сельского хозяйства РСФСР, пяти совхозам Кабардино-Балкарского совнархоза и сельскохозяйственной опытной станции Министерства сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР

[1] На л.71, последний абзац после слова «из». Так в тексте.
[2] Резолюция и помета об архиве расположены на отдельном листе 65.
[3] Помета расположена после текста документа.

землю и общественное имущество 14 колхозов Кабардино-Балкарской АССР с прекращением их хозяйственной деятельности.

Проведение указанного мероприятия вызывается необходимость завершить трудовое устройство переселенцев-балкарцев и увеличить производство продуктов животноводства, овощей и фруктов для снабжения курортов, находящихся в Кабардино-Балкарской АССР.

В колхозах, земли которых намечено передать совхозам и сельскохозяйственной опытной станции, имеется 58 тыс. гектаров земли, в том числе 21,9 тыс. гектаров пашни, 9694 головы крупного рогатого скота (из них 5512 коров), 4120 голов свиней, 29523 головы овец и 35038 голов птицы. В 1958 году на одну фуражную корову надоено от 560 до 2500 килограммов молока.

Денежные доходы этих колхозов за 1958 год выразились в сумме 25 млн. рублей, стоимость основных средств составляет 40 млн. рублей. Задолженность колхозов по краткосрочным и долгосрочным ссудам Госбанка СССР, колхозникам и другим кредиторам равна 39 млн. рублей.

За 1958 год колхозникам выдано на трудодень от 1,5 до 6 килограммов зерна и от I до 5 рублей денег.

Погашение задолженности колхозов будет произведено за счет бюджета Кабардино-Балкарской АССР и средств Кабардино-Балкарского совнархоза.

Председатель
Совета Министров РСФСР (Д. Полянский)

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 913 Л. 62. Подлинник.

[Приложение 2]
Основные показатели колхозов Кабардино-Балкарской АССР, земли которых передаются совхозам

	Наличие населенных пунктов	Трудоспособных	Земли		Поголовье скота и птицы					
			Всего земли, га	из них пахотных	Всего крупного рогатого скота	В т.ч. коров	Свиней	Овец	Птицы	Удой на фуражную корову
I. Совхозы Министерства сельского хозяйства										
а) Молочно-плодоовощные										
Совхоз «Нальчикский»										
Колхоз им. Ленина	1	383	3448	1711	997	378	1000	–	5012	2067
Колхоз «Ак-Су»	1	416	3580	244	249	66	–	2262	–	939
Итого по совхозу «Нальчикский»	2	799	7028	1955	1246	444	1000	2252	5012	–

б) мясомолочные										
Совхоз «Александ-ровский»										
Колхоз им. Сталина	1	458	7505	3204	1130	495	883	–	9092	1750
в) мясные										
Совхоз «Кичмалкин-ский»										
Колхоз им. XX партсъезда	1	412	4336	603	535	176	–	4107	133	1320
г) научно-производственные										
Сельхозопытная станция										
Колхоз им. Тельмана	2	231	2446	1584	608	200	457	968	3304	1685
Итого:	6	1900	21315	7346	3519	1315	2340	7337	17541	

II. Совхозы совнархоза Кабардино-Балкарского экономического района

а) кормовой

Совхоз «Эльбрус-ский»										
Колхоз им. Виногра-дова	1	593	4874	799	613	245	64	3202	513	1234
Колхоз им. Ленина	1	314	4426	359	445	139	–	2636	989	1832
Колхоз «Эльбрус»	3	420	8233	234	207	67	–	2009	–	560
Итого:	5	1332	17533	1392	1265	451	64	7847	1502	

	Наличие населенных пунктов	Трудоспособных	Земли		Поголовье скота и птицы					
			Всего земли, га	из них пахотных	Всего крупного рогатого скота	В т.ч. коров	Свиней	Овец	Птицы	Удой на фуражную корову

б) плодоовощные										
Совхоз «Урванский»										
Колхоз им. Ленина	2	370	3000	877	465	172	227	2468	1350	2237
Колхоз «Красный Октябрь»	1	794	6002	2140	1151	411	291	4203	4646	2571
Колхоз «Псынабо»	1	169	3560	953	509	210	108	954	497	2187
Итого:	4	1333	12562	3970	2125	793	626	7625	6493	
Совхоз «Лескенский»										
Колхоз «Лескен»	1	520	4010	1900	744	155	395	2632	3273	2293
Совхоз «Урухский»										
Колхоз «Урух»	1	434	5643	2779	776	172	331	3332	1345	2001
в) виноградарские										
Совхоз «Россия»										
Колхоз «Россия»	1	626	6942	4556	1265	426	365	850	4885	2291
Итого:	12	4245	46690	14597	6175	1997	1781	22286	17498	
Всего:	18	6145	68005	21943	9694	3312	4121	29623	35038	

Задолженность колхозов в тыс. руб.			Стоимость основных средств	Денежные доходы колхозов	Выдано на трудодни	
Всего	в том числе:				зерна, кг	денег, руб.
	Сельхозбанку	Госбанку				
3263,0	2489,3	196,0	4647,6	2634,2	2,37	5–04
3178,2	2751,9	57,0	1096,1	513,2	2,5	1–10
6441,2	5241,2	47,9	5743,7	3147,4	–	–
1522,1	539,0	182,0	5273,9	3540,3	1,5	1–50
5050,5	4490,0	55,0	1876,0	1028,2	2,2	3–00
2487,0	1259,1	238,0	2464,8	1336,3	2,0	3–51
15500,8	11529,3	728,0	15358,4	9052,2		

4488,5	3959,5	101,0	2287,0	1072,0	2,7	2–00
4012,0	3731,0	85,0	1382,0	416,0	1,5	1–44
2841,0	2521,0	157,0	1126,0	215,0	2,0	1–14
11341,5	10211,5	343,0	4795,0	1703,0		

Задолженность колхозов в тыс. руб.			Стоимость основных средств	Денежные доходы колхозов	Выдано на трудодни	
Всего	в том числе: Сельхозбанку	Госбанку			зерна, кг	денег, руб.
790,5	531,5	28,0	1621,3	1188,8	3,4	1–62
2905,3	1817,8	102,0	5148,6	1995,0	4,0	4–55
1185,6	720,5	74,0	1429,2	709,1	3,0	5–27
4881,4	3069,8	203,0	8199,1	4892,9		
2297,9	1223,5	170,0	2722,8	2595,7	6,0	4–35
2139,5	1080,9	324,0	3310,6	2313,4	4,2	3–33
2838,4	1409,0	243,0	5625,1	4445,8	4,2	5–10
23498,7	16994,7	1284,0	24652,0	15950,8		
38995,5	28524,0	2012,0	40010,4	25003,0		

№ 14
Записка Сельхозотдела ЦК КПСС по РСФСР о передаче совхозам земли и имущества ликвидируемых колхозов Кабардино-Балкарской АССР
23 октября 1959 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Совет Министров РСФСР просит разрешить передать совхозам Министерства сельского хозяйства РСФСР, Кабардино-Балкарского совнархоза и сельскохозяйственной опытной станции Министерства сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР земле и общественное имущество 14 колхозов Кабардино-Балкарской АССР с прекращением их хозяйственной деятельности.

Просьба мотивируется необходимостью завершения трудового устройства переселенцев-балкарцев и увеличения производства продуктов животноводства, овощей и фруктоз для снабжения курортов, находящихся в Кабардино-Балкарской АССР.

В колхозах, земли которых намечено передать совхозам и сельскохозяйственной опытной станции, имеется 21,9 тыс. гектаров пашни, более 9 тыс. голов крупного рогатого скота, из них 3312 коров, более 4 тыс. полов свиней, около 30 тыс. голов овец и 35 тыс. голов птицы.

Денежные доходы этих колхозов за 1958 г. составили 25 млн. рублей, стоимость основных средств – 40 млн. рублей. Задолженность колхозов по ссудам Госбанку СССР колхозникам и другим кредиторам равна 39 млн. рублей.

Погашение задолженности колхозов намечено произвести за счет бюджета Кабардино-Балкарской АССР и средств совнархоза.

Сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР поддерживает предложение о передаче земли и имущества 14 колхозов совхозам Кабардино-Балкарской АССР и считает возможным разрешить Совету Министров РСФСР принять постановление по этому вопросу.

Зав. Сельхозотделом ЦК КПСС
по РСФСР (Г. Воробьев)

Резолюция: «На Бюро ЦК. А. Аристов».

Помета: «Т. Воробьеву. На заседании Бюро предложение Совета Министров РСФСР одобрено (П-11/XI-59 г.) М. Тупицын».

Пометы: «Сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР ознакомился. Совету Министров РСФСР сообщено. Зам. зав. сельхозотделом ЦК КПСС по РСФСР Г. Смирнов. 24.X.»; «Архив II сектора. 16.I.1960 г. Н. Жуков».

РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1 Д. 913 Л. 61. Подлинник

№ 15
Постановление Совета Министров РСФСР «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством в Кабардино-Балкарской АССР»

№ 122 **27 января 1960 г.**

Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Принять предложения Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР и совнархоза:

о передаче предприятий и организаций Министерства местной промышленности Кабардино-Балкарской АССР в ведение совнархоза.

Передачу указанных предприятий и организаций произвести по состоянию на 1 января 1960 г. применительно к порядку, предусмотренному постановлением Совета Министров РСФСР от 8 июня 1957 г. № 585;

о передаче проектной конторы Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в ведение Кабардино-Балкарского совнархоза и об организации на базе этой конторы и проектного бюро совнархоза проектного института совнархоза в пределах численности работников и фонда заработной платы указанных проектной конторы и проектного бюро.

2. В частичное изменение постановления Совета Министров РСФСР от 1 июня 1957 г. № 393 организовать в составе аппарата Кабардино-Балкарского совнархоза управление строительства и промышленности строительных материалов, управление легкой и деревообрабатывающей промышленности, отдел руководящих кадров и учебных заведений и увеличить численность административно-управленческого персонала аппарата совнархоза на 92 единицы.

3. Принять предложение Кабардино-Балкарских организаций об упразднении строительно-монтажного треста «Каббалкстрой» Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР и треста «Промстрой» Кабардино-Балкарского совнархоза и передаче строительно-монтажных организаций и предприятий этих трестов и конторы материально-технического снабжения треста «Промстрой» в подчинение управления строительства и промышленности строительных материалов совнархоза.

4. Поручить Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР внести в Президиум Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР представление об упразднении Министерства местной промышленности Кабардино-Балкарской АССР.

5. Принять к сведению сообщение Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР и Кабардино-Балкарского совнархоза о том, что в результате проведения мероприятий по дальнейшему совершенствованию структуры управления промышленностью и строительством,

предусмотренных настоящим постановлением, численность административно-управленческого персонала будет сокращена на 40 единиц с фондом заработной платы 189,6 тыс. рублей в г..

В связи с уменьшением объема работы сократить численность работников Управления снабжения и сбыта при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР на 10 единиц.

Председатель
Совета Министров РСФСР Д. Полянский

Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР И. Груздев

Постановления Совета Министров РСФСР за январь 1960 г. Для служебного пользования. [М. 1960]. С. 419–420.

№ 16
Записка Кабардинское обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР об электрификации совхозов и колхозов Кабардино-Балкарии

6 мая 1960 г.

За последние годы в Кабардино-Балкарии проделана значительная работа по электрификации колхозов и совхозов, в республике возросла энергетическая база, которая позволяет в ближайшие годы перейти к осуществлению комплексном механизации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на это, электрическая энергия в сельскохозяйственное производство колхозов и совхозов республики внедряется недостаточно, особенно на животноводческих фермах. Более того, большинство вновь организованных из балкарского населения колхозов до настоящего времени вообще еще не электрифицированы.

Основной причиной неудовлетворительного использования электроэнергии в сельскохозяйственном производстве колхозов и совхозов Кабардино-Балкарии является отсутствие необходимых для этого электрооборудования и электроматериалов, а также слабая техническая оснащенность Кабардино-Балкарского строительно-эксплуатационного управления «Сельэлектро», выполняющего основные работы по электрификации сельского хозяйства республики.

Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР и бюро обкома КПСС наметили конкретные мероприятия по обеспечению сплошной электрификации колхозов и совхозов республики в 1960–61 годах и значительному увеличение использования электроэнергии в сельскохозяйственном производстве.

В настоящее время принимаются все необходимые меры по выполнению разработанных мероприятий и использованию всех имеющихся в республике возможностей и местных ресурсов. Наряду с этим республике остро нуждается в оказании соответствующей помощи со стороны центральных органов РСФСР.

Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР и бюро обкома КПСС просит Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР:

1. Обязать Госплан РСФСР и Министерство сельского хозяйства РСФСР:

а) рассмотреть разработанные мероприятия по электрификации сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР на 1960–65 гг. и оказать помощь в их выполнении;

б) выделить в 1950–61 гг. Кабардино-Балкарскому совнархозу и Министерству сельского хозяйства КБАССР электрооборудование, строительные и электроматериалы, а также

машины и оборудование для расширения использования электроэнергии в сельскохозяйственном производстве колхозов и совхозов;

в) выделить для технического оснащения Кабардино-Балкарского строительно-эксплуатационного управления «Сельэлектро» в 1960–61 гг. машины и оборудование.

2. Обязать правление Роспотребсоюза выделить Кабардино-Балкарской АССР в 1960–61 годах необходимые для сплошной электрификации колхозов электроматериалы.

Мероприятия по обеспеченно сплошной электрификации колхозов и совхозов Кабардино-Балкарской АССР и необходимые расчеты к ним прилагаются к постановлению Совета Министров КБАССР и бюро обкома КПСС.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (К. Кушхов)	Зам. Председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (Н. Моргачев)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 288. Л. 27–28. Подлинник.

№ 17

Постановление бюро обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР «О мероприятиях по обеспечению сплошной электрификации совхозов и колхозов Кабардино-Балкарской АССР»

Б 11/1 **5 мая 1960 г.**

В целях обеспечения сплошной электрификации колхозов и совхозов Кабардино-Балкарской АССР в 1960–1961 годах и значительного увеличения использования электроэнергии в сельскохозяйственной производстве бюро обкома КПСС и Совет Министров постановляют:

1. Одобрить разработанные Госпланом Кабардино-Балкарской АССР с участием Совнархоза, Министерства сельского хозяйства и строительно-эксплуатационного управления «Сельэлектро» и рассмотренные Советом Министров Кабардино-Балкарской АССР основные показатели плана электрификации сельского хозяйства республик на 1960–1965 гг., согласно приложениям 1–5[1].

2. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз (т. Кулика), Министерство сельского хозяйства (т. Шаунукова), строительно-экслпуатационное управление «Сельэлектро» (т. Наурзокова), райкомы КПСС и райисполкомы:

а) завершить в основном в 1960–1961 годах сплошную электрификацию совхозов и колхозов республики, согласно приложению № 6[2].

В совхозах и колхозах, которые в настоящее время не представляется, возможным электрифицировать путем подключения их к сетям государственной энергосистемы, промышленных, коммунальных или сельских электростанций, но электроснабжение которых в дальнейшем должно осуществляться от этих источников электроэнергии, устанавливать временно дизельные электростанции;

б) в ближайшие гг. обеспечить проведение работ по улучшению электроэнергетической базы в ранее электрифицированных совхозах и колхозах с целью значительного увеличения использования электроэнергии в сельскохозяйственной производстве.

3. Считать важнейшей задачей для развития сельскохозяйственного производства и роста производительности труда широкое применение электрической энергии в колхозах и совхозах для механизации трудоемких процессов и в первую очередь на животноводческих фермах для водоснабжения, кормоприготовления и раздачи кормов, доении коров, первичной переработки молока, стрижки овец, внутрифермского транспорта, а также для молотьбы,

[1] Приложения в документе отсутствуют.
[2] Приложение в документе отсутствует.

очистки, сортировки и сушки зерна, на погрузочно-разгрузочных работах, строительстве, для орошения, в ремонтных мастерских и других подсобных предприятиях.

4. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз (т. Кулика) обеспечить окончание строительства и сдачу в эксплуатацию:

а) линии электропередачи 110 квт гг. Нальчик–Прохладный и подстанции 110/35/10 квт в г. Прохладный - в 1960 году;

б) линии электропередачи 35 квт гор. Докшукино–пос. Цайский–пос. Терек и подстанций 110/35/6 квт в г. Докшукино и 35/10 квт в поселках райский и Терек – в 1961 году;

в) линии электропередачи 35 квт Тырныаузкомбинат–Эльбрусская база туризма и альпинизма и подстанции 35/6 квт на Эльбрусской базе туризма и альпинизма в 1961 году.

5. Учитывая возросшую потребность в электроэнергии строящихся промышленных предприятий, а также совхозов и колхозов Терского района и большую перегруженность Акбашской ГЭС, обязать Совнархоз (т. Кулика) обеспечить установку в пос. Терек в третьем квартале 1960 г. энергопоезда мощностью 2500 квт.

6. Обязать Министерство сельского хозяйства (т. Шауцукова) и строительно-эксплуатационное управление «Сельэлектро» (т. Наурзокова):

а) обеспечить завершение строительства Советской ГЭС на полную мощность 2400 квт к 1 ноября 1960 г.;

б) сдать в эксплуатацию Лескенскую подстанцию 35/10 квт мощностью 1000 квт и линию электропередачи 35 квт Советская ГЭС – Лескен II к 1 октября 1960 г.;

в) увеличить мощность Заюковской подстанции 35/10 квт до 1300 квт – в третьем квартале 1960 г. и Баксанской подстанции 3510 квт до 3600 квт – в1962 году;

г) приступить в мае 1960 г. к строительству Мухолской ГЭС мощностью 550 квт и сметной стоимостью 4500 тыс. руб. Обеспечить окончание строительства электростанции в 1962 году;

д) обеспечить изготовление Пятигорским филиалом «Гипросельэлектро» проектно-сметной документации на строительство: ЛЭП-35 квт г. Докшукино – хут. Петропавловский и подстанции 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1960 году; подстанции в сел. Малка 110/35/10 квт мощностью 3500 квт, ЛЭП – 35 квт г. Прохладный – ст. Екатериноградская и подстанции в ст. Екатериноградской 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1961 году и ЛЭП – 35 квт сел. Малка – сел. Каменномосткое и подстанции в сел. Каменномостское 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1962 году.

7. Просить Совет Министров РСФСР в целях обеспечения выполнения намеченного данный постановлением плана электрификации сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР на 1960–1965 гг., обязать:

а) Госплан РСФСР оказать необходимую помощь оборудованием и электроматериалами Кабардино-Балкарскому совнархозу, согласно приложению № 7[1], для своевременного окончания строительства энергетических объектов, указанных в денном постановлении, являющихся опорными пунктами для электрификации сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР;

б) Министерство сельского хозяйства РСФСР:

включить в план строительства по Кабардино-Балкарской АССР и обеспечить необходимыми ассигнованиями следующие энергетические объекты: Мухолскую ГЭС мощностью 650 квт со сроком сдачи в эксплуатацию в 1962 году, ЛЭП – 35 квт г. Докшукино–хут. Петропавловский протяженностью 15 км и подстанцию на хут. Петропавловском 35/10 квт мощностью 1000 квт со сдачей в эксплуатацию в 1961 году, ЛЭП-35 квт гор. Прохладный – ст. Екатериноградская протяженностью 18 км, подстанции в ст. Екатериноградской 35/10 квт мощностью 1000 квт и подстанции в сел. Малка 110/35/10 квт мощностью 3500 квт, с вводом в эксплуатацию в 1962 году, ЛЭП-35 квт сел. Малка – сел. Каменномостское протяженностью

[1] Приложения в документе отсутствуют.

24 км и подстанции в сел. Каменномостское 35/10 квт мощностью 1000 квт, со сдачей в эксплуатацию в 1963 году;

поручить Пятигорскому филиалу «Гипросельэлектро» составление проектно-сметной документации на строительство: ЛЭП-35 квт гор. Докшукино–хут. Петропавловский и подстанции на хут. Петропавловском 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1960 году; подстанции в сел. Малка 110/35/10 квт мощностью 3600 квт, ЛЗП-35 квт гор. Прохладный – ст. Екатериноградская и подстанции в ст. Екатериноградской 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1961 году и ЛЭП-35 квт сел. Малка – сел. Каменномостское и подстанции в сел. Каменномостское 35/10 квт мощностью 1000 квт – в 1962 году;

выделить Кабардино-Балкарской АССР в 1960–1961 годах для технического оснащения строительно-эксплуатационного управления «Сельэлектро» машины и механизмы и для выполнения намеченного объема работ по электрификации колхозов и совхозов электрооборудование и электроматериалы согласно приложениям № № 8 и 9[1];

выделить Министерству сельского хозяйства Кабардино-Балкарской АССР в 1960–1962 годах для механизации трудоемких работ в колхозах и совхозах и расширения использования электроэнергии в сельскохозяйственном производстве, машины и оборудование согласно приложению № 10[2].

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС
(К. Кушхов)

Зам. Председателя Совета
Министров Кабардино-Балкарской
АССР
(Н. Моргачев)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 288. Л. 29–31. Подлинник.

№ 18
Справка Сельхозотдела ЦК КПСС по РСФСР об электрификации совхозов и колхозов Кабардино-Балкарии

4 июня 1960 г.

Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР для проведения сплошной электрификации колхозов и совхозов республики просят выделить электрооборудование, металл, провода и другие материалы.

Министерство сельского хозяйства РСФСР рассмотрело просьбу обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР по этому вопросу.

Для проведения электрификации сельского хозяйства республике выделено на 1960 г.: провода голого – 100 тонн, провода стального – 20 тонн, бронекабеля – 2500 метров, провода установочного – 162 км., силовых трансформаторов – 80 штук, электродвигателей до 100 квт – 82, металла сортового – 114 тонн и другие электроматериалы.

Выделить в настоящее время дополнительно материалы и оборудование Министерство не имеет возможности.

Материалы и оборудование, необходимые для электрификации колхозов и совхозов Кабардино-Балкарской АССР на 1961–1965 гг., будут выделяться ежегодно в соответствии с народнохозяйственными планами.

О результатах рассмотрения Кабардино-Балкарскому обкому КПСС сообщено.

Зам. зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (П. Семенов)

[1] Приложения в документе отсутствуют.
[2] Приложения в документе отсутствуют.

Помета: «Архив. В. Горбунов. 8/VI».
Виза: «А. Аристов».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 288. Л. 32. Подлинник.

№ 19
Постановление Совета Министров РСФСР «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Кабардино-Балкарского совнархоза за 1959 г.»
№ 767 **27 мая 1960 г.**

Совет Министров РСФСР отмечает, что предприятия и организации Кабардино-Балкарского совнархоза выполнили в 1959 году план по выпуску валовой продукции на 105 процентов. Объем промышленного производства увеличился против 1958 г. на 20 процентов. Сверх плана выработано продукции на 72 млн. рублей.

В отчетном году проведена работа по упорядочению заработной платы работников предприятий горнодобывающей, машиностроительной промышленности и переводу их на сокращенный рабочий день. На предприятиях этих отраслей промышленности ликвидированы устаревшие и заниженные нормы и внедрено в производство свыше 25 тыс. технически обоснованных норм.

План по производительности труда в целом по совнархозу выполнен на 109 процентов. Производительность труда увеличилась по сравнению с 1958 годом на 7 процентов. От снижения себестоимости продукции получена сверхплановая экономия в размере 12,4 млн. рублей.

Вместе с тем совнархоз, руководители отраслевых управлений и предприятий не устранили серьезных недостатков в работе, отмеченных в постановлении Совета Министров РСФСР от 15 июня 1959 г. № 1005 «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Кабардино-Балкарского совнархоза за 1958 г.».

В отчетном году не выполнили плана по валовой продукции 7 предприятий, которые недодали продукции на 28,7 млн. рублей.

Совнархоз все еще не уделяет должного внимания вопросам качества продукции. За 1959 г. предприятиями получено 115 рекламаций на низкое качество продукции. Сверхнормативные потери от брака увеличились по сравнению с 1958 годом и составили 882 тыс. рублей. На маслозаводе № 1, Затишьевском молочно-сыроваренном заводе, на Нальчикских кондитерской и обувной фабриках и мясокомбинате допускался значительный брак и выпуск продукции пониженных сортов.

Совнархоз недостаточно занимался вопросами культуры производства и использования имеющихся больших резервов для увеличения выпуска продукции и повышения производительности труда. Часто имели место невыход на работу с разрешения администрации, прогулы и внутрисменные простои. По этим причинам в течение г. ежедневно не работали 120 рабочих и недодано продукции на 11,5 млн. рублей.

На предприятиях легкой и пищевой промышленности все еще преобладает ручной труд и резко отстает механизация и автоматизация производственных процессов и нормирование труда. На Нальчикской кондитерской фабрике из 1263 действующих норм только 31 норма является технически обоснованной, выполнение норм выработки в среднем по фабрике составило 150 %, а по вспомогательным цехам 192 процента. На крахмальном заводе фактическое выполнение норм выработки по подсобным цехам составило 170–200 процентов.

Совнархоз неудовлетворительно занимался вопросами финансовой деятельности предприятий и организаций. Количество предприятий, не выполнивших плана по себестоимости, увеличилось по сравнению с 1958 годом в 2,4 раза. На многих предприятиях были допущены большие непроизводительные расходы, недостачи, потери материальных ценностей и перерасход средств, выделенных на общезаводские расходы. В 1959 году 12 предприятий (33 %)

допустили удорожание себестоимости продукции против плана на 9 млн. рублей, или на 3,8 процента. За г. на предприятиях совнархоза имели место 104 случая перерасхода фонда заработной платы на общую сумму 2,3 млн. рублей. Фактическая себестоимость ряда изделий значительно превышает плановую. На заводе «Кавказкабель» себестоимость 1 тонны обмоточного кабеля превышает плановую на 10 тыс. рублей, на заводе «Цветметприбор» себестоимость 1 металлоискателя превышает плановую на 534 рубля.

Совнархоз неудовлетворительно руководил капитальным строительством. В 1959 году государственный план капитальных вложений выполнен на 99,4 %, а строительно-монтажных работ – на 96 процентов. Некоторые объекты, включенные в титульные списки капитального строительства, не были обеспечены проектно-сметной документацией и строительными материалами. Не выполнен план ввода в действие производственных мощностей (94,4 %). Объем незавершенного строительства на 1 января 1960 г. составил 144,8 млн. рублей, а стоимость неустановленного оборудования – 14,1 млн. рублей.

Строительные организации не выполнили задания по росту производительности труда. Производительность труда не только не повысилась, но по сравнению с 1958 годом снизилась на 8,7 процента. Фактическая стоимость строительно-монтажных работ в целом по совнархозу превысила плановую на 9 млн. рублей, или на 8 процентов.

Руководители многих предприятий совнархоза неправильно используют оборотные средства. На 1 января 1960 г. недостаток собственных оборотных средств по совнархозу составил 19,5 млн. рублей, сверхнормативные остатки товарно-материальных ценностей увеличились и достигли 21 млн. рублей, дебиторская задолженность – 7 млн. рублей.

Указанные недостатки в работе свидетельствуют о все еще неудовлетворительном руководстве совнархоза подведомственными предприятиями и организациями и недостаточном контроле за их работой, что привело к недисциплинированности среди некоторой части руководителей предприятий и невыполнению ими установленных планов.

Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз:

а) устранить отмеченные в настоящем постановлении недостатки в работе и обеспечить в 1960 году безусловное выполнение всеми предприятиями и организациями планов по объему производства и номенклатуре изделий, заданий по производительности труда и снижению себестоимости продукции, планов кооперированных и экспортных поставок;

б) в месячный срок тщательно разобраться в работе убыточных предприятий и предприятий, допускающих выпуск недоброкачественной продукции, перерасход и потери сырья и материалов и навести в этом деле надлежащий порядок.

Ликвидировать непроизводительные потери рабочего времени на производстве, в строительстве и обеспечить строгое соблюдение государственной дисциплины в расходовании средств на заработную плату и правильное соотношение темпов роста производительности труда и заработной платы;

в) установить повседневный контроль и обеспечить выполнение плана и обязательств совнархоза по механизации и автоматизации производственных процессов, внедрению передовой технологии и новой техники, освоению новых образцов машин и механизмов на предприятиях всех отраслей промышленности;

г) разработать и осуществить мероприятия по упорядочению норм выработки и переводу в установленные сроки предприятий легкой, пищевой и других отраслей промышленности и строительных организаций на сокращенный рабочий день и новые условия оплаты труда, обратив при этом особое внимание на правильное соотношение роста производительности труда и заработной платы;

д) принять необходимые меры к расширению и укреплению сырьевой базы консервной промышленности и обеспечить своевременную подготовку консервных заводов к сезону переработки овощей и фруктов и наращивание производственных мощностей этих заводов.

Подготовить Нальчикский мясокомбинат и птицекомбинат в 1960 году к сезону массовой приемки скота и птицы и обеспечить своевременную переработку их в количестве, предусмотренном в плане и принятых автономной республикой обязательствах, а также повышение выхода продукции и сокращение потерь при переработке;

е) принять меры к улучшению состояния охраны труда и техники безопасности на предприятиях, стройках и обеспечить резкое сокращение случаев травматизма, особенно в горнодобывающей промышленности.

2. Обратить внимание заместителя председателя совнархоза т. Левича Б.А., ведающего вопросами капитального строительства, на неудовлетворительную работу строительных организаций.

Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз повысить уровень руководства строительными организациями и ликвидировать отставание в капитальном строительстве и промышленности строительных материалов. Обеспечить концентрацию в 1960 году необходимых средств и материальных ресурсов на пусковых и важнейших объектах строительства и ввод в действие в установленные сроки производственных, жилищных и культурно-бытовых объектов, предусмотренных планом.

Разработать и провести мероприятия, обеспечивающие в 1960 году улучшение организации труда и ликвидацию текучести рабочих, экономное расходование строительных материалов и снижение стоимости строительства, повышение производительности труда, сокращение объема незавершенного строительства и остатков неустановленного оборудования. Установить повседневный контроль за качеством строительно-монтажных работ и правильностью их оплаты.

3. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз:

а) принять меры по повышению ответственности руководителей предприятий и строительных организаций за выполнение заданий народнохозяйственного плана, выпуск продукции надлежащего качества, экономное расходование государственных средств и соблюдение сметно-финансовой дисциплины, за полное и своевременное выполнение обязательств перед бюджетом, банками и поставщиками;

б) обеспечить расход материалов на единицу изделий в соответствии с установленными нормами;

в) установить в двухнедельный срок предприятиям и строительным организациям задания по реализации излишних и ненужных товарно-материальных ценностей, обеспечить доведение их запасов до установленных нормативов.

4. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз обеспечить в первом полугодии 1961 г. проектирование промышленных очистных сооружений на Тырныаузском комбинате.

Госплану РСФСР предусмотреть в плане на 1961 г. выделение необходимых капитальных вложений на строительство этих сооружений.

5. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз снизить до 1 октября 1960 г. дебиторскую задолженность не менее чем на 50 процентов. В месячный срок принять меры к покрытию недостатка собственных оборотных средств предприятиям совнархоза за счет перераспределения их между подведомственными предприятиями.

6. Принять предложение Министерства финансов РСФСР:

а) об увеличении по финансовому плану Кабардино-Балкарского совнархоза на 1960 г. прибыли на 7 млн. рублей, выручки от реализации выбывшего имущества на 0,7 млн. рублей, доходов от поступления малоценных и быстроизнашивающихся предметов, приобретаемых за счет ассигнований на капитальное строительство, на 1,1 млн. рублей, отчислений от прибыли по откорму скота, направляемой на капитальные вложения по расширению откормочной базы, на 0,3 млн. рублей и платежей в бюджет по отчислениям от прибыли на 10,6 млн. рублей;

б) об уменьшении по финансовому плану Кабардино-Балкарского совнархоза на 1960 г. расходов по погашению ссуд Госбанка на мероприятия по внедрению новой техники на 2,1 млн. рублей, мобилизации внутренних ресурсов в капитальном строительстве на 14,2 млн. рублей.

7. Разрешить Кабардино-Балкарскому совнархозу направить на покрытие недостатка собственных оборотных средств, выявленного у предприятий и организаций по отчету на 1 января 1960 г., остатки средств страхового фонда, амортизационных отчислений на капитальный ремонт и резерва для оказания временной финансовой помощи предприятиям и организациям в сумме 12,8 млн. рублей.

8. Выделить Кабардино-Балкарскому совнархозу в 1960 году из республиканского бюджета РСФСР за счет дополнительно выявленных и полученных доходов на покрытие недостатка собственных оборотных средств 6,7 млн. рублей и на финансирование капитальных вложений в 1960 году 14,2 млн. рублей.

Председатель
Совета Министров РСФСР Д. Полянский
Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР И. Груздев

Постановления Совета Министров РСФСР за май 1960 г.. Для служебного пользования. [М. 1960]. С. 374–378.

№ 20
Записка обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР с просьбой списать задолженности по долгосрочным ссудам с колхозов и остро нуждающихся семей-балкарцев

11 июля 1960 г.

Бюро Центрального Комитета КПСС
по РСФСР

Совету Министров РСФСР

В связи с восстановлением автономии балкарского народа в 1957–1959 годах в республику возвратилось 35,4 тыс. человек, которые в основном размещены в горных ущельях – в местах прежнего жительства. Из переселенных балкарцев вновь организовано 12 колхозов и 3 совхоза.

Для обзаведения хозяйством новым колхозам оказана значительная помощь – денежная, продовольственная и фуражная. Кредиты, полученные ими, составляют 43892 тыс. рублей. На эти средства приобретено значительное количество скота, построены животноводческие помещения, налажено нормальное ведение общественного хозяйства. В дальнейшем они могли бы вести расширенное воспроизводство на собственной основе, но большие задолженности по ссудам, которые, как правило, превышают доходы, сдерживают организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Балкария располагает значительными массивами естественных горных пастбищ и сенокосов. Это предопределило специализацию колхозов в направлении мясного животноводства и полутонкострунного овцеводства, того, что новые колхозы имеют малую насыщенность скота и получают еще от животноводства незначительные доходы, экономическое состояние их крайне слабое. Денежные доходы по всем двенадцати колхозам в 1959 году составили менее 15 миллионов рублей, в том числе от животноводства – 7069 тыс. рублей.

По состоянию на 1 июля 1960 г., задолженность балкарских колхозов по долгосрочным ссудам на капитальные вложения составляет 27405,4 тыс. рублей, краткосрочные ссуды – 1602 тыс. рублей. Кроме того, выданы ссуды на хозяйственное устройство переселенцев – 19703,9 тыс. руб.

Как показывают расчеты, экономике новых колхозов не позволяет погасить задолженности по ссудам и организовать нормальную хозяйственную деятельность колхозов.

Исходя из этого Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров республики просят списать задолженность государству:

а) по колхозам – долгосрочные ссуды 27405,4 тыс. руб., краткосрочные ссуды – 1602 тыс. руб., задолженность по процентам – 90 тыс. рублей;

б) погашение ссуды, отпущенной на хозяйственное устройство переселенцев, отсрочить на три года;

в) разрешить Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР списать по его усмотрению задолженности по ссудам наиболее остронуждающихся – инвалидов войны, труда, семей погибших воинов и др. – в пределах 25 % общей суммы кредиторов.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС
(Т. Мальбахов)

Зам. Председателя Совета
Министров Кабардино-Балкарской
АССР
(А. Ахохов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 287. Л. 91–92. Подлинник.

№ 21
Справка Министерства сельского хозяйства РСФСР о возможности предоставления колхозам Кабардино-Балкарской АССР отсрочки погашения задолженности по долгосрочным ссудам
28 июля 1960 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Рассмотрев по поручению Бюро ЦК КПСС по ГС1СР письмо Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Сойоте Министров о списании с 12 колхозов организованных из переселенцев балкарцев задолженность Госбанку по долгосрочным ссудам в сумме 27405 тыс. руб. и краткосрочным – в сумме 1602 тыс. руб. Министерство сельского хозяйства РСФСР поддерживает просьбу обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР и обратилось с предложением в республиканскую контору Госбанка СССР о предоставлении указанным колхозам отсрочки на один г. погашения задолженности подлежащей уплате в 1960 году по долгосрочным ссудам в сумме 3,5 млн. руб. к краткосрочным – в сумме 1,5 млн. рублей, впредь до рассмотрения вопроса о финансовой помощи экономически слабым колхозам в целом по РСССР.

Министр
сельского хозяйства РСФСР Г. Смирнов

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 287. Л. 93. Подлинник.

№ 22
Предложение Российской республиканской конторы Государственного банка СССР о перенесении на более поздний срок решения вопроса погашения ссуд 12 колхозами Кабардино-Балкарской АССР
1 сентября 1960 г.

По письму министра сельского хозяйства РСФСР о предоставлении 12 колхозам Кабардино-Балкарской АССР отсрочки погашения задолженности по ссудам Госбанка в сумме 5 млн. рублей, Российская республиканская контора Госбанка сообщает следующее.

Из полученных 12 колхозами Эльбрусского, Лескенского, Терского, Чегемского и Советского районов в 1959 году денежных доходов в сумме 14,8 млн. рублей было погашено

долгосрочных ссуд Госбанка в сумме 2,2 млн. рублей. Погашались также и краткосрочные ссуды Госбанка.

В 1960 году ожидается увеличение денежных доходов до 17,4 млн. рублей, причем более 13,0 млн. рублей должны поступить во втором полугодии.

Задолженность колхозов указанных районов по долгосрочным ссудам Госбанка на 1 января 1960 г. составляла 25,0 млн. рублей, в том числе платежи текущего г. 5,1 млн. рублей. Погашено долгосрочных ссуд по состоянию на 1 августа с.г. 0,8 млн.рублей. Просроченная задолженность по этим ссудам на 1 августа с.г. составляла 0,4 млн. рублей.

Учитывая, что предстоящие в 1960 году платежи по ссудам Госбанка в значительной степени могут быть произведены за счет получаемых колхозами доходов, Российская республиканская контора Госбанка считает нецелесообразным в настоящее время производить списание или отсрочку по ссудам Госбанка 12 колхозам Кабардино-Балкарской АССР. Этот вопрос следует рассмотреть после определения доходов от урожая текущего г..

Заместитель управляющего
Российской республиканской
контрой Государственного
банка СССР С. Носырев

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 287. Л. 94. Подлинник.

№ 23

Справка Сельскохозяйственного отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР о перенесении на более поздний срок решения вопроса погашения ссуд колхозами Кабардино-Балкарской АССР

10 сентября 1960 г.

Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят списать с колхозов с балкарским населением задолженность по долгосрочным ссудам – 27405,4 тыс. рублей и по краткосрочным ссудам – 1602 тыс. рублей, а также отсрочить на три г. погашение ссуды, отпущенной на хозяйственное устройство переселенцев и разрешить Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР списать по его усмотрению часть задолженности по ссудам с остронуждающихся семей-балкарцев.

Просьба обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР мотивируется тем, что экономика недавно организованных балкарских колхозов не позволяет погасить задолженность по ссудам.

Министерство сельского хозяйства РСФСР и Российская республиканская контора Государственного банка СССР рассмотрели просьбу обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР.

Министерство сельского хозяйства РСФСР считает возможным предоставить колхозам Кабардино-Балкарской АССР отсрочку на один г. погашения задолженности банку, подлежащей уплате в 1960 году, в сумме 5 млн. рублей. Республиканская контора Госбанка СССР считает целесообразным вопрос о списании или об отсрочке платежей по ссудам госбанка с колхозов республики рассмотреть после определения доходов от урожая текущего года.

Сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР согласен с предложением Российской республиканской конторы Госбанка СССР.

О результатах рассмотрения Кабардино-Балкарскому обкому КПСС сообщено.

Зам. зав.Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (П. Семенов)

Помета: «Архив. К. Зародов. 12/IX-60 г.».

РГАНИ. Ф. 5 Оп.46. Д. 287. Л. 95. Подлинник. № 49

№ 24

Информация Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС о IV пленуме обкома партии

21 сентября 1960 г.

17 сентября состоялся IV пленум Кабардино-Балкарского обкома КПСС, обсудивший вопрос «О мероприятиях по проведению уборки и заготовок кукурузы и других культур в колхозах и совхозах республики» (докладчик зам. председателя Совета Министров республики т. Тлостанов К.Т.).

Проведению пленума обкома ППСС предшествовали собрания колхозников и слеты кукурузоводов в районах. Участники слета передового кукурузоводческого Лескенского района обратилась ко всем труженикам сельского хозяйства республики с обращением провести уборку кукурузы за 25–30 дней и завершить выполнение плана по продаже государству семенной кукурузы к 20 октября 1960 года.

Пленум обкома КПСС подвел некоторые итоги работы колхозов и совхозов республики по проведению уборки и продажи государству зерна колосовых культур, ухода за посевами кукурузы и наметил конкретные меры по организованному проведению в сжатые срока уборки кукурузы, подсолнечника, конопли и завершению других сельскохозяйственных работ.

Борясь за выполнение принятых обязательств колхозы и совхозы республики в текущем году получили 19,4 ц колосовых культур с гектара и к 25 июля, на 7 дней раньше срока, выполнили план продажи зерна государству (без кукурузы) на 117 процентов. Уборка колосовых, несмотря не дождливую погоду, была проведена в предельно сжатые сроки, преимущественно раздельным способом.

Соревнование колхозов, совхозов и звеньев за выращивание высокого урожая кукурузы в нынешнем году приняло невиданно широкий размах. В борьбу за высокий урожай кукурузы включились 1456 звеньев, все колхозы и совхозы республики. Ими было посеяно 75 тысяч гектаров этой культуры.

Как показал пленум обкома КПСС труженики сельского хозяйства республики имеют возможность получить в 1960 году 40–45 центнеров зерна кукурузы с гектара, 400–450 ц, силосной массы и досрочно выполнить государственный план по продаже 40 тысяч т семенной кукурузы.

Пленум обратил внимание на то, что в нынешнем году в Кабардино-Балкарии в проведении осенне-полевых работ сложились особые условия. В результате задержки вызревания подсолнечника и конопли, колхозам и совхозам предстоит совместить трудоемкую работу по уборке 40 тысяч гектаров кукурузы на зерно с уборкой технических культур.

Коммунисты республики дают себе отчет в том, что сложившиеся обстоятельства потребуют огромного напряжения, высокой организованности и мобилизации всех сил для проведения этих работ. Поэтому главное внимание пленум обкома КПСС сосредоточил на выработке мер по быстрому и качественному проведению уборки кукурузы.

Участники пленума поделились своими планами и внесли много ценных предложений по организации быстрой уборки кукурузы. В связи с тем, что республика испытывает большой недостаток кукурузоуборочных механизмов, пленум предложил использовать на уборке не только кукурузоуборочные, но и переоборудованные зерновые комбайны.

В связи с тем, что основную массу урожая кукурузы предстоит убрать вручную, участники пленума внесли много ценных предложений по ускорению ручной уборки и сдачи кукурузы государству. Предложено, в частности, сократить время и средства, затрачиваемые на сортировку кукурузы. Раньше сортировка кукурузы на токах занимала одну треть людей и требовала много времени. Участники пленума предложили, используя опыт колхоза им. Ленина Лескенского района, сортировку кукурузы производить в процессе ломки с тем, чтобы сортовую стандартную кукурузу прямо с поля отправлять на заготпункты. Это сократит процесс уборки и ускорит сдачу зерна кукурузы государству.

В проведении уборки кукурузы колхозам и совхозам значительную помощь окажут население городов, рабочих поселков, студенты, учащиеся старших классов.

Колхозы и совхозы в нынешнем году применяют новую оплату труда колхозников, занятых на уборке кукурузы. Многие из них отказались от оплаты труда на уборке кукурузы по трудодням, а пере шли на денежную оплату. Например, за каждый центнер наломанных початков ломщику выдается 3 рубля. Перевыполнение нормы поощряется соответствующей надбавкой, за каждый сверхнормативный центнер. Применяются и другие меры материальной, заинтересованности.

В республике имеется большой, недостаток в автотранспорте (нет авторезины), что будет сказываться на темпах сдачи зерна кукурузы государству, в связи с этим пленум решил перевести все машины на двухсменную работу.

Пленум обкома КПСС наметил меры по усилению массово-политической работы среди колхозников и рабочих, работающих на уборке и заготовках кукурузы, созданию для них надлежащих культурно-бытовых условий.

Пленум обкома КПСС тщательно обсудил и другие вопросы по организованному завершению текущего сельскохозяйственного года. Решено выполнить государственные планы по заготовкам мяса к 20 октября, молока – к 10 ноября, шерсти – к 10 октября 1960 года.

Пленум обкома КПСС заслушал выступление секретаря обкома КПСС т. Хутуева об итогах совещания по вопросам идеологической работы, проходившего в ЦК КПСС.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 164. Л. 118–121. Подлинник.

№ 25
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в ЦК КПСС с предложениями по более эффективному использованию горного овцеводства

15 февраля 1961 г.

Заместителю Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР
товарищу ВОРОНОВУ Г.И.

Председателю Совета Министров РСФСР
товарищу ПОЛЯНСКОМУ Д.С.

Кабардино-Балкарская АССР располагает большим массивом горных альпийских пастбищ и сенокосов госземфонда в количестве 260 тысяч гектаров. Из них закреплено и используется колхозами и совхозами 63 тысячи гектаров. Остальная часть летних горных пастбищ, наиболее высокогорная и трудно доступная, является по существу овечьими пастбищами, но из-за малочисленности поголовья овец и короткого срока использования (3–3,5 месяца) полностью не используется.

Хорошая обеспеченность летними пастбищами и недостаток кормов в зимний период вызывают необходимость изменения структуры стада овец с доведением удельного веса овцематок до 70–75 % к общему поголовью овец. При внедрении зимнего скота представится возможность летом максимально использовать альпийские пастбища для нагула ягнят к сдаче их на мясо в г. рождения, оставления на зиму лишь маточного поголовья с необходимым количеством ремонтных ярок.

Семилетним планом по республике предусмотрено довести количество поголовья овец в общественном секторе с 317 тысяч в 1961 году до 640 тысяч в 1965 году.

Колхозы и совхозы горных районов Кабардино-Балкарской АССР, начиная с 1961 г., специализируется исключительно по овцеводству. Принимаются также меры к созданию значительного массива тонкорунных овец в степных районах на базе, главным образом, Мало-Кабардинского племовцесовхоза и Прималкинского зерносовхоза.

В предгорных районах ведется работа по размножению скороспелых полутонкорунных овец типа корридель.

Вследствие выпадения большого количества осадков в виде тумана и дождя, наличия сырых и заболоченных участков, горные пастбища непригодны для содержания тонкорунных овец. Последние подвергаются простудным заболеваниям и копытной гнилью. Поэтому полное использование высокогорных пастбищ возможно лишь при условии разведения в горной части республики местных грубошерстных овец карачаевской породы, отличающихся от всех прочих овец в Советском Союзе исключительно высокими вкусовыми качествами мяса. О качестве мяса овец карачаевской породы в очерке «Положение животноводства в Терской области, по данным обследования 1912 г.» (Аликов) сказано, что «мясо карачаевской овцы очень вкусно и по своим вкусовым качествам занимает первое место не только среди других пород в Терской области, но, пожалуй, во всей России».

Разводимые в горной зоне местные овцы этой породы неприхотливы к условиям содержания, приспособлены к круглогодовому использованию пастбищ, способны делать большие переходы по каменистым дорогам, не подвергаются заболеванию некробациллезом.

Из грубой шерсти карачаевских овец изготовляются лучшие, легкие, теплые и непромокаемые кавказские бурки, необходимые для животноводов всех горных районов Северного Кавказа. Увеличение производства грубой шерсти позволило бы организовать промышленное производство бурок, войлока, кошмы, ковров в республике. Овчины карачаевских овец не уступают по шубным качествам лучшим сортам овчин романовских овец.

Однако колхозы и совхозы, разводящие местных грубошерстных овец, из-за низких цен на шерсть карачаевских овец находятся в невыгодном положении по сравнению с хозяйствами, разводящими тонкорунных овец, хотя овцеводство в горных колхозах и совхозах является почти единственным источником дохода.

В связи с большим развитием курорта Нальчик, организацией базы альпинизма и туризма союзного значения в районе Эльбруса, расположением вблизи республики Кавминводской группой курортов, сильно возрастает значение овцеводства, как важного резерва увеличения производства диетического мяса для обеспечения курортов молодой бараниной.

Несмотря на имеющийся положительный опыт проведения зимнего ягнения овец, оно не получает массового распространения вследствие того, что требует дополнительных затрат, а пены на ягнятину этих затрат не компенсируют. Ценное диетическое мясо ягнят по заготовительным прейскурантам приравниваете к стоимости мяса старых выбракованных овец.

Для более эффективного использования имеющихся в республике резервов увеличения производства мяса и шерсти за счет развития горного овцеводства просим Вас рассмотреть следующие наши предложения по этому вопросу:

1. В целях повышения материальной заинтересованности колхозов и совхозов и сохранения ценной группы местных карачаевских овец:

а) резко повысить цены на молодую баранину, а цены на баранину установить на уровне цен на свинину;

б) установить цену на черную шерсть карачаевских овец на уровне заготовительных цен на грубую шерсть овец лезгинской, андийской и тушинской пород.

2. Разрешить укрупнить существующий Мало-Кабардинский племовцесовхоз за счет присоединения к нему двух смежно расположенных колхозов «Большевик» и «Серп и Молот» Терского района, доведя общую земельную площадь совхоза с 6 до 19 тысяч гектаров, а поголовье тонкорунных овец с 12 тысяч голов, на 1 января 1961 г., до 50 тысяч в 1965 году.

3. Организовать на базе колхоза имени Кирова Зольского района паемовцесовхоз по разведению овец типа горный корридель. В настоящее время в колхозе имеется 18 тысяч овец, в

том числе овец желательного типа до 5 тысяч голов. Совхоз в дальнейшем явится репродуктором полутонкорунных овец для горных районов Северного Кавказа. Общая земельная площадь предполагаемого совхоза составит 18 тысяч гектаров земли, в том числе – 3,4 тысячи гектаров пашни, 7,5 тысячи гектаров естественных сенокосов.

4. Организовать мясной совхоз по разведению карачаевских овец на базе колхозов имени Кирова и «Путь к коммунизму» сел. Заюково Эльбрусского района, с общей земельной площадью 19,5 тысячи гектаров, в том числе пашни 4,5 тысячи гектаров, с доведением поголовья овец с 17 тысяч голов в 1961 году до 30–40 тысяч голов в 1965 году.

5. Организовать в Чегемском ущелье на базе горных колхозов имени Калабекова и имени Калмыкова Чегемского района овцесовхоз по разведению карачаевских овец с общей земельной площадью 9 тысяч гектаров.

Наши предложения о преобразовании ряда колхозов в животноводческие совхозы со всеми необходимыми материалами направлены Совету Министров РСФСР в октябре месяце 1960 года. Решение этого вопроса затягивается Министерством сельского хозяйства РСФСР.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Зам. Председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (Н. Моргачев)

Резолюция: «Тт. Панькину. Сотникову. Учтите эту просьбу при подготовке вопроса об использовании горных пастбищ, а также вопроса об увеличении поголовья карачаевских овец. 17/II. В. Карлов».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 343. Л. 5–8. Подлинник.

№ 26
Постановление Совета Министров РСФСР «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Кабардино-Балкарского совнархоза за 1961 г.»

№ 637 **15 мая 1962 г.**

Совет Министров РСФСР отмечает, что предприятия и организации Кабардино-Балкарского совнархоза в 1961 году выполнили план по выпуску валовой продукции на 100,9 процента. Освоен выпуск 156 новых видов изделий. Себестоимость продукции снижена на 2508 тыс. рублей.

Однако совнархоз не провел необходимой организаторской работы по использованию имеющихся внутрихозяйственных резервов, слабо контролировал ход выполнения государственного плана, мало оказывал помощи отстающим предприятиям и организациям. В результате из 79 предприятий совнархоза 10 предприятий не выполнили план по выпуску валовой продукции и недодали государству продукции па сумму 9536 тыс. рублей. Гидрометаллургический завод недопоставил продукции на 6853 тыс. рублей из-за несвоевременного ввода его в эксплуатацию. Задание по выпуску товарной продукции предприятиями совнархоза выполнено на 99,2 %, не выполнен план по производству продукции в номенклатуре. Народному хозяйству было недопоставлено 20 передвижных паровых установок, 112 деревообрабатывающих станков, 89 тонн молибденового концентрата, 8400 километров детонаторного медного провода, 278 тонн чугунного литья, 693 тыс. штук черепицы, 33 тыс. пар обуви кожаной, 22 тонны хлопчатобумажной пряжи, на 117 тыс. рублей мебели, 1702 тонны мяса, 570 тонн цельномолочной продукции и значительное количество других товаров, а также не поставлено на экспорт 34 насоса, 31 автоприцеп и 5 токарных станков.

Совнархоз не принимает исчерпывающих мер к улучшению качества выпускаемой продукции, особенно на предприятиях пищевой, мебельной и обувной промышленности Количество забракованной продукции в 196! году по сравнению с 1960 годом возросло по хлебобулочным изделиям на 1,4 %, колбасам – на 2,1 %, мясу птицы – на 30,5 %, сырам – на 46,2 %, обуви – на 3,3 процента. На мебельной фабрике «Чинар» было забраковано 679 единиц мебели, или 10 % от проверенного количества, па Нальчикской обувной фабрике – более 6 тыс. пар обуви.

Не проводится необходимая работа по предотвращению растрат и хищений, и материально-технических ценностей.

Культура производства на многих предприятиях низкая, работают они неритмично. Потери рабочего времени по совнархозу за г. составили 193,8 тыс. человеко-дней. Медленно решаются вопросы механизации трудоемких работ, плохо используются производственные площади и оборудование. Удельный вес применения ручного труда составляет в машиностроении и приборостроении 54 %, промышленности строительных материалов – 42 %, легкой и деревообрабатывающей промышленности – 40 %, пищевой промышленности – 48 процентов. На крахмальном заводе не использовалось оборудование для выработки кукурузного уваренного экстракта, в результате чего недодано более 2 тыс. тонн ценного корма для скота.

Совнархоз не уделял должного внимания внедрению новой техники, из 41 предусмотренного по плану мероприятия осуществлено лишь 23.

Из-за недостатков в организации производства, содержания на предприятиях сверх плана 319 человек промышленно-производственного персонала задание по росту производительности труда выполнено па. 99,8 процента; 18 предприятий не справились с этим важнейшим показателем работы и недодали продукции на сумму свыше 8,5 млн. рублей, в том числе завод «Севкаврептген» на 427 тыс. рублей.

В 1961 году на промышленных предприятиях совнархоза было выявлено 278 случаев перерасхода фонда заработной платы па сумму 918 тыс. рублей.

Докшукинский комбинат производственных предприятии, заводы «Севкаврентген» и железобетонных изделий систематически допускают перерасход фонда заработной платы.

На заводе электровакуумного машиностроения, на фабрике «Чинар» и на 17 других предприятиях рост заработной платы опережал рост производительности труда.

Совнархоз неудовлетворительно занимался капитальным строительством. План капитального строительства в 1961 году выполнен только па 99,6 %, строительно-монтажных работ – на 96,6 %, подрядных работ – на 96 %, в том числе силами строительных организации совнархоза – па 94 процента.

План ввода в действие новых производственных мощностей по совнархозу выполнен лишь на 40 процентов. Из 19 важнейших объектов, предусмотренных к сдаче в эксплуатацию в 1961 году, мощности введены только по 3. Объем незавершенного строительства за г. возрос на 8,8 млн. рублей и составил на 1 января 1962 г. около 29 млн. рублей при годовом плане капитальных вложений 21 млн. рублей. Задание по строительству жилой площади выполнено па 96,5 %, недодано 1500 кв. метров жилья.

В то же время осуществлялось много работ, не предусмотренных планом. Их выполнено на 1852 тыс. рублей, что составляет 12,4 % к объему капитальных вложений.

Задание по производительности труда в строительстве выполнено на 92,8 %, а по заработной плате на 96,3 процента. Себестоимость строительно-монтажных работ превысила плановую на 5,5 процента. Подрядным строительным организациям планировалась прибыль в сумме 805 тыс. рублей, однако они закончили 1961 г. с убытком в размере 1334 тыс. рублей.

Совнархоз неудовлетворительно занимается анализом экономической деятельности промышленных предприятий и строительных организаций, не принимает должных мер к улучшению учета и отчетности, смирился с тем, что ежегодно большое количество предприятий и организаций работают убыточно. За 1961 г. пятая часть предприятий допустила удорожание себестоимости продукции на сумму 604 тыс. рублей, 25 предприятий (32 %) не выполнили

план по прибылям на сумму 1033 тыс. рублей. В бюджет недопоступило от предприятий и организаций совнархоза 1719 тыс. рублей платежей по отчислениям от прибылей.

Вследствие невыполнения многими предприятиями и организациями планов по себестоимости и накоплениям совнархоз на 1 января 1962 г. имел недостаток собственных оборотных средств в сумме 2903 тыс. рублей, в том числе по промышленным предприятиям 1376 тыс. рублей.

Отвлечение оборотных средств за 1961 г. возросло на 38,3 процента, дебиторская задолженность – на 15 % и по состоянию на 1 января 1962 г. составила 2552 тыс. рублей.

Указанные недостатки являются следствием слабого контроля совнархоза за выполнением государственного плана. Многие из этих недостатков имеют место и в 1962 году.

Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз –

устранить отмеченные настоящим постановлением недостатки в хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций совнархоза и обеспечить в 1962 году выполнение всеми предприятиями и организациями планов по объему производства, номенклатуре изделий, повышению качества продукции, по производительности труда, использованию оборудования, снижению себестоимости, накоплениям и платежам в бюджет. Строго соблюдать сметно-финансовую дисциплину, максимально сократить непроизводительные расходы и потери от брака;

поднять уровень экономической работы в аппарате совнархоза, на предприятиях и в организациях, глубже анализировать результаты их хозяйственно-финансовой деятельности. Повысить ответственность руководителей предприятий и организаций за выполнение народнохозяйственного плана;

осуществить намеченные мероприятия по механизации и автоматизации производственных процессов, внедрению передовой технологии;

установить систематический контроль за своевременным, качественным изготовлением и отгрузкой оборудования и материалов на экспорт и другим экономическим административным районам;

улучшить руководство строительными организациями и ликвидировать отставание в капитальном строительстве, обратив особое внимание на выполнение программы строительно-монтажных работ и ввод в действие пусковых объектов. Не допускать включения в план капитального строительства объектов, не обеспеченных проектно-сметной документацией. Навести должный порядок в организации труда, обеспечить экономное расходование строительных материалов, снижение стоимости строительства;

осуществлять систематическую проверку соблюдения установленного порядка актирования и приемки выполненных строительно-монтажных работ. В кратчайший срок оформить актами сдачи объекты, фактически эксплуатируемые, но числящиеся в составе незавершенного строительства, и устранить допущенные недоделки;

до 1 июля 1962 года восстановить собственные оборотные средства, отвлеченные в не предусмотренное планом капитальное строительство, капитальный ремонт и на формирование основного стада в совхозах;

снизить в 1962 году дебиторскую задолженность не менее чем на 50 процентов. С этой целью запретить предприятиям и организациям производить отпуск материальных ценностей с нарушением установленных норм расчетов. Довести запасы товарно-материальных ценностей до установленных нормативов и ссуд Госбанка СССР;

обеспечить в 1962 году переработку кукурузного зародыша на сырое масло и поставку масла Ленинградскому жирокомбинату для выработки рафинированного кукурузного масла.

ВСНХ установить Кабардино-Балкарскому совнархозу на 1962 год план выработки сырого кукурузного масла;

осуществить мероприятия по резкому увеличению выпуска сельскохозяйственной продукции и повышению урожайности сельскохозяйственных культур в совхозах совнархоза;

организовать с III квартала 1962 г. на крахмальном заводе выпуск кукурузного уваренного экстракта для использования на корм скоту.

2. Принять предложения Министерства финансов РСФСР:

об увеличении по финансовому плану Кабардино-Балкарского совнархоза на 1962 г. прироста устойчивых пассивов на 450 тыс. рублей;

об уменьшении по финансовому плану Кабардино-Балкарского совнархоза на 1962 г. экономии от внедрения новой техники на 75 тыс. рублей, расходов на погашение ссуд Госбанка СССР по малой механизации на 302 тыс. рублей, мобилизации оборотных средств в капитальном строительстве на 1992 тыс. рублей и платежей в бюджет по отчислениям от прибыли на 1315 тыс. рублей;

об установлении дополнительного задания Кабардино-Балкарскому совнархозу на 1962 г. по прибыли и платежам в бюджет в сумме 861 тыс. рублей.

3. Сократить Кабардино-Балкарскому совнархозу норматив собственных оборотных средств на 1 января 1962 г., кроме незавершенного производства и расходов будущих периодов, ввиду незаполняемостн нормативов по отдельным предприятиям на 200 тыс. рублей и направить высвобождающиеся средства на покрытие недостатка собственных оборотных средств, а также сократить финансирование из бюджета социально-культурных учреждений совнархоза в связи с уточнением переходящих контингентов и норм расходов на 59 тыс. рублей.

4. Разрешить Кабардино-Балкарскому совнархозу направить на покрытие недостатка собственных оборотных средств на 1 января 1962 г. резерв совнархоза для оказания временной финансовой помощи, неиспользованные остатки специальных фондов и средств финансирования в сумме 378 тыс. рублей и остатки средств на особых счетах предприятии по капитальному ремонту в сумме 129 тыс. рублей, а также сверхплановую прибыль отдельных предприятий в сумме 759 тыс. рублей.

5. Обязать Министерство финансов РСФСР выдать Кабардино-Балкарскому совнархозу во II квартале 1962 г. па покрытие недостатка собственных оборотных средств 1437 тыс. рублей за счет дополнительно полученных в 1962 году доходов по республиканскому бюджету РСФСР.

Председатель
Совета Министров РСФСР Д. Полянский

Управляющий
Делами Совета Министров РСФСР В. Каргаполов

Постановления Совета Министров РСФСР за май 1962 г. Для служебного пользования. [М. 1960]. С. 505–509.

№ 27
Постановление Совета Министров РСФСР
«О мероприятиях по ликвидации последствий стихийного бедствия в г. Тырныаузе Кабардино-Балкарской АССР»
№ 1090 20 августа 1962 г.

В целях ликвидации последствий стихийного бедствия в г. Тырныаузе Кабардино-Балкарской АССР, вызванного селевым потоком, и предотвращения разрушений по этой причине в дальнейшем Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Обязать Кабардино-Балкарский совнархоз выполнить в 1962–1963 годах в г. Тырныаузе работы по строительству селезащитных гидротехнических сооружений в объеме, предусмотренном проектом института «Южгипроводхоз» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по водному хозяйству.

2. Обязать Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР выполнить в 1962–1963 годах в г. Тырныаузе Кабардино-Балкарской АССР по договору с Тырныаузским вольфрамо-молибденовым комбинатом Кабардино-Балкарского совнархоза работы по восстановлению дороги на протяжении 2,5 км, а также строительство объездной дороги с асфальтобетонным покрытием протяжением 5 км и моста через реку Баксан.

3. Выделить Кабардино-Балкарскому совнархозу из резервного фонда Совета Министров РСФСР на ликвидацию последствий стихийного бедствия в г. Тырныаузе 150 тыс. рублей, в том числе 10 тыс. рублей на оказание единовременной помощи семьям, пострадавшим от стихийного бедствия, в размере до 100 рублей на одну семью.

4. Выделить Кабардино-Балкарскому совнархозу в 1962 году материалы, оборудование и машины целевым назначением для Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината согласно приложению № 1.

5. Обязать Госплан РСФСР предусмотреть в плане на 1963 г. выделение Кабардино-Балкарскому совнархозу целевым назначением для Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината:

капиталовложений на жилищное строительство – 700 тыс. рублей, на коммунальное строительство – 200 тыс. рублей, на строительство детских учреждений – 100 тыс. рублей и на строительство здания школы – 150 тыс. рублей;

материалов, оборудования и машин согласно приложению № 2 с поставкой их в I квартале 1963 г.-

6. Обязать Министерство строительства РСФСР выделить в 1962 году и I квартале 1963 г. Нальчикскому монтажному управлению «Южтехмонтаж» на восстановление и строительство производственной базы в г. Тырныаузе Кабардино-Балкарской АССР 200 тыс. рублей, а также оборудование и машины согласно приложению № 3.

Зам. Председателя
Совета Министров РСФСР М. Яснов

Зам. Управляющего Делами
Совета Министров РСФСР В. Мокрушин

Постановления Совета Министров РСФСР за август 1962 г.. Для служебного пользования. [М. 1962]. С. 200–201.

№ 28
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с предложениями о строительстве новых и реконструкции существующих оросительных систем в республике

10 декабря 1962 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

О мерах по увеличению площадей поливных земель и улучшению их использования[1]

В колхозах и совхозах Кабардино-Балкарской АССР в настоящее время имеется 68,4 тыс. гектаров орошаемых земель, что составляет 20 процентов к общей площади пашни.

Орошаемые земли республики распределяются между отдельными хозяйствами неравномерно, 35 хозяйств совершенно не имеют поливных земель. Сеть оросительных каналов не

[1] Подчеркнуто карандашом в тексте документа.

имеет достаточного количества гидротехнических сооружений. Из-за отсутствия механизмов и средств планировка орошаемых площадей до 1962 г. не производилась. В результате этого имеют место большие потери оросительной воды, снижается производительность труда поливальщиков и эффективность поливов.

В целях увеличения урожайности сельскохозяйственных культур, орошения и обводнения хозяйств, находящихся в засушливых районах и развития орошения в хозяйствах пригородной зоны, обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят оказать республике помощь в проведении следующих мероприятий:

1. Довести площадь орошаемых земель к 1955 году до 100 тысяч гектаров за счет нового строительства и реконструкции существующих оросительных систем на площади 316 тыс. гектаров. Для этого выделить средства: на проектирование – в сумме 431 тыс. рублей, в том числе в 1963 году – 251 тыс. рублей; на строительство новых гидротехнических объектов в сумме 7834 тыс. рублей, из них в 1963 году – 450 тыс. рублей; на реконструкцию и совершенствование существующих оросительных систем – 3789 тыс. рублей, из них в 1963 году – 378 тыс. рублей и на планировку площади в размере 55 тыс. гектаров – 1730 тыс. рублей из которых на 1963 г. – 140 тыс. рублей.

2. Учитывая, что имеющаяся в республике единственная водохозяйственная строительная архивизация СМУ «Водстрой» слабо оснащена землеройными механизмами и другой техникой, запланировать выделение в 1963 году техники согласно приложению № 1[1].

3. В соответствии с измененной структурой посевных площадей на орошаемых землях в 1963 году, предполагается разместить 40 тыс. гектаров кукурузы, 5 тысяч гектаров технических культур, 12 тысяч гектаров зерновых и бобовых, 7 тысяч плодово-ягодных культур Детальную площадь занять овощными и прочими культурами. Кроме того, посеять 10 тысяч гектаров пожнивных культур, провести влагозарядковые поливы на площади 20 тыс. гектаров и вегетационные поливы на площади 50 тысяч гектаров.

Для выполнения работ по расширению площадей орошаемых земель в 1963 году выделить для колхозов, совхозов и оросительных систем республики мелиоративную технику и инвентарь согласно приложению № 2[2].

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Зам. Председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (К. Тлостанов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп.46. Д. 382. Л. 171–172. Подлинник.

[Приложение 1]
Справка Совета Министров РСФСР о возможности выделения Кабардино-Балкарской АССР капиталовложений и техники для проведения водохозяйственных работ в 1964–1965 гг.
14 января 1963 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Совет Министров РСФСР рассмотрел записку Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР «О мерах по увеличению площадей поливных земель и улучшению их использования» и сообщает.

[1] Приложение № 1 «Ведомость по выделению в 1963 году механизмов и автотранспорта СМУ «Водстрой» управления водного хозяйства при Совете Министров Кабардино-Балкарской АССР» не публикуется.
[2] Приложение № 2 «Ведомость на выделение в 1969 году мелиоративной техники и инвентаря колхозам, совхозам и оросительным системам Кабардино-Балкарской АССР» не публикуется.

Орошаемые земли в Кабардино-Балкарской АССР плохо используются под поливное земледелие. В 1962 году из 69 тыс. гектаров земель с оросительной сетью в республике поливалось только 41,5 тыс. гектаров.

Учитывая ограниченные материальные возможности, необходимость проведения в первую очередь работ по полному использованию существующих орошаемых земель и концентрации средств на начатых объектах, осуществить строительство новых оросительных систем в Кабардино-Балкарской АССР до 1965 г. не представляется возможным.

В соответствии с постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 11 апреля 1962 г. № 425 в республике предстоит выполнить в 1963–1965 годах работы по планировке орошаемых земель не площади 19 тыс. гектаров и по реконструкции и восстановлению оросительных систем на площади 5 тыс. гектаров. Установленное этим постановлением задание по планировке орошаемых земель в 1962 году на площади 3 тыс. гектаров выполнено лишь на 27 %, а выделенные для этих целей средства освоены только на 63 процента.

Для проведения водохозяйственных работ в 1963 году республике выделяется 290 тыс. рублей, 7 экскаваторов, 12 скреперов, 12 бульдозеров, 6 канавокопателей, 5 тракторов, 9 автомобилей, автокран, 4 планировщика, а также 45 дождевальных машин для полива сельскохозяйственных культур.

Вопрос о выделении Кабардино-Балкарской АССР капитальных вложений и техники для проведения водохозяйственных работ в 1964–1965 годах будет рассматриваться с годовыми планами.

Зам. Председателя
Совета Министр РСФСР (Н. Смирнов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 382. Л. *175. Подлинник.*

[Приложение 2]
Справка Сельскохозяйственного отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР о возможности выделения Кабардино-Балкарской АССР капиталовложений и техники для проведения водохозяйственных работ на 1963-1965 гг.
26 января 1963 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров АССР просят предусмотреть выделение на 1963–1965 гг. капиталовложении на строительство новых и реконструкцию существующих оросительных систем на площади 31,6 тыс. гектаров, а также выделить необходимую мелиоративную технику и механизмы.

Указанная просьба рассмотрена Советом Министров РСФСР, Госпланом РСФСР и Госводхозом РСФСР.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 апреля 1962 г. № 425 в Кабардино-Балкарской автономной республике предусмотрено в 1963–1965 годах выполнение работ по планировке орошаемых земель на площади 19 тыс. .гектаров и реконструкции оросительных систем на площади 5 тыс. гектаров.

Для проведения этих работ в 1963 году республике выделяется 290 тыс. рублей, 7 экскаваторов, 12 скреперов, 12 бульдозеров, 6 канавокопателей, 5 тракторов, 4 планировщика и другие механизмы, а также 45 дождевальных машин.

Учитывая необходимость концентрации средств на начатых объектах и ограниченные материальные возможности, выделить республике средств на строительство новых оросительных систем в настоящее время не представляется возможным.

Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР считает возможным ограничиться принятыми Советом Министров РСФСР мерами по данному вопросу.

Кабардино-Балкарскому обкому КПСС и Совету Министров АССР об этом сообщено.

Зав. Сельхозотделом ЦК КПСС
по РСФСР (И. Панькин)

Помета: «Согласен. Л. Ефремов. 29/I.1963».
Помета: «Архив. В. Горбунов. 30/I.63 г.».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 382. Л. 176. Подлинник. № 62

№ 29
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совету Министров РСФСР с предложением организовать молочный совхоз вблизи г. Нальчика

31 декабря 1962 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР
Совету Министров РСФСР

За последние гг. в городе Нальчике развернулось большое курортное строительство. В настоящее время на курорте Нальчик в течение г. отдыхают и лечатся около 100 тысяч человек. Число отдыхающих и лечащихся в последующие два г. возрастет не менее, чем в два раза. Население самого города в настоящее время составляет 110 тысяч человек. Годовая потребность в молоке из расчета по 0,5 литра на 1 человека в день только для населения города составляет 20 тысяч тонн, а с учетом отдыхающих – до 30 тысяч тонн. В пригороде и на территории республики нет ни одного молочного совхоза.

В 1962 году в городе сдан в эксплуатацию новый молочный завод производительностью 120 тонн молока в сутки. Завод испытывает большие трудности по доставке молока из отдаленных районов и загружен только на 50 % мощности, а курорт и население города испытывают острый недостаток в цельномолочной продукции.

В трех пригородных колхозах общая земельная площадь составляет 12249 гектаров, в том числе пашни – 5078 гектаров. Часть земель орошаемая. В этих колхозах имеется 1150 голов коров, всего крупного рогатого скота 3600 голов. Число трудоспособного населения 2161 человек.

Учитывая неотложную необходимость снабжения курорта и населения города Нальчика цельномолочной продукцией, обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят организовать молочный совхоз на безе пригородных колхозов «Кенже», имени Кирова и имени Байсултанова с общей земельной площадью 12249 гектаров, в том числе пашни – 5078 гектаров, с выходным поголовьем коров в 1963 году 1500 голов и валовым производством молока в количестве 3 тысяч тонн, с последующим увеличением поголовья коров до 2 тысяч и валовым производством молока до 4 тысяч тонн.

Указанная земельная площадь обеспечивает создание в данном совхозе прочной собственной кормовой базы.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС
(Т. Мальбахов)

Председатель Совета
Министров Кабардино-Балкарской
АССР
(А. Ахохов)

Резолюция[1]: «Т. Панькину И.С. Как условились, вместе с Министерством прошу вас рассмотрите просьбы Каб[ардинско]-Балкарс[кого] ОК КПСС об укрупнении Малокабард[инского] племсовхоза и о создании молочного совхоза в районе Нальчика и доложите мне расчеты В[аши] предложения. 4.I.63 г. Л. Ефремов».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 431. Л. 1–3. Подлинник.

№ 30
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совету Министров РСФСР об укрупнении Мало-Кабардинского племенного овцеводческого совхоза[2]

31 декабря 1962 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР
Совету Министров РСФСР

Мало-Кабардинский племенной овцеводческий совхоз имеет общую земельную площадь 6558 гектаров, в том числе 3370 гектаров пашни, занимается разведением племенных тонкорунных овец кавказской породы, поголовье которых составляет 14000 голов.

На каждые 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в совхозе имеется 225 голов овец и произведено в 1962 году по 1030 килограммов шерсти. Из-за малоземельности племовцесовхоз ежегодно испытывает острый недостаток в кормах, что сдерживает рост поголовья и отражается на качестве выращиваемых племенных овец.

Мало-Кабардинский племовцесовхоз является единственным племенным овцеводческим совхозом в республике, который должен удовлетворять потребности колхозов и совхозов в племенном поголовье овец кавказской породы. Ввиду малой численности поголовья он не справляется с этой задачей.

Колхозы «Серп и Молот» и «Большевик» расположены по соседству с Мало-Кабардинским племенным овцеводческим совхозом, имеют общую земельную площадь 13746 гектаров, в том числе 8347 гектаров пашни, трудоспособного населения 1142 человека. Эти колхозы, находящиеся в засушливой зоне, не могут эффективно использовать земли для выращивания зерновых, особенно пропашных культур, тогда кок здесь имеются благоприятные условия для организации высокоразвитого тонкорунного овцеводческого хозяйства и выращивания винограда. Колхозы эти экономически слабые.

Учитывая вышеизложенное, обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят укрупнить Мало-Кабардинский племовцесовхоз за счет присоединения к нему колхозов «Серп и Молот» и «Большевик» Терского производственного колхозно-совхозного управления с общей земельной площадью 20304 гектара, в том числе 11717 гектаров пашни. При этом поголовье овец в 1963 году будет доведено до 30 тысяч голов, производство тонкой шерсти – до 105 тонн и в 1965 году – поголовье тонкорунных овец – до 50–60 тысяч голов и производство тонкой шерсти – до 200–240 тонн. Кроме того, учитывая исключительно хорошие условия для развития виноградарства в этой зоне, в ближайшие 2–3 г. будет посажено 300–400 гектаров виноградников.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (А. Ахохов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 431. Л. 4–5. Подлинник.

[1] На отдельном л. 1 расположена резолюция, общая для этого документа № (см. следующий док. от 31.12.62 г.).
[2] Резолюцию к документу см. в док. № (предыдущем от 31.12.62 г.).

[Приложение 1]
Справка Сельскохозяйственного отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР об укрупнении Мало-Кабардинского племенного овцеводческого совхоза
22 марта 1963 г.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР

Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят укрупнить Мало-Кабардинский племовцесовхоз за счет присоединения к нему колхозов «Серп и Молот», «Большевик» и организовать новый совхоз на базе пригородных колхозов «Кенже», им. Кирова, им. Байсултанова.

Вопрос рассмотрен в Совете Министров РСФСР, и просьба Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР об укрупнении Мало-Кабардинского племовцесовхоза и организация нового совхоза на базе колхозов отклонена.

Сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР с решением Совета Министров РСФСР согласен.

Кабардино-Балкарскому обкому КПСС сообщено.

Зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (И. Панькин)

Помета: «Т. Ефремову Л.Н. доложено. И. Кузнецов. 22.III/63».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 431. Л. 6. Подлинник.

№ 31
Записка Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совету Министров РСФСР об оказании помощи колхозам и совхозам, созданным в связи с восстановлением автономии балкарского народа
1 января 1963 г.

Из районов Средней Азии и Казахстана в Кабардино-Балкарскую республику возвращено 10 тыс. балкарских семей. За счет вернувшегося балкарского населения в республике организовано 14 колхозов и 3 совхоза. Вновь созданные балкарские колхозы и совхозы расположены в высокогорной части республики и, по существу, не имеют пахотных земель. Для обеспечения населения продовольственным зерном от колхозов степной зоны временно прирезано горным колхозам незначительное количество земель, расположенных чересполосно на расстоянии 100 и более километров от населенных пунктов. Это создает трудности в работе колхозе и удорожает себестоимость производимого зерна.

Основной отраслью хозяйства является животноводство. В 14 балкарских колхозах на 1 декабря насчитывается 54,5 тыс. овец, 10,5 тысячи крупного рогатого скота, из них 3 тысячи коров. Из-за отсутствия концентрированных и сочных кормов развитие молочного животноводства имеет ограниченные возможности. Наличие обширных естественных кормовых угодий создает благоприятные условия для развития овцеводства и мясного скотоводства.

Однако колхозы не имеют возможностей для необходимых капитальных вложений. Задолженность перед государством по ссудам на капитальные вложения на 29 декабря 1962 г. составляет 2364 тысячи рублей и на хозяйственное устройство населения – 2165 тыс. рублей, которые числятся также за колхозами, многие из переселенцев, получивших в свое время ссуду на хозяйственное устройство, по разным причинам (преклонный возраст, инвалидность, семьи погибших) не могут погасить задолженность.

За 1961 г. денежный доход по 14 колхозам составил 2 млн. рублей, или в среднем по 143 тысячи рублей на колхоз.

Ежегодно колхозы вынуждены возвращать ссуды по 40–50 % годового дохода.

В настоящее время вновь организованные колхозы испытывают серьезные финансовые затруднения.

Учитывая, что колхозы, организованные из населения балкарской национальности, получают незначительные денежные доходы и находятся в тяжелом финансовом положении, в целях укрепления экономики вновь организованных хозяйств, обком КПСС и Совет Министров просят возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о списании с балкарских колхозов полученных ими ссуд на капитальные вложения в сумме 2364 тыс.[1] рублей и 533 тыс. рублей, или 25 процентов ссуд, полученных на хозяйственное устройство балкарцев-переселенцев, безнадежных к погашению.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Председатель Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (А. Ахохов)

Резолюция: «Т. Панькину И.С. Рассмотрите эту просьбу, имея ввиду поддержать ее, оказать возможную помощь этим колхозам. 4.I.63 г. Л. Ефремов».

Помета: «Списать с колх [озов] 1,2 млн. р., списать за долги колхоз[ов] 226 т. р. Поручить Госбанку списать и отсро[чить] колх [озов] зад[олжность] 500 т. р.».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 431. Л. 7–8. Подлинник.

[Приложение 1]
Справка Сельскохозяйственного отдела Бюро ЦК КПСС по РСФСР о списании с колхозов, совхозов и других предприятий и организаций Кабардино-Балкарской АССР задолженности по долгосрочным ссудам Госбанка СССР

25 мая 1963 г.

Бюро ЦК КПСС по РСССР

Кабардино-Балкарский обком КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР просят решить вопрос о списании с балкарских колхозов полученных ими ссуд Госбанка СССР на капитальные вложения в сумме 2364 тыс. рублей и ссуд, полученных на хозяйственное устройство балкарцев – переселенцев в сумме 533 тыс. рублей.

По распоряжению Совета Министров СССР от 9 марта 1963 г. № 474р отдельным колхозам Кабардино-Балкарской АССР, ввиду исключения, отсрочены платежи 1963–1964 годов по долгосрочным ссудам Госбанка СССР в сумме до 1,2 млн.рублей, с погашением отсроченных платежей в течение пяти лет, начиная с 1965 г..

Совет Министров РСФСР своим распоряжением от 20 мая 1963 го за № 1977р разрешил Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР списать с колхозов, совхозов и других предприятий и организаций Кабардино-Балкарской АССР задолженность по долгосрочным ссудам Госбанк ОХР, выданным на покупку домов, ранее принадлежавших населению, возвратившемуся на прежнее местожительство, в сумме до 242,3 тыс. рублей.

О результатах рассмотрения Кабардино-Балкарскому обкому КПСС известно.

Зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС по РСФСР (И. Панькин)

[1] Слова «о списании с балкарских колхозов полученных ими ссуд на капитальные сложения в сумме 2364 тыс. рублей» подчеркнуты простым карандашом.

Помета: «В архив. И. Кузнецов. 25.V.63».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 431. Л. 9. Подлинник.

№ 32
Постановление Совета Министров РСФСР «О передаче дополнительно предприятий в ведение министерств РСФСР и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР»
№ 190 25 февраля 1966 г.

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 10 февраля 1966 г. № 104 Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Передать в ведение министерств РСФСР и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР предприятия согласно приложению.

2. Оставить в ведении Министерства строительства РСФСР Астраханский завод стандартного домостроения и Глотовский деревообрабатывающий завод и Министерства лесного хозяйства РСФСР – Тальменский лесозавод и Гурьевский леспромхоз, подлежавшие передаче в ведение Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 30 ноября 1965 г. № 1025.

3. Исключить из предусмотренного постановлением Совета Министров РСФСР от 8 декабря 1965 г. № 1388 перечня предприятий и организаций, передаваемых в ведение Советов Министров автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов и Мосгорисполкома, Верхнекамскую фабрику «Спорт» (г. Березники, Пермская область).

4. Обязать Госплан РСФСР совместно с соответствующими министерствами и, ведомствами СССР и заинтересованными организациями РСФСР в 15-дневный срок рассмотреть имеющуюся у совнархозов техническую документацию на ранее намеченное строительство предприятий и решить вопрос о ее дальнейшем использовании.

Председатель
Совета Министров РСФСР Г. Воронов

Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР М. Тупицын

Постановления Совета Министров РСФСР за февраль 1966 г.. Для служебного пользования. [М. 1966]. С. 233.

Приложение 1
Перечень предприятий, передаваемых дополнительно министерствам РСФСР и Совету Министров Кабардино-Балкарской АССР

Наименование предприятий	Кто передает	Кому передается
Московский завод «Спецтара» треста «Промышленная тара»	Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР	Министерству пищевой промышленности РСФСР
Цехи Московского треста «Промышленная тара» при предприятиях-потребителях (за	ликвидационная комиссия Московского городского совнархоза	"

исключением цеха № 3 тарного завода № 3)		
Садкинский асфальтитовый рудник	Министерство промышленности строительных материалов СССР	Министерству промышлен-ности строительных материалов РСФСР
Баксанская, Прохладненская и Советская мебельные фабрики и Нальчикский деревообрабатывающий завод кабардино-балкарского мебельного производственного объединения «Эльбрус»	Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР	Министерству местной промышленности Кабардино-Балкарской АССР

Примечание: Передача предприятий производится по состоянию на 1 января 1966 года.

Управляющий Делами
Совета Министров РСФСР М. Тупицын

Постановления Совета Министров РСФСР за февраль 1966 г.. Для служебного пользования. [М. 1966]. С. 234.

[Приложение 1]
Справка Государственного Комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению по просьбе Кабардино-Балкарского обкома КПСС

20 сентября 1966 г.

ЦК КПСС

Рассмотрев просьбу секретаря обкома КПСС тов. Мальбахова и председателя Совета Министров тов. Ахохова о выделении республике строительных материалов и оборудования на 1966–1967 гг. для дополнительного строительства школ, детских учреждений, больниц и учреждений культуры за счёт средств колхозов, Государственный комитет Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению сообщает.

На установленный Кабардино-Балкарской АССР объем строительства за счёт средств колхозов материальные ресурсы выделены Госпланом РСФСР в 1966 году по соответствующим нормам. Однако, при выполнении плана строительства в колхозах имеется значительное отставание. Годовой план за январь–июнь с.г. по строительству в колхозах республики выполнен по капитальным вложениям только на 32,33 %, а по жилищному строительству и строительству объектов культурно-бытовой назначения – на 23,3 %. За указанный период годовой план ввода в действие общеобразовательных школ выполнен лишь на 5,8 %, детских дошкольных учреждений на 8,3 и учреждений культуры – на 2,5 %.

В связи с этим, а также по состоянию ресурсов Госкомитет не имеет возможности выделить строительные материалы на намечаемый республикой дополнительный объем строительства в колхозах в 1966 году. Вопрос об объемах культурно-бытового строительства в колхозах республики на 1967 г. и его материально-техническом обеспечении должен быть решен республикой в установленном порядке при разработке проекта плана.

Об изложенном сообщено тт. Мальбахову и Ахохову.

Заместитель
Председателя Комитета (Н. Мартынов)

Справка: «ЦК КПСС. С заключением Государственного Комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению Отдел строительства ЦК КПСС согласен. О результатах Кабардино-Балкарскому обкому КПСС сообщено. Зам. заведующего Отделом строительства ЦК КПСС Я. Жемеров. 24 сентября 1966 г.».

Помета: «Архив. 10.X.66».

Виза: «Д. Полянский».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Д. 118. Л. 36–37. Подлинник.

№ 33

Информация Кабардино-Балкарского обкома партии и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о выполнении планов и социалистических обязательств по производству и заготовке продуктов животноводства в 1976 году

10 июня 1976 г.

По утвержденному плану колхозы и государственные хозяйства республики в 1976 году должны произвести мяса в живом весе 34,0 тысячи тонн, молока – 118,7 тысячи тонн, яиц – 86,2 миллиона штук, шерсти – 774,2 тонны. Принятыми социалистическими обязательствами предусматривается увеличить производство по сравнению с планом мяса на 2,0 тысячи тонн, молока – на 5,3 тысячи тонн. Продажа государству по всем категориям хозяйств будет доведена скота и птицы в живом весе до 35,5 тысячи тонн, молота – до 99 тысяч тонн, закупки яиц превысят плановые наметки на 2 миллиона штук и шерсти – на 2,0 тонны.

Для обеспечения выполнения указанных обязательств в текущем году, намечается довести средний надой молока на одну корову до 2400 килограммов, настриг шерсти на одну овцу – до 2,5 килограммов, собрать на курицу-несушку по 185 яиц, За г. будет получено приплода: 56 тысяч телят, 119 тысяч ягнят, 101 тысяча поросят. Кроме того, за 7 месяцев дополнительно будет закуплено у населения 23 тысячи молодняка крупного рогатого скота, выращено на мясо 4,4 миллиона птицы.

В хозяйствах республики сформированы гурты крупного рогатого скота для нагула на летних горных пастбищах, ведется откорм свиней, выращивание птицы. Для выполнения социалистических обязательств по закупкам мяса в течение оставшихся 7 месяцев будет снято с нагула и откорма более 40 тысяч голов крупного рогатого скота. 52 тысячи свиней, 20 тысяч овец, выращено и продано государству 4,8 тысячи тонн птицы.

В течение летне–осеннего периода в колхозах и совхозах в основном будет восстановлено сокращенное в зимовку 1975–1976 г. поголовье свиней и птицы. К концу текущего г. в общественном секторе намечается тлеть крупного рогатого скота 219,8 тысячи голов, в том числе коров 62 тысячи, свиней – 77,3 тысячи, овец и коз – 320 тысяч, что обеспечивает выполнение утвержденных на 1976 г. планов выходного поголовья, за исключением овец.

Особое внимание в республике уделяется созданию прочной кормовой базы. Намеченные планы сева кормовых культур, за исключение кормовой свеклы, перевыполнены. Ведутся работы по улучшению лугов и пастбищ. Коренному улучшению подвергнутся 9 тысяч естественных угоди, минеральные удобрения будут внесены на 20 тысячах гектаров пастбищ. Площадь повторных и пожнивных посевов составит 30 тысяч гектаров, против 24 тысяч в 1975 году. Грубых кормов намечается заготовить 636 тысяч тонн, или 101 процент к потребности со страховым фондом, сочных – 975 тысяч тонн, или 102,6 процента к потребности.

На заготовке кормов будет работать 152 кормодобывающие бригады и звена, оснащенных необходимой техникой. Для приготовления травяной муки и монокорма подготовлено свыше ста сушильных агрегатов типа АВМ, более 60 грануляторов.

До начала стойлового содержания скота в колхозах и совхозах будет подготовлено 130 кормоцехов, установлено 40 экструдеров.

Мероприятия по заготовке кормов разработаны в каждом колхозе совхозе и районе. Их осуществление позволит заготовить на предстоящий стойловый период не менее 20 центнеров

кормовых единиц на каждую условную голову, что даст возможность обеспечить выполнение принятых социалистических обязательств по производству и заготовкам продуктов животноводства.

Секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС (Т. Мальбахов)	Зам. Председателя Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР (Н. Евтушенко)

Помета: «ЦК КПСС. В Сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС ознакомились с мероприятиями Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета министров Кабардино-Балкарской АССР. Зам. зав. Сельхозотдела ЦК КПСС И. Капустян. 24.VI.76 г.».

Помета: «В архив. Краснова. 25.VI.76 г.».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1090. Л. 34–35. Подлинник.

№ 34
Информация Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС о представлении к награждению орденом государственного племенного совхоза «Прималкинский»

29 сентября 1976 г.

Бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС своим решением от 25 августа 1976 г. в связи с пятидесятилетием организации просит Центральный Комитет КПСС представить к награждению орде ном госплемсвинозавод «Прималкинский».

С 1926 г. – момента образования, это хозяйство служит для республики рассадником племенного свиноводства и внесло свой достойный вклад в развитие отечественного животноводства.

За гг. пятилеток племзавод превратился в высокоразвитое социалистическое предприятие, ежегодная реализация племсвинопоголовья доведена до 6 тысяч голов, производство мяса на 100 гектаров сельхозугодий – до 360, молока – до 350 центнеров. Плотность поголовья на 100 гектаров угодий в переводе на условные головы в настоящее время составляет 70–72 головы (по району – 35), в том числе свиней – 240–250 голов.

Только за период с 1950 г. сельскому хозяйству страны поставлено 150 тысяч голов племенных свиней и 600 голов племенных телок. Племпродукция завода пользуется широким спросом не только у нас в стране, но и за рубежом. В частности, определенное количество свинопоголовья поставлено в страны народной демократии такие как Венгрия и Болгария.

В госплемсвинозаводе «Прималкинский» остоянно проводится работа по совершенствованию структуры и управления производством, осуществляется научно-технический прогресс, достигнута высокая рентабельность отраслей сельского хозяйства. За последние две пятилетки (восьмая и девятая) заводом получено 7993 тысячи рублей прибыли, что в среднем на г. приходится 799 тысяч.

Интенсивное ведение хозяйства, применение прогрессивных технологий производства, концентрация животноводства, позволили заводу в трудных погодных условиях прошедшей пятилетки заметно укрепить кормовую базу и добиться роста производства и заготовок продуктов земледелия и животноводства, успешно выполнить задания пятилетки по племпродаже, продаже мяса, молока и яиц, увеличить производство этих продуктов в сравнении с восьмой пятилеткой.

Госплемсвинозавод «Прималкинский» стал базовым хозяйством для проведения Всероссийских семинаров по племенной работе, районной школой передового опыта.

За последние гг. на заводе выросла целая плеяда передовиков производства, мастеров животноводства высокого класса, которые своим самоотверженным трудом приумножают

славу коллектива, вносят посильный вклад в общий подъем сельского хозяйства страны, улучшение отечественного животноводства. Здесь хорошо налажена партийно-политическая и воспитательная работа, подбор и расстановка кадров на производстве. Из 21 инженерно-технических работников завода, 12 имеют высшее, 5 – средне-специальное образование.

За высокие производственные показатели госплемсвинозаводу «Прималкинский» в 1964 году присвоено высокое звание «Коллектив коммунистического труда», неоднократно завоевывает первые места во Всероссийском и Всесоюзном социалистическом соревновании, присуждено несколько памятных Красных Знамен.

Как активный участник ВДНХ племзавод неоднократно награждался комитетом выставки дипломами I и II ступени, а также «Дипломом Почета», 12 работников награждены золотыми, 35 – серебряными медалями. За успехи в развитии хозяйства многие труженики награждены орденами и медалями СССР.

Основные показатели хозяйственной деятельности госплемсвинозавода «Прималкинский» прилагаются[1].

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1090. Л. 129–130. Подлинник.

[Приложение 1]
Справка Министерства сельского хозяйства РСФСР
о поддержке ходатайства Кабардино-Балкарского обкома партии
18 октября 1976 г.

Министерство сельского хозяйства РСФСР поддерживает ходатайство Кабардино-Балкарского обкома КПСС о представлении к награждению орденом госплемсвинозавода «Прималкинский» в связи с пятидесятилетием со дня организации.

Госплемсвинозавод «Прималкинский» является крупным племенным свиноводческим хозяйством, которое внесло значительный вклад в развитие отечественного свиноводства. Ежегодная реализация племсвинопоголовья доведена до 6 тысяч голов. Только за период с 1950 г. сельскому хозяйству страны поставлено 150 тыс. голов племенных свиней и 600 голов племенных телок. Племпродукция завода пользуется широким спросом не только у нас в стране, но и за рубежом, в особенности в социалистических странах.

За гг. пятилеток племзавод превратился в высокоразвитое социалистическое предприятие. Производство мяса на 100 гектаров составляет 360 ц., молока – 350 центнеров. Плотность поголовья на 100 гектаров угодий в переводе на условные головы в настоящее время превышает 70 голов (по району – 35), в том числе свиней – 240–250 голов.

Интенсивное ведение хозяйства и применение прогрессивных технологий производства позволили племзаводу в трудных погодных условиях прошедшей пятилетки заметно укрепить кормовую базу и добиться роста производства и заготовок продуктов земледелия и животноводства в сравнении с восьмой пятилеткой. В племзаводе достигнута высокая рентабельность отраслей сельского хозяйства. За последние две пятилетки получено 7993 тысячи рублей прибыли, по 800 тысяч рублей в среднем за год.

Госплемзавод «Прималкинский» стал базовым хозяйством для проведения Всероссийских семинаров по племработе, для районной школы передового опыта.

За высокие производственные показатели госплемзаводу «Прималкинский» в 1964 году присвоено высокое звание «Коллектив коммунистического труда», он неоднократно завоевы-

[1] Приложение к документу отсутствует.

вает первые места во Всероссийском и Всесоюзном социалистическом соревнованиях в течение нескольких лет награждается комитетом ВДНХ дипломами I и II степени, а также «Дипломом Почета».

За успехи в развитии хозяйства многие труженики награждены орденами и медалями СССР, золотыми и серебряными медалями ВДНХ. Основные показатели хозяйственной деятельности госплемсвинозавода «Прималкинский» прилагаются[1].

Министр Л.Я. Флорентьев

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1090. Л. 139–140. Подлинник.

[Приложение 2]
Справка Сельхозотдела ЦК КПСС о ходатайстве Кабардино-Балкарского обкома партии о награждении государственного племенного совхоза «Прималкинский»

11 ноября 1976 г.

Кабардино-Балкарский обком КПСС предлагает представить к правительственной награде государственный племенной свиноводческий завод «Прималкинский» в связи с пятидесятилетием со дня его организации. Министерство сельского хозяйства РСФСР поддерживает это предложение.

Госплемсвинозавод «Прималкинский» является крупным свиноводческим хозяйством, с хорошими производственными показателями. Однако выдающихся показателей в племенной работе завод не имеет.

Считали бы возможным вопрос о представлении этого хозяйств; к правительственной награде в настоящее время не рассматривать, а решать его в соответствии с постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам 1976 г..

По данному вопросу переговорили с Кабардино-Балкарским обкомом КПСС (т. Мальбаховым), который с этим мнением согласился.

Зам. зав. Сельхозотделом
ЦК КПСС (И. Капустян)

Виза: «Ф. Кулаков».
Помета: «В архив. П. Краснова».

РГАНИ. Ф.5. Оп.69. Д.1090. Л.141. Подлинник.

№ 35
Информация Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС об обеспечении народного хозяйства республики электрической и тепловой энергией и их экономном расходовании

24 декабря 1976 г.

Выполняя указанное постановление, областной комитет партии, Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР, городские и районные комитеты партии, горрайисполкомы усилили внимание работе по обеспечению народного хозяйства, коммунально-бытовых предприятий и учреждений также населения республики топливом, электрической и тепловой энергией в осенне–зимний период 1976–1977 г. и экономному их расходованию. Большую работу

[1] Приложение к документу отсутствует.

в этой части провели созданные комиссии по контролю деятельности предприятий за использованием топливно-энергетических ресурсов. В результате осуществления строгого контроля с их стороны в основном выполнены все запланированные мероприятия, направленные на более экономное расходование электроэнергии, газа, пара, горюче-смазочных материалов. При подведении итогов социалистического соревнования экономия топливно-энергетических ресурсов, как правило, рассматривается наравне с основными показателями производственной деятельности.

В результате принятых мер предприятиями промышленности, строительными организациями, колхозами и совхозами республики за одиннадцать месяцев получена экономия тепловой энергии 23 тысячи гигокалорий, 10,8 миллиона киловатт/часов электроэнергии, 17 тысяч кубометров природного газа, большинство автотранспортных предприятий обеспечили экономно горюче-смазочных материалов.

Вопросы обеспечения народного хозяйства республики топливом, электрической и тепловой энергией, экономного расходования топливно-энергетических ресурсов находятся под неослабным вниманием областного комитета партии.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп.69. Д. 648. Л. 67. Подлинник.

№ 36

Информация Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС «Об итогах обсуждения проекта ЦК КПСС к XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981-1985 гг. и на период до 1990 г.» в Кабардино-Балкарской АССР» 30 января 1981 г.

Обсуждение проекта ЦК КПСС к XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г. в республике проходило в обстановке глубокой заинтересованности, деловитости, высокого политического и трудового подъема трудящихся широко развернувшегося социалистического соревнования за достойную встречу XXVI съезда КПСС.

Задачи, вытекающие из проекта Основных направлений, рассматривались на XXV Кабардино-Балкарской областной партийной конференции, четырех пленумах и семи активах горкомов, райкомов партии. Проведено 1129 партийных, 1516 профсоюзных, 1017 комсомольских собраний, 2480 бесед по месту жительства граждан. Во всех мероприятиях по обсуждению проекта ЦК КПСС приняло участие более 409 тысяч человек, выступило 28454, в том числе 14566 рабочих и колхозников. Внесено 920 замечаний и предложений, в том числе 502 – по разделам проекта. По 192 замечаниям и предложениям приняты меры. В редакции газет, на радио и телевидение поступило более 600 писем, организовано 610 выступлений с оценкой проекта, с предложениями по его тексту.

Коммунисты, все трудящиеся республики единодушно одобрили проект ЦК КПСС к XXVI съезду КПСС, внутреннюю и внешнюю политику партии и правительства, плодотворную деятельность Центрального Комитета, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л.И. Брежневым. Повсеместно отмечалось, что в проекте нашел свое яркое выражение ленинский курс Коммунистической партии на дальнейший подъем экономики культуры страны, на неуклонное повышение благосостояния трудящихся. «Коллектив нашей бригады, как и всего предпри-

ятия, – говорила на собрании т. Додуева Ф.А., намотчица Нальчикского завода «Севкавэлектроприбор», делегат XXVI съезда КПСС, – горячо одобряет проект Основных направлений, целиком и полностью отвечающий чаяниям народа. Будем стремиться каждый предсъездовский день отмечать ударным трудом, новыми производственными успехами».

При обсуждении проекта ЦК КПСС в центре внимания находились вопросы повышения эффективности производства, усиления интенсивных факторов развития экономики, улучшения планирования и совершенствования хозяйственного механизма. Работники предприятий промышленности высказывали конкретные предложения, направленные на эффективное использование основных фондов, рост производительности труда, рациональное расходование сырья, материалов, электроэнергии и топлива, приведение в действие всех внутренних резервов. Указывалось на необходимость дальнейшего укрепления трудовой и производственной дисциплины, внедрения достижений научно-технического прогресса, повышения действенности социалистического соревнования, дисциплины исполнения на всех уровнях. В частности, выступивший на собрании мастер Прохладненского ремонтного завода т. Колодко В.А. критиковал руководство предприятия за частую корректировку плана и предложил записать в проект следующее: «Не допускать корректировки плановых заданий. За срыв государственного плана строго взыскивать с должностных лиц, не обеспечивших его выполнения, или с планирующих организаций – в случае утверждения необоснованного планового задания».

В строительных организациях главное внимание уделялось повышению эффективности капитальных вложений, концентрации сил и средств на пусковых объектах, внедрению передового опыта строительства, особенно метода бригадного подряда, сокращению потерь рабочего времени, простоев машин и механизмов. Обосновывались конкретные предложения по совершенствованию структуры строительных организаций, повышению организованности в работе, ответственности за конечные результаты. Бригадир каменщиков строительного управления № 8 г. Тырныауза т. Джаппуев М.К. указывал, что для обеспечения ритмичности работ на объектах необходимо повысить уровень сбалансирования планов подрядных работ, улучшить материально-техническое снабжение строек и усилить ответственность руководителей организаций за рациональное, хозяйское использование строительных материалов.

Поднимались вопросы снабжения колхозов и совхозов техникой материалами для внутрихозяйственного и дорожного строительства, бое внимание было уделено также вопросам водо- и теплоэнергоснабжения.

Сельские труженики первостепенное внимание уделяли повышению культуры земледелия и животноводства, механизации трудоемких процессов, химизации и мелиорации, специализации и концентрации производства. Высказывались претензии по поводу низкого качества ремонта машин и механизмов, поставок в необходимом количестве прицепных орудий, запасных частей предприятиями Госкомсельхозтехники. Отмечалось также, что они не в полной мере отвечают за увеличение производства сельскохозяйственной продукции и за состояние техники колхозов и совхозов. В частности, т. Панагов А.Ж., председатель колхоза «Красная звезда» Терского района, Герой Социалистического Труда ставит вопрос об объединении Госкомсельхозтехники с органами, управляющими сельскохозяйственным производством, что повысит заинтересованность их работников в улучшении качества работы и скажется на производстве продукции. Всюду на первый план выдвигались вопросы увеличения производства мяса, молока и других продуктов животноводства на фермах, в подсобных и личных хозяйствах.

Ряд предложений направлен на улучшение работы предприятий транспорта, связи, торговли и общественного питания, бытового обслуживания населения, системы народного образования и здравоохранения. В частности, указывалось на необходимость создания и расширения сети государственной торговли в городах районного подчинения.

Анализировалась работа по укреплению партийной и государств дисциплины, усиления борьбы с различными антиобщественными явлениями. Вносились предложения по улучшению воспитания подрастающего поколения, усилению заботы о ветеранах войны и труда.

Обсуждая проект Основных направлений, трудовые коллективы намечали конкретные рубежи на одиннадцатую пятилетку. В республике предусматривается дальнейший рост всех отраслей промышленного производства. Общий объем выпуска валовой продукции возрастет на 28–31 процентов. В капитальном строительстве средства и материальные ресурсы будут максимально сконцентрированы на пусковых стройках, направлены на техническое перевооружение, реконструкцию и расширение действующих предприятий цветной металлургии, станкостроения, приборостроения. Среднегодовое производство зерна за пятилетку предполагается довести до 575 тысяч тонн, возрастут производство и заготовки мяса, молока, яиц и другой продукции животноводства.

Десятки трудовых коллективов предприятий, строек, колхозов и совхозов разработали и приняли встречные планы на 1981 год. К дню открытия XXVI съезда КПСС выполнят двухмесячный план 20 предприятий, 150 цехов, 300 смен и участков, 750 бригад и 15 тысяч индивидуальных соревнующихся.

Проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии изучался в системе партийной, комсомольской и экономической учебы, в учебных заведениях и общеобразовательных школах. В трудовых коллективах и по месту жительства граждан усилена массово-политическая работа. Разъяснению проекта посвящены тематические вечера, циклы лекций, выставки. Газеты, телевидение и радио публикуют выступления трудящихся, ценные почины, встречные планы и социалистические обязательства коллективов на 1981 г.. В агитационно-пропагандистской работе принимали активное участие секретари, члены обкома, горкомов и райкомов КПСС, лекторские и пропагандистские группы, руководители министерств и ведомств.

Замечания и предложения трудящихся обобщаются и анализируются, будут учитываться в пятилетних планах республики, городов и районов.

Приложение: на 2 листах[1].

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д.52. Л.1–5. Подлинник.

№ 37

Записка Кабардино-Балкарского обкома партии в ЦК КПСС с просьбой наградить плодоовощной совхоз «Нальчикский» Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР

14 июля 1981 г.

Секретно

Плодоовощной совхоз «Нальчикский» г. Нальчика Кабардино-Балкарской АССР образован в 1960 году на базе двух колхозов и пригородного плодосовхоза. В настоящее время совхоз является крупным агропромышленным предприятием с мощной механоэнергетической базой, квалифицированными специалистами, высокой культурой земледелия и животноводства, устойчивой экономикой.

В совхозе 3171 гектар сельскохозяйственных угодий, из них пашни – 1407 гектаров. Общая сумма основных фондов составляет 14 миллионов рублей, из которых на фонды сельскохозяйственного назначения приходится 9,5 миллиона рублей. Машинно-тракторный парк хозяйства насчитывает 66 тракторов, 40 грузовых автомобилей, 814 электродвигателей. В общественном производстве трудятся 1060 человек, из них 102 специалиста. Партийная организация совхоза объединяет 154 коммуниста.

[1] Приложение отсутствует.

Претворяя в жизнь решения XXV съезда КПСС, коллектив совхоза успешно выполнил задания десятой пятилетки по всем показателям. Среднегодовой объем производства валовой продукции в сравнении с девятой пятилеткой возрос на 28,2 процента, а ее реализации – на 37,6 процента. Сверх пятилетнего плана государству продано 120 тонн плодов и ягод, 1500 тонн картофеля, 3000 тонн овощей, 220 тонн мяса. Чистой прибыли получено свыше 6,5 млн. рублей. Производительность труда за десятую пятилетку выросла на 42 процента. Среднегодовая урожайность с одного гектара составила: плодов и ягод 87,2 центнера, овощей – 198, картофеля – 157, зерновых – 35,6 центнера, что значительно превышает среднереспубликанский уровень.

В совхозе действует молочный комплекс на 800 коров, за 1980 г. средний надой молока на одну корову составил 3001 киле грамм.

За достижение высоких показателей в сельскохозяйственном производстве, успешное выполнение государственного плана экономического и социального развития в 1978 году совхоз награжден переходящим Красным Знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, в 1979 году – переходящим Красным Знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, в 1980 году – переходящими Красными знаменами Нальчикского горкома и Ленинского райкома КПСС. Многие труженики совхоза отмечены высокими правительственными наградам большая группа передовиков социалистического соревнования удостоена медалей ВДНХ СССР.

В совхозе трудятся более 60 ветеранов Великой Отечественной войны, большинство из них являются ударниками коммунистического труда, наставниками молодежи.

Большая работа ведется по улучшению условий труда, быта трудового коллектива. Жилой фонд хозяйства составляет более 12 тыс. квадратных метров, в совхозе построены Дом культуры на 500 мест, детский сад на 150 мест, во всех отделениях функционируют Красные уголки и столовые. В настоящее время строятся детский комбинат на 280 мест, семейное общежитие на 50 мест. Ежегодно более 50 рабочих и служащих совхоза поправляют свое здоровье в домах отдыха и санаториях.

Совхоз «Нальчикский» является одним из лучших хозяйств города Нальчика и республики. Коллектив его успешно выполнил план первого полугодия 1981 г. по всем показателям и борется за выполнение девятимесячного задания продажи государству сельскохозяйственной продукции к 1 сентября.

Кабардино-Балкарский обком КПСС просит наградить плодоовощной совхоз «Нальчикский» Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за успехи в развитии сельского хозяйства, выполнение задания десятой пятилетки и в связи с 60-летием со дня образования Кабардино-Балкарской АССР.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 42. Л. 166–168. Подлинник.

[Приложение 1]
Постановление Бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС
«О представлении совхоза «Нальчикский» к награждению Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР»

Б 19/46 **9 июля 1981 г.**
Совершенно секретно

Просить ЦК КПСС наградить совхоз «Нальчикский» Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР за успехи в развитие сельского хозяйства, выполнение заданий десятой пятилетки и в связи с 60-летием со дня образования Кабардино-Балкарской АССР.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (Т. Мальбахов)

Помета: «Послано в ЦК».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 42. Л. 169. Подлинник.

[Приложение 2]
Справка Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС о просьбе Кабардино-Балкарского обкома КПСС наградить передовые предприятия сельского хозяйства Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР

21 августа 1981 г.
Секретно

В ЦК КПСС поступили просьбы Кабардино-Балкарского обкома партии о награждении Почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР за достигнутые успехи в выполнении планов и социалистических обязательств шести коллективов предприятий[1].

Представленные материалы были использованы при подготовке постановления ЦК КПСС «О 60-летии Кабардино-Балкарской АССР» (Ст. 24/3с от 18 августа 1981 г.).

Зам. зав. Отделом
организационно-партийной работы
ЦК КПСС (Е. Разумов)

Помета: «В архив. П. Краснова. 24.VIII.81 г.».

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 42. Л. 185. Подлинник.

№ 38
Информация Кабардино-Балкарского обкома партии» в ЦК КПСС «О выполнении постановления ЦК КПСС от 9 августа 1984 г. «Информация Совета Министров РСФСР о складывающейся обстановке в сельском хозяйстве некоторых областей республики»

27 сентября 1984 г.
Совершенно секретно

В соответствии с указанным постановлением вопрос о складывающейся обстановке в колхозах и совхозах республики рассматривался на бюро областного комитета КПСС 14 августа 1984 г.

Для обсуждения задач, вытекающих из указанного постановления, было проведено 15 августа совещание первых секретарей райкомов, горкомов КПСС, руководящих работников республиканского агропромышленного объединения, где было указано со всей ответственностью рассмотреть возможности каждого колхоза и совхоза в выполнении и перевыполнении их государственных планов и социалистических обязательств по закупке зерна, овощей, плодов, картофеля, а также максимальному использованию возможностей по накоплению грубых и сочных кормов.

[1] Материалы на колхоз «Сукан-Су», Кабардино-Балкарский завод алмазного инструмента имени Ленинского комсомола, Нальчикский трикотажный комбинат «Дружба», трест «Каббалксельстрой», Терский сельскохозяйственный техникум на с. 170–184 не публикуются.

Хозяйства республики своевременно завершили уборку озимых колосовых культур и продали государству 94 тыс. тонн зерна. По состоянию на 24 сентября продано овощей 30643 тонн, картофеля – 10626 тонн, плодов – 20066 тонн, подсолнечника – 17861 тонн, кукурузы – 35700 тонн, Колхозы и совхозы республики продолжают вести массовую уборку овощей, плодов, картофеля, подсолнечника и кукурузы на зерно.

Ожидается выполнение и перевыполнение заданий и социалистических обязательств по продаже государству зерна, овощей, подсолнечника и других сельскохозяйственных продуктов земледелия.

В республике уделяется особое внимание вопросам накопление грубых и сочных кормов, планируется их заготовка в достаточном количестве, чтобы обеспечить выполнение планов и социалистических обязательств по продаже государству продуктов животноводства.

Организованно и качественно ведется подготовка почвы под озимые культуры, к севу которых приступили, в основном, все хозяйства.

Секретарь
Кабардино-Балкарского
обкома КПСС (М. Мамхегов)

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 414. Л. 26 – 27. Подлинник

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, г. Москва.

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории, г. Москва.

«По решению Правительства Союза ССР…». – Нальчик: Издательство Центр «Эль-фа», 2003. – 895 с.

REFERENCES

GARF – State Archive of the Russian Federation, Moscow.

RGANI – Russian State Archive of Recent History, Moscow.

«Po resheniyu Pravitel'stva Soyuza SSR…» [*«By decision of the Government of the USSR…»]*. Nalchik: Publishing Center "El-fa", 2003. 895 p. (In Russ.)

Информация об авторе и составителе

Н.Ф. Бугай – доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ (2000-й год).

Information about the authors

N.F. Bugay – Doctor of Historical Sciences, Professor, Active State Councillor RF (2000).

Статья поступила в редакцию 21.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 21.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 94(470.66)
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-341-370
EDN: MRQPOG

ОЦЕНКИ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТЬЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ОСЕНЬ 1991 – ВЕСНА 1992 ГОДОВ)

Денис Васильевич Тумаков[1]
[1] МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия, denistumakov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8569-7246

Аннотация. В статье проанализированы оценки правящего режима Чеченской Республики, представленные в центральной печати Российской Федерации в период с осени 1991 по весну 1992 гг. Изучены наиболее типичные публикации, выходившие в ведомственной, демократической, центристской и оппозиционной периодике тех лет. Тщательному анализу были подвергнуты наиболее характерные интервью генерала Д.М. Дудаева в печати. Также исследована точка зрения столичных масс-медиа по таким важным вопросам, как признание дудаевского режима со стороны Центра, экономическое положение Чеченской Республики, а также попытка создания ею собственных вооружённых сил и захват оружия силовых структур бывшего СССР в Грозном. Сделан вывод о том, что позиция центральных средств массовой информации в 1991-1992 гг. по чеченскому вопросу была неоднозначной. С одной стороны, пресса, подчас пыталась представить генерала Д.М. Дудаева в роли безусловного лидера чеченского народа, борца с партийной бюрократией и потенциального союзника российских властей на Северном Кавказе. С другой стороны, ведущие столичные газеты и журналы отмечали глубокий экономический кризис и заметное ухудшение криминогенной обстановки в Чечне, а также антироссийскую риторику самого Д.М. Дудаева. Тем не менее в этот период масс-медиа выступали с миролюбивых позиций и рассчитывали на успешное политическое урегулирование кризиса вокруг Чечни.

Ключевые слова: постсоветский период; Д.М. Дудаев; Северный Кавказ; Чечня; Россия; журналисты; средства массовой информации

Для цитирования: Тумаков Д.В. Оценки правящего режима Чеченской Республики центральной периодической печатью Российской Федерации (осень 1991 – весна 1992 годов) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 341-370. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-341-370. EDN: MRQPOG.

© Тумаков Д.В., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

ASSESSMENTS OF THE RULING REGIME OF THE CHECHEN REPUBLIC BY THE CENTRAL PERIODICAL PRESS OF THE RUSSIAN FEDERATION (AUTUMN 1991 – SPRING 1992)

Denis V. Tumakov[1]

[1] MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, denistumakov@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-8569-7246

Abstract. The article analyzes the assessments of the ruling regime of the Chechen Republic presented in the central periodical press of the Russian Federation between autumn 1991 and spring 1992. The most typical publications that appeared in departmental, democratic, centrist, and opposition periodicals of those years were examined. The most characteristic interviews of General D.M. Dudayev in the press were subjected to a thorough analysis. The perspective of the capital's mass media on such important issues as the recognition of the Dudayev regime by the Center, the economic situation in the Chechen Republic, as well as its attempt to create its own armed forces and seize weapons from the security structures of the former USSR in Grozny, was also examined. It was concluded that the position of the central mass media on the Chechen issue in 1991–1992 was ambiguous. On the one hand, the press sometimes tried to portray General D. M. Dudayev as the unconditional leader of the Chechen people, a fighter against party bureaucracy, and a potential ally of the Russian authorities in the North Caucasus. On the other hand, leading reputable newspapers and magazines noted the deep economic crisis and the noticeable deterioration of the crime situation in Chechnya, as well as the anti-Russian rhetoric of D. M. Dudayev himself. Nevertheless, during this period, the mass media adopted a peace-loving stance and counted on a successful political settlement of the crisis surrounding Chechnya.

Keywords: post-Soviet period; D. M. Dudayev; the North Caucasus; Chechnya; Russia; journalists; mass media.

For citation: Tumakov D.V. Assessments of the Ruling Regime of the Chechen Republic by the Central Periodical Press of the Russian Federation (Autumn 1991 – Spring 1992). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 341-370. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-341-370. EDN: MRQPOG.

© Tumakov D.V., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Одним из наиболее серьёзных проявлений кризиса, охватившего новую Россию в первое десятилетие после распада СССР, стало обострение взаимоотношений Центра и ряда регионов, включая проблему сепаратизма в некоторых из них. Наиболее известным примером такого рода стал конфликт в Чеченской Республике (ЧР), следствием которого стали две военные кампании по реинтеграции данного региона в политико-правовое поле России. Осенью 1991 г. к власти в Чечено-Ингушской Республике (ЧИР) силовым способом, но при помощи лиц из ближайшего окружения президента РСФСР Б.Н. Ельцина, пришёл Исполком Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) во главе с отставным генерал-майором авиации Д.М. Дудаевым. Чтобы узаконить свой фактический захват власти в Грозном, эти силы провели 27 октября 1991 г. президентские и парламентские выборы, одержав на них уверенную победу. Результаты голосования не были признаны российским Центром, но уже 1 ноября Д.М. Дудаев провозгласил государственный суверенитет «Чеченской Республики Нохчи-чо». Впоследствии он предпринял ряд практических шагов в данном направлении [Тумаков 2024: 139-159], благодаря чему вплоть до своей гибели оставался одним из

наиболее известных политиков («неоднозначной личностью» с «не всегда взвешенными» поступками и высказываниями, по мнению одного из столичных журналистов [Арутюнович 1992]) постсоветского пространства в 1990-е гг.

Кризис в Чечне в 1990-2000-е гг. и его роль в жизни российского общества тех лет за последние десятилетия многократно становились предметом исследования отечественных, включая чеченских, или зарубежных исследователей. Тем не менее в данных работах предметом рассмотрения становились общий ход боевых действий на Северном Кавказе в 1994-1996 и в 1999-2009 гг. [Асташкин 2005; Ляховский 2006; Тризман 2012; Тумаков 2016; Тумаков 2017; Ливен 2019], их влияние на чеченское и в целом российское общество [Тишков 2001; Малашенко, Тренин 2002], оценки со стороны ведущих политических сил страны [Тумаков 2021a; Тумаков 2021b; Тумаков 2025; Кищенков, Тумаков 2024] или восстановление мирной жизни в республике [Бугай 2006]. В некоторых работах были изучены различные аспекты освещения событий на Северном Кавказе в масс-медиа [Невзорова, Мочалов 2018; Осмаев 2026]. В то же время важнейшая проблема восприятия дудаевского режима в ЧР центральной периодической печатью России в начальный период его существования находится на периферии внимания научного сообщества. Именно о ней и пойдёт речь в данной публикации, источниковой базой для которой стали материалы ведомственной («Гудок», «Красная звезда», «Российская газета», «Сельская жизнь»), демократической («Известия», «Литературная газета», «Мегаполис-Экспресс», «Московские новости», «Новое время», «Огонёк», «Столица»), центристской («Независимая газета», «Труд») и оппозиционной («Литературная Россия», «Правда», «Русский вестник») прессы начала 1990-х гг.

Обсуждение

Через частые интервью ведущим центральным СМИ генерал Д.М. Дудаев попытался выстроить в глазах российской общественности образ миролюбивого, но готового к решительным действиям в минуту опасности политика. В частности, в репортаже посетившего его поздней осенью 1991 г. в здании Совета министров в Грозном корреспондента популярного журнала «Огонёк» Г. Жуковца чеченский лидер был назван «самым доступным для журналистов президентом из всех ныне существующих на просторах бывшего Союза» [Жуковец 1991: 3]. На входе в дудаевскую резиденцию располагались вооружённые люди в полувоенной или гражданской одежде, однако они пускали журналистов внутрь сравнительно легко, лишь после беглого осмотра редакционных удостоверений. Сам Д.М. Дудаев перемещался по дворцу в защитной форме и в окружении примерно 10 вооружённых охранников, а обстановку в его приёмной журналист «Огонька» сравнивал с кадрами известных советских кинолент о В.И. Ленине в период Октябрьской революции или Гражданской войны в России [Жуковец 1991: 3]. Добавим к этому, что весной 1992 г. похожее описание правительственных учреждений в Грозном оставил и специальный корреспондент официальной «Российской газеты» по Северному Кавказу А.М. Алёшкин [Алёшкин 1992]. Г. Жуковец отмечал, что в первую очередь к генералу допускались наиболее авторитетные в чеченском обществе старейшины и священнослужители, но одновременно был свидетелем военного

совета с участием нескольких бывших офицеров Советской Армии, Военно-Морского Флота и Пограничных войск КГБ СССР чеченского происхождения [Жуковец 1991: 3]. Как впоследствии писал столичный журналист, в тот момент ему «стало тесно от тел, увешанных оружием» [Жуковец 1991: 3].

В упомянутом интервью «Огоньку» генерал Д.М. Дудаев старался представить себя союзником властей новой России в их борьбе с политическими консерваторами. Например, чеченский лидер утверждал, что является «сторонником правового государства, сторонником верховенства закона», а также «глубоко верующим с детства» человеком [Жуковец 1991: 4]. Для демонстрации миролюбия генерал во время интервью показал московскому журналисту собственный указ, предписывавший жителям Чечни оказывать содействие не только всем командированным в республику специалистам, но и частным лицам [Жуковец 1991: 5], а от предприятий и учреждений республики – неукоснительно соблюдать все договорные и экономические обязательства, заключённые с аналогичными хозяйственными структурами России и СССР [Жуковец 1991: 5; Казиханов 1991а]. В трактовке фактического лидера непризнанной «Чеченской Республики Нохчичо» исполком ОКЧН выглядел избранным на правовой основе, состоявшим из представителей разных партий и движений, к тому же готовым принять в свои ряды представителей других наций или религиозных конфессий [Жуковец 1991: 3]. Заметим, что примерно в то же время в интервью столичной «Литературной газете» Д.М. Дудаев высказывал мысль о том, что в будущем едином государстве вайнахов «ислам должен стать такой же религией, как и все остальные, на равных» [Макартумьян 1991].

В том же интервью генерал обвинил лидеров ГКЧП в подготовке геноцида чеченского народа и, в подтверждение своих слов, утверждал об отправке центральными властями в ЧИР более чем 500 транспортных машин, подготовке исправительных учреждений к приёму арестованных, мобилизации водительского состава и приведении в повышенную боеготовность частей Советской Армии, включая бронетанковые части, а также об арестах активистов ОКЧН сотрудниками КГБ СССР и рукопашных стычках малочисленной охраны штаба исполкома ОКЧН с милицией и работниками спецслужб [Жуковец 1991: 4]. При этом, как заметил интервьюируемый, официальные власти республики во главе с Д.Г. Завгаевым будто бы поддерживали действия столичных путчистов [Жуковец 1991: 4]. Последнее утверждение не соответствовало реальности, так как Верховный Совет ЧИР во время событий 19-21 августа 1991 г. в Москве скорее придерживался нейтральной позиции. Сообщая эти подробности событий августа-сентября 1991 г., Д.М. Дудаев явно рассчитывал произвести впечатление на столичную демократическую общественность и получить от неё одобрение своих действий по разгону сначала Верховного Совета, а затем и Временного Высшего Совета ЧИР. При этом никаких причин столь радикальных замыслов и возможных действий руководства ГКЧП он в упомянутом интервью не приводил.

В другом интервью, данном столичной «Независимой газете» в ноябре 1991 г. в Грозном, Д.М. Дудаев вновь обвинял союзный и российский Центр в агрессивных действиях по отношению к чеченцам. По его утверждению, российские власти будто бы отправили в республику знаменитое спецподразделение

«Альфа» и некие «террористические группировки», которые получили 100 млн. советских рублей и 5 млн. долларов США для подготовки и осуществления операции по физическому уничтожению Д.М. Дудаева [«Я готов» 1991]. Немалую роль в её проведении, по его мнению, могли сыграть также подразделения различных силовых структур СССР, расквартированные в ЧИР. Как заявил сам фактический лидер Чечни, для непосредственного осуществления операции по его устранению Центром могли быть использованы как хорошо подготовленные снайперы, так и смертники-подрывники, но благодаря бдительности чеченского народа до 80-85 % готовившихся акций стали известны Дудаеву и его окружению [«Я готов» 1991]. Более того, республиканская печать, стремясь продемонстрировать населению неуязвимость и одновременно слабость Центра, утверждала, будто бы в дни ноябрьского кризиса чеченские снайперы в течение трёх дней держали под прицелом А.В. Руцкого в московском Белом доме. В интервью столичным журналистам Д.М. Дудаев подтвердил это утверждение масс-медиа и дал понять собеседникам, что вице-президент РСФСР остался тогда жив лишь благодаря его непосредственному вмешательству [«Я готов» 1991].

В том же интервью фактический чеченский лидер высказал противоречивое отношение по отношению к столичному политическому истеблишменту. С одной стороны, Дудаев охарактеризовал последнего руководителя Советского Союза М.С. Горбачёва как «уважаемого в мире человека» и «величайшего реформатора нашего времени» [«Я готов» 1991], а решительные действия российского лидера Б.Н. Ельцина зимой 1991 г. в Прибалтике и в августе того же года против ГКЧП в Москве даже назвал «гражданским подвигом» [«Я готов» 1991]. Никаких критических замечаний в адрес того и другого политика из уст Д.М. Дудаева не прозвучало. С другой стороны, он высказал уверенность в том, что обоим президентам-демократам на рубеже 1980-1990-х гг. активно помешало их консервативное и прокоммунистическое окружение [«Я готов» 1991]. Как заявил Д.М. Дудаев, главными противниками выхода Чечни из состава России являлись такие крупные представители элиты РСФСР, как вице-президент А.В. Руцкой, председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов, министр внутренних дел генерал-лейтенант внутренней службы А.Ф. Дунаев и Генеральный прокурор В.Г. Степанков [«Я готов» 1991].

Весьма ценным выглядит и интервью чеченского лидера собственному корреспонденту газеты «Московские новости» по Северному Кавказу Л.И. Леонтьевой, данное весной 1992 г. Примечательно, что в ходе него Д.М. Дудаев вновь позиционировал себя как ценитель искусства и природы, к тому же «глубоко верующий человек», который вынужден работать по 15 часов в сутки, а потому не имеет возможности соблюдать основные каноны ислама [Леонтьева 1992с]. Работа на президентском посту позиционировалась им как вынужденная и временная – «пока не будут заложены первоосновы независимого Чеченского государства» [Леонтьева 1992с]. Его позиция касательно отношений с Россией, равно как и оценки расстановки сил в московской элите, не претерпели серьёзных изменений по сравнению с поздней осенью 1991 г. Генерал снова обвинял Верховный Совет РФ в проведении агрессивной имперской политики, в то время как истинными демократами назвал президента Б.Н. Ельцина, а также известного

учёного-историка, народного депутата России Ю.Н. Афанасьева и диссидентку, основательницу партии «Демократический союз» В.И. Новодворскую [Леонтьева 1992c]. Немаловажно, что Д.М. Дудаев отказывался признать какие-либо свои ошибки. Так, в целом соглашаясь с фактами отсутствия русских в новых управленческих структурах ЧР или захвата чеченцами квартир русскоязычных жителей Грозного, он объяснял их запугиванием русских со стороны Центра, а также действиями спецслужб, засланных в республику «террористов» или выпущенных из тюрем по воле российского правительства уголовников, но пообещал в будущем исправить ситуацию [Леонтьева 1992c].

Д.М. Дудаев обвинял российские силовые структуры, в частности, некое специальное управление МВД в Пятигорске, в распространении оружия в Чечне и в целом на Северном Кавказе, а также в проведении соответствующих провокационных акций. В силу этого его старший сын Авлур и дочь Дана были вынуждены прервать учёбу в вузах Москвы и Тарту, а младший сын Деги перешёл на домашнее обучение в начальной школе в Грозном [Леонтьева 1992c]. Одновременно генерал критиковал столичные электронные и печатные СМИ за создание искажённого медийного образа Чечни, что не позволяет республике создать кавказскую экономическую зону [Леонтьева 1992c]. В то же время Д.М. Дудаев признавал очевидный факт полной зависимости Чечни от финансово-экономической политики России, хоть и с оговоркой о проведении Грозным успешных переговоров с рядом нефтедобывающих стран мира, поэтому предлагал Москве политический компромисс. Как утверждал фактический руководитель ЧР, «если центр признает за нашим народом право на выбор, у России не будет более верного и надёжного союзника, чем Чечня» [Леонтьева 1992c]. Он был согласен как на вывод из республики армейских частей СНГ, так и на сохранение их пребывания на её территории, но при условии «твёрдых гарантий и обязательств» со стороны российского руководства, что войска не применят силу против его власти [Леонтьева 1992c].

Более конкретно о взаимоотношениях своей республики с Россией чеченский лидер высказался чуть позднее в интервью корреспонденту газеты «Труд», в котором предложил Центру «самые широкие, тесные и дружеские отношения», включая компромиссный вариант, при котором Чечня стала бы «ассоциированным членом новой Российской Федерации» по образцу отношений США и Пуэрто-Рико [Арутюнович 1992]. В силу этого Д.М. Дудаев заявлял о собственной готовности к телефонному разговору с президентом России Б.Н. Ельциным. При этом он не просто вновь оговаривался о том, что в случае достижения компромисса Москвы и Грозного Россия получит «наиболее надёжных союзников и братьев» в лице чеченцев, но и подчеркнул, что на досуге любит перечитывать русскую классическую литературу XIX в., особенно произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова [Арутюнович 1992], а его супруга Алла – русская по национальности, родом из Подмосковья. Тем самым Д.М. Дудаев стремился дезавуировать собственный образ главы русофобского режима, который якобы создавался журналистами, и представить себя умеренным политиком, способным и готовым к диалогу с Центром.

Однако в упомянутом интервью «Московским новостям» генерал Д.М. Дудаев не исключал и вероятного начала в скором будущем боевых действий Чечни с Центром, рассуждая о том, что в таком случае его республика «пойдет на любые крайние меры» при «защите нашего суверенитета» [Леонтьева 1992c], хотя и не конкретизировал их. Вероятным casus belli генерал полагал внесение на повестку дня VI Съезда народных депутатов России (6-21 апреля 1992 г.) законопроекта руководителя Государственно-правового управления Президента РФ С.М. Шахрая об образовании в составе России Чеченской и Ингушской Республик. По его словам, это стало бы «шагом к непоправимой конфронтации» и даже могло перерасти в «войну», так как «мы (чеченцы – *Авт.*) никогда не уступим своей земли», так как «никогда не посягали на чужую землю и сами не должны никому ни квадратного метра» [Леонтьева 1992c]. В последнем случае явно имелась в виду острая проблема Сунженского района, претензии на который в тот период открыто высказывали оба вайнахских народа. Вполне откровенно Д.М. Дудаев говорил и о вероятном исходе таких военных действий: поскольку «чеченцы осознали своё право на свободу, и повернуть их сознание вспять уже никому не удастся», российский Центр «в войне у нас не выиграет» [Леонтьева 1992c]. В процитированной выше беседе с «Независимой газетой» генерал также пообещал нанести по России после начала боевых действий «страшный удар», результатом которого станут «гора трупов» и «безмерное горе матерей русских солдат» [«Я готов» 1991]. Добавим к этому, что в интервью журналисту «Труда» он утверждал, что Чечня уже наладила собственное производство стрелкового вооружения, так как «любая независимая республика должна быть в состоянии защитить себя» [Арутюнович 1992].

Реакция центральных масс-медиа на политический курс и специфичную риторику лидера ОКЧН оказалась крайне неоднозначной. Ряд представителей столичной демократической общественности высказали готовность к компромиссу с режимом Д.М. Дудаева, не получившим признания со стороны официальных властей. К примеру, известный политик и дипломат, народный депутат России Е.А. Амбарцумов в статье на страницах «Литературной газеты» утверждал о том, что «нельзя тушить огонь керосином» и «подливать масла в огонь», и призвал президента России Б.Н. Ельцина и его окружение не считать фактических лидеров Чечни преступниками, а «исходить из реальной политической ситуации на Северном Кавказе» [Амбарцумов 1991]. Член парламентской фракции «Демократическая Россия» полагал, что Центр должен учесть специфику, традиции и особенности чеченского народа, особенно наличие оружия практически у каждого мужчины, и вести себя более осмотрительно [Амбарцумов 1991]. В поддержку дипломатического пути урегулирования кризиса во взаимоотношениях между Центром и Чечнёй однозначно выступили также такие видные российские демократы, как государственный секретарь РСФСР Г.Э. Бурбулис [Мороз 1991], народный депутат от ЧИР в Верховном Совете РСФСР, председатель Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью А.А. Аслаханов, член Президиума Верховного Совета РСФСР С.В. Степашин [С помощью 1991], народный депутат СССР, председатель Духовного центра нравственного

возрождения А.А. Денисов [Литвин 1991] и член комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР по национально-территориальному устройству и межнациональным отношениям А.Е. Шабад [Анатолий 1991: 3]. По мнению этих политиков, резкие действия Москвы в чеченском вопросе в итоге могли привести лишь к росту авторитета генерала Д.М. Дудаева и к падению влияния президента России Б.Н. Ельцина в республике [С помощью 1991].

Чуть позднее в интервью ежедневной газете Вооружённых Сил «Красная звезда» аналогичную точку зрения высказала и известная правозащитница, народный депутат СССР и РСФСР, советник президента России по вопросам межнациональных отношений Г.В. Старовойтова, призвавшая власти к более глубокому анализу обстановки в стране и введению должности министра по делам национальностей. Полагая попытку Москвы ввести режим чрезвычайного положения в ЧИР грубой ошибкой, она положительно охарактеризовала поздравительную новогоднюю «телеграмму от генерала Дудаева», политическую позицию которого она разделяла не полностью, однако уверяла, что именно совместные усилия чеченского лидера и столичных демократов позволили предотвратить вероятное кровопролитие в Чечено-Ингушетии в ноябре 1991 г. [Князьков 1992]. Её мнение поддерживали и некоторые СМИ. Одно из наиболее популярных в то время столичных изданий демократического толка газета «Мегаполис-Экспресс» зимой 1992 г. даже поместило фоторепортаж о рабочем дне Д.М. Дудаева, в котором упоминалось о быстром восхождении звезды «романтического горского генерала», возможном лишь в смутные времена истории [Один 1992].

Отметим, что не менее миролюбивую позицию в те дни заняли и некоторые представители консервативно-оппозиционных масс-медиа. Например, специальный корреспондент газеты «Правда» В.А. Харламов, со ссылкой на самого генерала Д.М. Дудаева, утверждал, что его сторонники не являются мятежниками, так как не хотят рвать отношения с РСФСР и СССР, а их оппозиционные выступления августа-сентября 1991 г. напомнили ему всенародное торжество, во время которого «горят костры, звучат молитвы, люди танцуют и поют» [Харламов 1991а]. Хотя журналист признавал незаконными и явно осуждал силовой захват сторонниками ОКЧН здания КГБ республики в октябре 1991 г., их аналогичные попытки в отношении здания МВД ЧИР, а также бунт в СИЗО Грозного и появление первых жертв [Харламов 1991а], он обвинял в эскалации конфликта российский Центр в лице вице-президента А.В. Руцкого и Верховного Совета, опасаясь эскалации конфликта на территорию как Закавказья (Грузия), так и других регионов Северного Кавказа (Кабардино-Балкария и Дагестан) [Харламов 1991а]. В.А. Харламов публично признавался в уважении Д.М. Дудаеву, весьма лояльно относился к выборам президента и парламента республики 27 октября 1991 г. и официально называл мятежного генерала президентом Чечни. Более того, столичный журналист с сочувствием писал о длительном противостоянии чеченцев превосходящим силам Российской империи во время Кавказской войны XIX в., трактовал антисоветские восстания в Чечено-Ингушетии в 1930-1940-е гг. как «мощные партизанские движения» и резко осуждал сталинскую депортацию вайнахов в 1944 г. [Харламов 1991а]. Тем самым в его публикации

можно было увидеть открытый призыв начать политические переговоры с дудаевским режимом, обращённый к властям РСФСР.

Не менее определённо по поводу драматических событий, происходивших на Северном Кавказе в те дни, выразился собственный корреспондент столичного издания «Сельская жизнь» С. Лорсанукаев, по мнению которого приход к власти в Грозном исполкома ОКЧН стал не просто «мирной революцией», но и «победой демократических сил» [Лорсанукаев 1991а]. Один из наиболее известных чеченских публицистов писал о том, что действия сторонников Д.М. Дудаева в августе-сентябре 1991 г. «встряхнули народ, освежили его душу, вывели из тяжёлой многолетней депрессии, из царства усталости, апатии и инфантильности», а также помогли чеченцам освободиться от страха, якобы привитого им в период проживания в составе Российской империи и СССР [Лорсанукаев 1991а]. Вместе с тем после просмотра некоторых телепередач из Грозного С. Лорсанукаев полагал, что исполком ОКЧН (в его трактовке, «демократическое движение») небезгрешен, поскольку стремится к единомыслию в чеченском обществе и потому совершает грубые перегибы, включая явную ставку на силу, однако журналист сохранял оптимизм касательно будущего своей исторической родины [Лорсанукаев 1991а].

После неудачной попытки введения режима ЧП в Чечено-Ингушетии с острой критикой действий новых российских властей, которые повторяли такие ошибки своих предшественников, как быстрое введение и отмена законов, несоблюдение и неподчинение собственному законодательству или принятие законов втайне, выступила и оппозиционная газета «Литературная Россия» [Емелин 1991]. Примером такого рода её обозреватель П.А. Емелин счёл полное неучастие в урегулировании кризисной ситуации в Чечено-Ингушетии депутата от данной республики, председателя комитета Верховного Совета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью генерал-майора милиции А.А. Аслаханова, который даже не был допущен в тот момент к президенту РСФСР Б.Н. Ельцину [Емелин 1991]. Примечательно, что ни сам Д.М. Дудаев, ни его вооружённые сторонники в публикации П.А. Емелина не подверглись какому-либо осуждению.

Важными аргументами, которые регулярно использовали симпатизировавшие режиму ОКЧН журналисты центральных СМИ, были тезисы о его всенародной поддержке в республике и о нежелании большинства чеченцев уступать давлению российского Центра. Для их подтверждения приводились свидетельства самих чеченцев. Так, корреспондент «Правды» В.А. Харламов приводил свидетельство народного депутата России, представителя президента РСФСР и главы Временной администрации в ЧИР А.Б. Арсанова, заявившего, что «при решении узконациональных вопросов мы будем сами делать выбор» [Харламов 1991а]. Другая его цитата говорила о стремлении решать все спорные вопросы внутренней жизни ЧИР совместно и «без вмешательства Москвы» [Пульс 1991]. Таким образом, даже пророссийски настроенные чеченские политики были вынуждены в те дни дистанцироваться от политики Центра. В том же ключе рассуждали и лица из ближайшего окружения генерала Д.М. Дудаева. Например, его помощник И. Замаев в интервью «Правде» заявил об отсутствии в республике не только

оппозиционных настроений, но и обычных разногласий, поскольку чеченское общество объединилось перед угрозой военных действий со стороны России: «под ружьём у нас не десятки – сотни тысяч. Вайнахи будут стоять насмерть… если прольётся кровь, то мы не простим её» [Харламов 1991b]. Хотя ЧИР сравнивалась с хорошо укреплённым военным лагерем, представители режима ОКЧН через прессу уверяли, что не желают войны с Россией и обещали не проливать кровь первыми [Харламов 1991b]. Об объединении народа вокруг фигуры Д.М. Дудаева и непринятии чеченцами власти бывших «партократов» или Временного Высшего Совета ЧИР в интервью агентству «Интерфакс» заявлял и заместитель председателя исполкома ОКЧН М. Алмазов [С помощью 1991].

Аналогичного мнения придерживались не только функционеры дудаевского режима, но и его рядовые сторонники. Так, корреспондент «Российской газеты» А.М. Алёшкин рассказывал о председателе сельсовета из населённого пункта Чечен-Аул Грозненского района А. Добаеве – рядовом бойце чеченских формирований, выступивших в ноябре 1991 г. на стороне ОКЧН [Алёшкин 1991]. Он позиционировался прессой как встреченный в толпе человек с двустволкой и патронташем, который уехал в Грозный, простившись с семьёй, однако был рад мирному урегулированию конфликта между ЧР и российским Центром [Алёшкин 1991]. Любопытно, что и спустя год после неудачной попытки введения режима ЧП в Чечено-Ингушетии один из жителей Чечни, не поддерживавших политический курс Д.М. Дудаева, утверждал, что вместо того, чтобы радоваться возможному смещению своего врага, он был возмущён тем, что российские спецназовцы будто бы «пришли с оружием, чтобы покорить мой народ» [Ковальская 1992: 9]. Чувством уязвлённой национальной гордости впоследствии объясняли своё участие в продудаевских митингах в 1991 г. и многие чеченские интеллигенты [Логинова 1992].

Центральные СМИ подчёркивали, что кавказская политика российских властей не пользовалась поддержкой и у тех чеченцев, что проживали в других регионах страны. Как известно, во время неудачной попытки ввести режим ЧП в Чечено-Ингушетии пешие и конные пикеты вайнахской диаспоры Москвы в поддержку Д.М. Дудаева прошли даже у Дома правительства России. В те дни корреспондент «Огонька» В. Юнисов с сочувствием писал о плотных кордонах чеченцев, державших в руках плакаты оппозиционной направленности, и считал победой «здравого смысла» решение Верховного Совета об отмене режима ЧП [Юнисов 1991: 13]. В интервью журналистам «Правды» один из пикетчиков, член Московской городской коллегии адвокатов, заслуженный юрист РСФСР А.М. Хамзаев, утверждал, что «чеченцы – верные сторонники Ельцина» [Оганян, Сорокин 1991], резко осуждал жёсткие действия и риторику вице-президента А.В. Руцкого и российского парламента, а также полагал, что какие-либо угрозы межнациональных конфликтов или проживанию русских в ЧИР отсутствуют [Оганян, Сорокин 1991]. В конечном итоге, он призывал к отмене указа о введении ЧП и совместном решении вопроса о будущем политическом статусе республики её народом и российскими властями [Оганян, Сорокин 1991]. Мысль о решении данного вопроса на всенародном референдуме в интервью агентству ТАСС высказал в те дни и сам Д.М. Дудаев [Чечено-Ингушетия 1991].

В то же время уже осенью 1991 г., вскоре после силового разгона дудаевцами ВВС в Грозном, на страницах некоторых столичных изданий можно было прочесть такие высказывания касательно текущего положения дел в ЧИР: «бурлит кавказский вулкан» или «ружья, не секрет, и здесь заряжены. Неужели выстрелят?» [Погода 1991]. Весьма примечательно, что журналисты демократического издания «Литературная газета» не просто утверждали о фактически произошедшем разделе единой республики на Чечню и Ингушетию, но и ставили её в один ряд с такими резонансными «горячими точками» региона, как Нагорный Карабах или Грузия [Погода 1991]. Примечательно, что и приведённый выше репортаж В.А. Харламова в прокоммунистической газете «Правда» был опубликован в традиционной рубрике «Из горячих точек» [Харламов 1991а], что подчёркивало крайнюю нестабильность обстановки в Чечне. Раскол республиканской общественности на сторонников ОКЧН и демократов признавал и С. Лорсанукаев [Лорсанукаев 1991а]. Тем самым такие сценарии последующего развития событий, как возможное начало боевых действий между различными силами Чечено-Ингушетии или между её новыми властями и Центром, вовсе не исключались столичными масс-медиа, независимо от их политических взглядов.

Не менее эмоционально по отношению к режиму ОКЧН в Грозном в то время были настроены и некоторые представители российской политической элиты. Так, вице-президент России, Герой Советского Союза генерал-майор авиации в отставке А.В. Руцкой в интервью государственному информационному агентству ТАСС назвал целью своих личных переговоров с Д.М. Дудаевым в Грозном 7 октября 1991 г. избежание дальнейшего кровопролития в ЧИР, поскольку в таком случае «на территории Чечено-Ингушетии возникнет второй Карабах» [Больше 1991]. После неудачной попытки введения режима чрезвычайного положения в республике его настрой по отношению к фактическому руководству Чечни заметно ужесточился – так, на пресс-конференции в столичном Доме правительства накануне нового 1992 г. вице-президент охарактеризовал действия Д.М. Дудаева в Чечено-Ингушетии летом-осенью 1991 г. как носившие «уголовный характер» или «махровый национал-карьеризм» [Малюта 1991], поскольку радикальные силы республики «рвутся к власти методом свержения и анархии» [Малюта 1991]. Несколько позднее, выступая на Малом совете атаманов Союза казаков России, А.В. Руцкой вновь резко раскритиковал политический курс чеченского руководства и призвал правительство РФ защитить собственный народ [А.В. Руцкой 1992].

Аналогичную точку зрения в конце 1991 г. публично высказывали представители казачества Юга России. Так, при обсуждении событий в Чечено-Ингушетии на II Большом круге (съезде) Союза казаков Юга России в Ставрополе (7-10 ноября 1991 г.) с участием 450 делегатов со всей страны атаман Ставропольского края П.С. Федосов отрицал призывы к военному пути решения чеченского кризиса, призвав власти к переговорам с лидерами непризнанной Чечни, но в то же время подчеркнул, что «российское правительство должно защищать россиян, казаков», а «силе должна противостоять сила» [Быков 1991; Леонтьева 1991]. то есть выступал за более жёсткий курс Москвы по отношению к правительству Д.М. Дудаева. Как отмечала столичная «Литературная газета», ряд делегатов

круга занимал ещё более радикальную позицию, требуя создавать вооружённые казачьи отряды для противостояния дудаевцам. В результате на закрытом совещании походных атаманов было принято решение о формировании двух отрядов казаков для пикетирования административных границ Ставропольского края с целью «перекрыть доступ отсюда оружия и угон скота в Чечено-Ингушетию» [Леонтьева 1991]. При этом на встрече с председателем Ставропольского краевого совета народных депутатов И.С. Болдыревым атаманы подняли вопрос о переселении 12,5 тысяч терских казаков из Чечено-Ингушетии на Ставрополье [Леонтьева 1991]. Последний момент объяснялся началом миграции казачьего населения из неспокойной республики [Быков 1991].

Позднее, по мере эскалации чеченского кризиса, позиция казачества южных регионов страны по отношению к Чечне продолжала ужесточаться, о чём также регулярно писала центральная печать. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Северному Кавказу В.К. Фомин отмечал, что приказом атамана Союза казаков Области Войска Донского (СКОВД) С.А. Мещерякова с 17 ноября 1991 г. войско было объявлено на военном положении. В период с 17 по 20 ноября походные, станичные и окружные атаманы СКОВД должны были произвести мобилизацию казачества в возрасте от 18 до 45 лет, при себе мобилизованные должны были иметь паспорта, военные билеты, тёплые вещи, сухой паёк на трое суток, а также личное или табельное оружие и документы на право его ношения [Фомин 1991]. Практически одновременно в решении Большого круга казаков Юга России в Новочеркасске 20 ноября 1991 г., объединившего более чем 2 тысячи делегатов из всех казачьих регионов Советского Союза, прозвучали резкие слова о «смертельной опасности, которая надвигается… со стороны Кавказа» на пограничные регионы страны [Куликов 1991; Фомин 1991]. Делегатами круга было принято решение о формировании казачьей национальной гвардии из добровольцев, причём в Новочеркасске была сформирована первая сотня. Атаманы, желая получить поддержку на правительственном уровне, направили соответствующую телеграмму на имя президента России Б.Н. Ельцина [Бут 1991b].

Некоторые подробности о политических настроениях казаков, высказанных на данном круге, приводились в статье члена Союза писателей СССР, почётного атамана I Донского казачьего круга Б.Н. Куликова в консервативно-оппозиционном издании «Литературная Россия». Он писал о жёсткой реакции делегатов на антирусские листовки и призывы чеченских национал-радикалов к изъятию земель у терского казачества и расправам над ним, а также о возмущении казаков собственной безоружностью на фоне силового захвата складов МО и ВВ МВД в Грозном [Куликов 1991]. Представители казачества пообещали «не допустить второго Карабаха и Цхинвали», чем фактически поставили Чечню в один ряд с наиболее кровопролитными конфликтными точками страны. После долгих споров с казачьими делегатами руководство Ростовской области пообещало ввести формирования донцов в состав дивизии особого назначения ВВ МВД, охранявшей южные границы России [Куликов 1991].

Почин донских казаков в то время поддержали и представители Кубани, так как 7 предгорных районов на юго-востоке Краснодарского края, граничивших с

национальными республиками Северного Кавказа, страдали от многократно участившихся преступных набегов и связанных с ними массовых краж скота со стороны соседей [Дергачёв 1991]. Как отмечали местные чиновники, самая сложная обстановка складывалась в Мостовском и Успенском районах, где для охраны границ привлекался ОМОН [Дергачёв 1991]. В Заявлении Совета атаманов Кубанского казачьего войска, отправленном на имя президента России Б.Н. Ельцина и опубликованном в конце 1991 г. в центральной периодической печати, констатировался факт игнорирования интересов казачества «руководителями новых государственных образований» [Президенту 1991], под которыми явно имелся в виду фактический лидер Чечни Д.М. Дудаев. По мнению авторов документа, «межнациональная и экономическая обстановка на Северном Кавказе чревата непредсказуемыми последствиями» [Президенту 1991]. В силу этого кубанские атаманы, чьи имена в текстах газетных публикаций не приводились, призывали главу государства немедленно принять закон о государственных границах России в данном регионе и обещали взять на себя охрану рубежей Краснодарского края, сформировав казачью национальную гвардию [Известия 1991b; Президенту 1991].

Сообщения ведущих СМИ и информационных агентств из Грозного в последние месяцы 1991 и в начале 1992 г. действительно выглядели очень тревожно. К примеру, в декабре Д.М. Дудаев официально запретил правоохранительным органам республики передавать любую информацию в Москву, объяснив данное решение потоком «преднамеренной дезинформации», якобы шедшей от бывшей партийной элиты Чечено-Ингушетии [Известия 1991c; События 1991]. Распоряжением президента ЧР от 12 января 1992 г. 34 промышленным предприятиям союзно-республиканского подчинения, находившимся на территории ЧР, было запрещено производить отчисления в центральные министерства [Сборник 1993: 7-8]. В одном из более ранних интервью Д.М. Дудаев не просто назвал ЧИР «сердцем Кавказа», но и заявил о том, что борьба за свободу и независимость только вайнахских народов – «это… лишь буря в стакане воды», то есть подобные процессы вскоре должны были охватить весь Северо-Кавказский регион [Харламов 1991a]. По мнению упоминавшегося выше специального корреспондента «Правды» В.А. Харламова, эти слова фактического чеченского лидера вызвали шок и страх не только у значительной части населения ЧИР, но и у россиян в целом [Харламов 1991a].

Ряд политических заявлений генерала Д.М. Дудаева в этот период вызвал критические оценки со стороны журналиста «Правды» А.А. Грачёва, который признавался в глубоком уважении к лидеру Чечни за ранее проявленные личное мужество и решительность, любовь к собственному народу и стремление улучшить его жизнь, но одновременно осуждал его за антироссийские заявления в республиканской прессе. В частности, Дудаев обвинял Центр в «кознях» и «имперских замашках», сосредоточении крупных воинских соединений на границе Чечни, попытках посеять рознь между народами Северного Кавказа, а также силовом навязывании ингушскому народу идеи референдума о восстановлении собственной республики в составе РСФСР [Грачёв 1991c]. Корреспондент считал, что оппозиционные настроения ингушей и русских по отношению к новой

власти вызваны не политикой Москвы, а тревожной обстановкой, сложившейся в республике. Кроме того, А.А. Грачёв относил к ошибкам чеченского руководства невнимательное отношение к отъезду из республики квалифицированных управленческих кадров, упразднение гор- и райсоветов народных депутатов, создание временных органов самоуправления и назначение на февраль 1992 г. новых выборов глав местных администраций, а также требование к Москве о выдаче бывших лидеров ЧИР и грубый отказ от переговоров с группой экспертов Верховного Совета России [Грачёв 1991c]. Взамен журналист утверждал, что Россия не является врагом чеченского народа и предлагал Д.М. Дудаеву союзные отношения с ней.

В это же время центральные СМИ и информагентства сообщали об интересе представителей новых властей Чечни к закупке значительного количества средств противовоздушной обороны и портативных средств противотанковой борьбы через посредничество мафиозных структур Венгрии и стран Балканского полуострова [Известия 1991a]. В силу этого, а также ряда провокативных деклараций генерала Д.М. Дудаева и регулярных сообщений столичной печати о могущественной «чеченской мафии», публицист С. Клименко в письме в редакцию консервативно-националистического издания «Русский вестник» даже охарактеризовал Чеченскую Республику в качестве «центра воинствующего исламского фундаментализма, представляющего собой угрозу всей мировой цивилизации» [Клименко 1991]. По его мнению, новая Россия находилась в состоянии глубокого политического и социально-экономического кризиса, поэтому не смогла бы в одиночку противостоять исламским радикалам, в то время как вакуумом власти на Кавказе могут воспользоваться Турция, Иран или Иордания, где сильны позиции вайнахской диаспоры [Клименко 1991]. Примечательно, что никаких аргументов в пользу преобладания исламистских идей в Чечне С. Клименко не приводил.

На рубеже 1991-1992 гг. немаловажным поводом для критики режима ОКЧН в центральной прессе стал масштабный экономический кризис в Чеченской Республике. В этот период Комитет по оперативному управлению народным хозяйством констатировал шоковое состояние в сельском хозяйстве ЧР, поскольку были провалены все планы, а запасов кормов для общественного скота в колхозах и совхозах могло хватить только на срок до двух месяцев [Грачёв 1991b]. Власти попытались улучшить обстановку за счёт зарубежного импорта, направив группу специалистов в Китай за мясом, маслом и рисом, ещё 200 т сахара были доставлены из Турции [Грачёв 1991b]. В одном из телевыступлений Д.М. Дудаев сообщал о доставке 22 тысяч тонн сахара с территории Украины [Грачёв 1991a]. При этом корреспонденты «Правды» и «Сельской жизни» утверждали о гибели урожая свёклы на полях Чечни из-за срыва сева озимых культур, вызванного трудной политической обстановкой в республике [Лорсанукаев 1991; Грачёв 1991a]. Откровенный скепсис со стороны некоторых центральных СМИ вызвало и привлечение Совета старейшин Чечни и женского батальона к борьбе с растущей спекуляцией и наведению порядка в торговле – проверкам магазинов и баз, выявлению спрятанных излишков товаров и изгнанию провинившихся продавцов [Грачёв 1991b; Казиханов 1991b].

Из-за экономической блокады ЧР различные грузы, предназначенные для республики, задерживались поставщиками, а также останавливались на железнодорожных станциях или автодорогах соседних регионов страны [Казиханов 1991a]. В то же время заметный финансовый ущерб от экономической блокады Чечни понесли и другие регионы бывшего Советского Союза, далёкие от Северного Кавказа. Так, в декабре 1991 г. закончилась подача дизельного топлива (почти 70 тысяч тонн в месяц) от нефтепромыслов Грозного по трубопроводу на Донбасс, что привело к загрузке Лисичанского НПЗ лишь на половину. Следствием этого стал дефицит горючего в Донецкой, Луганской, Днепропетровской и ряде других областей, где обстановка квалифицировалась как «очень тревожная» или даже «катастрофичная». Телефонные переговоры между Д.М. Дудаевым и представителями Донбасса оказались безуспешны [Лисовенко 1991]. Лишь в конце 1991 г. была возобновлена перекачка нефтепродуктов объединением «Грознефтеоргсинтез» в Армавир, Будённовск и Трудовую [Пульс 1991b].

Подводя итог первым 100 дням «президентства» Д.М. Дудаева, специальные корреспонденты «Красной звезды» приводили данные чеченского учёного-экономиста, профессора М.М. Магомадова, согласно которым свыше 80 % населения Чечни оказались на пороге голода [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992]. Цены на сахар и масло в феврале 1992 г. достигали соответственно 7 и примерно 30 руб. по талонам, ощущался дефицит хлеба [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992]. Причиной столь неутешительного положения вещей в республике военные журналисты полагали разрыв её экономических связей с Россией и другими республиками бывшего СССР, который не могут выправить единичные двусторонние договоры с отдельными регионами (Ставропольский край, Ивановская область), а интерес к чеченской нефти со стороны деловых кругов Турции, Великобритании, Индии или Германии мог в скором времени только превратить республику в сырьевой придаток [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992]. Со ссылкой на информацию профессора Д.Ж. Гакаева, они отмечали и проблему массовой безработицы в республике, достигавшей к февралю 1992 г. показателей в 300 тысяч жителей или 50 % от трудоспособного мужского населения, а также констатировали острую нехватку квалифицированных рабочих кадров в промышленности [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992]. Единственным вариантом выхода чеченской экономики из кризиса журналисты «Красной звезды» видели изменение характера отношений республики с российским Центром.

Аналогичное мнение в тот период выражали и независимые центральные масс-медиа. Так, политический обозреватель «Огонька» Л.А. Радзиховский полагал, что осенью 1991 г. генерал Д.М. Дудаев «скинул старую власть картинно», однако не преуспел при решении многочисленных экономических проблем своей республики [Радзиховский 1992: 8]. Его амбициозным планам о широком экономическом взаимодействии Чечни с такими крупными экономиками мира, как Япония, Германия или Франция [«Я готов» 1991], не суждено было сбыться. В свою очередь, обозреватель журнала «Столица» Б. Жуков констатировал тот факт, что темпы падения экономики Чечни в 1991-1992 гг. были даже выше, чем общероссийские, несмотря на наличие у республики нефтепромыслов [Жуков

1992: 10]. Отметил он также и неудачные попытки генерала Д.М. Дудаева в создании на Кавказе межгосударственного блока на антироссийской основе, что привело лишь к острым конфликтам с соседями. Отсутствие дипломатического признания Чеченской Республики в мире, по мнению корреспондента «Столицы», вели её к полной изоляции, то есть невозможности получения любых внешних инвестиций или кредитов [Жуков 1992: 10]. Итогом выхода из сложившегося тупика для Чечни журналист полагал лишь её скорое возвращение в состав России [Жуков 1992: 10].

В это же время произошло заметное обострение взаимоотношений силовых структур СНГ, дислоцированных на территории Чеченской Республики, и её фактических властей. Как утверждала корреспондент столичного демократического издания «Московские новости» Л.И. Леонтьева, полевые занятия советских военных на стрельбищах и полигонах учебного центра в Грозном были запрещены сторонниками Д.М. Дудаева уже после активизации оппозиционных выступлений ОКЧН против легитимных властей ЧИР. Масс-медиа полагали важной причиной данного конфликта межнациональные разногласия, так как личный состав гарнизона Грозного более чем на две трети состоял из русских, а офицерский состав был практически полностью русскоязычным [Леонтьева 1992а]. В начале 1992 г. офицерское собрание гарнизона выступило с требованием «сохранить единые вооружённые силы» СНГ и отказалось дать 2 февраля присягу на Коране на верность Чеченской Республике [Леонтьева 1992а]. В то же время у ОКЧН сохранялись различные инструменты давления на советских военных, кроме чисто силовых. Например, те жители республики, которые до 10 января не согласились поставить в паспорт штамп о «гражданстве Чеченской Республики», лишались обеспечением продовольственными и промышленными товарами по карточкам. К ним относились тысячи военных Вооружённых Сил СССР (с 14 февраля 1992 г. – Объединённых Вооружённых сил (ОВС) СНГ) и членов их семей. Примечательно, что сами солдаты и офицеры в беседе с журналисткой Л.И. Леонтьевой изъявили готовность покинуть Грозный и продолжить нести службу в Ростове-на-Дону [Леонтьева 1992а].

Одновременно новые власти Чечни активно формировали собственные вооружённые силы – Национальную гвардию из 1500 человек, для размещения которой планировалось использовать военные городки в Грозном, хотя и с оговоркой об участии Чеченской Республики «в общей системе обороны страны» [Леонтьева 1992а]. В начале 1992 г. парламент ЧР принял «Закон об обороне и защите», согласно которому были созданы силы обороны Чечни, состоявшие из Национальной гвардии, погранично-таможенной службы, войск специального назначения, а также трудовой службы и резерва [Асташкин, Смыслов 1992]. Главнокомандующим являлся президент ЧР, то есть Д.М. Дудаев. Служба делилась на действительную (обязательную срочную или по договору) сроком 1,5 года (для лиц с высшим образованием – 1 год) и в резерве. Призыв в силы обороны ЧР осуществлялся раз в год – в апреле. Трудовая служба была предназначена для граждан, не желавших брать в руки оружие по религиозным убеждениям [Асташкин, Смыслов 1992]. При этом новые власти Чечни утверждали о

готовности выстраивать коллективную оборону с Россией и другими государствами СНГ, развернув на базе учебной мотострелковой дивизии в Грозном боевую, а также готовить офицерские кадры в военных вузах бывшего СССР [Пилипчук, Ермолин 1992с].

Хотя зимой-весной 1992 г. дудаевские гвардейцы в Грозном в личном общении напомнили журналистке Л.И. Леонтьевой «неуправляемую анархическую силу», она была вынуждена констатировать уступчивость Центра в данном вопросе, объясняя её желанием сохранить подобие стабильности в регионе и одновременно наладить отношения с правительством Д.М. Дудаева после неудачной попытки ввести режим ЧП в Чечено-Ингушетии [Леонтьева 1992а]. Последнее обстоятельство фактически свидетельствовало о том, что в данный период Москва по-прежнему воспринимала режим ОКЧН в Грозном как безальтернативный и потому изъявляла готовность идти ему на уступки. К примеру, сообщения столичных СМИ и информагентств в январе 1992 г. о создании в Чечне боевого автомата системы «Борз» («Волк») на основе израильского «Узи» [Чеченская 1992] или об указе Д.М. Дудаева о порядке приписки чеченских юношей 1975 г.р. к призывным участкам на протяжении ближайших трёх месяцев [Известия 1992] были лаконичны и не содержали какого-либо анализа или оценок упомянутых фактов. Позже аналогичной реакции прессы были удостоены и новости об учреждении парламентом ЧР высших воинских званий для офицеров её вооружённых сил и присвоении президенту Д.М. Дудаеву звания «генерал-полковника чеченской армии» [Новость 1992]. Весьма примечательно, что они были опубликованы столичной газетой «Труд» в традиционной рубрике «Новость одним абзацем».

Чуть подробнее российские масс-медиа остановились на создании в начале 1992 г. чеченской авиации. Как известно, первая эскадрилья Военно-воздушных сил самопровозглашённой Чеченской Республики под командованием кадрового офицера ВВС СССР, лётчика-испытателя майора Х.М. Висенгериева была организована по личной инициативе Д.М. Дудаева [В небе 1992]. В данном случае центральная печать констатировала неоднозначную реакцию жителей Грозного на происходившие полёты чехословацких учебно-тренировочных истребителей L-29: если явное большинство горожан радовались им и даже салютовали автоматными выстрелами в воздух, то некоторые относились неодобрительно, полагая подобные действия Д.М. Дудаева «игрой мускулами» перед Россией [В небе 1992]. Позднее сам командир эскадрильи Х.М. Висенгериев сообщал информагентству «Интерфакс», что в плановых учебных полётах участвуют 13 кадровых военных лётчиков – чеченцев по национальности. Они также являлись инструкторами группы из 30 курсантов, приступивших к теоретическим занятиям [Самолёты 1992]. При этом весной 1992 г. приказом главнокомандующего ВВС СНГ генерал-полковника П.С. Дейнекина фактическому руководителю авиации непризнанной Москвой «Чеченской Республики Нохчи-чо» было присвоено воинское звание подполковника [Самолёты 1992], что лишний раз свидетельствовало о нежелании Центра идти на возможный конфликт с дудаевским режимом.

Между тем, согласно официальным данным, уже в течение 1991 г. в ЧИР было совершено до 100 противоправных действий против военнослужащих Советской Армии, включая 16 нападений и 9 случаев угроз оружием только в декабре. В результате нарушителями законности было похищено 7 единиц стрелкового оружия, а также разграблена часть имущества на танкодроме у села Чечен-Аул Грозненского района [Казиханов 1992a; Леонтьева 1992a]. Настоящему разгрому со стороны «гражданских хулиганствующих элементов» подвергся батальон милиции в Грозном, причём среди силовиков имелись раненые, а свыше 70 из них получили физические увечья [Бут 1991a]. В конце декабря того же года часовые управления радиотехнического полка ПВО и подразделения ракетчиков были вынуждены вести огонь, чтобы прогнать неизвестных лиц, проникших на военные объекты в поисках оружия [Асташкин, Смыслов 1992]. Однако эти жёсткие действия не остановили налётчиков: лишь за первую декаду января 1992 г. неизвестные совершили 11 покушений на военнослужащих гарнизона Грозного. В частности, в ночь на 5 января группой из 12 «террористов в масках» был расстрелян дежурный военного аэродрома Ханкала близ чеченской столицы майор В.Н. Чичкан [Казиханов 1992a; Леонтьева 1992a]. Несмотря на соответствующие публичные обещания Д.М. Дудаева, республиканские правоохранительные органы не провели следствие по факту его гибели.

Впоследствии столичная периодическая печать опубликовала несколько больших репортажей, посвящённых дальнейшему ухудшению положения ОВС в столице Чечни. Например, в феврале 1992 г. начальник гарнизона Грозного генерал-майор П.А. Соколов в интервью «Московским новостям» сообщал о том, что в городе ведутся настоящие военные действия против его подчинённых, и сравнил эти события с афганской войной, участником которой ранее он являлся [Леонтьева 1992b]. Речь шла о масштабных нападениях местного населения на военные городки № 1 и № 15 МО, а также 133-го отдельного конвойного полка ВВ МВД в Грозном 7-8 февраля 1992 г. Если в первом случае военные ОВС СНГ ограничились выстрелами в воздух [Леонтьева 1992b], то в случае с 15-м военным городком перестрелка продолжалась в течение всей ночи. Со стороны нападавших, по оценкам центральной прессы, были убиты от 6 до 8 человек [Пилипчук, Ермолин 1992c; Леонтьева 1992b], а ещё от примерно 10-15 до 40 получили ранения [Пилипчук, Ермолин 1992c; Бурбыга, Литовкин 1992; Леонтьева 1992b], причём 4 человека затем скончались от ран [Бурбыга, Литовкин 1992], а среди военнослужащих гарнизона пропал без вести командир учебной автороты капитан В.В. Ващенко [Леонтьева 1992b]. Позднее было обнаружено его тело.

Тем не менее в этот период столичные СМИ всё же стремились избежать резких тонов в описании взаимоотношений фактических властей ЧР и советских военнослужащих, обвиняя в произошедших трагических событиях не режим Д.М. Дудаева, а некие «криминогенные элементы» республики. В частности, ежедневная газета Вооружённых сил «Красная звезда» лаконично утверждала о том, что факт убийства майора В.Н. Чичкана был с возмущением воспринят не только военными, но и обычными жителями Чечни, а также лично осуждён её президентом как «бандитская акция» [Иванов 1992]. Добавим к этому, что в траурном митинге 8 января 1992 г. приняли участие официальные представители

правительства и Национальной гвардии Чечни, а Совет старейшин республики принял решение оказать семье погибшего военного материальную помощь [Иванов 1992]. Военный журналист Н.С. Асташкин – автор более поздней публикации данного издания, посвящённой личности убитого офицера, – полагал главной причиной участившихся нападений на военных с целью завладения табельным оружием усиление оппозиции президенту Чечни Д.М. Дудаеву в лице «хорошо вооружённых, обнаглевших боевиков» или «бандитов» [Асташкин 1992].

Более того, именно дудаевские гвардейцы выглядели в репортажах «Красной звезды» того времени союзниками армии в борьбе с «преступными элементами». Военнослужащие отдельного батальона связи радиотехнического обеспечения в интервью журналистам данного издания утверждали о том, что «местные наркоманы приходят к нам на дежурства, колются, пьют, курят анашу, отнимают вещи, избивают тех, кто противится», в то время как находящиеся поблизости бойцы подразделения Национальной гвардии ЧР также регулярно подвергаются нападениям со стороны неизвестных правонарушителей [Асташкин, Смыслов 1992]. Специальные корреспонденты «Красной звезды», побывавшие в Грозном в период осады военных объектов МО и ВВ МВД в феврале 1992 г., писали, что активную помощь армии в те дни оказывали именно малочисленные и плохо вооружённые подразделения чеченского спецназа и ОМОНа, несколько десятков слабо обученных местных курсантов, добровольцы из продудаевских общественных организаций и 10 невооружённых членов Комитета по защите прав граждан [Пилипчук, Ермолин 1992a]. Кроме того, по информации тех же журналистов, представители чеченской Национальной гвардии, органов правопорядка, а также военный комиссар республики капитан 1-го ранга И.Х. Дениев, председатель совета воинов-«афганцев» С.А. Асуев и другие представители местной общественности пытались уговорить нападавших разойтись мирно [Пилипчук, Ермолин 1992a]. Потери официальных структур ЧР при совместной обороне военных объектов Грозного составили 1 убитый и 2 раненых, ещё 1 гвардеец был ранен при нападении бандитской группировки на казармы Национальной гвардии в ночь н 10 февраля [Пилипчук, Ермолин 1992b].

Специальные корреспонденты «Красной звезды» капитан 1-го ранга А. Пилипчук и капитан 3-го ранга В. Ермолин, взявшие интервью у Д.М. Дудаева и некоторых других лидеров республики, приводили их точку зрения на произошедшие в Грозном трагические события. Фактический лидер Чечни назвал нападения на военные объекты «крайними мерами затаившихся сил, сплотившихся на противостояние» [Пилипчук, Ермолин 1992b], то есть совместными действиями бывшей советско-партийной элиты и местной мафии. Того же мнения придерживался председатель парламента ЧР Х.С. Ахмадов. Позднее те же военные журналисты фактически согласились с точкой зрения председателя Центральной избирательной комиссии Чечни Р. Хаджиева, полагавшего штурм военных городков в Грозном попыткой преступного мира повлиять на политические настроения избирателей республики во время выборов глав местных администраций 7 февраля 1992 г. [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992]. Примечательно, что А. Пилипчук и В. Ермолин дали понять, что чеченский лидер ввёл в столице комендантский час и смог решительно навести порядок после массовых беспорядков,

однако считали ресурсы официального Грозного ограниченными и потому предлагали ему отказаться от «политики бескомпромиссной конфронтации» и вступить в союз с президентом России Б.Н. Ельциным [Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992].

Похожую позицию по данному вопросу заняли и другие российские масс-медиа. Упоминавшаяся выше журналистка «Московских новостей» Л.И. Леонтьева тоже подчеркнула, что на встрече с офицерами Грозненского гарнизона в январе 1992 г. президент Д.М. Дудаев проявил внешнюю доброжелательность, пообещав им и членам их семей социальную поддержку и защиту [Леонтьева 1992a]. Она резко охарактеризовала толпу нападавших как огромную массу «обкуренной» молодёжи, а также «обезумевшую», «озверевшую», «неистово беснующуюся» толпу или даже как «бандитов» [Леонтьева 1992b]. Л.И. Леонтьева также приводила свидетельство МВД Чечни о том, что среди погромщиков были уголовники, бежавшие несколькими месяцами ранее из местных тюрем [Леонтьева 1992b]. О роли ОКЧН в их освобождении из мест лишения свободы осенью 1991 г. и позднее она деликатно умолчала, однако утверждала, что в парламенте ЧР был подготовлен согласованный с Советом старейшин и общественностью «Закон о чеченской полиции», гарантировавший местным стражам порядка отсутствие кровной мести за стрельбу на поражение по преступникам [Леонтьева 1992b].

В свою очередь, специальный корреспондент «Известий» по Северному Кавказу А.М. Казиханов, упоминая о январской встрече чеченского лидера с представителями гарнизона Грозного, писал о прозвучавшем на ней предложении Д.М. Дудаева к советским военным о совместных действиях с Национальной гвардией ЧР против «бандитов» [Казиханов 1992a]. В оценке упомянутого журналиста, процитировавшего самих военнослужащих, среди нападавших на склады конвойного полка ВВ МВД в Грозном 7 февраля было много людей, находившихся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, вооружённых гранатами или взрывпакетами. В большой толпе, кроме молодёжи, были замечены также женщины и дети. Однако, как констатировал А.М. Казиханов, общее руководство действиями налётчиков осуществляли некие «военные люди», так как те хорошо знали расположение складов с оружием и даже номера хранилищ [Казиханов 1992b]. При этом он также выделил помощь Советской Армии со стороны Д.М. Дудаева, который отдал распоряжение «часовым исполнять свои уставные обязанности», а также привёл в полную боевую готовность военкоматы ЧР для защиты республики «от несанкционированных действий криминогенных личностей и бандитских формирований» [Казиханов 1992b]. Эту информацию подтвердил И.Х. Дениев.

Вероятно, немаловажной причиной столь лояльного настроя центральных масс-медиа по отношению к дудаевскому режиму стал также общий упадок силовых структур страны в данный период. Уже к лету 1991 г. по причине дезертирства и уклонения молодёжи от призыва на воинскую службу Советская Армия сократилась на 353 тысячи человек [Тризман 2012: 165]. Добавим к этому, что военные, расквартированные на территории национальных республик СССР,

всё чаще подвергались атакам со стороны различных парамилитарных и криминальных групп. Наиболее горячей точкой в этом отношении стало Закавказье. Так, в ноябре 1991 г., по официальным данным, только на территории данного региона было совершено 34 нападения на воинские части, склады и караулы, ещё 46 раз объекты МО СССР подверглись обстрелу со стороны неизвестных преступников, в результате чего погибли 3 и были ранены 19 военнослужащих [Литовкин 1991]. В результате этих противоправных действий были похищены 277 единиц оружия и угнаны 109 автомобилей Советской Армии [Литовкин 1991].

На Всеармейском совещании представителей офицерских собраний в Кремлёвском дворце съездов 17 января 1992 г. командующий войсками Закавказского военного округа (ЗакВО) генерал-полковник В.А. Патрикеев в подтверждение тезиса о «настоящей гражданской войне» на территории подчинённого ему округа утверждал о гибели с конца 1988 г. 73 советских военнослужащих, ещё 710 были ранены или травмированы [Всеармейское 1992]. В свою очередь, представитель офицеров-авиаторов ЗакВО полковник В. Бутенко прямо заявил с трибуны о нежелании почти всех его сослуживцев проходить воинскую службу в Грузии из-за небезопасной обстановки на её территории и, тем более, вмешиваться в гражданскую войну между сторонниками и противниками президента З.К. Гамсахурдиа. В завершение выступления офицер призвал политическое руководство новых государств СНГ к полному выводу советских войск из Закавказья [Всеармейское 1992]. Точку зрения военных в то время разделяли и ведущие столичные масс-медиа. В частности, о нежелании примерно 700 военнослужащих Нижегородского оперативного полка ВВ МВД СССР проходить службу в Нагорном Карабахе писали популярные в то время издания «Аргументы и факты» [В карабахскую 1991] и «Огонёк» [Капитанов, Нестеренко 1992: 10-11], призывавшие центральные власти «вернуть солдат домой, в Россию» [Капитанов, Нестеренко 1992: 11]. Решительным противником отправки земляков в Закавказье был и глава администрации Нижегородской области Б.Е. Немцов [В карабахскую 1991]. В силу этого ни российские власти, ни сами военные, ни ведущие СМИ не поддерживали идею силовой конфронтации с дудаевским режимом по вопросу сохранения оружия и боевой техники, предпочитая пойти тому на значительные уступки.

Заключение

Анализ наиболее типичных публикаций центральной прессы в период с осени 1991 по весну 1992 г. показывает, что в этот период режим ОКЧН в целом и фигура генерала Д.М. Дудаева, в частности, вызывали заметный интерес в СМИ. Столичный политический истеблишмент и общественность фактически оценивали их в качестве незаконно избранной, но при этом реально действующей власти в Чеченской Республике. Подобная позиция была присуща как демократической, так и левой печати. Во многом она может быть объяснена памятью о недавней афганской войне Советского Союза или «горячих точках» Закавказья. Кроме того, силовая конфронтация с дудаевским режимом грозила перерасти в длительное вооружённое противостояние и, в условиях тяжёлого экономического кризиса, распада СССР и политической нестабильности в новой России,

раздела бывшей Советской Армии, непростых межнациональных отношений на Северном Кавказе, была явно невыгодна для российских властей. Именно этим обстоятельством можно объяснить появление газетных и журнальных публикаций, стремившихся, вслед за самим Д.М. Дудаевым, переложить вину за обострение экономической и политической обстановки в Чечне на различных оппонентов лидера ОКЧН, прежде всего на местную советско-партийную номенклатуру [Литвин 1991] или на мафию. В некоторых масс-медиа генерал даже представал как безусловный лидер чеченского народа. Более того, в случае компромисса между Москвой и официальным Грозным Д.М. Дудаев оценивался не как «мятежник» или «сепаратист», а едва ли не как потенциальный союзник России в тревожном Северо-Кавказском регионе.

Однако и говорить о полной поддержке или симпатиях к дудаевскому режиму со стороны центральной прессы в начале 1990-х гг. также было бы явным преувеличением. Посещавшие республику в этот период столичные журналисты регулярно упоминали о таких её важных проблемах, как острый конфликт с российским Центром, растущий экономический кризис в Чечне, его влияние на соседние регионы страны, а также масштабные атаки на военные объекты с целью захвата оружия силовых структур бывшего СССР и, как следствие этого, первые человеческие жертвы среди военных и мирных жителей. Негативная реакция на эти процессы со стороны ряда представителей российской политической элиты или отдельных социальных групп также не укрылась от внимания центральных СМИ. К весне 1992 г. правящий режим в Грозном всё больше воспринимался не только как сомнительный с точки зрения законности или стабильности, но и как неудачливый с экономической точки зрения [Жуков 1992: 10]. Однако и в данном случае центральные СМИ вовсе не призывали власти к отказу от диалога с ним и, тем более, к силовым действиям, а скорее полагали, что возрастающие трудности сделают Д.М. Дудаева умереннее и сговорчивее в отношениях с Россией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Руцкой 1992 – А.В. Руцкой: «Я – шовинист». Из выступления на Малом совете атаманов Союза казаков 18 февраля 1992 года // Русский вестник. – 1992. – 18-25 марта.

Алёшкин 1991 – *Алёшкин А.* Пока стреляли в воздух. В обстановке чрезвычайного положения генерал Дудаев принял присягу на верность // Российская газета. – 1991. – 12 ноября.

Алёшкин 1992 – *Алёшкин А.* Попытка переворота в Чечне: загнанный волк непредсказуем // Российская газета. – 1992. – 24 апреля.

Амбарцумов 1991 – *Амбарцумов Е.* Кто стоит за указом президента? // Литературная газета. – 1991. – 13 ноября.

Анатолий 1991 – Анатолий Шабад: «Он обладал способностью “верхнего взгляда”» // Столица. – 1991. – № 48. – С. 3-4.

Арутюнович 1992 – *Арутюнович Г.* Джохар Дудаев: «Грузинский сценарий» в Чечне исключаю // Труд. – 1992. – 6 мая.

Асташкин 1992 – *Асташкин Н.* Честью не поступился // Красная звезда. – 1992. – 8 февраля.

Асташкин 2005 – *Асташкин Н.С.* По волчьему следу. Хроники чеченских войн. – М.: Вече, 2005. – 416 с.

Асташкин, Смыслов 1992 – *Асташкин Н., Смыслов М.* В ЧР вступил в силу закон об обороне // Красная звезда. – 1992. – 4 января.

Больше 1991 – Больше штурмов не будет // Сельская жизнь. – 1991. – 8 октября.

Бугай 2006 – *Бугай Н.Ф.* Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 476 с.

Бурбыга, Литовкин 1992 – *Бурбыга Н., Литовкин В.* Грозный: Нападения на военные городки прекратились, но армия всё же в тревоге // Известия. – 1992. – 12 февраля.

Бут 1991a – *Бут В.* Как «разоружали» милицию в Грозном // Известия. – 1991. – 23 ноября.

Бут 1991b – *Бут В.* Сформирована первая сотня казачьей гвардии // Известия. – 1991. – 25 ноября.

Быков 1991 – *Быков А.* Круг тревог казачьих // Сельская жизнь. – 1991. – 14 ноября.

В карабахскую 1991 – В карабахскую мясорубку опять подбрасывают // Аргументы и факты. – 1991. – 21 ноября.

В небе 1992 – В небе над Грозным – чеченская авиаэскадрилья // Красная звезда. – 1992. – 8 февраля.

Всеармейское 1992 – Всеармейское офицерское собрание: страстный призыв к благоразумию политиков. Репортаж из Кремлёвского дворца съездов // Красная звезда. – 1992. – 21 января.

Грачёв 1991a – *Грачёв А.* Не употреби во зло свободу // Правда. – 1991. – 26 ноября.

Грачёв 1991b – *Грачёв А.* Грозный успокаивается // Правда. – 1991. – 2 декабря.

Грачёв 1991c – *Грачёв А.* К чему гордое одиночество? // Правда. – 1991. – 13 декабря.

Дергачёв 1991 – *Дергачёв А.* Набеги на Кубань: угоняют скот // Известия. – 1991. – 25 ноября.

Емелин 1991 – *Емелин П.* Проверено: мины есть // Литературная Россия. – 1991. – 15 ноября.

Жуков 1992 – *Жуков Б.* Россия: нет выхода. Есть только вход. И тот не тот // Столица. – 1992. – № 17. – С. 10-11.

Жуковец 1991 – *Жуковец Г.* Джохар Дудаев: «Власть мы могли взять в течение часа» // Огонёк. – 1991. – № 49. – С. 3-5.

Иванов 1992 – *Иванов А.* Ценою жизни // Красная звезда. – 1992. – 10 января.

Известия 1991a – Известия. ТАСС. РИА. Интерфакс. Франс-Пресс // Известия. – 1991. – 25 ноября.

Известия 1991b – Известия. РИА. Интерфакс. Рейтер // Известия. – 1991. – 5 декабря.

Известия 1991c – Известия. ТАСС. Рейтер. ЮПИ // Известия. – 1991. – 10 декабря.

Известия 1992 – Известия. ТАСС. РИА. Интерфакс. Балтфакс // Известия. – 1992. – 14 января.

Казиханов 1991a – *Казиханов А.* Политики успокаиваются, а грабители – нет. Обстановка в Чечено-Ингушетии постепенно входит в нормальное русло // Известия. – 1991. – 22 ноября.

Казиханов 1991b – *Казиханов А.* В бой идут только старики // Известия. – 1991. – 19 декабря.

Казиханов 1992a – *Казиханов А.* Грозненский гарнизон просит защиты у президента Д. Дудаева // Известия. – 1992. – 9 января.

Казиханов 1992b – *Казиханов А.* Генерал Дудаев получает чрезвычайные полномочия // Известия. – 1992. – 10 февраля.

Капитанов, Нестеренко 1992 – *Капитанов О., Нестеренко Н.* Служба // Огонёк. – 1992. – № 1. – С. 7-8.

Кищенков, Тумаков 2024 – *Кищенков М.С., Тумаков Д.В.* Национальный вопрос в идеологии и программах национал-патриотических партий России в первой половине 1990-х гг. // Манускрипт. – Т. 17. – № 4. – С. 572-578.

Клименко 1991 – *Клименко С.* Культуртрегеры с автоматами // Русский вестник. – 1991. – 25 декабря.

Князьков 1992 – *Князьков С.* Галина Старовойтова: Ошибки обходятся дорого // Красная звезда. – 1992. – 22 января.

Ковальская 1992 – *Ковальская Г.* В поисках утраченного врага. Конфронтация с Россией помогает Дудаеву удерживаться у власти // Новое время. – 1992. - № 47. С. 7-9.

Куликов 1991 – *Куликов Б.* Что казакам любо… // Литературная Россия. – 1991. – 29 ноября.

Леонтьева 1991 – *Леонтьева Л.* Эх, донцы-молодцы… // Литературная газета. – 1991. – 13 ноября.

Леонтьева 1992a – *Леонтьева Л.* Грозненскому гарнизону снится Ростов // Московские новости. – 1992. – 19 января.

Леонтьева 1992b – *Леонтьева Л.* Кому угрожает Грозный // Московские новости. – 1992. – 16 февраля.

Леонтьева 1992c – *Леонтьева Л.* Джохар Дудаев (интервью) // Московские новости. – 1992. – 29 марта.

Ливен 2019 – *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. – М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – 560 с.

Лисовенко 1991 – *Лисовенко Н.* Донбасс отрезан от нефти Грозного // Известия. – 1991. – 20 декабря.

Литвин 1991 – *Литвин В.* «Я их не оправдываю. Я их пытаюсь понять» // Правда. – 1991. – 10 декабря.

Литовкин 1991 – *Литовкин В.* Кавказ: офицеры вынуждены защищаться сами // Известия. – 1991. – 2 декабря.

Логинова 1992 – *Логинова Н.* Биллиард Джохара Дудаева // Московские новости. – 1992. – 13 декабря.

Лорсанукаев 1991a – *Лорсанукаев С.* В огне брода нет. О бурных днях Кавказа // Сельская жизнь. – 1991. – 17 октября.

Лорсанукаев 1991b – *Лорсанукаев С.* При склоках и земля сирота // Сельская жизнь. – 1991. – 31 октября.

Ляховский 2006 – *Ляховский А.А.* Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. – М.: Детектив-Пресс, 2006. – 640 с.

Макартумьян 1991 – *Макартумьян В.* У барьера // Литературная газета. – 1991. – 6 ноября.

Малашенко, Тренин 2002 – *Малашенко А.В., Тренин Д.А.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. – М.: Гендальф, 2002. – 267 с.

Малюта 1991 – *Малюта Е.* «Дальше некуда». Пресс-конференция А. Руцкого // Гудок. – 1991. – 31 декабря.

Мороз 1991 – *Мороз О.* Первый заместитель председателя правительства РСФСР Геннадий Бурбулис: Сдвинемся ли мы наконец с места? // Литературная газета. – 1991. – 13 ноября.

Невзорова, Мочалов 2018 – *Невзорова И.В., Мочалов Д.П.* Становление сепаратистского режима в Чечне по материалам центральной прессы 1991-1993 годов // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2018. – № 6. – С. 31-41.

Новость 1992 – Новость одним абзацем // Труд. – 1992. – 24 апреля.

Оганян, Сорокин 1991 – *Оганян С., Сорокин Е.* Союз разрушен. Очередь за Россией? // Правда. – 1991. – 12 ноября.

Один 1992 – Один день президента Дудаева // Мегаполис-Экспресс. – 1992. – 20 февраля.

Осмаев 2026 – *Осмаев А.Д.* События «чеченских войн» в статьях Мусы Мурадова в газете «Коммерсантъ» (2019-2025) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 1. – С. 189-202.

Пилипчук, Ермолин 1992a – *Пилипчук А., Ермолин В.* Пора понять: натиск на армию достигает критической черты // Красная звезда. – 1992. – 11 февраля.

Пилипчук, Ермолин 1992b – *Пилипчук А., Ермолин В.* В Грозном – комендантский час // Красная звезда. – 1992. – 12 февраля.

Пилипчук, Ермолин 1992c – *Пилипчук А., Ермолин В.* Муса Мержуев: «Мы не мыслим себя вне коллективной обороны» // Красная звезда. – 1992. – 26 февраля.

Пилипчук, Ермолин, Пирогов 1992 – *Пилипчук А., Ермолин В., Пирогов Ю.* Сто дней Президента Дудаева // Красная звезда. – 1992. – 18 февраля.

Погода 1991 – Погода на завтра. От среды до среды // Литературная газета. – 1991. – 9 октября.

Президенту 1991 – Президенту России Ельцину Б.Н. Заявление Совета атаманов Кубани // Литературная Россия. – 1991. – 27 декабря.

Пульс 1991a – Пульс дня // Правда. – 1991. – 2 ноября.

Пульс 1991b – Пульс дня // Правда. – 1991. – 24 декабря.

Радзиховский 1992 – *Радзиховский Л.* Честное слово – не взорвётся! // Огонёк. – 1992. – № 2. – С. 7-8.

С помощью 1991 – С помощью оружия сегодня не договориться // Известия. – 1991. – 12 ноября.

Самолёты 1992 – Самолёты над Чечнёй // Труд. – 1992. – 25 апреля.

Сборник 1993 – Сборник распоряжений и постановлений Президента Чеченской Республики. – Грозный: «Книга», 1993. – 46 с.

События 1991 – События. Факты. Мнения. По сообщениям корреспондентов «Гудка» и информационных агентств // Гудок. – 1991. – 19 декабря.

Тишков 2001 – *Тишков В.А*. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001. – 552 с.

Тризман 2012 – *Тризман Д.* История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. - М.: Эксмо, 2012. – 416 с.

Тумаков 2016 – *Тумаков Д.В.* Тревожный регион: вооружённые конфликты на Северном Кавказе в первой половине 1990-х гг. и Ярославская область. – Ярославль: «Аверс Плюс», 2016. – 180 с.

Тумаков 2017 – *Тумаков Д.В.* Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996 гг. в оценках российского общества. – Ярославль: Аверс Плюс, 2017. – 740 с.

Тумаков 2021a – *Тумаков Д.В.* Первая чеченская война 1994-1996 гг. в оценках российской политической элиты постсоветской эпохи (на материалах Либерально-демократической партии России) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: исторические и филологические науки. – 2021. – № 3 (22). – С. 33-37.

Тумаков 2021b – *Тумаков Д.В.* Начало первой чеченской войны 1994-1996 гг. в оценках партии «Демократический выбор России» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 111-117.

Тумаков 2024 – *Тумаков Д.В.* Чеченская Республика в 1992 году (по материалам федеральной печати) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 4. – С. 139-159.

Тумаков 2025 – *Тумаков Д.В.* Военные действия в Чеченской Республике в 1994-1996 гг. и объединение «Яблоко» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 63-82.

Фомин 1991 – *Фомин В.* Казачий круг приветствуют «День» и «Молодая гвардия» // Литературная газета. – 1991. – 4 декабря.

Харламов 1991a – *Харламов В.* Чечено-Ингушетия: кого разделяет Терек? // Правда. – 1991. – 4 ноября.

Харламов 1991b – *Харламов В.* Блицинтервью в номер // Правда. – 1991. – 11 ноября.

Чечено-Ингушетия 1991 - Чечено-Ингушетия: суверенитет не глотается. Введение чрезвычайного положения в республике накалило и без того взрывоопасную обстановку в регионе // Правда. – 1991. – 11 ноября.

Чеченская 1992 – Чеченская Республика приступила к изготовлению боевого автомата системы «Борз» («волк») // Известия. – 1992. – 6 января.

Юнисов 1991 – *Юнисов В.* Октябрь уж отступил… (Записки московского репортёра) // Огонёк. – 1991. – № 50. – С. 10-13.

«Я готов» 1991 – «Я готов быть простым смертником в нашей борьбе, лишь бы добиться победы». Президент Чечни генерал Джохар Дудаев в беседе с Андреем Карауловым // Независимая газета. – 1991. – 30 ноября.

REFERENCES

A.V. Rutskoj: «Ja – shovinist». Iz vystuplenija na Malom sovete atamanov Soyuza kazakov 18 fevralya 1992 goda [A.V. Rutskoy: "I am a chauvinist." From a speech at the Small Council of Atamans of the Cossack Union on February 18, 1992]. IN: Russkij vestnik. – 1992. – March 18-25 (In Russ.).

ALYOSHKIN A. *Poka strelyali v vozduh. V obstanovke chrezvychajnogo polozhenija general Dudaev prinyal prisyagu na vernost* [While they were shooting into the air. Under the state of emergency, General Dudayev took the oath of allegiance]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1991. – November 12 (In Russ.).

ALYOSHKIN A. *Popytka perevorota v Chechne: zagnannyj volk nepredskazuem* [Attempted coup in Chechnya: a cornered wolf is unpredictable]. IN: Rossijskaja gazeta. – 1992. – April 24 (In Russ.).

Anatolij Shabad: «On obladal sposobnostju "verhnego vzglyada"» [Anatoly Shabad: "He had the ability to 'see through' things"]. IN: Stolitsa. – 1991. – № 48. – Pp. 3-4 (In Russ.).

ARUTYONOVICH G. *Djokhar Dudaev: «Gruzinskij stsenarij» v Chechne isklyuchaju* [Dzhokhar Dudayev: "I rule out the 'Georgian scenario' in Chechnya"]. IN: Trud. – 1992. – May 6 (In Russ.).

ASTASHKIN N. *Chestju ne postupilsya* [He did not compromise his honor]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 8 (In Russ.).

ASTASHKIN N.S. *Po volchemu sledu. Hroniki chechenskih vojn* [On the Wolf's trail: chronicles of the Chechen Wars]. – Moscow: Veche, 2005. – 416 p. (In Russ.).

ASTASHKIN N., SMYSLOV M. *V CR vstupil v silu zakon ob oborone* [The law on defense has come into force in the Chechen Republic]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – January 4 (In Russ.).

Bolshe shturmov ne budet [There will be no more assaults]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – October 8 (In Russ.).

BUGAY N.F. *Chechenskaja respublika: konfrontacija, stabilnost, mir* [The Chechen Republic: confrontation, stability, peace]. – Moscow: IRI RAN, 2006. – 476 p. (In Russ.).

BURBYGA N., LITOVKIN V. *Groznyj: napadenija na voennyje gorodki prekratilis, no armija vsyo zhe v trevoge* [Grozny: The attacks on military camps have stopped, but the army is still on alert]. IN: Izvestia. – 1992. – February 12 (In Russ.).

BUT V. *Kak «razoruzhali» militsiju v Groznom* [How the police were "disarmed" in Grozny]. IN: Izvestia. – 1991. – November 23 (In Russ.).

BUT V. *Sformirovana pervaja sotnya kazachijej gvardii* [The first squad of the Cossack Guard has been formed]. IN: Izvestia. – 1991. – November 25 (In Russ.).

BYKOV A. *Krug trevog kazachjih* [The circle of Cossack anxieties]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – November 14 (In Russ.).

V karabahskuju myasorubku opyat podbrasyvajut [They're throwing something else into the Karabakh meat grinder again]. IN: Argumenty i fakty. – 1991. – November 21 (In Russ.).

V nebe nad Groznym – chechenskaja aviaeskadrilya [In the sky above Grozny – a Chechen air squadron]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 8 (In Russ.).

Vsearmejskoje ofitserskoje sobranije: strastnyj prizyv k blagorazumiju politikov. Reportazh iz Kremlyovskogo dvortsa sjezdov [The All-Army Officers' Meeting: a passionate call for politicians to exercise prudence. Report from the Kremlin Palace of Congresses]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – January 21 (In Russ.).

GRACHEV A. *Ne upotrebi vo zlo svobodu* [Do not abuse freedom]. IN: Pravda. – 1991. - November 26 (In Russ.).

GRACHEV A. *Groznyj uspokaivaetsya* [Grozny calms down]. IN: Pravda. – 1991. – December 2 (In Russ.).

GRACHEV A. *K chemu gordoje odinochestvo?* [What's the point of proud solitude?]. IN: Pravda. – 1991. – December 13 (In Russ.).

DERGACHEV A. *Nabegi na Kuban: ugonyayut skot* [Raids on the Kuban: livestock is being stolen]. IN: Izvestia. – 1991. – November 25 (In Russ.).

EMELIN P. *Provereno: miny jest* [Verified: there are mines]. IN: Literaturnaja Rossija. – 1991. – November 15 (In Russ.).

ZHUKOV B. *Rossija: net vyhoda. Est tolko vhod. I tot ne tot* [Russia: There's no way out. There's only one entrance. And it's not the right one]. IN: Stolitsa. – 1992. – № 17. – Pp. 10-11 (In Russ.).

ZHUKOVETS G. *Djokhar Dudaev: «Vlast my mogli vzyat v techenije chasa»* [Dzhokhar Dudayev: "We could have taken power within an hour"]. IN: Ogonyok. – 1991. - № 49. – Pp. 3-5 (In Russ.).

IVANOV A. *Tsenoju zhizni* [At the cost of one's life]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – January 10 (In Russ.).

Izvestia. *TASS. RIA. Interfaks. Frans-Press* [Izvestia. TASS. RIA. Interfax. France-Presse]. IN: Izvestia. – 1991. – November 25 (In Russ.).

Izvestia. *RIA. Interfaks. Rejter* [Izvestia. RIA. Interfax. Reuters]. IN: Izvestia. – 1991. – December 5 (In Russ.).

Izvestia. *TASS. Rejter. UPI* [Izvestia. TASS. Reuters. UPI]. IN: Izvestia. – 1991. – December 10 (In Russ.).

Izvestia. *TASS. RIA. Interfaks. Baltpress* [Izvestia. TASS. RIA. Interfax. Baltpress]. IN: Izvestia. – 1992. – January 14 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Politiki uspokaivayutsya, a grabiteli – net. Obstanovka v Checheno-Ingushetii postepenno vhodit v normalnoje ruslo* [Politicians are calming down, but the robbers are not. The situation in Chechen-Ingushetia is gradually returning to normal]. IN: Izvestia. – 1991. – November 22 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *V boj idut tolko stariki* [Only the old are going into battle]. IN: Izvestia. – 1991. – December 19 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *Groznenskij garnizon prosit zashchity u prezidenta D. Dudaeva* [The Grozny garrison is seeking protection from President D. Dudayev]. IN: Izvestia. – 1992. – January 9 (In Russ.).

KAZIHANOV A. *General Dudaev poluchaet chrezvychajnyje polnomochija* [General Dudayev is granted extraordinary powers]. IN: Izvestia. – 1992. – February 10 (In Russ.).

KAPITANOV O., NESTERENKO V. *Sluzhba* [Service]. IN: Ogonyok. – 1992. – № 1. – Pp. 7-8 (In Russ.).

KISHCHENKOV M.S., TUMAKOV D.V. *Natsionaknyj vopros v ideologii i programmah national-patrioticheskih partij Rossii v pervoj polovine 1990-h gg.* [The national question in the ideology and programs of the National Patriotic parties of Russia in the first half of the 1990s]. IN: Manuscript. – 2024. – Vol. 17. № 4. – Pp. 572-578 (In Russ.).

KLIMENKO S. *Kulturtregery s avtomatami* [Culture traitors with machine guns]. IN: Russkij vestnik. – 1991. – December 25 (In Russ.).

KNYAZKOV S. *Galina Starovojtova: Oshibki obhodyatsya dorogo* [Galina Starovoitova: Mistakes come at a high cost]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – January 22 (In Russ.).

KOVALSKAJA G. *V poiskah utrachennogo vraga. Konfrontatsija s Rossijej pomogaet Dudaevu uderzhivatsya u vlasti* [In search of a lost enemy. Confrontation with Russia helps Dudayev maintain power]. IN: Novoje vremya. – 1992. – № 47. – Pp. 7-9 (In Russ.).

KULIKOV B. *Chto kazakam lyubo…* [What the Cossacks love...]. IN: Literaturnaja Rossija. – 1991. – November 29 (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Eh, dontsy-molodsy…* [Oh, you brave Don men...]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – November 13 (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Groznenskomu garnizonu snitsya Rostov* [The Grozny garrison is dreaming of Rostov]. IN: Moskovskije novosti. – 1992. – January 19 (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Komu ugrozhajet Groznyj* [To whom is Grozny threatening?]. IN: Moskovskije novosti. – 1992. – February 16 (In Russ.).

LEONTIEVA L. *Djohar Dudaev (interview)* [Dzhokhar Dudaev (interview)]. IN: Moskovskije novosti. – 1992. – March 29 (In Russ.).

LIVEN A. *Chechnya: tragedija rossijskoj moschi. Pervaja chechenskaja vojna* [Chechnya: the tragedy of Russian power. The First Chechen War]. – Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2019. – 560 p. (In Russ.).

LISOVENKO N. *Donbass otrezan ot nefti Groznogo* [Donbass is cut off from Grozny's oil]. IN: Izvestia. – 1991. – December 20 (In Russ.).

LITVIN V. *«Ja ih ne opravdyvaju. Ja ih pytajus ponyat»* ["I'm not justifying them. I'm trying to understand them"]. IN: Pravda. – 1991. – December 10 (In Russ.).

LITOVKIN V. *Kavkaz: ofitsery vynuzhdeny zashchishatsya sami* [The Caucasus: officers are forced to defend themselves]. IN: Izvestia. – 1991. – December 2 (In Russ.).

LOGINOVA N. *Billiard Djohara Dudaeva* [Billiard of Dzhokhar Dudayev]. IN: Moskovskije novosti. – 1992. – December 13 (In Russ.).

LORSANUKAEV S. *V ogne broad net. O burnyh dnyah Kavkaza* [There's no ford in the fire. About the turbulent days of the Caucasus]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – October 17 (In Russ.).

LORSANUKAEV S. *Pri sklokah i zemlya sirota* [In times of strife, the land is an orphan]. IN: Selskaja zhizn. – 1991. – October 31 (In Russ.).

LYAKHOVSKY A.A. *Zacharovannyje svobodoj: Tajny kavkazskih vojn: Informacija. Analiz. Vyvody* [Enchanted Freedoms: Secrets of the Caucasian Wars: Information. Analysis.Conclusions]. – Moscow: Detectiv-Press, 2006. – 640 p. (In Russ.).

MAKARTUMJAN V. *U bariera* [At the barrier]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – November 6 (In Russ.).

MALASHENKO A.V., TRENIN D.A. *Vremya Juga*: *Rossija* v *Checne, Chechnya* v *Rossii* [Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia]. – Moscow: Gendalf, 2002. – 267 p. (In Russ.).

MALYUTA E. *«Dalshe nekuda». Press-konferentsija A. Rutskogo* ["There's nowhere to go further." A. Rutskoy's press conference]. IN: Gudok. – 1991. – December 31 (In Russ.).

MOROZ O. *Pervyj zamestitel predsedatelya pravitelstva RSFSR G. Burbulis: Sdvinemsya li my nakonets s mesta?* [First Deputy Chairman of the Government of the RSFSR, Gennady Burbulis: Will we finally get moving?]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – November 13 (In Russ.).

NEVZOROVA I.V., MOCHALOV D.P. *Stanovlenije separatistskogo rezhima v Chechne po materialam tsentralnoj pressy 1991-1993 godov* [The emergence of the separatist regime in Chechnya: evidence from the central press of 1991–1993]. IN: The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions. – 2018. – No. 6. – Pp. 31–41 (In Russ.).

Novost odnim abzatsem [The news in one paragraph]. IN: Trud. – 1992. – April 24 (In Russ.).

OGANYAN S., SOROKIN E. *Soyuz razrushen. Ochered za Rossijej?* [The alliance is destroyed. The turn is now for Russia]. IN: Pravda. – 1991. – November 12 (In Russ.).

Odin den prezidenta Dudaeva [One day with President Dudayev]. IN: Megapolis-Express. – 1992. – February 20 (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Sobytija «chechenskih vojn» v statjah Musy Muradova v gazete «Kommersant» (2019-2025).* [Events of the «Chechen wars» in the Musa Muradov's articles in the newspaper «Kommersant» (2019-2025)]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 1. – P. 189-202 (In Russ.).

PILIPCHUK A., ERMOLIN V. *Pora ponyat: natisk na armiju dostigaet kriticheskoj cherty* [It's time to understand: the pressure on the army is reaching a critical point]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 11 (In Russ.).

PILIPCHUK A., ERMOLIN V. *V Groznom – komendantskij chas* [There is a curfew in Grozny]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 12 (In Russ.).

PILIPCHUK A., ERMOLIN V. *Musa Merzhuev: «My ne myslim sebya vne kollektivnoj oborony»* [Musa Merzhuev: “We cannot imagine ourselves outside of collective defense”]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 26 (In Russ.).

PILIPCHUK A., ERMOLIN V., PIROGOV Y. *Sto dnej prezidenta Dudaeva* [One Hundred Days of President Dudayev]. IN: Krasnaja zvezda. – 1992. – February 18 (In Russ.).

Pogoda na zavtra. Ot sredy do sredy [Weather for tomorrow. From Wednesday to Wednesday]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – October 9 (In Russ.).

Prezidentu Rossii Eltsinu B.N. Zajavlenije Soveta atamanov Kubani [To the President of Russia, B.N. Yeltsin. Statement of the Council of Atamans of Kuban]. IN: Literaturnaja Rossija. – 1991. – December 27 (In Russ.).

Puls dnya [Pulse of the day]. IN: Pravda. – 1991. – November 2 (In Russ.).

Puls dnya [Pulse of the day]. IN: Pravda. – 1991. – December 24 (In Russ).

RADZIHOVSKY L. *Chestnoje slovo – ne vzorvyotsya!* [I swear, it won’t explode!]. IN: Ogonyok. – 1992. – № 2. – Pp. 7-8 (In Russ.).

S pomoshchiju oruzhija segodnya ne dogovoritsya [Today, you can’t reach an agreement with the help of weapons]. IN: Izvestia. – 1991. – November 12 (In Russ.).

Samolyoty nad Chechnyoj [Airplanes over Chechnya]. IN: Trud. – 1992. – April 25 (In Russ.).

Sbornik rasporyazhenij i postanovlenij Prezidenta Chechenskoj Respubliki [Collection of orders and resolutions issued by the President of the Chechen Republic]. Grozny: Kniga, 1993. – 46 p. (In Russ.).

Sobytija. Fakty. Mnenija. Po soobshchenijam korrespondentov «Gudka» i informatsionnyh agentstv [Events. Evidence. Opinions. According to correspondents from Gudok and news agencies]. IN: Gudok. – 1991. – December 19 (In Russ.).

TISHKOV V.A. *Obschestvo v vooryzhennom konflikte. Etnografija chechenskoj vojny* [Society in armed conflict. Ethnography of the Chechen War]. – Moscow: Nauka, 2001. – 552 p. (In Russ).

TREISMAN D. *Istorija Rossii. Ot Gorbachyova do Putina i Medvedeva* [The Return: Russia’s Journej from Gorbachev to Medvedev]. Moscow: Eksmo, 2012. – 416 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Trevozhnyj region: vooruzhyonnyje konflikty na Severnom Kavkaze v pervoj polovine 1990-h gg. i Yaroslavskaja oblast* [An Alarming Region: Armed Conflicts in the North Caucasus in the First Half of the 1990s and the Yaroslavl Region]. – Yaroslavl: Avers Plus, 2016. – 180 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Goryachaya tochka novoj Rossii: chechenskij krizis 1991-1996gg. v otsenkah rossijskogo obschestva* [Hot spot of the new Russia: the Chechen crisis of 1991-1996 in the Assessments of Russian Society]. – Yaroslavl: Avers plus, 2017. – 740 p. (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Pervaja chechenskaja vojna 1994-1996 gg. v otsenkah rossijskoj politicheskoj elity postsovetskoj epohi (na materialah Liberal-demokraticheskoj partii Rossii)* [The First Chechen war (1994-1996) in the assessment of post-Soviet Russian political elite (on the material of the Liberal Democratic party of Russia]. IN: Herald of Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. – 2021. – no 3. – Pp. 33-37 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Nachalo pervoj chechenskoj vojny 1994-1996 gg. v otsenkah partii «Demokraticheskij vybor Rossii»* [The beginning of the First Chechen war 1994-1996 in the assessment of the party «Democratic choice of Russia»]. IN: Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. – 2021. – no 4. – Pp. 111-117 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Chechenskaja Respublika v 1992 godu* [Chechen Republic in 1992 (based on the materials of the federal periodicals)]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 4. – P. 139-159 (In Russ.).

TUMAKOV D.V. *Vojennyje dejstvija v Chechenskoj Respublike v 1994-1996 gg. i objedinenije Yabloko* [Military operations in the Chechen Republic in 1994-1996 and the Yabloko association]. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – Pp. 63-82 (In Russ.).

FOMIN V. *Kazachij krug privetstvujut «Den» i «Molodaja gvardija»* [The Cossack circle greets “Den” and “Molodaya Gvardiya”]. IN: Literaturnaja gazeta. – 1991. – December 4 (In Russ.).

KHARLAMOV V. *Checheno-Ingushetija: kogo razdelyajet Terek?* [Chechen-Ingushetia: who does the Terek River divide?]. IN: Pravda. – 1991. – November 4 (In Russ.).

KHARLAMOV V. *Blitsinterviju v nomer* [A brief interview for the newspaper issue]. IN: Pravda. – 1991. – November 11 (In Russ.).

Checheno-Ingushetija: suverenitet ne glotaetsya. Vvedenije chrezvychajnogo polozhenija v respublike nakalilo i bez togo vzryvoopasnuju obstanovku v regione [Chechen-Ingushetia: sovereignty is not swallowed. The imposition of a state of emergency in the republic has exacerbated the already volatile situation in the region]. IN: Pravda. – 1991. – November 11 (In Russ.).

Chechenskaja Respublika pristupila k izgotovleniju boevogo avtomata sistemy «Borz» («Volk») [The Chechen Republic has begun manufacturing the "Borz" ("Wolf") combat assault rifle system]. IN: Izvestia. – 1992. – January 6 (In Russ.).

JUNISOV V. *Oktyabr uzh otstupil… (Zapiski moskovskogo reportyora)* [October has already receded... (Notes of a Moscow reporter)]. IN: Ogonyok. – 1991. – № 50. – Pp. 10-13 (In Russ.).

«Ja govov byt prostym smertnikom v nashej borbe, lish by dobitsya pobedy». Prezident Chechni general Dzhohar Dudajev v besede s Andreem Karaulovym ["I am ready to be a simple suicide bomber in our struggle, just to achieve victory." Chechen President, General Dzhokhar Dudayev, in a conversation with Andrei Karaulov]. IN: Nezavisimaja gazeta. – 1991. – November 30 (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Тумаков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.V. Tumakov – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 07.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

ФИЛОЛОГИЯ

Русский язык. Языки народов России

ЩIэныгъэ тхыгъэ
УДК 811.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-371-384
EDN: OAYCOV

ТЫРКУБЗЭМ ЩЫЩУ АДЫГЭБЗЭМ КЪЫХЫХЬА ПСАЛЪЭХЭМ ЛЕКСИКЭ-ГРАММАТИКЭ ИЛЪЭНЫКЪУЭКIЭ ЯГЪУЭТА ЩХЬЭХУЭ-НЫГЪЭХЭР

Дзыгъуанэ Ритэ Хьэбалэ ипхъу[1], Уэщро Каринэ Вячеслав ипхъу[2]

[1] Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щIэныгъэ Iуэхущ1апIэ «Урысейм щIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щIэныгъэ центр» Федеральнэ щIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, dzug.rita@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0684-7600

[2] Бэрбэч Хь.М. и цIэр зезыхьэ Къэбэрдей-Балъкъэр къэрал университет, Налшык, Урысей, karinzal@yandex.ru

Аннотацэ. Мы лэжьыгъэр зытеухуар къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм тыркубзэм щыщу къыхыхьа псалъэхэм ягъуэта зыхъуэжыныгъэхэрщ. ЗэрыгурыIуэгъуэщи, зы бзи, зы лъэпкъи дунейм теткъым нэгъуэщI бзэхэм щыщ псалъэхэр, адрей лъэпкъхэм я культурэм щыщ гуэрхэр къимыщтауэ. Апхуэдэу адыгэбзэми бзэ куэдым къыхэкIа псалъэхэр къыхыхьащ. Нэхъыбэ дыдэу, адыгэбзэ лексикэр нэхъ кууэ зыджа бзэщIэныгъэлIхэм къызэрахутамкIэ, ди бзэм къищтар тыркубзэм щыщ псалъэхэрщ, урысыбзэм и гугъу умыщIмэ. Тыркубзэм щыщ псалъэхэр адыгэбзэм къыхыхьэныр лIэщIыгъуэ зыбжанэ и пэкIэ щIидзауэ тхыдэ-этнологие тхыгъэхэм къыхощ. Апхуэдэу зэрыщытым къыхэкIкIэ лэжьыгъэм тхыдэ-филологие методри къыщыдгъэсэбэпын хуей хъуащ. Лэжьыгъэм и къалэн нэхъыщхьэр тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэм лексикэ, грамматикэ, морфонологие илъэныкъуэкIэ бзэм зэрыхэзэгъа, зыхъуэжыныгъэ ягъуэтахэм дыкIэлъыплъынырщ. Абы щхьэкIэ зэзыгъапщэ-зэпызыгъэув Iэмалри къэдгъэсэбэпащ. Къэхутэныгъэм къызэригъэлъэгъуамкIэ адыгэбзэм тыркубзэм щыщ псалъэхэр зэман зэхуэмыдэхэм къыхыхьащ. Абы и щыхьэтщ хамэбзэ псалъэхэр Iуэхугъуэ зэмылIэужьыгъуэ куэдым зэрепхар: диным, псэущхьэхэм, къэкIыгъэхэм, щIыуэпсым, унагъуэм къыщагъэсэбэп хьэпшыпхэм, фадэхэм, сатум, зауэ Iуэхухэм, н.къ. Тыркубзэм щыщу ди бзэм къыхыхьа псалъэхэм куэдым я мыхьэнэр мыкIуэду къищтащ адыгэбзэм. Ауэ лексикэ мыхьэнэ илъэныкъуэкIэ щхьэхуэныгъэ гуэрхэр зэмылъэпкъэгъу бзэхэм къызэрыщыхъуныр Iэмал зимыIэ Iуэхущ. Апхуэдэу тыркубзэ псалъэ адыгэбзэм къищтам езы бзэм нэгъуэщI мыхьэнэ игъуэту омоним къыщыхъуи щыIэщ, къызыхэкIа бзэм щиIэ мыхьэнэм темыхуэу, е мыхьэнэбэ адыгэбзэм щыхъуи ущрохьэлIэ. Хьэлэмэтщ, тыркубзэ псалъэм лъабжьэужь (суффикс) пытми, псалъэ зэхэлъми, адыгэбзэм зы мыхьэнэ иIэущ къызэрищтэр. Езы адыгэбзэм и псалъэ къэхъукIэ Iэмалхэм хьэзыру къыIэрыхьа псалъэхэр фонетикэ, морфонологие хабзэ бзэм щызекIуэхэм ирегъэувэ. Зэпкърытх тыркубзэм щыщу ди бзэм къыхыхьа псалъэхэр адыгэ тхакIуэхэм я художественнэ тхыгъэхэм къыхэтха щапхъэхэмкIэ дгъэнаIуащ. КъыжыIэн хуейщ, мыпхуэдэ къэхутэныгъэхэр бзэм и дежкIи, тхыдэм и дежкIи щхьэпэу зэрыщытыр, сыту жыпIэмэ, бзэм и лексикэм къеIуатэ лъэпкъым и къекIуэкIыкIар.

Зэрыгъуазэ псалъэхэр: нэгъуэщIыбзэхэм къыхэкIа псалъэхэр, адыгэбзэ, тыркубзэ, лексикэ, грамматикэ щхьэхуэныгъэхэр, жыIэгъуэхэр, зэзыгъапщэ-зэпызыгъэув Iэмал.

Цитатэ къызэрыхэпхынур: Дзыгъуанэ Р.Хь., Уэщро К.В. Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэм лексикэ-грамматикэ илъэныкъуэкIэ ягъуэта щхьэхуэныгъэхэр // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 371-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-371-384. EDN: OAYCOV.

© Дзыгъуанэ Р.Хь., Уэщро К.В., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF SOME LOANWORDS FROM TURKISH INTO THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Rita Kh. Dzuganova[1], **Karina V. Oshroeva**[2]

[1] Institute for Humanitarian Research – Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russia, dzug.rita@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0684-7600

[2] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, karinzal@yandex.ru

Abstract. This work examines the lexical and grammatical features of loanwords from Turkish into the Kabardino-Circassian language. It is well known that there are no languages or people in the world that have not borrowed words or culture from other people. Kabardino-Circassian, with its numerous loanwords from various languages, is among these. Lexicologists believe that the largest number of loanwords are from Turkish and Arabic, not counting later borrowings from Russian. According to ethnologists, Turkish borrowings began several centuries ago. Given the specific nature of our study, we used a historical-philological method. Since the primary goal is to identify the specific features of vocabulary, grammar, and morphophonology, we also employed a comparative method. The theoretical basis for this work is based on research by renowned Adyghe lexicologists. The results of the study revealed that words from Turkish were borrowed at different times. This is evidenced by the fact that the loanwords relate to various fields: religion, fauna, flora, natural phenomena, household items, beverages, foods, trade and monetary relations, military affairs, and others. Many words from Turkish were borrowed into Kabardino-Circassian, retaining their lexical meaning. However, sometimes a borrowed word acquired a new meaning, and there are instances of homonym formation and polysemy. It is interesting that a derivative word from Turkish is borrowed into Kabardino-Circassian as a single concept. Phonetically and morphologically, borrowed words are subject to the principles of the borrowing language. The analyzed borrowed words are illustrated from the works of famous Kabardian and Circassian writers. It should be noted that research of this kind is extremely important not only for linguistics but also for history, as the vocabulary of a language can shed light on much about the people's past.

Keywords: loanwords, Kabardino-Circassian language, Turkish language, lexical and grammatical features, phraseology, comparative method.

For citation: Dzuganova R.Kh., Oshroeva K.V. Lexical and grammatical features of some loanwords from Turkish into Kabardino-Circassian. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 371-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-371-384. EDN: OAYCOV.

© Dzuganova, R.Kh., Oshroeva K. V., 2026
© Caucasology, 2026

Научная статья

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ ИЗ ТУРЕЦКОГО В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК

Рита Хабаловна Дзуганова[1], **Карина Вячеславовна Ошроева**[2]

[1] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzug.rita@yandex.ru, https: // orcid.org/0000-0003-0684-7600

[2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, karinzal@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена лексическим и грамматическим особенностям заимствованных слов из турецкого языка в кабардино-черкесский язык. Известно, что в мире нет языков и народов, которые не заимствовали бы слова или культуру у других народов. К ним относится и кабардино-черкесский язык с многочисленными заимствованиями из разных языков. Больше всего, как считают лексикологи, заимствований из турецкого и арабского языков, если не считать позднейшие заимствования из русского языка. Турецкие заимствования, по исследованиям историков-этнологов, начались еще несколько веков назад. Учитывая специфику нашего исследования, в работе мы использовали историко-филологический метод. А поскольку основная цель направлена на выявление особенностей лексики, грамматики, морфонологии, нами использован еще сравнительно-сопоставительный метод. Теоретической базой работы послужили исследования известных адыговедов по лексикологии. Результаты исследования показали, что слова из турецкого языка были заимствованы в разное время. Свидетельством тому является принадлежность заимствованной лексики к разным областям: религии, животному миру, растительному миру, природным явлениям, предметам домашнего обихода, напиткам, кушаниям, области торговли и денежных отношений, военного дела и др. Многие слова из турецкого языка заимствованы в кабардино-черкесский язык с сохранением семантики. Между тем, иногда заимствованное слово приобретает новое значение, встречаются случаи образования омонимов, полисемии. Представляет интерес то, что производное слово из турецкого языка заимствуется в кабардино-черкесский язык как одно понятие. В фонетическом и морфонологическом плане заимствованные слова подчиняются принципам, действующим в заимствующем языке. Анализируемые заимствованные слова иллюстрируются из художественных произведений известных кабардинских и черкесских писателей. Надо сказать, что исследования подобного рода весьма важны не только для языкознания, но и для истории, так как лексический состав языка может прояснить многое из прошлого народа.

Ключевые слова: заимствованные слова, кабардино-черкесский язык, турецкий язык, лексико-грамматические особенности, фразеология, сравнительно-сопоставительный метод.

Для цитирования: Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Лексико-грамматические особенности некоторых заимствованных слов из турецкого в кабардино-черкесский язык // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 371-384. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-371-384. EDN: OAYCOV.

© Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Хэзыгъэгъуазэ

Бзэм и лексикэм къеІуатэ абы ирипсалъэ лъэпкъым и къекІуэкІыкІар, и тхыдэр, и культурэм иІэ зыужьыныгъэр. Лъэпкъым сыт лэжьыгъэу яІами, дэнэкІэ ягъэзами – псори бзэм и лексикэм хыболъагъуэж.

Адыгэбзэ лексикэми, адрей бзэуэ щыІэхэми хуэдэу, нэгъуэщІыбзэхэм щыщу къыхыхьа псалъэхэм увыпІэшхуэ щаубыд. Адыгэбзэм нэхъыбэ дыдэу къищта урысыбзэ псалъэхэм я гугъу умыщІмэ, хьэрыпыбзэм, тыркубзэм, ираныбзэхэм (персыбзэм, осетиныбзэм) къыхэкІа псалъэхэм адыгэбзэ лексикэм и щІылъэныкъуэр яубыд. БзэщІэныгъэлІхэм я къэхутэныгъэхэм къызэрыхэщымкІэ, хамэбзэхэм ящыщу ди бзэм нэхъыбэ дыдэу къищтауэ халъагъуэр тыркубзэм къыхэкІа жыІэгъуэхэрщ. Хьэрыпыбзэ псалъэхэу адыгэбзэм къыхыхьахэм я нэхъыбапІэр, бзэщІэныгъэлІхэм къызэралъытэмкІэ, тыркубзэм къыхэкІащ. Ахэр нэхъыбэу муслъымэн диным епхащи, тыркубзэми хьэрыпыбзэми хэтхэщ.

Тыркубзэ гупым хыхьэу ди гъунэгъухэм - тыркубзэ дыдэм, кърымтэтэрыбзэм, нэгъуеибзэм, къэрэшей-балъкъэрыбзэм, къумыкъубзэм - щыщу адыгэбзэм къыхыхьащ нэгъуэщІ псалъэхэри. А Іуэхур лъэхъэнэкІэ XVI – XVIII лІэщІыгъуэхэм екІуэкІауэ хуагъэфащэ. Псалъэхэр нэхъыбэу шыхэм, къэкІыгъэхэм, гъущІым къыхэщІыкІа хьэпшыпхэм я цІэхэрщ, зауэ хуэІухуэщІэхэм епха псалъэ куэди къыхыхьащ адыгэбзэм, сату, ахъшэ Іуэхухэм ехьэлІа фІэщыгъэхэри мащІэкъым.

Хамэбзэхэр адыгэбзэм къызэрыхыхьа щІыкІэр нэхъ тэмэму зыхэплъагъуэр тхыдэ-этнографие лэжьыгъэхэрщ. Апхуэдэ лэжьыгъэ-къэхутэныгъэ щхьэпэ ирагъэкІуэкІащ бзэщІэныгъэлІ куэдым. Абыхэм ящыщу я цІэ къиІуапхъэщ, псалъэм папщІэ, Ю. Клапрот [Klaproth 1814], Дж. Рейнегс [Reineggs 1796], Л.Я. Люлье [Люлье 1846], Л.Г. Лопатинскэ [Лопатинский 1891] сымэ. Мыбыхэм я къэхутэныгъэхэр нэхъ лейуэ къыщІыхэдгъэщыр хамэбзэ адыгэбзэм къыхыхьахэр ахэм я лэжьыгъэхэм нэхъ тэмэму къыщыгъэлъэгъуащи аращ. Ауэ, зэрыгурыІуэгъуэщи, ахэри щыуагъэншэкъым. Псалъэм папщІэ, Л.Я. Люлье и псалъалъэ «Словарь русско-черкесский или адигский, с краткой грамматикой сего последнего» жыхуиІэм хьэрып, перс псалъэ куэд тыркубзэм щыщщ жиІэу къыщыхьащ. Щапхъэу къэтхьынщ хьэрыпыбзэм щыщ псалъэхэу *хьэмам* «зыщагъэпскІ унэ» [РАС 1964: 29], *такъикъ* «сыхьэтыр хыщІ ищІыкІауэ абы щыщ зы Іыхьэ; дакъикъэ» [РАС 1964: 434] жыхуиІэхэр тыркубзэм къыхэкІауэ Л. Люлье къехь. Адыгэбзэм *дакъикъэ* жиІэу къыхыхьа мы хьэрып псалъэм игъуэта фонетикэ зэхъуэкІыныгъэхэр (*т: д*) адыгэбзэм и фонетикэ гъэпсыкІэ хабзэм, жыпхъэм йоувэ. БзэщІэныгъэлІ цІэрыІуэ Къумахуэ М.І. и къэхутэныгъэхэм къызэрыхэщымкІэ, адыгэбзэм куэд щІауэ къыхыхьа псалъэхэм текъузэ (ударенэ) Іэпхъуэ къызэрагъэхъум къыхэкІауэ къелъытэ макъзешэ э псалъэкІэм къыпыувэныр [Кумахов 1981: 88].

Апхуэдэ дыдэу тыркубзэ псалъэхэу Л. Люлье и псалъалъэм ихуащ персыбзэм (къэжэрыбзэм) щыщхэу *махътэ/махът* «пхъэбгъум къыхэщІыкІа гъуэлъыпІэ, махуэм тетІысхьэпІи хъууэ» [РПС 1965: 918], *мыхъур* (тхылъ гуэрым и пэжагъыр къагъэлъэгъуэну трагъауэ, зи лъащІэм дамыгъэ белджылы къыхэбзыкІар, апхуэдэу ар трагъэуа иужь къанэ лъэужьыр) [РПС 1965: 598] псалъэхэри.

Л.Г. Лопатинскэм и «Русско-кабардинский словарь с указателем» жыхуиІэми апхуэдэ щыуэныгъэ гуэрхэм ущрохьэлІэ. Псалъэм папщІэ, персыбзэм щыщ *пащтыхь* «къэрал псом я Іэтащхьэ» [РПС 1965: 345] псалъэр тыркубзэм къыхэкІауэ къыщыхьащ. Апхуэдэу хьэрып псалъэ *зэран* (пэрыуэгъу, хэщІ, лъэпощхьэпо) [РАС 1964: 136] жыхуиІэри тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къищтауэ Л. Лопатинскэм къызэрилъытэри тэмэмкъым.

Сакий М.М. тыркубзэмрэ хьэрыпыбзэмрэ щыщ псалъэхэу адыгэбзэм къыхыхьахэм триухуащ и «Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке» жыхуиІэ лэжьыгъэр [Сакий 1959]. ЩІэныгъэлІым иригъэкІуэкІа лэжьыгъэшхуэм и пщІэр дгъэкІуэдыркъым, ауэ мыри щыуагъэншэ хъуакъым. Псалъэм папщІэ, хьэрыпыбзэм щыщу *мэл* «цымрэ лымрэ папщІэ зэрахуэ Іэщ цІыкІу лъэпкъ» [РАС 1964: 30]*, мылъку* «зыгуэрым бгъэдэлъ къулеягъэ, беягъэ» [РАС 1964: 320]*, малъхъэдис* «гъущІ, жыр зэзышалІэ, зыщІэзышэ гъущІхэкІ» [РАС 1964: 416] жыхуиІэ псалъэхэр тыркубзэм хигъэхьащ.

Адыгэбзэ лексикэр кууэ зыджа, адыгэбзэхэм (къэбэрдей-шэрджэс литературэбзэмрэ кІахэбзэмрэ) я лексикэм хамэбзэ къыхыхьахэр нэсу зыхэзыгъэкІар бзэщІэныгъэлІ цІэрыІуэ Шагъыр Іэминщ. Абы и «Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков» тхылъым щызэпкърихащ адыгэбзэхэм и лексикэр, ар зэрызэфІэувар, абы зэрызиужьар, хамэбзэхэр ди бзэм къызэрищта щІыкІэхэр. Ауэ езы Шагъырми къызэрыхигъэщым хуэдэу, мы тхылъым хамэбзэ къыхыхьахэм фонетикэ, лексикэ-грамматикэ илъэныкъуэкІэ ягъуэта зыхъуэжыныгъэхэр щызэпкъырихкъым – а лэжьыгъэ мытыншыр ди бзэм нэсу джа зэрыщымыхъуам къыхэкІкІэ [Шагиров 1962: 179].

Тыркубзэм къыхэкІыу адыгэбзэм къыхыхь псалъэхэм я щхьэхуэныгъэхэр

Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьахэм къызыхэкІа бзэм щаІэ мыхьэ-нэр инэхъыбапІэм къызэтенауэ урохьэлІэ. Псалъэм папщІэ, *къару* [РТС 1972: 829] псалъэм *лъэщагъ, бланагъэ* мыхьэнэ яІэу бзитІми къыщокІуэ [АП 1999: 359]. Адыгэбзэм абы и мыхьэнэм зригъэужьащ – *зэуэным хуэгъэпса дзэ гупышхуэ, дзэ* – мыхьэнэи щигъуэтащ. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *Исуф апхуэдэ жыджэрагъэрэ* ***къарурэ*** *щІэлъыжтэкъым* [Шортэн 2016: 98]. Елъыт: *КъывэбгъэрыкІуэным и пэ къихуэу къыфхуагъэувынущ ІэщэкІэ зэщІэузэда* ***къарухэм*** *я командующэ генерал Деникиным и властыр къэфщтэн хуейуэ*. [КІыщокъуэ 2005а: 87].

Абы и мызакъуэу зэпкърытх псалъэм синонимэгъу хуэхъу *гуащІэ* «зэфІэкІыныгъэ» мыхьэнэр хэлъу тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьащ, къызыхэкІа бзэм и мыхьэнэр имыхъуэжу. Ауэ *гуащІэ* псалъэм нэгъуэщІ (пэщІэха) мыхьэнэи адыгэбзэм щиІэщи, ахэм омоним къагъэхъу. ЩапхъэкІэ дгъэбелджылынщ: *(Фызым жиІэу:)Тхьаразы къыпхухъу, Къадир си щІалэ цІыкІу, уэри узытеджалэр уи былыму куэдрэ Тхьэм уи унагъуэ уащхьэщигъэт, зи мылъкур ІэфІрэ фІыгъуэкІэ зышхыжын* ***гуащІэмрэ*** *гущІэгъумрэ зиІэ Азэлыхьталэм уищІ* [Гъэунэ 2017: 206].

Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа *къулей* псалъэм «мылъку, хъугъуфІыгъуэ куэд зыбгъэдэлъ» мыхьэнэ щигъэзащІэм, тыркубзэм *мыгугъу, тынш* мыхьэнэщ щиІэр. Щапхъэ: *Ауэ, пэжыр жыпІэмэ, Пщымахуэ абы (КъуийцІыкІуокъуэм) и адэм и мылъку хуеплъэкІыну тхьэмыщкІэтэкъым* –

КIэмыргуейм нэхъ ***къулей*** *дыдэу исхэм ящыщ зыт* [Шэджыхьэщ1э 1994: 93]. Елъыт: ***Сыкъулейщ*** *жып1эу утыку укъимылъадэ, л1ыщ1э дзыхь зыхуэпщ1 уи1эмэ, уи 1уэху зэребгъэхьэу уэ лъэныкъуэгъэз зыпщ1ым нэхъыф1щ* [К1ыщокъуэ 2005: 188].

Диным епха *сэращ* (нэщ1 исхэр нэхущым и пэ къихуэу зэрышхэм) зэреджэ псалъэм адыгэбзэм фонетикэ зэхъуэк1ыныгъэ щигъуэтащ *(с: щ) щэращ* жи1эу. Щапхъэ: *Жансэхъу мызэ-мыт1эу ар 1уэху ищ1ат, ит1ани пэлъэщыртэкъым, Таша шхыну къыратыр зэхуихьэсурэ хэщхьэжыгъуэ мыхъуауэ зы зы1уигъахуэртэкъым, шхэрти къелыжар нэхущым деж* ***щэращу*** *ишхыжырт* [К1ыщокъуэ 2005а: 548]. *Тэрч псэлъэк1эм* дызытепсэлъыхь псалъэр къызыхэк1а бзэм къызэрыщапсэлъым хуэдэу - *сэращу* къыщызэтенащ.

Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа *тыныш* плъыфэц1эм езы тыркубзэм *щэху, мамыр, къайгъэнш1э* мыхьэнэ хэлъмэ, адыгэбзэм абы и гъунэгъу мыхьэнэ хилъхьащ – *гугъуехь зыхэмылъ, псынщ1э* жи1эу. Щапхъэ: *А си ролыр нэхъ* ***тыншыу****, нэхъыф1уи бгъэзащ1э хъунут* [Хьэх 1992: 164]. Елъыт: *Езы Абу-Деруиш л1ы лъахъшэ гъурщ, л1ы есщ, 1эпсынщ1элъэпсынщ1эщи, мащэм ехыурэ мэгъуэлъри йоплъ* ***тыншрэ*** *мытыншрэ* [К1ыщокъуэ 2006а: 379].

Гуэбэн псалъэ тыркубзэм къыхэк1ыу адыгэбзэм къыхыхьам *лэжьыгъэ хьэлъэм егъэлеяуэ иригъэшын, 1эпкълъэпкъыр игъэузын* мыхьэнэ и1эу ди бзэм къыщагъэсэбэп. Щапхъэ: *(Фэуаз къоупщ1 и гъусэр:)****Гуэбэн*** *уигъэщ1а (шым)?* [К1ыщокъуэ 2006а: 383]. Езы тыркубзэм *гъэпща* «зыгуэрым хьэуа из хъууэ зэ1ыша» мыхьэнэщ щи1эр.

Плъыфэ къэзыгъэлъагъуэ псалъэхэу *къуэлэн, къарэ, брул*-хэм я мыхьэнэм зимыхъуэжу тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьащ. Дызык1элъыплъ плъыфэц1эхэр шыхэм я фэ зыгъэлъагъуэ псалъэхэщ. Ахэр нэхъыбэу адыгэ нарт эпосым къыхощ. Къэтхьынщ щапхъэ зыбжанэ а плъыфэц1эхэр шыхэм ехьэл1ауэ нэхъыбэрэ къызэрык1уэр дгъэна1уэу. *Аслъанэ иш* ***Брулащхъом*** *шибл як1эн хэлъэу щытыгъ* [Нартхэр 1971: 141]. Аслъанэ и шым шибл я к1эн хэлъу щытащ. Елъыт: ***Тхъуэкъарапц1эм*** *тесам и 1эщэ-фащэр унэм щ1элърэ щ1эмылърэ къищ1эн и мурада щхьэк1э (Лъэбыцэжьей), ари къехъул1акъым* [Нартхэр 1970а: 25]. *Нарт Чэтэхъужърэ сэрэ* ***Къарэ-Нэзакъом*** *деж тык1уэнэу тежьагъ* [Нартхэр 1970б: 191]. Нарт Джэдыхъуэжьрэ сэрэ Къарэ-Нэзакъуэм деж дык1уэну дежьащ. *Узгъэпц1агъ, сэ спсэ зыхэлъэр* ***Къарэ лъакъуищэр*** *ары (жи1ащ Емынэжь)* [Нартхэр 1970: 57]. Укъэзгъэпц1ащ, сэ си псэр зыхэлъыр Къарэ лъакъуищыр аращ (жи1ащ Емынэжь).

Адыгэбзэм къыхыхьа *къулейсыз* псалъэм тыркубзэм *мытыныш, гугъу* мыхьэнэ щи1эм, адыгэбзэми абы *къулей* псалъэм пэщ1эуэ мыхьэнэ – *тхьэмыщкIэ, мылъку, къулеягъэ зыбгъэдэмылъ* жи1эу къыщагъэсэбэп. Щапхъэ: *Зэрыщыт дыдэу жи1эмэ, ц1ык1ухэм яшхын зымыгъуэт унагъуэ* ***къулейсызи*** *щы1эт, ит1ани еджак1уэхэм зызымыгъэнщ1 яхэт дэнэ къэна, ат1э гъатхэр къихьэмэ, пщыхьэщхьэк1э зи нэр хъэрахъэ щы1эт, дагъэ зыщ1элъ зэрамышхым къыхэк1к1э* [К1ыщокъуэ 2005а: 533]. Елъыт: ***Къулейсызу*** *щы1эр къулей хъуну хущ1окъу* [К1ыщокъуэ 2005: 267].

Апхуэдэу мыхьэнэ зэпэщ1эуэ я1эщ *угъурлы, угъурсыз* тырку псалъэхэми. Япэ псалъэм «ф1ыгъуэ, насып къызыдэк1уэ» [АП 1999: 652] мыхьэнэ и1эу бзэм

къищтамэ, иужьрейм абы пэщIэуэ «мыгъуагъэ, насыпыншагъэ, гуауэ къызыдэкIуэ» [АП 1999: 653] мыхьэнэщ иIэр. Тыркуыбзэм къыхэкIа мы псалъэхэм я мыхьэнэр ямыхъуэжу адыгэбзэм къыхыхьащ. Щапхъэхэм зэхуеплъ:

1. *А шырыкъуитIыр* ***угъурлыуэ*** *къилъытат, сыту жыпIэмэ Темыркъан ар щыгъыу дэнэ кIуами, лажьи хъати имыIэу къэкIуэжа мыгъуэт* [КIыщокъуэ 2006: 41]. Елъыт: *(Аслъэныкъуэ жиIэу:) ГуфIэгъуэ куэд къызэзыту щыта письмохэр къезыгъэхьу, си адэм фIыуэ илъагъуу щыта лIы* ***угъурлым*** *срикъанын ину сыщIэхъуэпсырт* [Теунэ 1965: 57].

2. *Зауэ* ***угъурсызым*** *къытхуихьа къулейсызыгъэр тыдогъэкIуэт, лэжьыгъэр нэхъри ефIэкIуэным, цIыхухэм я псэукIэр къызэфIэгъэувэжыным хуэунэтIащ Iуэхуу едгъэкIуэкI псори* [Къашыргъэ 1966: 289]. *Къэрэжьыр тхьэми цIыхуми къаужэгъужауэ, емынэунэу,* ***угъурсызу*** *дунейм къытена гуэрт, и ныбжьыр хэкIуэта дэнэ къэна, жьы хъуащи, и тIысыжыгъуэщ, къиущыхьу хэкум исщ, бэлэрыгъа хуэзэмэ, къиубыдрэ ищэу* [КIыщокъуэ 2006а: 105].

Апхуэдэу *белджылы* псалъэми бзитIми мыхьэнэ зэщхьщ щаIэр – «наIуэ, IупщI, гурыIуэгъуэ» жиIэу. Щапхъэ: *Музыкэм пичу, Назифэ лъагапIэ тIэкIум къехри залым къыщыщIыхьэм, зы пащIэ цIырхъ гуэр хъыджэбзым къыбгъэдэхутащ, и мурадыр* ***белджылыуэ*** [КIыщокъуэ 2006а: 397].

НэгъуэщIыбзэхэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэм куэдрэ мыхьэнэ зэпэщIэуэ щагъуэт щыIэщ. Псалъэм папщIэ, *ахъырзэман* зы псалъэм *фIы дыдэ, зэпэщ, къызыхуэтыншэ* мыхьэнэ иIэу адыгэбзэм къыхыхьащ, ауэ щыхъукIэ къызыхэкIа тыркубзэм абы нэгъуэщI мыхьэнэ шынагъуэщ щиIэр - *дунейкъутэж* жиIэу. Щапхъэхэр зэлъыт: *А псоми зыри хэзымыщIыкI Хьэжсет шитIым еплъурэ жиIащ: Шы* ***ахъырзэманщ,*** *уишхэр, ПытIыкъ, уи адэми фIыуэ илъагъурт шы!* [Журт 1987: 67].

Дамыгъэ псалъэм тыркубзэм щиIэ мыхьэнэхэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьар мыхьэнитIщ: 1. Шыр, былымыр кърацIыхужын папщIэ традзэ нэпкъыжьэ. 2. ЗэрызэхагъэщхьэхукI нагъыщэ. Щапхъэ: *Нэхъ бейхэм я къамэр инт, зэщIэцIууэу дыщэкIэ лат, къамэм и щIыбым тетт ар зейм и лъэпкъ* ***дамыгъэр,*** *и унэцIэр, витI-жэмитI фIэкIа зимыIэхэм я къамэр фIыцIэт, къамэкIыр дыжьыным къыхэщIыкIауэ, нэхъ щIалэ зыкъызыххэм якIэрыщIар къамэ къуаншэ цIыкIут, сэшхуэм ещхьыфэу* [КIыщокъуэ 2005: 84].

Тыркубзэ *хьэбыршыбыр* псалъэм *узыншагъэм зэран хуэхъу шхыныгъуэ* къикIмэ, адыгэбзэм абы нэгъуэщI мыхьэнэхэр щигъуэтащ: 1. Зыхуэмеиж, мыхьэнэ зимыIэж хьэпшыпыжь; 2. ЦIыху икIэ, бзаджэнаджэ. Щапхъэ: *Игу хьэрэмыжьым мы нэмыцэм я Iуэхур къищта щхьэкIэ, и бзэгум езэгъатэкъым, къищтатэкъым укIакIуэхэм я бзэр, я псалъэр, езы епцIыжакIуэр,* ***хьэбыршыбырыр*** *сыт хуэдизкIэ абы хуэмеями* [Хьэх 2013: 122].

Псалъэ куэд къыхыхьащ адыгэбзэм тыркубзэхэм щыщу псэущхьэхэм, къэкIыгъэхэм, щIыуэпсым, унагъуэм къыщагъэсэбэп хьэпшыпхэм, фадэхэм, сатум, зауэ Iуэхухэм епхауэ. Иужьрейхэр бзэм хэтщ фонетикэ илъэныкъуэкIи, лексикэ-мыхьэнэ илъэныкъуэкIи зэщхьэщыкIыныгъэшхуэ ямыIэу.

Псэущхьэ гуэрхэм я цIэхэр: *аслъэн* (джэду лъэпкъым ящыщ хьэкIэкхъуэкIэ Iэл пIащэ, теплъэкIэ гъуэжьыфэщ), *къэплъэн* (джэду лъэпкъым ящыщ хьэкIэкхъуэкIэ Iэл пIащэ, и шырхэр шэкIэ ипIу, и фэм курыжэ гъуэжьрэ фIыцIэрэ

гъуэрыгъуэу иІэу); *хьэрэ* (хыв), *къунан* (илъэсищым ит шыщІэ мыгъасэ). Щапхъэ: *Зэрыхъуаращ, тІу, еуэри зы гъэ гуэр Гупзешэхэ хъыджэбз хьэщІэ къахуэкІуащ шагъдий* ***къунаным*** *хуэдэу дахэу* [Нало 1981: 263].

Джэдкъаз гуэрхэм я фІэщыгъэцІэхэр: *къаз* (унэм щагъэхъу, губгъуэми щыпсэу, псым фІыуэ щес джэдкъаз лІэужьыгъуэ), *бабыщ* (псым ес джэдкъазхэм щыщщ), *къыу* (псым есхэм щыщ къуалэбзу, и пэр фІыцІэу, и пщэр къэрэкъэшу). Щапхъэ: *Псыежэхым щІалэ цІыкІухэр щыбгъэдыхьэхэм, асыхьэтыпцІашэрауэ, зы бдзэжьеишхуэжь,* ***бабыщ*** *зызыгъэпскІым нэхъей, Іэуэлъауэ ину иригъэщІу, псытепхъэмкІэ фийуэ зэпрыцІэфтри, архъуанэм кІуащ* [Хьэх 2013: 251].

КъэкІыгъэ гуэрхэм я фІэщыгъэцІэхэр: *хъарбыз* (щІыпІэ хуабэхэм къыщыкІ, зи пкъыр щІым щылъу жэ хадэхэкІ); *тутын* (зи тхьэмпэхэр ягъэгъуурэ яубзытэжу тхылъымпІэ шыхьам кІуэцІылъу Іугъуэ щытыкІэу ираф къэкІыгъэ). Щапхъэ: *Болэт пІащІэтэкъым лІыжьым къытрилъхьа* ***тутыным*** *хэІэбэну, апхуэдэ къабзэуи пІащІэтэкъым лІыжьыр зыщІэупщІахэм жэуап иритыну* [Дыгъужь 2011: 84].

Пхъэщхьэмыщхьэ гуэрхэм я фІэщыгъэцІэхэр: *хуэрэджэ* (пхъэщхьэмыщхьэ лъэпкъ, гъуэжьыфэу, купкъышхуэ иІэу), *жызум* (жызумейм къыпыкІэ пхъэщхьэмыщхьэ ІэфІ). Щапхъэ: ***Жызум*** *хадэ хэзысэнур жызумыфІ мэлъыхъуэ* [КІыщокъуэ 2006: 274].

ЩІыуэпсым ехьэлІа псалъэхэр: *къум* (пшахъуэщІ, цІыху зыщымыпсэу, къэкІыгъэ, псы здэщымыІэ щІыпІэ нэщІ), *тенджыз* (хы), *борэн* (жьапщэ ин, уэшх, уэс щІэту). Щапхъэ: *Дыгъэр къухьэри, пщыхьэщхьэр къытехьэу щІидзащ, нэхъ щІыІэтыІэ* ***тенджызым*** *къыщхьэщихуу хуежьащ* [Хъупсырокъуэ 1980: 169].

Хьэкъущыкъухэм я фІэщыгъэцІэхэр: *гуэгуэн* (къубгъаным ещхьыфэу, нэхъыбэу гъуаплъэм къыхэщІыкІа псылъэшхуэ); *шынакъ* (зэрышхыкІ, махъсымэ, къалмыкъ шей сыт хуэдэхэр зэрыраф кумбыгъэ, щыкъу), *тепщэч* (зэрышхэ хьэкъущыкъу). Щапхъэ: *Ягъэ кІынкъым, Іэщэр зыгъэІэщэр лІыгущ, Бэтокъуэ, ар зыщумыгъэгъупщэ! – жеІэ Дэбэч, ягъэхуэбэжа хьэлІамэпс* ***шынакъым*** *ефэурэ* [Шортэн 2016: 73].

Унагъуэм къыщагъэсэбэп хьэпшып гуэрхэм я фІэщыгъэцІэхэр: *бру* (зыгуэр зэрыпхах, зэраугъуэн Іэмэпсымэ), *къапхъэн* (хьэкІэкхъуэкІэ, дзыгъуэ с.ху. къызэраубыд Іэмэпсымэ, теувэмэ, жьэхэуэмэ, диубыдэу).

Тыркубзэм щыщу ди бзэм къыхыхьа *джынасу* псалъэм адыгэбзэм мыхьэнитІ щигъуэтащ: 1. И теплъэкІэ дыжьыныфэ-хужьыфэу щыт металл ткІуаткІуэ хьэлъэ. 2. ПхъащІэхэм, унэ зэтезылъхьэхэм захуагъ-Іушагъ къызэрахутэ Іэмэпсымэ. Езы тыркубзэм мы псалъэм япэ мыхьэнэр иІэущ зэрыхэтыр.

Фадэ лІэужьыгъуэ гуэрхэм я фІэщыгъэцІэхэр: *шагъыр* (жызум, пхъэщхьэмыщхьэ с.ху. я псым къыхэщІыкІа фадэ, санэ). Щапхъэ: *(Бэтокъуэ жиІэу:) ДрекІуей абы (балконым) Тифлис* ***шагъыр*** *ефэу дэсахэр* [КІыщокъуэ 2005: 323].

Сырэ тыркубзэм щыщ псалъэм адыгэбзэм щиІэ хъуа мыхьэнитІыр зэпэжыжьэщи омоним къагъэхъу: япэр - хьэкъущыкъу зыдагъэувэ шкаф. ЕтІуанэм – фадэ лІэужьыгъуэ – *пивэ*. Езы псалъэр къызыхэкІа тыркубзэм фадэ

лIэужьыгъуэ – *пивэ* мыхьэнэ зырщ щиIэу хэтыр. Щапхъэ: *ЩIыбагъ блыным къыдехыу икIи егъэувалIэпауэ зы гъуэлъыпIэ, пхъащIэ Iэзэ IэщIагъэу пхъэбгъу шэнтжьей кIыхь, хьэкъущыкъу дэгъэувапIэу* ***сырэ*** *зэтет щIэтт* [КIэрэф 2009: 95].

З*ауэ Iуэхухэм ехьэлIа псалъэхэр**: *лъагъым* (къаруушхуэ зиIэу къауэ Iэщэ), *топ* (шэ инкIэ яузэд Iэщэ), *сагъындакъ* жьы хъуа псалъэщ (шабзэ лIэужьыгъуэ); *къамэ* (Iэщэу къагъэсэбэп сэ лIэужьыгъуэ, лъэныкъуитIымкIи дзэ иIэу, и пэр папцIэу). Щапхъэ: *МафIэр къэзутIыпщхэр тыншу плъагъу щхьэкIэ уалъэIэсынукъым, щIытIым уелъэн хуейщи, абы нэмыщIыжу огнеметыр зэрыт танкыр хэтIащ,* ***лагъым *ситкIэ упэмылъэщыну* [КIыщокъуэ 2006а: 412].

Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа щыIэцIэхэм гъэпсыкIэ зэхэлъ яIэ зэрыхъу щIыкIэхэр. Хамэбзэхэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэм гъэпсыкIэ зэхэлъ ягъуэт Iэмал зэмылIэужьыгъуэхэмкIэ: а) лъабжьэгъусэхэр къапыувэурэ; б) псалъэзэхыхьэкIэ къэхъуауэ; в) псалъэм къытригъэзэжурэ къэхъуауэ.

ЩыIэцIэ псалъэ адыгэбзэм къыхыхьахэм нэхъыбэрэ *лъабжьэужь япыувэурэ* зэхэлъ гъэпсыкIэ яIэ мэхъу, мыхьэнэщIи ягъуэт. Апхуэдэу, щыIэцIэ лъабжьэужь *–лъэ*-м мыхьэнэ зэхуэмыдэхэр яхелъхьэ, псалъэм папщIэ, *ахъша-лъэ* (ахъшэ зыралъхьэ, зэрызэрахьэ), *мет****ы****-лъэ* (метхэр зилъу яхъумэ). Мы псалъэхэм хьэпшыпыр здэщыIэ щыпIэр лъабжьэужьым игъэнаIуэ къудеймэ, *къамыл****ы****-лъэ* (къамыл куэд къыщыкI), *гуэл****ы****-лъэ* (гуэл щыкуэд) псалъэхэм щIыпIэ гуэрхэм *куэд* мыхьэнэ зэрахэлъыр наIуэщ. Зи ужьыр макъ дэкIуашэкIэ иух псалъэхэм зэпызыщIэ *ы* макъзешэр я кум къызэрыдэхъуэр макъзэблэхъу бзэхабзэ адыгэбзэм щекIуэкIхэм къыщхьэщыкIкъым.

Лъабжьэужь *–ншэ*-м бзэм къыхыхьа псалъэхэм я псалъэпкъым игъэнаIуэ мыхьэнэм зыгуэр къызэрытыр, зэрыщымыIэр егъэлъагъуэ. Щапхъэ: *къаруу****(ы)****-ншэ* (къару зимыIэ, гуащIэ мащIэ), *жэрдэм****ы****-ншэ* (хьэрычэтыншэ), *къалэн****ы****-ншэ* (къалэн зимыIэ, Iуэхуншэ), *ахъш****э****-ншэ* (ахъшэ зимыIэ). Зэрынэрылъагъущи, зи лъабжьэ кIэухыр макъ дэкIуашэкIэ иух псалъэм макъзешэ ***ы*** къыпыувэу лъабжьэужьыр къыхыхьэмэ, макъзешэ ***э***-кIэ иух псалъэм лъабжьэужь *–ншэ*-р макъзэблэхъу къыщымыхъуу поувэ, нэгъуэщIу жыпIэмэ, апхуэдэ псалъэщIхэм лъабжьэкIэух макъзешэр хъума щохъу. Щапхъэ: *Ди бзылъхугъэхэм я нэкIур нэпсым ишыуащ, ди губгъуэхэм лIыжь* ***къаруушэ*** *фIэкIа ялъагъужыркъым, нэхъ щIалэхэр, зи лэжьэгъуэхэр мэхъунщIэ-мэфыщIэри хамэ щIыпIэхэм щыIэщ* [Шэджыхьэщ Iэ 1994: 49].

Адыгэбзэм къыхыхьа тыркубзэ псалъэхэм лъабжьэужь *–фIэ* щапыувэкIэ псалъэпкъым и мыхьэнэр игъэбагъуэу, нэхъыбэ ищIу мыхьэнэ хелъхьэ, макъзэблэхъу зэмылIэужьыгъуэхэри къыщохъу. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *къару****(уы)****-фIэ* (къаруушхуэ зыхэлъ), *сату****(уы)****-фIэ* (сату къызэхъулIэ), ауэ *гуащI****а****-фIэ* (зи къару илъ). Макъ дэкIуашэ *у-кIэ* иух кIэухым лъабжьэужь *-фIэ* щыпыувэхэм деж макъзешэ *ы*-м имызакъуэу псалъэ лъабжьэм иджыри зы *у* къыпоувэ. Псалъэ лъабжьэр макъзешэ э-кIэ иухмэ, *э: а* -кIэ зэхъуэкIа мэхъу. Ар адыгэбзэм и макъзэблэхъу хабзэхэм тохуэ [Дзуганова 2005: 188]. Елъыт: *Нэхъ* ***къаруу*****фIэм** *сащыщакъым, Зы лIыгъэ ини зезмыхьа, ИтIани, еплъ уэ, си насыпти, Сэ а зауэшхуэм симыхьа* [КIыщокъуэ 2004: 93].

Тыркубзэм щыщ псалъэхэу адыгэбзэм къыхыхьахэм лъабжьэужь *-гъ* щапыувэкIэ я лъабжьэ кIэухымрэ лъабжьэужьымрэ я зэхуакум макъзэблэхъу къыщохъу - макъзешэ *а*-кIэ лъабжьэмрэ лъабжьэужьымрэ зэпыщIа мэхъу. Щапхъэхэм зэхуеплъ: *белджылы –белджыл-**а**-гъ; угъурлы- угъурл-**а** –гъ; къарууфIэ -къарууфI-**а**-гъ; жэрдэм- жэрдэм-**а**-гъ,* н.къ.

Адыгэбзэм къыхыхьа тыркубзэм щыщ псалъэхэм сыт хуэдэ лъабжьэ кIэух яIэми, адыгэбзэм щыIэцIэ псалъэщI лъабжьэужь *–гъу*-р макъзешэ *э* –кIэ япыщIа мэхъу. Зэхуеплъ: *чэнджэщ – чэнджэщ-**э**-гъу*; *сату - сатуу-**э**-гъу* Щапхъэ: *Къулыкъушхуэ ямыIами, а тIури (Хьэжмуратрэ Арсенрэ) парткомым, рудкомым хэтт, рабочэхэм ядэлажьэрт, ядэшхэрт, зыхуейхэр, зыхуэныкъуэхэр ящIэрт, сыт щыгъуи **чэнджэщэгъу**, дэIэпыкъуэгъу ядэхъурт* [Щомахуэ 1970: 47].

Псалъэзэхыхьэ къэхъукIэкIэ бзэм къыхыхьа псалъэрэ езы адыгэбзэм щыщрэ зэхыхьэу псалъэзэхэлъ куэд къагъэщI. Щапхъэ: *къулыкъу+щIэн – къулыкъу(**ы**)щIэ* (къулыкъу зезыхьэ, акъылкIэ гъэзэщIэн хуей IэнатIэ пэрыт цIыху); *хъарбыз+фэ – хъарбыз**ы**-фэ* (хъарбызым телъ фэ); *къаз+хъу(ы) – къаз**ы**хъу* (къазхэм ящыщу хъур), *къаз+хъу(ы)+нэ – къаз**ы**-хъу(**ы**)-нэ* (тIэкIу къикIа-къикIауэ щыт нэ нащхъуэ); *бэзэр+нэ – бэзэр**ы**-нэ* (бэзэрым ящэнIауэ хуит зэращIым щIат пщIэ).

Щапхъэхэм наIуэ къытщащI, нэрымылъагъу кIэух зиIэ щыIэцIэ лъабжьэхэр псалъэзэхыхьэм макъзэблэхъу: *нэрымылъагъу: ы*–кIэ щызэпыщIауэ зэрыщытыр. ЩыIэцIэ псалъэ зэхыхьэхэм макъзэблэхъу къыщымыхъуу езы псалъэхэр щызэпыуви щыIэщ. Зэхуеплъ *къамыл+фо – къамылфо* (къамылым къыщIаху фо).

ТIуащIэхъу псалъэщI лIэужьыгъуэхэм тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэри къыщокIуэ. Щапхъэ: *къуэлэн-пщIэлэн.*

Языныкъуэхэм деж тыркубзэм щыщ псалъэхэр лъабжьэужь пыту адыгэбзэм къыщыхыхьэ щыIэщ. Ахэм зэхэлъ гъэпсыкIэ яIэу бзэм къищтэркъым, псалъэм и зы мыхьэнэ гуэр игъэнаIуэу къокIуэ. Зэхуеплъ: *Iыхь-лы* (лъыкIэ къыбгухьэ), *угъур-лы* (фIыгъуэ, насып къызыдэкIуэ) псалъэхэм зы мыхьэнэ къагъэлъагъуэмэ, псалъэм папщIэ, хьэрыпыбзэм щыщ псалъэхэм а лъабжьэужьыр щапыувэкIэ псалъэпкъым и мыхьэнэм *куэд* мыхьэнэ халъхьэ: *гуэныхь-лы* (гуэныхь зи куэд), *дин-лы* (егъэлеяуэ дин щIэкъу, диныр ткIийуэ зыIыгъ), н.къ. А лъабжьэужь *–лы*-м пэщIэуэ мыхьэнэ иIэу *–сыз* лъабжьэужьыр къокIуэ. Апхуэдэ псалъэ къэхъукIэкIэ къыхыхьащ адыгэбзэм псалъэ зыкъом. Зэхуеплъ: *угъур-сыз* (фIы къызыдэмыкIуэ, Iейм хущIэджэ), *Iиман-сыз* (Iиман зимыIэ, дин зымыIыгъ), *дин-сыз* (дин зимыIэ, дин зымыIыгъ) псалъэхэм псалъэпкъым и мыхьэнэр къэту, щымыIэу мыхьэнэ къыхелъхьэ.

ГъэщIэгъуэнщ, тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэр псалъэ зэпхахэм, зэзыгъапщэ жыIэгъуэхэм, фразеологизмэхэм (псалъафэхэм), псалъэжьхэм зэрыхыхьэр. Зэлъыт щапхъэхэр:

– псалъэ зэпхахэм – ***къулыкъу** зехьэн* (акъылкIэ гъэзэщIэн хуей IэнатIэ пэрытын); ***делэ** хъун* (зыгуэрым и акъылыр зэIыхьэн, зыри къыгурымыIуэж хъун); ***ауан** щIын* (зыгуэрым щIэнэкIэн, щыдыхьэшхын) ***къэлэн** хуэхъун* (зыгуэрым щхьэщыпха лэжьыгъэр уи пщэ дэлъу къэнэн), н.къ.

– зэзыгъапщэ жыIэгъуэхэр: *щхьэ* ***къэб***: 1. Щхьэшхуэ. 2. ЦIыху акъылыншэ, мыкхъэмывэу щытым хужаIэ. ЕтIуанэ мыхьэнэр нэхъ къагъэсэбэпрейуэ щытщ. Иджыри зэлъыт: *нэкIу* ***тэбакъ,*** *нэкIу* ***тебэ/табэ*** (гуемыIуу нэкIушхуэу щыт). Щапхъэ: *А дакъикъэм Инармэс игъащIэм лъагъугъуафIэу, ухуеймэ угъурлыуэ къыщыхъуу щыта нэкIур – Нэзэр и нэкIур!* – ***зэрынэкIутэбакъыр,*** *зэрыфэрэкIнапэр, зэрынащхъуэжьыр, зэрыекуэкуншэр, щхьэтепхъуэ телъауэ траха нэхъей, зэуэ къилъэгъуащ – ар анэдэлъху нэкIутэкъым, ар хамэ нэкIут, и Iупэ хужь къэпщахэр хьэмбылум ещхьу…* [Нало1981: 175].

– псалъафэхэм: *Псыпц1э* ***къамылу*** *дэкIеин* (псынщIэу хэхъуэн, зиужьын); ***Уэрам*** *гъэдахэу дэтын* (Iуэхуншэу хьэулеин); ***Минрэ*** *жеIэн* (узэхимыхын, мыдэIуэн).

– псалъэжьхэм: *ЗэкъуэшитIрэ дзитI зыIут* ***къамэрэ*** (Егъэлеяуэ лъэщ, узыпэмылъэщын). ***Къалэн*** *зыщыпщIыр къалэн пхуохъу* (Уимылэжьыгъэ гуэр зыгуэрым щхьэщыпхамэ, дапщэщи ар пщIэн хуейуэ къыпщыгугъыу мэхъу). *Иужьрей* ***сомымкIэ бохъшэ*** *къащэхуркъым* (Ахъшэ зэзымыгъэзахуэ, те-утIыпщхьауэ псэум хужаIэ).

КIэух

ЕдгъэкIуэкIа лэжьыгъэм наIуэ къытщищIащ хамэбзэ ди бзэм къыхыхьахэр бзэщIэныгъэлIхэм къыщыхагъэщым, куэдрэ щыуагъэр щыплъагъур псалъэ нэхъыбэр тыркубзэм щыщу къызэралъытэрщ. Абы и щхьэусыгъуэр хьэрып, перс бзэхэм щыщу ди бзэм къищта псалъэхэр тыкубзэмкIэ адыгэбзэм къыхыхьауэ зэрыщытырщ. Абы и щыхьэтщ, псалъэм папщIэ, диным епха хьэрып псалъэхэр апхуэдэ дыдэуи тыркубзэми зэрыхэтыр.

Тыркубзэм щыщу адыгэбзэм къыхыхьа псалъэхэр бзэм и лъэныкъуэ къат псоми зэрахэтлъагъуэм нэмыщIкIэ, езы бзэм и лъабжьэгъусэхэри зэрапыувэр, адыгэбзэм и псалъэ къэхъукIэхэм я жыпхъэм зэриувэр и щыхьэтщ, ахэр бзэм и лексикэм имызакъуэу адрей къатхэми кууэ зэрыхэпщIам.

ТЕГЪЭЩIАПIЭХЭР

АП 1999 – *Адыгэбзэ псалъалъэ* // Словарь кабардино-черкесского языка (составители: М.Л. Апажев, П.М. Багов и др.). – М.: Дигора, 1999. – 852 с.

Гъэунэ 2017 – *Гъэунэ Б.* Лъагъунлъагъу // Псы Iубыгъуэ. Повесть. Рассказхэр. – Налшык: Эльбрус, 2017. – 340 н. (на каб.-черк. яз.)

Дзуганова 2005 – *Дзуганова Р.Х.* Морфонологические процессы в кабардино-черкесском словообразовании. – Нальчик: Эль-фа, 2005. – 216 с.

Дыгъужь 2011 – *Дыгъужь Къу.Б.* ЩIымахуэ лэгъупыкъу. Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхылъ тедзапIэ. – Черкесск, 2011. – 174 н. (на каб.-черк. яз.)

Журт 1987 – *Журт Б* Адэжь лъапсэ. Повесть. – Налшык: Эльбрус, 1987. – 187 н. (на каб.-черк. яз.)

Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских(черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

КIэрэф 2009 – *КIэрэф М.* Лъэужь е лIэужь. Повестхэр. – Налшык: Эльбрус, 2009. – 572 н. (на каб.-черк. яз.)

КIыщокъуэ 2004 – *КIыщокъуэ А.П.* Зауэ жыхуаIэм и хъыбарыр / Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. – Налшык, 2004. – 512 н. (на каб.-черк. яз.)

КІыщокъуэ 2005 – *КІыщокъуэ А.П.* Хъуэпсэгъуэ нур / Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 2. – Налшык, 2005. – 488 н. (на каб.-черк. яз.)

КІыщокъуэ 2005а – *КІыщокъуэ А.П.* Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ / Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 3. – Налшык, 2005. – 752 н. (на каб.-черк. яз.)

КІыщокъуэ 2005б – *КІыщокъуэ А.П.* Эмирым и сэшхуэ/ Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 3. – Налшык, 2005. – 752 н. (на каб.-черк. яз.)

КІыщокъуэ 2006 – *КІыщокъуэ А.П.* Нал къута / Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 4. – Налшык, 2006. – 688 н. (на каб.-черк. яз.)

КІыщокъуэ 2006а – *КІыщокъуэ А.П.* Лъапсэ / Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т. 5. – Налшык, 2006. – 552 н. (на каб.-черк. яз.)

Лопатинский 1891 – *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь с указателем. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. отд. II. – Тифлис: б/и, 1891. – 299 с.

Люлье 1846 – *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский или адигский, с краткой грамматикой сего последнего. – Одесса: б/и, 1846. – 246 с.

Нало 1981 – *Нало З.М.* Къру закъуэ. – Налшык: Эльбрус, 1981. – 400 н. (на каб.-черк. яз.)

Нартхэр 1970 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Т. 2. – Мыекъуапэ, 1970. – 336 н. (на каб.-черк. яз.)

Нартхэр 1970а – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Т. 3. – Мыекъуапэ, 1970. – 354 н. (на каб.-черк. яз.)

Нартхэр 1970б – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Т. 5. – Мыекъуапэ, 1970. – 336 н. (на каб.-черк. яз.)

Нартхэр 1971 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. Т. 7. – Мыекъуапэ, 1971. – 424 н. (на каб.-черк. яз.)

РАС 1964 – *Русско-арабский словарь* (составил Г.Ш.Шарбатов). – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 1196 с.

РПС 1965 – *Русско-персидский словарь* (составители И.К. Овчинникова, Г.А. Фуругян, Ш.М. Бади). – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 1091 с.

РТС 1972 – *Русско-турецкий словарь* (составители Э.М.-Э. Мустафаев и В.Г. Щербинин). – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1028 с.

Сакиев 1959 – *Сакиев М.М.* Тюркская и арабская лексика в кабардмно-черкесском языке. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. 3. Филологическая серия. – Черкесск, 1959.

Теунэ 1965 – *Теунэ Хь.* Псэм и ІэфІыр къыуатмэ. Роман. – Налшык: Эльбрус, 1965. – 458 н.

Хьэх 1992 – *Хьэх С.Хь*. Махуэм дунейр и кІыхьагъщ. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. – Налшык: Эльбрус, 1992. – 304 н. (на каб.-черк. яз.)

Хьэх 2013 – *Хьэх С.Хь*. Лъагъуэр гъуэгум хуокІуэ. – Налшык: Эльбрус, 2013. – 624 н. (на каб.-черк. яз.)

Хъупсырокъуэ 1980 – *Хъупсырокъуэ Хъ*. ГъукІэ. – Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапІэ. Къэрэшей-Шэрджэс тхылъ тедзапІэ, 1980. – 262 н. (на каб.-черк. яз.)

Шагиров 1962 – *Шагиров А.К*. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 215 с.

ШэджыхьэщІэ 1994 – *ШэджыхьэщІэ Хь.* ЛъыщІэж // Тхыгъэхэр. – Налшык: Эльбрус, 1994. – 432 н. (на каб.-черк. яз.)

Шортэн 2016 – *Шортэн А.Т*. Бгырысхэр. Роман-эпопея, тхылъиплІ хъууэ. – Налшык: Эльбрус, 2016. – 1224 н. (на каб.-черк. яз.)

Щомахуэ 1970 – *Щомахуэ А*. Бгырыс шухэр. – Налшык: Эльбрус, 1970. – 252 н. (на каб.-черк. яз.)

Klaproth 1814 – *Klaproth J.* Kaukasische Sprachen Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georglen. – Halle und Berlin, 1814. (на англ. яз.)

Reineggs 1796 – *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreiburg des Caucasus, erster Theil. – Gotha und St.-Petersburg, 1796. (на англ. яз.)

REFERENCES

Adygehbzeh psal"al"eh [Dictionary of the Circassian language]. In: Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka (sostaviteli: M.L. Apazhev, P.M. Bagov i dr.). – M.: Digora, 1999. – 852 p. (In Russ.).

G"EHUNEH B. *L"ag"unl"ag"u* [Favourite]. In: Psy Iubyg"ueh. Povest'. Rasskazkhehr. – Nalshyk: Ehl'brus, 2017. – 340 n. (na kab.-cherk. yaz.)

DZUGANOVA R.KH. *Morfonologicheskie protsessy v kabardino-cherkesskom slovoobrazovanii* [Morphonological processes in Kabardino-Circassian word formation]. – Nal'chik: Ehl'-fa, 2005. – 216 p. (In Russ.).

DYG"UZH' K"U.B. *ShchIymakhueh lehg"upyk"u. K"ehrehshei-Shehrdzhehs Respublikehm i k"ehral tkhyl" tedzapIeh* [Winter rainbow. State Publishing House of the Karachay-Cherkess Republic]. – Cherkessk, 2011. – 174 n. (na kab.-cherk. yaz.)

ZHURT B *Adehzh' l"apseh. Povest'* [Lineage]. – Nalshyk: Ehl'brus, 1987. – 187 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1981. – 288 p. (In Russ.).

KIEHREHF M. *L"ehuzh' e lIehuzh'. Povestkhehr* [A trace or offspring. Stories]. – Nalshyk: Ehl'brus, 2009. – 572 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *Zaueh zhykhuaIehm i kh"ybaryr* [The history of the so-called war]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 1. Usehkhehmreh poehmehkhehmreh. – Nalshyk, 2004. – 512 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *Kh"uehpsehg"ueh nur* [A bright dream]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 2. – Nalshyk, 2005. – 488 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *Mazeh nyk"ueh shchkh"uantIeh* [Blue Crescent]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 3. – Nalshyk, 2005. – 752 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *Ehmirym i sehshkhueh* [Saber of the Emir]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 3. – Nalshyk, 2005. – 752 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *Nal k"uta* [Horseshoe]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 4. – Nalshyk, 2006. – 688 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KIYSHCHOK"UEH A.P. *L"apseh* [Footing]. In: Tkhyg"ehkhehr tomikhym shchyzehkhuehkh'ehsaueh. T. 5. – Nalshyk, 2006. – 552 n. (na kab.-cherk. yaz.)

LOPATINSKII L.G. *Russko-kabardinskii slovar' s ukazatelem* [Russian-Kabardian dictionary with an index]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. XII. otd. II. – Tiflis: b/i, 1891. – 299 p. (In Russ.).

LYUL'E L.YA. *Slovar' russko-cherkesskii ili adigskii, s kratkoi grammatikoi sego poslednego* [Russian-Circassian or Adyghe dictionary, with a brief grammar of the latter]. – Odessa: b/i, 1846. – 246 p. (In Russ.).

NALO Z.M. *K"ru zak"ueh* [The Lonely Crane]. – Nalshyk: Ehl'brus, 1981. – 400 n. (na kab.-cherk. yaz.)

Nartkhehr. Adygeh ehpos [Sleds. The Adyghe Epic]. T. 2. – Myek"uapeh, 1970. – 336 n. (na kab.-cherk. yaz.)

Nartkhehr. Adygeh ehpos [Sleds. The Adyghe Epic]. T. 3. – Myek"uapeh, 1970. – 354 n. (na kab.-cherk. yaz.)

Nartkhehr. Adygeh ehpos [Sleds. The Adyghe Epic]. T. 5. – Myek"uapeh, 1970. – 336 n. (na kab.-cherk. yaz.)

Nartkhehr. Adygeh ehpos [Sleds. The Adyghe Epic]. T. 7. – Myek"uapeh, 1971. – 424 n. (na kab.-cherk. yaz.)

Russko-arabskii slovar' [Russian-Arabic dictionary] (sostavil G.Sh. Sharbatov). – M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1964. – 1196 p. (In Russ.).

Russko-persidskii slovar' [Russian-Arabic dictionary] (sostaviteli I.K. Ovchinnikova, G.A. Furugyan, Sh.M. Badi). – M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1965. – 1091 p. (In Russ.).

Russko-turetskii slovar' [Russian-Arabic dictionary] (sostaviteli Eh.M.-Eh. Mustafaev i V.G. Shcherbinin). – M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1972. – 1028 p. (In Russ.).

SAKIEV M.M. *Tyurkskaya i arabskaya leksika v kabardmno-cherkesskom yazyke* [Turkic and Arabic vocabulary in the Kabardino-Circassian language]. In: Trudy Karachaevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Vyp. 3. Filologicheskaya seriya. – Cherkessk, 1959. (In Russ.).

TEUNEH KH'. *Psehm i IehfIyr k"yuatmeh. Roman* [If the sweetness of the soul is given. Novel]. – Nalshyk: Ehl'brus, 1965. – 458 n. (In Russ.).

KH'EHKH S.KH'. *Makhuehm duneir i kIykh'ag"shch. Povestkhehmreh rasskazkhehmreh* [The weather during the day. Novels and short stories]. – Nalshyk: Ehl'brus, 1992. – 304 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KH'EHKH S.KH'. *L"ag"uehr g"uehgum khuokIueh* [The path leads to the road]. – Nalshyk: Ehl'brus, 2013. – 624 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KH"UPSYROK"UEH KH". *G"ukIeh* [The Blacksmith Shop]. – Cherkessk: Stavropol' tkhyl" tedzapIeh. K"ehrehshei-Shehrdzhehs tkhyl" tedzapIeh, 1980. – 262 n. (na kab.-cherk. yaz.)

SHAGIROV A.K. *Ocherki po sravnitel'noi leksikologii adygskikh yazykov* [Essays on the Comparative Lexicology of the Adyghe Languages]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. – 215 p. (In Russ.).

Shehdzhykh'ehshchIeh Kh'. *L"yshchIehzh* [Revenge]. In: Tkhyg"ehkhehr. – Nalshyk: Ehl'brus, 1994. – 432 n. (na kab.-cherk. yaz.)

SHORTEHN A.T. *Bgyryskhehr. Roman-ehpopeya, tkhyl"iplI kh"uueh* [of the Mountains, an epic novel in four books]. – Nalshyk: Ehl'brus, 2016. – 1224 n. (na kab.-cherk. yaz.)

SHCHOMAKHUEH A. *Bgyrys shukhehr* [Mountain Riders]. – Nalshyk: Ehl'brus, 1970. – 252 n. (na kab.-cherk. yaz.)

KLAPROTH J. *Kaukasische Sprachen Anhang zur Reise in den Kaukasus und nach Georglen*. – Halle und Berlin, 1814. (In Eng.).

REINEGGS J. *Allgemeine historisch-topographische Beschreiburg des Caucasus, erster Theil*. – Gotha und St.-Petersburg, 1796. (In Eng.).

Авторхэм теухуауэ

Дзыгъуанэ Р.Хь. – филологие щIэныгъэхэмкIэ доктор.

Уэщро К.В. – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат.

Information about the authors

R. Kh. Dzuganova – Doctor of Philology.

K. V. Oshroeva – Candidate of Philology.

Информация об авторах

Р.Х. Дзуганова – доктор филологических наук.

К.В. Ошроева – кандидат филологических наук.

Авторхэм я хэлъхьэныгъэхэр: Статьяр гъэхьэзырыным дэтхэнэ авторми зэхуэдэ хэлъхьэныгъэ хуищIащ. Авторхэм жаIэ зэгурымыIуэныгъэ лъэпкъ яку зэрыдэмылъыр.

Contrbution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Тхыгъэр редакцэм кърагъэхьащ 14.05.2026; рецензэ нэужьым къащтащ 15.09.2026; къытрадзэну къащтащ 29.09.2026.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-385-397
EDN: OGAMJG

АДЪЕКТИВ АРИУ ‘КРАСИВЫЙ’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИЯ, СЕМАНТИКА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

Аннотация. Статья сопряжена с анализом лексики карачаево-балкарского языка. В ней полиаспеткному анализу подвергается употребляемая в целом ряде тюркских языков полисемантичная аксиологическая адъективная лексема *ариу* ‘красивый’, имеющая трехчленную омонимичную парадигму, выявляются и описываются ее функционально-семантический и словообразовательный потенциал, грамматические особенности, отмечается представленность в составе различного рода флоронимов и микротопонимов, а также антропонимов, обозначающих представителей женского пола. В работе констатируется, что анализируемое слово связано с релевантными для карачаево-балкарской этно- и лингвокультуры архаичными представлениями носителей языка о красивом, которые не потеряли своей значимости и в настоящее время. Функциональные и этнокультурные особенности слова *ариу* в большей степени проявляются в составе паремических высказываний. В них актуализируются те составляющие, которые имеют важное значение для этнической паремиологической картины мира относительно репрезентации эстетического кода культуры карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; лексика; паремия; адъектив ариу ‘красивый’; функция; семантика; этнокультурное значение

Для цитирования: Кетенчиев М.Б. Адъектив ариу ‘красивый’ в карачаево-балкарском языке: функция, семантика и этнокультурное значение // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 385-397. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-385-397. EDN: OGAMJG.

© Кетенчиев М.Б., 2026
© Кавказология, 2026

Original article

ADJECTIVE ARIU ‘BEAUTIFUL’ IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE: FUNCTION, SEMANTICS, AND ETHNOCULTURAL MEANING

Mussa B. Ketenchiev
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

Abstract. The article is associated with the analysis of the vocabulary of the Karachay-Balkar language. In it, the polysemantic axiological adjectival lexeme *ariu* ‘beautiful’, which has a three-member homonymous paradigm and is used in a number of Turkic languages, is subjected to a multi-

aspect analysis. Its functional-semantic and word-formation potential, grammatical features, and representation in various types of floronyms and microtoponyms, as well as anthroponyms denoting female individuals, are identified and described. The paper states that the analyzed word is associated with the archaic notions of beauty relevant to the Karachay-Balkar ethno- and linguistic culture, which have not lost their significance in the present day. The functional and ethnocultural features of the word *ariu* are more pronounced in the context of paremiological statements. These statements highlight the components that are essential for the ethnic paremiological worldview.

Keywords: Karachay-Balkar language, vocabulary, paremia, adjective ariu ‘beautiful’, function, semantics, ethnocultural significance.

For citation: Ketenchiev M.B. Adjective ariu ‘beautiful’ in karachay-balkar language: function, semantics, and ethnocultural meaning. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 385-397. – DOI: 10.31143/2542 212X-2026-3-385-397. EDN: OGAMJG.

© Ketenchiev M.B., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Словарный состав карачаево-балкарского языка как сложная система изучена достаточно неплохо. При этом исследователи обращают значительное внимание на семантику лексических единиц, их происхождение, сферу функционирования и стилистическую маркированность тех или иных групп слов, анализируя их с позиций традиционной структурной лингвистики, о чем свидетельствуют труды по лексикологии таких ученых, как М.А. Хаджилаев [Хаджилаев 1970], И.М. Отаров [Отаров 1996], М.З. Улаков [Улаков 1994] и др. Однако современная лингвистическая наука предполагает не только учет различных семасиологических характеристик слов, но и ориентируется на рассмотрение их лингвокультурологических, а также этнокультурных особенностей, а это более скрупулезно и глубоко можно представить при анализе наиболее значимых лексем того или иного языка, в том числе и карачаево-балкарского. В состав таких слов входит и адъектив *ариу* ‘красивый, чистый’, репрезентирующий мелиоративную эстетическую оценку человека, вытекающую из синтеза как его сенсорно-вкусовых, так и психологических оценок [Арутюнова 1988: 75]. На подобных оценках зиждятся представления карачаево-балкарского этноса о красоте и чистоте, которые способствуют репрезентации эстетической образности героев и персонажей эпических произведений [Ахматова 2010], народных песен о любви [Берберов 2025], сказок [Гулиева (Занукоева) 2019], а также художественных произведений [Узденова, Кетенчиев 2020].

Отмеченное выше слово и подобные им лексемы привлекают внимание и языковедов, которые рассматривают адъективную лексику и в пределах одной части речи, а именно имени прилагательного [Созаев 1976]. Следует также отметить в этом отношении исследования по колоративам [Мусуков 2023] и фразеологической семантике [Хуболов 1997]. Но сведения, представленные в подобных работах, несколько спорадичны относительно понятия красивого. Между тем как собственно лексическая семантика слов со значением красоты, так и их линвокультурологические, когнитивные, этнокультурные особенности релевантны

для понимания значимого сегмента национальной языковой картины мира этноса, связанного с вербализацией прекрасного, чем и объясняется актуальность данной статьи.

Новизна данной статьи в научном отношении сопряжена с тем, что в ней, с одной стороны, впервые подвергается многоаспектному анализу адъективная оценочная лексема *ариу*, с другой – ее многомерная лингвистическая интерпретация с позиций функционально-семантической грамматики, а также в лингвокультурологическом и этнокультурном плане важна для научно-теоретических изысканий в области современного карачаево-балкарского языкознания.

В статье ставится цель выявить и описать лексико-семантические, словообразовательные и грамматические особенности адъектива *ариу*, определить его этнокультурную значимость. На этой основе решаются задачи, ориентированные на многомерное его представление с позиций современной лингвистической науки. Для анализа его в основном использовался материал, наличествующий в этимологических и иных словарях ряда тюркских языков, в лексикографических источниках карачаево-балкарского языка, а также сборниках паремий.

Основная часть

Рассматриваемый адъектив как общетюркская лексема встречается в «Древнетюркском словаре»: ARÏꞩ III 1) чистый, незагрязненный: *jaŋï arïꞩ ton kedip* ‘надев новые чистые одежды’; 2) *перен*. нравственно безупречный, благородный, порядочный, непорочный: *arïꞩ ubutï jeg* ‘стыд благородных хорош’; 3) *рел*. чистый, истинный, неложный, праведный, священный, святой: *arïꞩ nomuꞩ bilmätin* ‘не зная истинного учения’; 4) *рел*. чистый, дозволенный (*о пище*): *sartnïŋ azuqï arïꞩ bolsa, jol üzä jer* ‘если пища сарта (*купца*) чиста (*т.е. дозволенная*), он съест [ее] и на дороге’; 5) совершенно, совсем, полностью; как следует: *jïlqï arïꞩ igläšdi* ‘лошадь совсем заболела’ [ДТС 1969: 51-52]. Согласно исследованиям по истории тюркских языков, он в формах *ary* / *aru* / *aryg* / *ары* / *арыг*, репрезентируя значения ‘чистый; красивый’, употребителен в таких памятниках письма, как «Кысса-и Юсуф», «Хосрау и Ширин» Кутба, «Сираж ал-кулуб» [Наджип 1989: 67, 134, 154].

Данное слово употребительно и в современных тюркских языках. Так, например, в киргизском языке в форме *ару* оно имеет два лексических значения: 1) чистый: *аруудай болгон ууз этим, ак кажыр талан оёт бейм* ‘ведь мое чистое белое тело разорвет-расклюет коршун’; 2) миловидный, красивый: *ару кыз* ‘миловидная девушка’ [КРС 1964: 71]. В кумыкском же языке у него (у слова *арив*) значений еще больше – восемь: 1) красивый, великолепный; дивный; изящный: *арив опуракъ* ‘красивое платье’; 2) ласковый; вежливый: *арив сёз* ‘ласковое слово’; 3) чистый: *арив гъава* ‘чистый воздух’; 4) красавица: *арив хоншуда яхшы* ‘красавицу хорошо иметь по соседству’; 5) *перен*. возлюбленная: *аривум* ‘моя возлюбленная’; 6) хорошо, ладно: *арив, сен айтгъанны этербиз* ‘ладно, сделаем, как ты сказал’; 7) *в знач. усил. частицы* даже, хоть: *арив сёз – къылычдан итти* ‘ласковое слово сильнее меча’; 8) (**А** *прописное*) составляет первую часть неко-

торых женских имен и создает сложные женские собств. имена: *Аривкъыз, Панарив* [КРС 2013: 35]. В некоторых же родственных языках, например, в башкирском языке, вместо анализируемого слова употребительны лексемы типа *матур* (1. красивый: *матур урман* ‘красивый лес’; 2. хороший: *матур тормош* ‘хорошая жизнь’), *һылыу* (1. красивый, пригожий: *һылыу егет* ‘красивый юноша’; 2. красавица, сестричка) [БРС 1996: 425; 750].

Относительно этимологии данного адъектива известный тюрколог-этимолог Э.В. Севортян пишет, что он обозначает название признака и образован посредством аффикса *-ғ* от *ары-*, имеющем в некоторых тюркских языках такие значения, как ‘быть чистым; выздоравливать, поправляться; иссякать’, а глагольно-именные омоформы *ары ~ ары-* сопряжены с синкретичной основой *-ар ~ а:р* [Севортян 1974: 185].

Теперь обратимся к данным карачаево-балкарского языка. Лексикографы интерпретируют его (*ариу*) как полисемичное слово, имеющее три лексических значения: 1) красивый, изящный: *Домалай, Дауумча ариу къызгъа жазгъан да этерле* ‘Домалай, такой красивой девушке, как Дауум, и писать будут’; 2) *перен.* чистый, незагрязненный, незапачканный: *Аны ариу, таза арбазында бир мазаллы ирик жатады* ‘В его чистом, незапачканном дворе лежит один здоровенный валух’; 3) *перен.* приятный: *Ариу сёз эшитгени сайын, Антонну кёлю кётюрюледи* ‘Как только услышит приятное слово, у Антона поднимается настроение’ [КъМТАС 1996: 178]. Исходя из этих семантических особенностей, данную лексему можно отнести к ближней периферии прилагательных общей оценки.

Для слова *ариу* присущ и такой лексико-семантический признак, как омонимичность. Оно выступает в функции наречия, имея три значения, как и имя прилагательное, на что обращает внимание Ж.М. Гузеев при составлении словаря омонимов. Им при этом даются следующие дефиниции: «1. Адамны кёлю, кёзю да жаратырча, анга эстетика зауукълукъ берирча. **Ариу** кийин. **Ариу** сёлеш. … 2. Кирин-кипчигин къоймай, таза этип. **Ариу** сыйпа. **Ариу** жуу. … 3. Хычыуун тиерча, жаратырча. **Ариу** тепсе. **Ариу** жырла. **Ариу** кюл» [Гузеланы Ж.М. 2013: 35-36]. Автор отмечает и тот факт, что это слово является также частицей: «**Ариу**[3] *кес*. Кертиси бла да. **Ариу** амалсыз болдукъ. **Ариу** бездик андан» [Гузеланы Ж.М. 2013: 36]. Как видим, вышеуказанная лексема имеет трехчленный омонимический ряд: имя прилагательное – наречие – частица.

Следует отметить и синонимичный характер рассматриваемой лексемы. Для первого ее значения синонимом выступает адъектив *чырайлы* ‘красивый (*о внешности кого-либо*)’, для второго же значения – адъективы *таза* ‘чистый (*о предмете*)’, *кирсиз* ‘чистый, незагрязненный, незапятнанный (*о предмете*)’, *айбат* ‘красивый, пышный (*об одежде*)’. Для демонстрации значений этих слов в специальной лексикографической работе приводится следующий иллюстративный материал: *Ол [Бийберт] кесинден акъыллы, кесинден* ***чырайлы*** *жаш болмагъанына ийнанып эди; Хажи-Мурат, къолларын* ***таза****, зыбыр жан жаулукъ бла сюртюп, от таба жанлады; Къызла* ***айбат*** *жыйрыкъла кийген эдиле, эбизе кюпесле, гюл суратлы гыранчала къысхан эдиле* [КъМТСС 2017: 63-64].

Лексема *ариу* имеет и антоним – *эриши* ‘некрасивый, неприятный, безобразный, дурной; страшный, пугающий’: *Ма жети къызбыз, / Эриши да тюйюлбюз* ‘Вот нас семь девушек, / Не безобразные мы’; *Сууну тюбюнде эриши жаныуарла жашайдыла* ‘Под водой живут страшные существа’ [КъМТАС 2005: 1090]. Приведем синонимичный ряд к отмеченному выше слову *эриши*: *къууатсыз* ‘некрасивый, непривлекательный на вид, невзрачный’ – *къутсуз* ‘противный, отвратительный, неприятный, невзрачный’ – *сюйдюмсюз* ‘несимпатичный, непривлекательный’ – *сыфатсыз* ‘некрасивый, неказистый, невзрачный’ – *чырайсыз* ‘некрасивый, несимпатичный’ – *жапысыз* ‘неприглядный, непривлекательный на вид’. Характеризуя в основном внешний вид кого-либо, они также являются антонимами по отношению к слову *ариу*.

Анализируемая лексема входит в состав некоторых широко употребляемых в языке фразеологических единиц: *ариу айт* ‘успокаивать, ласкать (*словом*)’», *ариу кёр* ‘уважать, почитать *кого*’, *ариу къал* ‘не испытывать что-либо плохое», *ариу тилли* ‘красноречивый’ [КъМТАС 1996: 178]. Такие устойчивые дескрипции репрезентируют отношение к кому-либо, состояние кого-либо, характеризуют чью-либо речь.

Исследуемая языковая единица является облигаторной составляющей ономастической лексики. В этом отношении можно говорить об употреблении карачаевцами и балкарцами женского имени *Ариу* в значении ‘красавица’. В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка, в основном на территории Безенги, употребительна такая форма, как *Арыу*, полностью отвечающая закону сингармонизма. К этому имени могут присоединяться аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением, ср. *Ариуба* (*Ариубат*), *Ариука*. Они имеют семантику ‘красивенькая’. Рассмотрим имена *Ариубет* (‘красиволикая’), *Ариужан* (‘красивая душа’), *Ариубийче / Ариубике* (‘красивая госпожа’), *Ариукъан* (‘красивая, чистая кровь), *Ариукёз* (‘красивоглазая’), *Ариукъыз* (‘красивая девушка’), *Ариусан* (‘красивый стан’). Как видим, они представляют собой антропонимизированные определительные сочетания, первый компонент которых есть определяющая, характеризующая адъективная лексема, а реестр вторых компонентов расширяется, в основном за счет соматической лексики. Компонент имени может быть и постпозитивным: *Шамарыу* (‘родная, прекрасная, священная красавица’), *Бирариу* (‘очень красивая’), *Керт(и)ариу* (‘действительно красавица’). Значительный функциональный потенциал подобных феминных имен объясняется тем, что носители карачаево-балкарского языка связывают понятие красоты именно с женской половиной этноса.

Следует отметить также наличие на территории Карачая и Балкарии ряда микротопонимов с конституентом *ариу*: *Ариу Башы* ‘верховье чистого’ (название вершины в бассейне реки Адыр-суу, правого притока реки Басхан), *Ариу Гюл* ‘красивый цветок’ (название пещеры в бассейне реки Большой Зеленчук близ станицы Исправной), *Ариу къол* ‘красивая балка’ (название балки на левом берегу реки Балык), *Ариу къулакъ* ‘красивая ложбина’ (название ложбины на левом берегу реки Балык ниже села Хабаз, а также ложбины на правом берегу реки Схауат), *Ариу Къулакъ Башы* ‘верховье красивой ложбины’ (название урочища в бассейне реки Схауат), *Ариу Чат* ‘красивая лощина’ (название реки, правого

притока реки Нызылы Кол в бассейне реки Теберды, а также горы) [Хапаев 2013: 103]. Такие названия местностям даются в силу их природной красоты, привлекательности.

По данным специалистов в области медицины адъектив *ариу* встречается в названиях следующих лекарственных растений: чистотел большой, божий дар, бородавник, гладушник, глекопар, глистовник, желтушник, кровник, ластовишная трава, маслянка, молочай жёлтый, печёночник, прозорник, розопась, чистотел, щелкунец. Для их обозначения употребительна причастная форма *ариўлаўчу* ‘чистящий’ // *ариўлаўчу ханс* ‘чистящее растение’ [Хапаев, Хапаева 2022: 517]. Подобные номинации мотивируются функциональными особенностями растений, вышеназванные травы используются в народной медицине для очищения организма, крови и т.п.

Выше было отмечено, что адъектив *ариу* выступает как омоним по отношению к соответствующей адвербиальной лексеме, т.е. на его основе семантическим способом словопроизводства (путем конверсии) образуется новая лексема, относящаяся к другому классу слов, к наречиям. Имеет место образование и других частей речи. Так, например, посредством аффикса *-лукъ*, т.е. морфологическим способом, образуется абстрактный субстантив *ариулукъ* ‘красота, изящество; чистота’: *Жаш къызны ариулугъуна сейир этеди* ‘Парень был удивлен красотой девушки’; *Азретни ниети бек ариуду* ‘Помыслы Азрета очень чисты’. Путем словосложения образуются адъективные лексемы типа *ариубет* ‘красиволикий’, *ариукёз* ‘красивоглазый’, характеризующие человека по внешнему виду: *ариубет адам* ‘красиволикий человек’, *ариукёз къыз* ‘красивоглазая девушка’. В лексический фонд языка входят также глаголы, производные от рассматриваемого адъектива (*ариула- // ариу эт* ‘чистить, очищать что; освобождать от присутствия кого-чего’; *ариулан-* ‘очищаться; оправдываться; избавляться’; *ариусун-* ‘считать красивым кого-что’). Текстовые примеры: *Къыз ийнекни желинин* ***ариулады*** ‘Девушка почистила вымя коровы’; *Ол кезлеуню чапыракъладан* ***ариулады*** ‘Он очистил родник от листьев’; *Махмут чурукъларын* ***ариу этди*** ‘Махмут почистил свою обувь’; *Сапынсыз кирден* ***ариуланнган*** *къыйынды* ‘Без мыла трудно очиститься от грязи’; *Бузжигит сюдде* ***ариуланды*** ‘Бузжигит был оправдан судом’; *Борчубуздан биз да* ***ариуландыкъ*** ‘Мы тоже избавились от долга’; *Къызны кёргенле барысы да* ***ариусундула*** ‘Все увидевшие девушку посчитали ее красивой’.

Являясь по своей природе качественным именем прилагательным, слово *ариу* имеет степени сравнения. В сравнительной степени оно употребляется с аффиксом *-(у)ракъ*: *ариууракъ* ‘красивее’. При этом указывает на превышение степени признака в ослабленном виде: *Ол бирси эмеген къызладан* ***ариууракъ*** *болгъанды* ‘Она была покрасивее других эмегенов-девушек’. Как суперлатив для выражения превосходной степени это слово употребляется с усилительными частицами типа *бек, чынг, эм, энг*, имеющими значение ‘очень, самый’, а также с адъективами *аман* ‘плохой’, *чексиз* ‘безграничный’, выступающими в функции подобных частиц: *Байдымат Къарачайны* ***бек*** *ариу къызларындан бирине саналгъанды* ‘Байдымат считалась одной из самых красивых девушек Карачая’. В данной синтаксической конструкции частица *бек* может замещаться любыми

другими маркерами усиления, которые представлены выше. Интенсификации выражаемого признака способствует как редупликация слова, так и наличие дополнительного интесификатора: *ариу-ариу къызла* ‘красивые-красивые девушки’, *аппа-ариу гюлле* ‘красивые-прекрасивые цветы’. Ср. также конструкции-повторы *ариуланы ариуу* ‘красивая из красивых’, *ариуланы-ариулары* ‘красивые из красивых’. Они построены по образцам словосочетаний, имеющих структуру третьего типа изафета. Недостаточность же проявляемого признака возможна лишь при употреблении с морфемой-карачаизмом *-сыман*: *ариусыман* ‘красивый (*немножко*)’.

Следует обратить внимание и на синтаксические функции имени прилагательного *ариу*. Основной его функцией является функция определения, что детерминируется препозитивным по отношению к субстантиву позицией: ***Ариу*** *къыз къоншуда ахшыды,* ***ариу*** *жаш узакъда ахшыды* ‘Красивая девушка по соседству хороша, красивый парень вдалеке хорош’. Данное слово выступает в предложении и в качестве сказуемого: *Туугъан жеринги ташы, агъачы да* ***ариуду*** ‘Родной земли и камни, и деревья красивы’. При элиминировании определяемого слова *ариу* может выполнять функции подлежащего, прямого и косвенного дополнения: ***Ариу*** *бетин ачар, эриши бетин жабар* ‘Красивый лицо откроет, некрасивый лицо закроет’; *Сенляй* ***ариуну*** *мен алыкъын кёрмегенме* ‘Такой красивой, как ты, я еще не видел’; ***Ариугъа*** *ким да бурады эс* ‘На красивую все обращают внимание’.

Понятие ‘красивый’ наиболее ярко и всеобъемлюще в этнокультурном отношении раскрывается в паремическом фонде этноса, особенно в пословицах и поговорках с облигаторным адъективным конституентом *ариу*. Таких паремических конструкций в основных сборниках паремий нами обнаружено 101 [КъНС 1963; МНС 1982]. В них, согласно ментальности карачаевцев и балкарцев, обнаруживаются следующие когнитивные характеристики красивого:

1. ***Красивое привлекает всех***: *Хар адам да ариу болургъа сюеди* ‘Каждый человек хочет быть красивым’.

2. ***Все красивое является хорошим***: *Ариу – иги, акъыллы – ахшы* ‘Красивый – хороший, умный – приличный’.

3. ***Красивое – стимулятор жизни***: *Ариу жашауну сюйдюреди* ‘Красивое заставляет любить жизнь’.

4. ***Красивое созерцательно***: *Ариу – кёзге, акъыл – жюрекге* ‘Красивое – для глаз, ум – для сердца’; *Ариу – кёзге, акъыл – сёзге* ‘Красивое – для глаз, ум – для речи’; *Ариу тойда керек, акъыл хар кюнде керек* ‘Красивое в торжестве нужно, ум каждый день нужен’; *Ариу болса, къараргъа ахшы, иги болса, жараргъа ахшы* ‘Если красивое, смотреть лучше, если хорошее, то пригожое’.

5. ***Красивое обманчиво***: *Ариу – кёзге ауана* ‘Красивое – пелена для глаз’; *Ариу адам кёз алдар* ‘Красивый человек глаза обманывает’; *Ариу шинли кёзюнгю алдар, ариу тилли кёлюнгю алдар* ‘Красивый внешне глаза твои обманет, красноречивый душу обманет’.

6. ***От красивого много проблем***: *Ариуну аруууу кёп* ‘У красивого много болезней’; *Ариуну аруууу кёп болур* ‘У красивого бывает много болезней’; *Ариуну – ичи ауруу* ‘У красивого нутро в болезнях’.

7. ***Красив тот, кто к себе располагает***: *Ариу ариу тюйюлдю, жюрек сюйген ариуду* ‘Не красивая красивая, а та, кого сердце любит’; *Ариу ариу кёрюнмез, сюйген ариу кёрюнюр* ‘Не красивая красивой кажется, а та, кого любишь’; *Жюрек сюйген – ахшы, ариу* ‘Кого сердце любит – хороша, красива’; *Жюрекге ариу – кёзге да ариу* ‘Что красиво для сердца, то красиво и для глаз’.

8. ***Красива родная земля***: *Туугъан жеринги ташы да ариу* ‘Родной земли и камни красивы’; *Туугъан жеринги ташы, агъачы да ариу* ‘Родной земли и камни, и леса красивы’.

9. ***Красивое – причина несчастья***: *Ариуну насыбы аз* ‘У красивой счастья мало’; *Ариу насып кёрмез* ‘Красивая счастья не испытает’.

10. ***Красивое атрибут благополучия***: *Сыфатынг – ариу, кюмюшюнг бар, дуниядан эки юлюшюнг бар* ‘Если облик красив, серебро у тебя есть, от жизни две доли имеешь’.

11. ***Человека может красить одежда***: *Бёркю ариуну – бети ариу* ‘У кого шапка красивая, у того и лицо красивое’; *Эрни ариу опуракъ этер, юйню ариу топуракъ этер* ‘Мужчину одежда красит, дом глина красит’; *Юй ариуу – топуракъ, адам ариуу – опуракъ* ‘Дома краса – глина, человека краса – одежда’.

12. ***Красивое важный атрибут речи*** (ласковое слово приятно, радует, лечит, располагает к себе и т.п.): *Ариу тилли къозу эки ананы эмер* ‘Ягненок, имеющий сладкий язык, двух маток сосет’; *Ариу сёз ауруу алыр* ‘Ласковое слово болезнь заберет’; *Ариу сёз – жаз кюн кибик* ‘Ласковое слово, что весенний день’; *Ариу сёз жан салыр* ‘Приятное слово душу вложит’; *Ариу сёз – жаннга азыкъ* ‘Ласковое слово – пища для души’; *Ариу сёз жилянны тешигинден чыгъарыр* ‘Приятное слово вытащит змею из норы’; *Ариу сёз – жюрекге дарман* ‘Ласковое слово – лекарство для сердца’; *Ариу сёз къылычдан жютю* ‘Ласковое слово острее сабли’; *Ариу сёз этмезлигинги этдирир* ‘Ласковое слово заставит делать то, чего не захочешь’; *Ариу сёзге таш эрир* ‘От ласкового слова камень плавится’; *Ариу сёзде ауруу жокъ* ‘В ласковом слове болезни нет’.

13. ***Красивое есть положительная черта характера***: *Ариу азар, ариу къылыкъ озар* ‘Красивый исхудает, красивое поведение победит’; *Ариу къылыкъ – насып юлюш* ‘Красивое поведение – счастья удел’; *Ариу къылыкъ шуёхлукъну буздурмаз* ‘Красивый нрав счастья не испортит’; *Сыфаты ариудан къылыгъы ариу насыплыды* ‘Красивый характером счастливее, чем красивый обликом’.

14. ***Красивое важно для танцев***: *Ариу тепсеу – жаз кюн кибик* ‘Красивый танец, что весенний день’; *Ариу тепсеу жан салыр* ‘Красивый танец душу вложит’; *Ариу тепсеу – жаннга дарман* ‘Красивый танец – лекарство для души’; *Ариу тепсеу – кёзге, акъыл – жюрекге* ‘Красивый танец – для глаз, ум – для сердца’.

15. ***От красивого (чистого) не избавляются***: *Ариу суу тышына тёгюлмез, иги къыз тышына берилмез* ‘Чистая вода наружу не выливается, хорошая девушка замуж далеко не выдается’.

16. ***В красоте толк не знает только дурак***: *Телиге ариуса десенг, къубулуп башлар* ‘Если дураку сказать, что он красив, то он начинает жеманиться’; *Телиге къолан ариу* ‘Для дурака пестрое красиво’.

В реестр карачаево-балкарских паремий входят также пословицы и поговорки, имеющие в своем составе производный от адъективной лескемы *ариу* субстантив *ариулукъ*, репрезентирующий абстрактное значение ‘красота, изящество’ (их насчитывается 21). Они в плане репрезентации этнокультурной и лингвокультурной информации коррелируют с вышерассмотренными паремическими высказываниями, выражают ценностное отношение носителей языка к красоте, констатируя при этом ее природное происхождение, значимость для человека и жизни социума в целом, о чем свидетельствуют следующие примеры: *Ариулукъ бла суу ичилмейди* ‘Красотой воду не пьют’; *Ариулукъ жашауда керекди* ‘Красота в жизни нужна’; *Ариулукъ жашауну сюйдюреди* ‘Красота жизнь заставит полюбить’; *Ариулукъ – кёзге ауана* ‘Красота – пелена для глаз’; *Ариулукъ кёзденди, сюймеклик сёзденди* ‘Красота – от глаз, любовь – от речи’; *Ариулукъ тойда керек, акъыл хар кюнде керек* ‘Красота на торжестве нужна, ум каждый день нужен’; *Ариулукъ сатылып алынмайды* ‘Красоту не покупают’; *Ариулукъгъа къаршы жокъду* ‘Красоте противника нет’; *Ариулукъну адеп озар* ‘Красоту воспитанность опередит’; *Жашны адамлыгъы сорулур, къызны ариулугъу сорулур* ‘У парня человечность спрашивают, у девушки красоту спрашивают’; *Къатынны ариулугъун махтама, жигерлигин махта* ‘Не красоту жены хвали, а ее деятельность’; *Къызны билмей, ариулугъуна къарама* ‘Не зная девушку, на ее красоту не смотри’ и т.п.

Рассматриваемый адъектив представлен и в традиционных карачаево-балкарских благопожеланиях. В них он обычно употребляется в эпитетных значениях ‘красивый; чистый; приятный’ относительно человека, природы и жизни, т.е. произносящий благопожелание желает адресату, чтобы тот имел красивых спутников по жизни, жил без потрясений и приятно проводил отведенное Всевышним время, ср.: *Алтын болсун терегигиз, / Кюмюш болсун керегигиз. / Кисей болсун кёлегигиз, / **Ариу** болсун сюйгенигиз* ‘Золотым пусть будет ваше дерево, / Серебряными пусть будут ваши принадлежности. / Кисейными пусть будут ваши рубашки, / **Красивыми** пусть будут ваши любимые’; *Кёгюгюз **ариу** болсун, / Жюрегигиз таза болсун* ‘Пусть **чистым** будет ваше небо, / Чистыми пусть будут ваши сердца’; *Жашауугъуз **ариу** болсун, / Ажалыгъыз сабыр болсун* ‘Пусть жизнь ваша будет **приятной**, / Пусть смертный час ваш повременит’ [КъМФ 1996: 383].

В контексте данной работы, на наш взгляд, представляется релевантным обращение к фольклорным любовным лирическим песням. Так, в них анализируемая лексема, контекстуально субстантивировавшись, употребляется в качестве обращения, причем с аффиксом принадлежности, что придает тексту так называемый «интимный» характер, репрезентирует ценностное отношение к любимому человеку, как правило, к девушке. В пользу этого свидетельствуют, например, следующие строки из народно-поэтического произведения «Кулина»: *Кел, **ариуум**, кел, **ариуум**, / Чилле жаулукъну жибеги* ‘Приди, **красавица** моя, приди, **красавица** моя, / Шелкового платка нить’ [КъМФ 1996: 314]. Небезынтересны и дескриптивные обращения: *Айжаягъым, мени сейир **ариуум*** ‘Айжаяк моя, моя чудесная **красавица**’ [КъМФ 1996: 311]. В любовно-лирических песнях красота созерцательна, она может передаваться соматизмами, сравниваться с объектами окружающей действительности, а в их названия порой выносятся стереотипные

эстетические феминные имена, например, *Акътамакъ* ‘белошейка’, *Айжаякъ* ‘луноликая’ *Жанкъозум* ‘подснежник (мой)’.

Заключение

Таким образом, рассмотренный выше фактологическимй материал позволяет констатировать тот факт, что слово *ариу* представляет собой общетюркскую этнокультурно значимую аксиологическую полисемичную лексическую единицу, входит в трехчленный омонимический ряд: имя прилагательное – наречие – частица. Оно также имеет синонимы и антонимы, призванные репрезентировать отношение к различным предметам с позиций эстетики на основе сенсорных и психологических оценок носителей языка.

Данное слово является производящей основой для ряда субстантивных и глагольных лексем, в различных формах и дескрипциях выражает компаративные значения. Оно в своей основной форме в структуре предложения, как правило, выполняет функции определения и сказуемого, а при употреблении без определяемого компонента – подлежащего, контекстуально субстантивируясь же, – еще и функцию дополнения.

Имеет место употребление данного слова в составе некоторых номинаций флоры и объектов окружающей действительности. Как пожелательное имя оно является облигаторной составляющей ряда феминных антропонимов.

Слово *ариу* свои этнокультурные значения проявляет больше всего в составе паремических высказываний, которых насчитывается свыше 120. Согласно мировосприятию этноса, человека привлекает все красивое, оно созерцательно, может его радовать и пробуждать к жизни. Данное понятие применимо при характеристике внешнего облика и внутреннего мира человека, его речи.

Данная работа имеет перспективу для дальнейшего исследования в рамках когнитивного направления в лингвистике, при изучении значимых составляющих концептосферы красоты с привлечением материала как из различных жанров устного народного творчества, так и из художественных произведений, особенно лирики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с. EDN: YKBSRJ.

Ахматова 2010 – *Ахматова М.А.* Облик героя в карачаево-балкарском нартском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 143-146. EDN: PVBJOJ

Берберов 2025 – *Берберов Б.А.* Образность языка карачаево-балкарских народных песен о любви // Kavkaz-Forum. – 2025. – № 22 (29). – С. 14-29. DOI: 10.46698/VNC.2025.29.22.010

БРС 1996 – Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. – М.: Дигора, Рус. яз., 1996. – 884 с.

Гузеланы Ж.М. 2013 – *Гузеланы Ж.М.* Къарачай-малкъар тилни омонимлерини сёзлюгю (Гузеев Ж.М. Словарь омонимов карачаево-балкарского языка). – М.: Эльбрусоид, 2013. – 496 с. EDN: TIRYRL.

Гулиева (Занукоева) 2019 – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с. EDN: XQXQDC.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

КРС 1964 – Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 973 с.

КРС 2013 – Кумыкско-русский словарь / под ред. Б.Г. Бамматова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 528 с.

КъМТАС 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ. I А – Ж (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. I А – Ж) / ред. И.Х. Ахматов, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 1016 с.

КъМТАС 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю: ючтомлукъ. III С – Я (Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. III С – Я) / ред. А.А. Жаппуев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – 1157 с.

КъМТСС 2017 – Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгю (Словарь синонимов карачаево-балкарского языка) / научн. ред. Ж.М. Гузеев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. – 556 с. EDN: ZCUXJP.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия (Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 592 с.

КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. – Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Мусуков 2023 – *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма колоративной лексики в тюркских языках. – Нальчик: Binding2016, 2023. – 163 с. EDN: WMKUXI.

Наджип 1989 – *Наджип Э.Н.* Исследования по истории тюркских языков XI – XIV веков. – М.: Наука, 1989. – 283 с.

Отаров 1996 – *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 220 с.

Севортян 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Созаев 1976 – *Созаев Б.Т.* Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 99 с.

Узденова, Кетенчиев 2020 – *Узденова Ф.Т., Кетенчиев М.Б.* О принципах реализации образа в литературе карачаевцев и балкарцев: семиотика цветообозначений // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2020. – № 5. – С. 40-44. DOI: 10.20339/PhS.5-20.040.

Улаков 1994 – *Улаков М.З.* Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 116 с. EDN: RSSLNH.

Хаджилаев 1970 – *Хаджилаев М.А.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1970. – 159 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – М., 2013. – 576 с.

Хапаев, Хапаева 2022 – *Хапаев Б.А., Хапаева А.Б.* Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. – 580 с. EDN: DNMXXB.

Хуболов 1997 – *Хуболов С.М.* Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке: дис. … канд. филол. наук. – Нальчик, 1997. – 175 с. EDN: CRLHRJ.

REFERENCES

ARUTYUNOVA N.D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. – Moscow: Nauka, 1988. – 341 p. (In Russ.).

AKHMATOVA M.A. *Oblik geroya v karachaevo-balkarskom nartskom epose* [The appearance of the hero in the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2010. – No 12 (61). – P. 143-146. (In Russ.).

BERBEROV B.A. *Obraznost' yazyka karachaevo-balkarskikh narodnykh pesen o lyubvi* [Imagery of the language of Karachay-Balkarian folk songs about love]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2025. – No 22 (29). – P. 14-29. (In Russ.).

Bashkirsko-russkii slovar' [Bashkir-Russian dictionary] / edited by Z.G. Uraksin. – Moskow: Digora, Rus. yaz., 1996. – 884 p. (In Bashk. and Russ.).

GUZELANY ZH.M. *K"arachai-malk"ar tilni omonimlerini sezlyugyu* [Dictionary of homonyms of the Karachay-Balkar language]. – Moscow: El'brusoid, 2013. – 496 p. (In Karach.-Balk.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *Karachaevo-balkarskaya volshebnaya skazka* [The Karachay-Balkarian fairy tale]. – Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.).

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.).

Kirgizsko-russkii slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary] / compiled by K.K. Yudakhin. – Moskow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. – 973 p. (In Kyrg. and Russ.).

Kumyksko-russkii slovar' [Kumyk-Russian dictionary] / edited by B.G. Bammatov. – Makhachkala: IYALI DNTS RAN, 2013. – 528 p. (In Kum. and Russ.).

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu: yuchtomluk". I A – ZH [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language: in 3 volumes. I A – ZH] / edited by I.Kh. Akhmatov and A.A. Zhappuev. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1996. – 1016 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu: yuchtomluk". III S – YA [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language: in 3 volumes. III S – YA] / edited by A.A. Zhappuev. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – 1157 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai-malk"ar tilni sinonimlerini sezlyugyu [Dictionary of synonyms of the Karachay-Balkar language] / scientific editor. ZH.M. Guzeev. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2017. – 556 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai-malk"ar fol'klor. Khrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore. The textbook] / the originator T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1996. – 592 p. (In Karach.-Balk.).

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.).

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.).

MUSUKOV B.A. *Formal'no-semanticheskaya paradigma kolorativnoi leksiki v tyurkskikh yazykakh* [The formal semantic paradigm of colorative vocabulary in the Turkic languages]. – Nal'chik: Binding2016, 2023. – 163 p. (In Russ.).

NADZHIP E.N. *Issledovaniya po istorii tyurkskikh yazykov XI – XIV vekov* [Studies on the history of the Turkic languages of the XI – XIV centuries]. – Moscow: Nauka, 1989. – 283 p. (In Russ.).

OTAROV I.M. *Leksikologiya karachaevo-balkarskogo yazyka* [Lexicology of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 220 p. (In Russ.).

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic vowel bases)]. – Moscow: Nauka, 1974. – 767 p. (In Russ.).

SOZAEV B.T. *Imya prilagatel'noe v karachaevo-balkarskom yazyke* [The name is an adjective in the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 99 p. (In Russ.).

UZDENOVA F.T., KETENCHIEV M.B. O printsipakh realizatsii obraza v literature karachaevtsev i balkartsev: semiotika tsvetooboznacheniiv [On the principles of image realization in the literature of Karachays and Balkarians: semiotics of color meanings]. IN: *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. – 2020. – No 5. – P. 40-44. (In Russ.).

ULAKOV M.Z. *Problemy leksicheskoi stilistiki karachaevo-balkarskogo yazyka* [Problems of lexical stylistics of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 116 p. (In Russ.).

KHADZHILAEV M.A. *Ocherki karachaevo-balkarskoi leksikologii* [Essays on Karachay-Balkarian lexicology]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1970. – 159 p. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – Moscow, 2013. – 576 p. (In Russ.).

KHAPAEV B.A., KHAPAEVA A.B. *Etimologicheskii slovar' nazvanii lekarstvennykh rastenii (s karachaevo-balkarskimi fitonimami)* [Etymological dictionary of medicinal plant names (with Karachay-Balkar phytonyms)]. – Moscow: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2022. – 580 p. (In Russ.).

KHUBOLOV S.M. *Formal'no-semanticheskie modeli odnomestnykh frazeologizirovannykh predlozhenii v karachaevo-balkarskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [Formal semantic models of singular phraseologized sentences in the Karachay-Balkar language: dis. ... Candidate of Philological Sciences]. – Nal'chik, 1997. – 175 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

Information about the author

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

Статья поступила в редакцию 01.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 81+39
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410
EDN: OSXUYE

УРУПСКИЙ ИДИОМ: ФОРМИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА РОДИНЕ И В ТУРЕЦКОЙ ДИАСПОРЕ

Нурбий Зауровичч Куров
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия, bnurbi@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1341-0899

Аннотация. Под влиянием различных исторических процессов в черкесском ауле Урупском (Шъхьащэфыжь) сформировался особый языковой идиом. Основание а. Урупского проходило в годы Кавказской войны, став местом поселения для черкесов из разных обществ. Название аула «Урупский» закреплено решением помощника Урупского округа Кубанской области в апреле 1867 г. В то же время в некоторых документах и картах аул упоминается под наименованием Уарп (адыгское название реки Уруп). Однако, по сложившейся традиции населенный пункт назывался и продолжает в народе именоваться «Шъхьащэфыжь». Именно здесь селились абадзехи и темиргоевцы, шапсуги и кабардинцы. Идиом сформировался, включив в себя диалекты проживавших в ауле черкесов, в первую очередь темиргоевцев и абадзехов, представлявших большинство жителей. В статье использованы полевые интервью с респондентами из аулов Успенского района (Краснодарский край, Россия) и провинции Анкара (Турция), полученные в период экспедиций с 2021 по 2024 гг. Черкесы провинции Анкара сохранили языковые особенности своих предков несмотря на давление со стороны государства и процессы глобализации, особый идиом черкесов аула Урупского прослеживается в речи современных жителей Икиздже (провинция Анкара, Турция). В исследовании удалось зафиксировать слова, характерные для местной речи. Отметим, что фонетическая система, грамматический строй и лексика урупского идиома в основном совпадают со звуковым и морфолого-синтаксическим строем и лексикой адыгейского литературного языка. В диаспоре идиом приобрел специфику, характерную для всех черкесов Турции, но сохранил свои особенности.

Ключевые слова: адыгский язык; урупский идиом; черкесы; Кавказ; Турция; диаспора; а. Урупский; языковые особенности.

Для цитирования: Куров Н.З. Урупский идиом: формирование, особенности, функционирование на Родине и в турецкой диаспоре // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 398-410. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410. EDN: OSXUYE.

© Куров Н.З., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE URUP IDIOM: FORMATION, STRUCTURE, FEATURES IN THE HOMELAND AND IN THE TURKISH DIASPORA

Nurbiy Z. Kurov
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, bnurbi@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1341-0899

Abstract. A distinct linguistic variety developed in the Circassian aul of Urupsky (Шъхьащэфыжь) under the influence of various historical processes. The aul was founded during the Caucasian War and became a place of settlement for Circassians from different communities. The name "Urupsky" was officially established by a decision of the assistant head of the Urup District of Kuban Oblast in April 1867. At the same time, some documents and maps refer to the aul as Uarp, the Adyghe name for the Urup River. Traditionally, however, the settlement was-and continues to be-popularly known as "Шъхьащэфыжь." Abzakh, Temirgoy, Shapsug, and Kabardian Circassians settled there. The local idiom developed by incorporating the dialects of the Circassians living in the aul, primarily those of the Temirgoy and Abzakh, who constituted the majority of its inhabitants. The article draws on field interviews conducted between 2021 and 2024 with respondents from the auls of Uspensky District (Krasnodar Krai, Russia) and Ankara Province (Türkiye). Despite pressure from the state and the effects of globalization, the Circassians of Ankara Province have preserved the linguistic features of their ancestors. The distinctive idiom of the Circassians from the aul of Urupsky can still be traced in the speech of present-day residents of İkizce (Ankara Province, Türkiye). The study documented a number of words characteristic of the local speech. It should be noted that the phonological system, grammatical structure, and vocabulary of the Urup idiom largely correspond to those of Standard Adyghe. In the diaspora, the idiom acquired features common to the Circassians of Türkiye while retaining its own distinctive characteristics.

Keywords: Adyghe language; Urup idiom; Circassians; Caucasus; Türkiye; diaspora; Urupsky aul; linguistic features.

For citation: Kurov N.Z. The urup idiom: formation, structure, features in the homeland and in the turkish diaspora. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 398-410. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-398-410. EDN: OSXUYE.

© Kurov N.Z., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Одним из важнейших аспектов в изучении черкесской этнографии является язык как средство вербальной коммуникации в адыгском социуме. В данной статье рассмотрим особенности речи двух черкесских групп. Одна представлена жителями аула Урупского (Шъхьащэфыжь) Успенского района Краснодарского края Российской Федерации, другая – мухаджирами из указанного аула, проживающими в Турции, провинции Анкара, селении Икиздже (İkizce; Шъхьащэфыжь).

Для понимания исторического контекста происхождения урупского идиома стоит немного остановиться на процессе появления аула Урупского и селения Икиздже.

Вопрос о времени и обстоятельствах образования а. Урупского (общераспространенное адыгское название – Шъхьащэфыжь) является дискуссионным, так как данные официальных источников и народных преданий существенно расходятся. По информации некоторых материалов и краеведческих работ, аул был основан в 1864 г. [Огурлов 2014: 8]. Согласно основному нарративу народ-

ной памяти, первыми поселенцами стали адыги, ранее находившиеся в зависимости у черкесогаев (горских армян) в Армавире и выкупившие себя после отмены крепостного права в Российской империи (Шъхьащэфыжь – дословно с адыгского переводится как «выкупившие головы»). Однако, на Северном Кавказе процесс отмены крепостного права происходил поэтапно и растянулся до 1867–1868 гг. Данный факт заставляет усомниться в исторической достоверности устного предания. В ходе экспедиции 2021 г. в Успенском районе нами зафиксированы сведения о более ранних фактах основания а. Урупского, упоминавшиеся некоторыми старожилами. По свидетельству респондента Р. Шаова, первопоселенцы в основном из темиргоевцев получили вольную у своих собственных князей Болотоковых [ПМА–1]. Данные факты связывают название аула «Шъхьащэфыжь» с категорией вольноотпущенников («азат» или «шъхьащэфыжь»), которые после выкупа у князей формировали особую подкатегорию третьестепенного дворянства. Русский академик немецкого происхождения Г. Клапрот по итогам своих поездок по Кавказу в начале XIX в. отмечал существование в социальной иерархии адыгского общества такой категории, формировавшейся из вольноотпущенников князей (пщы) и дворян (оркъ). Эти вольноотпущенники или азаты на деле сами являются привилегированным сословием, и «для военной службы они остаются всегда покорны их старым владельцам» [Klaproth 1827: 71]. О данной категории крестьян писал и Хан-Гирей, по его сведениям, данная категория крестьянства появилась, вероятно, после принятия черкесами ислама, так как большую роль в популяризации освобождения владетелями крестьян – играло духовенство [Хан-Гирей 1978: 125]. В других источниках подчеркивается, что положение вольноотпущенников не отличалось от свободных крестьян (тфокотлей) [Леонтович 1882: 363].

В архивных источниках зафиксировано, что летом 1857 г. аул князя Аслан-бека Болотокова вместе с другими поселениями перемещен на новые места между станицами Бесскорбной и Урупской (в настоящее время Советская) [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 1. Д. 108. Л. 6–7]. Аул находится и по сей день именно в данном месте – по правую сторону от р. Уруп. Уже позже в населенный пункт переселялись абадзехи, покидавшие по указу имперских властей свои горные селения, и адыгские крестьяне, выкупавшие себя у владельцев в 1866–67 гг. [ГАКК. Ф. 474. Оп. 1. Д. 257. Л. 1-92]

Аул Урупский уникален тем, что в отличие от многих других адыгских аулов, стал «плавильным котлом» для множества адыгских обществ (субэтносов), селившихся на этом месте в ходе и после Кавказской войны. По данным 1885 г. в а. Урупском проживали: абадзехи, шапсуги, бжедуги, хатукаевцы, бесленеевцы, кабардинцы, егерухаевцы, махошевцы, мамхеги и даже одна семья убыхов [Фелицын 1885: 63]. Объединив диалекты проживавших в ауле черкесов, в первую очередь темиргоевцев и абадзехов (представлявших большинство жителей), сформировался специфичный идиом близкий к современному литературному адыгейскому языку.

Название аула «Урупский» было закреплено решением помощника Урупского округа Кубанской области в апреле 1867 г. [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 384. Л.

16]. В то же время в некоторых документах и картах аул упоминается под наименованием Уарп (адыгское название реки Уруп). Однако этот ойконим как название аула не сохранился в памяти жителей Урупского; он совершенно не известен в турецкой диаспоре.

Осенью 1895 г., в ходе переселения, из Урупского в Османскую империю ушло 816 человек [ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 793-а. Л. 337]. Впоследствии в Турции возникла «копия» этого черкесского поселения. Прибыв на турецкий берег, переселенцы были направлены в центральную часть страны – в провинцию Анкара. Их потомки живут в селении Икиздже, районе Гёльбаши, провинции Анкара Турецкой Республики. Переселенцы выбрали это место из-за его схожести с родными кавказскими ландшафтами: здесь находится холм Кабасинан и источники воды. Местные по-прежнему называют село «Шъхьащэфыжь», однако официальное название – Икиздже. Это место служило остановкой для караванов и называлось «Фонтаны-близнецы».

Говоря об особенностях адыгского языка, следует упомянуть, что в нем существует две утвердившиеся в России литературные нормы: адыгейский (кяхский) и кабардино-черкесский. Они основаны на различных диалектах адыгского языка и служат для стандартизации письма и общения. В черкесской диаспоре Турции сохранились диалекты адыгского языка: кабардинский, бжедугский, темиргоевский, бесленеевский, абадзехский, шапсугский.

В ауле Урупском и в селении Икиздже бытует своеобразное наречие на основе абадзехского и темиргоевского диалектов адыгейского (кяхского) языка. На урупский идиом повлияли различные факторы. Помимо субэтнической пестроты черкесов в а. Урупском черкесы-бесленеевцы проживают по соседству в аулах Кургоковском и Коноковском (до а. Кургоковского 30 км, а до а. Коноковского 3 км). В речи «урупцев» присутствуют отдельные слова из бесленеевского диалекта. Другим фактором стали исторические связи местных жителей с армавирскими черкесогаями. Лексика урупского частично совпадает с лексикой, существовавшей у «армавирских черкесов». Однако, в урупском идиоме отсутствуют армянские заимствования, сохранившиеся в речи черкесогаев (в основном, это христианские религиозные термины). Это подчеркивает религиозные различия между черкесогаями и черкесами (основавшими а. Урупский).

В связи с тем, что в этих населенных пунктах, несмотря на разные условия, продолжает использоваться в быту особый идиом, мы считаем необходимым отдельно остановиться на изучении общих и различных особенностях речи. Исследование урупского идиома позволяет на конкретном примере проследить, как социальная стратификация, миграция и трансформация идентичности напрямую отражаются в структуре языка.

Ряд работ Н.М. Набоковой [Набокова 1963; Набокова 1965] раскрывает особенности речи жителей а. Урупского. Автор в конце 1950-х – начале 1960-х гг. во время написания кандидатской диссертации даже проживал в этом ауле, о чём помнят некоторые старожилы аула. Хоть Н.М. Набокова и изучала в первую очередь говор черкесогаев Армавира и окрестностей, часть материалов охватывает вопросы особенностей бытующего языка в среде жителей а. Урупского.

В то же время накоплен большой исследовательский материал по речи черкесской диаспоры. Существенный вклад в исследование речевой практики адыгской диаспоры в Турции и странах Ближнего Востока внесли как зарубежные, так и отечественные ученые. В трудах Ж. Дюмезиля, К. Пари, Моники Хёлиг, М.М. Абазовой, Б.Ж. Бижоева, М.А. Кумахова, Х.Т. Таова, Р.Х. Темировой и др. предприняты попытки теоретического осмысления ключевых аспектов функционирования речи диаспоры. Эти исследователи выявили основные закономерности языковых изменений в диаспоре. В частности, установлено, что речь адыгов в данных регионах испытывает существенное воздействие как языков принимающего населения, так и процессов смешения диалектных черт различных адыгских языков и говоров [Абазова 2014: 70]. Учеными также отмечалось сохранение в речи диаспоры архаических элементов, наряду с появлением неологизмов и заимствований, обусловленных изолированным развитием и интенсивным влиянием языкового окружения [Адыги 2022: 768]. Сведения о звуковой системе диалектов зарубежных черкесов имеют значительную ценность для сравнительно-исторического изучения адыгской фонетики.

В статье использованы полевые интервью с респондентами из аулов Успенского района (Краснодарский край, Россия) и провинции Анкара (Турция), полученные в период экспедиций с 2021 по 2024 гг.

Благодаря использованию при сборе данных структурированных, полуструктурированных и глубинных интервью, мы смогли услышать, а затем и проанализировать урупскую речь, выделив ее особенности.

Основная часть

Несмотря на то, что звуковой состав речи жителей а. Урупского совпадает со звуковым составом литературного адыгейского языка, отдельные звуки имеют свою специфику. Так, твердая шипящая аффриката ЧI, входящая в преверб чIэ «под», в речи «урупцев» постоянно заменяется мягкой аффрикатой кI, хотя согласные шипящие аффрикаты – твердая чI и мягкая кI – имеются как отдельные звуки [Набокова 1965: 114].

Приведем примеры замены этих звуков:

№	Урупский идиом (Урупский)	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод
1	кIелъхьэ	кладет под	чIелъхьэ	кладет под
2	кIэхьагъэх	зашли под догнали (кого-то)	чIэхьагъэх	зашли под
3	кIэтIысхьагъ	он сел	чIэтIысхьагъ	он сел

Анализ полевых материалов и источников показывает, что смешение звуков *чI* и *кI* создает искусственную омонимию: одно слово в урупском идиоме может иметь два значения, а в литературном адыгейском одно.

Наличие в речи респондентов элементов абадзехского диалекта прослеживается по сей день в черкесской диаспоре в Турции, так смычной *I (Iь)* в некоторых местах замещает шипящую *кI*:

№	Урупский идиом (Ikizce)	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод	Абадзехский	Перевод
1	паІьэ	усы	пакІэ	усы	паІьэ	усы
2	моІьэ	тут	мокІэ	тут	моІьэ	тут
3	дахэІье	по-хорошему	дахэкІэ	по-хорошему	дахэІье	по-хорошему
4	Іьалэ	парень	кІэлэ	парень	Іьалэ	парень

Лексика «урупцев» проявляет некоторое своеобразие в употреблении диалектных слов, что сближает её с отдельными адыгскими диалектами. Урупская лексика совпадает с лексикой армавирских черкесов [Набокова 1963: 40]. В урупском идиоме имеется некоторое количество диалектных слов, кроме слов адыгейского литературного языка, например: *хъырбыдз* (арбуз), *хъэнгуль* (алыча), *шъэокІэщыжь* (обряд торжественного возвращения молодожена домой), *кІакъу* (хлеб), *тэкурэку* (окрестность), *псыІушІэ* (плотина), *къурІантеІэбэ* (палочка для чтения Корана), *ныбжьыц* (морщина) и т.д. [ПМА–1].

В урупской лексике имеются слова, которые не употребляются в адыгейском литературном языке. Эта группа слов малочисленна: чемчыр (специальная посуда для выжатия сыра), пынджыр (окно, в литературном – шъхьангъупчъ), пынджырашъхь (подоконник, в литературном – шъхьангъупчъашъхь), зэбурадж (псалмопевец), лІэкъоштэжь (приемыш) и др. [ПМА–1].

№	Урупский идиом	Перевод	Литературный адыгейский	Перевод
1	гунапцэ	*внимательный человек*	гулъытэ зиІэ цІыф	*внимательный человек*
2	кІакъу	*хлеб*	хьалыгъу	*хлеб*
3	фыщын	*вишня*	чэрэз	*вишня*
4	зэгъалъэ	*рубашка*	джанэ	*рубашка*
5	пынджыр	*окно*	шъхьангъупчъ	*окно*
6	пынджырашъхь	*подоконник*	шъхьангъупчъашъхь	*подокольник*
7	зэлэн	*понять друг друга*	зэгурыІон	*понять друг друга*
8	лъэІужъэ	*маленький*	цІыкІу	*маленький*
9	лъэІуцэ	*маленький*	цІыкІу	*маленький*
10	быжъ	*огромный*	инышху	*огромный*
11	псышъонт	*бурдюк*	шъонт	*бурдюк*
12	пхъэнтІэкІужъый	*низкий стул*	пхъэнтІэкІу лъахъч	*низкий стул*
13	тыгъужътам	*поляна*	шъоф	*поляна*
14	цІырау	*стрекоза*	пчІау	*стрекоза*
15	къулъшырыф	*монастырь*	чылыс	*монастырь*
16	Іапс	*легкий, прозрачный*	псынкІэ	*легкий*
17	хьаят	*коридор*	ихьапІэ / кэлидор	*коридор*

В адыгских диалектах крайне разнообразна вариация произношения местоимения «что», так в урупском идиоме «да» / «дра», у коноковцев и кургоковцев «си», в литературном адыгейском «сыд» и т. д.

Наречия «цIапIэу», «Iаеу» в адыгейском литературном языке чаще всего понимаются с отрицательным смыслом или оттенком. В урупском идиоме эти наречия, хотя встречаются и с отрицательным значением или оттенком, чаще всего связываются с глаголами положительного значения, и вместе они передают действие или состояние с обстоятельством, близким к превосходной степени. Например: «цIапIэ Iаеу сыгушIуагъ» (очень сильно я обрадовался) [ПМА–3].

Во время полевой работы в Турецкой Республике в 2024 г. посещен Икиздже, где собран материал от старожил села. По манере, звучанию, отдельным диалектным словам прослеживался тот самый урупский идиом, бытующий и на Родине – ауле Урупском.

О сохранности особенностей речи «турецких урупцев» было известно и до экспедиции, исследователь М. Табишев сообщал [ПМА–3], что встречал женщину в почтенном возрасте, которая, несмотря на наличие турецких невесток в семье, все 45 лет общалась исключительно на адыгском языке, и у нее сохранился чистый урупский идиом, как будто она жила на Родине. Из-за поликультурного населения Икиздже местные в быту используют преимущественно турецкий язык. В 1925 г. между Болгарией и Турцией был заключён договор, согласно которому болгарам-мусульманам способствовали в переселении в единоверную Турцию [Куров 2025: 134]. В 1934 г. в Икиздже были переселены болгары-мусульмане, которые и по сей день проживают в селе вместе с черкесами. По утверждениям местных, болгары влились в общество черкесов, на свадьбах исполняли адыгские танцы и знали адыгский язык. Однако, нам в ходе экспедиции не удалось зафиксировать болгар, владеющих адыгским языком.

В «турецком Шъхьащэфыжь» также прослеживается использование особенностей идиома местных черкесов. Сохранность в речи «урупцев» диаспоры использования «пынджыр» не удивляет ввиду того, что окно на турецком языке «pencere» (произносится как «пенджере»), однако, вызывает интерес наличие этого слова у жителей Шъхьащэфыжь на Родине. В урупском идиоме присутствует слово «хьаят», обозначающее коридор / прихожую, в литературном адыгейском «ихьапIэ / кэлидор», а в кабардино-черкесском «щIыхьэпIэ / кIэлындор» [ПМА–1]. Интересно, что в некоторых аулах Республики Адыгея коридор называют «сенцэ», что является заимствованием от русского «сени». Можем предположить, что заимствование в урупский идиом произошло из ногайского языка, где коридор – «аят». На территориях вдоль реки Кубани в XIX в. по соседству с а. Урупским располагались ногайские аулы. До сих пор в народной памяти старожилов сохранились сведения о ногайском кладбище, которое было на месте аула еще до его основания. На этом месте, где сохранилось несколько надгробных плит без возможности их опознания, по сей день не строят домов и ухаживают за территорией.

Идиому жителей Икиздже присущи те же особенности построения слов, что и на Родине. К примеру: «Дра (что) / сыда, сыда ытхар» вместо «сыда ытхыгъэр (что написал)» без суффикса «гъа» / «гъэ». «Сыда уцIэр» (как тебя зовут) вместо «сыда пцIэр» [ПМА–2]. В обиходной речи отдельные адыгские фразы и слова используются, как элемент самоидентификации: «мо къакIоба», «мо кIожьба»,

«осIуагъэр зэхэохыба», «мо гъунэгъум къеджэба» (подойди сюда, отойди отсюда, ты слышишь, что я тебе сказал? позови семью сюда) [ПМА–2].

В речи жителей Икиздже, как и в речи жителей Урупского, присутствуют заимствования из бесленеевского диалекта: «джыпстыу» вместо литературного «джыдэдэм» (сейчас), «кIакъо» – вместо «хьалыгъу» (хлеб). На наш вопрос «Почему вы называете хлеб так, вы же западные адыги?» они ответили: «Да мы и так называем, но кIакъо вкуснее» [ПМА–2] – некоторые альтернативные слова для носителей идиома являются маркером, демонстрирующим их особость, самость, что симпатизирует местным жителям. Наличие бесленеевских слов в речи жителей объясняется не браками уже в диаспоре, а соседством с бесленеевскими аулами на Кавказе. Таким образом, можно предположить, что данные особенности «увезены» с собой черкесами во время мухаджирства: «Почему кабардинские слова в речи? У нас не было в Турции многие десятилетия кабардинских невест. Эти фразы наши предки привезли с хэкуж (адыгское название Родины – прим. автор.)» [ПМА–2].

Отметим, что и в Турции Икиздже расположен по соседству с кабардинским Хаджимуратлы (Hacımuratlı) и бесленеевским Гекчехойюк (Gökçehöyük, Къургъокъуай). Однако, в Турции черкесские села не представляют собой моноэтничных поселений – значительную часть жителей зачастую составляют турки, курды и др. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сельская местность в турецких реалиях представляет собой дачи, где люди в основном проводят время в летний период, предпочитая жить большую часть года в городах. С 1980-х гг. в Турции проходила массированная урбанизация сельской местности, в малых населённых пунктах закрывались школы, медицинские пункты и т.д., закупались школьные автобусы, которые по сей день собирают детей по селам и возят в школы находящиеся в городах. В современном Икиздже есть мечеть, здание дома культуры и одновременно администрация села – на этом вся инфраструктура населенного пункта. Из-за этого сегодня в Икиздже проживают порядка 300 человек (черкесы не превышают половины из этого числа).

Естественно, речь турецких черкесов имеет заимствования из турецкого языка: вместо «мыст» – «yani» (так), вместо «ау» – «ancak» (однако), вместо «гущыIэм пай» – «mesela» (например, к слову) и др. [ПМА–2]. Как и в случае с заимствованиями из русского языка у черкесов, проживающих на Кавказе, в Турции полностью перенимают в речь названия предметов, не существовавших в адыгском быте, технологические новинки, числительные и времена года. Последние два аспекта являются ярким примером языковой ассимиляции.

Слова, относящиеся к родственным отношениям, хабзэ (обычаям), традициям, взаимоотношениям, еде, птицам, растениям, слова, означающие части тела – все это на адыгском языке сохранилось и бытует, как у турецких, так и у российских черкесов.

Интересно, что у адыгов Турции (в том числе и в Икиздже) автомобиль именуется «ку» (телега), тогда как на Родине чаще всего говорят «машин». Думается, дело в том, что в турецком языке автомобиль прозвали «araba» (телега). Турецкие адыги использовали тот же принцип, взяв за норму называть автомобиль «телегой». Б.Ч. Бижоев именует данный пример образования в диаспоре

новых значений у старых слов «семантическим отклонением» [Адыгская 2000: 215].

Большая численность черкесской диаспоры в Турции повлияла на сохранность черкесского языка и его диалектных форм. Уникально не то, что данный идиом существует и используется, важно то, что он сохранился в турецкой среде, где присутствовало государственное ущемление национальных языков [Батрай 2013: 29; Адыгская 2000: 203]. В 1923 г. основана Турецкая Республика. В июле того же года подписан Лозаннский мирный договор, по которому немусульмане (армяне, греки и евреи) признавались национальными меньшинствами и должны были иметь особый статус. Мусульманские же национальные меньшинства были лишены своих культурных прав, включая и возможность изучения родных языков. По указу государства 5 сентября 1923 г. была закрыта черкесская школа Стамбула [Besleney 2014: 59]. Новый «кемалистский» политический режим был ориентирован на конструирование единой турецкой нации из бывших мусульманских подданных империи. В рамках данной концепции каждый гражданин страны должен был не только владеть турецким языком как государственным, но и использовать его в качестве родного. В 1928 г. развёрнута кампания «Гражданин, говори по-турецки!» [Топчу 2017: 148].

До конца 60-х гг. XX в. большинство черкесов Турции жили в сельской местности компактно и изолированно, составляя в некоторых местах целые районы и зачастую являясь этническим большинством в определенных местностях Анатолии. Однако, в Турецкой Республике на протяжении всего XX в. проводилась ассимиляционная политика в отношении национальных меньшинств. Курс государства был изменён лишь после начала евроинтеграции Турции, так в 2004 г. разрешено вещание на национальных языках [Hewitt 2014]. Действительно, в Турции существуют определенные изменения в государственной политике в отношении языков национальных меньшинств, но по заверению респондентов черкесское общество по-прежнему видит в обучении своих детей родному языку угрозу, которая может повлиять на карьерный рост или образование своих потомков [ПМА–2].

В ходе экспедиции нами была произведена попытка поиска черкесов, говорящих на турецком языке с черкесским акцентом, однако, найти подобного респондента оказалось затруднительно. По утверждению представителей диаспоры, носители турецкой речи с черкесским акцентом существуют в настоящее время среди старожилов и, по всей вероятности, будут сохраняться в ближайшем будущем.

В Турции проживают выходцы с Кавказа, являющиеся носителями различных языков, что обусловливает формирование акцентных особенностей в зависимости от структуры каждого конкретного языка. Наряду с этим в турецком языке присутствуют отчетливо выраженные региональные различия в произношении и разговорных формах. Поскольку черкесское население, как правило, осваивает турецкий язык в языковой среде региона своего проживания, их речь на турецком языке отражает не только интерференцию адыгского языка, но и

региональные фонетические особенности. В результате во многих случаях представляется возможным определить региональную принадлежность говорящего по-турецки с черкесским акцентом.

Несмотря на высокий уровень языковой ассимиляции в Турции, особенно в целом ряде социальных групп, среди представителей среднего и старшего поколений по-прежнему сохраняется значительное число носителей, для которых адыгский язык остается родным и активно функционирующим средством коммуникации. О полной языковой утрате можно говорить лишь в перспективе нескольких поколений.

Языковые процессы, которые адыгский язык претерпел на Кавказе, не получили аналогичного развития в среде диаспоры. В пределах Российской империи и впоследствии СССР формирование письменной традиции и литературного языка происходило в специфическом историческом контексте, от которого диаспора оказалась почти полностью изолирована. До 1990-х гг. устойчивые контакты между исторической Родиной и диаспорой практически отсутствовали, что исключало регулярное языковое взаимодействие.

Указанные обстоятельства, вероятно, способствовали более длительному сохранению диалектного многообразия адыгского языка в Турции. Ключевым фактором здесь стало отсутствие процессов языковой стандартизации. Вместе с тем затруднительно утверждать, что все диалекты сохранились в неизменном виде. В отличие от Кавказа, в Турции носители различных диалектов расселялись совместно, что в условиях смешанных браков и интенсивных социальных контактов привело к их значительному взаимному влиянию и смешению. Тем не менее можно констатировать, что литературные адыгские языки (адыгейский и кабардино-черкесский), сформировавшиеся под воздействием советской языковой политики и культурной среды, не оказали существенного влияния на языковую практику черкесской диаспоры в Турции.

Заключение

Подводя итог, отметим, что черкесы провинции Анкара сохранили языковые особенности своих предков несмотря на давление со стороны государства и процессы глобализации, особый идиом черкесов аула Урупского прослеживается в речи современных жителей Икиздже, однако, как и в России, в Турции черкесы заимствовали ряд слов из государственного языка (в России – из русского, в Турции – из турецкого). Удалось зафиксировать слова, характерные для местного урупского идиома. Назвав новое место поселения в провинции Анкара кавказским именем Шъхьащэфыжь, переселенцы сберегли не только память о родной земле, но и специфику материнского языка. Произнесение маркера «Шъхьащэфыжь тыщыщ» («мы из Шъхьащэфыжь / Икиздже») выступает в диаспоре символическим демонстратором происхождения и непрерывной воображаемой связью со «старой Родиной» (Хэкужъ).

Урупский идиом выступает хранителем уникального пласта трудового, обрядового фольклора. В Икиздже и в ауле Урупском зафиксированы аутентичные трудовые песни, сопровождавшие уборку кукурузы («Сэтхъы, сэтхъы, мэщым

сыдатхъэ, натрыфыр сэтхъы...»[1]) [ПМА–1; ПМА–2] и исторические плачи (гыбзэ), сберегающие память о реке Уруп (Уарп) как о сакральном символе утраченной родины.

А, сэрмафэ, шъуиунэ исхэмэ яхьэдагъэ мыухи,
А, сэрмафэ, нэпсэу кIагъэчъырэр Уарпыжъи, ооу,
А, Тхьэм къытэмыуагъэмэ, сэрмафэ,
Сыд гущэхэр тикъежьи…[2] [ПМА–2].

Аул Урупский в XIX в. объединил представителей темиргоевского, абадзехского, шапсугского и бесленеевского обществ. В результате конвергенции (преимущественно темиргоевского и абадзехского) сложился гибридный идиом, близкий к литературному адыгейскому языку, но обладающий локальной спецификой. Следует отметить, что фонетическая система, грамматический строй и лексика в основном совпадают со звуковым и морфолого-синтаксическим строем адыгейского литературного языка.

Речь жителей аула «Шъхьащэфыжь» и на Родине, и в диаспоре является своеобразным идиомом, специфика которого является отражением сложной истории этого населенного пункта. Урупский идиом – это уникальный языковой кейс, который позволяет глубже понять механизмы языковой эволюции в условиях сложных социальных и исторических процессов как на Родине, так и в диаспоре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазова 2014 – *Абазова М.М.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 136 с.

Адыги 2022 – Адыги: адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Адыгская 2000 – Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / под ред. Х.М. Думанова. – Нальчик: Изд-во «Эль-Фа», 2000. – 272 с.

Батрай 2013 – *Батрай Е.* Общности социальной организации нартов и черкесов / пер. с нем. Х.И. Шидова. – Майкоп: Изд-во «Паштов З.В.», 2013. – 144 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Куров 2025 – *Куров Н.З.* Судьбы мухаджиров аулов Урупского, Коноковского и Кургоковского в черкесской диаспоре Турции // Сборник статей XVIII Международных научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 29 мая 2025 г.). – Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2025. – С. 133–136.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1882. [2], VI, – 439 с.

Набокова 1963 – *Набокова Н.М.* Морфологические особенности армавирского говора адыгейского языка: дис. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1963. – 186 с.

[1] Разрываю, разрываю, радуюсь хозяйству, кукурузу разрываю…
[2] Ах, сэрмафэ, в ваших домах не кончается плач по погибшим,
Ах, сэрмафэ, и сам Уруп словно течёт слезами, о-о-у…
Ах, сэрмафэ, если это не Божья кара,
То что же за бедствия обрушились на нас?...

Набокова 1965 – Набокова Н.М. Некоторые особенности речи жителей аула Урупского // Адыгейская филология: научные труды Краснодарского государственного педагогического института. – Краснодар, 1965. – Вып. 42. – С. 114–124.

Огурлов 2014 – Огурлов А.Г. Аул Урупский – жемчужина Успенского района. Историко-краеведческий сборник. – Ростов: Изд-во «Проф-Пресс», 2014. – 199 с.

ПМА–1 – Полевые материалы автора. Россия, Успенский район Краснодарского края, а. Урупский (Шъхьащэфыжь). 2021–2025 гг.

ПМА–2 – Полевые материалы автора. Турецкая Республика, провинция Анкара, с. Икиздже (Шъхьащэфыжь). 2024 г.

ПМА–3 – Полевые материалы автора. Россия, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, интервью с М.А. Табишевым. 2023 г.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Топчу 2017 – *Топчу Папшу М.* Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – 2017. – № 12 (36). – С. 147–153.

Фелицын 1885 – *Фелицын Е.Д.* Числовые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области // Сборник сведений о Кавказе / под ред. Н. К. Зейдлица. Т. IX. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. – 564 с.

Хан-Гирей 1978 – *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии / вступ. ст. и подгот. текста к печати В.К. Гарданова, Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

Alparslan, Dumézil 1963 – *Alparslan O., Dumézil G.* Le parler besney (tcherkesse oriental) de Zennun Köyü (Çorum, Turquie) // Journal asiatique. – 1963. – P. 337–382. (на фр. яз.)

Besleney 2014 – *Besleney Z.A.* The Circassian Diaspora in Turkey: A Political History. – London; New York: Routledge, 2014. – 224 p. (на англ. яз.)

Hewitt 2014 – *Hewitt G.* From the Point of the Protection of Minority Languages: the Future of the Circassian Language. – Düzce, 2014. – URL: http://georgehewitt.net/pdf/Duzce_Presentation.pdf (дата обращения: 15.12.2025). (на англ. яз.)

Klaproth 1827 – *Klaproth J.* Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. – Paris, 1827. – 187 p. (на фр. яз.)

REFERENCES

ABAZOVA M.M. *Rech’ kabardino-cherkesskoi diaspory v Turtsii* [Speech of the Kabardino-Circassian Diaspora in Turkey]. – Nalchik: Izdatel’skii otdel KBIGI RAN; 2014. – 136 p. (In Russ.).

Adygi: adygeitsy, kabardintsy, cherkesy, shapsugi [The Adyghe: Adygheans, Kabardians, Circassians, Shapsugs]. Ed. by A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova. – Moscow: Nauka; 2022. – 870 p. (In Russ.).

Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul’tura [The Adyghe and Karachay-Balkar Diaspora Abroad: History and Culture]. Ed. by Kh. M. Dumanov. – Nalchik: «El-Fa», 2000. – 272 p. (In Russ.).

ALPARSLAN O., DUMÉZIL G. Le parler besney (tcherkesse oriental) de Zennun Köyü (Çorum, Turquie). IN: Journal asiatique. – 1963. – P. 337–382.

BESLENEY Z.A. The Circassian Diaspora in Turkey: A Political History. – London; New York: Routledge, 2014. – 224 p.

BATRAY E. Obshchnosti sotsial’noy organizatsii nartov i cherkesov [Communities of Social Organization of the Narts and Circassians]. – Maikop: Pashtov Z.V., 2013. – 144 p. (In Russ.).

FELITSYN E.D. ***Chislovye dannye o gorskom i prochem musul'manskom naselenii Kubanskoi oblasti*** [Numerical data on the highland and other Muslim population of the Kuban region]. In: Zeidlits N.K., ed. ***Sbornik svedenii o Kavkaze*** [Collection of information about the Caucasus]. 1885. Vol. IX. – Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal’stvuyushchego grazhdanskoy chast’yu na Kavkaze. – 564 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of Krasnodar Krai].

HEWITT G. From the Point of the Protection of Minority Languages: the Future of the Circassian Language. Düzce, 2014. Available at: http://georgehewitt.net/pdf/Duzce_Presentation.pdf (accessed 15 December 2025).

KHAN-GIREY. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. Introduction and preparation of the text for publication by V.K. Gardanov, G.Kh. Mambetov. Nalchik: Elbrus; 1978. 333 p. (In Russ.)

KLAPROTH J. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. – Paris, 1827. – 187 p.

KUROV N. Z. *Sud'by mukhadzhirov aulov Urupskogo, Konokovskogo i Kurgokovskogo v cherkesskoy diaspore Turtsii* [The Fate of Muhajirs from the Auls of Urup, Konokovo and Kurgokovo in the Circassian Diaspora of Turkey]. IN: Sbornik statey XVIII Mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy, posvyashchennykh Dnyu slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury (Maikop, 29 May 2025) [Proceedings of the 18th International Scholarly Readings Dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture]. – Maikop: Magarin O. G., 2025. – P. 133–136. (In Russ.).

LEONTOVICH F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev: materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. Vyp. 1* [Adats of the Caucasian Highlanders: Materials on Customary Law of the Northern and Eastern Caucasus. Issue 1]. – Odessa: Tipografiya P.A. Zelenogo; 1882. [2], VI, – 439 p. (In Russ.)

NABOKOVA N. M. *Morfologicheskie osobennosti armavirskogo govora adygeyskogo yazyka* [Morphological Features of the Armavir Dialect of the Adyghe Language]. PhD diss. – Tbilisi, 1963. – 186 p. (In Russ.).

NABOKOVA N. M. *Nekotorye osobennosti rechi zhiteley aula Urupsk* [Some Features of the Speech of the Residents of the Aul Urupsk]. IN: *Adygeyskaya filologiya: nauchnye trudy Krasnodarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Adyghe Philology: Scholarly Works of Krasnodar State Pedagogical Institute]. – Krasnodar, 1965. – Issue 42. – P. 114–124. (In Russ.).

Ogurlov A.G. *Aul Urupskii – zhemchuzhina Uspenskogo raiona. Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [The Urupsky Aul – the Pearl of the Uspensky District. Historical and Local History Collection]. – Rostov: Prof-Press; 2014. – 199 p. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [Author's field materials]. Republic of Turkey, Ankara Province, village Ikizce (Shkh'ashchefizh'). 2024. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [Author's field materials]. Russia, Uspenskiy District, Krasnodar Krai, aul Urupskiy (Shkh'ashchefizh'). 2021–2025. (In Russ.).

Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.).

TOPCHU PAPSHU M. *Sostoyanie i perspektivy izucheniya rodnogo yazyka v cherkesskoy diaspore Turtsii* [The State and Prospects of Studying the Native Language in the Circassian Diaspora of Turkey]. IN: *Vestnik nauki Adygeyskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy im. T.M. Kerasheva* [Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute for Humanities Research named after T. M. Kerashev]. – 2017. – No. 12 (36). – P. 147–153. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.З. Куров – аспирант.

Information about the author

N.Z. Kurov – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 13.02.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423
EDN: PSZNNU

О НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ И КУМЫКСКОМ ЯЗЫКАХ

Борис Абдулкеримович Мусуков[1], **Людмила Хамангериевна Махиева**[2]
[1,2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
[1] bmusukov@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176
[2] liudmila.makhiieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6186-0395

Аннотация. В статье комплексно исследуются особенности номинации тюркских фитонимических наименований на материале карачаево-балкарского и кумыкского языков, образованных по различным словосложительным моделям способом примыкания и способом сочинительного согласования от равноправных элементов. В ней рассматриваются метафорические особенности лексикализованных словосочетаний, которые объединяются только по семантическому признаку и по общим морфологическим значениям и отличаются друг от друга структурными отношениями. Анализ растительных словосочетаний свидетельствует о том, что «сдвоенные» наименования, выступающие в номинативно-нарицательном и терминообразующем значениях, теряют свои отдельные компоненты в некоторых новообразованиях, вступая в соединение, часто «сокращают форму» (иногда первое слово теряет аффикс, иногда – второе). Фитонимические словосочетания, выступающие в отдельных случаях как неразложимые лексические, грамматикализованные и фразеологические единства, свидетельствуют о лексико-семантической и грамматической трансформации моделей свободных словосочетаний.

Ключевые слова: флористическое словосочетание; метафорические особенности; фитонимы; названия растений; принципы номинации; отраслевая лексика.

Для цитирования: Мусуков Б.А., Махиева Л.Х. О номинации растений в карачаево-балкарском и кумыкском языках // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 411-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423. EDN: PSZNNU.

© Мусуков Б.А., Махиева Л.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

ABOUT THE NOMINATION OF PLANTS IN THE KARACHAY-BALKAR AND KUMYK LANGUAGES

Boris A. Musukov[1], **Lyudmila Kh. Makhieva**[2]
[1,2] Institute of Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
[1] bmusukov@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176
[2] liudmila.makhiieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6186-0395

Abstract. The article comprehensively studies the nominative features of Turkic geobotanical names based on the material of the Karachay-Balkar and Kumyk languages, formed according to various word-composition models by the adjoining method and the method of coordinating agreement from equal elements. It examines the metaphorical features of lexicalized phrases that are united only by semantic features and common morphological meanings and differ from each other in structural relationships. An analysis of geobotanical phrases shows that “double” names, which appear in nominative-common and term-forming meanings, lose their individual components in some new formations; when combined, they often “shorten their form” (sometimes the first word loses the affix, sometimes the second). Geobotanical phrases, which in some cases act as indecomposable lexical, grammaticalized and phraseological units, testify to the lexical-semantic and grammatical transformation of free phrase models.

Keywords: geobotanical phrase; metaphorical features; phytonyms; plant names; nomination principles; industry vocabulary.

For citation: Musukov B.A., Makhieva L.Kh. About the nomination of plants in the Karachay-Balkar and Kumyk languages. IN: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 411-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-411-423. EDN: PSZNNU.

© Musukov B.A., Makhieva L.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Фитонимические наименования, как часть лексического состава ономастики карачаево-балкарского и кумыкского языков, исследуются учеными с точки зрения различных областей знания. В их названиях отражаются жизнь и практическая деятельность карачаевцев и балкарцев. Они вместе с наименованиями животного мира формируют основу жизненного процесса того или иного народа. Поэтому анализ растительных названий карачаевцев и балкарцев имеет важное научно-теоретическое значение. Первостепенное значение имеет изучение отдельных вопросов этой отраслевой лексики, рассмотрение их словообразовательной структуры и особенностей историко-генетических пластов. При описании наименований растений в карачаево-балкарском языке необходимо выделить основные принципы и способы номинации и давать обширные исторические и этимологические экскурсы. Фактические материалы по фитонимии карачаево-балкарского и кумыкского языков могут найти полезное применение при описании языковых универсалий, основных принципов терминотворчества и упорядочении растительной лексики, особенностей лексикографирования словообразовательных моделей фитонимов, аналитических и синтаксических тенденций их развития.

Важным в этом отношении является изучение этнокультурных интеграционных особенностей терминов. Определяя принципы номинации и стратификации фитонимической лексики, следует обратить внимание на то, что исследование данного разряда лексики вызвано отсутствием отраслевых терминологических единиц, употребляемых как изолированные формы.

Теоретические обобщения материалов карачаево-балкарского и кумыкского языков, нормативная квалификация флористических единиц могут быть

использованы при совершенствовании терминологической системы, при рассмотрении проблем этнической истории, материальной и духовной культуры карачаевцев и балкарцев.

Флористическая лексика употребляется как один из наиболее богатых и древних пластов лингвистического ресурса карачаево-балкарского языка, имеющего не только историко-лексикологические, но и историко-культурные особенности.

Надо отметить и то, что в названиях растений выступают лексемы, свойственные только для определенной территории. Следует обратить внимание на то, что в функционировании того или иного наименования растений нельзя провести точную линию. Это зависит от многих обстоятельств, например, от географических условий обитания местных жителей, рельефа местности.

В народной флористической лексике карачаево-балкарского языка определенное место занимают заимствования из русского и арабо-персидского языков. Следует обратить внимание и на то, что при образовании названий травянистых растений и, связанных с ними терминов, особое место занимают исконно карачаево-балкарские слова.

Наименования растений, заимствованные из арабского и персидского языков, в карачаево-балкарском языке появились через тюркские языки среднеазиатской зоны. Работа посвящена одной из актуальных проблем карачаево-балкарского языкознания – системному анализу народных названий растений в синхронном и диахронном аспектах с вовлечением фитонимических материалов родственных и неродственных языков. В ней рассматриваются основные принципы номинации этой отраслевой лексики, раскрываются такие явления, как расширение или сужение лексико-семантических особенностей производящих основ, ареалы их распространения, характер и состав словообразовательных ресурсов, участвующих в образовании растительных наименований.

Основная часть

Исследование, связанное с лингвистической характеристикой фитонимов, как ценный источник в лексике народных говоров, может пролить свет на спорные вопросы истории языка, его современного состояния, способов словотворчества, усовершенствования терминологии. Флористическую лексику необходимо исследовать с точки зрения ее состава и происхождения, взаимоотношения диалектной и литературной лексики, переплетения синхронных и диахронных средств, особенностей употребления некоторых лексических слоев в обстановке усиливающегося воздействия литературного языка на диалекты и местные говоры. Все более несомненным становится обязательность изучения диалектной лексики и лексики народных говоров по тематическим разрядам в этом направлении в фонетико-грамматическом и лексико-семантическом планах.

Рассматривая принципы номинации фитонимов в карачаево-балкарском и кумыкском языках, следует обратить внимание на морфологические особенности растений, которые передаются как с помощью колоративного компонента, так и субстантивного, выступающего в большинстве случаев позиционно в функции определения. Отличительной особенностью номинации растений является

то, что свободные словосочетания, употребляемые в этимологическом значении, значении компонентов, в процессе языкового развития, в результате расширения или сужения лексико-семантических особенностей терминообразующих основ, становятся изолированными и переходят в разряд простых слов или лексикализованных единиц.

К числу продуктивных способов номинации растений относится семантический способ, при котором значения компонентов не отражаются в лексико-семантической структуре общего значения, например, ***акъ тамыр*** с общим значением *‘пырей остистый*’ и значениями *составляющих частей:* ***акъ*** *‘белый’* и ***тамыр*** *‘корень’* [Семенова 2010: 80]; ***акъсыргъа*** с общим значением ‘*чемерица белая’* и значениями компонентов: ***акъ*** ‘*белая’* и ***сыргъа*** ‘*серьга’* [Семенова 2010: 80]; ***акътерек*** *бот*. с общим значением ‘*осина//осиновый’* [КРС 2013: 27]; ***акътал*** *бот.* ‘*тополь//тополевый, тополиный’* [КРС 2013: 27]. Особенностью колоративных фитонимических двухкомпонентных словосочетаний с метафорическим значением является то, что в одних случаях компоненты пишутся раздельно, когда фразовое ударение находится на первом компоненте, в других случаях – слитно, когда фразовое ударение находится на втором компоненте.

В карачаево-балкарском и кумыкском языках отмечаются в наименованиях растений и свободные словосочетания, употребляемые в значении составляющих компонентов: ***акъ дугъум*** с общим значением ‘*смородина белая’* [Семенова 2010: 79] и значениями компонентных частей: ***акъ*** *‘белая’* и ***дугъум*** ‘*смородина’;* ***акъ къайын*** с общим значением *‘белая береза’* и значениями составляющих основ: ***акъ*** *‘белая’* и ***къайын*** *‘береза’* [[ТСКБЯ 1996: 97]; ***къаратал*** *бот*. с общим значением ‘*чернотал’, ‘черный тополь’* и значениями составляющих частей: ***къара*** ‘*черный’* и ***тал*** ‘*тополь’* [КРС 2013: 221]; ***къараюзюм*** *бот*. с общим значением ‘*черный виноград’* и значениями компонентов: ***къара*** ‘*белый*’ и ***юзюм*** ‘*виноград’* [КРС 2013: 221].

Несмотря на существование богатого и многостороннего растительного, не все травянистые растения определенной местности зафиксировали свои названия. Номинацией обозначены лишь те растения, с которыми носители языка чаще всего встречаются в своей повседневной трудовой деятельности.

Фитонимические свободные словосочетания выполняют номинативную функцию, являясь терминологическими наименованиями, переходят в разряд фитонимов и становятся частью этой отраслевой лексики, выступая в качестве устойчивой конструкции. В результате лексикализации, а также грамматических, структурно-фонетических преобразований устойчивые словосочетания утрачивают особенности своего сложного морфологического состава и переходят в разряд простых слов, теряя компонентное значение. В процессе лексикализации устойчивые словосочетания переходят в неделимые по своему лексическому составу флористические наименования, сохраняя общее грамматическое значение, а также смысловое и функционально-семантическое единство компонентов. Первоначальную лексико-грамматическую форму словосочетания можно будет восстановить только в результате этимологического анализа и вследствие морфологической сегментации формирующих частей.

Фонетические модификации наблюдаются и в компонентах лексикализованного словосочетания ***къарагъач*** *‘лиственница’*, в котором сочетаются на стыке двух корней две однородные гласные фонемы ***а***: одна в конце цветообозначающей основы ***къара*** *‘черный’*, другая – в начале субстантивной единицы ***агъач*** *‘лес’*.

Номинативная функция геоботанических свободных и лексикализованных словосочетаний в карачаево-балкарском и кумыкском языках подразделяется на две разновидности – производные и непроизводные растительные основы. К числу производных единиц относятся фитонимические конструкции, образованные: 1) по модели словосложительных лексем, например, ***акъ жууа*** ‘*белый гриб’* [Семенова 2010: 79]; ***акъ къаура*** *‘лобазник’* [Семенова 2010: 80]; ***акъ тут*** *‘тутовник белый’* [Семенова 2010: 80]. Препозиционный атрибутивный элемент выражается именем прилагательным, а постпозиционный субстантивный компонент – именем существительным; 2) флористические наименования, образованные по модели изафетной конструкции (изафет второй): ***акъ чёп башы*** *‘белый костер’* [Семенова 2010: 80]; ***байрым гюлю*** ‘*иерихонская роза’* [Семенова 2010: 82]; ***байрым оту*** *‘шалфей со́довый’* [Семенова 2010: 82]. В отмеченных наименованиях изафетные конструкции образованы с помощью инвентарных единиц морфологии – грамматических аффиксов ***-ы, -у/-ю***; 3) наименования растений, образованные с помощью грамматического аффикса множественного числа ***-ла:*** ***гъыжгъыжла*** *‘скрипки’* [Семенова 2010: 84]; ***орус къызыл(ла)*** *уст*. ‘*помидоры’* [Семенова 2010: 93].

В кумыкском языке в разряде фитонимической лексики встречаются двухкомпонентные лексикализованные словосочетания, выступающие в качестве устойчивой конструкции. Их можно отметить в обозначении названий сорнополевых растений, например, ***шанжалтегенек***, состоящий из двух субстантивных основ ***шанжал*** *‘стул’* и ***тегенек*** ‘*колючка’* [КРС 2013: 460]. Слово ***шанжал*** *‘стул’* употребляется в качестве атрибутивного компонента. Лексико-семантической особенностью отмеченного атрибутивного словосочетания является то, что компонентное значение не сохраняется, а функционирует новое значение *‘якорцы наземные’*. В кумыкском языке употребляются и другие лексикализованные словосочетания, в которых компонентное значение теряется, а препозиционный субстантивный компонент выполняет атрибутивную функцию, например, ***аткъулакъ*** с общим обобщенно-собирательным значением ‘*конский щавель’* и значениями составляющих частей ***ат*** ‘*лошадь’* и ***къулакъ*** *‘ухо’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]; ***хоразчечек*** – общее значение ‘*горицвет’* со значениями компонентов ***хораз*** ‘*петух*’ и ***чечек*** ‘*цветок’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]; ***оьгюзкъулакъ*** – общее значение ‘*коровяк’* со значениями составляющих частей ***оьгюз*** *‘вол, бык’* и ***къулакъ*** ‘*ухо’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298].

Среди лексикализованных растительных словосочетаний, выступающих как метафорические единицы в кумыкском языке, выступают конструкции, в которых в качестве препозиционной основы отмечаются имена числительные, так

же традиционно не сохраняющие своего значения, например, ***къыркъбувун*** с общим переносным значением ‘*хвощ*’ и значениями компонентов: ***къыркъ*** ‘*сорок*’ и ***бувун*** ‘*узел*’ [КРС 2013: 254].

Среди лексикализованных флористических конструкций, выступающих как преобразованные устойчивые словосочетания, утратившие особенности своей сложной лексико-семантической структуры, в кумыкском языке отмечаются двухкомпонентные единицы, в составе которых первая часть употребляется как имя прилагательное, например, ***къызылъяпыракъ*** с общим обобщенно-собирательным значением ‘*репейник*’ и значениями составляющих элементов: ***къызыл*** *‘красный*’ и ***япыракъ*** *‘лист*’ [КРС 2013: 249].

Лексикализованные фитонимические наименования в кумыкском языке, состоящие из двух сегментов, отмечаются и среди других фитонимических единиц, например:

1) в наименованиях лесных насаждений: ***телинарат*** – с общим значением ‘*ель’* и значениями компонентов: ***тели*** *‘колючка, проволока’* и ***нарат*** *‘ель’* [КРС 2013: 386]; субстантивный препозиционный элемент ***тели*** употребляется в позиции определения: ***къарамакъар*** – с общим значением ‘*ольха’* и значениями составных частей: ***къара*** *‘черный’* и ***макъар*** ‘*береза’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]; ***бишёвтал*** – с переносным значением ‘*плакучая ива’* и значениями составляющих элементов: ***бишёв*** ‘*котенок’* и ***тал*** *‘тополь, ива, тальник, верба’* [КРС 2013: 74];

2) в наименованиях кустарниковой растительности: ***къаратегенек (-ги)*** – с общим лексикализованным значением ‘*держидерево*’ (колючий кустарник) и значениями компонентов: ***къара*** *‘черный*’ и ***тегенек*** *‘колючка*’; ***къаратерекни арасында*** *‘среди кустов держидерева*’; в этом же лексикализованном значении употребляется двучленное метафорическое сочетание ***къушкъонмас*** со значениями ‘*крушина’, ‘держидерево’* (из коры крушины изготовляют слабительное лекарственное средство); ***сариябушгъан*** – с общим преобразованным значением ‘*боярышник’* и значениями колоративного компонента ***сари*** ‘*желтый’* и причастного ***ябушгъан*** ‘*прилепившийся’* [КРС 2013: 299]; ***оьгюзьемиш*** – с общим метафорическим значением ‘*мушмула’* [КРС 2013: 299] и значениями субстантивного компонента ***оьгюз*** *‘бык, вол’*, выступающего в функции атрибутивной единицы, и субстантивного компонента ***емиш*** *‘плод, фрукты’*, употребляемого в значении имени существительного. Среди наименований кустарниковой растительности в кумыкском языке отмечается единственное растение, название которого функционирует как свободное словосочетание в значении компонентов, сохраняющее функционально-семантическое единство составляющих частей: ***агъачюзюм*** – с общим значением ‘*дикий виноград’* и значениями компонентов: ***агъач*** *‘дерево, лес’* и ***юзюм*** *‘виноград’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 299];

3) среди наименований злаковых культур: ***шекеркъамуш*** – употребляется, как свободное словосочетание с общим значением компонентов ‘*сахарный тростник*’ [КРС 2013: 452]; значения составляющих частей интерпретируются следующим образом: ***шекер*** *‘сахар*’ и ***къамуш*** ‘*камыш, тростник’*. В лексикализованном значении ‘*сахарный тростник*’ в кумыкском языке употребляется еще и другое словосочетание ***балкъамуш*** [КРС 2013: 52], состоящий из двух

компонентов: ***бал*** ‘*мед*’ и ***къамуш*** ‘*камыш, тростник*’. В кумыкском языке можно отметить еще и другое словосочетание среди злаковых наименований с метафорическим значением: ***къарамашакъ*** – *‘гречиха’,* компонентными значениями являются: колоративное слово ***къара*** *‘черный*’ и общетюркский субстантивный элемент ***машакъ*** ‘*колосья, оставшиеся после жатвы*’, функционирующее в некоторых тюркских языках и как ***башакъ***;

4) среди наименований цветущих растений встречается устойчивое словосочетание ***юлдузчечек*** *‘георгина’,* состоящее из субстантивного компонента ***юлдуз*** ‘*звезда’*, выступающего в позиции определения, и субстантивной части ***чечек*** *‘цветок’.* Данный термин в «*Кумыкско-русском словаре»* не отмечается, однако его можно встретить в других источниках [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 299]. Терминологическая единица ***гёзот*** с общим значением ‘*василек’* выступает в кумыкском языке как флористическое лексикализованное словосочетание, выполняющее номинативную функцию в составе этой отраслевой лексики; имеет следующие значения компонентов, не функционирующие в лексико-семантической структуре устойчивой конструкции: ***гёз*** *‘глаз’* – субстантивный компонент, употребляемый в позиции определения, и ***от*** *‘трава’* – субстантивный компонент, употребляемый в позиции подлежащего.

В кумыкском языке отмечается еще другое лексикализованное устойчивое словосочетание, не употребляемое в значении составляющих компонентов, а переходящее в разряд простых слов и не зафиксированное в «*Кумыкско-русском словаре»*: ***инжичечек*** – с общим значением ‘*ландыш’*; имеет следующие значения компонентов: ***инжи*** *‘жемчуг’* и ***чечек*** ‘*цветок’*. Данный термин можно встретить и в других лингвистических источниках [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]. Слово ***инжи*** представляет собой субстантивную часть, выполняющую функцию определения.

В кумыкском языке имеет место единственное в своем роде устойчивое словосочетание, состоящее из трех компонентов, выявляющее морфологическое и лексикализованное развитие составляющих частей: ***къазаякъот*** с общим значением ‘*лютик’* и значениями формирующих компонентов: ***къаз*** ‘*гусь’* – субстантивный элемент, выступающий в позиции определения, ***аякъ*** ‘*нога’* – субстантивная часть, употребляемая в позиции определения, ***от*** ‘*трава’* – субстантивный компонент, функционирующий в позиции подлежащего. Данное словосочетание в «*Кумыкско-русском словаре»* не зафиксировано, несмотря на то, что имеет место в народном языке [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298].

В растительной лексике карачаево-балкарского и кумыкского языков существуют лексикализованные словосочетания как неразложимые устойчивые единства, между компонентами которых существует тип синтаксической связи, свойственный первому изафету при отсутствии в составе каких-либо инвентарных единиц морфологии, например, ***гёгюрчюн гёз*** – с общим значением ‘*незабудка*’ и значениями компонентов: ***гёгюрчюн*** ‘*голубь’* – субстантивная единица, выступающая в позиции определения, и ***гёз*** *‘глаз*’ [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]. Компонент ***гёз*** функционирует в форме первого изафета с нулевым аффиксом. Среди названий растений в отмеченных языках можно привести еще две

лексикализованные единицы, в которых учитываются синтаксические особенности первого изафета, например, ***сыйыр къуйрукъ*** – с общим значением ‘*метелка конского щавеля’* [КРС 2013: 360] и значениями компонентов: ***сыйыр*** *‘корова’* – субстантивное слово, выступающее в позиции определения, и ***къуйрукъ*** *‘хвост’* – субстантивная часть, употребляемая в позиции подлежащего; ***аткъулакъ*** – с общим значением, свойственным разряду простых слов ‘*трава, бурьян, зелень*’, и значениями компонентов: ***ат*** *‘лошадь’* – субстантивная единица, выражающая атрибутивное значение в синтагматическом окружении в составе сложной конструкции, ***къулакъ*** *‘ухо’* – субстантивная основа, выступающая в роли подлежащего [КРС 2013: 240].

Свободные и лексикализованные геоботанические терминологические наименования объединяются или по семантическому признаку, или по морфологическим особенностям и в структурном отношении состоят из двух или трех частей:

1) колоративного компонента, употребляемого в прямом значении, и субстантивного, например, ***къызыляпыракъ*** – с общим значением ‘*репейник*’ [КРС 2013: 249] и значениями составляющих частей: ***къызыл*** *‘красный*’ и ***япыракъ*** *‘лист’;* ***къарачёп*** *‘душица*’ [КРС 2013: 221];

2) субстантивного компонента, употребляемого в местном падеже в лексикализованной, изолированной форме, и предикативного в причастной форме, например, ***къалкъыда битеген*** – с общим смысловым значением ‘*пастушья сумка*’ и значениями формирующих частей: ***къалкъыда*** ‘*на крыше*’ и ***битеген*** *‘растущий*’ [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 299];

3) предикативного компонента, употребляемого в отрицательной форме, и субстантивного, например, ***сёнмесчечек*** – с общим смысловым содержанием ‘*бессмертник*’ и значениями формулирующих частей; ***сёнмес*** *‘не погаснет*’ и ***чечек*** *‘цветок’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 299];

4) из трех субстантивных основ, в которых первая часть выступает в позиции определения, например, ***эчкимююз терек*** – с общим значением ‘*акация*’ и значениями составляющих частей; ***эчки*** *‘коза’,* ***мююз*** *‘рог*’ и ***терек*** *‘дерево*’ [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 299]; в ‘*Кумыкско-русском словаре’* данное словосочетание интерпретируется следующим образом: ***эчкимююз*** *бот*. ‘*глядячий’; ~* ***терек*** *‘акация’* [КРС 2013: 474].

Среди лексикализованных фитонимических наименований кумыкского языка, в которых теряются значения компонентов, можно отметить конструкции ***къолкъотур*** с общим значением ‘*гриб*’ и значениями составляющих частей: ***къол*** ‘*рука’* – употребляется в позиции определения и ***къотур*** *‘лишай’* [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]; в ‘*Кумыкско-русском словаре’* об этой конструкции можно найти следующие сведения: ***къолкъотур*** *бот. ‘гриб//грибной’;* ***агъулу*** ~ ‘*ядовитый гриб’; ~* ***шорпа*** *‘грибной суп’* [КРС 2013: 172]; ***тюклюот*** с общим значением ‘*мох’* и значениями компонентов ***тюклю*** ‘*волосистый’* и ***от*** *‘трава’*; в карачаево-балкарском языке слова ***от*** *‘трава’* и изафетная форма ***оту*** *‘травы’* являются наиболее продуктивными терминообразующими компонентами, употребляемыми постпозиционно; слово ***от*** *‘трава’* как второй компонент встреча-

ется в 33 растительных наименованиях, изафетная форма ***оту*** *‘травы’* отмечается в 35 названиях; ***итбурун*** – с общим значением ‘*шиповник’* и значениями компонентов: ***ит*** *‘собака’* – субстантивная единица, выступающая в роли определения, ***бурун*** *’нос’* – субстантивная единица, употребляемая в функции подлежащего [Крымханова, Гаджиахмедов 2012: 298]; в «*Кумыкско-русском словаре»* данная конструкция анализируется следующим образом: ***итбурун*** *бот. ‘шиповник’; ~* ***чай*** *‘чай из шиповника’* [КРС 2013: 172].

Общетюркское интегрирующее лексикализованное словосочетание ***итбурун*** с общим значением ‘*шиповник’*, значениями компонентов ***ит*** *‘собака’* и ***бурун*** *‘нос’* употребляется только в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка [ТСКБЯ 2002: 132] и карачаевском варианте карачаево-балкарского языка [КБРС 1989: 306].

В некоторых материалах по карачаево-балкарскому языку среди растительных терминов отмечается лексикализованное словосочетание, состоящее из трех частей, неделимое по своему лексическому составу: ***ит-тил-чапыракъ*** с общим значением ‘*подорожник’* и значениями составляющих частей: ***ит*** *‘собака’,* ***тил*** *‘язык’* и ***чапыракъ*** *‘лист’* [ТСКБЯ 2002: 131]. Можно обратить внимание и на другое написание данного термина: ***иттил чапракъ*** *‘подорожник’* [Семенова 2010: 87]; ***ит тили чапыракъ*** *бот. ‘подорожник’* [КБРС 1989: 306].

Лексико-семантической особенностью употребления общетюркской основы ***итбурун*** *‘подорожник’* является то, что лексемы в прямом значении или значении компонентов функционируют в составе ‘*сдвоенных’* названий.

Характерной отличительной особенностью интерпретации производных флористических наименований является их мотивированность или отсылка к лексико-семантическому значению производящей основы. Мотивирующие отношения в языке связаны с производящей основой, а мотивированные – с производной.

Рассмотренные названия растений свидетельствуют о том, что значение мотивированного слова всегда обусловлено значением производящей основы или основ. Лексико-семантические трансформации своеобразно отражаются в лексико-семантической структуре производного слова, то есть оно гораздо многообразнее мотивирующего слова.

Самую большую лексико-семантическую группу флористических наименований в карачаево-балкарском языке составляют немотивированные единицы, которые, с другой стороны, характеризуются как непроизводные основы. Среди названий растений к их числу относятся фитонимы, обозначающие деревья и их соматические части. В карачаево-балкарском и кумыкском языках при обозначении дерева и леса употребляется общетюркская лексема ***терек*** [КБРС 1989: 623; КРС 2013: 388]. В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка общетюркским словом ***агъач*** обозначается понятие ‘*дерево’* [КБРС 1989: 19], а в балкарском варианте – ‘*лес’* [ТСКБЯ 1996: 45].

В карачаево-балкарском и кумыкском языках употребляется лексикализованное словосочетание ***акътерек***, компоненты которого пишутся слитно. В карачаево-балкарском языке оно имеет значение ‘*тополь*’ [ТСКБЯ 1996: 104]; в кумыкском языке выступает в значениях ‘*осина // осиновый’* [КРС 2013: 27]. В

карачаевском варианте карачаево-балкарского языка словосочетание ***акътерек*** употребляется в значении ‘*осина’* [Семенова 2010: 80]. Словосочетание ***акътерек*** часто выступает в карачаево-балкарском и кумыкском языках в географической номенклатурной терминологии как апеллятив и как оним [Хапаев 2013: 86]. В карачаево-балкарском языке среди географических названий встречается название местности ***Кюнлюм-алмалы***, *местн. на лев. бер*. р. Сукан-суу, выше села В.Жемтала; ***кюнлюм*** *‘солнечный склон’, ‘пригрев’*; ***алма*** ‘*яблоня’* [Хапаев 2013: 222].

Широкоупотребительные общетюркские растительные наименования ***агъач*** *‘лес’,* ***терек*** *‘дерево’* в карачаево-балкарском языке относятся к немотивированным, непроизводным геоботаническим основам.

В балкарском варианте карачаево-балкарского языка для обозначения всходов, молодых побегов употребляется терминологическая единица зыгыт со значениями: 1) ‘всходы’; 2) в позиции определения: ‘взошедший, проросший’; 3) ‘поросль, молодой лес’; 4) в позиции определения: ‘порослевый’; 5) ‘рассада’; 6) в позиции определения: ‘рассадный’; 7) кёч. ‘отпрыск’ (потомок) [ТСКБЯ 2002: 50–51].

В карачаево-балкарском варианте карачаево-балкарского языка для обозначения отростков, молодых побегов функционирует непроизводная, немотивированная основа ***джетек*** со следующими значениями: 1) *бот. ‘отросток, пасынок, побег’*; 2) *этн. ‘ветвь, колено, отпрыск’*; 3) *геогр*. ‘*приток’* (*боковой*); 4) ‘*побочный, вторичный, второстепенный’* [КБРС 1989: 244]. В карачаево-балкарском языке для обозначения ростков дерева употребляется геоботанический термин ***чирчик*** со значениями: 1) ‘*почка, всход’;* 2) *кёч. ‘ребенок, дитя, малыш’*; 3) *кёч*., ‘*начало, исток*, *зарождение, зародыш’* [ТСКБЯ 2005: 915–916]. От производящей основы ***чирчик*** и словообразовательного аффикса ***-лен*** образуется производная лексема ***чирчиклен*** с возвратным значением [ТСКБЯ 2005: 916]. В карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляется лексикализованное словосочетание ***тер чирчикле*** *‘капли пота’;* ***тери чирчикле, чирчик барады*** *‘пот с него льет градом’* [КБРС 1989: 735]. В карачаево-балкарском языке от слова ***чирчиклен*** с помощью аффикса ***-ирге*** может образоваться неопределенная форма глагола со значением *‘появляться’* (*о почках*); ‘*пускать побеги’;* ***терекле чирчиклендиле*** *‘на деревьях появились почки’* [КБРС 1989: 735]. В кумыкском языке в значении ‘*новая ветка’* употребляется изафетное словосочетание ***терекни гиччи бутагъы*** [ШРКС 2008: 427].

Следует отметить, что среди немотивированных фитонимов с компонентом ***чегет*** в карачаевском варианте карачаево-балкарского языка употребляются словосочетания ***къайын чегет*** *‘березовый лес’;* ***къалын чегет*** *‘дремучий лес’;* ***чегет алмала*** *‘лесные (дикие) яблоки’;* ***чегет къыйыр*** *‘опушка леса’;* ***чегет хауа*** *‘лесной воздух’;* ***чегет къаршы*** *‘лесополоса’* [КБРС 1989: 730]. В балкарском варианте карачаево-балкарского языка употребляется свободное словосочетание ***къалын агъач*** со значением составляющих компонентов ‘*густой лес’*.

В карачаево-балкарском языке в разряде геоботанической лексики отмечается двухкомпонентное наименование ***терек къабугъу*** со значением *‘древесная*

кора', 'кора древесины', в кумыкском языке употребляется мотивированное растительное название ***уьлкюлюк***, образованное от производящей основы ***уьлкю*** *'кустарник'* и инвентарной единицы ***-люк***. В карачаево-балкарском языке слово ***юлкю*** относится к числу немотивированных основ, так как не имеет словообразовательных особенностей.

В карачаево-балкарском и кумыкском языках имеются одинаковые геоботанические названия, отличающиеся друг от друга некоторыми фонетическими особенностями правописания, например: ***тёнгек/тёммек*** *'пень'* [ТСКБЯ 2005: 485]; в кумыкском языке употребляются немотивированные литературные варианты ***тоънгэк/тоьнгьк*** [Ольмесов 1997: 172].

Немотивированные (непроизводные) фитонимические основы в карачаево-балкарском языке встречаются в основном среди названий разнообразной растительности, наименований зернокультурных, а также деревьев.

Рассматривая словообразовательные особенности растительных наименований в карачаево-балкарском языке, следует обратить внимание на то, что по своему структурному составу карачаево-балкарские народные названия растений делятся на корневые и производные сложные и составные.

Корневые фитонимы состоят из основ, являющихся неразложимыми словами, например: ***тары*** *'просо'*, ***алма*** *'яблоня'*, ***кертме*** *'груша'*, ***терек*** *'дерево'*, ***агъач*** *'лес'*, ***къыфча*** *'чернослив'*, ***къына*** *'растение, дающее жёлто-красную краску'*, ***бусакъ*** *'тополь'*, ***гъойгъун*** *'папоротник' (балк.)*, ***ишкилди*** *(карач.)*/***ишхилди*** *(балк.) 'брусника, черника'*. Растительные названия, образованные с помощью аффиксальных морфем, не являются корневыми, а относятся к производному разряду геоботанических лексем.

В компонентах сложных геоботанических единиц отмечаются различного рода фонетические трансформации, например, на стыке препозиционного и постпозиционного компонентов происходит выпадение гласной фонемы, именуемое элизией как в слове ***къарагъач*** с общим значением '*вяз горный'* и значениями компонентов: ***къара*** *'черный'* и ***агъач*** *'дерево'*. Отмеченное фонетическое явление в карачаево-балкарском языке употребляется не в свободных словосочетаниях, а в неделимых лексических основах. Кроме того, они могут выступать в таких слитных сочетаниях, которые получают выборочно в зависимости от лексико-семантических взаимосвязей производной основы и формального компонента постпозиционное морфологическое развитие.

Терминологические единицы, связанные с растительной лексикой в карачаево-балкарском языке, встречаются и в фольклорных текстах, выполняя определенные функциональные нагрузки, а именно употребляются в карачаевских загадках, например, ***акъ тау – аякъ ыздан толу*** *загадка 'белая гора, полная следов'* (*отгадка* ***айю тырнакъ*** *'акант'*) [Алиев 1984: 151]; ***бети – акъ, чачы – бурма*** *загадка 'яйцо белое', волосы кучерявые'* (*отгадка* ***акъ къайын*** *'береза* белая') [Алиев 1984: 151]; ***къара къаптал кие, тюзню – тауну сюе*** *'одевая черный казакин, любя степи-горы'* (*отгадка* ***къара къайын*** *'черемуха'*) [Алиев 1984: 151].

Заключение

В карачаево-балкарском и кумыкском языках флористическая лексика образовалась в отдельных случаях с помощью свободных словосочетаний, выполняющих номинативную функцию. Они выступают как терминологические названия, переходя в разряд фитонимов, становясь частью лексического пласта ономастики отмеченных языков.

В большинстве случаев растительные номинации в карачаево-балкарском и кумыкском языках образовались с помощью лексикализованных словосочетаний, выявляющих метафорическое значение и выступающих с точки зрения лингвистической интерпретации как единственное название представителя геоботанических терминов.

Отдельные фитонимические наименования образовались в результате метонимического переноса значений составляющих частей на общее значение. Отличительная характеристика метафорического значения базируется на описании морфологических особенностей степной и скальной растительности. В отличие от лексико-семантического переноса особенностей растительной терминологии важным в растительных терминах является функциональный перенос.

Анализ лингвистической интерпретации, семантической мотивации словообразовательных моделей растительной отраслевой лексики свидетельствует о том, что окказиально так называемые лексикализованные флористические наименования имеют собирательное значение, обозначают обобщенное понятие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Карачаевские народные сказки. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во (Качараево-черкесское отд.), 1984. – 216 с.

КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь около 30000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочляева, Х.И. Суюнчев; Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Рус.яз., 1989. – 832 с.

Крымханова, Гаджиахмедов 2012 – *Крымханова А.Б., Гаджиахмедов Н.Э.* Семантические производные названий растений в кумыкском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 4. – С.296–300.

КРС 2013 – Кумыкско-русский словарь. Под редакцией Б.Г. Бамматова. – Махачкала, ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013. – 528 с.

Ольмесов 1997 – *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфология. – Махачкала: издательство ИПЦ ДГУ, 1997. – 309 с.

Семенова 2010 – *Семенова А.Б.* Фитонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2020. – 102 с.

ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. I. А – Ж. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 1016 с.

ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. II. З – Р. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. – 1168 с.

ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка. В трех томах. III. С – Я. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – 1157 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии: научно-популярное издание. – М.: Фонд «Эльбрусоид», 2013. – 574 с.

ШРКС 2008 – Школьный русско-кумыкский словарь. – Махачкала: Лотос, 2008. – 544 с.

REFERENCES

ALIEV S.CH. *Karachaevskie narodnye skazki* [Karachay Folk Tales]. – Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo (Karachaevo-Cherkesskoe otd.), 1984. – 216 p. (In Russ.).

KARACHAEVO-BALKARSKO-RUSSKII SLOVAR' okolo 30000 slov [Karachay-Balkar-Russian Dictionary of about 30,000 words] / Karachaevo-Cherkesskii n.-i. in-t ist., filol. i ekonomiki; S.A. Gochlyaeva, Kh.I. Suyunchev; Pod red. E.R. Tenisheva i Kh.I. Suyuncheva. – M.: Rus.yaz., 1989. – 832 p. (In Russ.).

KRYMKHANOVA A.B., GADZHIAKHMEDOV N.E. *Semanticheskie proizvodnye nazvanii rastenii v kumykskom yazyke* [Semantic Derivatives of Plant Names in the Kumyk Language]. In: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 4. – P. 296-300. (In Russ.).

KUMYKSKO-RUSSKII SLOVAR' [Kumyk-Russian Dictionary]. Pod redaktsiei B.G. Bammatova. – Makhachkala: IYaLI DNTs RAN, 2013. – 528 p. (In Russ.).

OLMESOV N.KH. *Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoi sistemy kumykskogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Comparative-Historical Study of the Dialect System of the Kumyk Language. Phonetics. Morphology]. – Makhachkala: IPTs DGU, 1997. – 309 p. (In Russ.).

SEMENOVA A.B. *Fitonimicheskaya leksika karachaevo-balkarskogo yazyka* [Phytonymic Lexicon of the Karachay-Balkar Language]. – Pyatigorsk: RIA-KMV, 2020. – 102 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. V trekh tomakh. I. A – Zh [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. I. A – Zh]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 1996. – 1016 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. V trekh tomakh. II. Z – R [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. II. Z – R]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2002. – 1168 p. (In Russ.).

TOLKOVYI SLOVAR' KARACHAEVO-BALKARSKOGO YAZYKA. V trekh tomakh. III. S – Ya [Explanatory Dictionary of the Karachay-Balkar Language. In Three Volumes. III. S – Ya]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – 1157 p. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii: nauchno-populyarnoe izdanie* [Geographical Names of Karachay and Balkaria: Popular Science Edition]. – M.: Fond «El'brusoid», 2013. – 574 p. (In Russ.).

SHKOL'NYI RUSSKO-KUMYKSKII SLOVAR' [School Russian-Kumyk Dictionary]. – Makhachkala: Lotus, 2008. – 544 p. (In Russ.).

Сведения об авторах

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

Л.Х. Махиева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

B.A. Musukov – Doctor of Philological Sciences.

L.Kh. Makhieva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 82.31
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-424-432
EDN: QUANVI

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА (на материале карачаево-балкарского языка)

Зульфия Мустафировна Ульбашева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, z.gaboeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0085-077X

Аннотация. В данной статье на материале карачаево-балкарского языка исследуются лексические и паремиологические единицы с компонентом-гастронимом. В гастронимах, как и в других онимах (антропонимах, гидронимах, этнонимах, зоонимах, фитонимах и т.д.), закодированая ценная лингвокультурная информация, отражающая сформированное под влиянием исторических, географических и религиозных факторов культурно-специфическое мировосприятие этноса, эксплицируется через метафорические образы. Метафора в современной лингвистике рассматривается как фундаментальный механизм познания мира (концептуальная метафора). Особого внимания в этом смысле заслуживает гастрономическая метафора – перенос значений, основанный на образах пищи и кулинарных процессов. Аксиологическая составляющая гастрономической метафоры может быть выражена эксплицитно (открытое сравнение внешних и внутренних характеристик человека, его социальные взаимодействия с едой (вкусом, запахом, текстурой) и процессами приготовления пищи) или имплицитно (скрытое сравнение явлений с едой, вкрапленное в структуру языка и не воспринимаемое, как образное). В статье выделены гастрономические метафоры, характеризующие внешность человека, его темперамент и нравственные качества, социальное положение, физическое и эмоциональное состояние, отношение к жизни в целом.

Ключевые слова: гастроним, гастрономическая метафора, лингвокультурология, лексическая единица, паремиологическая единица, карачаево-балкарский язык.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор No 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Ульбашева З.М. Гастрономическая метафора в концептуализации мира (на материале карачаево-балкарского языка) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 424-432. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-424-432. EDN: QUANVI.

© Ульбашева З.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

GASTRONOMIC METAPHOR IN THE CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD (based on the Karachay-Balkar language)

Zulfiya M. Ulbasheva
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, z.gaboeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0085-077X

Abstract. This article examines lexical and paremiological units with a gastronomic component in the Karachay-Balkar language. Gastronomic names, like other onyms (anthroponyms, hydronyms, ethnonyms, zoonyms, phytonyms, etc.), encode valuable linguistic and cultural information that reflects the historical, geographical, and religious beliefs of an ethnic group. In modern linguistics, metaphor is considered a fundamental mechanism of world perception that reflects the cultural and specific worldview of an ethnic group. In this sense, gastronomic metaphors deserve special attention – transfers of meaning based on images of food and culinary processes. The axiological component of a gastronomic metaphor can be expressed explicitly (an open comparison of a person's external and internal characteristics, their social interactions with food (taste, smell, texture), and cooking processes) or implicitly (a hidden comparison of phenomena with food that is embedded in the structure of language and is not perceived as figurative). The article highlights gastronomic metaphors that describe a person's appearance, character, and moral qualities, social status, emotional state, and attitude towards life in general.

Keywords: gastronym, gastronomic metaphor, linguoculturology, lexical unit, paremiological unit, Karachay-Balkar language.

Funding: The research was funded by an internal grant from KBSU (agreement no. 45) as part of the "Priority 2030" program.

For citation: Ulbasheva Z.M. Gastronomic metaphor in the conceptualization of the world (based on the Karachay-Balkar language). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 424-432. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-424-432. EDN: QUANVI.

© Ulbasheva Z.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Метафоризация – важный когнитивный механизм осмысления мира через образные представления, которая помогает структурировать полученные знания об окружающем мире, перенося значения с одного предмета на другой, т.е. полученные знания концептуализируются в ментальные образы. Метафоры могут быть зооморфными, фитоморфными, предметными, артефактными, социоморфными и др. Н.Д. Арутюнова выделяет номинативные, образные, когнитивные и генерализирующие метафоры [Арутюнова 1998: 366]. Ш. Балли указывает на всеобщую метафоричность языка, противопоставляя поэтической метафоре языковую [Балли 1961: 333]. И.Р. Гальперин рассматривает метафору как способ отражения действительности в художественном плане [Гальперин 1958: 36].

Согласно Дж. Лакоффу при метафоризации осуществляется проекция из «сферы-источника» (source domain) в «сферу-мишень» (target domain) с учетом опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Зафиксированные в языке соответствия между «сферой-источником» и «сферой-мишенью», имеющие культурную составляющую, называются «концептуальными метафорами» или «метафорическими моделями» [Лакофф 1993: 245]. Таким образом, Дж. Лакофф определяет метафору как универсальное свойство мышления.

В современных лингвистических исследованиях метафора рассматривается как процесс человеческого мышления, способ концептуализации мира, отраженный в языковых единицах.

При формировании национальной языковой картины мира важную роль играет гастрономическая метафора, представляя собой некую «призму», преломляющую процесс этнической концептуализации окружающей действительности. Языковые единицы с гастрономической метафорой составляют значимый фрагмент языковой картины мира, поскольку гастронимы, отражая уникальный быт этноса, являются частью национальной культуры.

Актуальность исследования гастрономической метафоры в языковой картине мира обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к изучению ментальных особенностей этноса при категоризации мира.

Объектом исследования являются устойчивые языковые единицы карачаево-балкарского языка с компонентом-гастронимом.

Предмет исследования – гастрономическая метафора как средство реализации концепта.

Цель статьи – описание системы лингвокультурных особенностей гастрономической метафоры в когнитивном осмыслении окружающей действительности в карачаево-балкарском языке. Материалом исследования послужили толковые, паремиологические, фразеологические словари карачаево-балкарского языка, этнографические источники.

Задачи исследования: описать языковые единицы с компонентом-гастронимом; выявить в них систему метафорических представлений, свойственных для карачаево-балкарской лингвокультуры; охарактеризовать особенности метафоризации при формировании карачаево-балкарской языковой картины мира. Для решения данных задач использованы метод сплошной выборки, когнитивный и лингвокультурный анализ.

Изучению гастрономической метафоры в концептуальной картине мира на материале разных языков посвящены работы таких исследователей как: Р.Д. Керимов (*«Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики»)* [Керимов 2005]; А.С. Бойчук (*«Гастрономическая метафора в современном русском языке»)* [Бойчук 2011]; О.А. Дормидонтова (*«Семантические особенности французской гастрономической метафоры (на примере источника готовые блюда)»)* [Дормидонтова 2017]; Е.Р. Ионесян (*«Концептуальная метафора: опыт сопоставления метафорических моделей в разных языках»)* [Ионесян 2018]; Л.Х. Дзасежева, Э.Ю. Улимбашева, Э.Р. Хутова (*«Роль гастрономической метафоры в характеристике внешности человека»)* [Дзасежева, Улимбашева, Хутова 2019]; С.А. Громыко (*«Гастрономическая метафора в русском дореволюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов)»)* [Громыко 2020]; Е.А. Юрина, А.А. Полякова, А.В. Балдова (*«Признаковая гастрономическая метафора в русском языке: аспекты типологии»)* [Юрина, Полякова, Балдова 2021]; О.С. Зубкова, Т.В. Максимова (*«Идентификация гастрономической метафоры в условиях естественного билингвизма»)* [Зубкова, Максимова 2024]; Е.Ю. Воробьева (*«Эмотивность гастрономической метафоры в условиях многоязычия»)* [Воробьева 2025] и др. Научная новизна исследования

заключается в том, что на материале карачаево-балкарского языка впервые предпринята попытка изучения роли гастрономической метафоры при концептуализации мира.

Основная часть

Гастрономическая метафора (далее гастрометафора) представляет собой часть когнитивной модели, которая отражает стремление индивида осмыслить абстрактный мир через пищевые образы. Она относится к предметно-чувственному типу метафор, поскольку опирается на универсальные сенсорные опыты (вкус, запах, текстура), но при этом несёт культурно-специфические коннотации.

При языковой репрезентации этнической культуры, гастрометафора играет важную роль, выполняя экспрессивную, оценочную, идентифицирующую и когнитивную функции. Исследование функционирования гастрометафоры в языке в свою очередь позволяет глубже понять механизмы языкового мышления и реконструировать культурно-исторический контекст.

Языковые единицы (лексические, паремиологические, фразеологические) карачаево-балкарского языка с гастрометафорой, описывающие мир через призму человека, мы условно структурировали по следующим категориям (по принципу релевантности): 1) гастрометафоры, характеризующие, внутренний мир человека; 2) гастрометафоры, характеризующие социальное положение человека; 3) гастрометафоры, характеризующие человека в событиях повседневной жизни; 4) гастрометафоры, характеризующие внешние признаки человека; 5) гастрометафоры, характеризующие физическое и эмоциональное состояние человека.

При формировании аксиологической картины мира гастрометафора экспрессивно окрашивает языковые единицы, описывающие внутренний мир человека, положительные и отрицательные черты его характера/темперамента. Следует отметить, что здесь преобладают языковые единицы (фразеологические, паремиологические) с отрицательным значением: о высокомерном человеке – *айрандан эсирген* – «опьяневший от айрана», *ашагъанын кётюралмагъан* – «не выдерживает того, что поел», *ашагъаны ичине сыйынмагъан* – «то, что поел – не помещается внутрь», *тамырдан тойгъан эшекча* – «словно осел, объевшийся корней», *тойгъан атын унутур* – «сытый свое имя забудет», *жауда тюк излеген* – «ищет в масле волосок» т.е. ищет к чему придраться. *Тойгъан ит ийесин таныймаз* – «Сытая собака хозяина не узнает». *Тойгъан ит иесин къабар* – «Сытая собака хозяина укусит». О недостойном человеке: *акъылын ичерге* – «пропить ум» (пьяница), *мысты адам* «кислый человек» (в значении неполноценный), *антын ханты бла тенг ашагъан* – «съевший клятву вместе с обрядовой пищей» (лгун), *алдамаса ашагъаны ичине жукъмайды* – «не соврет, еда не усвоится», *къуйругъун къалач этерге* – «хвост калачом» (хвастливый), *ичер суунда ит ёлтюрген* – «убивший собаку в воде, которую собирался пить» (вспыльчивый), *кеси этин кеси ашагъан* – «съевший свое мясо» (злой), *тишлик этип ашарыкъды* – «сделает шашлык и съест» (живьем съест), *кеси гыржынына кюл тартхан* – «забирать золу под свой хлеб» (эгоист), *кагы болмагъан жерге, къалагъын*

сугъаргъа – «засовывать свою лопатку не в свою кашу» (любопытный), *тузу мыстысы болмагъан* – «без соли, без приправы» (т.е. несерьезный), *кюл-кёмюр ашаргъа* – «есть золу, уголь» (быть стойким к трудностям), *сохандан, сарысмахдан таза* – «чище, чем лук и чеснок» (благочестивый), *сары жауча жагъылагъан* – «мажется как сливочное масло» (красноречивый), *къартла бла баш ашаргъа, жашла бла аякъ ашаргъа* – «есть голову со старшими, ногу – с младшими» (находящий общий язык со всеми/умный). В языковых единицах, описывающих внутренние качества человека, гастрометафора имеет ярко выраженный экспрессивный характер.

Гастрометафоры с компонентом *бал* 'мед', описывающие человека, имеют исключительно положительную коннотацию, так как мед ассоциируется со сладкой жизнью, так, например, беззаботное юношеское время называется *бал татытхан заман* – «время, когда мед усваивается». С медом связан обряд окунания правой ноги новорожденного в нектар с пожеланием долгой счастливой жизни, а также с пожеланием рождения мальчика после девочки [Хаджиева 2022: 147]. В паремиях отмечается следующее: *Бармагъындан бал тамгъан, чындысындан жау тамгъан* – букв. «С пальца мед капает, с ремня – масло капает» (т.е. мастер на все руки). *Ахшы бла сёлешиу – балгъа шекер атханлай, аман бла сёлешиу – итге сюек атханлай* – «С хорошим говорить – в мед сахар добавлять, с плохим – собаке кость кидать». *Ишинг алда болса, аузунг балда болур* – «Если в работе быть первым, будет рот в меду» (мед как ассоциация с лучшей жизнью).

Если говорить о социальном положении человека то, здесь релевантны единицы с гастрометафорой, связанные с описанием бедной и богатой жизни. Так, следующие фразеологические единицы с гастронимом *жау* 'сливочное масло' связаны с материальным достатком и беспечной жизнью: *жау кекирип жашагъан* – букв. «живет, рыгая маслом», т.е. богатый, *жауда бёрек кибик* – «как пирожок в масле», *жаугъа батып сютде жуунган* – «утонувший в масле, купающийся в молоке», т.е. беспечно живущий. Тяжелая жизнь отражена в следующих фразеологических единицах с гастронимами: *гыржынны жилямугъу бла тенг ашаргъа* – «есть хлеб со слезами вместе» (очень бедный), *гюрбесинде каклыгъы жокъ* – «в лари нет муки для каши», *къалияр къазаргъа* – «копать черемшу» (в значении жить в трудностях), *кир сууу бла жашагъан* – «пьющий грязную воду» (жить за счет милостыни).

Трудолюбие как нравственная ценность в паремиях имеет причинно-следственную связь с едой – пища, как материальное благо, зависит от трудовой деятельности человека: *Минг къой болгъан стауатда къазан отдан тюшмез* – «У кого тысячи баранов, у того всегда казан на костре». *Ишини эбин тапхан кесине гыржын табар* – «Нашедший секрет своего дела – для себя хлеб найдет». *Иши барны – ашы бар* – «У кого есть работа, у того есть и еда». *Ишлемеген тоюнмаз* – «Кто не работает, тот не насытится». Уважением пользуется трудолюбивый человека, тогда как человек, не приносящий пользы порицается: *мыстысындан тузу озгъан* – «кислый и соленый» (бесполезный).

Гастрометафоры также используются в языковых единицах о событиях повседневной жизни: *бурнуна туз тыгъылыргъа* – «соль в носу» (т.е. не смочь сделать что-то), *как ашаргъа* – «съесть кашу» (быть неправым), *суу тилегенге туз*

берген – «вместо воды соль дающий» (неправильно делающий), *гюттю юсюне къалач* – «к лепешке калач» (т.е. беда не приходит одна), *акъылын аузына ашаргъа* – «съесть свой ум» (не так сказать); *атамы этин ашагъан кибикди* – «словно съесть мясо отца» (в значении сделать не подобающее дело), *ашагъанын тёгеди* – «вырывает то, что съел» (т.е. расплачивается за содеянное), *ашарыкъда сайлагъанга – чий гыржын* – «привередливому сырой хлеб», *сютлери уюмазгъа* – «молоко их не квасится» (не могут жить в ладу).

Следует отметить фразеологическую единицу с гастрометафорой *къатынладан гюттю урлагъанча* – «словно украсть лепешку у женщин», в которой отмечается явление, порочащее честь и достоинство человека, поскольку воровство у карачаевцев и балкарцев представляется крайне отрицательным делом. В данной языковой единице экспрессия создается также ее гендерной маркированностью.

Гастрометафоры часто используются при описании внешних данных человека: *жаухар бюртюкча* – «словно драгоценное зерно» (т.е. красивый), *баллий терекчик* – «вишневое деревце» (о красивой девушке), *суу орунуна ичерча* – «чтобы пить вместо воды» (очень красивый), *картош бурун* – «нос картошкой», *гаккыбаш* – «яйцеголовый» (с одной стороны о маленькой голове, с другой – о дурной голове), *адам ашаучу кибик* – «как людоед» (о некрасивом человеке), *къаргъа къабар эти болмагъан* – «нет мяса для укуса вороны» (т.е. худой), *ат ашагъан айыуча* – «словно медведь, съевший лошадь» (о полном человеке).

Следующие языковые единицы с гастрометафорой описывают физическое и эмоциональное состояния человека*: ашагъаны-ичгени ичине жукъмагъан* – «что ест, пьет – не усваивается» о тревожном, беспокойном человеке, *сары суу болургъа* – «стать желтой водой» (обессилиться).

Таким образом, в репрезентации антропоцентрического кода культуры в языке, гастрометафора выступает способом осмысления человека и его качеств через пищевые образы, где процессы приготовления пищи, ее поедания и сам вкус еды переносятся на социальную, эмоциональную и физическую сферу. Гастрономические особенности этноса передаются из поколения в поколение, сохраняя уникальность пищевых привычек. Еда служит своего рода невербальным языком, так с мясом (*баранина, говядина*) у карачаево-балкарцев связан обряд подачи – строгая иерархия распределения частей туши, где каждая кость, имеющая свое название (*жау орун* 'лопатка', *базук* 'плечевая кость', *къысха илик* 'предплечье', *ашыкъ илик* 'берцовые кости', *тешикли жансюек* 'тазовые кости', *ногъана* 'грудина', *иеги* 'ребро', *боюн омураула* 'шейные позвоночные кости', *шеше омурау* 'верхне-грудные позвоночные кости', *кегей омурау* 'нижнегрудные позвоночные кости', *къулсюймез* 'тазовый позвонок', *къуйрукъ* 'курдюк'), предназначается определенному члену семьи/гостю. На праздничном мероприятии (*къурманлыкъ*) шашлык из грудины (*тёш*) предназначался тому, кому посвящено мероприятие [Хаджиева 2022: 90]. К данной традиции восходит устойчивое выражение *тёзген тёш ашайды* – «терпеливому достается грудина» т.е. лучшая доля.

Как отмечает исследователь гастрономического кода карачаево-балкарской культуры М.Х. Хаджиева, **мясо** (*къой эт* 'баранина', *тууар эт* 'говядина', *таукъ*

эт 'куриное мясо', *гогуш* 'индейка', *къаз* 'гусь', *баппуш* 'утка') **и молочные продукты** (*айран, бишлакъ* 'сыр', *хуппеги бишлакъ* 'творог', *жау* 'масло', *къаймакъ* 'сметана', *сют баш* 'сливки', *сют* 'молоко') составляют основную часть традиционного питания карачаево-балкарцев. «Мясные блюда занимают ведущее место в повседневной, праздничной и ритуальной пище» [Хаджиева 2022: 87]. Молочные продукты для карачаево-балкарцев являются символом здоровья (*Ашыбыз да дарманыбыз да айран* – «И еда и лекарство наши – айран») и достатка (*Иши барны агъы бар* – «Кто работает, у того есть и белое» («белое» – молочные продукты). *Агъы бар юйде берекет да бар* – «В доме, где есть «белое» и изобилье есть»). Айран, представляя собой сакральный напиток, наделенный магическими очистительными и защитными свойствами, часто использовался в разных ритуалах. Также им в народной медицине лечили укусы змей, кишечные инфекции и ожоги.

Заключение

Таким образом, гастрономическая метафора, являясь неотъемлемой частью когнитивной деятельности человека, играет важную роль при категоризации и концептуализации мира. Она охватывает широкий спектр лексики (наименования продуктов, процессы приготовления и вкусовые характеристики), которые в переносном смысле описывают человека (внешние признаки и характер), его психологические состояния и социальные взаимодействия. Гастрономическая метафора выступает главным средством реализации гастрономического кода культуры, формируя значительный фрагмент языковой картины мира, в котором окружающая действительность структурируется через понятные «внутренние» телесные ощущения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 393 с.

Башиева, Жарашуева 1994 – *Башиланы С.К. Жарашыуланы З.К.* Малкъар тилни школ фразеология сёзлюгю (Школьный фразеологический словарь). – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 317 с.

Бойчук 2011 – *Бойчук А.С.* Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. – № 7 (61). – С. 75-79.

Воробьева 2025 – *Воробьева Е.Ю.* Эмотивность гастрономической метафоры в условиях многоязычия // В сборнике: Франкофония. Полилингвизм в пространстве языка, культуры и образования. – Москва. 2025. – С. 82-89.

Гальперин 1958 – *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.

Громыко 2020 – *Громыко С.А.* Гастрономическая метафора в русском доревалюционном парламентском дискурсе (на материале речей правых депутатов) // Научный диалог. 2020. – № 5 – С. 25-37.

Дзасежева, Улимбашева, Хутова 2019 – *Дзасежева Л.Х., Улимбашева Э.Ю., Хутова Э.Р.* Роль гастрономической метафоры в характеристике внешности человека // Казанская наука. 2019. – № 2. – С. 118-120.

Дормидонтова 2017 – *Дормидонтова О.А.* Семантические особенности французской гастрономической метафоры (на примере области источника готовые блюда) // В сборнике: Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка. Материалы научно-практической конференции. – Гомель. 2017. – С. 9-12.

Зубкова, Максимова – 2024 – *Зубкова О.С., Максимова Т.В.* Идентификация гастрономической метафоры в условиях естественного билингвизма // Известия Байкальского государственного университета. 2024. – Т. 34, № 4. – С. 711-718.

Ионесян 2018 – *Ионесян Е.Р.* Концептуальная метафора: опыт сопоставления метафорических моделей в разных языках. – Ярославль: Издательство Канцлер. 2018. – 230 с.

Керимов 2005 – *Керимов Р.Д.* Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 71-79.

Лакофф, Джонсон 1993 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1993. – С. 245.

Хаджиева 2022 – *Хаджиева М.Х.* Традиционная система питания карачаевцев и балкарцев в XIX-XX вв. – Карачаевск: КЧГУ, 2022. – 252 с.

Юрина, Полякова, Балдова 2021 – *Юрина Е.А., Полякова А.А., Балдова А.В.* Признаковая гастрономическая метафора в русском языке: аспекты типологии // Вестник Томского государственного университета. 2021. – № 470. – С. 62-71.

Къарачай-малкъар нарт сёзле / составитель Х.М. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 184 с.

REFERENCES

BALLI Sh. *Franczuzskaya stilistika* [French style]. – Moscow: Publishing house of foreign literature. 1961. – 393 p. (In Russ.)

BASHILANY' S.K. ZHARASH`ULANY` Z.K. *Malk``ar tilni shkol frazeologiya syozlyugyu (Shkol`ny`j frazeologicheskij slovar`)* [School phraseological dictionary]. – Nalchik: Elbrus. 1994. – 317 p.

BOJCHUK A.S. *Gastronomicheskaya metafora v sovremennom russkom yazy`ke* [Gastronomic metaphor in modern Russian]. IN: Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2011. – № 7 (61). – P. 75-79. (In Russ.)

VOROB`YOVA E.Yu. *E`motivnost` gastronomicheskoj metafory` v usloviyax mnogoyazy`chiya* [The Emotive Nature of Gastronomic Metaphors in Multilingual Contexts]. IN: Francophonie. Multilingualism in the Space of Language, Culture, and Education. – Moscow. 2025. – P. 82-89. (In Russ.)

GAL`PERIN I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazy`ka* [Essays on the stylistics of the English language]. – M: Publishing house of literature in foreign languages. 1958. – 459 p. (IN Russ.)

GROMY`KO S.A. *Gastronomicheskaya metafora v russkom dorevalyucionnom parlamentskom diskurse (na materiale rechej pravy`x deputatov)* [Gastronomic Metaphor in Russian Pre-Revolutionary Parliamentary Discourse (Based on the Speeches of Right-Wing Deputies)]. IN: Scientific dialogue. 2020. – № 5 – P. 25-37. (In Russ.)

DZASEZHEVA L.X., ULIMBASHEVA E`.Yu., XUTOVA E`. R. *Rol` gastronomicheskoj metafory` v xarakteristike vneshnosti cheloveka* [The role of gastronomic metaphors in describing a person's appearance] IN: Kazan Science. 2019. – № 2. – P. 118-120. (In Russ.)

DORMIDONTOVA O.A. *Semanticheskie osobennosti franczuzskoj gastronomicheskoj metafory` (na primere oblasti istochnika gotovy`e blyuda)* [Semantic Features of the French Gastronomic Metaphor (Based on the Source Area of Ready Meals)]. IN: Current Issues in Romance and Germanic Philology and Foreign Language Teaching Methods. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. – Gomel, 2017. – P. 9-12. (In Russ.)

ZUBKOVA O.S., MAKSIMOVA T.V. *Identifikaciya gastronomicheskoj metafory` v usloviyax estestvennogo bilingvizma* [Identification of Gastronomic Metaphors in Natural Bilingualism]. IN: Proceedings of the Baikal State University. 2024. – T.34, №4. – P. 711-718. (In Russ.)

IONESYAN E.R. *Konceptual`naya metafora: opy`t sopostavleniya metaforicheskix modelej v razny`x yazy`kax* [Conceptual metaphor: experience of comparing metaphorical models in different languages.]. – Yaroslavl: Kantsler Publishing House. 2018. – 230 p. (IN Russ.)

KERIMOV R.D. *Gastronomicheskaya metafora v sfere nemeczkoj politiki [Gastronomic Metaphor in German Politics]*. IN: Izvestiya of the Ural State Pedagogical University. Linguistics. 2005. – № 15. – P. 71-79. (In Russ.)

LAKOFF DZH., DZHONSON M. *Metafory`, kotory`mi my` zhivyom* [The metaphors we live by]. IN: Metaphor Theory. – M.: Progress, 1993. – P. 245. (IN Russ.)

XADZHIEVA M.X. *Tradicionnaya sistema pitaniya karachaevcev i balkarcev v XIX-XX vv* [The traditional diet of the Karachays and Balkars in the 19th and 20th centuries]. – Karachaevsk: KChGU.2022. – 252 p. (In Russ.)

YURINA E.A., POLYAKOVA A.A., BALDOVA A.V. *Priznakovaya gastronomicheskaya metafora v russkom yazy`ke: aspekty` tipologii* [A Gastronomic metaphor in Russian: aspects of typology]. IN: Bulletin of Tomsk State University. 2021. – № 470. – P. 62-71. (In Russ.)

K``ARACHAJ -MALK``AR NART SYOZLE [Karachay-Balkarian proverbs] / Edited by Kh. M. Dzhurtubaev/– Nal`chik: El`brus. 2005. – 184 p. (In Kar-Balk.)

Информация об авторе

З.М. Ульбашева – кандидат филологических наук.

Information about the author

Z.M. Ulbasheva – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 24.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 24.03.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-433-441
EDN: SPJZKD

КОНЦЕПТ «САБИИГЪУЭ» ‘ДЕТСТВО’ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Лана Ахмедовна Хуранова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, lan.huran@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-9877-1300

Аннотация. Вопросы связи языка, мышления и духовной культуры этноса являются одновременно традиционными и актуальными в современной лингвистике. В данной работе рассматривается конструирование концептуальной модели понятия «сабиигъуэ» ‘детство’ в кабардино-черкесской лингвокультуре. В основе исследования – семантический анализ вербализации концепта «сабиигъуэ» ‘детство’, представляющего собой единую категорию, которая включает в себя присутствующие в сознании каждой личности языковые единицы, где описываются ядро концепта, ближняя и дальняя периферии на основе выявленных концептуальных признаков. Концепт, как известно, является одной из ключевых категорий в когнитивной лингвистике, которая изучает познавательные процессы и способы их выражения. Язык, выступая инструментом изучения умственной деятельности, когнитивной и знаковой систем, является главным способом восприятия и обработки информации в сознании. Благодаря проведённому исследованию обнаруживается возможность констатации весьма многообразной репрезентации концепта «сабиигъуэ» ‘детство’ в кабардино-черкесской лингвокультуре.

Ключевые слова: концепт; «сабиигъуэ» ‘детство’; языковая картина мира; ядро; ближняя периферия; дальняя периферия; лингвокультурология; когнитивная лингвистика; паремиологические единицы; фольклорные тексты; вербальная единица; ментальная единица; лексема; когнитивный признак; этнический код.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Хуранова Л.А. Концепт «Сабиигъуэ» ‘Детство’ в кабардино-черкесской этнокультуре // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 433-441. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-433-441. EDN: SPJZKD.

© Хуранова Л.А., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

THE CONCEPT OF "SABIIGUE" ‘CHILDHOOD’ IN THE KABARDIAN-CHERKESSIAN ETHNOCULTURE

Lana A. Khuranova
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, lan.huran@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0008-9877-1300

Abstract. The issues of the connection between language, thinking and the spiritual culture of an ethnic group are both traditional and relevant in modern linguistics. This paper examines the construction of a conceptual model of the concept of "sabiigue" ‘childhood’ in Kabardino-Circassian linguoculture. The research is based on a semantic analysis of the verbalization of the concept "sabiigue" ‘childhood’, which is a single category that includes linguistic units present in the consciousness of each individual, which describes the core of the concept, the near and far periphery based on the identified conceptual features. As is well known, a concept is one of the key categories in cognitive linguistics, which studies cognitive processes and their way of expression. Language, as a tool for studying mental activity, cognitive systems, and signs, is the main way of perceiving and processing information in the mind. This study reveals the diverse representation of the concept "sabiigue" ‘childhood’ in the Kabardian-Cherkessian linguistic culture.

Keywords: concept, "sabiigue" ‘childhood’, linguistic worldview, core, near periphery, far periphery, linguoculturology, cognitive linguistics, paremiological units, folklore texts, verbal unit, mental unit, lexeme, cognitive feature, ethnic code.

Acknowledgements and funding: The study was funded by an internal grant from KBSU (agreement No. 45) as part of the Priority 2030 program.

For citation: Khuranova L.A. The concept of "sabiigue" ‘childhood’ in the Kabardian-Cherkessian ethnoculture. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 433-441. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-433-441. EDN: SPJZKD.

© Khuranova L.A., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Концепт, как известно, является одной из ключевых категорий в когнитивной лингвистике. Существуют труды, касающиеся лингвокультурологии, а первые работы были заложены такими исследователями, как Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, В.В. Карасик, В.И. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, В.П. Нерознак, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин обозначают концепт как «условную ментальную единицу, используемую в комплексном изучении языка, сознания и культуры» [Карасик 1996: 76]. В отечественной когнитивной лингвистике основной вклад внесли такие исследователи, как И.А. Стернин и З.Д. Попова. Ими были предложены модели концепта, которые актуальны по сей день. Основной целью данного подхода является выделение ядра и периферии концепта. В данном случае ядро состоит из наиболее главных признаков, что является основополагающим. Периферия включает внешние признаки, которые могут быть противопоставлены центру (ядру). Такой предложенный подход становится главной точкой опоры в отечественной когнитивной лингвистике.

Понятие «сабиигъуэ» ‘детство’ входит в число наиболее древних по происхождению культурных концептов, значимых для кабардино-черкесского восприятия мира, отражая ключевые ценности и эмоциональную оценку явления детства представителями данного языкового сообщества.

Актуальность исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению явлений, которые связаны с взаимодействием языка и ментальных процессов этноса в языковой картине мира.

Объект исследования – «сабиигъуэ» ‘детство’ в кабардино-черкесской лингвокультурологии.

Предмет исследования – лингвокультурный концепт «сабиигъуэ».

Эмпирическим материалом статьи послужили фольклорные тексты, паремиологические единицы, фразеологические единицы кабардино-черкесского языка, эксплицирующие концепт «сабиигъуэ».

Цель статьи – исследование содержания и структуры концепта «сабиигъуэ» в кабардино-черкесской лингвокультуре.

Задачи исследования: изучить специфику вербальной объективации концепта «сабиигъуэ» в кабардино-черкесской лингвокультуре; выделить ядро и периферии интерпретационного поля концепта в соответствии с выявленными концептуальными признаками.

В современной науке представлено много научных работ, которые посвящены трактовке концепта «сабиигъуэ» в различных отраслях науки, прежде всего в философии, культурологии, филологии: кабардино-черкесский этнос в паремиологических единицах с семой ‘детство’ (М.Ч. Кремшокалова, 2008; Ф.В. Троян, 2019); вербализация концепта «детство» в литературном пространстве (М.В. Селеменева, 2000; Г.А. Лазаренко, 2015; Н.Н. Винокурова, 2016; О.О. Маслова, 2005; А.Н. Семёнов, 2021; И.А. Киселёва, 2023; Ю.М. Фокина, 2023); категория «детство» как междисциплинарное понятие в социально-гуманитарных науках и отраслях права приводится в работе Л.Р. Мустафиной (2024). Интересным представляется работа Э.В. Маремуковой (2024), в которой выстроены модели детства на основе кабардино-черкесского, русского и английского языков. Также можно отметить исследование, посвящённое концепту «детство» в языковом сознании носителей якутского и английского языков (М.И. Кысылбаикова, К.А. Иннокентьева, 2017).

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного многоуровневого анализа концепта «сабиигъуэ» ‘детство’ в кабардино-черкесской лингвокультуре. Впервые на материале фразеологии, паремиологии и фольклорных текстов описаны его ядерная зона, ближняя, дальняя периферии, включающие сакральный фундамент всей последующей жизни человека, архаичные мифологемы «чудесного рождения» и лиминального статуса ребёнка, которые ранее не рассматривались в лингвокультуре. Данное комплексное описание выявленных лексем с применением методики И.А. Стернина и З.Д. Поповой позволило представить концепт в виде многоуровневых полевых структур.

Для решения поставленных задач использованы методы сплошной выборки, когнитивный и семантический анализы.

Обсуждение

По полученной нами информации из паремиологических источников **ядро** концепта представляет лексема «сабиигъуэ»: 1) детский, ребяческий, младенческий; 2) сабиигъуэ илъэсхэр ‘детские годы’; ныбжь хэмыкlуэта ‘ранний возраст’;

сабий ныбжь ‘детский возраст’; сабиигъуэ ‘отрочество’; сабиигъуэ ‘малолетство’; сабиигъуэ ‘ребячество’; щIалэ ‘молодой’; щIалэгъуэ ‘юность’; сабиигъуэ ‘младенчество’; къуейщIей ‘озорник’; щIалэгъуэ ‘молодость’; сабий ‘ребёнок’; къыдэкIуэтеин ‘подрастать’ [Апажев 2008: 704]; зэхэгъэщхьэхукIыныгъэ (цIыхухъу-цIыхубз) ‘половая принадлежность’: разделение путей воспитания мальчика (воин, наездник) и девочки (хранительница этикета, искусница): «Шу гъуэгурыкIуэм бзыпхъэ трех» – сможет сделать выкройку на проезжего всадника (о хорошей хранительнице очага, искуснице); «Уи къуэ уемыубзэ, уи бзыи уемыгуауэ» – Сына не ласкай, а дочь не обижай [Карданов 1968: 147]; «Къуэр унэм и пкъощ, пхъур унэм и щIэращIэщ» – Сын – опора семьи, а дочь – её красота [Карданов 1968: 147]; «Пхъур хамэ бын» – дочь – чужое дитя [Карданов 1968: 219]; «Къуэр напщIэщ, пхъур набдзэщ» – Сын – веки, дочь – брови [Карданов 1968: 147]. Кабардино-черкесский язык демонстрирует тенденцию к лексической концентрации, где тонкие смысловые оттенки передаются не обилием отдельных синонимичных слов, а посредством контекстуальных значений или морфологических изменений. Таким образом, через использование некоторых слов и сопоставление различных лексем мы можем более глубоко и многогранно понять концепт «сабиигъуэ».

Согласно проведённому анализу, **ближняя периферия** концепта «сабиигъуэ» в кабардино-черкесской лингвокультурологии характеризуется следующими семантическими составляющими признаками:

1. ***гуфIэгъуэ*** ‘радость’: «ГуфIэгъуэр къылъысын» [Карданов 1968: 66]; на седьмом небе от счастья;

2. ***анэ*** ‘мама’: «Анэ и1эмэ, сабийр ибэкъым» [Карданов 1968: 19] – жива мать – ребёнок не сирота;

3. ***адэ-анэ лъагъуныгъэ*** ‘любовь родителей’ – «Анэгу хуэдэу къызэубзэрабзэ» [Карданов 1968: 19] – ласкай меня, как материнское сердце;

4. ***насып*** ‘счастье’ – «Зи насып къэкIуэгъуэ» [Карданов 1968: 180] – молодой, у которого всё ещё впереди;

5. ***таурыхъхэр*** ‘сказки’ – «Таурыхъ щIэупщIэм таурыхъ ещIэ» [Карданов 1968: 235] – кто спрашивает о сказке, тот знает о ней;

6. ***джэгукIэхэр*** ‘игры’ – «КIэн джэгун» (играть в альчики), «Джэгу хыхьэгъуэ» (пора зрелости), «Топ джэгун» [Карданов 1968: 133] – играть в мяч, играть в лапту;

7. ***зэман гукъеуэншэ*** ‘беззаботное время’ – сабиигъуэ 1эф – сабиигъуэ; счастливое детство – сабиигъуэ насыпыфIэ; впасть в детство – сабиигъуэм иувэжын;

8. ***гуащэ хьэпшыпхэр*** ‘игрушки’ – «Гуащэу щысщ» [Карданов 1968: 45] – сидит, как кукла, как барыня;

9. ***дыхьэшх*** ‘смех’ – «Зэгуэуду дыхьэшхын» [Карданов 1968: 88] – лопнуть со смеху;

10. ***хъуапсапIэхэр*** ‘мечты’ – «Хъуапсэ и псэ кIуэдыркъым» [Карданов 1968: 285] – хорошо, когда по-доброму завидуют;

11. ***телъыджэхэр*** ‘чудеса’ – «Телъыджэ къыщыхъун» [Карданов 1968: 236] (крайне удивиться);

12. ***гу къабзагъэ*** ‘искренность’ – «Гур къабзэ хъун» [Карданов 1968: 45] – просветлеть сердцем;

13. ***дыгъэ къепсыр*** ‘солнце’ – «Дыгъэ нур хуэдэщ» – как яркие лучи солнца, «Дыгъэ нур цIыкIу» – милый, хороший – чаще о детях [Карданов 1968: 86];

14. ***япэрей лъэбакъуэ*** ‘первые шаги’ – «Псалъэ къабзэ» – прекрасное слово;

15. ***еджэныгъэ*** ‘учёба’ [Карданов 1968: 97].

Дальняя периферия концепта

1. **Лъэпкъ** ‘преемственность рода’: ребёнок как единственное звено, обеспечивающее бессмертие рода и передачу традиций. В кабардино-черкесских пословицах ярко выражены родственные связи через кровное происхождение и связь по брачному узлу (родство) – «Уи анэ къимылъхуар уи дэлъхукьым, уи дэлъху къимышар уи нысэкъы» – кто твоею матерью не рождён, тот тебе не брат, на ком твой брат не женат, та тебе не сноха. В то же время родственные связи могут быть также узаконенными посредством вторичных связей – «Зэкьуэш псори зы анэ къилъхуркъым» – не все братья рождены одною матерью. Пословицы стали подтверждением того, что существовали запреты на браки между родственниками по линии отца или отчима, при этом связь по материнской линии сохраняется на протяжении поколений – «Шэрэ лырэ зэхакIэркъым» – кровь с молоком не смешивают; «НыбжьреилI шы1экъым, ныбжьрей дыщ щы1эщ» – через поколение мужа не бывает, а через поколение есть родственники по матери. «Сабий мыгъ ягъэдэ1уркъым», «Сабий мыгъ быдз иратыркъым» – дитя не плачет – мать не разумеет; «Сабий и кIэт1ий кIапэ бжыхьым пылъщ» – беспечно играет, не думая об опасности; «Сабийр зыгъашхэр и анэщ» – не та мать, что родила, а та, что воспитала; «Сабий зимы1эм насып и1экъым» – у кого ребёнка нет, у того и счастья нет; «Сабийм насып къыдокIуэ» – с ребёнком счастье приходит; «Бын зимы1эр щIолIэ, зи1эр йолIалIэ» – кто не имеет детей – жаждет их, а кто имеет – заботится [Карданов 1968: 229].

2. **Адыгэ Хабзэ** ‘этическая детерминированность’: представление о том, что ребёнок – это «чистый лист», на котором общество обязано высечь черты идеального адыга (честь (щIыхь), мужество (лIыгъэ), почтительность (пщIэ хуэщIыныгъэ) – «Сабий цIыкIу хуэдэ» – как дитя, как малый ребёнок; «Сабий цIынэ (быдзафэ)» – грудной ребёнок; «Шхуэлым шэр фIэуIркъым, ныбэм сабийр щызэшыркъым» – молоко в вымени не прокисает, дитя в чреве матери невинно [Карданов 1968: 229–295].

3. **ЛIыхъужь** ‘образ героя’: в кабардино-черкесской мифологии «сабиигъуэ» ‘детство’ – это всегда подготовка к подвигу, к самостоятельности. Тлепш, бог-кузнец, представлен в следующих паремиях: «Батырыбжьэр зи щIасэу, шэ хэсыныр зи жагъуэ» – кто мечтает о могучей чаше, но сердце не лежит к службе в стане; «Бацэжь и щIагъ лIыхъужь къыщIокI» – средь рваных лохмотьев – герой; «Бзаджэ щIэныр лIыгъэкъым, лIыгъэр – фIы пщIэныр» – дурное делать не мужество, мужество – делать добро; «Бийм ущысхьмэ, уIэгъэ ухъунщ» – врага пожалеешь – ранен будешь; «Бийр къыпщытхъурей хъумэ, умыбэлэрыгъ» – если противник стал тебя похваливать, будь настороже [Карданов 1968: 228].

4. **Аталычыгъэ** ‘аталычество’: социально-мифологическая модель воспитания «вне дома». Убеждение, что истинный характер формируется в суровых

условиях, вдали от родительской ласки. «ЩIалэ хуэмыхум нэхърэ, лIыжь гупсэхуфI» – пой лучше щегленком, чем худо соловьем; «ЩIалэтанэ – щIалэ цIыкIуу унагъуэм сэбэп щымыхъур ар хьэмэ нэхъ щIалэтанэхэр ара, жа1эу щIэупщIэрт» – люди спрашивали, кто они такие: то ли бесполезные в домашних делах малыши, то ли подростки [Кешоков А.П. «Хъуэпсэгъуэ нур», часть 2, с. 155] [Карданов 1968: 316].

5. Магическую защиту имели слова бабки-повитухи, которая приходила по специальному приглашению: «Зоб, жир кадушка, орех, множься, как колос, будь здоров, красив, пусть пропадут все твои болезни и вырастешь ты крепкий. Будь удачлив, справедлив, мужественен, чтобы тобой гордились все. Для бабушки ты мил, для деда – надежда, к матери будь ласков, для отца – опорой, будь осторожен, как собака, послушен, как верный конь, меток, как клюв у птицы, желанным для всех красавиц. Сделай тебя, Великий Тха, мечтой для всех» – Щэ, кIадэ, дэ, щхьэмыжым хуэдэу бэгъуэн, узыншэу, дахэу. уи уз псори ирекIуэди, быдэу укърехъу, насыпыфIэ, захуагъэ, лIыгъэ зыхэгъэлъ, уэркIэ псори узэрыгушхуэн. Нанэ дежкIэ уэ удахэщ, дадэм – гугъапIэщ, анэм хуэгумащIэ, адэм хуэхъу и щIэгъэкъуэн, хьэм хуэдэу хуэсакъ, шы пэжым хуэдэу жыIэдаIуэ, бзум и пэм хуэдэу дамыгъэ, тхьэIухуд псоми яфIэфIу. псоми хъуэпсапIэ уахуэхъуну Тхьэм жи1э [Мафедзев 2000: 117].

После рождения ребёнка устраивали праздник оберега – «гущэхэпхэ» ‘завязывание в люльку’: «Гущэхэпхэ щIын» – запрячь в колыбель; «кхъуейплъыжь кIэрыщIэ» – подвязывание красного шнурка; «лъэтеувэ» – первый шаг [Мафедзев 2000: 67].

дауэдапщэхэр ‘ритуалы’: сравнение ребёнка с «молодым дубком», «соколенком» или «острым клинком» в песнях и сказках.

гущэ уэрэдхэр ‘колыбельные песни’ (гущэ – колыбель, люлька, «уэрэдхэр» – песни). Их назначение – успокоить, усыпить ребёнка; лъэтеувэ уэрэдхэр ‘песни первого шага’ (букв.: «лъэ» – ноги, «теувэ(н)» – стать, становиться);

сабийзегъакIуэхэр ‘песни обучения ходьбе’ (букв.: «сабий» – ребёнок, «зегъэкIуэн» – способствовать ходьбе);

сабий гъэдэ1ухэр ‘потешки’ (букв.: «сабий» – ребёнок, «гъэдэ1ун» – утешать) [Мафедзев 2000: 86];

6. **Сабий джэгукIэхэр** ‘детские игры и забавы’: игры и забавы представляют собой имитацию взрослой жизни для мальчиков – это скачки, борьба, имеющая под собой мифологическую основу состязательности. («Дэ къегъэжэх», «Мыщэ и къуэ Батыр», «Тембот», «Чыбжэ зэпекъу», «Чын джэгукIэ», «Гъуэзэрыж», «Пы1эзэфIэх», «Пы1экъуэдзэ», «Дэ еуэ», «КъуакIэдэнэ» – проверяли, кто быстрее; «КIэлътырыгу» – учили сплочённости с самого детства; «Аркъэн» – учили трудолюбию; «Дамэгъэв», «Атэн – атэн», «Нат1э ет1ыркъ» – мудрости). Также выбирали игры для самых маленьких ради забавы, развлечения («1эбэдзыуэ», «Мэл щохъу», «Си хьэм бажэ къеубыд», «Зу-зу, баринэ», «Бажэ», «Дзыгъуэджэду», «Жьынду цIыкIу», «Къру-къру», «Лъэф», «ГъуэрыгъуапщкIуэ», «Зэкъуэт», «Пы1экъуэдзэ», «КърущIэщ», «Бжьэдыгъу», «Лъэтеувэ», «Шыхъуэ щIакъуэ», «ЩIакIуэкъуэплъ», «Дыгъужьымрэ тхьэкIумэкIыхьымрэ» [Мафедзев 2000: 295].

Выводы

Таким образом, концепт «сабиигъуэ» в кабардино-черкесской лингвокультуре предстаёт не просто как начальный этап онтогенеза, но и как сакральный фундамент всей последующей жизни. Сформированный в рамках нартского эпоса и скреплённый нормами Адыгэ Хабзэ, он функционирует как механизм трансляции этнического кода. Детство – не просто отрезок времени, а пространство взращивания нравственного идеала личности, достойной своего рода. В этом смысле изучение концепта «сабиигъуэ» позволяет лучше понять не только традиционную культуру воспитания, но и глубинные основы кабардино-черкесского менталитета в целом. Концепт «сабиигъуэ» в кабардино-черкесской лингвокультуре является многогранным и глубоким концептом, в котором переплетаются семейные ценности, общинные традиции, этические нормы «Адыгэ хабзэ» и лингвистические особенности, формирующие уникальное миропонимание этого периода жизни. Дальнейшие исследования могут быть направлены на компаративный анализ концепта «сабиигъуэ» в сопоставлении с другими кавказскими лингвокультурами, а также на изучение его трансформации в условиях современного глобализирующегося мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Апажев 2008 – *Апажев М.Л., Коков Дж.Н.* Кабардино-черкесско-русский словарь / под ред. Б.Ч. Бижоева. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 704 с.

Карасик 1996 – *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3–16.

Карданов 1968 – *Карданов Б.М.* Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 229 с.

Киселёва 2023 – *Киселёва И.А.* Концепт «семья» как часть концепта «детство» и его репрезентация в русской и английской женской мемуарной прозе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 4. – С. 90–100.

Кремшокалова 2008 – *Кремшокалова М.Ч.* Концепт «дети» в системе философско-нравственных ценностей кабардинцев (на материале паремий) // Lingua-universum «Пилигрим». – Назрань, 2008. – С. 3–5.

Кысылбаикова 2017 – *Кысылбаикова М.И., Иннокентьева К.А.* Концепт «детство» в языковом сознании носителей якутского и английского языков // Филология. – 2017. – № 4. – С. 87–92.

Маремукова 2024 – *Маремукова Э.В.* Лингвистическая объективизация возраста в этнокультурном преломлении (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – № 10 (3). – С. 108–117.

Маслова 2005 – *Маслова О.О.* Концепт «детство» в научной и художественной традициях XX века: автореф. дис. … к.фил.н. – Ярославль, 2005. – 206 с.

Мафедзев 2000 – *Мафедзев С.Х.* Адыгэ хабзэ. Обычаи – традиции. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 355 с.

Налоев 1960 – *Налоев З.М.* Сборник устной детской поэзии адыгов – «Инна-Муко». – Нальчик: Эльбрус, 1960. – 86 с.

Попова 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

Попова 2009 – *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2009. – 314 с.

Ушаков 1935–1940 – *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», ОГИЗ, 1935–1940.

Фокина 2023 – *Фокина Ю.М.* Концепт «детство» в англоязычном художественном дискурсе: аксиологический аспект // Евразийский филологический вестник. – 2023. – № 4 (4). – С. 90–102.

REFERENCES

APAZHEV M.L., Kokov J.N. *«Kabardino-cherkessko-russkiy slovar'»* [Kabardino-Cherkessian-Russian Dictionary] / ed. by B.Ch. Bizhoyev. – Nalchik: Elbrus, 2008. – 704 p. (In Russ.).

KARASIK V.I. *«Kul'turnye dominanty v yazyke»* [Cultural Dominants in Language]. IN: Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena, 1996. – P. 3–16 (In Russ.).

KARDANOV B.M. *«Kabardino-russkiy frazeologicheskiy slovar'»* [Kabardino-Russian Phraseological Dictionary]. – Nalchik: Elbrus, 1968. – 229 p. (In Russ.).

KISELEVA I.A. *«Kontsept "sem'ya" kak chast' kontsepta "detstvo" i ego reprezentatsiya v russkoy i angliyskoy zhenskoy memuarvoy proze kontsa XIX – nachala XX vv.»* [The Concept of "Family" as Part of the Concept of "Childhood" and Its Representation in Russian and English Female Memoir Prose of the Late 19th and Early 20th Centuries]. IN: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2017. – No 4. – P. 90–100 (In Russ.).

KREMSHOKALOVA M.Ch. *«Kontsept "deti" v sisteme filosofsko-nravstvennykh tsennostey kabardintsev (na materiale parmiy)»* [The Concept "Children" in the System of Philosophical and Moral Values of the Kabardians (Based on the Material of Paroemias)]. IN: Lingua-universum "Piligrim". – Nazran, 2008. – P. 3–5 (In Russ.).

KYSYLBAIKOVA M.I., Innokentieva K.A. *«Kontsept "detstvo" v yazykovom soznanii nositeley yakutskogo i angliyskogo yazykov»* [The Concept of Childhood in the Linguistic Consciousness of Yakut and English Speakers]. IN: Filologiya. – 2017. – No 4. – P. 87–92 (In Russ.).

MAREMUKOVA E.V. *«Lingvisticheskaya ob"ektivatsiya vozrasta v etnokul'turnom prelomlenii (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i angliyskogo yazykov)»* [Linguistic Objectification of Age in Ethno-Cultural Refraction (Based on the Kabardian-Cherkessian, Russian, and English Languages)]. IN: Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. – 2024. – No 10 (3). – P. 108–117 (In Russ.).

MASLOVA O.O. *«Kontsept "detstvo" v nauchnoy i khudozhestvennoy traditsiyakh XX veka: avtoref. dis. ... k.fil.n.»* [The Concept of Childhood in the Scientific and Artistic Traditions of the 20th Century: Abstract of the Dissertation for the Candidate of Science Degree]. – Yaroslavl, 2005. – 206 p. (In Russ.).

MAFEDZEV S.Kh. *«Adygэ khabzэ. Obychai – traditsii»* [Adyge Habze. Customs and Traditions]. – Nalchik: Elbrus, 2000. – 355 p. (In Russ.).

NALOEV Z.M. *«Sbornik ustnoy detskoy poezii adygov – "Inna-Muko"»* [Collection of Oral Children's Poetry of the Adyghes – "Inna-Muko"]. – Nalchik: Elbrus, 1960. – 86 p. (In Russ.).

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *«Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka»* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. – Voronezh: Istoki Publishing House, 2007. – 250 p. (In Russ.).

POPOVA Z.D. *«Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe izdanie»* [Cognitive Linguistics: A Textbook] / Z.D. Popova, I.A. Sternin; Federal Agency for Education, Voronezh State University. – Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2009. – 314 p. (In Russ.).

USHAKOV D.N. *«Tolkovyy slovar' russkogo yazyka»* [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / ed. by Prof. D.N. Ushakov. – Moscow: State Institute "Soviet Encyclopedia", OGIZ, 1935–1940 (In Russ.).

FOKINA Yu.M. *«Kontsept "detstvo" v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse: aksiologicheskiy aspekt»* [The Concept of "Childhood" in English-Language Literary Discourse: An Axiological Aspect]. IN: Evraziyskiy filologicheskiy vestnik. – 2023. – No 4 (4). – P. 90–102 (In Russ.).

Информация об авторе
Л.А. Хуранова – кандидат филологических наук.
Information about the author
L.A. Khuranova – Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 14.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.
The article was submitted 14.03.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 811.352.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454
EDN: UBBZJS

ВИЛЬГЕЛЬМ ПРЁЛЕ И ФОНЕТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ЧЕРЕКСКОГО ДИАЛЕКТА

Рашид Султанович Аликаев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7602-4349

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изложения основных положений работы венгерского востоковеда Вильгельма Прёле «Balkarische Studien», посвященного описанию балкарского идиома, включающего и раздел о фонетике черекского диалекта. Исследователи карачаево-балкарского языка часто в своих работах ссылаются на данную публикацию В. Прёле, не имея детального представления о ее содержании.

Материалом исследования послужили сведения, изложенные в указанной работе о фонетических явлениях в черекском диалекте балкарского идиома, представляющего собой до настоящего времени единственный научный источник в зарубежной лингвистике по данному диалекту, материал которого также не переведен на русский язык.

В статье впервые в отечественной лингвистике детально анализируется теоретическая интерпретация фонетических явлений черекского диалекта, полученных у информантов на уровне разговорной реализации языкового материала в начале XX столетия. Особое внимание уделяется общим положениям фонетического состава исследуемого диалекта, важным характеристикам системы консонантизма и вокализма в аспекте особенностей устной реализации, явлениям сингармонизма и позиционно обусловленных трансформаций гласных и согласных.

Ключевые слова: Вильгельм Прёле; карачаево-балкарский язык; фонетика; черекский диалект; система вокализма; система консонантизма.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор No 45) в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Аликаев Р.С. Вильгельм Прёле и фонетическая картина черекского диалекта // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 442-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454. EDN: UBBZJS.

© Аликаев Р.С., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

WILHELM PRÖHLE AND THE PHONETIC PROFILE OF THE CHEREK DIALECT

Rashid S. Alikaev
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7602-4349

Abstract. The relevance of the present study is due to the need to present the main provisions of the work by the Hungarian Orientalist Wilhelm Pröhle, "Balkarische Studien," which is dedicated to the description of the Balkar idiom, including a section on the phonetics of the Cherek dialect. Researchers of the Karachay-Balkar language often refer to this publication by W. Pröhle in their works without having a detailed understanding of its content.

The material for the study consists of the information presented in the aforementioned work concerning phonetic phenomena in the Cherek dialect of the Balkar idiom. To date, this work remains the sole scientific source in foreign linguistics on this dialect, and its material has not been translated into Russian.

The article provides the first detailed analysis in domestic linguistics of the theoretical interpretation of phonetic phenomena of the Cherek dialect, obtained from informants at the level of colloquial realization of linguistic material at the beginning of the 20th century. Special attention is paid to the general provisions of the phonetic composition of the dialect under study, important characteristics of the consonant and vowel systems in terms of oral realization features, phenomena of synharmonism, and positionally conditioned transformations of vowels and consonants.

Keywords: Wilhelm Pröhle; Karachay-Balkar language; phonetics; cherek dialect; vowel system; consonant system.

Funding: The research was funded by an internal grant from KBSU (agreement no. 45) as part of the "Priority 2030" program.

For citation: Alikaev R.S. V. Pröhle and the phonetic profile of the cherek dialect. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 442-454. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-442-454. EDN: UBBZJS.

© Alikaev R.S., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Молодой венгерский лингвист Вильгельм (Вильмош) Прёле, занимавший должность приват-доцента Клужского университета Австро-Венгрии, летом 1908 г. был направлен в Россию по приглашению председателя Русского комитета Международного Средне – и Восточно-Азиатского исследовательского общества академика В.В. Радлова, подписавшего в свое время договор с аналогичной научной структурой с венгерской стороны о сотрудничестве в области тюркологических исследований, в качестве стажера-исследователя для сбора материала по кыпчакско-тюркским языкам (по башкирскому и карачаево-балкарскому), финансовую поддержку оказывало Министерство религиозного и народного просвещения Венгрии.

После посещения Карачая, куда он прибыл летом 1909 г., где изучил карачаевский язык с помощью учеников мусульманской школы Мурата Аджиева и Мазана Тамбиева, которые одновременно сопровождали его в экспедиции по Карачаю, завершив сбор языкового и фольклорного материала, В. Прёле летом 1913 г. прибыл в Верхнюю Балкарию для знакомства с балкарским языком и сбора запланированного этнолингвистического материала. Можно предположить, что

Мурат Аджиев и Мазан Тамбиев сопровождали его и в этой экспедиции, выполняя роль информантов и посредников при общении с местным населением.

Фонетика балкарского идиома, включающая только материал черекского диалекта, никогда не был предметом детального описания и анализа, хотя и представляет единственный источник по данному разделу балкарского идиома в зарубежной тюркологии. Балкарским штудиям В. Прёле были посвящены отдельные статьи Р.С. Аликаева, С.К. Башиевой, М.Р. Тогузаевой [Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015a: 207-216; Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015b: 172-174; Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015c: 63-69; Аликаев, Тогузаева 2015: 4-5; Аликаев, Тогузаева 2016: 406-411; Аликаев 2017: 4-24].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости детального описания и анализа фонетики диалекта В. Прёле, что имеет важное историко-лингвистическое значение для исследователей карачаево-балкарского языка.

Обсуждение

Раздел, посвященный фонетике черекского диалекта, был опубликован в журнале в пятнадцатом номер журнала «Keleti Szemle» («Восточное обозрение») за 1914/1915 г. [Pröhle 1914/1915: 165-178]. Он включал 40 пунктов. Общие вопросы, касающиеся фонетического инвентаря черекского диалекта с характеристикой отдельных звуков, рассматриваются в пунктах 1-11. Дифференциальные признаки балкарского консонантизам в отличие от карачаевского описаны в пунктах 12-15. Вопросы гармонии звуков описаны в пунктах 16-20. Пункты 21-25 посвящены позиционным трансформациям гласных, пункты 26-35 – позиционным трансформация согласных. Ударение описывается в пункте 36. Вопросы долгототы и краткости согласных описываются в пунктах 37-40 [Pröhle 1914/1915: 165-178].

Репертуар фонетических звуков, обозначенный транскрипционными знаками, В. Прёле приводит в следующей последовательности и с дополнительными значками, которые ориентированы на адекватную передачу звукового облика отдельных знаков: *a, ȧ, d, c, č, d, e, ä, f, g, γ, h, χ, χ́ i, i̊, e̊ j, k, q, l, m, n, ŋ, o, ö,p, r*,s, š, *t, u, ü,w, z,* ž, ŋ и знак ̓. В этот ряд не включен звук ǯ, который зафиксирован в примерах ǯol(жол) и inǯi (инжи) [Pröhle 1914/1915: 172].

В дальнейшем тексте идет детальное описание каждого из приведенных звуков с иллюстрацией в рамках соответствующих лексем. Важно отметить, что описание основывается на устной рецепции звуков у информантов, что в отдельных случаях влияет на точность определение фонетического статуса отдельного звука.

Описание начинается с звука *a*, отмечается, что он обычно является кратким или полудолгим, как в слове *"alábi̊z"* ("мы берем"), первое *a* произносится кратко, а второе, находящееся в ударной позиции, – полудолго. В. Прёле отмечает функционально ограниченный характер долгого варианта данного звука (ā), встречающийся, по его мнению, только в междометиях *ah,oh,ach!* Особенность краткого варианта звука заключается в том, что он, находясь в неударной позиции, произносится очень коротко и мимолетно, почти касаясь звука i̊ (ы), и чаще встречается в личных окончаниях *-man, -san*; так, например, в словах *алáман* (aláman),

алáсан (alásan) ("я беру, ты берешь") часто слышится *alám^{a}n, alás^{a}n,* даже, как *alámn̊(аламын), alásn̊(аласын)*.

Краткий звук "а" с оттенком полузвука ə (или ы) функционирует лишь в постпозиции в слове *bila* (обычно *bı̊la*), в междометии *ȧjhȧj*", а также как вставной гласный в слове Арысия (Arı̊sij) (Россия) [Pröhle 1914/1915: 167-168].

Звук *е*. В. Прёле отмечает позиционно несколько открытый характер звука, только перед *r*, да и то не повсеместно, в отличие от карачаевского идиома, обычно же бывает кратким и полудолгим, что иллюстрируется на примере лексемы *kelébiz* "мы придем", где первый звук *е* краткий, второй (в ударный позиции) – полудолгий. Достаточно растянуто он произносится в *ēm, jēm* (для *edím, jedím*) "я был", *ēŋ, jēŋ* (для *edíŋ, jedíŋ*) "ты был", ēd, *jēd, ēt, jēt* (для edi. jedi) "он (она, это) был", а затем также в междометиях, таких как *ēj* "ай". Очень бегло *е* часто произносится в личных окончаниях *-men, -sen*: *kelémen, kelésen* "я приду, ты придешь", при произношении у многих он звучит почти как *kelémin, kelésin*, даже почти как *kelém^{e}n, kälés^{e}n*.

По мнению В. Прёле, открытый *ä* для *е* слышно в словах *mélläj* "как я", *sélläj* "как ты", но и эти слова обычно всегда произносятся как *mellej, sellej*. При этом делается примечание, что в словах типа *kezı̈̄* «ряд», *kezbáu* «обман» балкарский *е* соответствует карачаевскому *ö*, ср. *k^{e}özū, k^{e}özbau* [Pröhle 1914/1915: 168].

Звук *ы*. Преле отмечает краткий и беглый характер произношения данного звука, особенно в безударных открытых слогах перед *"л"* или *"р",* а также в начальной позиции, или когда он появляется как вставной звук. В словах *"qı̊ppı̊r"* (кривой), *"zı̊ntχi̊"* (овес) все звуки "*ы*" краткие. В словах *"bila"* (с), *"qı̊ráu"* (иней), *"ı̊staqán"* (стекло, стакан для питья), *"qamı̊ci̊"* (карачаевский: *qamci̊*) (кнут) безударный звук "*ы*" произносятся лишь очень бегло. В примечании подчеркивается, что в словах, таких как *qı̊rál* (ср. карач. qarál) "страна, народ", *bajrı̊m* (ср. k. bajrám) балкарское *i̊ (ы)* стоит вместо *a*, в *mı̊nda, mundá* "здесь", *bı̊lá, bı̊lár, bulá, balár* "этот", *i̊* (ы) чередуется с *u* [Pröhle 1914/1915: 168].

Звук *и*. Он произносится кратко или очень бегло. В слове *"kisi"* (мужчина) оба звука *"и"* краткие. В словах *"bilemen"* (я знаю) и *"cirik"* (гнилой) безударные звуки *"и"* (поскольку они находятся в открытом слоге перед *"л"* или *"р"*) произносятся бегло. В примечании отмечается, что в слове *"sirǖ"* (стадо) в балкарском идиоме буква *"i"* передает звук *"ü"*, выступающий в карачаевском " sürǖ" и османском sürü" – стадо [Pröhle 1914/1915: 168-169].

Звук *у*. Он характеризуется как краткий, полудолгий, долгий и очень бегло произносящийся. В слове *"tuzubúz"* (наша соль) все звуки *"у"* краткие. В *"su'ubuz"* (наша вода) первый звук *"у"* произносится полудолго (как *"ü")*. В словах *"bū"* (олень), *"sū"* (вода), *"tūγan"* (*рожденный*) звук *"у"* долгий. В словах *"bulút"* (облако) и *"burún"* (нос) звук "у" безударный и произносится бегло, что обусловлено открытостью слога в позиции перед "л" или "р". То же самое касается начального гласного "у" в словах типа *"ušqól"* (школа) и *"ustúl", "ustól"* (стол). В примечании отмечается, что долгое ū в исходном языковом материале представляет добалкарское oγ, uγ (как в *tū-* "рождаться", османское *doγ* -) или же балкарское *ı̊u* (как в *acú̇*, для *acı̊u* "гнев") [Pröhle 1914/1915: 169]

Звук *ю(ü)*. Звук "ü", который произносится с заметно выдвинутыми вперед

губами, встречается в краткой, долгой и беглой (редуцированной) формах. В слове *küzgü* "Spiegel" оба звука "ü" краткие, в *kezӣ* "ряд, очередность" звук "ü" долгий, а в *büjürek- бюйюрек* "почка" безударный звук "ü" перед "r" часто настолько редуцируется, что слышится как "*büjrek-бюйрек* ". В примечании отмечается, что при балкарском произношении данного звука иностранцам трудно отличить долгий звук *ü* от долгого звука *ū*; этимологически он обычно обозначает *üj, öj* или *iü*, например, *ӣren-* (от *üjren-, öjren-*) «учиться, привыкать»; *tigӣ* (от *tigíü*) «шитье».

Закрытые звуки *o* и *ë(ö).* Отмечается, что закрытые звуки «*o*» и «*ë- ö*» изначально могут встречаться только в первом слоге, тогда как другие гласные появляются в любом слоге. Оба звука встречаются только в краткой и полудолгой формах. Например, в словах *orám* «переулок» и *ölémen* «я умираю» звуки «о» и «ö» краткие; в словах orún «место» и *kögürcű́n* «голубь» – полудолгие.

В примечании отмечается, что за пределами первых слогов звук «о» встречается только в заимствованных словах или как часть дифтонга «ou»; то же самое относится к звуку «ö», но в балкарском языке закрытый звук «ö» также развился из «е» под влиянием предшествующего «ö» или «ü». Примеры: *maraqo* (каб. *maraqo*) «земляника», *onóu* «совет»; *ölgő́n* (вместо *ölgén*) «мертвый», *üjdő́* (вместо *üjdé*) "в доме".

После описания системы вокализма В. Прёле переходит к системе дифтонгов в балкарском идиоме.

В черекском диалекте балкарского идиома В. Прёле отмечает наличие шести дифтонгов: *au, eü, eü ůu,iu,* m, *ou; oü,* второй компонент которых, по его мнению, восходит в исходном (изначальном)языковом материале чаще всего к гортанному звуку в предбалкарский период и приводит следующие примеры: *tau* "гора", *altáu* "шестеро", *kijeü* "«зять, жених", *bešeü* "«пятеро", *qůcůrű́u (qůcůrū)* "крик", *tigíü (tigӣ) "шитье", onóu* "совет", *buzóu* " телёнок ", *törtöü* "четверо", *tülő́ü* (для *tüleü*) "оплата".

Следует подчеркнуть, что в фонетике современного балкарского языка не отмечаются фонологические (т.е. истинные) дифтонги как самостоятельные гласные фонемы, но признается широкая представленность фонетических дифтонгов**,** образованных сочетанием стандартного гласного звука с полугласными глайдами (-й /j/ или полугласным -у/-в /w/).

В. Прёле полагает, что дифтонг *"ou*", по-видимому, произошел в добалкарскую эпоху, а также частично в балкарскую из дифтонга "*au*"; в первом случае, вероятно, а во втором – безусловно, под влиянием предшествующих "*o*" или "*u*": балкар. *buzóu*, карачай. *buzóu*, казах. *bůzau*, осман. *buzaγu, buzaγů* и т.д. Относительно происхождения дифтонга *"öü"* В. Прёле отмечает, что он возник скорее всего в балкарскую эпоху под влиянием предшествующего *ö* или *ü* из "*eü":* балк. *ücöü*, карач. *üčeü* «трое»; балк. *törtöü*, карач. *tört́öü* «четверо»; казах. dürtäü «четверо».

При описании фонетической специфики отдельных звуков в рамках слова В. Прёле использует апостроф, отмечая, что данные звуки представляют собой слабые переходные звуки, которые носят динамичный характер и меняются в зависимости от обстоятельств, соединяя два гласных, не образующих дифтонг, и

приводит следующие примеры: *tauʾúŋ* "твой горный"; *sauʾár* "он будет доить"; *kijeïʾűm* "мой зять"; *zuʾáp* "ответ", *zuʾúq* "близкий". В слове *sauʾár* "он будет доить", замечает В. Прёле, на самом деле следовало бы ожидать sawár, однако современное произношение основано на том, что на основе таких совершенно правильных форм, как *saú* "доить", *sau dúm* "я доил", дифтонг *au* сохраняется и в формах вроде *sauár* "он будет доить", *sáuʾuγuz* "дойте!" [Pröhle 1914/1915: 170].

После описания дифтонгов В. Прёле переходит к системе консонантов в малкарском диалекте балкарского идиома. Обращаясь к звуковому значению использованных в работе согласных звуков, В. Прёле отмечает, что "*f*" всегда произносится с округленными губами, но, учитывая, что в балкарском языке другого звука "*f* " не существует, он счел излишним использовать для него другой письменный знак.

Характеризуя фонетические особенности произношения звука χ́, он пишет, что данный звук произносится как ^{k}χ́, в то время как χ без малейшего намека на q, довольно грубо, как швейцарское ch, звучит из горла. Акут (´) над буквой часто указывает на удлинение или изменение произношения. Сочетанием ^{k}χ́ обозначается глухой велярный взрывной звук (как в начале русского слова "к"). "χ́" – это тот же звук, что и в начале предложения, но с акутом. Как видно из текста, χ (chi без акута)– это другой звук, который описывается как произносимый "без малейшего намека на q, под которым, вероятно, имеется в виду звук, похожий на русское "кв" или "ку" (как в английском "queen"). Автор подчеркивает, что звук χ не похож на это. Звук q он сравнивает со швейцарским ch (например, в слове "Bach"), т.е. – это глухой велярный фрикативный звук, который произносится в задней части горла [Pröhle 1914/1915: 170].

Следующий раздел посвящен описанию дифференциальных фонетических признаков малкарского консонантизма балкарского идиома в отличие от консонантизма карачаевского идиома.

В. Прёле отмечает ярко выраженную аспирацию звуков *č, k, q* и *t* как характерную фонетическую черту карачаевского идиома, которая практически отсутствует в малкарском диалекте, иллюстрируя это на словах *čʿauqʿá* (грач), *kʿelirge* (приходить), *tʿáu* (гора), тогда как в балкарском они звучат как *čauqá, kelirgé, táu*. Он пишет, что, наблюдая за общением с горцами из Баксанского и Чегемского ущелий в Нальчике, заметил, что столь энергичное придыхание упомянутых звуков в карачаевском языке в более восточных диалектах проявляется уже не так заметно. Это позволяет ему утверждать, что баксанский и чегемский диалекты представляют собой переходное звено между карачаевским и балкарским идиомами карачаево-балкарского языка.

В. Прёле замечает, что появление согласного *"j"* перед гласными *"e", "ö"* и *"ü"*, который так характерен для карачаевского идиома, в балкарском языке отсутствует, иллюстрируя это следующими примерами: карач.: *ješik, ešik* "дверь"; *jögűz, ögűz* "бык"; *jüč, üč* "три"; балкар.: только: *ešik, ögűz, üc*.

Только у глагольного корня на *e-* в балкарском идиоме появляется *j-* вставка после предшествующего гласного окончания, например, *bará-j-edim* "я шел"; *bará-j-esem* "если я иду". Однако здесь *j* на самом деле представляет собой суффикс герундия (особая отглагольная форма, которая совмещает свойства глагола

и существительного).

Далее на примерах В. Прёле показывает, что карачаевские звуки *č, ž* соответствуют балкарским *c* и *z*. Однако, отмечает В. Прёле, горцы Черекского ущелья, встречаясь с жителями Чегемского и Баксанского ущелий, а последние, в свою очередь, с карачаевцами из долин Кубани и Теберды, не только на рынках Нальчика и других местах, но и общаясь через высокогорные перевалы, а также учитывая, что духовенство часто привносит в Балкарию неместную речь, вполне объяснимо, что иногда можно услышать, как коренные балкарцы говорят слова, которые считаются чисто балкарскими, но на самом деле имеют другое ярко маркированное диалектное происхождение: *ceget, aɣac, zol, inzi* как *čeget* (чегет), *ayač* (агач), *žol, ǯol*(жол, даже "йол), *inži, inǯi* (инжи), т.е. происходит процесс звуковой интерференции в рамках диалекта под влиянием взаимодействия в процессе коммуникации носителей разных говоров [Pröhle 1914/1915: 171-172].

Переходя к проблеме гармонии звуков, В. Прёле отмечает, что балкарский идиом находится на одном уровне с карачаевским, уточняя при этом, что а) первый слог слова может содержать любую гласную; в) за слогом, содержащим гласные «*a*» или «*u*», может следовать слог, содержащий одну из гласных: *a(a), i̊(ы), au (ay), i̊u (ū)(ыу* или долгое *y*) ; c) за слогом, содержащим гласные *o* или *y*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *a(a),y (u), oy* или *ay (ou, au),ыу* или долгое *y (i̊u,ū)*; d) за слогом, содержащим гласные *e* или *i*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *e (e)*, и *(i), ею(еü), ию (iü,u)*; e) за слогом, содержащим гласные *ö* или *ü*, может следовать слог, содержащий одну из гласных *e, ü, öü (eü), iü (ü)* [Pröhle 1914/1915: 172]. В. Прёле особо подчеркивает, что изложенные отклонения от правил произношения встречаются в основном только в заимствованных словах, которые еще не адаптировались к фонетическому строю балкарского языка, а в собственно балкарских словах подобные отклонения происходят лишь при определенных обстоятельствах [Pröhle 1914/1915: 172-173].

Обращаясь к особенностям позиционных трансформаций гласных, автор отмечает, что для дифтонгов исследуемого диалекта определяющим является второй компонент; таким образом, как после *"ou"* и *"öü"*, так и после *"au"*, *"i̊u"*, *"eü"*, *"iü"* никогда не может следовать слог с *"i̊"* или *"i"*, а только слог с *"u"* или *"ü"*. Он полагает, что сочетания звуков, такие как *aj(ай), ej (эй), uj(уй), i̊j(ый), oj (ой), öj(ёй), üj (юй), ij (ий)*, не следует рассматривать как дифтонги, аргументируя тем, что в них не *j(й)*, а предшествующий гласный определяет вокализацию следующего слога. Например, в слове *"üj"* (дом) форма родительного падежа будет *"üjnü"* (не *"üjni"*). В отличие от этого, в слове *"tau"* (гора) форма родительного падежа будет *"taunú"* (не *"taunı̊"*). В последних двух примерах заметна субъективная рецепция автором звукового образа лексем в процессе устного восприятия, которое может быть связано также с особенностями произношения информанта, ибо в разговорном варианте функционирует как *тауну*, так и *тауны*.

Далее отмечается трансформация гласного *"e"* в следующем слоге после слога с гласными *"ö"* или "ü", который почти всегда превращается в закрытую "ö". Например, "*ölgőn*" вместо "*ölgén*" (умерший), "*üjdő́*" вместо "*üjdé*" (в доме). По мнению автора, гласный звук "ö" является результатом особой диалектной эволюции в процессе огубления, после него в следующем слоге встречается "ü"

лишь в исключительных случаях, регулярно же появляется только "*i*". Например, "*üjlörím*" (мои дома), при этом очень часто можно услышать исходную форму "*üjlerím*", а "*üjlörű́m*" – лишь очень редко [Pröhle 1914/1915: 172].

Звук *j*, относящийся к следующему слогу, обычно вызывает изменение предшествующих гласных *a, ı̊, u* на *i, i, ü*. Так, вместо *"qaláj-edim"* часто говорят *"qalíj-edim"* ("я остался"); вместо *"zı̊jı̊l-"* ("собираться") почти всегда *"zijı̊l-"*; вместо *"qorúj-edim"* ("я удержал") – *"qorű́j-edim"*. Сюда же относятся такие слова, как: *"tijáq"* ("палка"), в карачаевском *"tʿajáq"*, в османском *"dajaq"*; *"zijáu"* ("пешком"), в карачаевском *"ǯajáu"*; *"büjur-"* ("приказывать"), в османском *"bujur-"*, а также заимствованное слово *"dünjá"* ("мир"). Если *j* образует слог с предшествующим гласным, или гласный находится в ударной позиции, или предшествующий согласный имеет опору в артикуляции, то, как правило, изменения не происходят. Например, *"zı̊jdı̊m"* ("я собрал"); *"zı̊jı̊ɣı̊z"* ("соберите!"), *"qujáman"* ("я наливаю"), в последнем случае *q* препятствует появлению ожидаемого умлаута. Звук *š* вызывает умлаут *ı̊* и *i* в таких словах, как *"qajiš"* ("ремень"); *"ašamíš"* ("обжора") и т.д. [Pröhle 1914/1915: 173].

Под влиянием гласных *ö* или *ü* в предыдущем слоге любая гласная *e* может перейти в закрытое *ö*. Например, *"ölgő́n"* рядом с *"ölgén"* (умерший), *"ölső́m"* рядом с *"ölsém"* (если я умру), *"külő́men"* рядом с *"külémen"* (я смеюсь), *"üjgő́"* рядом с *"üjgé"* (дому), *"üjdő́"* рядом с *"üjdé"* (в доме), *"üjlöní"* рядом с *"üjlení"* (домов); *"ülöš-"* рядом с *"üleš-"* (делить). Из этого ряда выпадает отрицательный суффикс *– ме,* где отсутствует такое изменение звука. В. Прёле также замечает, что в лексеме *birsű́kün* вместо *birsíkün* действует процесс обратной лабиализации. В примечании отмечается, что отклонение от нормального произношения второго слога в словах, таких как *taúq* ("курица"), *taű́š* ("голос"), *tabul-* (встречается редко вместо *tabı̊l-*) и т. д., несомненно, объясняется влиянием рассматриваемых губных звуков, ретроспективно мы находим то же явление, например, в *z u á p* (вместо **zuwap* <араб. *ǯawâb*. ср. балк. *q ı̊ r á l* и кирг. *qʿarál* "народ"), "ответ", и *éndüwa* вместо *éndiwa* [Pröhle 1914/1915: 173].

По мнению В. Прёле, наблюдаемое в диалекте выпадение гласных в таких случаях, как *orun* "место", *ornúm* "мое место"; *qarı̊n* "желудок", *qirnı̊ŋ* "твой желудок"; *ajı̊r-* "делить", *ajrı̊l-* "делиться, быть разделенным", относится к добалкарскому периоду развития языка.

В. Прёле полагает, что причина элизии в черекском диалекте балкарского идиома, которая встречается чаще, чем в карачаевском идиоме, заключается в заметном быстром темпе речи, с которой балкарцы в целом говорят. Это приводит чаще к выпадению конечного гласного перед начальным, чем наоборот: *almá ašáj* (алмá ашáй) превращается в *almʾášaj* (алмʾ áшай) (кушая яблоко); *üjüné da eltejík* – в *üjüné dʾeltejík* ((мы повели его также домой); *aní́ órnunà* (аní́ óрнунá) – в *anʾórnunà* (anʾ óрнунá) (на его место, вместо него); *bú ű́jle* (бý юйле) – в *bʾű́jle* (эти дома); *kesí üjündè* (кеси юйюнде) – в *kesʾű́jündè* (в собственном доме) ; *bolur-mu-ediŋ?*(болур-му - эдинг (был бы ты?) – в *bolúr-mʾ-eŋ?*. Напротив, начальный гласный может выпадать после конечного: *arí́ urúp* (ары уруп) (ударяя туда) – в *arí́ ʾrup*; *kertme ašáj* (кертмé ашáй) (кушая грушу) – в *kertmé ʾšáj*; *zuqú ücű́n* (зукý юцю́н) (из-за сна) – в *zuqú ʾcű́n* [Pröhle 1914/1915: 174].

Отмечается, что форма типа красис (вид стяжения в языке, при котором конечный гласный одного слова и начальный гласный следующего соединяются в один слог) встречается в случаях, подобных *qaräucḱm* вместо *qaraucu-ēdim*<*qaraucú-edìm* (къарауцу эдим) (я имел обыкновение смотреть). Автор делает примечание, что такие формы функционируют только в песнях, однако в повседневной речи предпочтение отдается форме *qarauc'édim(къарауц'эдим* вместо *qaräucḱm (къарауцюм)* [Pröhle 1914/1915: 174].

Переходя к описанию изменений в системе консонантизма исследуемого диалекта, В. Прёле отмечает функционирование чередующиеся удвоенных и одинарных согласных и приводит следующие примеры: *qattí́* наряду с *qatí́* ("твердый"); *ajja-* наряду с *aja-* ("беречь"); *mmá* наряду с *má* ("смотри! вот тебе!"). В диалекте отмечены также частые случаи полной ассимиляции звуков: *erin* ("губа"), *erillé* вместо *erinlé* ("губы"); *atammí́* вместо *atamní́* ("моего отца"); *ataŋŋí́* вместо *ataŋní́* ("твоего отца"); *ullú-lla* вместо *ullú-dla* <*ullú-dulà* ("они большие"); *énni* наряду с *éndi* ("сейчас") и т.д.

Нередко встречается выпадение согласных, например, *bojunsá* "ярмо" в форме карач. *bojunsχá*; *qaláma* "я остаюсь" и *kelése* "ты приходишь" рядом с *qaláman* и *kelésen*; *bı̊la* рядом с *bı̊lan* "с", *ücü* рядом с *ücün* "из-за", *o* рядом с *ol* "он, тот" и т.д. В случае с примерами *qaláma* - *qaláman* и *kelése* - *kelésen* В. Прёле не отмечает становление новых грамматических форм, где формы *qaláman* и *kelésen* представляют собой архаичные формы, иногда употребляющиеся в устной речи. Наиболее частым является выпадение звука *r*, которое уже зафиксировано для куманского языка. Так, говорят *öltürügé* вместо *öltürürgé* "убивать"; *qaldı̊rı̊γá* вместо *qaldı̊rı̊rγá* "оставлять"; *üjlé* "дома" рядом с *üjlér*, atlá "лошади" рядом с *atlár* и т.д. Часто выпадает даже предшествующий звуку *r* гласный *u, ı̊, i, ü*: *bollúqman* "я хочу стать" вместо *bolurlúqman, öllḱkmen* "я хочу умереть" вместо *ölürlḱkmen*; *alγa* "брать, брать" вместо *alı̊rγá*. После выпадения *d* в определенных формах глагола "быть" возникли такие формы, как: *ēm*<*edim* "я был"; *ēŋ* <*ediŋ* "ты был"; *ēk* <*edik* "мы были", *ēgiz* <*edigiz* "вы были" [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Начальные согласные энклитических слов *da, dä, de* (означающих "и"), *dı̊, du, di, dü* (означающих "есть"), *dı̊là, dulà, dilè, dülè* (означающих "есть" во множественном числе) и *de-* (означающего "говорить") после предшествующего глухого конечного согласного превращаются в *"t"*. Например: *at-ta* (и лошадь); *zazí́χ -tı̊* (жаль); *qallí́χ-tzı̊la* (они останутся); *Ajtéχ́ -tegèn bir zaš* (мальчик по имени Айтек) [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Отмечается практическое отсутствие в черекском диалекте (в целом и в балкарском идиоме) звука "d" в абсолютном конце слова, чем и обусловлено превращение форм типа *qalγándı̊* "он остался", *kelgénd* "он пришел", *qūdí́* "он охотился", *edi* "он был" после возможного выпадения конечного гласного в *qalγánt'* "остался", *kelgént'* "пришел", *qūt`* "охотился", *ēt'* "был".

Подобно тому, как внутри слова изначальное *č* (ч) перед *t* и *l* перешло не в *c* (ц), а в *š* (ш), так и конечный *c* (ц) перед начальным *t* и *l* всегда становится *š* (ш): *zaš aští́* "мальчик голоден" (не ac-tí́ (ацты!), *zaš «áš!» tep söjlešχ́éndi* "мальчик сказал: «Открой!»" (не *ác tep* ! "ац теп!") [Pröhle 1914/1915: 174-175].

Происходит также позиционно зависимая трансформация *k* > *χ́* (х мягкое), *q*> *χ* (х соответственно) и *p*> *f* в середине и конце слова перед начальными глухими согласными: *ešík* (дверь), *ešiχté* (в двери); *bu ešíχ tüjűl-dü* (это не дверь); *aχsáq* (хромающий) (казахское *aqsáq* (хромающий), *bir aχsáχ taj* (хромающий жеребенок): *tepse-* или *tefse-* (танцевать); tap (найди!), но: *taptm̊ или taftm̊* (я нашел); *tapsám* или *tafsám* (если я найду); *ucúf kettí* (улетел прочь) (вместо *ucúp ketti)*. Данная звуковая трансформация появляется исключительно при отсутствии паузы в речевом потоке говорящего [Pröhle 1914/1915: 174-175].

При сочетании начальных и конечных звуков *(— k k—, —q q—q—, —q k—)* упомянутые трансформации происходят лишь в исключительных случаях, как, например, в слове *ǐjǐχ - kǜn* (воскресенье), наряду с *ǐjǐq - kǜn*. Отмечается, что в позиции перед звонким начальным согласным такой случай также встречается крайне редко. Например, *uzáχ zèr* вместо *uzáq zèr* (далекое место) [Pröhle 1914/1915: 175].

Автор считает важным упомянуть добалкарскую трансформацию конечных *k* в *g*, *q* в *γ*, *p* в *b* перед гласными в суффиксах и отмечает, что это явление также встречается в конце слова перед гласным в начале следующего слова (при условии полного слияния произношения соответствующих словосочетаний): *ešík* "дверь", *ešigím* "моя дверь", *ešíg allǐndá* "перед дверью"; *qujrúq* "хвост", *qujruγú* "его хвост"; *qonáq* "гость", *qonáγ-üj* "гостевая комната"; *tap-* "находить", *tabársan* "ты найдешь"; *köp* "много", *kőb aχcà* "много денег", имеются случаи, такие как: *qorq-* "бояться", будущее время *qorqur!* [Pröhle 1914/1915: 175-176].

Слова с дифтонгом или долгим *ū, ǖ* в конце слова считаются оканчивающимися на согласный: *táu* "гора", *tau'úm* "моя гора"; *kezǖ* "ряд", *kezǖǖŋ* "твой ряд" и т.д.

В. Прёле, подчеркивая весьма относительный характер удобства произношения, считает его для балкарского языка в некотором смысле подходящим, поскольку формы метатезы, так часто встречающиеся в этом диалекте, кажутся более удобными для речевых органов иностранцев, чем соответствующие слова родственных диалектов. Например, *aχcǐc* (ахцыц) – «ключ», в карачаевском – *ačχǐč* (ачхыч); *baχcǐc* (бахцыц) – "лестница", в казахском – *basqǐč* (баскъыч); *bǐχcǐ* (быхцы) – "пила", в османском – *bǐčqi̯* (бычхы); *zǐltǐrγán* (зылтыргъан) вместо *zǐrtǐlγán* (зыртылгъан) – "рванный, разорванный" [Pröhle 1914/1915: 176].

В. Прёле, обращаясь к описанию особенностей ударения в балкарском идиоме, указывает, что оно, как правило, падает на последний слог, и отмечает, что правила, приведенные для карачаевского [Pröhle 1909: 220], нуждаются лишь в одном дополнении: в звательном падеже каждое существительное имеет ударение на первом слоге: *qarǐndašlá* (къарындашлá) – "братья", но *qárǐndašla* (къáрындашла) – "о, братья! ". Однако, тонко замечает автор, если существительное в звательном падеже имеет определение, то отчетливо артикулируется только ударение атрибутивной части, в остальном же никаких изменений не происходит. Например, *nék zǐlájsa, aχšǐ́ qatǐ̀n* (нéк зылáйса, ахшы къатын) – "почему ты плачешь, добрая женщина?" [Pröhle 1914/1915: 176].

Рассматривая вопрос долготы и краткости гласных, В. Прёле отмечает, независимо от того, находятся ли гласные *a, e, o, ö* под ударением или нет, в открытом

слоге, за которым следует слог с гласными *i̊, i, u* или *ü*, они всегда произносятся как полудолгие. Это универсальное правило, которое делает графическое обозначение долготы данных гласных совершенно излишним. Он формулирует следующее правило: слова произносятся с полудолгим *"a"* в первом слоге: *qarı̊n* "желудок", *qarı̊lγac* "ласточка", *atı̊m* "моя лошадь", *alı̊p* "брать", а с полудолгим *"a"* в предпоследнем слоге: *anası̊* "его мать", *aládi̊* "он берет"; полудолгим *"e"* в первом слоге: *terí* "мех", ešit "слушай!", bešišér "по пять" ; полудолгим *"e"* в предпоследнем слоге: *kelédi* "он приходит", *egecím* "моя сестра"; с полудолгим *"o"* в первом слоге: *orun* "место", *qobúz* "скрипка"; с полудолгим *"ö"* в первом слоге: *ögű̇z* "бык", *ölű̇r* "он умрет", *kögürcű̇n* "голубь". По его мнению, в словах *qarnı̊m* "мой желудок", *atlá* "лошади", *al* "возьми!", *aná* "мать", *analá* "матери", *alá* "берущий", *beš* "пять", *kel* "приди!", *egéc* "сестра", *ornúm* "мое место", *ölémen* "я умираю" соответствующие гласные *a, e, o, ö* произносятся кратко, поскольку здесь отсутствуют условия, упомянутые в приведенном выше правиле [Pröhle 1914/1915: 176-177].

Таким образом, В. Прёле формулирует общий вывод и приводит примеры: слова *al* "возьми! ", *alá* " произносятся с кратким *"a"*, что обусловлено закрытостью слога и за первым и вторым *"a"* не следует слог с "*i̊*" (ы); но в *"alı̊r"* первое "*a*", а в *"aládi̊"* второе *"a"* произносятся полудолго, поскольку они находятся в открытом слоге перед слогом с *"i̊" (ы)*. Точно так же *"o"* в *"oram"* (улица) краткое, а в *"orún"* (место) полудолгое, потому что за *"o"* в открытом слоге в *"oram"* не следует слог с *"u"*, тогда как в *"orún"* за открытым слогом с *"o"* следует слог с *"u"* [Pröhle 1914/1915: 177].

Упомянутое выше правило долготы и краткости звуков не связано с ударением, и тот факт, что в *aládi* "он берет", *kelédi* «он приходит» и во всех подобных случаях ударное *a* или *e* не произносятся как полудолгое из-за ударения, как я раньше полагал, также становится понятным из того, что глагольные формы, лежащие в основе этих форм, *alá, kelé,* если у них нет суффиксов, несмотря на ударение, произносятся с кратким *a* или *e* на конце слова ; точно так же слова *atá, aná, ijé* в конечной позиции произносятся с кратким *a* или *e*, в то время как в формах: *atası̊* "его отец", *anası̊* "его мать", *ijesí* "его господин" те же самые звуки являются полудолгими.

Таким образом, в слове *analá* "мамы" произносятся три коротких звука *a*, тогда как в *anaları̊* "их мать" гласный *a* в предпоследнем слоге произносится как полудолгий. То, что в формах *aláman* "я беру", *kelémen* "я прихожу", *alásan* "ты берешь", *kelésen* "ты приходишь" ударное *á* и *é* произносятся как полудолгие, как в *aladi̊* "он берет", *kelédi* "он приходит", *alábi̊z* "мы берем", *kelébiz* "мы приходим", вовсе не объясняется влиянием акцента, а скорее обусловлено тем, что гласные персональных суффиксов -man, -san, -men, -sen всегда произносятся очень кратко и склоняются к произношению звуков *i̊* или *i* [Pröhle 1914/1915: 177-178].

В некоторых случаях влияние акцента на долготу и краткость звуков всё же неоспоримо. Так, например, вокатив *bálam* "мой ребёнок" часто произносится с полудолгим *a* в первом слоге.

В формах типа *qalmábĭz* "мы не останемся" и *ketmébiz* "мы не уйдем" возникает вопрос о том, обусловлена ли долгота ударных гласных *á* и *é* влиянием ударения, или же мы имеем дело с явлением компенсаторного удлинения, поскольку первоначальные формы, вероятно, звучали как *qalmázbĭz* и *ketmézbiz*.

В примечании отмечается, что в слове *at* "имя" звук *a* произносится всегда полудолго, а в слове *at* "лошадь" – всегда кратко. Звук *ö*, возникший в результате лабиализации, при соответствующих условиях также может быть полудолгим, как *e*, из которого он развился. Например, *ölőmen* вместо *ölémen* "я умираю", *üjdögilé* вместо *üjdegilé* " находящиеся в доме " произносятся с полудолгим *ö* во втором слоге [Pröhle 1914/1915: 178].

Заключение

Исследование фонетики черекского диалекта в работе В. Прёле дает возможность рассмотреть с исторической позиции состояние и особенности формирования звуковой системы балкарского идиома, проанализировать практические и теоретические положения, сформулированные им, их соотношение с современным состоянием описания фонетической системы балкарского идиома, отметить возможные трансформации звуковой системы, адекватность восприятия звуков в потоке речи в устной форме.

В. Прёле в целом дал достаточно полную картину звуковой системы черекского диалекта, аргументировано установил, что фонетические системы баксанского и чегемского диалектов балкарского идиома носят промежуточный характер между черекским диалектом и карачаевским вариантом карачаево-балкарского языка.

Высказанные В. Прёле мысли относительно долготы и краткости отдельных гласных и удвоенных согласных могут стать объектом дальнейших исследований не только в рамках карачаево-балкарского языка, но в целом и в тюркологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015a – *Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р.* "BALKARISCHE STUDIEN" Вильгельма Прёле: структура и содержание // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 207-216.

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015b – *Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р.* Структурно-содержательные особенности "карачаевского словаря" и "балкарского словаря" Вильгельма Прёле // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 2. – С. 172-174.

Аликаев, Башиева, Тогузаева 2015c – *Аликаев Р.С., Башиева С.К., Тогузаева М.Р.* Русицизмы в "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" И "BALKARISCHE STUDIEN" В. Прёле: функциональный аспект // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 63-69.

Аликаев, Тогузаева 2015 – *Аликаев Р.С., Тогузаева М.Р.* Вильгельм Прёле и истоки карачаево-балкарской научной филологии // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию создания кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. – 2015. – С. 4-5.

Аликаев, Тогузаева 2016 – *Аликаев Р.С., Тогузаева М.Р.* Вильгельм Прёле и истоки карачаево-балкарской научной филологии // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 406-411.

Аликаев 2017 – *Аликаев Р.С.* Языковые особенности и историко-культурное значение "Балкарских штудий" Вильгельма Прёле // Язык: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 4-24.

Pröhle 1909 – *Pröhle, Wilhelm*. Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304.

Pröhle 1914/1915 – *Pröhle, Wilhelm*. Balkarische Studien-I // Keleti Szemle. – №: 15. – Budapest, 1914/1915. – P. 165-178.

REFERENCES

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. *"BALKARISCHE STUDIEN" Vil'gel'ma Prele: struktura i soderzhanie* ["BALKARISCHE STUDIEN" by Wilhelm Pöhle: Structure and Content]. In: Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – P. 207-216. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. *Strukturno-soderzhatel'nye osobennosti "karachaevskogo slovarya" i "balkarskogo slovarya" Vil'gel'ma Prele* [Structural and Content Features of Wilhelm Pöhle's "Karachay Dictionary" and "Balkar Dictionary"]. In: Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2015. – № 2. – P. 172-174. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K., TOGUZAEVA M.R. *Rusitsizmy v "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" I "BALKARISCHE STUDIEN" V. Prele: funktsional'nyi aspekt* [Russicisms in Wilhelm Pöhle's "KARATSCHAJISCHE STUDIEN" and "BALKARISCHE STUDIEN": Functional Aspect]. In: Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2015. – № 1. – P. 63-69. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., TOGUZAEVA M.R. *Vil'gel'm Prele i istoki karachaevo-balkarskoi nauchnoi filologii* [Wilhelm Pöhle and the Origins of Karachay-Balkar Scientific Philology]. In: Yazyki i literatury tyurkskikh narodov. Mezhdunarodnaya nauchnaya konfe-rentsiya, posvyashchennaya 180-letiyu sozdaniya kafedry tyurkskoi filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – P. 4-5. (In Russ.)

ALIKAEV R.S., TOGUZAEVA M.R. *Vil'gel'm Prele i istoki karachaevo-balkarskoi nauchnoi filologii* [Wilhelm Pöhle and the Origins of Karachay-Balkar Scientific Philology]. In: Aktual'nye voprosy tyurkologicheskikh issledovanii. K 180-letiyu kafed-ry tyurkskoi filologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – Sankt-Peterburg, 2016. – P. 406-411. (In Russ.)

ALIKAEV R.S. *Yazykovye osobennosti i istoriko-kul'turnoe znachenie "Balkarskikh shtudii" Vil'gel'ma Prele* [The Language Features and Historical and Cultural Significance of Wilhelm Pöhle's "Balkar Studies"]. In: Yazyk: istoriya i sovremennost'. – 2017. – № 1. – P. 4-24. Pröhle, Wilhelm. Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304. (In Russ.)

PRÖHLE, WILHELM. *Karatschajische Studien 11 Keleti Szemle*. Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 215-304. II. Karatschaische Texte. – S. 235-304.

PRÖHLE, WILHELM. *Balkarische Studien-I*. In: Keleti Szemle. – №: 15. – Budapest, 1914/1915. – P. 165-178.

Сведения об авторе

Р.С. Аликаев – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

R.S. Alikaev – Doctor of Philological Sciences, Full Professor.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 316.4:323.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-455-469
EDN: USUACA

ПАТТЕРНЫ СОЛИДАРНОСТИ: АССОЦИАТИВНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ЯЗЫКА СОГЛАСИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сергей Михайлович Воробьев
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, sergey_vorobev_54@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-9610

Аннотация: В статье на основе результатов психолингвистического ассоциативного анкетирования выявляются и анализируются наиболее частотные корреляты языка согласия в сознании студентов Северного Кавказа. В выборку вошли 400 респондентов из числа русских и северокавказских народов. Было проведено зональное ранжирование выявленных коррелятов в соответствии с предложенной классификацией уровней языка согласия: явный, умеренный и мягкий. Было установлено, что абстрактные призывы к миру, согласию и межнациональному диалогу не будут работать без активирования функционально-психологического механизма их экстериоризации. Такой механизм переводит скрытые внутренние чувства и установки в конкретные внешние действия, формирующие социальные отношения. Модель психологической экстериоризации предполагает три этапа: от внутреннего эмоционального переживания к рациональному внешнему действию. Маркеры явного согласия активируют в сознании молодого человека витальный аксио-эмоциональный ориентир, умеренного – формируют универсальные нормативные условия социальных связей, мягкого – раскрывают повседневные механизмы поддержания согласия через социальную деятельность и межличностные установки. В целом выявленные ряды ассоциативных коррелятов свидетельствуют о социальном оптимизме, здоровой морально-психологической атмосфере в полиэтничной студенческой молодежной среде. Уважение – единственный коррелят, вошедший в ассоциативные поля всех трех уровней языка согласия, что свидетельствует об устойчивой интенции к диалогу и сотрудничеству с людьми разных национальностей и вероисповеданий.

Ключевые слова: согласие, солидарность, ценности, молодежь, психолингвистический эксперимент, ассоциативные корреляты, поликультурная среда, Северный Кавказ.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01753, https://rscf.ru/project/25-28-01753/

Для цитирования: Воробьев С.М. Паттерны солидарности: ассоциативные корреляты языка согласия в поликультурной молодежной среде Северного Кавказа // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 455-469. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-455-469. EDN: USUACA.

© Воробьев С.М., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

PATTERNS OF SOLIDARITY: ASSOCIATIVE CORRELATES OF THE LANGUAGE OF CONSENT IN THE MULTICULTURAL YOUTH ENVIRONMENT OF THE NORTH CAUCASUS

Sergey M. Vorobiev
North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, sergey_vorobev_54@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4004-9610

Abstract. In this article, based on the results of a psycholinguistic associative survey, the most frequent correlates of the language of agreement in the consciousness of students in the North Caucasus are identified and analyzed. The sample included 400 respondents from Russian and North Caucasian backgrounds. The identified correlates were zonally ranked according to the proposed classification of levels of language consent: explicit, moderate, and mild. It was established that abstract calls for peace, harmony and interethnic dialogue will not work without activating the functional-psychological mechanism of their exteriorization. This mechanism translates hidden internal feelings and attitudes into specific external actions that shape social relations. The model of psychological exteriorization assumes three stages: from internal emotional experience to rational external action. Markers of explicit consent activate a vital axio-emotional reference point in the consciousness of a young person, moderate consent forms universal normative conditions of social connections, and soft consent reveals everyday mechanisms for maintaining consent through social activity and interpersonal attitudes. In general, the identified series of associative correlates indicate social optimism and a healthy moral and psychological atmosphere in the multiethnic student youth environment. Respect is the only correlate included in the associative fields of all three levels of the language of agreement, which indicates a stable intention for dialogue and cooperation with people of different nationalities and religions.

Keywords: consent, solidarity, values, youth, psycholinguistic experiment, associative correlates, polyculturalism, North Caucasus.

Funding: The study was supported by grant No. 25-28-01753 from the Russian Science Foundation, https://rscf.ru/project/25-28-01753/

For citation: Vorobiev S.M. Patterns of solidarity: associative correlates of the language of consent in the multicultural youth environment of the North Caucasus. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 455-469. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-455-469. EDN: USUACA.

© Vorobiev S.M., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Актуальность исследования ассоциативных коррелятов (ассоциатов) языка согласия у студентов фронтирного северокавказского региона определяется остротой, ведущейся против России информационной войны и рисками деструктивного внешнего информационного манипулирования, направленного на обострение существующих в регионе социальных противоречий и вовлечение молодежи в деструктивные практики [Авдеев, Бредихин, Воробьев 2025]. Северный Кавказ отличается сложным полиэтничным и поликонфессиональным со-

ставом населения, исторически сложившимися этнокультурными и религиозными противоречиями. Деструктивный и провокативный контент, продуцируемый в сетевом пространстве, может выступить триггером межнациональных и межконфессиональных конфликтов, спровоцировать агрессию и насилие по отношению к той или иной этнической и религиозной группе. Молодежь становится основной мишенью информационных атак: присущая ей социальная уязвимость, несформированность ценностно-мировоззренческих основ, делает ее потенциальным объектом конфликтной мобилизации. В этой связи эффективным средством предупреждения конфликтности, общенациональной консолидации и гармонизации социальных отношений становится язык согласия.

Под языком согласия нами понимается совокупность языковых единиц, которые используются для минимизации конфликтогенности, выражения солидарности и поддержания речевого консенсуса. Такой язык позволяет реализовать в процессе общения три основных функции: прагматическую (уход от конфликта), психологическую (минимизация социальной дистанции и стремление к солидарности) и коммуникативную (достижение согласия).

Целью статьи является выявление и анализ наиболее частотных коррелятов языка согласия в сознании северокавказской студенческой молодежи, их зональное ранжирование и раскрытие ассоциативно-семантических связей, определяющих потенциал социальной солидарности в поликультурной среде. Различные аспекты языка согласия, его синтонный потенциал и бытование в коммуникативных практиках исследовались как отечественными, так и зарубежными авторами. Изучалось влияние этнической идентичности на вербальное и невербальное общение, конструктивное, либо деструктивное воздействие коммуникативных практик на отношения между этническими группами [Pieragostini, Casara, Suitner 2017]. Анализировалось инклюзивное и уважительное использование языка как средства преодоления культурных различий, укрепления взаимопонимания и доверия [Yuliasari, Sari 2022]. Исследование, раскрывающее содержательный смысл и структуру межнационального (межэтнического) согласия в контексте научного и публичного дискурса, а также выявляющее его основные источники было проведено Л. М. Дробижевой [Дробижева 2015]. Само межнациональное согласие становится фактором, влияющим на реализацию жизненных стратегий молодежи, актуализирующим созидательный потенциал ее социальной активности [Воденко 2017]. Другими авторами анализировалась вариативности нарратива гармонизации, продуцируемого в рамках взаимодействия в новых медиа. На основе выявленных тенденций в реализации тактик гармонизации были определены основные способы нивелировки конфликта в интернет-пространстве полиэтничных фронтирных регионов [Шишкин 2024]. На примере сетевого северокавказского дискурса рассматривалось применение пользователями коммуникативных тактик гармонизации, реализуемых в рамках более широкого феномена языка согласия [Социокультурные основы… 2024: 174-222.].

Методология исследования

Для выявления ассоциативных коррелятов (ассоциатов) вербальных маркеров языка согласия в 2026 г. было проведено психолингвистическое ассоциативное анкетирование равных по численности гетерогенных групп (400 респондентов: 50% юношей и 50% девушек; 50% русских, 50% автохтонных и других народов, проживающих на Северном Кавказе) среди студентов ряда ведущих северокавказских вузов. Инструментарий опроса – самозаполняемая анкета, включающая ряд общих вопросов для гендерной и этноконфессиональной идентификации респондента (пол, национальность, вероисповедание), открытый перечень вербальных маркеров языка согласия с пояснениями и полями для ввода ассоциатов. Студенты, получающие высшее образование, являются активными социальными акторами, рецепторами новых смыслов и нарративов, трансляторами как устоявшейся, так и новой лексики, как позитивных, так и негативных стереотипов, конструктивных и деструктивных вербальных моделей социальных отношений. В связи с этим они оказывают существенное влияние на молодежь в целом. Северокавказское студенческое сообщество – полиэтничная и поликонфессиональная среда, его представления отражают динамику межнациональных отношений в регионе. Анализ ассоциативного наполнения вербальных маркеров языка согласия в сознании студенчества позволяет не просто уловить характерные для молодежи региона интенции, но и сделать обоснованные предположения о направленности развития социальных отношений: в сторону усиления разобщенности, неприязни и конфликтности либо консолидации, диалога и солидарности.

Для сбора коррелятов языка согласия респондентам было предложено привести свои ассоциации к 15 ключевым лексемам-маркерам. Лексемы были ранжированы нами на основе их консолидирующей роли и гармонизирующего потенциала. Были выделены три уровня языка согласия:

– явный уровень согласия: активное формирование ценностного единства и преодоление фундаментальных социальных противоречий, безусловное признание и уважение другого, наиболее полная реализация принципа миролюбия и утверждение общечеловеческих аксиологических основ – вербальные маркеры: *мир, дружба народов, спасение, любовь, единство*;

– умеренный уровень согласия: взаимное приятие другого, установки на понимание и сопереживание, согласование различных ценностей и подходов, и формирование общего коммуникативного пространства культурного диалога – вербальные маркеры: *добро, равенство, диалог культур, понимание, принятие другого*;

– мягкий уровень согласия: нейтрализация потенциальных конфликтогенов, установки на взаимоуважение, митигацию и коммуникативную тактичность – вербальные маркеры: *доброжелательность, симпатия, солидарность, коллективизм, сотрудничество*.

В ходе обработки результатов анкетирования была проведена токенизация массива полученных ассоциатов. Поле явного согласия составило 5898 токенов, умеренного – 5491 токен, мягкого – 5376 токенов. Полученные токены группировались в таблицы по принципу «ассоциат+уровень языка согласия» (явный,

умеренный и мягкий). На основе первичных частотных распределений (количество упоминаний ассоциата в общем массиве) были выделены 12 наиболее часто упоминаемых респондентами ассоциативных коррелятов трех уровней консенсуального дискурса. Ассоциаты были разбиты на три зоны: ядерная, ближняя и дальняя периферия (в статье описаны и проанализированы наиболее частотные ассоциаты из каждой зоны). Зональное ранжирование осуществлено на основе частотности, прагмааксиологической нагруженности и гипо-гиперонимических, каузативных отношений внутри метаконцептуального пространства. При этом поскольку совокупность данных однородна, формирование полевой структуры происходило на основе определения интервала каждой из зон по формуле:

$$h = \frac{X_{max} - X_{min}}{K}$$

h – величина интервала,

(X_{max} – X_{min}) – размах данных,

K – количество интервалов (3 для полевой структуры).

Были составлены сводные таблицы ассоциативных коррелятов в статистической программе Microsoft Excel, ставшие основой их дальнейшего прагмааксиологического анализа.

Результаты исследования

В ходе анализа результатов психолингвистического ассоциативного анкетирования были выделены наиболее частотные ассоциаты явного языка согласия: «**дружба, счастье, спокойствие, радость, надежда, жизнь, сила, уважение, согласие, гармония, доверие, взаимопонимание**» (см. табл. 1, рис. 1). В ядерную зону вошли такие лексемы как *дружба, счастье, спокойствие, радость*, характеризующиеся сильной позитивной эмоциональной окраской и универсальной внеконтекстной семантикой. Это свидетельствует о том, что базовая социогенная категория «мир» (ключевой маркер явного языка согласия) в ее социальном измерении и сопутствующие ей ценности добрососедства и единства вызывают у респондентов вербальные реакции, отражающие непосредственные эмоциональные переживания. При этом *дружба* – наиболее частотный ядерный ассоциат (198 упоминаний), отражает не только внутреннее эмоциональное переживание, но и его экстериоризацию в конструктивных неформальных горизонтальных связях, основанных на доверии. Зона ближней периферии – *надежда, жизнь, сила и уважение* – включает жизнеутверждающую витальную лексику с выраженными консолидирующими коннотациями. Коррелят *сила* как ресурс социальной солидарности указывает на наличие у респондентов представлений о сплоченности и устойчивости как условии успешного противостояния внешним деструктивным влияниям. В северокавказских культурах поддержание общественного порядка основывается на признании окружающими социального статуса личности на основе силы и авторитета. Трансформация «силы» в конструк-

тивный ресурс, ее перенаправление в русло социального созидания, формирования устойчивых и конструктивных межличностных связей происходит посредством норм традиционного этикета [Сатушиева 2025].

Лексемы *жизнь* и *надежда* – базовые ценности, носящие экзистенциальный характер, отражающие ощущение сопричастности социальному миру и интенцию к формированию устойчивых социальных связей. Наиболее частотные лексемы дальней периферии – согласие, гармония, доверие, взаимопонимание – являются своего рода аксиофреймами (нормативными рамками) социальных отношений, формирующими такие связи и наполняющими коммуникативное пространство позитивным потенциалом и творческой энергией. *Согласие, гармония* и *доверие* – ключевые макросоциальные фреймы, *взаимопонимание* же в большей степени характеризует позитивное межличностное общение. Категория «гармония», отсылающая как к глубинным онтологическим смыслам (в греческой метафизике гармония выступала в качестве созидательного начала бытия, универсального принципа согласования противоположностей в рамках сложного упорядоченного целого [Лосев, Шестаков 1964: 36-84]), так и вытекающим из них социальным коннотациям (гармония как социообразующий принцип, противопоставляющий обезличивающему механическому объединению, активное взаимодействие личностей, вносящих свой вклад в общее благо и сохраняющих при этом свою индивидуальность [Франк 1992: 54-63]).

Таблица 1. Ассоциативный ряд явного языка согласия

№	Ассоциат	Общее количество	Поле
1	**дружба**	198	ядро
2	**счастье**	194	ядро
3	**спокойствие**	190	ядро
4	**радость**	156	ядро
5	**надежда**	125	ближняя периферия
6	**жизнь**	102	ближняя периферия
7	**сила**	101	ближняя периферия
8	**уважение**	84	ближняя периферия
9	**согласие**	62	дальняя периферия
10	**гармония**	61	дальняя периферия
11	**доверие**	56	дальняя периферия
12	**взаимопонимание**	52	дальняя периферия

В целом корреляты явного языка согласия в сознании студенческой молодежи носят сильный жизнеутверждающий характер и витальный заряд, имеющий позитивную эмоциональную окраску. Целый ряд аксио- и соционагруженных лексем раскрывают интенцию к гармонизации межличностных и социальных отношений. Они включают в себя как базовые экзистенциальные и витальные ценности: счастье, радость, жизнь, надежда и гармония, так и ряд нормативно-оценочных понятий: уважение, согласие, доверие, взаимопонимание. Может быть реконструирован вектор психологической реакции респондентов на

маркеры языка явного согласия (от рефлексии к действию): спонтанное эмоциональное переживание (счастье и радость) → категоризация эмоций в рамках базовых витальных ценностей (надежда и жизнь) → проецирование содержания этих ценностей на представления о «добром и справедливом» в социальных отношениях (дружба, гармония) → формирование нормативно-поведенческих установок на позитивное внешнее действие (доверие и взаимопонимание). Язык явного согласия в сознании респондентов функционирует не как абстрактный нормативный конструкт, а как переживаемая и постепенно интериоризируемая практика, обладающая высоким потенциалом для укрепления социального мира и солидарности в полиэтничной среде.

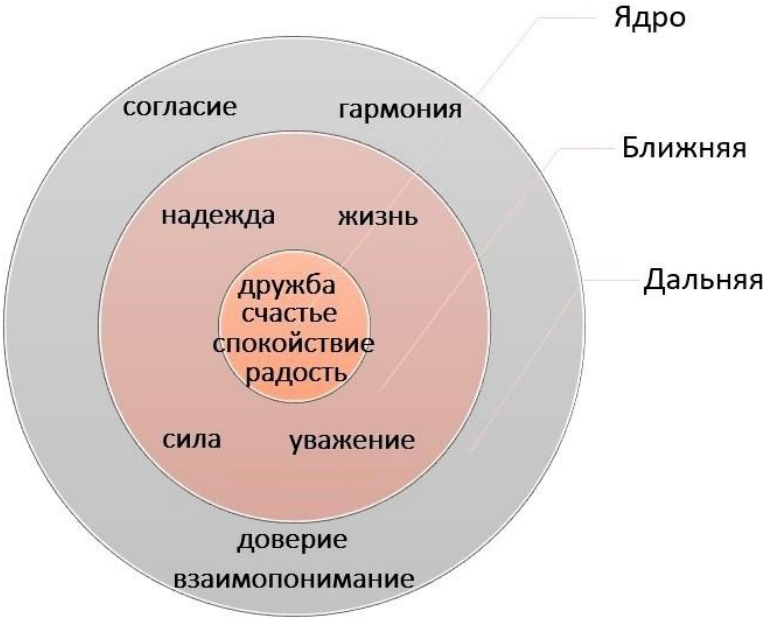

Рис. 1. Структура ассоциативного поля явного языка согласия

Ядерную зону умеренного языка формируют две базовые категории, ориентированные на принятие и установление конструктивного взаимодействия с «другим»: **уважение и понимание**. Данные лексемы носят глубинный характер, коренятся в сложившихся социокультурных практиках межнационального диалога и выступают их нормативно-аксиологической основой. Для поликультурного Северного Кавказа их значимость особенно высока. Присутствие этих категорий именно в ядре функционально-семантического поля среднего языка согласия свидетельствует о том, что эти установки не только сохраняются в социальной памяти, но и успешно транслируются новым поколениям. *Уважение* (247 упоминаний) – ключевой ядерный ассоциат, значительно опережающий другие по частотности упоминаний. Это в определенной мере свидетельствует, что ключевые маркеры умеренного языка согласия (равенство, диалог культур, принятие другого;) активируют сложившиеся в сознании респондентов установки на признание самоценности и достоинства «другого». Второй по частотности ядерный коррелят *понимание* (171 упоминание) можно интерпретировать как отражение установки на активную интерпретацию «другого», а не пассивную конформность либо радикальное отторжение. В праксеологическом измерении такая

установка может стать когнитивным фундаментом развития у молодежи навыков межкультурной коммуникации.

Социальный гармонизирующий потенциал уважения и понимания раскрывается через широкий ассоциативные ряд ближней периферии: «**помощь, дружба, справедливость, любовь, эмпатия и толерантность»**. Она включает в себя как базовые аксиологические категории, формирующие основу конструктивных социальных отношений – *справедливость, любовь* и *эмпатия*, так и лексемы, наполняющие такие отношения их практическим содержанием – *помощь, дружба и толерантность*. Наиболее частотная ядерная лексема явного согласия «*дружба*» смещается в ближнюю периферию. Вероятно, это отражает дифференциацию в сознании респондентов дружбы как желаемого ориентира и дружбы как повседневной практики. Дружба как межличностная взаимосвязь, равно как и справедливость в ее социально-практическом выражении становятся возможными только при наличии нормативных рамочных установок на уважение и понимание. Дальняя периферия включает корреляты в большей степени характеризующие повседневные практики конструктивных межличностных отношений – **принятие, обмен, поддержка и диалог** (см. табл. 2, рис. 2). Выявлена относительно низкая частотность лексемы *диалог* (72 упоминания). Диалог – одна из ключевых, но более теоретически нагруженных категорий, в сознании респондентов она приобретает размытый характер, и является менее употребляемой в спонтанном повседневном молодежном дискурсе. Лексема *обмен* – прагматико-инструменталистская, отражает скорее положительный результат конструктивных межличностных отношений. Вербальные реакции молодых людей отражают их ориентированность на конкретную социальную деятельность, носящую в большей степени практический, а не ценностно-теоретический характер.

Таблица 2. Ассоциативный ряд умеренного языка согласия

№	Ассоциат	Общее количество	Поле
1	**уважение**	247	ядро
2	**понимание**	171	ядро
3	**помощь**	160	ближняя периферия
4	**дружба**	136	ближняя периферия
5	**справедливость**	135	ближняя периферия
6	**любовь**	112	ближняя периферия
7	**эмпатия**	98	ближняя периферия
8	**толерантность**	88	ближняя периферия
9	**принятие**	82	дальняя периферия
10	**обмен**	77	дальняя периферия
11	**поддержка**	75	дальняя периферия
12	**диалог**	72	дальняя периферия

В целом умеренный язык согласия опирается на глубинные нравственные ориентиры – уважение и понимание. Их проекция в область конкретных социальных отношений актуализирует целый ряд стандартов и норм, формирующих

гармоничные отношения как на макро-, так и на микросоциальном уровне. Ассоциативные корреляты умеренного языка согласия демонстрируют сдвиг от экзистенциальной эмоционально-экспрессивной оценочной рефлексии к нормативно-прагматическому моделированию социальных связей. Ряд ключевых коррелятов явного согласия отражают эмоциональные реакции респондентов и активируют в их сознании преимущественно экзистенциальные и эмоционально насыщенные переживания (*счастье, спокойствие, радость* и *надежда*), которые через витальную аксиологизацию формируют установки на позитивную социальную деятельность (на базе *доверия* и *взаимопонимания*). При рецепции умеренного языка согласия просматривается интенция к практическому достижению гармоничного и справедливого социального взаимодействия. Респонденты воспринимают такое взаимодействие не только в качестве аксиологического ориентира, но и как реализуемые на основе уважения и взаимопонимания общественные практики.

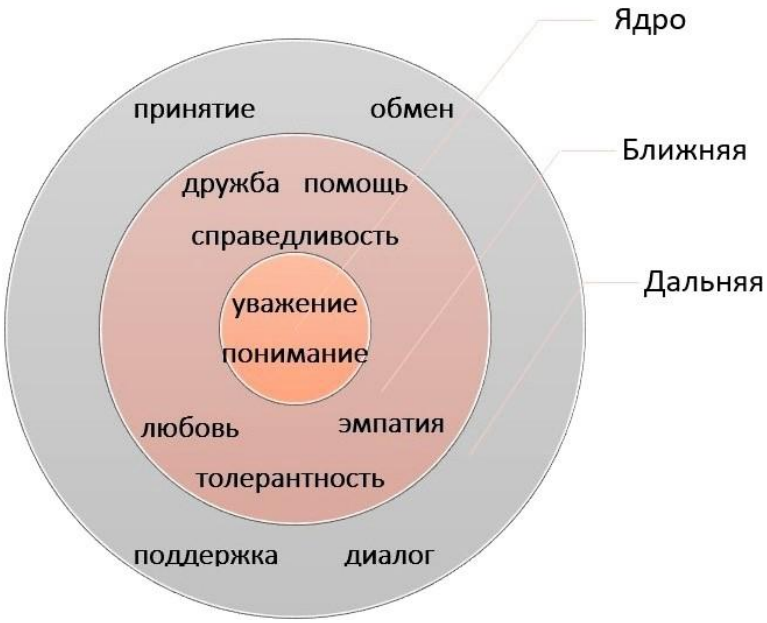

Рис. 2. Структура ассоциативного поля умеренного языка согласия

Ядерная зона мягкого языка согласия наряду с выраженной макросоциальной нормативной направленностью содержит установку на эмоциональную близость: «**поддержка, любовь, понимание, единство**». Лексема «*поддержка*» выступает доминантой ядерной зоны (202 упоминания), что можно интерпретировать как восприятие респондентами маркеров мягкого согласия прежде всего через призму взаимопомощи и деятельностного участия. Поддержка – одна из универсальных социальных категорий, в большей степени присуща более традиционным национальным северокавказским культурам, в которых сильны взаимовыручка и коллективистские начала. Наряду с поддержкой, другие ядерные лексемы – *любовь, понимание* и *единство* задают нормативно-аксиологическую рамку здоровой социальной среды, где поддержка становится не просто желаемым, но работающим и воспроизводимым механизмом взаимодействия. *Любовь* – второй по частотности коррелят (146 упоминаний) ядерной зоны ассоциативного поля мягкого согласия. Любовь как ценность, норма и ориентир имеет не только этнокультурные, но и более

глубинны и универсальные религиозные основания. В двух мировых теистических религиях, широко представленных на Кавказе – христианстве и исламе, любовь понимается в качестве фундаментального божественного атрибута (Евангелие от Иоанна – «Бог есть любовь», исламские религиозно-философские школы [Ибрагим, Ефремова 2018]) и высшего проявления божественной милости (рахма в исламе). Социальные отношения, основанные на любви, получают в сознании респондентов высшее по сравнению с утилитарно-прагматическим, духовно-культурное обоснование. *Поддержка*, *понимание* и *единство* конкретизируют и операционализируют *любовь*, переводя ее из абстрактной этико-аксиологической категории в практику межличностных отношений. Ближняя периферия – «**взаимопомощь, интерес, уважение, добро**» задает рамки социального взаимодействия, дополняя их нормативно-ценностный каркас (*уважение* и *добро*) прагма-этическим компонентом (*взаимопомощь* и *интерес*). Дальняя периферия характеризует микросоциальный уровень гармоничного социального взаимодействия: «**тепло, открытость, работа, расположение**» (см. табл. 3, рис. 3). В сознании респондентов здесь соединяются конструктивная коллективная деятельность (*работа* и *открытость*) и сопутствующая им позитивная эмоциональная атмосфера, создающая условия комфортного межличностного взаимодействия (*тепло* и *расположение*).

Таблица 3. Ассоциативный ряд мягкого языка согласия

№	Ассоциат	Общее количество	Поле
1	**поддержка**	202	ядро
2	**любовь**	146	ядро
3	**понимание**	144	ядро
4	**единство**	136	ядро
5	**взаимопомощь**	103	ближняя периферия
6	**интерес**	94	ближняя периферия
7	**уважение**	88	ближняя периферия
8	**добро**	87	ближняя периферия
9	**тепло**	58	дальняя периферия
10	**открытость**	57	дальняя периферия
11	**работа**	56	дальняя периферия
12	**расположение**	53	дальняя периферия

В целом поле наиболее частотных коррелятов мягкого языка согласия отражает в большей мере практико-ориентированные установки респондентов, активированные в их сознании основными вербальными маркерами данного уровня (*солидарность, коллективизм* и *сотрудничество*). Прагмааксиологический анализ ассоциативного поля трех уровней языка согласия позволит не только выявить различные аспекты представлений молодых людей в этой сфере, но и построить функционально-психологическую модель его рецепции и последующей прагматизации: маркеры явного согласия активируют в сознании витальный эмоциональный идеал (*счастье, радость* и *жизнь*), умеренного – формируют универсальные нормативные условия социальных связей (*уважение, понимание* и *справедливость*), мягкого – раскрывают повседневные механизмы поддержания

согласия через социальную деятельность и межличностные установки. В сознании северокавказской молодежи метаконцепт СОГЛАСИЕ включает в себя как этико-аксиологические, так и прагматические компоненты. Его процессуально-динамическое развертывание подразделяется нами на три основных последовательных этапа: эмоциональное переживание → нормативное осмысление → практическая реализация.

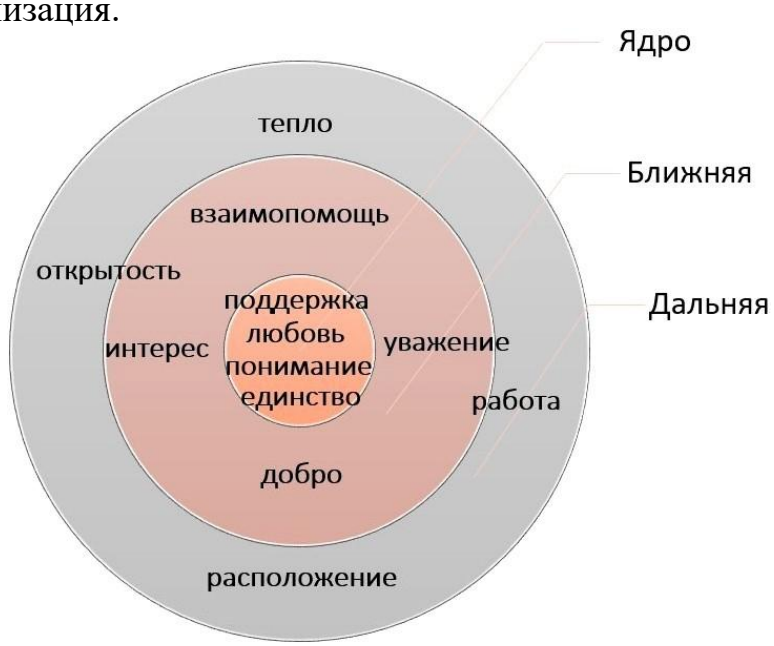

Рис. 3. Структура ассоциативного поля мягкого языка согласия

Общий анализ структуры ассоциативных полей коррелятов явного, умеренного и мягкого языка согласия, в которых присутствует ряд «сквозных» лексем, позволяет проследить когнитивный отклик на предложенные маркеры-вербализаторы, их ассоциативное развертывание и семантическую деривацию (см. табл. 4, рис. 4).

Таблица 4. Ассоциативные ряды явного, умеренного и мягкого языка согласия

Явный		**Умеренный**		**Мягкий**	
Ассоциат	**Общее кол-во**	**Ассоциат**	**Общее кол-во**	**Ассоциат**	**Общее кол-во**
дружба	198	**уважение**	247	**поддержка**	202
счастье	194	**понимание**	171	**любовь**	146
спокойствие	190	**помощь**	160	**понимание**	144
радость	156	**дружба**	136	**единство**	136
надежда	125	**справедливость**	135	**взаимопомощь**	103
жизнь	102	**любовь**	112	**интерес**	94
сила	101	**эмпатия**	88	**уважение**	88
уважение	84	**толерантность**	98	**добро**	87
согласие	62	**принятие**	82	**тепло**	58
гармония	61	**обмен**	77	**открытость**	57
доверие	56	**поддержка**	75	**работа**	56
взаимопонимание	52	**диалог**	72	**расположение**	53

Частотный максимум *уважения* (наиболее частотный коррелят ядерной зоны) приходится на поле умеренного языка согласия, что можно интерпретировать как восприятие этой лексемы респондентами в качестве ключевого нормативного условия социального взаимодействия. *Понимание* входит в ядро умеренного и мягкого языка согласия – можно сделать вывод, что оно воспринимается молодыми людьми в качестве и нормативной основы, и результата конструктивного межличностного общения. *Дружба* – первый по частотности ядерный коррелят явного языка согласия – в ассоциативном поле умеренного языка согласия смещается в зону ближней периферии. Дружба для молодежи в большей степени идеал, задающий нормативные условия социального взаимодействия. В поле мягкого языка согласия дружба трансформируется в *любовь* (рост частности от умеренного языка согласия к мягкому). Это представляет определенный интерес и свидетельствует о восприятии респондентами любви не столько через эмоциональную рефлексию, сколько через заботу и взаимопомощь. *Поддержка* поднимает из зоны дальней периферии умеренного языка согласия в ядро мягкого языка согласия, тем самым однозначно связываясь респондентами с практической стороной социального взаимодействия.

Рис. 4. Структура ассоциативного поля высокого, среднего и мягкого языка согласия

Уважение – единственный коррелят, вошедший в ассоциативные поля всех трех уровней языка согласия – в сознании респондентов эта лексема отражает и позитивное эмоциональное переживание, и интеракционный императив, обеспечивающий устойчивость социального взаимодействия, и практический результат конструктивного межличностного диалога. Можно предположить, что это связано и с влиянием на молодежь традиционного северокавказского социокультурного контекста. В национальных культурах Кавказа уважение – одна из фунда-

ментальных ценностей, базовый нормативный регулятив социальных отношений, атрибут достойного и благородного человека [Сатушиева 2025; Бутовская, Буркова, Имамеев 2026]. Лексема *понимание* входит в ядро двух уровней языка согласия (умеренного и мягкого), что указывает на восприятие ее респондентами в качестве связующего звена между нормой и практикой социального взаимодействия.

Заключение

На основе анализа гармонизирующего дискурса было дано определение языка согласия как совокупности языковых единиц, которые используются для минимизации конфликтогенности, выражения солидарности и поддержания речевого консенсуса. Была предложена его трехуровневая классификация: явный, умеренный и мягкий, выделены основные маркеры каждого уровня. Полученный в ходе психолингвистического ассоциативного анкетирования массив коррелятов явного, умеренного и мягкого языка согласия позволил сформировать актуальные для полиэтничной северокавказской молодежи ассоциативные ряды. Было установлено, что абстрактные призывы к миру, согласию и межнациональному диалогу не будут работать без активирования функционально-психологического механизма их экстериоризации, переводящего скрытые внутренние чувства и установки в конкретные внешние действия, формирующие социальные отношения. Модель такой экстериоризации предполагает три этапа, соответствующих рецепции трех уровней языка согласия: маркеры явного согласия активируют в сознании витальный аксио-эмоциональный ориентир, умеренного – формируют универсальные нормативные условия социальных связей, мягкого – раскрывают повседневные механизмы поддержания согласия через социальную деятельность и межличностные установки.

В сознании северокавказской молодежи представления, актуализируемые маркерами языка согласия, охватывают как этико-аксиологические, так и прагматические компоненты. Его процессуально-динамическое развертывание включает в себя три основных стадии:

– эмоциональное переживание (вербальные маркеры-активаторы: мир, любовь, единство; характерные эмоциональные корреляты: *дружба, счастье, спокойствие, радость*; социально-психологическая функция: формирование позитивного эмоционального отношения к семантике согласия);

– нормативное осмысление (вербальные маркеры: равенство, диалог культур, принятие другого; характерные корреляты: *уважение, понимание, помощь, справедливость*; социально-психологическая функция: интериоризация принятых в обществе этических норм, обеспечивающих конструктивное социальное взаимодействия);

– практическая реализация (вербальные маркеры: солидарность, коллективизм, сотрудничество; характерные корреляты: *поддержка, взаимопомощь, интерес, уважение, работа*; социально-психологическая функция: экстериоризация принятых индивидом в ходе предыдущего этапа норм в повседневные практики межличностного взаимодействия).

В целом выявленные ряды ассоциативных коррелятов свидетельствуют о социальном оптимизме, здоровой морально-психологической атмосфере в полиэтничной студенческой молодежной среде, сформированности в сознании нового поколения интенции к диалогу и сотрудничеству с людьми разных национальностей и вероисповеданий: *уважение* – «сквозной» коррелят, вошедший в ассоциативные поля всех трех уровней языка согласия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев, Бредихин, Воробьев 2025 – *Авдеев Е.А., Бредихин С.Н., Воробьев С.М.* Социально-политический образ современной России в представлениях студенческой молодежи Северного Кавказа // Регионология. – 2025. Т. 33, № 3(132). – С. 549-565. – DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202503.549-565.

Бутовская, Буркова, Имамеев 2026 – *Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Имамеев Э.Р.* Уважение к старшим как социальная норма в современном карачаевском обществе // Этнография. – 2026. – № 1(31). – С. 50-79. – DOI: 10.31250/2618-8600-2026-1(31)-50-79.

Воденко 2017 – *Воденко К.* Ресурс межнационального согласия в молодежной среде российского обществ // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 11(305). – С. 5-16.

Дробижева 2015 – *Дробижева Л.М.* Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 80-90.

Ибрагим, Ефремова 2018 – *Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* О любви как фундаментальном атрибуте Бога в теологии Ибн-Сины. Minbar. Islamic Studies. – 2018. № 11(2). – С. 283-295. – DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-2-283-295.

Лосев, Шестаков 1964 – *Лосев А.Ф., Шестаков В.П.* История эстетических категорий. Москва: «Искусство», 1964. – 376 с.

Сатушиева 2025 – *Сатушиева Л.Х.* Кодекс чести народов Кавказа как нравственно этический регулятор общественных отношений // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 2. – С. 40-44. – DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-40-44.

Социокультурные основы… 2024 – *Социокультурные основы* Российской идентичности молодежи Северного Кавказа: ценностные трансформации и сетевые репрезентации / А.М. Ерохин, Е.А. Авдеев, С.Н. Бредихин [и др.]. – Ставрополь: «Бюро новостей», 2024. – 324 с.

Франк 1992 – *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. – 511 с.

Шишкин 2024 – *Шишкин Б.А.* Вариативность нарратива гармонизации сетевой коммуникации в медиадискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 3. – С. 135-150. – DOI: 10.29025/2079-6021-2024-3-135-150.

Pieragostini, Casara, Suitner 2017 – *Pieragostini F., Casara B.G.S., Suitner C.* Interethnic Communication // Oxford Research Encyclopedia of Communication. – Oxford University Press. 2017. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.473.

Yuliasari, Sari 2022 – *Yuliasari U., Sari M.M.* The Role of Language in Shaping Intergroup Relations: Fostering Harmony in Multicultural Societies // Transformational Language Literature and Technology Overview in Learning (Transtool). – 2022. – Vol. 1, No. 4. – P. 13-18. – DOI: 10.55047/transtool.v1i4.1365.

REFERENCES

AVDEEV E.A., BREDIKHIN S.N., VOROB`EV S.M. *Sotsial'no-politicheskiy obraz sovremennoy Rossii v predstavleniyakh studencheskoy molodezhi Severnogo Kavkaza* [The socio-political image of modern Russia in the perceptions of student youth in the North Caucasus]. IN: *Regionologiya*. – 2025. T. 33, № 3(132). – P. 549-565. – DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202503.549-565. (In Russ.).

BUTOVSKAYA M.L., BURKOVA V.N., IMAMEEV E.R. *Uvazhenie k starshim kak sotsial'naya norma v sovremennom karachaevskom obshchestve* [Respect for elders as a social norm in

modern Karachay society]. IN: *Etnografiya*. – 2026. – № 1(31). – P. 50-79. – DOI: 10.31250/2618-8600-2026-1(31)-50-79. (In Russ.).

DROBIZHEVA L.M. *Potentsial mezhnatsional'nogo soglasiya: osmyslenie ponyatiya i sotsial'naya praktika* [The Potential for Interethnic Harmony: Understanding the Concept and Social Practice in Moscow]. IN: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2015. – № 11. – P. 80-90. (In Russ.).

FRANK S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992. – 511 p. (In Russ.).

IBRAGIM T.K., EFREMOVA N.V. *O lyubvi kak fundamental'nom attribute Boga v teologii Ibn-Siny* [On Love as a Fundamental Attribute of God in the Theology of Ibn Sina]. IN: *Minbar. Islamic Studies*. – 2018. № 11(2). – P. 283-295. – DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-2-283-295. (In Russ.).

LOSEV A.F., SHESTAKOV V.P. *Istoriya esteticheskikh kategoriy* [History of aesthetic categories]. Moscow: « Iskusstvo », 1964. – 376 p. (In Russ.).

PIERAGOSTINI F., CASARA B.G.S., SUITNER C. *Interethnic Communication*. IN: *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. – Oxford University Press. 2017. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.473.

Satushieva L.K. *Kodeks chesti narodov Kavkaza kak nravstvenno eticheskiy regulyator obshchestvennykh otnosheniy* [The Code of Honor of the Peoples of the Caucasus as a moral and ethical regulator of social relations]. IN: *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. – 2025. – № 2. – P. 40-44. – DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-40-44. (In Russ.).

SHISHKIN B.A. *Variativnost' narrativa garmonizatsii setevoy kommunikatsii v mediadiskurse* [Variability of the narrative of harmonization of network communication in media discourse]. IN: Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2024. – № 3. – P. 135-150. – DOI: 10.29025/2079-6021-2024-3-135-150. (In Russ.).

Sotsiokul'turnye osnovy Rossiyskoy identichnosti molodezhi Severnogo Kavkaza: tsennostnye transformatsii i setevye reprezentatsii [Sociocultural foundations of the Russian identity of the youth of the North Caucasus: value transformations and network representations] / Ed. by Erokhin A.M., Avdeev E.A., Bredikhin S.N. [etc.]. – Stavropol: «Byuro novostey», 2024. – 324 p. (In Russ.).

VODENKO K. *Resurs mezhnatsional'nogo soglasiya v molodezhnoy srede rossiyskogo obshchestva* [The resource of interethnic harmony in the youth environment of Russian societies]. IN: *Rossiya i musul'manskiy mir*. – 2017. – № 11(305). – P. 5-16. (In Russ.).

YULIASARI U., SARI M.M. The Role of Language in Shaping Intergroup Relations: Fostering Harmony in Multicultural Societies. IN: Transformational Language Literature and Technology Overview in Learning (Transtool). – 2022. – Vol. 1, No. 4. – P. 13-18. – DOI: 10.55047/transtool.v1i4.1365.

Информация об авторе

С.М. Воробьев – эксперт кафедры философии и этнологии Гуманитарного института; кандидат политических наук.

Information about the author

S.M. Vorobiev – Expert at the Department of Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute; candidate of political sciences.

Статья поступила в редакцию 11.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 11.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-470-480
EDN: VDOBXP

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Лариса Ханбиевна Хараева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, larisa_Kharaeva@ramler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8993-164X

Аннотация. Цель настоящей работы – сопоставительный анализ глаголов мышления, составляющих одну лексико-семантическую группу, являющихся опорными для данной единой понятийной категории слов. Современная семантика в работах о лексико-семантических группах рассматривает языковые единицы в рамках понятийных категорий, включая грамматические классы, семантическую классификацию лексических значений, такие как конкретные, абстрактные, главные, второстепенные и т.д. В сопоставительных исследованиях большое значение придается тематической и культурно-национальной специфике сопоставляемых единиц одной понятийной категории. В задачи исследования входит семантический и структурный анализ глаголов мышления на материале разносистемных языков, выявление их культурно-национальной специфики, поиск универсальных и специфических характеристик слов. Актуальность и научная новизна работы состоит в том, что впервые проводится семантический анализ денотативной области в интеллектуальной сфере на материале кабардино-черкесского языка. Парадигма кабардино-черкесских глаголов интеллектуальной деятельности никогда не освещалась в научной литературе. В ходе анализа выстраивается лексико-семантическое поле глаголов мышления, находящихся в различных отношениях между собой. Сопоставительный анализ проводится с учетом и на фоне данных русского языка, которые получили определенную степень научного освещения.

Ключевые слова: семантика; понятийная категория; лексико-семантическая группа; многозначность; предикат.

Для цитирования: Хараева Л.Х. Семантическая структура глаголов интеллектуальной деятельности (на материале русского и кабардино-черкесского языков) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 470-480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-470-480. EDN: VDOBXP.

© Хараева Л.Х., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

SEMANTIC STRUCTURE OF VERBS OF INTELLECTUAL ACTIVITY (BASED ON THE RUSSIAN AND KABARDIAN-CHERKESSIAN LANGUAGES)

Larisa Kh. Kharaeva
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, larisa_Kharaeva@ramler.ru, https://orcid.org/0000-0002-8993-164X

Abstract. The purpose of this work is a comparative analysis of the verbs of thinking that make up one lexical-semantic group and are the reference points for this single conceptual category of words. Modern semantics in works on lexical-semantic groups considers linguistic units within conceptual categories, including grammatical classes, semantic classification of lexical meanings, such as concrete, abstract, main, secondary, etc. In comparative studies, great importance is given to the thematic and cultural-national specificity of the compared units of one conceptual category. The objectives of the study include the semantic and structural analysis of thinking verbs in different languages, the identification of their cultural and national specifics, and the search for universal and specific characteristics of words. The relevance and scientific novelty of the work lie in the fact that this is the first study to conduct a semantic analysis of the denotative domain in the intellectual sphere using the Kabardian-Cherkess language. The paradigm of Kabardian-Cherkess verbs of intellectual activity has never been covered in the scientific literature. During the analysis, a lexical-semantic field of verbs of thinking is built, which are in various relationships with each other. The comparative analysis is carried out taking into account and against the background of the data of the Russian language, which have received a certain degree of scientific coverage.

Keywords: semantics; conceptual category; lexical-semantic group; polysemy; predicate

For citation: Kharaeva L.Kh. Semantic structure of verbs of intellectual activity (based on the Russian and Kabardian-Cherkessian languages). IN: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 470-480. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-470-480. EDN: VDOBXP.

© Kharaeva L.Kh., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

Основной интегральный компонент семантики мышления – это мыслительная деятельность. Этот признак является доминирующим при номинации мыслительных актов, при образном их переосмыслении в процессах номинации иных фрагментов с использованием когнитивного механизма уподобления разных сфер. В системе метафорических переносов выявляется группа образных уподоблений на основе актуализации какого-либо параметра мыслительной деятельности.

Языковое оформление мыслительной деятельности индивидуализирует структурацию и систематизацию окружающего мира в каждом конкретном языке. Воспроизведение мыслительного акта в слове представляет собой репрезентацию действительности и ее отражательную интерпретацию. Слово не является «простым обозначением вещи, акта и т.д., ее чувственно воспринимаемым эквивалентом, но является результатом языкотворческого процесса, в котором отражаются акты интерпретации языка человеком. Следовательно, структурообразующими элементами образа внеязыковой действительности в сознании человека служат не только этнические константы, репрезентируемые в культурных стереотипах, но также специфика вербализации ментальных единиц, в той или иной степени маркируемых языковой системой» [Монина 2010: 184]. Язык транслирует этническую ментальность, охватывающую совокупность унаследованных идей, практических навыков, обрядности и пр., характерных для образа жизни и жизнедеятельности коллектива и индивида.

Существует множество способов членения мира и иерархизации понятий и представлений, вследствие чего языковой знак имеет возможность передавать

денотативное содержание – объективный смысл, а также интерпретировать его – субъективный смысл. Поэтому исходный языковой знак, принадлежащий одной денотативной области, в каждом языке наделен своей спецификой. Многоуровневая реализация языковой картины мира обусловливает национальную ментальность. Наибольшим предметным содержанием концептуальной структурации мира обладает лексический уровень языка, который часто становится объектом сопоставительного анализа.

Научная новизна и актуальность статьи обусловлены тем фактом, что глаголы мыслительной деятельности никогда не подвергались структурно-семантическому анализу. Подобное исследование может способствовать углублению понимания механизма вербализации сегмента ментальной сферы языка, охватывающей интеллектуальную денотативную область. Цель статьи – выявить структуру и модели предикатов глаголов мыслительной деятельности на материале кабардино-черкесского языка в сопоставлении с русскими.

Материалом исследования служат словарные дефиниции глаголов в русском и кабардино-черкесском языках, извлеченные из словарей русского и кабардино-черкесского языков.

Методы. Для нашего исследования релевантными являются современные подходы в рамках когнитивного и лингвокультурологического методов, а также традиционный семантико-дефиниционный метод анализа языковых единиц. Сопоставительный анализ необходим для выявления сходства и различия в вербализации интеллектуальной деятельности на материале двух разноструктурных и разносистемных языков.

Результаты и обсуждение

Мыслительная деятельность является проявлением деятельности структурообразующих принципов. Структурообразующие принципы лежат в основе правил, в соответствии с которыми конструируются, выделяются отдельные феномены из общего континуума сознания, представляемого как «непрерывный поток» образов, мыслей, идей. Структурообразующие принципы обусловливают правила мыслительной деятельности, основными операциями которой являются операции анализа и синтеза, осуществляющие взаимообратный перевод воспринятой информации из дискретного, проанализированного в континуальный, синтезированный вид. Наделенное способностью структурирования выделенных дискретных образований, мышление объединяет их в единую систему, определяет связи и отношения между разделенными феноменами сознания. Таким образом, мыслительная деятельность позволяет структурировать континуум сознания до элементов, которым следует приписать определенные значения и далее организовывать в системы, в соответствии с правилами того или иного языка [Калинин 2011: 57-58].

Язык – это семиотическая система, способ существования, закрепления и выражения мысли, способ передачи информации. Мыслительный процесс декодирует информацию в форму психических идеальных образов. Функция мышления состоит в переводе материального на язык идеального. Современная когнитивная наука отождествляет мыслительный процесс и речевую деятельность.

Мысль порождается в процессе речевого общения, обретая форму идеального образа. Эти мысли перекликаются с мыслями В. Гумбольдта, говорившего, что «язык и духовные силы функционируют не раздельно друг от друга и не последовательно один за другим, но составляют нераздельную деятельность разума» [Звегинцев 1964: 88].

В данной статье мыслительная и интеллектуальная деятельность являются синонимами. Под интеллектом понимается способность заключать и понимать суждения, что является неотъемлемой составляющей мышления, мыслительной деятельности. В научной литературе также встречается термин «ментальные предикаты». К ним относятся прежде всего глагольные единицы, которые «обычно связываются со сферой умственной деятельности и рассматриваются в рамках различных семантических классов, подклассов, имеющих отношение к ментальности» [Каныгина 2012: 83].

Анализ глаголов интеллектуальной деятельности следует предварить рассуждениями о лингвокультурной природе понятия «интеллект». Интеллект – это многомерное структурное образование, включающее необходимые витальные составляющие, такие как ум, рассудок, рациональность, познание, способности к умственному труду и пр., а именно «его понятийная составляющая будет включать в себя, прежде всего, все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области… Понятийная составляющая лингвокультурного концепта формируется… из семантики членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт» [Воркачев 2014: 27].

Одним из лексических рядов, соотносительных с интеллектом, являются глаголы ментальной сферы, в которой «одну из групп класса глаголов интеллектуальной деятельности составляют глаголы мышления, представленных такими единицами, как *мыслить, думать, вникать, раздумывать, продумывать, заблуждаться, соображать, помышлять, подразумевать* и др. Синонимический ряд с доминантой *думать* составляет ядро этой лексико-семантической группы [Гуднов 2012: 35; Полонская]. В целом исследователями выделяются «базовые синонимические ряды из трех ядерных ЛСГ класса: с доминантами думать (9 единиц), понять (18 единиц) и узнать (8 единиц). Доминанты данных синонимических рядов являются базовыми идентификаторами указанных ЛСГ» [Зиновьева, Гуднов 2014: 217].

В структурном плане грамматические конструкции с глаголами интеллектуальной деятельности объединяет семантическая направленность. Функционирование предиката заключается в отражении ситуации мыслительной деятельности. Процесс мышления не может происходить вне и независимо от субъекта и объекта указанного действия.

Мыслительная деятельность в русском языке представлена основными глаголами *думать, мыслить, знать, понять-понимать* [Степанова 1976: 45]. Глагол *думать* имеет значения: 1) размышлять, предаваться раздумью; 2) полагать, счи-

тать, предполагать; 3) намереваться, собираться сделать; 4) заботиться, беспокоиться о ком-, чем-либо [Даль 2022: 302-303; Ожегов 2013: 169]. Многозначность глагола *думать* проявляется в определенных конструкциях. Значение «размышлять, предаваться раздумью» присутствует в сочетаниях *думать о ком, -о чем, -над чем.* Объектные формы глагола думать называют предмет мысли.

Объектные формы глагола *думать* называют предмет мысли, связывая процесс мышления с определенной темой. Употребленный в значении размышлять, предаваться раздумьям, глагол думать приобретает эмоциональную окрашенность за счет слов, обозначающих эмоции, сопровождающих процесс мышления: *думать с грустью, радостью, в гневе* и т.д.

Думать над чем-либо указывает направление мысли, направление интеллектуальной деятельности: *думать над чем-либо, то есть работать над проектом, проблемой, планом, задачей.* Глагол обозначает признак называемого процесса, направленного на результат, то есть обозначает процесс мышления, требующего определенного решения. Безобъектное использование глагола отражает процесс интеллектуальной деятельности как таковой, не направленный на объект. Конкретизация значения реализуется при помощи характеризующих слов, например: *думать образами, думать легкомысленно* и т.д.

Значение «полагать, предполагать» у глагола *думать* реализуется в сложном предложении с изъяснительным придаточным, введенным союзом что или бессоюзным предложением: *думать, что.* Глагол *думать* в этом значении имеет модальное значение, так как выражает мнение. Глагол *думать* имеет определенную шкалу активности процесса мыслительной деятельности от постановки проблемы, которая требует решения до простой констатации действия.

Глагол *думать* имеет также значение подозревать кого-либо, считать виновным в словосочетании *думать на кого. Думать* в сочетании со смысловым глаголом в инфинитиве приобретает значение намерения, что-либо сделать. Модальное значение намерения говорит лишь о потенциальной возможности реализации действия в будущем, но не само действие. И наконец, глаголу думать присуще значение *«заботиться, беспокоиться о ком- или чем-либо».*

Глагол *мыслить* имеет основные значения: 1) рассуждать и делать выводы; 2) представлять в мыслях, воображать; 3) рассчитывать, предполагать [Даль 2022: 563; Ожегов 2013: 345]. В первом значении глагол мыслить может реализоваться без зависимых слов. В то же время оно может употребляться и в сочетании с наречиями и существительными, которые могут являться различными характеристиками процесса мышления: *мыслить конкретно, абстрактно, поверхностно, глубоко, умозрительно, с предубеждением, диалектически* и т.п., а также *мыслить социально-политическими, экономическими, научными категориями и формулами, мыслить в отвлеченных, абстрактных, конкретных категориях, мыслить согласно правилам, принципам и критериям* и т.д. В этом значении глагол *мыслить* имеет сходные семантические характеристики с глаголом *действовать,* в его содержании реализуются значения активности, динамики обозначаемого процесса. Мышление предстает как организованный процесс действия.

Глагол *мыслить* в значении «представлять, воображать» имеет коннотацию величия, важности воображаемого, мыслимого объекта, явления, личности и т.д.

Частица *не* в сочетании с глаголом *мыслить* приобретает модальность невозможности, недопущения действия по каким-либо причинам. Значения намерения действия реализуется в последнем значении рассматриваемого глагола.

Глагол *знать* имеет следующие значения: 1) иметь сведения о ком-, чем-либо; 2) обладать знанием чего-либо, иметь специальные познания в какой-либо области; уметь что-либо делать; 3) быть знакомым с кем-либо, узнавать, отличать от других; 4) понимать, осознавать, отдавать себе отчет в чем-либо; 5) испытывать, переживать; 6) соблюдать что-либо, считаться, признавать; 7) формы знаешь, знаете в функции вводного выражения, употребляемые с целью обратить внимание собеседника на тему разговора [Даль 2022;372-373; Ожегов 2013: 216]. Представим сочетаемость глагола знать. При субъекте – одушевленном лице – объекты глагола *знать* следующие: они могут быть выражены: именем существительным (местоимением) в предложном падеже (о ком, о чем) – Я знаю о нем; именем существительным (местоимением) винительном падеже (кого, что) – Ты знаешь его. К именам существительным (объектам), определяющим значение глагола *знать,* относятся: лица одушевленные; области знания; эмоции, состояния; существительные неодушевленные. Объект может быть выражен придаточным изъяснительным – *знать, что*…. Общим у всех этих объектов является один признак – информация при частных различиях. Объект в форме предложного падежа содержит указание на наличие информации, но без ее раскрытия. Объект в винительном падеже обозначает наличие информации, ограниченной названным явлением. Придаточное предложение несет информацию как определенное конкретное суждение.

Глагол знать имеет два дифференцированных признака - информация, наличие. Можно признать, что разные значения глагола - частные модификации одного значения, связанные признаком «наличие информации». При субъекте – предмете наличествует одна форма подчинительной связи в винительном падеже (*природа знает*) или при отрицании в родительном падеже (типа *знать не менее*). Вводное слово *знаешь, знаете* выполняет исключительно прагматико-коммуникативную функцию, служит для привлечения внимания к какой-либо информации.

Глаголы *понять / понимать* образуют видовую пару, но при этом каждый имеет свои отличительные семантические признаки. В структуре глагола *понять* имеются два значения: 1) уяснить себе, усвоить смысл, содержание (*понять контекст, ситуацию, проблему, взгляды, мысли, слова, намерения, поступки*); 2) признать, оценить по достоинству (*понять поэта, творчество)*. Глагол понять совершенного вида и имеет значение результата процесса мышления и в этом значении совпадает с глаголом *думать.* [Даль 2022: 651; Ожегов 2013: 520].

В отличие от совершенного глагола *понять* несовершенный глагол *понимать* обозначает процесс понимания как данность, статичное состояние, осмысление процесса (*понимать смысл жизни* и т.п.). Семантика глагола *понимать* сближает его с глаголом *знать,* т.е. владеть информацией. В этом значении отмечается близость глаголов *думать, считать, полагать* и *понимать.*

В кабардино-черкесском языке группа глаголов интеллектуальной деятельности представлена глагольными единицами, такими как: *гупсысэн / думать,*

мыслить; егупсысын / думать, мыслить, щIэгупсысын / задуматься над чем-то, переживать, волноваться о ком- или о чем-либо, осмысливать, переосмысливать что-либо, намереваться; гугъэн / полагать, надеяться; гурыIуэн / понимать, къыгурыIуэн / понять, сообразить; хэщIыкIын / разбираться в какой-либо области; зыхэщIыкIын / сообразить, разбираться; лъытэн / считать, полагать; къэлъытэн / считать, полагать, сделать вывод; тIэсэн, къитIэсэн / охватить умом; щыуэн / заблуждаться, ошибаться; щхьэрыуэн / ошибиться; щIэн / знать; зыхэщIэн / понять; къэщIэн / узнать, изучить; хъэгъуэзэн / вникнуть; къигъэкIын / подразумевать; къикIын / подразумеваться [Бижоев 2013; СКЧЯ 1999] .

Ментальное поле в сегменте интеллектуальная деятельность в кабардино-черкесском языке представляет лексико-семантическую группу на двух уровнях – смысловом и словообразовательном, в котором можно выделить некоторые ряды семантических синонимов, с соответствующими опорными словами.

Семантический ряд «думать» представлен однокоренными лексемами, различающимися оттенками значения. *гупсысэн / думать, мыслить; егупсысын / думать, мыслить; щIэгупсысын / думать, намереваться.*

Многозначность глаголов *гупсысэн, егупсысын* проявляется в ряде конструкций. Значение думать, размышлять реализуется в объектных формах глагола -думать о ком-чем, над чем и без доп. -думать несов. указывают на предмет мысли, думы, процесс мышления, связанный с определенной темой, направление мысли: *зэрыцIыкIурэ мэгупсысэ / с детства думающий, Iуэхум егупсысын / думать о деле, пщащэм егупсысын / думать о девушке.* В данном значении эти глаголы приобретают эмоциональную окраску в окружении слов, обозначающих эмоции: *Iуэхум нэхъыбэрэ егупсысыху, нэхъ мэбампIэ / чем больше он думает о деле, тем больше нервничает.*

Уже не раз ученые обращают внимание на этимологию слова *гупсысэн* в адыгских языках, этимоном которого выступает номинация сердца *гу.* Данная языковая уникалия вполне вписывается в современное понимание как процесса мышления, так и месте эмоций в этом процессе. В связи с изучением поля интеллектуальной деятельности в современной лингвистической науке встает вопрос о роли эмоций в процессе познания.

В последнее время наметился значительный интерес «к разработке гносеологии и онтологии субъективной реальности, а именно исследованию сознания и бессознательного, переосмыслению ценностно-познавательной установки человека» [Катунин 2011: 102]. В современной науке эмоциям приписывается важная роль в развитии интеллекта в целом. В 90-е годы прошлого столетия в научный оборот вводится понятие «эмоциональный интеллект», впервые употребленный Д. Майером и П. Сэловеем и трактовавшийся как «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий» [Salovey, Mayer 1990]. Эта информация распространяется на разнообразные связи человека с людьми, предметами, «связи могут быть актуальными, а также воспоминаниями или воображениями» [Никулина, 2022: 5-6].

Отметим, что подобные идеи не новы. Можно согласиться с мнением ниже цитируемых авторов: «Майер и Сэловей считают, что эмоциональный интеллект тесно связан с когнитивным интеллектом, поскольку постулируют единство аффекта и интеллекта, что соответствует отечественным традициям Л.С. Выготского и С.А. Рубинштейна» [Сергиенко, Ветрова 2010: 23].

В производном глаголе *щIэгупсысын* проявляется значение намерения что-либо сделать. *Егупсысын* в значении думать над чем-либо указывает направление мысли: *Іуэхугъуэм щIэгупсысын / думать над чем-либо, то есть работать над проектом, проблемой, планом, задачей.* Глагол обозначает признак называемого процесса, направленного на результат, то есть обозначает процесс мышления, требующего определенных когнитивных усилий. Безобъектное использование глагола отражает процесс интеллектуальной деятельности как таковой, не направленный на объект. Конкретизация значения реализуется при помощи характеризующих слов, например: *псынщIэу гупсысэ / быстро думающий, кууэ гупсысэ / глубоко мыслящий (думающий)* и т.д.

Глагол *думать* в этом значении имеет модальное значение, так как выражает субъективное мнение. Как и в русском языке, глагол *гупсысэн / думать* имеет определенную шкалу активности процесса мыслительной деятельности от постановки проблемы, которая требует решения до простой констатации действия.

Особенностью глагола *гупсысэн* несов. является еще одно значение «мыслить». В кабардино-черкесском языке нет отдельной лексемы, обозначающей данный акт. Мы можем считать это значением анализируемого многозначного глагола, то есть определить *гупсысэн* как глагол широкого значения: *и гупсысэр жыпхъэм тетщ / мыслит в рамках правил, и гупсысэкIэр наукэм хуэгъэзащ / мыслит научно.*

Значение *понимать, понять* в кабардино-черкесском языке реализуется в ряде глаголов: *гурыIуэн / понимать, къыгурыIуэн / понять, сообразить, согласовать; хамэбзэр къыгурыIуэн / понимать чужую речь; къыгурыIуэн / понимать высказывание дауэ мы жыIэгъуэр къызэрыбгурыIэныр / как объяснить это высказывание? хэщIыкIын / понимать в какой-либо области, гъуаджэм хэщIыкIын / понимать искусство; зыхэщIыкIын сов. / сообразить, разбираться, понять, къыбжаIэр зыхэщIыкIын / понимать, обладать пониманием, что говорят, понимать, почувствовать умом: акылкIэ зэхэщIэн / почувствовать умом; хьэкъыу зыхэщIыкIын / абсолютно точно понять; зыхэщIэн / понять, почувствовать, узыр зыхэщIэн / почувствовать боль.* В глаголах *зыхэщIыкIын, зыхэщIэн* реализуется в полной мере эмоциональный аспект когнитивного акта.

Значение *знать* реализуется в глаголах *щIэн,* несов. */ знать о ком-о чем, иметь сведения, знать намерения*; *къэщIэн / знать кого-что, обладать знанием чего либо: и хьэлыр къэщIэн / распознать, ар фIыуэ къищIащ / он хорошо его узнал; щыгъуэзэн / хорошо знать, разбираться: и лэжьыгъэм фIыуэ щыгъуэзэн / хорошо знать свое дело;* в словосочетаниях с отрицанием *еш жыхуаIэр мыщIэн / не знать усталости; шынэ жыхуаIэр мыщIэн / не знать страха; тетын, гъэзэщIэн: мардэм тетын / знать меру; знаешь, знаете* ввод. *пщIэрэ, хэт ищIэрэ / кто его знает, къэщIэн* сов. */ узнать; получить сведения: лэжьыгъэм и щэхухэр*

къэщIэн / узнать секреты дела; знать кого-что испытать, познать: и къарур здынэсыр къэщIэн / познать глубину возможностей. В значении *знать кого-либо* употребляется отдельный глагол *цIыхун*; *къэцIыхун / лучше узнать кого-либо, распознать.* Мотивировочный признак глагола заключается в его производящей основе *цIыху / человек.*

Глагол *щIэн,* несов. обладает значением «делать». Между значениями *знать* и *делать* существует опосредованная логическая связь, так как для того, чтобы что-то делать необходимы определенные знания. Это переносное значение появляется в ходе метафорического переноса*: лэжьыгъэр пщIэн ипэ, уи щIэныгъэр хурикъун хуейщ / прежде, чем приступить к работе, ты должен приобрести достаточные знания.*

Значение *полагать, думать, подразумевать, вникать* реализуется в глаголах *гугъэн / полагать*; *лъытэн / считать, полагать, признавать, сообразить, догадаться; къэлъытэн / сделать вывод: а щапхъэр пэжу къызолъытэ / этот пример я считаю правильным; къигъэкIын / подразумевать; къикIын / подразумеваться (безличное); хъэгъуэзэн Iуэхум хъэгъуэзэн / вникнуть в дело.*

Значение высшей степени процесса познания, понимания, уяснения какой-либо мысли, наблюдается в глаголах *тIэсэн, къитIэсэн / охватить умом: акъылым къитIэсэкъым абы ищIар / умом не охватить смысл его действий.* Значение ошибки, заблуждения заключается в глаголах *щыуэн, щхьэрыуэн / несов. заблуждаться, ошибиться: щIалэр щхьэрыуащ / парень ошибся (в своих мыслях).*

Заключение

Сопоставительный анализ многозначных глаголов, обозначающих интеллектуальные процессы, такие как *думать, мыслить, знать, понять, понимать* и т.д. позволяет сделать определенные выводы относительно специфики их семантической структуры в рассматриваемых языках. Значения глаголов в целом не выходят за пределы номинации интеллектуальных процессов. Все значения глаголов *думать, мыслить, понять, понимать, вникнуть, сообразить* и т.п. обозначают различные ступени единого процесса познания и мышления, но с различной направленностью на объекты процесса. Появление переносных значений является результатом активизации какого-либо компонента основного значения глаголов.

Для глаголов умственной деятельности характерны признаки как когнитивного, так и эмоционального интеллекта, которые во взаимодействии определяют процесс мышления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бижоев, Кумыкова, Тимижев 2013 – *Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т.* Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. – Нальчик: Эльбрус, 2013. – 846 с.

Воркачев 2014 – *Воркачев С.Г.* Познавательная способность в лексикографическом представлении // Лингвокультурология. – Екатеринбург: УрГПУ, 2014. – Вып. 8. – С. 27–37.

Гуднов 2012 – *Гуднов Р.Н.* Семантика и функционирование глагольных синонимов с доминантой «Думать» в современном русском языке // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 35-36.

Даль 2022 – *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Иллюстрированное издание. – М.: Эксмо, 2022. – 896 с.

Звегинцев 1964 – *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. I. – Москва: Просвещение, 1964. – 468 с.

Зиновьева, Гуднов 2014 – *Зиновьева Е.И., Гуднов Р.Н.* Параметры функционально-семантического описания русских глагольных синонимов на материале глаголов интеллектуальной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5(61). – С. 216-220.

Калинин 2011 – *Калинин П.Е.* Структурообразующие аспекты деятельности сознания // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. М-лы третьей научно-практической конференции с международным участием. – Иваново, 2011. – С. 57-59.

Каныгина 2012 – *Каныгина Н.В.* Историко-этимологический анализ глаголов лексико-семантического поля интеллектуальной деятельности в русском языке // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 4, т. 1. – С. 83–92.

Катунин 2011 – *Катунин Н.С.* Познавательная функция эмоций // Актуальные проблемы современной когнитивной науки. М-лы третьей научно-практической конференции с международным участием. Иваново, 2011. – С. 102-104.

Монина 2010 – *Монина Т.С.* Актуальные проблемы русской грамматики // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». – Гранада, 2010. – С. 184-188.

Никулина 2022 – *Никулина И.В.* Эмоциональный интеллект: инструмент развития: учебное пособие. – Самара: Из-во Самарского университета, 2022. – 82 с.

Полонская – *Полонская А.А.* Глаголы интеллектуальной деятельности // Электронный научный журнал «APRIORI. Серия: Гуманитарные науки». – 2013. – № 1. – Режим доступа: http://apriori-journal.ru/ (дата обращения: 27.03.2026).

Ожегов, Шведова 2013 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4 издание, дополненное. – М.: «А ТЕМП», 2013. – 874 с.

Сергиенко, Ветрова 2010 – *Сергиенко Е.А., Ветрова И.И.* Тест Дж. Мэйера, П.Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSGEIT v.2.0). Русскоязычная версия. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2010 – 89 с.

СКЧЯ 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.

Степанова 1976 – *Степанова Г.В.* Об исследовании семантической категории в пределах одной лексико-семантической группы (многозначность глаголов думать, мыслить, знать, понять, понимать) // Вопросы семантики. – 1976. – № 2. – С. 45-56.

REFERENCES

BIZHOEV B.CH., KUMYKOVA D.M., TIMIZHEV KH.T. *Uchebnyi russko-kabardino-cherkesskii slovar'* [Educational Russian-Kabardian-Circassian Dictionary]. – Nalchik: Elbrus, 2013. – 846 p. (In Russ.).

VORKACHEV S.G. *Poznavatel'naya sposobnost' v leksikograficheskom predstavlenii* [Cognitive Ability in Lexicographic Representation]. In: Lingvokul'turologiya. – Yekaterinburg: UrGPU, 2014. – Issue 8. – P. 27-37. (In Russ.).

GUDNOV R.N. *Semantika i funktsionirovanie glagol'nykh sinonimov s dominantoi «Dumat'» v sovremennom russkom yazyke* [Semantics and Functioning of Verbal Synonyms with the Dominant "Dumat'" in Modern Russian Language]. In: Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya: Filologicheskie nauki. – 2012. – № 2. – P. 35-36. (In Russ.).

DAL' V.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Illyustrirovannoe izdanie* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Illustrated Edition]. – M.: Eksmo, 2022. – 896 p. (In Russ.).

ZVEGINTSEV V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the 19th-20th Centuries in Essays and Extracts]. – Part I. – Moscow: Prosveshchenie, 1964. – 468 p. (In Russ.).

ZINOV'EVA E.I., GUDNOV R.N. *Parametry funktsional'no-semanticheskogo opisaniya russkikh glagol'nykh sinonimov na materiale glagolov intellektual'noi deyatel'nosti* [Parameters of Functional-Semantic Description of Russian Verbal Synonyms Based on Verbs of Intellectual Activity]. In: Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 5(61). – P. 216-220. (In Russ.).

KALININ P.E. *Strukturoobrazuyushchie aspekty deyatel'nosti soznaniya* [Structure-Forming Aspects of Consciousness Activity]. In: Aktual'nye problemy sovremennoi kognitivnoi nauki. Materialy tret'ei nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ivanovo, 2011. – P. 57-59. (In Russ.).

KANYGINA N.V. *Istoriko-etimologicheskii analiz glagolov leksiko-semanticheskogo polya intellektual'noi deyatel'nosti v russkom yazyke* [Historical-Etymological Analysis of Verbs of the Lexical-Semantic Field of Intellectual Activity in the Russian Language]. In: Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. – 2012. – № 4, Vol. 1. – P. 83-92. (In Russ.).

KATUNIN N.S. *Poznavatel'naya funktsiya emotsii* [Cognitive Function of Emotions]. In: Aktual'nye problemy sovremennoi kognitivnoi nauki. Materialy tret'ei nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Ivanovo, 2011. – P. 102-104. (In Russ.).

MONINA T.S. *Aktual'nye problemy russkoi grammatiki* [Current Problems of Russian Grammar]. In: II Mezhdunarodnaya konferentsiya «Russkii yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy». – Granada, 2010. – P. 184-188. (In Russ.).

NIKULINA I.V. *Emotsional'nyi intellekt: instrument razvitiya: uchebnoe posobie* [Emotional Intelligence: A Development Tool: Textbook]. – Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2022. – 82 p. (In Russ.).

POLONSKAYA A.A. *Glagoly intellektual'noi deyatel'nosti* [Verbs of Intellectual Activity]. In: Elektronnyi nauchnyi zhurnal «APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki». – 2013. – № 1. – URL: http://apriori-journal.ru/ (data obrashcheniya: 27.03.2026). (In Russ.).

OZHEGOV S.I., SHVEDOVA N.YU. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. 4 izdanie, dopolnennoe* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 4th Edition, Enlarged]. – M.: «A TEMP», 2013. – 874 p. (In Russ.).

SERGIENKO E.A., VETROVA I.I. *Test Dzh. Meyera, P. Saloveya i D. Karuzo «Emotsional'nyi intellekt» (MSGEIT v.2.0). Russkoyazychnaya versiya* [Test of J. Mayer, P. Salovey and D. Caruso "Emotional Intelligence" (MSGEIT v.2.0). Russian-Language Version]. – M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». – 89 p. (In Russ.).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardian-Circassian Language]. – M.: Digora, 1999. – 860 p. (In Russ.).

STEPANOVA G.V. *Ob issledovanii semanticheskoi kategorii v predelakh odnoi leksiko-semanticheskoi gruppy (mnogoznachnost' glagolov dumat', myslit', znat', ponyat', ponimat')* [On the Study of the Semantic Category within One Lexical-Semantic Group (Polysemy of Verbs dumat', myslit', znat', ponyat', ponimat')]. In: Voprosy semantiki. – 1976. – № 2. – P. 45-56. (In Russ.).

Сведения об авторе
Л.Х. Хараева – доктор филологических наук, профессор
Information about the author
L.Kh. Kharaeva – Doctor of Philology, Professor

Статья поступила в редакцию 23.03.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Научная статья
УДК 811
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-481-496
EDN: VZRFGE

ТИПОЛОГИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Загират Талибовна Хашхожева[1] **Альберд Тахирович Бозиев**[1,2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1,2] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия
[1] zagirat_inkaz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2022-3589
[2] alberdboziev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2383-5268

Аннотация. В статье даётся сравнительный анализ односоставных предложений в трёх разноструктурных языках – русском, кабардино-черкесском и английском. Данный тип предложений имеет разную степень распространённости в трёх исследуемых языках и больше характерен для определённых языковых стилей – художественного и разговорного. Отмечаются теоретические трудности, с которыми сталкиваются лингвисты при трактовке односоставных предложений. Данные предложения сравниваются с точки зрения структуры и семантики. В работе проанализировано 300 примеров. Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов: В кабардинском языке существительное в назывном предложении – это главный член (подлежащее), который держится на интонации и падеже. Если к существительному добавить суффикс *–щ*, то такое предложение уже предикативное. При переводе русских безличных предложений на кабардино-черкесский язык часто происходит трансформация в личный глагольный комплекс, субъект которых не подразумевает конкретное лицо и включен в структуру глагола в форме 3-го лица единственного числа. Русские односоставные предложения переводятся на английский язык преимущественно двусоставными предложениями, а перевод на кабардино-черкесский данных предложений обладает рядом специфических характеристик. Сравнительный анализ определенно-личных предложений в русском и кабардино-черкесском языках выявил, что оба языка демонстрируют высокую степень синтетизма в данных предложениях. Главное различие – в русском языке лицо определяет флексия (окончание), а в кабардинском – аффиксация. Анализ перевода односоставных предложений из экспериментального материала на английский язык позволяет заключить, что только номинативные (назывные) предложения полностью соответствуют русским подобным предложениям и частично предложениям из кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: синтаксис; односоставное предложение; назывные предложения; безличные предложения; типология; перевод; структура; семантика

Для цитирования: Хашхожева З.Т., Бозиев А.Т. Типология односоставных предложений и особенности их перевода (на примере русского, английского и кабардино-черкесского языков) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-481-496. EDN: VZRFGE.

© Хашхожева З.Т., Бозиев А.Т., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

TYPOLOGY OF ONE-MEMBER SENTENCES AND PECULIARITIES OF THEIR TRANSLATION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, ENGLISH AND KABARDIAN-CHERKESSIAN LANGUAGES)

Zagirat T. Khashozheva[1] **Alberd T. Boziev**[1,2]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[1,2] Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

[1] zagirat_inkaz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2022-3589

[2] alberdboziev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2383-5268

Abstract. This article provides a comparative analysis of one-member sentences in three languages with different structures: Russian, Kabardian-Cherkessian, and English. This sentence type has varying degrees of prevalence in the three languages studied and is more characteristic of certain linguistic styles – fiction and colloquial. The theoretical difficulties linguists face when interpreting one-member sentences are highlighted. These sentences are compared in terms of structure and semantics. The study analyzes 300 examples. The study allowed us to draw a number of conclusions. In Kabardian, the noun in a nominal sentence functions as the principal member (subject) that relies on intonation and case. If the suffix -щ is added to the noun, the sentence becomes predicative. When translating Russian impersonal sentences into Kabardian-Cherkessian, they are often transformed into personal verbal complexes, whose subject does not imply a specific person and is incorporated into the verb structure in the form of the third person singular. Russian one-member sentences are predominantly translated into English as two-member sentences, whereas the translation of these sentences into Kabardian-Cherkessian possesses a number of specific characteristics. A comparative analysis of definite-personal sentences in Russian and Kabardian-Cherkessian revealed that both languages demonstrate a high degree of syntheticity in such sentences. The main difference is that in Russian, the person is determined by an inflection (ending), whereas in Kabardian, it is determined by affixation. The analysis of the translation of one-member sentences from the experimental material into English allows us to conclude that only nominative (nominal) sentences fully correspond to similar Russian sentences and partially to sentences in the Kabardian-Cherkessian language.

Keywords: syntax; one-member sentence; nominal sentences; impersonal sentences; typology; translation; structure; semantics

For citation: Khashozheva Z.T., Boziev A.T. Typology of one-member sentences and peculiarities of their translation (on the example of Russian, English and Kabardian-Cherkessian languages). In: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 481-496. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-481-496. EDN: VZRFGE.

© Khashozheva Z.T., Boziev A.T., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Целью данной статьи является анализ односоставных предложений в разноструктурных языках с обращением особого внимания на их структуру и семантику.

Актуальность исследования определяется общим лингвистическим интересом к типологическим синтаксическим построениям, которые позволяют выявить специфическое и универсальное в разных языках, что важно не только с теоретической, но и практической точки зрения. Полученные результаты могут быть использованы в образовательном процессе при обучении русскому, английскому и кабардино-черкесскому языкам.

Материал и методика исследования. В работе используются методы типологического (сравнительного), структурного и семантического анализа. В качестве исходного экспериментального материала выступили односоставные русские предложения, сгенерированные с помощью системы DeepSeek. Исходное количество предложений составило 100 (качество генерации оценивалось специалистом) – назывные (номинативные) – 20 предложений, безличные – 20 предложений, определённо-личные – 20 предложений, неопределённо-личные – 20 предложений, обобщённо-личные – 20 предложений. Данные предложения были переведены на английский язык при помощи системы Translate Google (качество перевода оценивал специалист), на кабардино-черкесский язык – специалистом. Общее количество проанализированных примеров составило 300 единиц.

Теоретическая часть

Интерес к синтаксису простого русского предложения не ослабевает с начала прошлого в. Освещению вопросов, связанных с данным разделом языкознания, всегда уделялось и продолжает уделяться самое большое внимание в научной лингвистической среде – как в академической, так и образовательной (см. работы: [Бабайцева, Максимов 1987; Бабайцева, Инфантова и др. 1997; Белошапкова 1977; Валгина 2000; Золотова 1973; Крылова, Максимов, Ширяев 1997; Лекант 1986; Пешковский 1956; Скобликова 1979; Шведова, Иванова и др. 1980; Ярцева 1990]). Односоставные (редко именуемые однокомпонентные) предложения, которые являются одним из видов простых предложений, представляют особый интерес для лингвистов из-за большого многообразия их типов. Вместе с тем классификация и семантические характеристики односоставных предложений остаются спорными, не до конца решёнными вопросами. Основные спорные теоретические разногласия связаны с объяснением семантического своеобразия односоставных предложений по сравнению с двусоставными [Ярцева 1990: 395].

Исследователь О.О. Петрова отмечает, что различие в подходах и отсутствие единообразия в подходах ведёт к множественности точек зрения на одно и то же явление. Например, не все авторы выделяют генитивные и вокативные односоставные предложения [Петрова 2018: 391]. О.О. Петрова считает, что типология односоставных предложений нуждается в детальном осмыслении и унификации [Петрова 2018: 392]. По мнению авторитетных отечественных лингвистов Н.С. Валгиной и П.А. Леканта, которое кардинально отличается от традиционной трактовки репрезентации главных членов односоставных предложений, главный член подобных предложений не является ни подлежащим, ни сказуемым, так как совмещает функции двух главных членов предложения [Валгина

2000; Лекант 1986]. К позиции Н.С. Валгиной и П.А. Леканта близки взгляды Е.С. Скобликовой и многих других лингвистов [Скобликова 1979].

Несмотря на расхождения во взглядах на односоставные предложения, не вызывает никаких возражений возможность выделения односоставных предложений в самостоятельный структурно-семантический тип простого предложения [Каменская, Кан 2012].

В данной работе, исходя из целей проводимого исследования, принимается традиционная точка зрения на односоставные предложения, согласно которой в русском синтаксисе выделяются следующие виды односоставных предложений – определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные предложения, безличные и назывные (номинативные). Объединяющим структурным признаком для всех этих видов предложений является формальное наличие в предложении одного главного члена предложения – подлежащего или сказуемого. Первые четыре вида (только со сказуемым) семантически противопоставлены по актуализации категории определённости/неопределённости, иными словами, есть логическое основание для их сравнения, пятый вид (только с подлежащим) не отвечает этому требованию.

В определённо-личных предложениях исполнителем действия является конкретное лицо (или группа лиц), но эксплицитно оно не выражено, однако легко прогнозируемо. Сказуемое выражается формой глагола 1–2 лица единственного или множественного числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения – «Иду пить чай», или формой глагола 2 лица единственного или множественного числа в повелительном наклонении – «Принеси стул».

В неопределённо-личных предложениях сказуемое называет действие, однако нет предположительного указания на исполняющего действие. Сказуемое выражается глаголом 3 лица настоящего или будущего времени – «Когда сообщат результат?», формой множественного числа прошедшего времени – «В городе отключили свет», формой сослагательного наклонения – «Заставили бы его сознаться».

Обобщённо-личные односоставные предложения характеризуются тем, что сказуемое в них обозначает обобщающее действие, в котором нет указания на конкретное лицо, но оно касается любого лица. Данный тип предложений чаще всего встречается в пословицах. Сказуемое в них выражается или формой глагола 2 лица изъявительного и повелительного наклонения – «Семь раз отмерь, один раз отрежь», или формой глагола 3 лица множественного числа – «По одёжке встречают, по уму провожают».

Наиболее ярко безличные предложения (следующий вид односоставных предложений) представлены в примерах, в которых с помощью безличных глаголов и личных глаголов в безличном значении передаются состояние природы, окружающей среды, психического или физиологического состояния человека – «Светает», «Темнеет», «Тошнит», «Нездоровится». Исполнитель действия может быть представлен формой косвенного падежа имени существительного или местоимения – «Василия словно подменили», «Ему не хотелось уезжать». Сказуемое в безличных предложениях может быть представлено также отрицательными словами – «Нет без тебя жизни», краткими страдательными причастиями

– «С этим покончено», словами категории состояния, со связкой или без неё – «Мне было жарко».

Односоставное назывное (номинативное) предложение – это предложение, в котором главный член предложения оформлен как подлежащее, обозначает наличие, существование предмета в настоящем времени или вне времени. Подлежащее может быть выражено существительным в именительном падеже или любой частью речи в значении имени существительного. Разные авторы выделяют различное количество подвидов назывных (номинативных) предложений. Так, В.В. Бабайцева выделяет шесть семантических подвидов:

1. бытийные – «И жара, и духота»; 2. указательные – «Вот дом»; 3. побудительные – «Слушайте!»; 4. оценочно-бытийные – «Какая жара!»; 5. собственно-назывные – «Маленькие хитрости»; 6. именительный представления – «Родина! Как много смыслов в этом слове» [Бабайцева, Максимов 1987]. Как правило, назывные (номинативные) предложения употребляются в описаниях и для передачи внутреннего состояния человека, называют время и место происхождения события, описывают ситуацию.

Как показывает анализ, русскому языку свойственно разнообразие односоставных предложений и широкая вариативность их семантики. Обзор литературы, посвященной односоставным предложениям в английском языке, позволяет сделать вывод о том, что данный вид предложений практически отсутствует в английском языке (см., например, работы [Аракин 1979; Бархударов 1966; Ильиш 1971]). Данный факт находит объяснение в том, что английский язык относится к языкам аналитического строя со строгим порядком слов с обязательным подлежащим как структурным элементом. Большому классу русских односоставных предложений в английском соответствуют двусоставные предложения, с выраженным формальным подлежащим *it* [Аракин 1979: 208]. В.Д. Аракин отмечает, что в последнее время в письменном стиле всё чаще и чаще появляются предложения, имеющие такую же структуру, что и русские предложения, сигнализирующие о возможном начале перестройки синтаксической структуры английского языка [Аракин 1979: 212].

Практическая часть

Как показывает анализ компьютерного перевода экспериментальных русских назывных (номинативных) предложений на английский язык, в подавляющем большинстве случаев данные предложения переводятся соответствующими односоставными однословными, двухсловными или трёхсловными предложениями. Например: 1. Тишина. – *Silence*. 2. Запах полыни. – *The smell of wormwood*. 3. Рассвет на море. – *Dawn at sea*. Исключение составили предложения с указательным словом *вот*. Например: 1. Вот оно, счастье. – *Here it is, happiness*. В этом предложении появляется формальное подлежащее *it*, тем самым превращая предложение в двусоставное в соответствии с нормами английского языка.

Все русские безличные предложения переводятся на английский язык полными предложениями, в которых местоимения в родительном или винительном падеже, дательном или предложном заменяются личными местоимениями, со строгим соблюдением и выбором соответствующего времени. Например: 1.

Меня знобит. – *I'm shivering*. 2. Мне нездоровится с утра. – *I've been feeling unwell since morning*. 3. Мне грустно без причины. – *I feel sad for no reason*.

В безличных предложениях, в которых говорится о самочувствии и ощущениях, в переводе могут появиться модальные глаголы или каузативные слова. Например: 1. Ему не спится. – *He can't sleep*. 2. Ей дышится здесь легко. – *She can breathe easily here*. 3. От этих новостей тошнит. – *This news makes me sick.* Если в русском предложении содержится модальность, она сохраняется при переводе с обязательным упоминанием исполнителя действия. Например: 1. Следовало бы подумать об этом раньше. – *You should have thought about this* (формальное подлежащее *you* – ты, вы). 2. Ей стало стыдно за свой поступок. – *She felt ashamed of her actions*. 3. Мне необходимо с вами поговорить. – *I need to talk to you*.

При переводе предложений, передающих эмоции и состояния, активно используется лексема *feel* – чувствовать. Например: 1. Мне грустно без причины. – *I feel sad for no reason* (дословно – почувствовал печаль). 2. Ей стало стыдно за свой поступок. – *She felt ashamed of her actions* (дословно – почувствовал стыд). В следующем предложении интерес вызывает обращение к местоимению *she* несмотря на то, что в оригинальном предложении нет никакой ссылки на гендер или лицо. Например: 1. На душе было тревожно. – *She felt uneasy*. Противоположный случай: 1. Над этим стоит задуматься. – *This is worth thinking about*. В оригинале нет указания на лицо, в переводе в качестве формального подлежащего употребляется указательное местоимение *this*, которое выступает в роли подлежащего.

При описании состояния природы и окружающей среды в переводе используется формальное подлежащее *it*. Например: 1. Вечереет. – *It's getting dark*.

При переводе неопределённо-личных предложений, не содержащих никакого указания на субъект или объект действия, используется оборот *there is*: 1. В дверь постучали. – *There was a knock at the door*. При употреблении в оригинале местоимений в дательном или другом падеже в переводе будут использоваться местоимения в именительном падеже, тем самым превращая эти предложения в двусоставные. Например: 1. За ним уже послали. – *He's already been sent for*. 2. Вам звонят, подойдите, пожалуйста. – *You're being called, please come over*. 3. Мне предложили интересную работу. – *I've been offered an interesting job*. Обстоятельство места оригинала превращается в исполнителя действия в переводе. Например: 1. В этой газете часто пишут о новых технологиях. – *This newspaper often writes about new technologies*. 2. В этом журнале часто публикуют молодых авторов. – *This magazine often publishes young authors*. Примечательно, что структурно похожие предложения могут переводиться иначе – 1. На площади строят новый фонтан. – *They're building a new fountain in the square*. 2. В конце улицы продают свежие овощи. – *They're selling fresh vegetables at the end of the street*. В данных предложениях появился важный конструктивный элемент – подлежащее *they* (они), без которого немыслимо английское предложение. Предположительно, его появлению способствовали лексемы *строят* и *продают*, которые ассоциируются и согласуются с 3 лицом множественного числа. Данная перестановка привела и

к смене ремы и темы. Рассмотрим ещё один случай перевода обстоятельства (места и времени) на английский язык. Например: 1. В комнате уже убрали. – *The room has already been cleaned*. 2. На этой неделе будут красить фасад. – *The facade will be painted this week*. В данных предложениях обстоятельства превращаются в подлежащие, а сказуемые употребляются в пассивной форме.

В определённо-личных предложениях сказуемое выражено глаголом в форме 1-го или 2-го лица единственного или множественного числа (изъявительного или повелительного наклонения), и подлежащее легко угадывается («я», «мы», «ты», «вы»), но не используется. Переводчик легко угадывает лицо и число и трансформирует подобные предложения в двусоставные предложения с эксплицитно выраженным подлежащим – местоимением. Например: 1. Люблю гулять под дождём. – *I love walking in the rain*. 2. Пойдём в кино завтра? – *Shall we go to the movies tomorrow?* 3. Хочешь чаю? – *Would you like some tea?* Поскольку английский язык не различает единственного и множественного числа в повелительном наклонении, то для обоих случаев используется одна и та же форма. Например: 1. Посмотри на это облако! – *Look at this cloud!* 2. Приходите к нам в гости. – *Come visit us*. В предложениях, в которых говорящий выступает инициатором совместного действия, активно употребляется конструкция *let's*. Например: 1. Встретимся у фонтана. – *Let's meet at the fountain*. 2. Возьмём такси. – *Let's take a taxi*.

Для обобщённо-личных предложений характерна общая черта – использование глаголов в форме 2-го лица единственного числа (реже 1-го лица множественного) для обозначения действия, которое применимо к любому человеку, к людям вообще. Данный тип предложений чаще встречается в пословицах, поговорках, изречениях и т. д., в которых нашёл отражение опыт человеческой деятельности в разных сферах – быте и повседневности, эмоциях, чувствах и отношениях, действиях и решениях. Данные предложения могут переводиться на английский следующим образом:

– номинативными предложениями – 1. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. – *No pain, no gain*;

– повелительными предложениями – 1. Цыплят по осени считают. – *Don't count your chickens before they hatch*;

– полными двусоставными предложениями – 1. По одежке встречают. – *Clothes make a man*. 2. С кем поведёшься, от того и наберёшься. – *You become like the people you hang out with*.

В подавляющем большинстве случаев в переводах присутствует формальное подлежащее *you*. Например: 1. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. – *If you chase two hares, you'll catch neither*. 2. С кем поведёшься, от того и наберёшься. – *You become like the people you hang out with*. 3. Сердцу не прикажешь. – *You can't command your heart*.

Односоставные предложения в кабардино-черкесском языке

Исследование простых односоставных предложений в адыгском языкознании началось относительно недавно, и проделана определенная работа в изучении данной проблематики. Тем не менее, в современном адыгском языкознании

проблему простых односоставных предложений нельзя считать бесспорной и до конца решенной. До сих пор существует ряд вопросов относительно природы односоставных предложений, их классификации и семантических характеристик, которые не теряли своей актуальности.

В современном адыгском языкознании простые односоставные предложения были рассмотрены некоторыми исследователями. Лингвисты-адыговеды Х.Ш. Урусов, Х.Э. Дзасежев, А.М. Камбачоков, И.М. Балова, Х.У. Эльбердов и другие выразили свою точку зрения об особенностях простых односоставных предложений.

Первый опыт описания односоставных предложений в кабардино-черкесском языке связан с именем Т.М. Борукаева. В своей «Грамматике кабардино-черкесского языка» он впервые описал назывные и безличные предложения [Борукаев 1932: 100–102].

Позже в «Грамматике литературного кабардино-черкесского языка» Н.Ф. Яковлев, рассматривая «синтаксические обороты с обобщенным субъектом», указывает на односоставные определенно-личные предложения и приводит к ним примеры [Яковлев 1948: 20–24].

Языковед Х.У. Эльбердов в «Грамматике кабардинского языка» проводит членение односоставных предложений на безличные и неопределенно-личные, дает им краткие определения, подкрепляя их соответствующими примерами. При этом автор не затрагивал вопрос о специфике односоставных предложений, не определил его место в системе простого предложения [Эльбердов 1945: 38].

Также в «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка», вышедшей в 1957 г., специфика односоставных и двусоставных предложений описывается не с точки зрения их семантики, а с опорой на структурно-формальные особенности рассматриваемых типов предложений. Отсюда смешение неполных двусоставных и полных односоставных предложений и т. п. В Грамматике-57 выделены следующие типы односоставных предложений: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные (назывные) [ГКЧЛЯ 1957: 190].

Значительный вклад в теорию односоставных предложений внёс Х.Э. Дзасежев. Отличительной особенностью односоставных предложений лингвист считает природу главного члена – способ выражения предикативности. Исходя из этого, он к односоставным относит те конструкции, в которых предикативность выражена одним главным членом. По мнению Х.Э. Дзасежева, как при выделении односоставных предложений, так и при дифференциации их разновидностей, следует учитывать совокупность семантических и грамматических свойств.

Впервые высказано мнение о том, что предложения, в которых предикативность выражена одним главным членом, следует квалифицировать как полные, так как для полного выражения мысли в них достаточно наличия одной предикативной основы [Дзасежев 1969: 60–62].

В целом вполне удовлетворительно описаны в трудах Х.Э. Дзасежева определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и назывные предложения.

Значительным вкладом в области изучения проблем синтаксиса кабардино-черкесского языка является «Кабардинская грамматика. Синтаксис, Пунктуация» профессора Х.Ш. Урусова. Х.Ш. Урусов также предложил классификацию односоставных и двусоставных предложений, взяв за основание наличие или отсутствие в них одного из главных членов. Иначе говоря, он руководствовался только формально-грамматическим принципом их разграничения.

Известный лингвист затрагивает вопрос о первичности и вторичности двусоставных и односоставных предложений. Он рассматривает односоставные предложения как новообразование в языке, а двусоставные предложения как его исходную, то есть более архаичную форму.

Языковед выделил следующие типы односоставных предложений: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные и номинативные (назывные) [Урусов 1994: 70].

Таким образом, адыговедами интенсивно обсуждались многие вопросы односоставных предложений, было высказано немало ценных мыслей, но более полное рассмотрение таких синтаксических построений с учетом последних достижений современной лингвистики и выделение их в особую синтаксическую структуру осуществлены сравнительно недавно.

Монография Т.М. Танашевой «Структурно-семантические особенности односоставных предложений в кабардино-черкесском языке» является одной из фундаментальных и значимых работ по односоставным предложениям [Танашева 2003]. Автором проведен многоаспектный анализ данных синтаксических единиц по четырем уровням: логическому, структурному, семантическому, коммуникативному. Проведен глубокий анализ не только основных видов односоставных предложений, но и их подвидов.

В кабардино-черкесском языке ключевым аспектом данной темы является то, что односоставные предложения относятся к отдельной структурно-семантической группе, но вопрос о грамматической природе односоставных предложений и их классификации остается спорным.

Как известно, традиционно в современном кабардино-черкесском языке выделяют пять типов односоставных предложений: номинативные (назывные) с главным членом-подлежащим, и глагольные (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные) со сказуемым.

Назывные предложения

В кабардинском языке назывные предложения – это грамматические конструкции, где главный член выражен существительным в именительном падеже. Примеры: «*Щым*». – Тишина. *Пщэдджыжь* – «Утро». *Уае* – «Мороз». *Жэщыку* – «Полночь». Могут быть распространенными: *ЩIымахуэ пщыхьэщхьэ* – «Зимний вечер». *Япэ лъагъуныгъэ* – «Первая любовь». *Гъуэгу кIэншэ* – «Бесконечная дорога». *Аргуэру бжьыхьэ* – «Снова осень». Тишина – *Щым*. В русском языке предложение «Тишина» является назывным (номинативным). В кабардинском языке состояние окружающей среды нередко передается не именами, а глагольными формами или конструкциями с локативными префиксами. В кабардино-

черкесском языке существительное «*щым*» само по себе редко выступает в роли законченного предложения без аффикса утверждения.

В кабардино-черкесском языке существительное само по себе может выступать в роли сказуемого (именное сказуемое). Аффикс -щ превращает существительное в сказуемое.

Запах полыни – *ХъунгъалIэмэ*. *ХъунгъалIэ* (полынь) + *мэ* (запах/пахнуть). Здесь «запах» – это не отдельный предмет, а свойство, которое исходит от растения. Фраза «*ХъунгъалIэмэ*» фактически объединяет объект и его признак в одну морфологическую единицу.

В кабардино-черкесском языке главный член номинативного предложения может оформляться показателем именительного падежа и определённого склонения. Например: *Къэхьэуэм и мэр* – «Запах кофе». *Пшапэ зэхэуэгъуэр къалэм* – «Сумерки в городе». *Нэхущыр тенджызым* – «Рассвет на море». *ХъунгъалIэм и мэр* – «Запах полыни».

Безличные предложения

Ему не спится – *Жеифкъым*. Все предложение может уместиться в одно слово. Предложение переводится как определенно-личное. Глагол непереходный, поэтому формальный показатель 3-го лица отсутствует. В кабардино-черкесском при переводе акцент делается на самом процессе, который «не случается» с человеком. «Не спится» передается с помощью суффикса *ф*- через описание невозможности процесса.

Ей дышится здесь легко – *Мыбдеж тыншу щобауэ*. В отличие от русского «дышится» (безличного), в кабардинском языке это личное предложение. Субъект здесь подразумевается внутри глагольной формы. Глагол *щобауэ* уже содержит в себе указание на третье лицо единственного числа. Префикс *щы* указывает на локатив, который превращает действие в описание состояния в среде, что максимально приближает смысл к русскому безличному «дышится». Если в русском языке подчеркивается «процесс, который происходит с человеком», то в кабардинском – «человек совершает процесс в данном месте».

От этих новостей тошнит – *Мы хъыбархэм гур кърагъакIуэ* – предложение двусоставное личное. *Хъыбархэм* (новости) – субъект в эргативном падеже. *Гур кърагъакIуэ* (фразеологическая единица) – предикат, выраженное переходным глаголом в форме 3-го лица множ. числа с каузативом *гъэ*.

Следовало бы подумать об этом раньше – *Абы нэхъ пасэу уегупсысын хуеят* – Глагольная модальность. В кабардино-черкесском языке это передается через специальные аффиксы долженствования или сослагательного наклонения, «встроенные» в глагол. Составное глагольное сказуемое *уегупсысын хуеят* содержит в себе и время, и модальность.

Вечереет – *Пщыхьэщхьэ мэхъу*. *Пщыхьэщхьэ* (вечер) + глагол-связка *мэхъу* (становится). Безличное предложение.

Неопределённо-личные предложения

В дверь постучали – *Бжэм къытеуIуащ*. В кабардинском языке префикс *къы*- в слове *къытеуIуащ* указывает на направление действия (к говорящему),

чего нет в русском «постучали». Кабардинский глагол всегда более детально описывает пространство.

За ним уже послали – *Абы кIэлъагъэкIуащ*. Этот пример ярко демонстрирует полисинтетизм кабардино-черкесского языка. Одно это слово заменяет собой целое русское предложение. *КIэлъ-* – префикс направления/преследования («вслед за ним», «по его следам»). В русском языке это передается предлогом «за».

-а- – показатель 3-го лица множественного числа («они», которые послали), *-гъэ-* – каузативный префикс («заставить», «побудить»). Послать – это значит заставить кого-то пойти, *-кIуа-* – корень глагола «идти», *-щ* – аффикс утверждения, констатирующий факт завершенного действия.

Мне предложили интересную работу – *Сэ лэжьапIэ хьэлэмэт къысхуагъэлъэгъуащ* – Полисинтетическое неопределенно-личное предложение. *Къы-* – направление действия, *с-* – ко мне (*сэ*), *-ху-* – префикс бенефактива (ради меня, для меня), *-а-* – показатель тех самых «них» (неопределенных лиц), кто сделал предложение. *-гъэ* – каузатив, *лъэгъу* – буквально «показали».

В этой газете часто пишут о новых технологиях – *Мы газемым технологиещIэхэм теухуауэ куэдрэ традзэ*. *-Т-* – префикс поверхности (на чем-то, на бумаге); *-ра-* – показатель 3-го лица мн. ч. (они/неопределенные лица), *-дзэ* (корень «печать/бросать»).

В конце улицы продают свежие овощи – *УэрамыкIэм деж хадэхэкI щащэ*. *Щ-* – локатив (указывает на место), *-а-* – показатель 3-го лица мн. ч. (они/неопределенные лица), *-щэ* – корень «продавать».

Определённо-личные предложения

Люблю гулять под дождём – При переводе на кабардино-черкесский мы выбираем между «Люблю» *Уэшхым сыхэту къэскIухьыну фIыуэ солъагъу* и «Мне нравится» (безличная форма) *Уэшхым сыхэту къэскIухьыну сфIэфIщ*.

Сыхэту (*уэшхым*) – деепричастие (находясь среди) передает обстоятельство места.

Это определённо-личное предложение, на первое лицо указывает префикс *с-* (*сыхэту*, *къэскIухьыну*, *сфIэфIщ*). Местоимение *сэ* (я) здесь избыточно.

Пойдём в кино завтра? – *Пщэдей киномдыкIуэрэ?* Для перевода этого предложения на кабардино-черкесский язык важно учитывать, что русское определенно-личное предложение (где субъект «мы» понятен из окончания глагола) в кабардинском трансформируется в полисинтетический глагол, где *ды-* четко указывает на первое лицо множественного числа.

Не могли бы передать соль? – *Шыгъур къызэптыфыну пIэрэ?* Полиперсональность глагола: в структуре слова *къызэптыфыну* сразу три участника ситуации: *къы-* – направление действия к говорящему, *-зэ-* – косвенное дополнение (мне), *-п-* – подлежащее (ты). Именно этот префикс делает предложение определенно-личным. Частица *пIэрэ* добавляет оттенок сомнения или особой вежливости.

Постойте здесь минутку – *Мыбдеж дакъикъэкIэ фыщытыт*. Это предложение – типичный пример повелительного (императивного) типа.

Префикс *ф-* уже содержит в себе указание на 2-ое лицо мн. число. В русском «Постойте» суффикс *-те* указывает на вежливость/множественность. Следует

здесь отметить, что в кабардино-черкесском языке форма 2-го лица множественного числа не является способом выражения уважения, дистанции и вежливости к одному адресату, как в русском языке.

Сидим и ждём новостей. – *Хъыбарым дыпоплъэри (дожьэри) дыщысщ*.

Дожьэ – префикс *д-* (мы) вобрал в себя субъект. *-Ри* – эквивалент русского союза «и» присоединяется к первому глаголу. *Дыщысщ* – «сидим». Префикс *ды-* (мы) подтверждает субъект во второй части.

Глагол «*ежьэн*» (ждать) часто используется в разговорной речи, хотя в литературном языке чаще встречается «*пэплъэн*».

Хочешь чаю? – «*Шай ухуей?*» – это прямой и точный перевод русского определенно-личного предложения «Хочешь чаю?» Субъект «ты» выражен префиксом *у-* в составе глагола *у-ефэну* / *у-хуей*.

Хотя «*Шай ухуей?*» – грамматически верный перевод, в живой кабардинско-черкесской речи чаще используются другие конструкции:

«*Шай уефэну?*» (Будешь ли пить чай?) – акцент на действии, это звучит мягче. «*Шай тIэкIу ефэ*» (Выпей немного чаю) – повелительное наклонение, которое в кабардинском этикете часто выступает как самое вежливое предложение гостю.

Обобщенно-личные предложения

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда – *ПщIэнтIэпс йомыкIуту хьэлывэ пхуэшхынукъым*. *ЙомыкIуту* (от *икIутын* – проливать, источать): деепричастная форма с отрицанием *-мы-*. Она задает обязательное условие. *Пхуэшхынукъым* (можешь-съесть-не): здесь в одном слове заключены субъект (*п-* – ты/любой), модальность возможности (*-хуэ-*) и категорическое отрицание (*-къым*).

При переводе пословиц важна не буквальная точность («рыбка», «пруд»), а функциональный эквивалент. В кабардинском языке вместо «рыбки» чаще фигурирует «хлеб/пища» (*хьэлывэ*, *шхын*) или «дело» (*Iуэху*), так как это ближе к традиционному укладу жизни.

Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь – *Зэи къыпхуэщIэнукъым, дэнэ къыщыбгъуэтынуми, дэнэ щыпфIэкIуэдынуми*. Сложноподчиненное предложение, где все части – односоставные. *КъыпхуэщIэнукъым* (не сможешь узнать): *къы-* – направление действия (к себе/понимание), *-п-* – субъект «ты/любой», *-хуэ-* – префикс возможности (в русском это передается отдельным словом «можешь»), *-щIэ-* – корень «знать», *-нукъым* – отрицание будущего времени. Одно кабардино-черкесское слово заменяет целую русскую конструкцию «ты никогда не сможешь узнать». *Къыщыбгъуэтынуми* / *ЩыпфIэкIуэдынуми*: префикс *-б-* / *-п-* – это всё тот же обобщенный субъект («ты»), *-ми* («и», «даже если») – суффикс уступительности.

Что имеем – не храним, потерявши – плачем – *ДиIэр тхъумэкъым, тфIэкIуэдмэ – догъей*. Префикс *д-* / *т-* (мы) встроен во все глаголы. Условное наклонение *-мэ* в слове *тфIэкIуэд-мэ* (если потеряем/упустим) заменяет русское деепричастие. Глагол *тхъумэн* (беречь/хранить) подчеркивает активное действие по сохранению ценности. В кабардинском варианте глагол *тфIэкIуэдын* (потерять)

содержит префикс *-фIэ-*, который указывает на потерю вопреки желанию субъекта (ущерб). Это делает фразу более драматичной. Русское «плачем» переводится прямым *догъей*, что в адыгском контексте звучит как глубокое сожаление и траур по упущенному.

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь – *ТхьэкIумэкIыхьитIым яужь уиувэмэ, зыри къыпхуэубыдынукъым*. Субъект «ты/любой» (префикс *у- / -п-*) встроен в глаголы *уиувэмэ* (если встанешь [в след]) и *къыпхуэубыдынукъым* (не сможешь поймать). Условное наклонение *-мэ* (*уиувэмэ*) – стандарт для адыгских пословиц, заменяющий русскую бессоюзную связь. Модальность возможности (*-хуэ-*) подчеркивает физическую невозможность успеха.

Заключение

1. В кабардинском языке существительное в назывном предложении – это главный член (подлежащее), который держится на интонации и падеже. Если к существительному добавить суффикс *–щ*, то такое предложение уже предикативное.

2. Анализ примеров позволяет сделать несколько ключевых выводов о типологических различиях и способах передачи безличности: при переводе русских безличных предложений на кабардино-черкесский язык часто происходит трансформация в личный глагольный комплекс, субъект которых не подразумевает конкретное лицо и включен в структуру глагола в форме 3-го лица единственного числа.

3. В неопределённо-личных предложениях русский и кабардино-черкесский языки демонстрируют структурное сходство: действие приписывается неопределенному кругу лиц через форму 3-го лица множественного числа. Различие лишь в том, что в русском это достигается за счет синтаксиса (пустое место подлежащего), а в кабардинском – за счет богатой морфологии глагола.

4. Сравнительный анализ определенно-личных предложений в русском и кабардино-черкесском языках выявил, что оба языка демонстрируют высокую степень синтетизма в данных предложениях. Главное различие – в русском языке лицо определяет флексия (окончание), а в кабардинском – аффиксация.

5. Анализ обобщённо-личных предложений в русском и кабардино-черкесском языках позволяет сделать следующие выводы: в обоих языках для обобщения (обращения ко всем и ни к кому конкретно) используются одни и те же грамматические формы: 2-е лицо единственного числа и 1-е лицо множественного числа. Главное различие в том, что русский язык опирается на форму глагола (время/лицо), а кабардино-черкесский активно использует суффиксы возможности, уступительности и условия, делая обобщение более «инструктивным».

6. Анализ перевода односоставных предложений из экспериментального материала на английский язык позволяет заключить, что только номинативные (назывные) предложения полностью соответствуют русским подобным предложениям и частично предложениям из кабардино-черкесского языка.

7. Остальные односоставные русские предложения переводятся на английский язык двусоставными предложениями. Выявленные особенности говорят в

пользу того, что целесообразно на более обширном материале изучить особенности их перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аракин 1979 – *Аракин В.Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. – Ленинград: Просвещение, 1979. – 259 с.

Бабайцева, Максимов 1987 – *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.

Бабайцева и др. 1997 – *Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г., Николина Н.А., Чиркина И.П.* Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: В 3-х ч. / Под ред. Е.И. Дибровой. Ч. 3. Синтаксис. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 608 с.

Бархударов 1966 – *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения английского языка. – М.: Высшая школа, 1966. – 200 с.

Белошапкова 1977 – *Белошапкова В.А.* Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 247 с.

Борукаев 1932 – *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Кабардино-Балкарский Облнациздат, 1932. – 142 с.

Валгина 2000 – *Валгина И.С.* Синтаксис современного русского языка. – М.: Агар, 2000. – 416 с.

ГКЧЛЯ 1957 – Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 240 с.

Дзасежев 1969 – *Дзасежев Х.Э.* Современный кабардино-черкесский язык. Синтаксис. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1969. – 155 с.

Золотова 1973 – *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Ильиш 1971 – *Ильиш Б.А.* The Structure of Modern English. – Ленинград: Просвещение, 1971. – 368 с.

Каменская, Кан 2012 – *Каменская О.Г., Кан Р.А.* Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. – 195 с.

Крылова и др. 1997 – *Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н.* Современный русский язык. Теоретический курс. Синтаксис и пунктуация. – М.: Издательство РУДН, 1997. – 256 с.

Лекант 1986 – *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1986. – 175 с.

Петрова 2018 – *Петрова О.О.* Простое предложение и его структура в теоретических исследованиях и учебных пособиях // Преподаватель XXI в. – 2018. – № 3. – С. 385–393.

Пешковский 1956 – *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

Скобликова 1979 – *Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М.: Просвещение, 1979. – 237 с.

Танашева 2003 – *Танашева Т.М.* Односоставные предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 72 с.

Урусов 1994 – *Урусов Х.Ш.* Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 212 с.

Русская грамматика 1980 – Русская грамматика. Т. 2 / Ред. коллегия: Шведова Н.Ю., Иванов В.В., Арутюнова Н.Д., Бондарко А.В. и др. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Эльбердов 1945 – *Эльбердов Х.У.* Грамматика кабардинского языка. Синтаксис. – Нальчик, 1945. Ч. 2. – 138 с.

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 371 с.

ЛЯС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

REFERENCES

ARAKIN V.D. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages]. – Leningrad: Prosveshchenie, 1979. – 259 p. (In Russ.)

BABAYTSEVA V.V., MAKSIMOV L.YU. *Sovremennyy russkiy yazyk. Ch. 3: Sintaksis. Punktuatsiya* [Modern Russian Language. Part 3: Syntax. Punctuation]. – Moscow: Prosveshchenie, 1987. – 256 p. (In Russ.)

BABAYTSEVA V.V., INFANTOVA G.G., NIKOLINA N.A., CHIRKINA I.P. *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits: V 3-kh ch.* [Modern Russian Language. Theory. Analysis of Language Units: In 3 Parts]. Ed. by E.I. Dibrova. Pt. 3. Sintaksis. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. – 608 p. (In Russ.)

BARKHUDAROV L.S. *Struktura prostogo predlozheniya angliyskogo yazyka* [Structure of a Simple Sentence in English]. – Moscow: Vysshaya shkola, 1966. – 200 p. (In Russ.)

BELOSHAPKOVA V.A. *Sovremennyy russkiy yazyk: Sintaksis* [Modern Russian Language: Syntax]. – Moscow: Vysshaya shkola, 1977. – 247 p. (In Russ.)

BORUKAEV T.M. *Grammatika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian-Circassian Language]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskiy Oblnatsizdat, 1932. – 142 p. (In Russ.)

VALGINA I.S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of Modern Russian Language]. – Moscow: Agar, 2000. – 416 p. (In Russ.)

Grammatika kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Kabardian-Circassian Literary Language]. – Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – 240 p. (In Russ.)

DZASEZHEV KH.E. *Sovremennyy kabardino-cherkesskiy yazyk. Sintaksis* [Modern Kabardian-Circassian Language. Syntax]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1969. – 155 p. (In Russ.)

ZOLOTOVA G.A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on Functional Syntax of the Russian Language]. – Moscow: Nauka, 1973. – 351 p. (In Russ.)

IL'ISH B.A. *The Structure of Modern English*. – Leningrad: Prosveshchenie, 1971. – 368 p.

KAMENSKAYA O.G., KAN R.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. V 3 ch. Ch. 3. Sintaksis* [Modern Russian Language. In 3 Parts. Part 3. Syntax]. – Tol'yatti: Izd-vo TGU, 2012. – 195 p. (In Russ.)

KRYLOVA O.A., MAKSIMOV L.YU., SHIRYAEV E.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoreticheskiy kurs. Sintaksis i punktuatsiya* [Modern Russian Language. Theoretical Course. Syntax and Punctuation]. – Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 1997. – 256 p. (In Russ.)

LEKANT P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of a Simple Sentence in Modern Russian Language]. – Moscow: Vysshaya shkola, 1986. – 175 p. (In Russ.)

PETROVA O.O. *Prostoe predlozhenie i ego struktura v teoreticheskikh issledovaniyakh i uchebnykh posobiyakh* [A Simple Sentence and Its Structure in Theoretical Studies and Textbooks]. In: Prepodavatel' XXI vek. – 2018. – № 3. – P. 385-393. (In Russ.)

PESHKOVSKIY A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Illumination]. – Moscow: Uchpedgiz, 1956. – 511 p. (In Russ.)

SKOBLIKOVA E.S. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Russian Language. Syntax of a Simple Sentence]. – Moscow: Prosveshchenie, 1979. – 237 p. (In Russ.)

TANASHEVA T.M. *Odnosostavnye predlozheniya v kabardino-cherkesskom yazyke* [One-Member Sentences in the Kabardian-Circassian Language]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2003. – 72 p. (In Russ.)

URUSOV KH.SH. *Kabardinskaya grammatika. Sintaksis, punktuatsiya* [Kabardian Grammar. Syntax, Punctuation]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 212 p. (In Russ.)

SHVEDOVA N.YU., IVANOV V.V., ARUTYUNOVA N.D., BONDARKO A.V. et al. *Russkaya grammatika. T. 2* [Russian Grammar. Vol. 2]. – Moscow: Nauka, 1980. – 709 p. (In Russ.)

EL'BERDOV KH.U. *Grammatika kabardinskogo yazyka. Sintaksis* [Grammar of the Kabardian Language. Syntax]. – Nalchik, 1945. Pt. 2. – 138 p. (In Russ.)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the Literary Kabardian-Circassian Language]. – Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. – 371 p. (In Russ.)

YARTSEVA V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. – Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 685 p. (In Russ.)

Информация об авторах

З.Т. Хашхожева – кандидат филологических наук, доцент.

А.Т. Бозиев – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

Z.T. Khashozheva – PhD (in philology), Associate Professor.

A.T. Boziev – PhD (in philology), Associate Professor.

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contrbution of the authors: The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства народов Кавказа

Научная статья
УДК 930.85
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-497-506
EDN: WTTCAG

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ Т.К. МАЛЬБАХОВА КАК НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

Гульфия Джамаловна Базиева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, gulfiyabazieyva@mail.ru, https: //orcid.org/0000-0002-1860-9856

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования библиотечного дела в Кабардино-Балкарии, в частности, этапы развития Государственной национальной библиотеки им. Т. К. Мальбахова. Проведен анализ советской культурной политики в области библиотечного дела. Отмечается, что просветительская миссия советского библиотечного дела развивалась как форма внешкольного образования и политической пропаганды. Базовой формой работы библиотек являлась идеологическая пропаганда, направленная на формирование патриотического воспитания в духе новых социалистических идей. Отмечается большой вклад Н.К. Крупской в развитие внешкольного образования и библиотечной сети. Выделены основные исторические этапы развития ГНБ им. Т.К. Мальбахова –период культурной революции (20-30-е гг. XX в.), военный и послевоенный периоды (40-50-е гг. XX в.), 60-80-е гг. XX в. – период социалистического строительства, постсоветский период – 90-е гг. XX в. – по настоящее время. Цель исследования: историко-сравнительный анализ развития библиотечно-библиографической практики ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова. В современный период государственная политика в области библиотечного дела ориентирована на новые методы библиотечной работы с фондами и читательской аудиторией, в том числе и в сети интернет. В результате исследования сделаны выводы, что ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова как важный информационный и культурно-досуговый центр выполняет основные функции в сохранении и развитии культуры и образования на территории республики: управляет и руководит процессами координации библиотечной сети; оказывает методическую помощь библиотекам республики; обеспечивает стабильность системы библиотечного и библиографического обслуживания населения КБР.

Ключевые слова: библиотечное дело; библиография; электронный каталог; библиотечный фонд; Государственная национальная библиотека им. Т. К. Мальбахова; Кабардино-Балкария.

Для цитирования: Базиева Г.Д. Государственная национальная библиотека имени Т.К. Мальбахова как научно-информационный центр // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 497-506. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-497-506. EDN: WTTCAG.

© Базиева Г.Д., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

STATE NATIONAL LIBRARY NAMED AFTER T.K. MALBAKHOV AS A SCIENTIFIC AND INFORMATION CENTER

Gulfiya D. Bazieva
Institute of Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, gulfiyabazieyva@mail.ru, https: //orcid.org/0000-0002-1860-9856

Abstract. The article examines the processes of the formation of librarianship in Kabardino-Balkaria, in particular, the stages of development of the State National Library named after T.K. Malbakhov. An analysis of the Soviet cultural policy in the field of librarianship was carried out. It is noted that the educational mission of Soviet librarianship developed as a form of extracurricular education and political propaganda. The basic form of work of libraries was ideological propaganda aimed at the formation of patriotic education in the spirit of new socialist ideas. There is a great contribution of N.K. Krupskaya in the development of out-of-school education and library network. The main historical stages of the development of the GNB named after T.K. Malbakhov – the period of the cultural revolution (20s-30s), military and post-war periods (40s-50s), 60s-80s. . – the period of socialist construction, the post-Soviet period – 90 s. – to the present. Research tasks: historical and comparative analysis of the development of library and bibliographic practice of the State Library of the KBR, the study of the main directions of bibliographic practice of the library. In the modern period, state policy in the field of librarianship is focused on new methods of library work with funds and readership, including on the Internet. As a result of the study, it was concluded that the State Library of the KBR named after T.K. Malbakhov, as an important information, cultural and leisure center, performs the main functions in the preservation and development of culture and education in the republic: manages and manages the processes of coordinating the library network; provides methodological assistance to the libraries of the republic; ensures the stability of the system of library and bibliographic services for the population of the CBD.

Keywords: librarianship, bibliography, electronic catalog, library fund, State National Library named after T.K. Malbakhov, Kabardino-Balkaria.

For citation: Bazieva G.D. State National Library named after T.K. Malbakhov as a scientific and information center. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 497-506. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-497-506. EDN: WTTCAG.

© Bazieva G.D., 2026
© Caucasology, 2026

Введение

В настоящий период в развитии библиотечного дела в Кабардино-Балкарской республике основную роль играют государственные библиотеки республиканского подчинения, общедоступные муниципальные библиотеки городских и сельских поселений, обеспечивающие реализацию конституционных прав всех жителей в КБР на свободный и равный доступ к информации, знаниям, культурным ценностям, что способствует повышению качества жизни, содействует развитию экономического, информационного, интеллектуального и духовного потенциала республики.

В период культурной революции большое значение имели избы-читальни –

первые очаги культурной работы, в военный и послевоенный период требовалось восстановить и возобновить работу библиотек, фонды которых были уничтожены фашистскими оккупантами, в 60-80-ее гг. XX в. советская библиотечная политика направлена на развитие единой библиотечной сети, подготовку профессиональных кадров библиотекарей и библиографов со средним и высшим библиотечным образованием. В «Государственной программе «Культура КБР» выделена подпрограмма «Наследие», которая включает следующие основные мероприятия:

– сохранение, использование, популяризация исторического и культурного наследия;

– развитие библиотечного дела;

– развитие музейного дела[1].

Основное мероприятие «Развитие библиотечного дела» подпрограммы отражает новый подход, призванный решить важнейшую социальную задачу – обеспечение права всех граждан Российской Федерации на свободный доступ к информации. Осуществление подпрограммы рассматривается как важное звено в обеспечении информационного сопровождения процессов экономического и социального развития Кабардино-Балкарской Республики, а также сохранности и доступности пользователям хранимого в библиотечных фондах национального культурного достояния.

Одна из основных задач библиотек – сохранение и приумножение ресурсов для дальнейшего предоставления их в пользование обществу – как настоящему, так и будущим поколениям. Библиотечные фонды – ценнейший информационный ресурс страны, который составляет значительную часть культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики.

«Библиотечный фонд» – совокупность документов различного назначения и статуса, организационно и функционально связанных между собой, подлежащих учету, комплектованию, хранению и использованию в целях библиотечного обслуживания населения;

«Национальный библиотечный фонд» – часть библиотечного фонда, имеющая особое историческое, научное, культурное значение, предназначенная для постоянного хранения и общественного использования и являющаяся культурным достоянием народов Российской Федерации»[2].

Исследованию проблем развития библиотечной сети в Кабардино-Балкарии посвящены работы С.М. Дозорца, М.Х. Герандокова, Х.И. Хутуева, в которых рассматривается советский период развития культурно-просветительной работы. В данных исследованиях подчеркивается важная роль Республиканской научной библиотеки им. Н.К. Крупской в развитии образовательной, художественно-творческой и воспитательной деятельности населения, в современный

[1] Государственная программа КБР «Культура Кабардино-Балкарии» на 2021-2030 гг. Утверждена Постановлением Кабардино-Балкарской Республики от 17 сентября 2013 г. № 256ПП // Электронный ресурс. Режим доступа: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/deyatelnost/respublikanskaja_celevaja_programma_o_razvitii_kultury_v_kbr.php (Дата обращения: 25.03.2026 г.).

[2] Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Электронный ресурс. Режим доступа: http:normativ.kontur.ru (Дата обращения: 21.01.2026 г.).

период ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова является крупным научно-информационным центром республики.

Основная часть

В Кабардино-Балкарской Республике система организации библиотечного обслуживания населения стала формироваться в начале XX в. Так, в 1910 г. небольшая группа местной интеллигенции открыла общедоступную библиотеку, в которой был принят устав, который не сохранился [Дозорец 1971: 29]. В советский период на базе Нальчикского реального училища была открыта массовая библиотека (20 июля 1920 г.), также открывались другие массовые библиотеки-читальни при школах и клубах в г. Нальчик, в том числе и в сельской местности (Ново-Ивановка, хутор Ново-Курский [Герандоков 1975: 78].

В современный период в Кабардино-Балкарской Республике осуществляют деятельность 165 общедоступных библиотек, 4 из которых имеют статус республиканских, в том числе Государственная национальная библиотека Кабардино-Балкарской Республики им. Т.К. Мальбахова (ГНБ КБР), Республиканская детская библиотека им. Б. Пачева, Республиканская юношеская библиотека им. К. Мечиева, Республиканская библиотека для слепых, 161 муниципальная библиотека[1]. ГНБ КБР является методическим центром для 420 различных библиотек, в том числе и ведомственных. Датой основания библиотеки является 14 января 1921 г., когда в Нальчике была учреждена центральная городская библиотека, которой был присвоен областной, а впоследствии республиканский государственный статус.

Открытие центральной городской библиотеки в г. Нальчик с собственным помещением, четырьмя штатными работниками, сметой расходов и т.д., явилось «крупным шагом в организации и постановке библиотечного дела в Кабардино-Балкарии» [Дозорец 1971: 8]. Вопросами внешкольного образования и развития бесплатной библиотечной сети занималась председатель Главполитпросвета, заместитель наркома просвещения Н.К. Крупская. Под ее руководством был проведен Первый библиотечный съезд РСФСР (1924), библиотечный поход (1929-1931 гг.), всесоюзная перепись библиотек (1934), социалистическое соревнование на лучший район по постановке библиотечного дела в деревне (1935 г.), теоретическое совещание по вопросам библиотечного дела и библиографии (1936 г.).

На Первом Всероссийском съезде по просвещению (1918 г.) Н.К. Крупская подчеркивала: «Одна из главных задач элементарной школы – это научить учащихся пользоваться книгой как орудием приобретения знаний. Учащийся должен научиться пользоваться словарем иностранных слов, разными справочниками, энциклопедическими словарями и т.п. Необходимо научить его пользоваться каталогами, указателями и т.п.» [Крупская 1982: 24].

[1] Государственная программа КБР «Культура Кабардино-Балкарии» на 2021-2030 гг. Утверждена Постановлением Кабардино-Балкарской Республики от 17 сентября 2013 г. № 256ПП // Электронный ресурс. Режим доступа: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/deyatelnost/respublikanskaja_celevaja_programma_o_razvitii_kultury_v_kbr.php (Дата обращения: 25.03.2026 г.).

В октябре 1923 г. ЦК РКП (б) принял постановление «Об усилении партийного влияния на работу библиотек». Проблемы социальной и идеологической работы библиотек были предметом обсуждения на съездах и совещаниях по культурно-просветительной работе и внешкольному образованию. «Что же такое изба-читальня? Это сумма всех форм просветительных учреждений в деревне. Ядро ее – читальня, но это в то же время и клуб, и справочный стол, и ячейка вокруг которой организуются и школа взрослых, и экскурсии, и спектакли, и разные практические мероприятия культурно-просветительного характера… Но самое главное – *изба-читальня является опорным пунктом для просветительной работы в деревне»* (*Курсив* Н.К.). [Крупская 1982: 101]. Основные направления советской политики по организации библиотечного дела: огосударствление и национализация, создание системы библиотечного образования, партийная система управления культурно-просветительными организациями оказали, в целом, положительное влияние на развитие бесплатной библиотечной сети. Несмотря на то, что «политизация библиотечной деятельности носила сдерживающую роль, деформируя научное пространство», не стоит «преувеличивать ее негативный эффект» [Плешкевич 2024: 77], – отмечает Е.А. Плешкевич.

Недостаток книг и подготовленных специалистов в области библиотечного дела тормозит работу в населенных пунктах республики. В этой связи Центральная городская библиотека г. Нальчика «организует 53 передвижки (в количестве 5480 книг), из них при сельских Советах (избы-читальни) – 30, при школах 23 – библиотеки» [Культурное 1985: 33]. Важным государственным мероприятием для подъема работы библиотечной сети являлся библиотечный поход 20-30 х гг., в котором принимали активное участие комсомол, кооперация, женотделы и др. В постановлении Главполитпросвета об организации библиотечного похода было обращено внимание на ряд проблем: библиотека на помощь выполнению пятилетнего плана, библиотека – на помощь социалистическому соревнованию, больше рабочих и работниц в библиотеки, вовлечение обученных грамоте в библиотеки и др. [Абрамов 1970: 306]. 28 июля 1934 г. Президиум Кабардино-Балкарского облисполкома специально обсудил вопрос о состоянии библиотечного дела в республике. В этом постановлении было решено развивать сеть библиотек, обеспечить их помещениями и необходимыми кадрами, работу книжно-библиотечных походов возложить на передвижные библиотеки с тем, «чтобы повседневно обслуживать предприятия, колхозы, школы, ликбезы» [Дозорец 1971: 29], предусматривалось создание школьных библиотек.

В период 40-50-х гг. XX в. Республиканская научная библиотека им. Н.К. Крупской принимала активное участие во всех значимых общественно-политических, культурно-массовых мероприятиях, Библиотека признана ценным объектом культурного наследия народов республики, общереспубликанским хранилищем документов, архивом национальной печати, научно-исследовательским, научно-информационным и культурным центром республиканского значения. В этот период были подготовлены рекомендательные списки литературы: «Что читать по военным вопросам», «Литература для военной подготовки», «Читайте книги антифашистских писателей» и др. В январе 1942 г. была организована книжно-иллюстративная выставка, которая состояла из трех разделов: «О жизни

и деятельности В.И. Ленина», «В.И. Ленин о защите социалистического отечества», «Под знаменем Ленина – вперед к победе» и др. После освобождения советскими войсками г. Нальчика от фашистских оккупантов в январе 1943 г. первой стала работать библиотека им. Н.К. Крупской, частично сгоревший фонд которой пополнялся за счет пожертвований жителей г. Нальчика. После окончания войны агитационно-пропагандистская работа библиотеки продолжалась. В сентябре 1946 г. отмечалось двадцатипятилетие автономии республики, в рамках этого мероприятия экспонировались выставки, проводились вечера встреч с участниками революции и гражданской войны, участниками Великой Отечественной войны [Дозорец 1971: 41]. В 50-е гг. XX в. работа Республиканской библиотеки им. Н.К. Крупской была также непосредственно связана с идеологической и культурно-воспитательной работой, методический кабинет издал инструктивно-методическое письмо «Работа библиотек в период подготовки и проведения 30-летия автономии Кабарды». В 1957 г. в связи с реабилитацией балкарского народа был издан Указ Президиума Верховного Совета «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР». В Дни показа достижений национальной культуры Кабардино-Балкарии в 1957 г. в г. Москва экспонировалась выставка «Литература и писатели Кабардино-Балкарии».

В период 60-80-х гг. XX в. усилилась работа по информационному обеспечению библиотек, были предприняты меры по превращению библиотек в центры массовой пропаганды политических, общеобразовательных, научно-технических знаний. В 1969 г. при Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина был открыт информационный центр по библиотековедению и библиографии, который вошел в 1972 г. в состав Информационного центра по проблемам культуры и искусства [Ванеев 1980: 127]. Центр курировал деятельность научных библиотек различных регионов, стимулировал работу справочно-библиографических и методических отделов. В 60-70-е гг. XX в. в Республиканской научной библиотеке им. Н.К. Крупской было издано более 100 названий различных методических и библиографических материалов «Что читать о Кабардино-Балкарской АССР», «Писатели Кабардино-Балкарии», «Цвети, любимый край» и др. [Хутуев 1972: 60]. Тематическую широту фонда раскрывает сводный краеведческий систематический каталог, который ведется с 1960 г. и включает не только сведения о краеведческой и национальной литературе, хранящейся в ГНБ, но и о тех изданиях, которые находятся в фондах крупнейших научных и учебных центров республики, хронологический его охват – с XIX в.

В 80-е гг. XX в. результатом библиографической деятельности является подготовка научно-вспомогательных указателей: «История Кабардино-Балкарии с древнейших времен до наших дней»; «История городов и сел Кабардино-Балкарской республики» и др.

На основе нотно-музыкального отдела, организованного в 1960 г., был открыт отдел искусств библиотеки, а в 1971 г. переименован в отдел литературы по искусству. Фонд отдела искусств включает около 50000 экз., книги составляют 18671 экз.; нотные издания, включающие произведения классической и современной музыки для исполнения на всех музыкальных инструментах – 18547 экз.; фонотека – 6837 экз.; ДПЗ-308; ДФ-197 экз.; периодика – 5415 экз., клавиры,

оркестровые партитуры, учебные пособия. В отделе также имеется фонд грампластинок, составляющий более 7 тыс. грампластинок. Для более активного использования фонда отдела и удовлетворения запросов читателей ведутся картотеки названий песен, диапозитивов, систематический и алфавитный каталоги нотного фонда и грампластинок[1].

В феврале 1981 г. библиотека награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР [Хутуев 1984: 416]. Несмотря на большие успехи в развитии библиотечной сети, культурного строительства в целом, реальная работа нередко сводилась к отчетности в вышестоящие органы, завышались показатели количества читателей, а также посещаемости. Исследования по развитию советской культуры, в том числе и библиотечного дела, нередко носили «декларативно-иллюстративный» характер [Зак 1981: 90].

В современный период изменились формы и методы библиотечной работы. С появлением новых информационных средств библиотеки становятся не только хранилищами национального фонда, но и электронными центрами обмена информации в сети Интернет. Национальный книжный фонд ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова формируется на основе обязательного экземпляра всей печатной продукции, выходящей в республике. Книжный фонд в целом насчитывает более 8 миллионов книг по всем отраслям знаний на русском, кабардинском, балкарском и иностранных языках и свыше 1 тыс. микрофильмов. Важным источником актуальной информации являются периодические издания, ежегодные поступления которых составляют свыше 40 названий газет и журналов.

Важную роль в пропаганде национальной истории, культуры и науки занимает отдел национальной и краеведческой литературы. В нем наиболее полно представлены печатные издания по истории и культуре народов, проживающих на территории Кабардино-Балкарии. Отдел национальной и краеведческой литературы является центром краеведческого справочно-библиографического обслуживания в республике. Ежегодно в отдел записываются 2500-2800 новых пользователей, посещают более 8000. Им выдается более 22000 документов.

Большим спросом у читателей пользуется ежегодный календарь знаменательных и памятных дат «Кабардино-Балкария: Время. События. Люди», который содержит не только перечень наиболее значительных памятных дат, но и библиографическую информацию о событии, а также фактическую справку о нем. Отдел, обладая ценнейшими историко-краеведческими документами, занимается не только удовлетворением информационных потребностей пользователей, но и является центром популяризации краеведческих документов. Широко используются тематические, юбилейные книжные выставки, проводятся литературные вечера, презентации книг, вечера воспоминаний, встречи, дни писателей.

В отделе искусств Национальной библиотеки регулярно организуются выставки картин местных художников, проводятся вечера-встречи с деятелями искусства, конкурсы, викторины и др. Пропаганде культуры и искусства народов, проживающих в Кабардино-Балкарии, способствуют биобиблиографические

[1] История ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова // Электронный ресурс. Режим доступа: https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/?%D1%80=24168 (Дата обращения 20.20.2026 г.).

словари, посвященные деятелям искусства, творческим коллективам, подготовленные сотрудниками отдела. Отдел осуществляет обслуживание пользователей на основе богатейшего фонда документов по искусству, включающего книжные издания, ноты, самую крупную в КБР коллекцию грампластинок, обладает наиболее полным собранием изданий по искусству республики.

В 2017 г. ГНБ им. Т.К. Мальбахова подготовила 8 библиографических указателей, в 2020 – 10, 2021– 10, 2022 – 3, в 2023 – 5, 2024 – 2, 2025 – 4, в текущем году – 3. «Три фланга мировой литературы: зарубежная, русско-советская, северокавказская» (в рамках программы 2013–2022 г. Международного десятилетия «Сближение культур»), «Буллинг как социокультурный феномен» (составитель Л.Т. Махиева, 2020 г.), «Содружество народов в соцветии культур, мультикультурализм: социально-философский взгляд» (2021), «Языковеды Кабардино-Балкарии: портреты ученых-педагогов (составители: А.Т. Махиева, В.В. Танова, 2026)[1].

Эпоха стремительного развития интернет-технологий требует ускорить процесс модернизации библиотек, превратить их в информационно-образовательные центры (центры общественного доступа) для самых различных категорий населения республики.

Сводный каталог библиотек республики, который ведется в режиме удаленной корпоративной каталогизации, насчитывает более 7,07 тысяч библиографических записей. На основе этих двух ресурсов предоставляются государственные услуги на портале gosuslugi.ru. Электронный каталог библиотеки содержит 130188 библиографических записей[2].

К 100-летию ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова в 2021 г. провела ряд юбилейных мероприятий: конференцию «100-летний юбилей. Общедоступные библиотеки в контексте становления и развития Кабардино-Балкарской Республики», викторину в рамках летних чтений для детей «Здесь – мой город», «Здесь я живу», краеведческий урок «Путешествие по Кабардино-Балкарии», выставку «По ступеням истории храма знаний: библиотека в лицах», а также справочно-информационный отдел подготовил телеочерк «История справочно-информационного отдела «Люди, события, факты».

В настоящий период большое внимание библиотека уделяет программно-целевой деятельности, направленной в первую очередь на поддержку юношеского чтения, разрабатываются соответствующие библиотечные программы, в том числе для читательской аудитории с ограниченными физическими возможностями, для категории читателей, находящихся в трудном социальном положении, в местах лишения свободы.

Наряду с определенными достижениями в области библиотечного дела су-

[1] Рекомендательные списки литературы справочно-информационного отдела и отдела текущей периодики // Электронный ресурс. Режим доступа: https://xn--90aae3anv.xn--p1ai/?%D1%80=24168 (Дата обращения 20.20.2026 г.).

[2] Государственная программа КБР «Культура Кабардино-Балкарии» на 2021-2030 гг. Утверждена Постановлением Кабардино-Балкарской Республики от 17 сентября 2013 г. № 256ПП // Электронный ресурс. Режим доступа: https://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minkult/deyatelnost/respublikanskaja_celevaja_programma_o_razvitii_kultury_v_kbr.php (Дата обращения: 25.03.2026 г.).

ществует ряд серьезных проблем, требующих принятия конкретных государственных мер: подготовка молодых специалистов с высшим библиотечно-информационным образованием, комплектование книжных фондов общедоступных библиотек республики, модернизация традиционных форм обслуживания населения, маркетинговая ориентация, способствующая развитию библиотек как образовательных и культурно-досуговых центров.

Заключение

В современный период необходимы: территориальная разработка организации и использования библиотечно-библиографических ресурсов ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова и библиотечной сети в целом, а также проблем многоаспектного использования рекомендательных указателей, фундаментальных библиографических пособий, обоснование путей и средств повышения роли библиографической информации и информационного обеспечения. В современных условиях библиотеки имеют право самостоятельно планировать свою деятельность, использовать дополнительные средства финансирования, создавать новые структурные подразделения и др.

Цель республиканской политики КБР в области библиотечного дела состоит в развитии и повышении качества библиотечного обслуживания, обеспечение стандартов библиографической деятельности, направленной на удовлетворение читательских запросов по всем отраслям знаний. Рекомендательные библиографические списки, в каком бы количестве они ни подготавливались, недоступные ни библиотекарям, ни читателям, необходимо заменить фундаментальными пособиями и издавать определённым тиражом. Обслуживание читателей – это руководство чтением, а не выдача книг, библиографическая работа – не формальное составление списков литературы, а работа с читательской аудиторией, культурно-досуговые мероприятия, пропагандирующие этнические и духовные ценности, должны оказывать влияние и на формирование читательского интереса к Книге – источнику знаний.

ГНБ КБР им. Т.К. Мальбахова как важный научно-информационный центр выполняет основные функции в сохранении и развитии культуры и образования на территории республики:

– управляет процессами координации библиотечной сети;

– оказывает методическую помощь библиотекам республики;

– обеспечивает стабильность системы библиотечного и библиографического обслуживания населения КБР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов 1970 – *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. – М.: Книга, 1970. – 455 с.

Ванеев 1980 – *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в СССР. – М.: Книга, 1980. – 230 с.

Герандоков 1975 – *Герандоков М.Х.* Культурное строительство в Кабардино- Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 238 с.

Дозорец 1971 – *Дозорец С.М.* Из истории библиотечного дела в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 62 с.

Зак 1981 – *Зак Л.М.* История изучения советской культуры. – М.: Высшая школа, 1981. – 175 с.

Крупская 1982 – Крупская Н.К. О библиотечном деле. – М.: Книга, 1982. – 447 с.

Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941). В. 2-х т. Т. 2. –Нальчик: Эльбрус, 1985. – 391 с.

Плешкевич 2024 – *Плешкевич Е.А.* Советская библиотечная политика по организации взаимодействия науки и общества в 1920-1930-х гг. // Труды ГПНТБ СО РАН. – 2024. – № 2. – С.71-79.

Хутуев 1972 – *Хутуев Х.И.* Из истории культурного строительства в Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 132 с.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры социалистической советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 450 с.

REFERENCES

ABRAMOV K.I. *Istoriya bibliotechnogo dela v SSSR* [History of library affairs in the USSR]. M.: Kniga, 1970. – 455 p. (In Russ.)

VANEEV A.N. *Razvitie bibliotekovedcheskoy mysli v SSSR* [Development of library science thought in the USSR]. M.: Kniga, 1980. – 230 p. (In Russ.)

GERANDOKOV M.KH. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii* [Cultural construction in Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1975. – 238 p. (In Russ.)

DOZORETS S.M. *Iz istorii bibliotechnogo dela v Kabardino-Balkarii* [From the history of library affairs in Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1971. – 62 p. (In Russ.)

ZAK L.M. *Istoriya izucheniya sovetskoy kul'tury* [History of the study of Soviet culture]. M.: Vysshaya shkola, 1981. – 175 p. (In Russ.)

KRUPSKAYA N.K. *O bibliotechnom dele* [On library affairs]. M.: Kniga, 1982. – 447 p. (In Russ.)

KUL'TURNOE STROITEL'STVO V KABARDINO-BALKARII (1918-1941). V 2-kh t. T. 2 [Cultural construction in Kabardino-Balkaria (1918-1941). In 2 vols. Vol. 2]. Nal'chik: El'brus, 1985. – 391 p. (In Russ.)

PLESHKEVICH E.A. *Sovetskaya bibliotechnaya politika po organizatsii vzaimodeystviya nauki i obshchestva v 1920-1930-kh gg.* [Soviet library policy on organizing the interaction of science and society in the 1920s-1930s]. IN: Trudy GPNTB SO RAN. – 2024. – № 2. – P. 71-79. (In Russ.)

KHUTUEV KH.I. *Iz istorii kul'turnogo stroitel'stva v Kabardino-Balkarii* [From the history of cultural construction in Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1972. – 132 p. (In Russ.)

KHUTUEV KH.I. *Stanovlenie i razvitie sotsialisticheskoy kul'tury sotsialisticheskoy sovetskoy Kabardino-Balkarii* [Formation and development of socialist culture of socialist Soviet Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus, 1984. – 450 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук.

Information about the author

G.D. Baziyeva – candidate of philosophical sciences.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на книгу
УДК 398(470.6:=[512.153]
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-507-510
EDN: YAVZTW

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «АККОЧКАРОВА (САНДЖИЕВА) Г.М. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕН: ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, СКАЗКИ, ПЕСНИ / АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ Г.М. АККОЧКАРОВА (САНДЖИЕВА); ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО, СОСТАВЛЕНИЕ, СЛОВАРЬ. – ЭЛИСТА: АУ РК «РИА «КАЛМЫКИЯ», 2025. – 288 С.»

Тамара Горяевна Басангова
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Аннотация. Рецензия посвящена анализу первого комплексного издания фольклорного наследия ставропольских туркмен – диаспорной группы, компактно проживающей на Северном Кавказе с середины XIX века. Книга, подготовленная Г.М. Аккочкаровой (Санджиевой) на основе многолетних полевых исследований (2012–2025 гг.), представляет собой систематизированный свод пословиц, поговорок, благопожеланий, песен и обрядовых текстов на местном диалекте с параллельным переводом на русский язык и обширным словарным приложением. В рецензии оцениваются методологические подходы автора-составителя, источниковедческая база, жанровое разнообразие материала, а также научная и практическая значимость труда для кавказоведения, фольклористики и диалектологии. Отдельное внимание уделяется фиксации редких обрядовых форм (шарамазан), этнографическим описаниям хозяйственных практик и роли цифровых технологий в современной полевой работе. Делается вывод, что рецензируемая работа восполняет существенную лакуну в этнографии Кавказа и служит важным инструментом сохранения нематериального культурного наследия в условиях языковой ассимиляции.

Ключевые слова: ставропольские туркмены; фольклор; пословицы; поговорки; диалектология; кавказоведение; этнография; устная традиция; шарамазан; благопожелания.

Для цитирования: Басангова Т.Г. Рецензия на книгу «Аккочкарова (Санджиева) Г.М. устное народное творчество ставропольских туркмен: пословицы, поговорки, сказки, песни / автор-составитель Г.М. Аккочкарова (Санджиева); вступительное слово, составление, словарь. – Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2025. – 288 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 507-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-507-510. EDN: YAVZTW.

© Басангова Т.Г., 2026
© ЭЖ «Кавказология», 2026

Book Review

REVIEW OF THE BOOK “G.M. AKKOCHKAREVA (SANDZHIEVA), ORAL FOLK ART OF THE STAVROPOL TURKMENS: PROVERBS, SAYINGS, FAIRY TALES, SONGS / AUTHOR AND COMPILER G.M. AKKOCHKAREVA (SANDZHIEVA); FOREWORD, COMPILATION, DICTIONARY. – ELISTA: AUTONOMOUS INSTITUTION OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA “RIA ‘KALMYKIA’”, 2025. – 288 P.”

Tamara G. Basangova
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Abstract. The review analyzes the first comprehensive edition of the folklore heritage of the Stavropol Turkmens, a diaspora group compactly residing in the North Caucasus since the mid-19th century. The book, prepared by G. M. Akkochkarova (Sandzhieva) on the basis of long-term field research (2012–2025), presents a systematized corpus of proverbs, sayings, blessings, songs, and ritual texts in the local dialect with parallel translation into Russian and an extensive dictionary appendix. The review evaluates the author-compiler's methodological approaches, the source base, the genre diversity of the material, as well as the scholarly and practical significance of the work for Caucasian studies, folklore studies, and dialectology. Special attention is paid to the documentation of rare ritual forms (sharamazan), ethnographic descriptions of economic practices, and the role of digital technologies in contemporary fieldwork. It is concluded that the work fills a significant gap in the ethnography of the Caucasus and serves as an important tool for preserving intangible cultural heritage under conditions of linguistic assimilation.

Keywords: Stavropol Turkmens; folklore; proverbs; sayings; dialectology; Caucasian studies; ethnography; oral tradition; sharamazan; blessings.

For citation: Basangova T.G. Review of the book “G.M. Akkochkareva (Sandzhieva), Oral Folk Art of the Stavropol Turkmens: Proverbs, Sayings, Fairy Tales, Songs / Author and Compiler G.M. Akkochkareva (Sandzhieva); Foreword, Compilation, Dictionary. – Elista: Autonomous Institution of the Republic of Kalmykia “RIA ‘Kalmykia’”, 2025. – 288 p.”. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2026. – № 3. – P. 507-510. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-507-510. EDN: YAVZTW.

© Basangova T.G., 2026
© Caucasology, 2026

Выход в свет книги Г.М. Аккочкаровой (Санджиевой) «Устное народное творчество ставропольских туркмен» [Аккочкарова 2025] является событием, выходящим далеко за рамки локальной этнической истории. Это первое комплексное и систематическое издание, посвященное фольклору одной из наименее изученных диаспорных групп тюркского мира на Северном Кавказе. До настоящего времени сведения о фольклоре ставропольских туркмен были разрознены, и сводились к единичным публикациям в местной периодической печати, либо к кратким упоминаниям в краеведческих очерках. Труд Г.М. Аккочкаровой, основанный на более чем десятилетней полевой работе (2012–2025 гг.), систематизирует огромный массив текстов, и вводит в научный оборот уникальный диалектный материал, находящийся на грани исчезновения.

Автор-составитель, по базовому образованию экономист, выступает в данном случае как яркий представитель национальной интеллигенции, которую волнует судьба маленькой диаспоры туркмен Ставрополья. Г.М. Аккочкарова – уроженка аула Маштак-Кулак, первые семь лет своей жизни она провела в этом селе. В 1957 г. семья Аккочкаровых переехала в Калмыкию, которая восстанавливалась после депортации (1943–1957 гг.). Автор книги никогда не теряла связей со своей родиной, она – носитель языка и член туркменской общины, что обеспечивает сборнику уникальную аутентичность. Записи велись не в кабинетной тиши, а в естественной коммуникативной среде: в аулах Маштак-Кулак, Чур, Шархалсун, Эдельбай и Нижний Озек-Суат. Широкий круг информантов, из более десяти человек, включая 90-летнюю Джантогай Таганову и учителя Фердеуз Ханафиевну Бекдурдыеву с их личными фотографиями в книге, создает эффект доверительного нарратива. Весьма показательно использование автором современных цифровых каналов, автором была создана группа в WhatsApp «Доганнар» и в социальной сети «Одноклассники» для уточнения и верификации собранных материалов. Такой синтез классической полевой этнографии и цифровых методов заслуживает специального внимания, поскольку он демонстрирует эффективный способ вовлечения диаспоры в процесс сохранения собственного наследия и может быть рекомендован как удачный пример для других регионов Северного Кавказа.

Рецензируемая работа охватывает практически весь жанровый спектр устной традиции. Наибольший интерес для лингвистов и фольклористов представляет раздел пословиц и поговорок (такылмалар, накыллар). Автор фиксирует так называемый «ставропольский диалект» с его ярко выраженными фонетическими особенностями (гортанное произношение «к»), сознательно отказываясь от литературной обработки текстов. С научной точки зрения этот подход безупречен, так как сохраняет живую артикуляционную базу, которая уже через одно-два поколения может быть полностью утрачена. В условиях, когда, по наблюдениям автора, даже в моноэтничных аулах дети перестают говорить на родном языке, данная фиксация приобретает статус лингвистического памятника высокой категории сохранности.

Бесспорной удачей сборника является включение редких жанров – кутлыклар (благопожелания) и саламлык (приветствия). Эти тексты содержат архаичные формулы социальной магии и этикета, позволяющие реконструировать систему ценностей кочевого общества.

Автором введены в научный оборот обрядовые песни шарамазан, приуроченные к празднику Ораза-байрам, их тексты отличаются традиционностью, ценны для изучения локальных практик диаспоры.

Эмоционально насыщенные разделы народных плачей (йирлар) и песен о возвращении на родину создают объемную картину социального быта туркменской диаспоры, отражая травмы голода, сиротства и вынужденных скитаний. Примечательно, что сборник не превращает фольклор в «застывший музей»: в него включены произведения местного автора XX в. Эшея Кувандыкова, что доказывает живую природу устной традиции, способной адаптироваться к вызовам

времени. Значительный объем (около 1500 единиц) туркменско-русского словаря с фиксацией диалектных форм превращает издание из простого фольклорного сборника в полноценный учебно-научный инструмент. Это пособие может быть востребовано не только учеными, но и преподавателями родного языка в школах Ставропольского края, где катастрофически не хватает дидактических материалов на местном диалекте. Также высокой оценки заслуживают этнографические приложения, описывающие традиционные способы мытья шерсти глиной и изготовления мыла из золы подсолнечника – эти материалы уникальны для изучения истории материальной культуры и адаптационных механизмов переселенцев. С научной точки зрения, книга Г.М. Аккочкаровой заполняет важную лакуну в панораме этнографического изучения поликультурного пространства Северного Кавказа. Она позволяет ввести в сравнительно-сопоставительный контекст фольклор туркмен, калмыков, ногайцев и русских Ставрополья. В рецензируемой работе корректно обозначены параллели с русскими пословицами, что открывает перспективы для глубоких сравнительных исследований в области народной педагогики.

Книга Г.М. Аккочкаровой (Санджиевой) представляет собой многолетний труд, имеющий культурное и научное значение. Издание служит ярким свидетельством того, что народная память способна сохранять свою жизненную силу даже в условиях диаспоры и ассимиляционных процессов, если находится подвижник, готовый взять на себя роль её хранителя. Рецензируемая работа рекомендуется широкому кругу читателей, а также всем исследователям, занимающимся проблемами этнолингвистики, устной истории и нематериального культурного наследия народов России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аккочкарова 2025 – *Аккочкарова (Санджиева) Г.М.* Устное народное творчество ставропольских туркмен: пословицы, поговорки, сказки, песни / автор-составитель Г.М. Аккочкарова (Санджиева); вступительное слово, составление, словарь. – Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2025. – 288 с.

REFERENCES

AKKOCHAROVA (SANDZHIEVA) G.M. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo stavropol'skikh turkmen: poslovitsy, pogovorki, skazki, pesni* [Oral folk art of the Stavropol Turkmens: proverbs, sayings, tales, songs]. – Elista: AU RK «RIA «Kalmykiya», 2025. – 288 p. (In Russ.).

Информация о рецензенте
Т.Г. Басангова – доктор филологических наук, доцент.
Information about the reviewer
T.G. Basangova – Doctor of Philology, Associate Professor.

Рецензия поступила в редакцию 15.06.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.
The review was submitted 15.06.2026; accepted for publication 29.09.2026.

Наши авторы

Абанокова Эмма Барасбиевна – главный специалист Управления внутреннего контроля ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: abanokova2016@mail.ru

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Акопян Завен Викторович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: zvakopyan@mail.ru

Атабиева Зарема Алихановна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: atab_zara@mail.ru

Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ralikaev@mail.ru

Алиомарова Патимат Абдулхаликовна – преподаватель кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.
E-mail: aliomarova.p@bk.ru

Апажева Елена Хасановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: yelena.apazheva@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии и этнографии Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: gbaz@mail.ru

Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры организации работы с молодёжью социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: muslim1971@yandex.ru

Басангова Тамара Горяевна – доктор филологических наук, заведующая сектором Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.
E-mail: basangova49@yandex.ru

Бейтуганова Залина Хажмуратовна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса института права, экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: beituganova7890@gmail.com

Бозиев Альберд Тахирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alberdboziev@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: aslan-borov@mail.ru

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ (2000-й год), главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: nikolay401@yandex.ru

Венков Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Воробьев Сергей Михайлович – кандидат политических наук, эксперт кафедры философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.
E-mail: sergey_vorobev_54@mail.ru

Гуртуев Расул Салихович – кандидат исторических наук, инженер-исследователь управления по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: rasul.gurtuev@mail.ru

Дзуганов Тимур Аликович – кандидат исторических наук, заведующий ЦИС НИЦ ЭСИИ ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dzughanov@mail.ru

Дзуганова Рита Хабаловна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dzug.rita@yandex.ru

Дириванкина Мария Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: dirivyankina@mail.ru

Ермаков Виктор Павлович – кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.
E-mail: ermakov@pgu.ru

Казаков Аслан Аликович – соискатель ученой степени кандидата наук ФГБНУ ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия; преподаватель кафедры ГиГПД ФГКОУ ВО «Северо-Кавказский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», Нальчик, Россия.
E-mail: mail@law-books.ru

Камбачоков Асланби Асланович – соискатель кафедры истории России и кавказоведения ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: bibulicheck07@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ketenchiev@mail.ru

Корытин Георгий Сергеевич – аспирант ФГБНУ «Институт этнологии и антропологии Российской академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия; специалист отдела по реализации общегородских межнациональных мероприятий ГБУ «Московский дом национальностей», Москва, Россия.
E-mail: e.korytin@list.ru

Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и кавказоведения социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

Куров Нурбий Заурович – аспирант ФГБНУ «Институт этнологии и антропологии Российской академии наук им. Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.
E-mail: bnurbi@gmail.com

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mamsirhb@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.
E-mail: liudmila.makhiieva@mail.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.
E-mail: bmusukov@bk.ru

Мутиева Оксана Саидовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.
E-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Ошроева Карина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: karinzal@yandex.ru

Такова Александра Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.
E-mail: sanatakova@yandex.ru

Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук, доцент, директор социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: muslimt@mail.ru

Тумаков Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Россия.
E-mail: denistumakov@yandex.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой и романской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: larisa_Kharaeva@ramler.ru

Хатухов Аубекир Михайлович – кандидат биологических наук доцент кафедры биологии, геоэкологии и молекулярно-генетических основ живых систем ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: aubekir_hatuhov@mail.ru

Хашхожева Загират Талибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zagirat_inkaz@mail.ru

Хубиев Башир Билялович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель кафедры ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ktiisr@mail.ru

Хуранова Лана Ахмедовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: lan.huran@yandex.ru

Шоранова Залина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Кабардино-Балкарского государственного университета ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ktiisr@mail.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2026

DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3

Подписано к изданию:
30.09.2026 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2026